

СВЕТЛАНА ГОЛЬШАНСКАЯ

КНИГА ТАЙН

Николас появился на свет позже своей эпохи. Раньше таких, как он, рожденных с даром противостоять демонам, ждали ратные подвиги и слава героев. Но сейчас их самих преследуют и казнят. Старый порядок отмер, но демоны остались. Чтобы исполнить данную отцом клятву, Николас отправляется на свою первую Охоту один. Впереди приключения и битвы встречи с другими одаренными и интриги врагов. Лишь бы истина за очередной раскрытой тайной не оказалась страшнее, чем можно вынести.

===== Глава 1. Печать мар =====

1549 г. от заселения Мунгарда, Авалор, Каледонские горы

Большой остров Авалор в Западном океане обдували холодные ветра осени. Скот с пастбищ гнали на зимовья, резали ту часть, которая не пережила бы морозы: кур, гусей, овец. Сытая жизнь отступала, начиналась тёмная пора, природа погружалась в спячку.

Наступила неделя Мардуна – праздник мёртвых. Второй день веселья уже шёл на убыль. Повсюду стояли столы с угощениями, на вершинах холмов полыхали костры. В эту пору их жгли особенно много. Пламя очищало людей, скот и землю от скопившихся за год грязи и бед. Но ныне запах дыма обрёл другой вкус – вкус крови и слёз, пролитых по погибшим собратям.

Четыре года назад орден одарённых богами Сумеречников-демоноборцев потерпел поражение в Войне за веру от сторонников Единого бога. Горстка уцелевших укрылась на севере острова, в Каледонских горах. Воители и странники, Сумеречники умели выживать в условиях, которые обычные люди сочли бы непереносимыми. В сырости и холоде пещер, в труднодоступных скалистых бухтах можно было лишь коротать свой век, а уж никак не рожать и воспитывать детей, которые бы обеспечили им будущее. Но целительница Риана готова была рискнуть.

В этот год ей повезло: её выбрали Владычицей-осенью. Нижнее белое платье укрывала ярко-оранжевая ткань, по спине волнами ниспадали медные волосы, украшенные венком из золотистых листьев, на лице – маска из мореной ели.

Целительница танцевала пластичней всех, сживаясь с ритмом приграничного времени. В праздничную неделю вторая половина её естества брала верх и проступала куда ярче. В канун нового года – Мардунтайда – в её почву упадёт семя Короля-охотника – мужчины в рогатой маске. Через девять месяцев у неё появится дитя, о котором она давно мечтала. Риана уже не надеялась зачать, ведь её муж Повелл погиб на войне.

По законам Сумеречников вдовы хранили верность погибшим супругам до конца своих дней. В древности жёны и вовсе восходили на погребальный костёр вместе с мужьями, чтобы не влачить дни в одиночестве, а воссоединиться с возлюбленным в следующем воплощении. Но со временем нравы Сумеречников смягчились.

В последние столетия на нарушение супружеской верности смотрели сквозь пальцы. Только целительницы, давшие клятву нести в мир незапятнанный свет и поддерживать священную жизнь, ещё чтители традиции. Для них существовала всего одна лазейка – в праздник мёртвых впустить в себя дух земли. Усопший муж ненадолго вселялся в тело

согласившегося на ритуал мужчины, чтобы зачать ребёнка.

До мечты рукой подать!

Ветер крепчал, кожу продирало холодом. Темнело низкое небо. Пламя костров опадало, несмотря на то, что в них подбрасывали всё больше хвороста и лапника. Даже музыка стихала, и пляска замедлялась, скованная мертвецким холодом.

Сами старые боги – Повелители стихий, если они ещё сохранили силы после того, как паства ушла к Единому богу, должны были защищать Сумеречников эту неделю. Но сейчас на праздник проник чужак – сгорбленная старуха в сером балахоне. Она двигалась медленно, не приминая пожухлую траву, не хрустела под ногами сухая листва. Сумеречники остолбенели: к ним шла вёльва-горевестница, неумолимая, как злой рок.

– Чем обязаны, о дальноглядящая? – спросил первым старый жрец Гвидион.

– Чем обычно – волей богов. Или седины и жизнь в изгнании повредили твою память, о мудрейший из наставников? – голос старухи скрипел, точно стволы сухостоя во время бури.

– Это вы, должно быть, забыли. Мы не станем слушать тех, кто сбежал на материк! – с презрением бросил неукротимый Мидрир, старший брат Рианы.

– Но боги у нас одни, – вёльва подняла застланные белым пологом глаза на праздничные костры. – И недоля тоже общая.

– Чего же от нас хотят... наши боги? – смиренно поинтересовался Гвидион.

Мидрир не удержался от колкости:

– Чтобы мы бросились на копья врагов во имя вашего мессии?

– Ваша смерть, как смерть любого Сумеречника – последнее, чего мы желаем. Наоборот, мы хотим, чтобы их стало больше, хотя бы на одного. Ты, – узловатый палец указал на Риану, – должна помочь страждущему. Так повелевают боги.

Ветер всколыхнул волосы старухи, затрепетало пламя в кострах, закачались ели на склонах.

– Но я Владычица-осень, я участвую в церемонии! Я не успею вернуться... – возразила Риана.

– Нет, сейчас боги повелевают тебе быть целительницей и поставить свой долг перед мирозданием выше собственных желаний. Это и есть твоя плата за будущее свершение.

– Выберите другого целителя. Здесь есть парочка не менее искусных. Риане нельзя ехать сегодня. Эту неделю на неё будут охотиться демоны, – Мидрир закрыл сестру своей мощной фигурой.

– Именно поэтому ехать должна она. Сил исполнить эту миссию достанет только у неё.

Вёльва направилась обратно в чашу.

Риана обнимала себя руками, глядя в тёмное небо. На лицо падали первые капли холодного дождя. В просвете между необхватными дубами показался белый единорог. Он подтверждал слова старухи: Риана должна ехать. Это не прихоть лживых вождей из соседней страны на материке – Норикии, куда бежало большинство Сумеречников.

– Не слушай её. Ты можешь остаться! – Мидрир положил руку на плечо сестры. – Ты имеешь право быть счастливой!

Почему так жестоко? Владычицей-осенью женщину выбирали лишь раз, священным жребием в ответ на молитвы и аскезы. Теперь Риана наверняка останется бездетной. Но ведь её муж Повелл так верил в их миссию, в бескорыстие и добродетель. Он бы сказал: этот шанс выпал тебе, чтобы совершить нечто по-настоящему важное не только для себя, но и для всех.

Риана обернулась к Гвидиону. Тот молчал, разглядывая хмурый ельник:

– Грядёт небывалая буря. Если желаешь, поспеши.

Он вручил ей фонарик из репы, чтобы отгонять демонов.

Риана набрала в грудь побольше воздуха и направилась к единорогу. Скользнул по запястью серебряный свадебный браслет.

«Прости меня, о возлюбленный Повелл, теперь мы встретимся лишь на Тихом берегу мёртвых».

Риана запрыгнула на спину лесного духа и вплела пальцы в серебряную гриву. Единорог помчал её туда, где ждал страждущий.

Тронутая инеем листва шуршала под копытами. Ветер завывал всё неистовей. Дождь то накрапывал, то прекращался, чтобы через несколько часов забарабанить с новой силой.

Вересковые холмы наливались колдовской зеленью, повсюду появлялись следы: конские, собачьи и похожие на человечесьи. Кровь стыла в жилах от их количества. В неделю Мардуна сонмы демонов-ши прокатывались по земле Неистовым гоном. Те, кто не успевал спрятаться, навеки оказывались в их плену. Уж Риана знала об этом не понаслышке.

Раньше демоны боялись Сумеречников и не показывались в таких количествах. Когда ордена не стало, они воспрянули духом и с каждым годом собирали всё более кровавую дань. Скоро и до тех, кто принял нового Единого бога, доберутся. Тогда люди поймут, на чьей стороне истина. Правда, какое это будет иметь значение, если против демонов никто не выстоит?

В канун Мардунтайда единорог выбрался из чащи на дорогу через Озёрный край, где начинались поселения единоверцев. Хруст листвы сменился гулкой дробью копыт по мёрзлой почве. Сквозь прореху в тучах выглянуло закатное солнце. В его лучах белая шерсть лесного духа отделилась нежным розовым цветом.

Риана благодарила богов, что никто не заступал им путь, хотя отовсюду сверкали хищные глаза ши. Показалась деревянная ограда большой усадьбы. Храп единорога подсказал, что они прибыли на место. Целительница спрыгнула на землю. На посеребривших деревянных воротах сохранилось светлое пятно – здесь раньше висел родовой герб Сумеречников. Видно, единоверцы выгнали прежних хозяев и забрали землю вместе с домами себе.

Зачем Риана здесь? Неужели чтобы помочь захватчикам?

Единорог подтолкнул её вперёд, моргнув зелёными глазами, и растворился за деревьями.

Риана постучалась. Ворота с жалостливым скрипом отворились сами, даже собаки во дворе не залаяли. Вокруг серого камня двухэтажной усадьбы сгущалась темень, беспроглядная, зловещая. Воздух млел и становился душным, несмотря на то, что за оградой была сырая осень. Зеленью вспыхивали дорожки ши, будто демонов тянуло сюда, как и целительницу. Солнце исчезло, луну и звёзды скрыли чернильные тучи. Они спускались всё ниже, края сверкали зарницами, в ушах стучало эхо приближающихся раскатов.

Риана скинула капюшон дорожного плаща и поднялась на широкое крыльцо. На её стук не сразу, но всё же ответили. На пороге показался темноволосый малыш в тёплой сорочке до пола. В руке мерцала свеча.

– Где твои родители? У вас кто-то болен? – спросила Риана, стараясь его не напугать.

Она могла бы почувствовать страдание с расстояния, но воздух пропитался колдовской

силой и сквозил опасностью.

– Нет. Отец! – позвал мальчик, обернувшись к лестнице.

Раздались торопливые шаги.

– Кто там? Джаспер привёл лекаря? – послышался взволнованный мужской голос.

– Лекарь не приедет. На улице буря, – неловко отозвалась Риана.

Примут ли единоверцы её помощь? Ведь догадаются, что она не обычная знахарка. Сумеречников они боялись, а особенно их способностей – божественного дара. Считали его злым колдовством.

В холл спустился мужчина лет двадцати пяти. Высокий и худощавый, с густыми иссиня-чёрными волосами. Глаза цвета зимних сумерек смотрели настороженно, ладонь лежала на рукояти заткнутого за пояс кинжала. Спину хозяин держал неестественно прямо, лицо осунулось от усталости.

– Эдвард, ступай навверх, – велел он, подталкивая мальчика к лестнице.

– А как же мама? – встревожился тот.

– Всё будет хорошо!

Бросив последний взгляд на Риану, Эдвард удалился.

– Не могли выбрать для мести более подходящее время? – с вызовом спросил хозяин. – Сумеречники уже целителей на грязную работу посылают? Как же ваш дар? Не боитесь потерять его, если нарушите клятву не причинять вреда братьям? Или обзывая нас предателями, вы отказываете нам в праве на жизнь?

Риана вскинула брови. Почему он так близко знаком с их путями? Аура ведь обычная, блёклая, без следа дара Сумеречников. Но, быть может, первое впечатление обманывало.

– Я не знаю, кто вы. Вэльва прислала меня помочь страждущему. У вас кто-то болен? Судя по всему, времени у него мало. Не тратьте его на споры.

Хозяин напряжённо раздумывал. Сверху раздался женский крик и подстегнул к ответу:

– У моей жены начались роды раньше срока, иначе я привёз бы лекаря загодя.

– У ребёнка есть дар Сумеречника? – с подозрением спросила Риана.

– Судя по всему. Мой старший сын неодарённый, но эта беременность проходила очень тяжело, – отвечал хозяин глухо, глядя себе под ноги.

Раньше рождение одарённого было праздником – такая гордость для родителей!

– Так кто же вы? Это важно, вы же понимаете!

– Моё имя Даррен Комри, – представился он нехотя.

– Сын Гэвина Комри, Утреннего всадника? – обомлела Риана.

Хозяин кивнул.

Всё встало на свои места. Гэвин Комри, прозванный Утренним всадником, был последним Архимагистром ордена Сумеречников. Это он объявил капитуляцию и закончил войну. Одарённые так и не простили ему это поражение. Сам Гэвин сдался в плен и взошёл на костёр, на котором единоверцы сжигали колдунов. Сочувствующие утверждали, что он пожертвовал собой, чтобы выжившие Сумеречники укрылись в Норикии, но большинство считало, что он предал орден, чтобы защитить своего сына-слабака. Мужчину, который стоял сейчас перед Рианой.

Зачем вэльва просила помочь ему, отверженному и среди своих братьев Сумеречников, и среди чужих единоверцев? Конечно, Риана могла бы отказаться, но бросить роженицу на произвол судьбы? Даррен прав: клятвы целителей, их дар требовал помогать всем, несмотря на симпатии или неприязнь. Пускай боги решают, какой участи достоин род

Комри.

Риана поспешила наверх, но Даррен перехватил её за запястье.

– На нём проклятье нежеланного ребёнка – печать мар. Перед казнью... – он судорожно вздохнул и впервые заглянул ей в глаза. – Перед казнью я навещал отца, чтобы сообщить о рождении моего первенца. Отец попросил, чтобы следующего своего сына я посвятил в Сумеречники. Даже после того, как вы отреклись от нас, он оставался верен вашим традициям. Я так злился на него за это, что в сердцах пожелал не иметь больше сыновей. Мне казалось, что печать мар – глупые суеверия.

Риана смерила его холодным взглядом. Древнейший род великих героев и полководцев, каким же жалким он стал. Проклясть собственное дитя по неосторожности? Из-за обиды и страха? Вот почему вокруг дома собралось столько демонов! Жаждают забрать нежеланного ребёнка себе, пускай даже Даррен раскаялся в своих словах.

– Принесите тёплой воды и чистые простыни, – велела целительница и поднялась в хозяйскую спальню.

Даррен оставил всё необходимое на тумбе у постели и, прежде чем вернуться в коридор, сухо сообщил:

– Её зовут Молли.

Роженица лежала на двуспальной кровати с высокими резными спинками. Простыни смялись, на лбу выступила испарина. Мучилась Молли долго. Изящная и хрупкая, мягкие медовые локоны сбились и разметались по подушкам слипшимися прядями. На худом бледном лице выпирали скулы, каре-зелёные глаза затуманила боль. Дыхание учащалось и становилось прерывистым.

Риана положила руку на живот роженицы, пропуская сквозь себя тяжесть её последних дней: отёкшие ноги, вязкое оцепенение, боли в спине и пояснице, пинки маленьких ножек. Схватки усиливались, разрывая тело на части. Сколько их уже было? Как же трудно дышать и терпеть! Даже кричать не получалось. Удерживать бодрствование удавалось с трудом, каждая новая вспышка грозила опрокинуть в беспамятство.

Крепись, милая, помощь уже близко!

Силы колдовской ночи переполняли Риану до края. Она протянула ладонь к горевшей на столе свече. Пламя скользнуло на пальцы, потекло по жилам, разжигая целительскую ауру до предела. Энергия полилась из руки, лежавшей на животе Молли, тонкими струями. Они сплетались в сеть и окутывали роженицу мерцающим коконом. Целительница отдавала ей всё, что удалось скопить. Лишь бы спасти!

Может, вельва выбрала Риану, потому что та сама мечтала о ребёнке и без труда прониклась чужим горем? Границы между их личностями стирались настолько, что целительница представляла этого малыша своим и не желала сдаваться. Она будет бороться до последнего.

«Давай, милая, ты сможешь! Я уже вижу головку».

Силы истощались слишком быстро. Не помогали ни прекрасное образование, ни богатый опыт, ни недюжинный талант. Словно ненасытная пасть пожирала всю магию без остатка.

Наконец багровый комочек лёг Риане в руки. Молли лишилась чувств. Щёлкнули ножницы, обрезав пуповину.

Риана погладила младенца по голове: тёмный пушок на ней был мягкий, как у птенца.

Сколько родов целительница приняла, а таких крохотных детей ещё не видела. Она потёрла его стопы, провела рукой по спине, пытаясь заставить закричать, но малыш оставался нем. Он не дышал.

На шее младенца у самого затылка возникла родинка. От неё по всему телу поползли, вспухая, красные пятна. Вот она – печать мар. Это она мешала ему жить!

Ноги подкосились, Риана упала на колени. На глаза навернулись слёзы. Неужели все усилия, её единственный шанс на материнское счастье – всё пропало зря?

Вокруг дома сгущалась темнота. Ветер молотил в стены, окна дребезжали от косых струй дождя. Громы раскатывались совсем близко, вспышки слепили. С улицы доносилось ржание водяных лошадей кельпи и лай борзых кун ши, вырисовывались на стекле тени уродливых хобгоблинов. Рыдали под окнами баньши, оплакивая последнего потомка древнего рода.

Неистовый гон! Демоны-ши пришли за малышом? Наверняка они тоже проклинают род Комри, ведь те столько веков проливали их кровь и загоняли под вересковые холмы. Утреннего всадника Гэвина демоны боялись пуще железа и солнечного света. Он и был всем этим – непобедимым оружием Сумеречников. Но он умер, и некому защитить его новорождённого внука.

Зашевелились занавески. По полу бежали трещины. Цепляясь за пол костлявыми зелёными руками, наружу вылезали мары. Их нагие, вытянутые, как жерди, тела укрывал полог из всклокоченных тёмных волос. Под ним полыхали колдовские глаза с вертикальными зрачками.

Шипение обжигало уши:

«Отдай! Наш он! Наш по праву! Отец его проклял. Не нужен он людям, отдай! Даже если не умрёт, страдать будет всю жизнь!»

– Нет! Нет, изыдите! – кричала Риана, прижимая к себе маленькое тельце.

Багровая паутина жил взбухла на нём всё больше, пеленая в тугой кокон, словно желала задушить. Нет, дети должны жить! Их так немного осталось! Так мало их дали взамен павших на войне мужчин бесчувственные боги. Если малыш умрёт сегодня, всё будет кончено. Не только для Рианы и рода Комри, не только для Сумеречников, но и для всего мира!

«Отдай! Он уже мёртв! Он живым никогда не был!»

Порыв ураганного ветра заставил мар замолчать. Окно налилось зеленью и разлетелось на призрачные осколки. Сквозь проём в спальню вошёл сам владыка ши Аруин – предводитель Неистового гона. Старый шрам расчертил его лицо по линии переносицы, одна половина – прекрасная белая, как у высших ши, а вторая красная, в незаживающих волдырях от ожогов. Посреди чёрных волос со лба свисала седая прядь. Единственный здоровый золотой глаз смотрел на Риану. Вытянулась отлитая из серебра рука, что заменяла отрубленную в древности.

«Знаю-знаю тебя, Риана-полукровка, – сипел глухой голос того, кто раньше пел звонче соловьёв. – И мать твою, перебежчицу, тоже знал. Её душа вернулась к нам после смерти. Теперь мы истязаем её вместе с теми, кто открыл сердце захватчикам. Хочешь освободить её от вечных мук? Отдай мне дитя! Оно моё по праву!»

– Нет! – Риана зажмурилась, пытаясь совладать со страхом.

Не умела она сражаться. Раньше целителей сопровождали воины и защищали там, где нужно было отнимать жизни, а не сохранять их.

– Лучше возьми меня. Без милого Повелла, без ордена, без шанса родить своё и выходить это дитя, мне незачем бежать. Я не боюсь!

«Ну же, полукровка, – серебряный палец вытер слёзы с её щёк, кусая морозом. – Пойдём вместе с нами. Отбрось людскую недолгу и выбери судьбу ши. Ты вырастишь это дитя как своё, твоё сердце снова сможет любить!»

«Ши живут во тьме под холмами. Их век долог, но в нём нет места теплу солнечного света, нежности, высоким порывам, – отвечала в детстве на расспросы Рианы мать. – Даже в скорби жить среди людей радостней, чем в стуже отравленного горечью сердца владыки Аруина».

– Нет! Вулкан-врачеватель, охрани жизнь! Уот Всемогущая, спали врага своим гневом! Брат мой, Ветер, помоги! Защити во Мраке длинной ночи! – взмолилась старым богам Риана, открыв глаза.

Луна разогнала тучи и заглянула в окно, устелив пол белой дорожкой. Послышались шаги, чеканные, как у воина. Неужели Повелл? Повелл вернулся, чтобы защитить любимую в самый страшный час?

Нет, этот воин был другим. Высокий, в холщовом балахоне, лицо скрывала овальная маска с тремя красными царапинами как от когтей. Ноги – босые, руки – пустые. Никакого оружия. Как он собирался драться?

«Явился-таки! – с ненавистью зашипел Аруин. – Я так долго тебя ждал! За всё горе, что причинил моему племени, ты заплатишь сполна! Ты и весь твой проклятый род!»

Незнакомец поднял голову. Полыхнули штормовой синева глаза в прорезях маски. Бездна в них, нечеловеческая сила, будто смотришь в тот мир, который не доступен ни Сумеречникам, ни даже демонам. Высший, страшный, непостижимый. Границы истончились настолько, что привели сюда неизведанное – Звёздного странника. Легенда ожила, самая древняя из возможных!

Дрогнув в страхе Аруин и отлетел к окну. Бежали мары и хобгоблины, кельпи и кун ши. Даже баньши больше не стонали под окнами.

Но владыка не пожелал сдаваться так легко. Он выхватил из ножен на поясе меч и бросился незнакомцу на спину. Оружие отскочило, ударившись о невидимую преграду. Незнакомец взмахнул рукой. Зелень вспыхнула сильнее, затрепетала лоскутами, в окне закрутился вихрь. Аруин распахнул рот в беззвучном крике. Серебряная рука отталкивалась от воздуха. Владыка бился, насколько хватало сил, но вихрь засасывал его всё больше.

Хлоп! Воронка свернулась, и всё закончилось. Пропал Неистовый гон, затаился в волшебных холмах. Тучи снова скрыли луну, но буря утихла, даже дождь прекратился. Остался только незнакомец. Он смотрел на ребёнка, словно тоже хотел забрать.

– Нет, слышишь, нет! Я уже столько пережила ради него! Не отдам! Он должен жить. Брат мой, Ветер... – кричала Риана.

Незнакомец приподнял маску. Жёсткие губы растянулись в улыбку, которую можно было назвать доброй. Она даже успокаивала.

– Ветер, ветер, ветер... – шептала Риана. Он и есть...

Опустившись на колени, незнакомец положил ладонь на малыша. Голубая дымка засочилась сквозь жилы печати, стирая их. Краснота спадала, незнакомец становился всё более неосознанным, пока не развеялся, как сон.

То ли в спальне стало светлее, то ли в голове прояснилось.

Ребёнок зашевелился и распахнул глаза. В них – та же синяя бездна, что и у незнакомца.

Вспыхнула на высоком лбу руна «перт» – тайна. Осветилась фиолетовыми огнями и потухла.

Раздался плач, затрепыхалось в груди сердечко, дыхание согрело пальцы.

Он жив! Её малыш... Только что же это было? Видение из-за истощения и усталости? Волшебство Мардунтайда? Но ведь с ребёнком всё хорошо. Обычный одарённый. Насыщенной синевой пульсировали жилы дара в его ауре. Малыш уже собирал энергию из воздуха и подпитывал ею свои силы.

Дверь распахнулась. На пороге спальни показался Даррен.

– Всё обошлось. Ваша жена проспит до утра, а потом надо будет отпаивать её лекарствами. Я приготовлю, если вы позволите, – предложила Риана.

Он подошёл к постели и погладил Молли по щеке. Комри славилась благородством манер и отменным вкусом. Их называли некоронованным королями. Они получали, что ни желали, самое лучшее. Даже этому слабаку досталась редкой красоты жемчужина. Знала ли она, кто скрывается за меланхоличной внешностью обедневшего аристократа?

Риана обтёрла малыша от слизи и закутала в одеяло. Такой обаятельный кроха – хочется укрыть его от всех напастей этого сошедшего с ума мира. Какова будет твоя судьба, малыш, родившийся в праздник мёртвых?

– Поскорее дайте ему имя! – целительница вручила ребёнка отцу.

Даррен опасливо взял его. Малыш затих и улыбнулся беззубым ртом.

– Я нарекаю тебя Николасом в честь первого короля Авалора. Так хотел твой дед, – произнёс Даррен полным нежности и тоски голосом. – У тебя его глаза. Как будто вновь его вижу, могу сказать и сделать всё то, что не успел. Всё исправить! Мой Николас...

Он прижал ребёнка к груди и принялся баюкать.

– Вот печать мар, – Риана указала на маленькую родинку на шее. – Ему повезло. У некоторых она остаётся уродливым пятном на пол-лица, красным или волосатым чёрным. Но даже так с одарённым малышом вам придётся нелегко. Не хотите отдать его в нашу общину?

Даррен нервно дёрнулся и закрыл ребёнка собой:

– Нет! Один раз я его уже предал. Больше я так не ошибусь!

– Уверены? – спросила Риана. – За ним приходил сам владыка ши Аруин. Мне удалось его прогнать, но каждый год в неделю Мардуна он будет возвращаться. Как только вы сомкнёте глаза, он заберёт малыша в царство под холмами.

– Значит, я не буду спать всё это время.

Риана вздохнула. По Кодексу Сумеречников до восьми лет детей запрещалось разлучать с родителями, ведь нет защиты сильнее, чем родная кровь. Но они всё равно встретятся, когда малыш пройдёт своё первое посвящение и попадёт на обучение в их общину. Тогда он станет сыном всем Каледонским Сумеречникам. Хотя нет, он уже их общее дитя, с самого первого удара сердца.

«Все усилия и лишения стоило этого чуда. Возрадуйся, мой дорогой Повелл!»

– Сколько я вам должен? – Даррен потянулся за висевшим на поясе кошельком. – Не знаю, какая у вас сейчас пошлина.

– Какая пошлина? Ордена давно нет, – невесело усмехнулась Риана. – Ваш отец его распустил.

Даррен поджал губы.

Не стоило вспоминать обиды этой и без того слишком длинной ночью.

Они вышли в коридор и направились к лестнице. Из-за приотворенной двери за ними

следил Эдвард.

===== Глава 2. Подкидыш =====

1556 г. от заселения Мунгарда, Авалор, Ловонид

Столицу Авалора заливал яркий свет, камни грелись, словно в печи, летнее солнце било в макушку. Старший брат Эдвард крепко держал Николаса за руку, пока они бежали к Площади наказаний. В тесном выходном костюме было очень жарко, новые башмаки тёрли ноги, особенно, когда на них наступали зеваки.

Отец не разрешал смотреть на казнь колдунов, но перед любопытством не устояли оба брата. Запрещают ведь только маленьким, а если ты решаешься послушаться, значит, делаешь шаг к взрослой жизни. Теперь Николас поймёт то, что отец называет «слишком сложным», станет умнее. Умному ведь приходится куда легче, чем несмышлёнышу, на которого взрослые смотрят свысока.

Поглазеть на казнь собралась нешуточная толпа. Такие воодушевлённые, зрители предвкушали большую радость. Глашатай рассказывал о том, как колдуны портили жизнь единоверцам: уводили мужей из семей, насылали на детей болезни, вызывали падёж скота и даже заставляли день испаряться прямо на глазах.

Между спинами мелькнул просвет. Братья юркнули в него и оказались в переднем ряду.

Мимо них прогремела чёрная телега и остановилась возле большого кострища посреди площади. В кузове сидели измождённые люди в лохмотьях. Лица пугали: будто обтянутые пергаментом черепа. Глаза заплыли до узких щёлок, на губах засохла кровь, кожу покрывали синяки и ссадины.

К телеге подошли рыцари из ордена Лучезарных. Их везде узнавали по голубым плащам с глубокими треугольными капюшонами. Именно Лучезарные охотились на колдунов и вершили над ними справедливый суд. Обычные же люди боялись и осуждённых, и палачей примерно одинаково.

Лучезарные начали выталкивать колдунов из телеги. Чахлая женщина упала. Её подняли и потащили к столбу посреди кострища. Следом за ней волокли мужчину, который плакал и молил о пощаде, вцепившись в локоть Лучезарного. Третий колдун осыпал палачей страшными проклятиями и обзывал предателями, а последний вырывался и пытался драться.

Только Лучезарные воспринимали происходящее холодно и бесстрастно, словно были мраморными статуями. Одни привязывали осуждённых, вторые поджигали хворост, третьи обводили зрителей изучающими взглядами.

Огонь перекидывался на дрова. Колдуны кричали и дёргались из последних сил. Дым скрывал тела, чтобы не так страшно было смотреть на мучительную смерть. Но толпа всё равно охала, девушки падали без чувств.

Николас ёжился, будто наяву ощущая, как это больно – сгорать живьём.

– И с тобой так будет, если станешь колдовать, – шептал Эдвард.

– Но я не умею ничего такого. Я просто... другой! – заспорил он.

– Уж конечно! Потому отец ото всех тебя прячет. Бойтся, что мы отправимся на костёр вместе с тобой. Подкидыш ты, демоново отродье!

– Неправда! Я – человек, как ты, отец, мама и Лизи!

Николас сжал ладони в кулаки от обиды. Ведь догадывался же, что Эдвард дразнить будет, а всё равно положился на него.

– Хочешь узнать правду?

Эдвард указал на высокого мужчину сбоку от них. Фигура статная: ноги длинные, бёдра

узкие, а ширине плеч позавидовали бы самые могучие воины. На белом плаще сверкала вышитая серебряной нитью сойка. Солнечные лучи отражались от собранных в пучок на затылке золотистых волос, создавая вокруг головы ореол. Крепкие руки были сложены на груди.

Мужчина безотрывно смотрел на казнь. Люди держались от него на почтительном расстоянии и бросали исподтишка испуганные взгляды. Никакой охраны. Да и нужна ли охрана тому, от кого веет суеверным страхом?

– Это Белый Палач, Архимагистр Лучезарных, лорд Микаш Веломри. Его глаза видят людей насквозь. Ни одно зло не спрячется от них. Подойди к нему и спроси, раз так в себе уверен. Или боишься? – Эдвард гаденько ухмыльнулся.

Николас выдернул своё запястье из ладони брата:

– Ничего я не боюсь!

Он решительно двинулся к Белому Палачу. Существуют в мире вещи куда страшнее: блуждающие в ночи кошмары, тревожные видения, липкое ощущение, что ты другой. Ненормальный. Есть в тебе что-то непостижимое. Лучше узнать правду сейчас, даже если она окажется ужасной, чем мучиться от подозрений.

– Нет, Ники, стой! Я же пошутил, я... – крикнул в спину брат, но Николай уже не слушал.

Он замер в шаге от лорда Веломри, разглядывая его обтянутую кожаной перчаткой ладонь. Такой могучий, одного движения рук ему хватило бы, чтобы переломить Николашу шею.

Что бы сказать? Шанс будет всего один: нельзя бляеть всякие глупости. Николай справится, он не малыш-несмышлёныш, как вечно дразнит Эдвард.

Толпа затаила дыхание, тревожно наблюдая за происходящим. Несколько Лучезарных уже спешили к ним. Нужно торопиться. Николай коснулся перчатки Белого Палача и выпалил совсем не то, что хотел:

– Скажите, заслужил ли я смерть?

Тишина сгущалась. Лорд Веломри оборачивался с таким видом, будто собирался отругать нахального мальчишку. А может даже высесть! Правда, что за глупая выходка?

Белый Палач застыл. Николай вскинул голову, разглядывая его жёсткое, будто выбитое в камне лицо. Оно вдруг вытянулось и побледнело. Расширились зрачки в разноцветных глазах – один голубой, другой зелёный. Заиграли на скулах желваки, затрепетали хищные крылья прямого носа, губы слегка разомкнулись, показывая ряд ровных белых зубов.

Взгляд Николаша скользнул на грудь лорда Веломри. Что-то чёрное билось на месте сердца, словно самая жуткая ночь. Её щупальца вились и пульсировали, сверкая ломаными гранями. Что же это такое?

Николай протянул руку, чтобы потрогать, но не успел. Между ним и Белым Палачом метнулась серая тень. Плотный плащ укрыл от взглядов. Голову сдавил спазм, из носа хлынуло что-то тёплое. Нет, Белый Палач его и пальцем не тронул, но, слизнув, Николай почувствовал привкус крови на языке. Только тогда стали различимы звуки: люди тревожно перешёптывались.

Неизвестный спаситель спросил с вызовом:

– Что же вы, лорд Веломри, так плохо держите себя в руках? Вас уже и дети пугаются. А ведь народ ещё не забыл, как вы избili предводителя Зареченского восстания во время казни. Неужели вы хотите повторения?

– Ах, Лесли-Лесли, что же вы тут делаете? Да ещё тайком от охраны? Я думал, подобные зрелища вам претят, – хрипло рассмеялся Белый Палач.

– Мой долг – защищать своих подданных. Я не хочу новой войны, а она случится, если вы не прекратите возмущать народ своими выходками.

– Не вам, мессир, меня осуждать. Людьми нужно управлять твёрдой рукой, чтобы у них не возникало и мысли о неподчинении. Идти до конца и не показывать слабости. Наш общий наставник, лорд Комри, хорошо вдолбил мне это в голову, а вам разве нет? – издеваясь, отвечал Белый Палач.

Незнакомец напрягся всё больше, теряя самообладание.

– Вы извращаете его слова. Лорд Комри никогда не позволил бы вымещать злобу на ребёнке. Не его вина, что вы повсюду видите глаза нашего общего наставника. Задумайтесь, может, это совесть не даёт вам покоя, ни во время казни зареченцев, ни сейчас.

– Разве я говорил что-то о его глазах? – возмутился Белый Палач шутливо, но вдруг посерьёзней: – Не играйте со мной, Лесли, доиграетесь. Времена, когда я был доверчивым простаком, давно прошли. Сегодня я не трону вас, но однажды вы оба заплатите за ваше зло сполна.

Николас приподнял полу плаща. Белый Палач удалялся к остальным Лучезарным, вся площадь облегчённо вздыхала.

Что произошло? О каком лорде Комри шла речь? Уж точно не об отце – нет у него никаких учеников. К тому же, Белый Палач выглядел старше. Он подтвердил, что в Николасе, как и в этом странном Лесли, есть зло, за которое они должны будут заплатить. Так почему же Лучезарные их отпустили? И что это за чёрная штука у лорда Веломри в сердце?

Лесли взял Николаса за руку и потянул прочь. Тот слишком ослаб, чтобы сопротивляться.

Они зашли в боковую дверь заурядного дома у выхода с площади. Лесли снял с себя плащ. Среднего роста, костюм он носил неприметный серый, почти такой же, какие любил отец. Ухоженное лицо выделялось тонкими чертами. Чёрные волосы были аккуратно пострижены до середины шеи. Сине-голубые глаза добродушно щурились.

Лесли взял батистовый платок и принялся вытирать нос мальчика от засохшей крови.

– Не бойся, Ники, ничего тебе не угрожает. Я друг вашей семьи. Гостил у вас в Озёрном крае, когда ты был маленьким. Твой отец скоро тебя заберёт, я уже послал за ним.

Николас задумчиво жевал губами. Можно ли ему верить? По виду Лесли добрый, защитил от Лучезарных. Но что ему надо на самом деле?

– Ты, наверное, голоден?

Лесли привёл его на кухню, усадил на высокую табуретку у стола и взял с подноса сахарный рогалик.

– Угостись. Ну же, он не отравленный. Честно!

Николас отодвинул от себя протянутую руку со сладостью. Есть не хотелось, наоборот, мутило и кружилась голова.

– Какой недоверчивый малыш! – Лесли отложил рогалик и ущипнул мальчика за щёку. – Белый Палач тебя напугал?

– У него чёрное сердце, – Николас, наконец, отдышался и нашёл свой голос.

– Ага, добротой не отличается. Лучше с ним не шутить, – Лесли улыбнулся шире.

– Нет, у него, и правда, чёрное сердце. Как такой... – мальчик задумался, глядя по

сторонам. Из кипевшей на печи кастрюли торчало бледное осьминожье шупальце. – Спрут, да, спрут, только угольно-чёрный, с большими присосками.

Лесли удивлённо вскинул брови, едва сдерживая смех. Николас поджал губы. Да, о таких вещах лучше не рассказывать, отец же столько раз предупреждал.

Хлопнула дверь в холле, послышались суетливые шаги.

– Где мой сын?! – донёсся из коридора знакомый голос.

Николас соскочил с табуретки и побежал навстречу. На пороге кухни показался взмыленный отец. Он сильный, он защитит от всего! Мальчик прижался к нему, отец ласково потрепал его по волосам. Встревоженное лицо смягчилось, морщины на лбу разгладились.

Отец поднял взгляд на «друга семьи»:

– Ваше В...

Лесли приложил палец к губам.

– Я здесь тайно. А ты? Я же просил не приезжать в Ловонид и уж тем более не тянуть сюда мальчика. Лучезарные ищут вас.

– Моей семье надо на что-то жить. А Ники я с женой оставить не могу, она с ним не справится. Я сам с ним не справляюсь.

– Он подошёл к Палачу и спросил: «Заслужил ли я смерть». Даже мне на мгновение показалось, что я вижу перед собой твоего отца. А Палача и вовсе будто уксусом раскаяния напоили, – потешался Лесли, но отец становился мрачнее тучи. Глядя на него, собеседник тоже посерьёзnel: – Объясни Ники, что к чему, чтобы не вышло беды. Когда-нибудь он станет спасителем для нашей многострадальной земли.

Значит, Лесли и Палач были учениками предыдущего лорда Комри? Деда? Почему отец никогда про него не рассказывал? В нём тоже было зло? Тогда чему он мог обучать лорда Веломри? Бред какой-то.

– Ники не ваш спаситель. Вам мало моего отца? Он взошёл на костёр больше десяти лет назад, а вы с Палачом до сих не можете поделить его прах. Я не хочу такой судьбы для своего сына!

– Даррен, ты не в силах... – Лесли осёкся. – Может, твоей семье следует уехать в Норикю? Вам предоставят самые лучшие условия и защитят.

– От себя самих? Нет! Лучше быть изгнанником, чем жить на милости тех, кто незаслуженно ненавидит моего отца.

– Хорошо! Но ты не представляешь, чего мне стоит хранить вашу тайну. Вот, – Лесли вручил отцу увесистый кошель.

– Это что, милостыня?! – покривился тот. – За кого вы меня держите?!

– Прошу, не начинай! Мы же не чужие. Просто не приезжай сюда. Присылай вести с доверенным человеком, и я достану всё, что вам надо. Раз ты сам не справляешься с сыном, разыщи наставника. Ники ведь уже почти восемь, время пришло. Хочешь, я возьму на себя и эту обязанность?

– Нет, – шумно выдохнул отец. – Это моя семья и моя жизнь. С нашими проблемами я разберусь сам. До встречи и всего самого лучшего, мессир!

Он потянул сына на улицу, шагая настолько широко, что Николасу приходилось бежать.

– Даррен!.. – выкрикнул напоследок Лесли.

Николас повернул голову, бросая последний взгляд на своего спасителя.

На улице мальчик вырвался из отцовской хватки и потёр передавленное место.

– Кто это был? – спросил он.

– Друг семьи.

– А что случилось с дедом? Это из-за него Белый Палач такой злой? Кого я должен спасти? И что, моими успехами в учёбе опять недоволен?

– Помолчи, Ники. Молчание – золото. Ты ещё мал – не поймёшь. И никому, слышишь, никому не рассказывай о том, что произошло сегодня, – отмахнулся отец.

Николас насупился и обнял себя за плечи:

– Да мне и разговаривать-то не с кем.

На углу большой улицы уже дожидался экипаж. Николас заскочил внутрь и забился в угол, закинув ноги на лавку. Напротив сидел изнывающий от беспокойства Эдвард. Отец устроился рядом с младшим сыном, и экипаж тронулся с места.

– Я же велел не ходить на казнь! – строго выговорил Эдварду родитель.

– Ники сбежал! – неловко оправдывался старший брат. – Ты же знаешь, он иногда как сквозь землю проваливается. Когда я его нашёл, он уже разговаривал с Белым Палачом.

– Он не виноват! Я сам сделал глупость, – заступился за него Николас.

Уж лучше соврать, чем наябедничать.

Отец полез в оставленную на сиденье сумку и сунул ему в руки альбом и деревянную коробочку:

– Смотри, что я тебе купил!

Николас отодвинул крышку: под ней оказались угольные стержни. Отец снова пытался подкупить его подарками. Мальчик взял самый тонкий стержень и начертил для пробы первую линию.

Отец обернулся к Эдварду:

– Нужно было взять его за руку и отвести на ярмарку, где выступали бродячие артисты. Я не успеваю везде один. Ты уже достаточно взрослый, чтобы брать хоть часть ответственности на себя!

– Я, как всегда, плохой, а он невинный несмышлёныш! – вспылил старший сын и отвернулся.

– Дело не в том, что кто-то плохой или хороший. Он – твой младший брат. Мы – семья. Нам не на кого больше положиться.

Отец бросил взгляд на рисунок Николаса. На листе уже красовался костёр и человек, который поднимался из него по ступеням к звёздному небу.

– Эй, я же по-хорошему просил! – отец вырвал лист и скомкал его, размазав уголь.

Николас печально потупился.

– Что вам стоит хотя бы сделать вид, что вы меня слушаетесь?! – разочарованно прикрикнул отец на обоих сыновей.

Усадьба Комри находилась в Озёрном крае, в северной части острова. Из столицы дорога туда занимала больше двух недель. Всё это время семья провела молча. Николас всего пару раз выезжал за пределы дома и теперь был уверен, что больше его никуда не выпустят.

А ведь он так мечтал путешествовать по дальним странам, узнавать новое, открывать тайны вроде той, что связывала их семью с Лесли и Белым Палачом. Жаль, что не с кем было этим поделиться. Эдвард только огрызался, отец запрещал быть самим собой, младшая сестрёнка Лизи пугалась, а мама и вовсе не понимала. Теперь до скончания жизни придётся прозябать с нудными учителями!

Нет, отец же на самом деле хороший: самый сильный, смелый, добрый и умный. Николас любил, когда тот что-то рассказывал или брался учить сам. Только жаль, что он был такой занятой и усталый. Часто у него не хватало времени на детей.

Больше всего неприятностей Николасу доставляла родинка у затылка. Она чесалась на непогоду или от волнения. Каждый год, когда приближалась неделя Мардуна, родинка набухала и сдавливала шею настолько, что не получалось дышать. Семь дней Николас мучился в постели от слабости, а иногда и от лихорадки. Странно, ведь другие недуги его не донимали, он даже не простужался никогда.

Отец проводил это время в спальне Николаса: вытирал лицо сына тряпкой, поил травяными отварами, успокаивал сказками и песнями.

С наступлением ночи ветви старых яблонь стучали в окна и изрисовывали стены тенями. Казалось, в дом заглядывают полупрозрачные призраки и демоны со спутанными волосами, за которыми не видно лиц. Самый жуткий из них – высокий и тонкий, как безлистная берёза, – владыка. Одна половина его лица чарующе прекрасная – белая с золотым глазом, а вторая, отчерченная шрамом по переносице, – уродливая красная, покрытая волдырями от ожогов. Он дышал на стекло инеем и выводил серебряным пальцем угрозы.

Его сладкий соловьиный голос пел:

«Ступай в мой сад теней, милое дитя. Мои дочери будут играть с тобой, петь и танцевать. Я заберу твою боль и страдания, я открою тебе тайну. Ты – мой».

Как бы заманчиво ни звучала песня, Николасу не хотелось никуда идти. Голос пугал обратной уродливой стороной. Только отец мог спасти от этого. Мальчик сбивчиво рассказывал ему о том, как призрачные пальцы касаются его и тянут прочь.

– Не бойся, – говорил отец, держа его крепче своими сильными руками. – Закончится неделя Мардуна, и всё пройдёт. Ты – мой сын, моя кровь. Я не отдам тебя никому.

Ради этих слов Николас готов был вытерпеть все муки. Кошмары развеивались. Становилось светлее, звуки стихали, и боль отпускала.

Дом встретил на удивление солнечной погодой, ведь большую часть времени здесь если не лили дожди, то было пасмурно и дули холодные ветра с океана. Сложенную из серого гранита двухэтажную усадьбу с высокими окнами оплетали налитые зеленью виноградные лозы. Широкое крыльцо и веранду обрамляли стройные колонны. Лужайки буйствовали влажной от росы травой. Шумели яблони в саду.

Ночь выдалась душная и влажная. Камень нагрелся настолько, что дышалось как в купальне, тело обливалось потом. Окна оставили открытыми, трепетали кружевные занавески. Жужжал над головой комар. Николас прислушивался к шорохам, разглядывал искажённые сумраком очертания мебели и пересчитывал балки на потолке.

Больше, чем темноты и бродящих в ней демонов, его пугали сны. Когда отца не было рядом, Николаса утягивало в солнечную страну из сказки. Казалось, что он действительно подкидывш, и там за горизонтом его кто-то ждёт.

На огромных крыльях он летел в мраморный дворец, парящий на золотом облаке. Нежный персиковый свет заливал широкие улицы. Башни походили на свечи с ободками оплывшего воска. По кругу постройки украшали терракотовые статуи: людей, обычных животных, крылатых сусликов с длинными хвостами. На площади у фонтана танцевали в белых хитонах босоногие девушки. Золото и драгоценные камни сверкали в их волосах, серьги оттягивали уши, массивные ожерелья качались на шеях.

Воздух пах сиренью и жасмином, кружили по мостовой белые и розовые лепестки. Но вот они серели, скукоживались и рассыпались трухой. Мрамор темнел. Тленный запах вызывал дурноту, от гари слезились глаза. Солнце закатывалось за горизонт. Навсегда.

Мир светлых грёз погибал, падали замертво обитатели. Вдалеке заходило в агонии дарующее жизнь сердце. Близкие молили о помощи. Николас мчался со всех ног, мчался к сердцу, к отцу.

Он же сильный, он защитит, всё исправит, оживит. Ни одно зло его не одолеет!

Возле статуй танцующих мальчиков мерцал силуэт отца. Со спины его обхватывал щупальцами чёрный спрут. Он рос, разбухал и грозил заполнить весь мир. С ненавистью смотрели его разноцветные глаза – один голубой, другой зелёный.

– Нет! Отец! Отец! – кричал Николас.

Тот боролся из последних сил, но всё же проигрывал. Что-то подтачивало его изнутри, пульсировало чёрными жилами, словно ему уже нанесли рану. Предательскую рану!

Николас смотрел на свои руки. Их по локоть измазала кровь, с пальцев капали багровые капли. Кровь эта – родственная, близкая, жгла ядом кожу, оставляя на ней смрадные язвы, которые не получалось увидеть обычным зрением. Метка убийцы.

Да что же это?! Нет, он не хотел! Не может быть! Неужели он – зло? Погибель для семьи? Неужели ему стоило взойти на костёр, чтобы спасти родных?

– Отец! – Николас тянулся к нему.

Так хотелось услышать его голос. Помочь, уберечь, всё исправить.

Но как только их пальцы соприкасались, фиолетовые огни били в глаза до слепоты.

Николас подскочил на смятой постели. Пот охлаждал кожу под рубашкой. Мальчик глотал ртом воздух, пытаясь отдышаться.

Первое время Николас прибежал в родительскую спальню и рассказывал отцу свой сон, но тот лишь отмахивался:

– Сейчас не неделя Мардуна. Опасности нет, как нет в тебе никакого зла. Никого ты не убивал и даже не пытался. И не хочешь ведь?

Нет, он не хотел! Он хотел быть хорошим, чтобы отец гордился им. Защищать всех, родных хотя бы, чтобы чёрные тучи никогда не накрывали его светлый мирок.

– Тогда иди спать. Всё пройдёт. Забудь.

Но эти «обычные» кошмары, более реальные и страшные, постоянно возвращались, как бы Николас ни старался их унять.

На этот раз вместо того, чтобы будить родных, он прислушался к звукам в доме. За стенкой посапывал отец вместе с мамой, в спальне с другой стороны брат, кряхтя, ворочался во сне, в следующей – сестрёнка Лизи. Она спала очень тихо, но Николас словно видел её тускло мерцающий силуэт. Все живы, всё спокойно.

Остаться дома Николас не мог. Стоило сомкнуть веки, как кошмары снова набрасывались на него. Хотелось на волю, в колышущийся тёмными волнами за оградой лес. Они с Лизи часто болтали о нём, играя на лужайке в саду.

– Он живой, – делился своими ощущениями Николас. – Дышит, когда ветер качает деревья. Смотрит множеством глаз. Разговаривает скрипом и шорохами. Плетёт заросли, пляшет тенями. Все звери, насекомые и птицы повинуются его воле.

– Это так страшно, – хохлилась сестра. – Я его боюсь!

– Нет! Это здорово! – спорил Николас. – Внутри ты становишься его частью, гораздо более важной и сильной, чем когда ты один. Видишь всё на много миль вокруг, чувствуешь

каждую ветку, каждый листик. Сила леса бежит по тебе через босые ступни до самой макушки. Кожа впитывает её, и ты можешь практически всё!

– Нет! Нет! – мотала головой Лизи. – Это какая-то магия, злая!

В её глазах читалось непонимание, и Николас замолчал. Лес был почти родным, правда, бродить там одному ему тоже запрещали. Днём.

Мальчик прокрался к сундуку, стараясь не скрипеть половицами. За ним были припрятаны разношенные башмаки и верхняя одежда: суконные штаны, рубашка, старый дублет с протёртыми рукавами.

Натянув на себя всё это, Николас вылез в окно. Черепичный карниз без труда выдерживал его. По шпалере, подставленной для виноградника, он спустился во двор. Отец ругался, мол, однажды доска прогниёт, или лоза оборвётся, или разобьётся черепица. Упадёшь – костей не соберёшь.

Николас действительно падал, когда конструкция намокала и становилась скользкой во время дождя, но приземлялся очень мягко. Одежду пачкал – да, но обходился без ушибов.

Вот и сейчас он спрыгнул на лужайку, пружиня по-кошачьи, выскочил за ограду и побежал по освещённой луной дороге между деревьями. Ступни скользили по мокрой от росы траве. Из груди вырывалось задорное улюлюканье.

Едва не споткнувшись о палку, Николас подхватил её и продолжил путь. Теперь она служила ему посохом. Он представлял себя старым странником, который спешит на встречу с юным героем, чтобы дать ему совет о будущих подвигах.

Заблудиться он не боялся – всегда улавливал верное направление, мог с точностью сказать, в какой стороне дом. Мама восхищалась им, а отец только поджимал губы, словно даже такой пустяк был опасным.

Между тонкими стволами сосен просматривался тёмный бархат океана, слышался рокот бьющейся о скалы воды. Соль усиливала запах хвои. Мелькнуло впереди белое пятно. Николас выбежал на поляну. Посреди неё застыла белая лисица, внимательно разглядывая пришельца. Станный зверёк, таких Николас ещё не встречал.

– Ты! – он указал палкой на лисицу. Та села на задние лапы и свесила голову набок. – Меня не обманешь! Под невинным обликом скрывается злой демон – девятихвостый лис!

Зверёк помахал своим единственным, пухлым и пушистым, хвостом.

– Нет, я не попадусь на твои уловки! – зарычал Николас и ударил себя в грудь кулаком. – Я грозный воитель, сразивший полчища демонов! Трепещи, я не боюсь тебя!

Палка со свистом рассекла воздух. Лисица с удивлением наблюдала за происходящим. Нет, Николас не собирался причинять ей вред и, уж конечно, никаким злом её не считал. Это была просто игра. И зверёк не отказывался в ней участвовать.

Крутанув палку вокруг себя, Николас перебросил её через спину и вновь замахнулся. Воинственно закричал. Сверху-внизу, мудрёный финт, рубящий удар! Укол остриём! Режущий! Блок, финт для защиты! Рипост! Уйти назад, кувыркнуться. Ох уж эти скоростные петли!

Вспоминалось всё, чему его учили на фехтовании. У него получалось! Николас даже собой гордился. Этот замах – сколько в нём силы! Настоящий враг такого напора не выдержал бы. Ноги не подгибались и шагали уверенно вперёд и назад.

Николас кувыркнулся туда-сюда, прошёлся колесом. Видели бы его учитель с отцом!

Вот тебе удар кулаком в ухо, зловредный демон! Что? Не ожидал, такого коварства, да? Я и не такое могу!

Николас махнул палкой почти у самой земли, снося вылезшие из мха иголки. Край прошёлся в дюйме от мордочки припавшего к земле зверька.

– Ой, прости! – Николас бросил палку.

Вроде же не попал, ничего не повредил, ведь правда?

Лисица подскочила и помчалась прочь.

– Эй, стой! Я не хотел! – побежал за ней Николас.

Нельзя потерять друга из-за такой глупости.

Лисица проскочила между деревьями к обрыву и, приняв себя к плескавшейся внизу воде, спрыгнула на камни. Перебираясь с одного валуна на другой, она спустилась к шумящему галькой пляжу.

Николас застыл, глядя на неё сверху. Камни-то скользкие, покрытые склизким мхом, а дальше острые края виднеются. Вдруг расшибётся?

Лисица, дразнясь, повернулась к нему: «Ты что, боишься? Слабак! А туда же, воином себя вообразил!»

Нет, он не струсит!

Николас полез по камням, балансируя руками. Воздух вокруг сгущался, от воды поднималась серебристая дымка и поддерживала, светясь голубыми огнями. Тусклыми, чтобы не было заметно издалека.

Отец говорил, что нельзя, только когда другие видят, а когда отворачиваются, можно. Николас ведь ничего плохого не делал: ни болезни не наводил, ни влюбиться не заставлял. Кому это вообще нужно? Не грабит и не убивает, значит, не злой пока.

Мальчик спрыгнул с валуна едва ли не в три ярда высотой. Застучала мелкая галька, разъезжаясь под ногами. Пришлось выставить перед собой руки. Но ничего не сломалось. А что ладони и колени поцарапались – с кем не случается?

Лисица взмахнула хвостом и помчалась наутёк. Николас хотел бежать за ней, но ощутил неладное. Будто приманенное его шалостями, к берегу приближалось нечто большое и страшное, нездешнее в отличие от лисицы, которая была частью леса.

Николас вглядывался в тёмную кромку океана. Волны плескались о борта плоскодонки, ловко ходил в руках лодочника шест. Он словно удлинялся в воде и отталкивался от самого дна. Но ведь здесь очень глубоко, лишь в некоторых местах скалы поднимались на поверхность.

Лодочник грёб всё быстрее. Водоросли освещали мчавших следом белобрюхих рыбин. Косатки! Это злобные косатки-тэму. Николас читал истории о том, как они расправлялись с рыбаками.

– Эй! Эгей! Берегись! – закричал мальчик, указывая на опасность.

Лодочник перенаправил плоскодонку к нему, гребя с утроенной силой. Демоны выпрыгивали из воды, поднимая тучи брызг. Сверкали ряды острых зубов в огромных челюстях. Лодочник стукнул подобравшуюся близко косатку шестом, но тот надломился.

Как же лодочник плыть-то будет? Его же сейчас съедят! Нужно помочь! Но он так далеко. А если испугается? Донесёт? Нет, нужно забыть о страхе и сомнениях.

Сохраняя в поле зрения лишь лодку, Николас вытянул руки и прищурился. Туман сгущался вокруг неё, ярче сияли водоросли, поднявшийся ветер толкал судно вперёд всё яростней. Лишь бы не разбить! Ничего подобно Николас раньше не делал.

Лодочник встал в такую же позу. К ветру подключилось течение. Разрезая морскую гладь, лодка летела к берегу. За кормой пенилась дорожка.

Косатки остервенели, словно помощь Николаса разозлила их пуще прежнего. Они уже бились в борта и кусали доски. Разлетались щепки. От плоскодонки остался только нос. Лодочник прыгнул в воду. Зачем? На поверхности Николас мог бы его загородить, а теперь... Его же разорвут!

Николас сжал пальцы, собирая сгущённый воздух в шары. Они устремились в высунувшуюся морду косатки, во вторую. Жаль, что в воде шары просто поднимали брызги и тут же гасли.

Лодочник вынырнул рядом с берегом. Николас побежал к нему. Чем он ближе, тем больше шансов его закрыть. Ледяная вода промочила одежду, ноги сводило, но мальчик двигался, борясь с течением. Сил ещё хватало, всё громче свистел ветер, стягиваясь вокруг него щитом и тараном одновременно.

Бедолага был уже совсем близко. Но там – глубина, каменистое дно уходило в бездну. Николас протягивал руки. Лодочник плыл из последних сил. Пасти косаток уже разверзались у его ног. Сожрут, а потом и на Николаса перекинутся! Нет, нельзя и думать о плохом.

– Это ты! – воскликнул лодочник. – Значит, мы будем жить! Мы ещё поборемся! Мы покажем, кто тут хозяин!

Их пальцы тянулись друг к другу, как бирюзовый океан смыкался с бездонно-синим небом за горизонтом, чтобы стать единым целым и обрести небывалую мощь. Пена взмыла в воздух стеной и ножами ударила в косаток, вода смешалась с кровью. Ветер нахлёстывал всё яростней и закручивался воронкой смерча, волны поднимались выше и выше. Николас поднялся на гребне и взлетел. Собиралась буря, он – в её сердце, он сам – сердце бури.

Через миг всё стихло. Ноги снова погрузились в воду и коснулись дна. Косатки пропали, а вместо лодочника в море прыгнул дельфин и помчался в сияющую водорослями пучину.

Что это было?!

Николас побрёл к берегу, весь промокший и продрогший. Он помог кому-то злому? Лодочник тоже был демоном, как косатки? Почему они нападают друг на друга? Почему лодочник так тянулся за помощью? Неужто Николас тоже демон? Подкидыш? А ведь он всего-навсего хотел защитить, спасти!

Домой пришлось бежать, чтобы успеть до рассвета. Забравшись в окно, Николас спрятал мокрую одежду в углу и завязал на запястье нитку, чтобы не забыть всё просушить, иначе отец всыплет ему так, что он месяц сидеть не сможет.

Николас вытерся умывальным полотенцем, просушил волосы и спрятался под тёплым одеялом. Спать оставалось всего ничего.

===== Глава 3. Наставник =====

1556 г. от заселения Мунгарда, Авалор, Озёрный край

Поздним утром, когда дом уже шумел хлопотами, в спальню заглянула мама.

– Вставай. Скоро занятия, – позвала она, настороженно глядя в угол, где была спрятана одежда.

От неё редко удавалось что-то утаить. Она отдернула занавеску, опустилась на колени и вынула неприбитую доску, под которой мальчик соорудил тайник.

– Ники-Ники, что же ты творишь? – покачала головой мама, вынимая наружу грязную одежду и сырые ботинки.

В отличие от отца ругаться она не умела, только расстраивалась и опускала глаза. От этого становилось намного неприятнее. Будто Николас действительно подкидыш и сосёт из

родных все соки.

Зевая, он натянул на себя чистую одежду, которую мама достала из комода. Мокрую она унесла дородной экономке Эмме. Строгая любительница порядка постоянно грозила надрать пострелёнку уши за очередную шалость, но не забывала впихивать ему лишнее печенье или кусок пирога, ведь он такой мелкий и щуплый, что все косточки сосчитать можно.

Николас спустился в столовую. На застеленном льняной скатертью столе его дожидалась тарелка с овсянкой. Устроившись на табуретке, Николас принялся завтракать. Он набирал кашу в ложку и водил ею у лица. На самом деле это вовсе не ложка, а шмель, который хочет пробраться ему в рот и искусать, чтобы всё внутри опухло, и он умер от удушья.

В дверном проёме появилась мама:

– Поторопись, милый! Эдвард уже ждёт тебя.

Ложка упала обратно в тарелку. Николас соскочил с табуретки, забрал из маминых рук деревянный меч, флягу с водой и полотенце на случай, если он измажется. Последнее происходило с ним часто.

– Ты же совсем не поел! – возмутилась мама, глядя на почти полную тарелку.

Раньше Николас выкидывал завтраки в окно, но когда измазанный в каше карниз обнаружил отец, то заставил сына вытирать грязь и надавал подзатыльников. Теперь приходилось доедать всё, что накладывали, а порой и добавку. Но сегодня Николаса мутило, а из носа грозила снова пойти кровь.

– Ты так никогда не вырастешь. Взгляни на Эдварда, на отца. Они хорошо питаются, поэтому такие большие и сильные, – уговаривала Николаса мама, поправляя его одежду и растрепавшиеся волосы.

– Это от того, что они – люди, а я – злой гном.

– Что за вздор! – мама упёрла руки в бока. Даже когда сердилась, она выглядела доброй и немного забавной. – Снова Эдвард подучил? Не говори так больше! Если бы ты высыпался, то и аппетит у тебя не портился бы. Ступай! И не бедокурь на занятиях.

Она вручила ему почищенную молодую морковку. Сладкую! Николас схрумкал её с гораздо большим удовольствием, чем невкусную кашу, поцеловал маму в щёку и побежал к ожидавшему на крыльце брату.

Эдвард молча ухватил его за запястье и потянул за собой. Брат до сих пор злился из-за случая на Площади наказаний. Он вообще не любил возиться с малявками. Лизи всё равно тянулась к нему, показывала своих кукол и рукоделие, раз за разом терпя пренебрежение. Николас же говорил: «Не больно-то и хотелось. Мне никто не нужен, я и сам смогу, совсем один». От этого Эдвард бесился ещё сильнее.

На площадке для занятий за оградой уже стоял учитель фехтования, мастер Лэйтон. Он был высокий, с зализанными назад тёмными волосами. Тонкие щегольские усики загибались кончиками вверх. Эдакий жук: сучит лапками, помогая себе объяснять урок.

Начинал мастер Лэйтон с длинных рассказов о дисциплине и правилах поединков. Николас уже выучил их наизусть, но не находил смысла. Какая разница, как ты кланяешься, в какие места бить можно, а в какие нет, какие приёмы использовать и сколько ждать, пока противник не подготовится к новой атаке?

В настоящей схватке никто этим заниматься бы не стал! Главное ведь выжить. Почему нельзя использовать хитрость, преимущества, которые давал маленький рост? Почему нельзя

облегчить вес деревянного меча, который был настолько тяжёл, что даже замахнуться не получалось?

После первых же занятий мастер Лэйтон заявил, что у Николаса нет даже десятой доли способностей его брата. Он обязан выполнять то, что ему скажут, и не напрашиваться на неприятности. Николас мечтал фехтовать и сам учился махать палкой, пока был слишком мал для уроков. Казалось, что его ждёт успех. Отец восхитится его способностями, похлопает по плечу, скажет заветное: «Ты мой сын».

Жаль, что всё вышло по-другому. После нескольких неудач Николас пожаловался отцу, что хочет бросить фехтование, но тот запретил. Мол, всё обязательно получится, если будешь стараться.

Он занимался больше, один и вместе с отцом в те редкие дни, когда тот выкраивал время. Вроде бы удавалось повторять стойки и удары, защитные финты, перекаты и даже сложные трюки, которые Николас выискивал в книгах. Но когда он приходил к мастеру Лэйтону, всё валилось из рук, а ноги становились тряпичными.

Учитель ругал его и бил деревянным мечом, чтобы он делал хоть что-то. А когда Николас использовал запрещённые приёмы, тот багровел и прогонял его с уроков. Теперь мальчик с нетерпением ждал, когда его отпустят и можно будет заняться куда более весёлыми делами. Без учителя намного лучше, когда ты у себя самый правильный ученик и никто не ругает непонятно за что.

Мастер Лэйтон показывал Эдварду, как делать кручёный замах снизу, потом отступать на шаг и нападать, чтобы продвинуться на два шага вперёд и приблизиться к противнику вплотную. Николас жмурился на ярком солнце и зевал, прикладывая ладонь ко рту. Чтобы не рухнуть, посапывая, он принялся крутить петли. Хоть меч и оттягивал руки, а мышцы напрягались и болели, ему нравился свист воздуха и круговые движения. Такая мощь в них – кажется, что даже слабаку под силу нанести значимый удар.

– И-я! – выкрикнул Николас, делая резкий выпад.

– Что ты творишь?! – обернулся к нему мастер Лэйтон. – Ты же едва не упал! Кто так равновесие держит?

Он ударил по ногам, чтобы Николас поставил их уже и перенёс вес назад.

– Плечо отведи назад и спину держи прямо. Голову оторви от груди и смотри на противника. Ты должен видеть всё пространство вокруг.

Николас сделал обычный ученический выпад.

– Не крути всем телом. Меч и рука от локтя – одна прямая. Делай шаг вперёд и укол, потом шаг назад и сначала.

Да он делал это много раз!

Мастер Лэйтон вернулся к Эдварду, а Николас принялся отрабатывать движения. Скучно! Нужно придумать что-то новенькое. Вначале он попробовал ступать всё шире и шире, насколько позволяли ноги, а потом начал менять их в прыжке. Вот это здорово, ух!

Вдруг ему на плечо легла ладонь. Замерев, Николас опасно повернул голову и встретился с укоряющим взглядом учителя.

– Ты можешь хоть немного послушать, что тебя говорят? Сейчас я покажу, чего стоит твоё бесконечное фиглярство!

Грядёт очередная порция тумачков.

Мастер Лэйтон встал напротив и вскинул меч. Николас опустил свой к земле, а хотел и вовсе выронить. Невзначай так. Учитель поддел его оружие ногами:

– Подними и не праздной труса!

Эдвард забыл про собственную тренировку и внимательно наблюдал за братом.

Николас стиснул зубы и всё-таки выставил меч перед собой. Вес оружия очень замедлял, а двигаться хотелось быстрее. Бесплезная громоздкая штука!

Замахнувшись сверху слева, учитель нацелился в плечо. Вместо того чтобы отбить, Николас пригнулся. Мастер Лэйтон перегруппировался и ударил снизу – Николас вильнул вбок.

Он докажет, что его идеи тоже имеют право на существование! Будет стойким и сильным, пускай даже маленький и слабый. Нужно предугадывать движения, реагировать и принимать решение мгновенно.

Николас увёртывался всё проворнее, отмахиваясь мечом лишь для вида, чтобы не растрчивать силы и дыхание. Один удар он всё же пропустил, и рёбра обожгла боль. Кроме противника уже ничего не существовало: только движения норовившей ушибить и искалечить деревяшки.

Он выдыхался быстрее учителя, несмотря на то, что мастер Лэйтон был медлительной громадиной. Если продолжать в том же духе, то проигрыш неизбежен. Нужно что-то сделать. Существовало множество вариантов, жаль, доступен всего один. Зато никаких мук выбора!

Учитель занёс меч для удара сверху и выставил вперёд ногу. Нырнув за деревяшку, Николас проскочил под коленом мастера Лэйтона и стукнул по второму мечом. Учитель вскрикнул. Мальчик навалился на его больную ногу и опрокинул на спину.

И кто тут не умеет держать равновесие?

– Ах, ты подлец! – зарычал мастер Лэйтон, опираясь на меч, чтобы подняться.

Николас припустил к лесу. Теперь точно влетит. От брата, от учителя, от отца. Даже мама расстроится! Может, лучше уйти? Будет жить в лесу с лисами и косулями. Его настоящая семья – злые гномы – заберут его к себе и научат, что делать таким, как он.

Бродить вдоль усадьбы вскоре надоело и, перемахнув через деревянную ограду, Николас вернулся в сад. В сарае с инструментами мальчик прятал «особый» альбом и уголь. Если отец увидел бы, что Николас там рисовал, то отобрал бы всё и сжёг. Но эти картины осаждали, как неуёмный зуд – хоть ты палочкой на земле рисуй.

Николас устроился в тени старой развесистой яблони. Угольный стержень затанцевал в пальцах, выводя на бумаге скачущих по волнам косаток. Оторвался мальчик, только когда живот заурчал от голода.

Яблоки были уже достаточно крупные, но всё ещё зелёные, только на верхушке румянились бока. Туда трудно добраться, ветки очень тонкие. Николас уже пробовал. Но есть иной способ.

Он воровато оглянулся по сторонам – никого. Глаза сощурились, взгляд отыскал цель. Голубой вихрь крутанул самое красивое яблоко вокруг черенка. Оторвавшись от ветки, оно полетело в подставленную ладонь.

– Ники! – позвала сестра.

Лизи в лёгком летнем платье подбежала к нему и села рядом, держа под мышкой тряпичную куклу Эву.

– Как ты это сделал?

– Фокус. Раскрывать их нельзя, иначе они перестанут работать.

– Тогда сорви яблочко и для меня!

Николас недовольно нахмурился. Необыкновенной способностью Лизи, курносой шестилетней девчушки с чёрными локонами и смеющимися васильковыми глазами, было умение заставлять всех домочадцев плясать под её дудку. Если что просила, то это непременно исполнялось, иначе... иначе просто не случалось!

Николас вручил ей своё ненадкусанное яблоко и высмотрел на ветке другое. Оно точно так же скользнуло в его ладонь.

Хрустя сочной мякотью, Лизи уселась рядом.

– Что это? – спросила она, ткнув пальцем в рисунок на его коленях.

Николас закрыл его от капающего сока.

– Это злобные косатки-тэму, а это, – он указал на силуэт закутанного в плащ лодочника, – морской колдун фомор. Они живут на подводном острове к западу отсюда. На шее у них жабры, как у рыб. В туманные ночи фоморы выбираются из глубин и пристают к нашему берегу, чтобы полакомиться случайными путниками. Я в книжке вычитал.

Лизи расширила глаза от ужаса:

– А зачем одни злодеи сражаются с другими?

– Может, они друг друга не любят, – Николас пожал плечами. – Если фоморы и косатки едят людей, это ещё не значит, что они не могут враждовать.

– Фу, какие ужасные! – поморщилась Лизи. – Зачем мне их войны? Лучше нарисуй фею с крылышками, как моя Эва.

Она погладила свою куклу.

– Я уже рисовал её раз десять! – фыркнул Николас.

Несмотря на то, что Лизи была жуткой плаксой и обожала девчачьи штучки вроде платьев, цветочков и украшений, Николас дружил с ней гораздо больше, чем с братом. Она его ни в чём не упрекала и прикрывала любые шалости. А когда она делала такие большие несчастные глаза... Нет, устоять он определённо не мог.

– Хорошо, я нарисую тебе фею в последний раз.

Лизи радостно хлопнула в ладоши.

В саду раздались шаги и громкие голоса. Нужно спасать альбом! Эх, жаль, времени уже нет.

– Этот ребёнок просто несносен! – ябедничал учитель. – Он не знает, что такое дисциплина и послушание. Он всё время ноет и не может сосредоточиться ни на одном задании. Искусство фехтования не терпит такого несерьёзного отношения. К тому же, посмотрите на его хрупкое телосложение. Мой вам совет, не тратьте свои деньги, а заодно и моё время зря. Он, кажется, хорошо рисует демонов из сказок? Отдайте его в подмастерье художнику, пускай храмы расписывает.

– Спасибо, но в ваших советах я не нуждаюсь, – огрызнулся отец. – Раз уж вы сами намекаете, то и в ваших услугах тоже. – Звякнули монеты. – Если захочет, Эдвард будет приезжать к вам самостоятельно пару раз в неделю. Бывайте!

Лизи забрала альбом и сунула за спину. Из-за деревьев появился отец.

– Что ты скажешь в своё оправдание? – строго спросил он, заметив и лежавшие на земле огрызки, и то, что Лизи держала руки за спиной.

Николас молча разглядывал носки своих сношенных башмаков.

– Он ничего плохого не хотел! – заступилась сестра.

– Конечно, – отец взял её за руки и заставил отдать альбом. Вглядываясь в рисунок, он тяжело вздохнул. – Лизи, ступай в дом. Сегодня все должны выглядеть празднично.

– Только не ругай его сильно! – попросила она, поднимаясь.

– Иди же!

Сестра припустила к крыльцу. Николас продолжал сидеть, не поднимая взгляда.

– Может, мне и правда стоит? Подмастерьем художника, м? Я не могу не рисовать, это сильнее меня, я... – он передёрнулся.

Отец взял его за подбородок и заставил посмотреть в глаза:

– Никогда и ноги моего сына не будет в единоверческих храмах.

Николас испуганно сглотнул: какой он сердитый!

– Сегодня к нам на ужин придёт новый учитель, самый лучший на Авалоре, а может, во всём Мунгарде. Пожалуйста, постарайся ему понравиться. От этого зависит твоё будущее.

– Какое там будущее, – Николас вырвался и скрестил руки на груди. Не умел он никому нравиться. И мечтать о том, как его оценят, больше не хотелось. – Снова придётся соревноваться с Эдвардом?

– Нет, – отец взял его за плечи и развернул к себе всем телом. – Этот учитель только для тебя. Он испытает твоё почтение, послушание и веру. Сделай всё, что в твоих силах и даже больше. Не разочаровывай меня!

Отец потащил Николаса к дому. Мальчик тоскливо смотрел то на лес, то на альбом в руке родителя.

Мама нарядила его в парадный костюм: тёмно-синие суконные бриджи и такой же камзол, очень узкий, расходящийся двумя клиньями на спине. Выправила белый кружевной воротник рубашки, из рукавов – манжеты. На ноги натянула белые чулки с оборками и чёрные, начищенные до блеска туфли.

Николас задумчиво поколупал ногтем серебряную пряжку на груди. Мама пригрозила пальцем:

– Не порви ничего и не испорть. Сегодня очень важный вечер. Потерпи и постарайся быть на высоте.

Она зачесала его волосы назад и внимательно осмотрела со всех сторон. Тесно, жарко, душно и жутко страшно! Что там за учитель? Почему на него возлагают столько надежд? Один вечер, конечно, можно потерпеть, чтобы родные остались довольны.

Раздался стук, послышались шаги на лестнице, заскрипела дверь. Николас выбежал в холл, где отец уже встречал гостя. Им оказался долговязый старик в балахоне из грубого льна. Гладковыбритое лицо подёрнула сеточка глубоких морщин, нос с крапинками походил на сморщенную сливу. Глаза под сросшимися на переносице бровями отливали яркой бирюзой. Седые волосы были убраны в конский хвост.

Учитель фехтования такой старый? Он же даже не ходит, а ковыляет, опираясь на белый посох. Как же он будет приёмы показывать? Стойку исправлять?

– Так это и есть Николас? – тонкие кривые губы растянулись в улыбку. – Много о тебе наслышан, молодой человек.

Опомнившись, мальчик сложил ладони лодочкой и поклонился:

– Приветствую вас, учитель!

Николас скосил взгляд на отца. Всё верно?

– Гвидион, – представился старик. – Что ж, приступим. Желаящий стать моим учеником должен омыть мои ноги после долгого пути, что мне пришлось проделать до вашего дома.

Николас испуганно вытаращился.

– Это неслыханно! Он ещё слишком мал, мы никогда... – возмутилась мама.

Отец оборвал её властным жестом и повернулся к сыну:

– Конечно, он всё сделает. Николас, ты ведь не боишься?

Раз уж начал, надо непременно дойти до конца.

Мальчик взял старика за руку и провёл к большому деревянному креслу в гардеробной. Мама принесла кувшин с тёплой водой, лохань, мыло, рогожку и полотенце. Она явно хотела посмотреть, как и притаившиеся за углом Лизи с Эдвардом. Отец вложил в руки учителя альбом и увёл маму, плотно затворив за собой дверь. Николас остался с Гвидионом один на один.

Старик ощущался не таким, как обычные люди. Более веским и плотным, как тот таинственный лодочник-фомор или Белый Палач. Это пугало, заставляло прислушиваться к шорохам и раздумывать над каждым действием.

Николас закатал рукава и опустился на колени возле ног Гвидиона, поднял полу балахона и снял со ступней стоптанные сандалии. Учитель листал альбом, исследуя рисунки.

– Да у тебя талант. Где ты видел все эти чудеса?

Он указал на самый страшный портрет двуликого владыки.

– Нигде. Просто... из сказок, снов, сам выдумал, – Николас пододвинул лохань к ногам Гвидиона и принялся поливать их из кувшина.

– А врать нехорошо, молодой человек, – цокнул языком учитель и отложил альбом.

Николас поёжился. Отёкшие ноги старика выглядели жутко: сухая кожа обвисала и собиралась в складки, на ней проступали бурые пятна. Вспухли, перевиваясь, жилы, царапались края старых мозолей, ногти желтели. Николас закрыл глаза и задышал часто-часто, повторяя про себя: «Я не слабак! Я ничего не боюсь! Ничего!»

Успокоившись, Николас принялся тереть ступни мылом. Вода в лохани быстро мутнела. Хоть бы не испачкаться! Может, это тоже часть проверки?

Старик достал из мешочка на поясе ольховые шарики. Узловатые пальцы перекачивали их, мерно постукивая. Николас вздрогнул и задел мозоль рогожкой. Шарик упал и со стуком покатился по полу.

Николас подскочил и вернул его обратно. Гвидион плутовато сощурился и снова бросил на этот раз намного дальше.

– Принеси!

Наставник считает Николаса дрессированной собачкой?! Мальчик сжал кулаки и снова сделал несколько глубоких вдохов. Нет, один вечер он выдержит! Ради отца... ведь так хотелось, чтобы тот им гордился.

Николас исполнил, что было велено, и, оставив воду, вытер ноги Гвидиона полотенцем.

Вредный старик снова бросил шарик, и тот укатился в дальний угол.

– Принеси.

Николас уже хотел подняться, но учитель с необыкновенной силой надавил ему на плечо.

– Нет, принеси его так, как можешь только ты.

Николас смотрел то на Гвидиона, то на шарик. Это тоже часть проверки? Если он нарушит отцовский запрет, если покажет свою силу, то его сдадут Лучезарным и объявят

колдуном!

Или... Отец говорил что-то про веру.

– Давай же! – потребовал Гвидион.

Нужно понравиться наставнику. Нужно смиренно выполнять его просьбы. Если перечить, все злятся. Нужно довериться. Но как же это трудно!

Николас выставил руку. Шарик влетел в раскрытую ладонь. Мальчик протянул его наставнику, глядя исподлобья. Закричит? Обзовёт злом? Эх, отец снова расстроится!

– Как же сильно тебя запугали, – Гвидион забрал шарик себе. – Я начинаю жалеть, что мы пошли на поводу у твоего отца и оставили тебя среди обычных.

– Обычных? А кто вы?

– Наставник.

– А вы... вы научите меня фехтовать?

– Нет, но я знаю одного из лучших фехтовальщиков в округе. Ты тоже познакомишься с ним, если у тебя хватит таланта.

Николас понурился, ведь мастер Лэйтон обзывал его бездарным.

– А чему же учите вы? – спросил мальчик, обувая ноги Гвидиона в войлочные башмаки.

– Жизни, – ответил тот и поднялся из кресла, опираясь на посох. – Идём, нас уже заждались.

Николас расправил одежду и подставил ему плечо.

В столовой уже был празднично накрыт стол. Николаса посадили рядом с наставником и отцом. Эдварда с Лизи устроили как можно дальше, чтобы мальчишки не задирали друг друга.

Взрослые вели скучные разговоры. Николас заставлял себя поглощать всё, что ему накладывали, пока не объелся до тошноты и отставил от себя тарелку. Хоть бы Эмма не пристала с добавкой!

Лизи и Эдварду повезло: они шушукались между собой, а Николасу полагалось сидеть смиренно. Ужин длился смертельно долго.

Когда стемнело, отец хлопнул в ладоши. Эмма с Джаспером принялись убирать посуду со стола, мать взялась руководить ими, Лизи с Эдвардом отправились в свои комнаты. В столовой остались только Николас, отец и Гвидион.

Старик устроил локти на столе и положил подбородок на ладони.

– Не страшно вам привечать в своём доме бунтовщика? – с издёвкой спросил он. – Особенно после того, как ваш отец нас предал. Решитесь уже, на чьей вы стороне.

Так он – бунтовщик против единоверцев?

– Как жаль, что нынче предательством у Сумеречников считается желание выжить, – процедил сквозь зубы отец. – Вы хотите отказаться от моего сына на этом основании?

– Если бы мы жаждали отказаться от вашего сына, то его уже давно не было бы в живых, – ответил Гвидион не менее строго. – Одарённые дети и прежде были драгоценной редкостью, а теперь в нашей маленькой общине они и вовсе не рождаются.

– Вы, Лесли, Белый Палач. Да мой мальчик прямо нарасхват! Не удивлюсь, если скоро и норикийцы потребуют отдать Николаса им, – горько усмехнулся отец.

– Мы этого не допустим.

Старик указал глазами на пустой табурет. Отец подхватил сына на руки и поставил туда.

– Потерпи немного, скоро всё закончится, – зашептал он и принялся снимать с Николаса одежду.

Вскоре тот остался в одном исподнем. Холод крался по коже мурашками. Мальчик обнимал себя руками, с трудом выдерживая направленный на него изучающий взгляд. Словно корову на ярмарке присматривали. За подбородок повертели, заставили зубы показать, в выпирающие ключицы потыкали. Да с таким цоканьем противным, мол, тощий ты слишком. А особенно тщательно рассматривали зудящую родинку, щупали, чуть шею не свернули!

– Узнаю породу, – усмехнулся Гвидион, отстраняясь от него. – Волчонок, глаза прямо искры пускают. Вот-вот куснёт.

– Николас! – пристыдил его отец.

Ну а что? Только он дерзить может, потому что взрослый, да?!

Но всё равно пришлось покорно потупиться.

– Сними с него амулет Кишно, – приказал наставник.

Отец застыл, словно боялся, как и Николас. Серебряный кулон на кожаном шнурке мальчик носил на шее, сколько себя помнил. Три закорючки, заключённые в круглую оправу с небольшими лучиками – отец не объяснил, для чего это нужно. Предупреждал только: никогда, ни при каких обстоятельствах не снимай кулон с себя. Даже если попросят, будут требовать или угрожать – никогда не снимай. А теперь отец сделал это сам.

Гвидион присвистнул, глядя поверх головы Николаса.

– Такой мощный дар! Неудивительно, что он не может сдерживать выплески. Если мальчик не будет пользоваться своими способностями ежедневно, то его разорвёт от копящейся внутри силы.

– Вы его обучите? – с надеждой спросил отец.

– Есть правила, которые нельзя обойти. Мы не посвящаем в наши секреты недостойных. Неужели ты не знаешь? – ответил Гвидион.

– Издеваетесь? Вы отказались от моего старшего брата Кевина, а потом на испытании саблезубый мелькарис оторвал ему обе ноги!

У отца тоже был брат? Сколько же ещё скелетов припрятано в семейном шкафу Комри?

– Соболезную, – холодно ответил Гвидион. – Но лучше недостойный погибнет от своего дара, чем получит такие знания, с которыми станет опасен для мира.

– Кевин никогда не был опасен, – возмутился отец.

– Не нам судить. Моё слово: мальчик должен найти в лесу оленя с золотыми рогами и принести их в качестве трофея. Ты запомнил? – Гвидион обернулся к Николасу. – Добудешь рога, и тогда тебя возьмёт в ученики настоящий мастер меча, а не то недоразумение, которое неодарённые зовут «учителем фехтования».

Николас удивлённо моргнул. Могло бы быть и хуже. Белую лисицу же он нашёл!

– Но у Кевина вы просили лишь отыскать оленя, – забеспокоился отец.

– Ставки стали выше, – дёрнул бровями Гвидион и направился к выходу.

===== Глава 4. Посвящение =====

1556 г. от заселения Мунгарда, Авалор, Озёрный край

На следующее утро Даррен поднял сыновей затемно. Мать помогла им одеться и собрался на охоту.

– Где ж я найду такого оленя? – вознегодовал Эдвард, когда отец высказал свою просьбу. – И зачем мне Ники? Он будет только мешать!

Младший брат потирал кулаком заспанные глаза. Мысли шевелились вяло, но заявление Эдварда заставило его встрепенуться.

– Не спорь, – ответил отец.

Николас схватил его за руку:

– Но ведь это моё задание. Ты что, в меня не веришь?

– Конечно, верю. Просто это очень важно. Ты же понимаешь.

Николас отпустил его и отстранился. От злости хотелось скрежетать зубами. Нет, он сможет, он всем докажет, даже противному старшему брату!

Эдвард схватил мальчика за руку и потянул на улицу. На ногах у них были удобные высокие сапоги, а за спинами полные стрел колчаны и луки.

С первыми лучами солнца братья ступили под сень леса. Выводили залиvistые трели птицы, ветер путался в густых кронах тополей и вязов. Восходящее солнце озаряло землю мягким светом. Туман затаивался в низинах, противясь власти наступающего дня. Пахло сырým мхом и грибами.

– Что за гость вчера приходил? Колдун? – поинтересовался Эдвард невзначай.

– Не знаю я, – отмахнулся Николас. – Взрослые дела, я не понял. Он учитель.

Отец запрещал разговаривать о таких делах даже со старшим братом. Не поймёт он, дразнить станет ещё больше.

– И чему же он учит? – Эдвард остановился и развернулся к нему, вглядываясь в глаза.

– Жизни, – пожал плечами Николас.

– Тоже мне наука, – посмеялся брат. – Ладно, что взять с глупыша? Сейчас я тебя по-настоящему учить буду.

Отец часто брал Эдварда на охоту. Он хорошо стрелял из лука и знал, где можно найти богатую добычу. Но одно дело выслеживать зайцев и тетеревов, а другое – разыскать диковинную тварь, которая вблизи тропинок не водилась.

Брат нагнулся к земле и указал на едва заметную раздвоенную выемку.

– Это след оленя.

Для оленя он был слишком маленький. Может, косуля? Николас поднял палец, чтобы высказаться, но Эдвард уже отвернулся к лесу.

– Вон трава примята, а у той ёлки лапки обломаны – явно тут прошёл.

Нет, брату надо дать шанс. Николас покорно следовал за ним по мокрой от росы траве. От спешного шага сучья громко хрустели под ногами, из-под сапог выкатывались шишки, ветки нахлестывали в лицо так, что мальчик устал увёртываться и весь промок.

Они бродили по лесу до обеда, пока не влезли в болото. Эдварду втемяшилось переправиться по кочкам на другой край. Проверая почву палками, они с трудом преодолели тряси́ну. Впереди поджидал бурелом: лапы поваленных елей устремлялись вверх непролазной стеной, торчали в стороны острые сучья сосен и осин. Кое-где дыбились заросли колючего малинника и можжевельника.

– Вряд ли бы олень, пусть даже трижды диковинный, сюда полез, – покачал головой Николас, по пояс забравшись в молодой ельник.

– Тоже мне умник нашёлся, – хмыкнул Эдвард и потащил брата обратно через болото.

Умаявшись, они присели на сырое бревно на другом краю трясины и достали овсяные лепёшки с вяленным мясом. Запив их водой из фляги, Эдвард задумчиво посмотрел на крадущееся за макушками сосен солнце.

– У меня есть ещё одно средство. Всё получится. Ты мне веришь? – он обернулся к брату.

Николас прищурился по-лиси и кивнул. По правде говоря, они так шумели, что даже

белок с зайцами распугали, не то, что оленей.

– Почему отец запретил брать с собой собак? – посетовал Эдвард и снял с шеи охотничий рог.

Поправив висевший за спиной лук, Николас поднял ногу. Под каблуком сапога застрял камушек и стучал при ходьбе. Нужно его выковырять, пока есть время.

Пришибив впившуюся в шею мошку, Эдвард набрал в грудь побольше воздуха, поднатужился и... Рог издал низкий звук.

Ветер лениво шевелил макушки деревьев, в отдалении добил кору дятел, тоскливо плакала кукушка. Олень не отзывался. Эдвард снова и снова трубил в рог, вспугнул стаю желтобрюхих синиц, но ничего не добился.

– Идём. Олень там! – напустив на себя уверенный вид, он упрямо двинулся дальше.

Братья долго кружили по звериным тропам, порядочно изорвав одежду. Временами Эдвард останавливался и дул в рог, а потом снова нёсся туда, где якобы прятался олень. Тени начали удлиняться, а кроме гадючьей норы под корнями старого дуба, ничего так и не нашлось.

Они остановились на небольшой поляне, где росли сосны с низкими ветвями. Эдвард принялся ползать по мху в поисках следов, но только испачкал колени.

– Ты заблудился? – не выдержал Николас.

Эдвард подскочил и глянул на него зло:

– Ничего подобного! Отыскивать след оленя – целое искусство. Уж точно занятие не на один день в компании такого сопляка, как ты. Стой здесь. И не так, как с Белым Палачом!

– Хорошо, – пожал плечами Николас.

Стоять на месте, значит, стоять на месте. Но шевелиться-то можно.

Эдвард полез на самую большую сосну, чтобы высмотреть дорогу.

Время вышло. Чтобы отыскать оленя, нужно действовать немедленно, иначе Николас потеряет наставника и разочарует отца.

Младший брат вытянулся во весь рост и раскинул руки в стороны. Веки плотно смежились, окунув в серую пустоту, из которой можно было вылепить всё, что угодно. Он пожелал получить крылья и стать птицей, исполняющей магический танец. Тук-тук-тук – сердце мерно отзывалось на медленные вдохи. Из макушки в небо ударил луч.

Происходящее стало различимо с высоты полёта. Даже мелочи различались на много миль вдаль – так не позволило бы видеть даже самое острое зрение. Деревья пели шорохом листвы и звоном иголок, поскрипывали стволами и стучали соками в такт. Ветер скользил между соснами и кружил сверкающие на солнце былинки. Пахло терпкой смолой и горькими травами. Ноги врастали в шелковистый мох, нитями грибницы проникали в землю и растягивались повсюду сетью.

Вон кабаниха ведёт детёнышей лакомиться желудями и откапывать корни у старого дуба. Сойки кормят птенцов в большом дупле. Кружит за лесом ястреб, высматривая в поле суслика. Конский щавель буйно колосится у самой кромки леса и роняет в землю семена. А вот и молодой олень. Рыжим горят бока, усыпанные светлыми пятнышками. Склоняется к ручью острая морда, золотятся на солнце мягкие шерстинки, покрывающие раскидистые рога.

«Где ты? Где?» – мысленно звал Николас.

Дорога выплелалась из голубых воздушных нитей. Их концы обвилились вокруг копыта оленя, чтобы тот не пропал.

Сосредоточенье прервал тяжёлый удар о землю. Послышался недовольный голос Эдварда:

– Что за дурацкие игры? Растянешься и лоб разобьёшь, а мне снова влетит! Сам-то даже пальцем не пошевелил, чтобы демонова оленя найти!

– Уже нашёл! – ухмыльнулся Николас и помчался за угасающим следом.

Лишь бы успеть, пока не пропадёт. У них всего один шанс! Деревья и кусты расступались, поднимались корни, мелькали тропы и большие дороги. Заветный ручей показался у стоявших раскрытой книгой замшелых валунов. Николас присел за кустами лещины. Олень вынюхивал вкусные пучки травы, не замечая охотника.

Плавно вынув лук, Николас наложил на него стрелу. Со стрельбой, в отличие от фехтования, у него проблем не было, с меткостью – уж точно. А силу и дальность можно увеличить с помощью «фокуса».

Он натянул тетиву и прицелился в горло. Постояй-ка смирно, олень!

Тетива уже почти соскользнула с пальцев, но вдруг с них что-то потекло. Как во сне руки до локтей оказались перемазаны в крови. «Убийца! Убийца! Подкидыш! Ты – зло!» – шумел в ушах низкий голос Белого Палача. Задрожали ладони, внутри туго взвилась струна. Она не позволяла выстрелить, заставляла стоять истуканом и смотреть.

Рядом раздался треск. В плечо толкнули так, что Николас упал.

Чудесный зверь медленно поднял морду, на кусты лещины уставились лиловые глаза. Несчастные глаза невинной жертвы.

«Не губи! Не губи!» – послышалась призрачная мольба.

Эдвард рядом согнул лук, свистнуло оперение.

Николас сощурил глаза. Сгусток воздуха ударил в стрелу. Наконечник проскользнул в нескольких пальцах от горла оленя. Зверь встrepенулся и помчался в лесную чащу, сверкая копытами.

Эдвард бросил лук и схватил брата за шиворот:

– Какого демона ты вытворил?!

– Ничего я не делал! Ты сам промазал! – вырывался Николас.

– Я никогда не промахиваюсь. Теперь придётся возвращаться ни с чем. Какой же ты бесполезный неудачник!

Брат отпустил. Николас взглянул на свои руки: пыльные и поцарапанные немного. Какое-то сумасшествие!

Не будет у него теперь никакого учителя, видно, действительно недостоин и должен умереть. А как отец расстроится!

Эдвард снова потянул Николаса за собой.

Хорошо, что дорога отыскалась быстро, и они успели вернуться к ночи. На крыльце призывно горели фонари, отец бродил по веранде из угла в угол, как загнанный в клетку зверь.

Заслышав шаги, он замер и спросил потухшим голосом:

– Не нашли?

Захотелось сквозь землю провалиться.

– Ещё как нашли! Только он, – Эдвард указал на брата, – отклонил мою стрелу!

– Перестань говорить глупости! – отец смерил их тяжёлым взглядом.

– Это ты перестань! Все прекрасно видят, как он творит непонятные вещи, а ты сговариваешься с подозрительными людьми. Мы попадём на костёр из-за ваших тёмных делишек!

– Иди в дом, – тихо велел отец.

– Ну, конечно! Больше ты ничего сказать не можешь! – Эдвард поднялся на порог и громко хлопнул дверью.

Отец опустил на ступени, поставил локти на колени и спрятал лицо в ладонях.

Николас устроился рядом и спросил:

– Я подкидыш, да? Дитя демонов. Поэтому у меня ничего не получается и все страдают.

– Нет! – отец развернулся и прижал его к себе. – Ты мой сын! Мой! Никогда не думай иначе. Смотри!

На ступеньке лежал гладкий камушек из тех, что дети собирали на галечном пляже за лесом. Камушек задрожал и пополз рывками.

– Отец! – воскликнул Николас.

Никогда не думал, что кто-то ещё так может. Что этим кем-то может быть его хорошо знакомый отец.

Он подхватил сына на руки, совсем как в детстве, когда любил катать его на своих плечах, и понёс в дом.

Возле комнаты в углу второго этажа отец поставил его на ноги. Это помещение никогда не открывали. Дети много раз пытались пробраться туда, надеясь разгадать отцовские тайны, но замок не поддавался ни одной шпильке, на окнах стояли решётки, а изнутри их закрывали плотные гардины.

Отец снял со шнура на шее увесистый ключ и со скрипом отпер проржавевший замок. Дохнуло затхлостью и скопившейся за много лет пылью. Николас чихнул. Отец подтолкнул его вперёд и, затворив дверь, принялся зажигать свечи в серебряном канделябре.

На стене справа висел портрет важного господина. Его волосы были заплетены в пучок на затылке, как у Белого Палача. Взгляд синих глаз пристально следил за гостями. На поясе висел меч в богатых ножнах.

Такой же меч покоился на соседней стене. Какой изящный прямой клинок! Опущенные вниз дужки крестовины украшал четырёхлистный клевер, сверкал коричневый камушек в наверху. Николас потянул к оружию ладонь, но тут увидел уродливую тень. Рядом висела косматая голова бурого чудища с кабаньими бивнями. Мальчик испуганно отпрянул.

Отец уселся в кресло за столом и устроил сына у себя на коленях.

– Знаешь, кто это? – спросил он, указывая на портрет.

Николас пригляделся внимательней. Теперь взгляд мужчины казался таким же печальным, какой был у отца, когда тот услышал о провале охоты.

– Знаменитый полководец?

– Да, твой дед. Гэвин Комри, его ещё называли Утренним Всадником. Это его кабинет. Он часто засиживался здесь до рассвета с бумагами и книгам.

Николас облизал пересохшие губы. Никогда бы не подумал, что дед был кем-то настолько важным. Казалось, его предки всегда жили затворниками в глуши Озёрного края и лишь изредка выбирались в ближайший городок на ярмарку.

– Раньше наш род состоял в ордене Сумеречников. Они все обладали необычными способностями и защищали людей от демонов, которых ты рисуешь в своих альбомах.

– Так они... Сумеречники были хорошими? – с трудом осознавал Николас.

– Они были героями. Но орден пал, когда пришли единоверцы со своими цепными псами – Лучезарными. Твой дед был последним Архимагистром. Именно он объявил капитуляцию и роспуск.

– Зачем? – ужаснулся Николас.

Теперь взгляд человека на портрете казался ему жестоким.

– Хотел, чтобы как можно больше Сумеречников спаслось от преследования. Он пожертвовал ради этого жизнью.

– Его сожгли на костре?

– Да. Он покаялся в том, чего не совершал, и взошёл на эшафот с развязанными руками. Многие до сих пор не простили его за это.

Отец шумно выдохнул. Видно, слова давались ему с трудом. Он мерно раскачивался на стуле, глядя сына по волосам.

– В детстве у меня тоже был дар, но я его потерял. Надорвался.

– Как?

– Из-за моего старшего брата. Кевин... он провалил своё посвящение, как ты сегодня. Не нашёл оленя.

– Так дядя Кевин был плохой?

– Нет, что ты! Не слушай вредного старика. Твой дядя был очень добрым, по-настоящему светлым, весёлым человеком. Его все любили: я, отец, друзья. Моя мать, твоя бабушка, умерла очень рано, и брат заменил мне обоих родителей. Отец ведь был очень занят по службе и хорошо, если приезжал домой раз в год. Он нашёл для брата другого наставника. В шестнадцать лет Кевина отправили проходить испытание, чтобы тот стал Сумеречником. В пустыне Балез Рухез на границе с Гундигардом он должен был убить саблезубого мелькариса.

Это так далеко к югу от Авалора! Должно быть, дядя Кевин объехал весь мир.

– Но в схватке с демоном он потерял обе ноги, – продолжил рассказывать отец. – Целители ордена вернули его к жизни и доставили домой. Он очень переживал, что превратился в калеку и Сумеречником уже быть не сможет. Отцу пришлось уехать из-за кризиса в ордене. Я старался подбодрить брата из последних сил. Когда никого из взрослых не оказалось рядом, он попросил меня принести кинжал с волнистым лезвием – подарок отца на его совершеннолетие. Я не знал, что он задумал и исполнил просьбу...

Отец снова прервался, дыша очень часто.

– Брат заколол себя у меня на глазах. Я всё смотрел на его истекающее кровью, холодеющее тело и не мог пошевелиться. Чувство вины сковывало меня по рукам и ногам, страх и скорбь глодали душу. Я свалился в беспамятстве и очнулся, только когда вернулся отец. Он отнёс меня в спальню и обещал больше никогда не бросать одного.

Живот скручивало по мере того, как Николас представлял себя на месте отца. Эдвард, конечно, противный, но такой участи он брату никогда не желал. Как бы отвратительно он себя чувствовал, если бы не смог его спасти! Как будто измазал руки братской кровью!

– Что-то сломалось внутри меня – мой дар, – продолжал рассказывать отец. – Поэтому я тоже не стал Сумеречником. Когда Эдвард родился обычным, я подумал, что силы оставили нашу семью, но с твоим появлением на свет ко мне будто вернулся мой отец. У тебя его глаза. Все, кто его знал, замечают это.

Николас снова посмотрел на картину. Теперь ему казалось, что он видит своё отражение. Неужели он станет таким же мрачным, полным горечи и разочарований в старости? Хотя вряд ли до неё доживёт.

– Я тоже останусь без ног? – спросил Николас после затянувшейся паузы.

– Что? Нет, конечно. Орден распустили, на испытания никого не отправляют, – смутился отец. – Не переживай, я что-нибудь придумаю. Может, напишу норикийцам. У них есть убежище для Сумеречников – Компания «Норн». Там тебя всему обучат, даже фехтованию. Хочешь жить не в этом захолустье, а в золотых дворцах Дюарля? Будешь компаньоном и защитником их мальчика-мессии. Говорят, он с Эдвардом одногодка.

Отец добродушно подмигнул, пытаясь успокоить сына после горьких откровений.

Да, Николас мечтал повидать мир, но семью бросать не хотел, даже Эдварда. А уж отца... нет, Николас не променял бы его ни на кого другого, лишь бы тот верил и гордился им.

Тишину нарушил громкий стук. Отец с сыном встали и поспешили в прихожую. Все домочадцы уже спали, полуночными только они вдвоём.

Дверь отворилась. На пороге в лунном сиянии вырисовался силуэт Гвидиона. Николас удивлённо выглянул из-за спины отца.

– Не думал, что увижу вас снова, – вскинул брови Даррен.

– Отчего же? Твой сын прошёл посвящение, и теперь видеться мы будем часто. Собирай вещи, Николас, завтра на рассвете я отведу тебя в нашу общину.

Отец просиял. Николас поражённо оттопырил губу и никак не мог решить, хорошо это или не очень.

Родители поднялись рано, помогая ему собраться в дорогу. В заплечный мешок, что был едва ли не больше самого Николаса, мама уложила сменное бельё, тёплую одежду, обувь. Лишнее брать с собой запретили, но мальчик умыкнул новый альбом и угольные стержни.

На рассвете Николас вместе с отцом вышли за ограду. Мама с Лизи остались наблюдать с крыльца и махали руками, с трудом скрывая слёзы. Эдвард, как всегда, надулся и выходить из дома не пожелал.

На краю буковой рощи ждал Гвидион.

– Слушайся наставника, не шали и не забывай о нас, – напутствовал отец, склонившись к макушке сына.

– Я не подведу. Ты веришь? – Николас оттопырил мизинец левой руки.

Отец подцепил его палец своим и улыбнулся.

– Мы будем скучать! – кричал он на прощание.

Николас вместе с Гвидионом ступили на лесную тропу. Из болотистых низин выползал туман, укутывая землю полупрозрачной дымкой. Утро выдалось зябким несмотря на то, что лето ещё не закончилось. Николас плотнее запахивался в плащ, торопливо вышагивая к северу, навстречу диким Каледонским горам. Вскоре он отыскал подходящую по росту палку и стал опираться на неё, как наставник – на посох. Лямка от тяжёлого мешка жгла плечо.

Николас поправил её и спросил:

– Когда начнутся занятия?

– Уже начались, – охотно ответил Гвидион. – Как только я пришёл в ваш дом. Скажи-ка, что ты уже понял?

– Что надо уважать и доверять своему учителю? – вспоминая, как мыл его ноги, ответил Николас. – Это не сложно.

– Великие откровения скрываются за простыми вещами. Запомни это. Если ты не доверяешь своему наставнику, то он не сможет тебя обучить, как бы вы вместе ни старались.

Николас в задумчивости пожевал губами.

– Но я же не убил оленя, как вы хотели. Не смог!

– О, ты как раз должен был догадаться, что оленя убивать не стоит. Твои способности могут быть очень разрушительными, если ты не чувствуешь, что делать можно, а что – нельзя. Я, конечно, объясню тебе все правила, но разум лишь подскажет, как их обойти. А вот сердце, внутренняя суть сделать этого не позволит, если ты истинный Сумеречник. Слушай себя, доверяй своему чутью. Только оно подскажет правильный выход, когда все остальные чувства и даже разум подведут.

– Значит, я не зло?

– Нет! Что бы ни говорили Лучезарные, твои способности – не зло. Всё зависит от того, как ты их используешь, какие поступки совершаешь. Пока ты не сделаешь ничего плохого, злом ты не станешь.

– Но недавно я кое-что сделал, – Николас перебирал пальцами, не зная, как сказать. – Я спас демона-фомора. Он сражался с косатками-тэму, и мне показалось, что ему нужна помощь. Это было как с оленем. Просто... чутьё подвело?

– Возможно, это был не демон. Возможно, он окажется полезным в будущем. Он теперь в долгу перед тобой и однажды обязан будет его отдать.

– Чем? Похищенными детьми?

Николас не сдержал смешок и снова уставился себе под ноги. Как же это трудно, быть послушным и учтивым!

– Понимаю. Ты слишком долго жил среди обычных, а в наше время, когда всем заправляют единоверцы с Лучезарными, это очень непросто. Мы хотели забрать тебя в свою общину сразу после твоего рождения. Среди нас ты не чувствовал бы себя таким потерянным. Но по нашим традициям забирать детей от родителей можно, только когда они достигают восьмилетнего возраста. Тогда учим их жить самостоятельно и сражаться с демонами.

Как много, оказывается, о себе и окружающем мире он не знал.

– Но почему же единоверцы так ненавидят таких... таких, как мы? Почему Лучезарные называют Сумеречников демонами и жгут на кострах? Я видел Белого Палача, у него чёрное сердце!

– Чернее некуда! – рассмеялся Гвидион. Даже многомудрый наставник не понял. – Тебе рассказывали о Войне за веру?

– Отец говорил, что мой дед объявил капитуляцию и распустил орден.

– Люди потеряли в нас веру и приняли помощь от Лучезарных, небесных посланников Единого в голубых плащах. Но мало кто знает, что Лучезарные раньше тоже были Сумеречниками, только предали орден, чтобы возвыситься и получить власть. Оттого мы и проиграли. Нет врага хуже, чем бывший соратник, что знает все твои секреты. Они способны чувствовать дар Сумеречников и убивают каждого, в ком обнаруживают хоть каплю.

– Значит, истинное зло – они, а не мы? – поразился Николас.

– Зло – это демоны, но Лучезарных точно стоит опасаться, особенно Белого Палача. Когда-то он был лучшим учеником твоего деда. У Утреннего Всадника их было много, все доблестные воины, но Микаш Веломри был самым талантливым и любимым. Нищий сирота, без связей в обществе, его даже в орден принимать не хотели. Твой дед достал его из грязи, обучил и приблизил к себе, сделал маршалом, народным героем. Но Лучезарные предложили Микашу нечто большее, поэтому он предал орден и твоего деда.

Но ведь хорошего наставника, который может оценить ученика по достоинству и сделать из него героя, заполучить так трудно! Уж Николас хорошо прочувствовал это на собственной шкуре.

– Какая чёрная неблагодарность! – возмутился он.

– Не Микаш выносил приговор Утреннему Всаднику, но он не сделал ничего, чтобы остановить казнь. А после замучил и убил бессчётное число Сумеречников и тех, кто их поддерживал. Слышал о восстании в Зареченском крае Веломовии? Он всё там сжёг в назидание, даже обычных селян. А предводителя, Кымофея Ясеньского, уже осуждённого на казнь, избил до смерти прямо на эшафоте. Поэтому запомни ещё один важный урок – не дразни спящего дракона. Каким бы сильным и смелым ты ни был, тебе не выстоять против его ярости.

Николас сглотнул, вспоминая свою выходку. Нельзя так легко поддаваться на издёвки

брата и пытаться доказать всем недоказуемое.

Приближалось обеденное время. Они вышли на полянку и расположились на поваленной сосне. Николас достал лепёшки с сыром и мясом, которые приготовила мама, и поделился с наставником.

– Жуй. Тебе самому крепчать и сил набираться надо, а то одни кожа да кости, – отмахнулся Гвидион и снова принялся рассказывать: – О Сумеречниках ты услышишь ещё многое, не всегда лестное. Но помни, главное не то, кем, в какой семье и с какими способностями ты родился, а то, как ты это используешь. Твой выбор. Стать таким, как Белый Палач или же?..

Николас проглотил кусок и покосился на наставника.

– Чего ты на самом деле хочешь?

Он посмотрел на кружащего над макушками сосен ястреба.

– Хочу никогда не ошибаться. Знать, что делать можно, а что нельзя. Хочу защищать людей от демонов. Хочу доказать всем, даже единоверцам, даже Лучезарным, самому Белому Палачу, что Сумеречники – герои. Что они достойны жизни.

Доказывать, доказывать, доказывать. Своё право на существование. Но всё равно от ощущения, что ты подкидываешь с заляпанной кровью руками, никуда не деться.

– У тебя душа охотника, – усмехнулся Гвидион и ущипнул его за щёку. – Но без должной огранки пропадёт даже столь сильный талант, как у тебя. Ты должен упорно работать и не сдаваться перед трудностями. Есть столько, сколько положено, даже если невкусно и не хочется. Высыпаться по ночам, а не носиться по лесу. В точности выполнять всё, что тебе будет велено и даже больше. Не останавливаться на пути к совершенствованию. Ты готов?

Стряхнув с себя кроши в кулак, Николас высыпал их в рот и запил водой из фляги.

– Постараюсь. Вы верите?

– Почему ты всё время об этом спрашиваешь? Верить в себя, в свою силу и правоту прежде всего должен ты сам.

Николас потупился и принялся пинать ногой шишки.

– Что бы вы ни говорили, я всё равно чувствую зло внутри. На самом деле я хочу быть человеком, сыном Молли и Даррена Комри, братом Эдварда и Элизабет. Хорошим человеком, хорошим сыном и братом.

Гвидион тяжело вздохнул, сетуя, что ему достался такой трудный ученик.

– Это говорит твоя тень, твоя Сумеречная суть. В ней нет ничего страшного, если ею управлять и использовать во благо. Но если ты её не примешь, она загрызёт тебя изнутри. Начнём заниматься прямо сейчас. Сними с себя амулет Кишно.

– Кулон?

– Да, эта вещичка редкой мощи. Очень дорогая. Раньше ваше семейство могло позволить себе такие. Он скрывает свечение твоей ауры, делает тебя неотличимым от неодарённого. Но сейчас я должен видеть, как ты пользуешься даром.

– Ауры?

– Духовная оболочка. Она есть у любого живого существа, как сияние, что простирается за пределы осязаемого тела. Если она плотная и яркая, то человек здоров и счастлив, а если блёклая и прорванная, у него большие проблемы.

Николас в задумчивости сложил губы трубочкой и прищурился, то расслабляя зрение и глядя вдаль, то напрягая и фокусируясь на ближних предметах. Свечение он действительно видел, но не думал об этом, как о чём-то важном. У наставника оно наливалось жёлто-

бирюзовыми разводами, как на песчаной отмели. Когда Гвидион выдыхал, цвет усиливался, и в стороны расползались лучи, когда вдыхал – они втягивались обратно и от свечения оставались лишь пульсирующие жилы.

– У одарённых ауры цветные, а у обычных – серые, – Николас покорно снял амулет и передал наставнику. – Я вижу.

– Хорошо! А теперь посмотри на свои пальцы, – как только Гвидион сжал амулет в ладони, его аура посерела. И правда, работает!

Николас растопырил кончики пальцев и напряг до дрожи. Их тоже окутывало свечение, правда, его цвет был куда более насыщенным от весенне-голубого до тягуче-свинцового. С пальцев сыпались искры. Именно их сгустки он видел, когда использовал способности.

– Когда я что-то делаю, это всё равно заметно, даже с амулетом, – заключил Николас.

– Поэтому без надобности не балуйся. Это запрещал тебе отец?

Он снова задумчиво кивнул.

– А теперь покажи, на что ты способен. Принеси самую большую вещь с самого дальнего расстояния, насколько получится.

Николас почесал в затылке и огляделся по сторонам. На границе зрения к стволу притулился замшелый валун. Мальчик прищурился и направил к нему сыпавшиеся с пальцев искры. Никогда не пробовал, стало любопытно, сможет ли.

На такую тяжёлую ношу понадобилось больше сил. Продолжая смотреть, Николас закусил щёку изнутри и принялся массировать виски. Вокруг цели оплелась сеть, мощная и толстая. Прозрачный канат тянулся у него из груди, мышцы напряглись до предела. Вот-вот треснут и порвутся.

Не моргая, не открывая рта, Николас старался дышать как можно чаще, будто всасывал в себя воздух, из которого плелись канаты. Больше, надо больше, ещё чуть-чуть!

Камень с тихим шорохом сдвинулся с места и медленно пополз к поляне. Хрустели попадавшие под него сучья и шишки. По лбу катил пот, в глазах темнело, грудь разрывалась и холодела от перенапряжения, но валун ещё был так далеко.

– Хватит! – встряхнул его за плечо Гвидион.

Николас глотнул ртом воздух. Сосредоточение нарушилось, сеть исчезла, и валун замер. От перенапряжения дрожали руки и ноги.

– Своего предела ты пока не чувствуешь, – покачал головой наставник. – Но это ничего, научись со временем. Выпей.

Гвидион протянул ему флягу с терпким зельем. Николас покрутил её у носа и приставил к губам.

– Пей до дна! – заставил его опорожнить флягу наставник.

В животе забулькало, но немного отпустило. По крайней мере, голова перестала кружиться и пропало чувство, что он вот-вот рухнет без сил.

Пока Николас потягивался и пытался очухаться, Гвидион отошёл с поляны к зарослям брусничника. Собрав в подол балахона спелых ягод, он вернулся и принялся запихивать их мальчику в рот. Тот кривился от кислого сока, но все же жевал, чувствуя, как вяжет нёба.

– Лучше? – Гвидион ободряюще улыбнулся.

Николас повёл челюстями, стараясь избавиться от неприятного привкуса.

– Ничего! До дома совсем недалеко осталось. К вечеру будем на месте. А пока я покажу тебе то, чего ты боишься.

Но ведь он не говорил ничего про свой кошмар, да и не хотелось возвращаться в него,

особенно теперь, когда Николас ослаб и стал уязвимым.

Гвидион вышел в середину поляны и сложил ладони на груди лодочкой. Морщинистые веки сомкнулись, лицо едва заметно вытянулось. Свечение ауры разрасталось.

Вокруг стемнело, словно сумерки наступили посреди бела дня. Тени удлинились и росли, искажались очертания деревьев и кустов, даже воздух становился более плотным. Николас терял ощущение силы внутри. Её заменяло что-то другое, неуправляемое, яростное, как день сменяла ночь.

Выползали из закутков причудливые твари: собаки с акульими пастями, огромные хорьки, ходящие на передних лапах, с масками на клыкастых крысиных мордах, девятихвостые белые лисы, с которыми Николас сражался в своих выдумках. Падали с неба длинноклювые поползни, жирные тетерева вытягивали шеи, токуя оглушительно громко.

Холодный пот струился под рубахой, накатывал страх. Николас потянулся за лежавшей рядом палкой. Первой на него прыгнула собака, он чудом оттолкнул её. Подскочил на ноги и завертелся на месте, глядя в сверкавшие отовсюду злобой глаза.

Наставник пропал, мальчик остался совсем один! Никогда лес не пугал его настолько, никогда Николас не видел его с этой опасной стороны. Может, лес разозлился за то, что он недостаточно почтительно относился к его обитателям? Но прощения явно не вымолить! Что же делать?

Какая-никакая сила у него всё же осталась, нужно хотя бы попробовать, раз уж это в последний раз. Николас позвал её, как раньше звал ветер. Из ночи появилась тень – его тень, только больше и сильнее. Достаточно было лишь дёрнуть за соединявшие их нити, и тень покорно затанцевала между тварями.

Один взмах палкой-тенью – и тетерев разлетелся на осколки, второй удар поразил хорька, и того поглотил воздух. Собаки набросились на тень со всех сторон, но стоило сбросить их наземь, как они тоже исчезли. Николас закружился по поляне, упиваясь своей силой. Никто больше не посмеет назвать его слабаком!

Твари уже исчезли, а тень никуда не делась. Николас попытался стряхнуть её с пальцев, но ничего не вышло. Она поднималась с земли, приобретая всё более чёткие контуры, знакомые черты. Вороновы волосы, полыхающие штормовой яростью глаза. Обманчиво маленький, но внутри такая мощь, что сметёт ураганом. Собиралась ли тень избавиться от неудачливого хозяина? Николас не мог даже бежать, словно нити марионетки спеленали его по рукам и ногам.

Палка в руках тени обратилась в меч, лезвие взметнулось над головой и неумолимо приближалось к шее.

Нет, это как ночной кошмар, игра света. Им можно управлять.

Клинок замер, холодил прикосновением кожу. Николас смотрел тени в глаза, и та не смела шелохнуться. Как Белый Палач на Площади наказаний.

Пришло озарение: «Всем, что со мной происходит, управляю я сам!»

Дышать стало легче, засвистел в ушах старый друг – ветер. Николас и сам был им, за спиной словно расправлялись крылья. Сила потекла по жилам, скопилась на кончиках пальцев светящимися шарами и выстрелила в противника. Нет, не чтобы убить. Нельзя убить свою тень, потому что без неё не будет и жизни. Можно усмирить, обуздать, заставить склониться перед хозяином.

Просветлело. Николас передёрнул плечами, оглядываясь по сторонам. Он всё так же сидел на бревне, до онемения сжав в ладонях флягу. Рядом улыбался Гвидион.

– Видишь, как легко ты усмирил своё зло? Главное, не поддаваться ни соблазнам, ни страху.

– Это же было не по-настоящему? – засомневался Николас, пряча флягу в мешок.

– Иллюзорный мир. В нём нельзя навредить ни себе, ни окружающим. Я создам для тебя ситуации, из которых ты будешь искать выход самостоятельно. Так ты получишь тот опыт, который приобрести в реальном мире очень сложно. Как твоё сражение с тенью. Скажи, теперь она беспокоит тебя меньше?

Николас посмотрел на тёмную вуаль на земле. Поднял руку, и полупрозрачная фигура тоже подняла, поболтал ногами, и фигура повторила за ним.

– Я... я буду стараться изо всех сил!

– Вот и молодец! – Гвидион принялся собираться.

Вскоре они двинуться дальше. Слабость постепенно отступала вместе со страхом. Даже лямки мешка не резали плечи так сильно.

===== Глава 5. Дом под холмом =====

1556 г. от заселения Мунгарда, Авалор, Озёрный край

Солнце уже скатывалось за скалистый берег, когда они вышли на поросшую вересками пустошь. Плавными волнами изгибались изумрудные холмы, на севере возвышались покрытые хвойными лесами Каледонские горы. Из них серыми проплешинами проглядывал голый камень, блестело вдалеке озеро.

Гвидион замер перед одним из холмов, и Николас чуть не врезался в спину старика.

– Пришли!

– Но здесь же ничего нет, – мальчик удивлённо оглянулся по сторонам.

– Вот ты мне и скажи, где здесь что-то есть.

Николас побродил по округе. Прислушивался к своим ощущениям, он разглядывал кроличьи норы, птичьи гнёзда, пожухлую траву и жёсткие, царапающие ноги кустарнички. От самого высокого холма едва различимо тянуло теплом. Запах парного молока до щемления в груди напоминал о чём-то забытом в далёком детстве.

– Здесь, – Николас ткнул палкой в дугообразный корень.

Загрохотали камни, зашевелилась земля, и на месте корня образовался круглый проход. На пороге показалась красивая высокая женщина с огненно-рыжими волосами. Поверх светлой тунки с широкими рукавами на ней было надето платье из тёмно-зелёного сукна и передник с цветастой вышивкой по подолу.

– Сколько можно ждать?! Мне уже три раза пришлось еду греть! – накинулась она на Гвидиона, но заметив на пороге Николаса, подобрела.

Тёплые ладони коснулись его щёк и перемазали их в муке.

– А вот и ты, мой мальчик! Как же вырос-то за эти годы! Я помню тебя таким крохой, что ты помещался у меня на руках.

Николас зарделся. С трудом представлял себя ещё меньшим крохой, чем сейчас.

– Я принимала роды у твоей матери и мечтала встретить вновь. Мы все так переживали из-за этого дурацкого посвящения! Неужели без него было непонятно, что ты – особенный?

– Риана! – устыдил её Гвидион. – Не перехваливай мальчика и не торчи так долго на пороге, а то всё волшебство наружу выпустишь!

– На нашу долю его точно хватит. И ещё жизнью эдак на десять, – рассмеялась она и шепнула Николасу на ухо: – Не слушай старого зануду!

Риана взяла мальчика за руку и потянула под холм. Входная дверь внутри была круглой,

из дубовых досок. Медная ручка потемнела от времени. Маленькую прихожую освещали с двух сторон свечи в медных канделябрах. Николас удивлённо озирался по сторонам, снимая плащ. Вешалкой служили раскидистые рога диковинного зверя. Рядом покоились чучела причудливых мохнатых тварей.

– Маленькая трофейная. Раньше это была гордость любого дома Сумеречников, – пояснила Риана, провожая Николаса в гостиную.

Там уже был празднично накрыт круглый стол с четырьмя стульями, дымились горячие блюда в глиняной посуде.

В другом углу на деревянном кресле развалился, закинув ноги на подлокотник, мужчина лет тридцати. Смуглый и крупный, в потёртых чёрных штанах и светлой рубашке, он строгал из бруска фигурку. Медные, как у Рианы, волосы, были завязаны в пучок на затылке и оплетены тонким кожаным шнуром.

– Вы – фэйри?

Николас настороженно сжал палку. Куда Гвидион его привёл? Неужто снова придётся драться?

– Ши-полукровки, бывшие Сумеречники, – ответил мужчина и посмотрел насмешливо-покровительственно. – Я – Мидрир, лучший фехтовальщик на Авалоре, а может, во всём Мунгарде. А эта несмолкающая красавица – моя сестра Риана.

– Полукровки? Разве так можно? – недоумевал Николас.

Он принялся раскладывать вещи из своего мешка на полу возле софы, застеленной цветастым покрывалом.

– Нет, но если очень хочется... Не всем приятно жить в подземельях и подчиняться безумному владыке ши. В лунную ночь наша мать, прекрасная фея Фианна гуляла по вересковым пустошам и повстречала сильного Сумеречника из клана оборотней Лугару, моего отца. Она предпочла остаться с ним и днём, а не служить наложницей у владыки Аруина. Но тот затаил злобу. Однажды в канун Мардунтайда моего отца настиг Неистовый гон и разорвал на ошмётки. Мать вместе со мной, тогда ещё совсем маленьким, укрылась в общине Сумеречников Каледонских гор. Там она нашла утешение у юного, но очень доброго целителя, отца Рианы.

– И так тоже можно? – нахмурился Николас.

Староверы ведь редко выходили замуж во второй раз.

– Сумеречникам – нет, но наша мать никогда не принадлежала не то, что к ордену, даже к людскому племени, – объяснила Риана, расставляя тарелки на стол.

Мидрир продолжил:

– Вскоре после рождения сестры Неистовый гон утащил нашу мать в подхолмовое царство. Отец Рианы воспитывал нас один, пока владыка ши снова не напал. Целители не умеют сражаться – их натура слишком миролюбива. Он погиб, защищая нас до рассвета, когда с первыми лучами солнца Аруину пришлось убраться восвояси. После нас хранила община Сумеречников, пока мы не повзрослели и не окрепли. Но даже сейчас каждую неделю Мардуна мы вынуждены прятаться. А ты не боишься Неистового гона? Ведь он и за тобой приходит. Сам владыка Аруин пытался забрать тебя под холмы в день твоего рождения, сестрица не даст соврать. Твой отец задолжал тебя марам, на тебе осталась их печать.

Мидрир ткнул пальцем в его родинку на шее. Николас потерянно глянул на наставника. В сказках мары забирали нежеланных детей, которых родители не одаривали даже именем, в

подхолмовое царство. А у тех, кому удавалось спастись, на теле оставались уродливые знаки. Но у него ведь всего-навсего маленькая родинка!

– Неправда! Отец любит и заботится обо мне, – Николас воинственно сжал ладони в кулаки.

– Не настраивай мальчика против себя, Мидрир! Тебе его ещё фехтованию учить, не забыл? – приструнил оборотня Гвидион и усадил ученика за стол. – Это произошло случайно. Твой дед взял с него клятву, что его младший сын станет Сумеречником. Пережив много потерь в юном возрасте, твой отец не желал снова испытывать эту боль, ведь одарённые часто умирают молодыми. В сердцах он воскликнул, что не хочет иметь больше одного сына. Провидение подобных оговорок не прощает, потому у тебя и появилось эта родинка.

– Но мары меня не забрали!

Николас отказывался верить, но вчера отец говорил о гибели своих близких с такой скорбью.

– Потому что он раскаялся в своих словах. Если тебя до сих пор не забрали в подхолмовое царство, значит, все недели Мардуна в твоей жизни Даррен не смыкал глаз, доказывая, что ты нужен ему. Против мар нет защиты сильнее, чем родная кровь.

Николас прижал ноги к груди и положил голову на колени. Теперь всё вставало на свои места. В неделю Мардуна Николас болел, а отец сидел с ним и успокаивал, потому что чувствовал вину. Когда ничего не угрожало, отец легко отмахивался от него. А проклял, потому что счёл сына слабаком, неспособным выжить, ещё до его рождения!

Из груди вырвался сдавленный всхлип. Николас ощущал себя потерянным. Навалилась тоска по дому, по близким, а больше всего по отцу. Вот бы он обнял и развеял своими словами все сомнения и тяжесть, как делал в неделю Мардуна.

Риана закончила расставлять на столе посуду и погладила приунывшего мальчика по щеке.

– Не переживай! Люди несовершенны, даже лучшие из них делают ошибки. Главное – не повторять их и стараться исправить.

У неё такое доброе лицо и тёплые руки, почти как у мамы. И Гвидион вёл себя вполне дружелюбно. А Мидрир... Что ж, если они действительно научат его, как стать сильным и выжить, он готов мириться с их прихотями и делать то, что указывают. Быть может, тогда отец поверит в него и будет гордиться, а не просто чувствовать вину.

Николас заставил себя улыбнуться.

– Рассаживайтесь уже, а то будете холодное есть. В четвёртый раз я разогревать не стану! – пригрозила Риана.

Все устроились за столом. Николасу досталось место между целительницей и Гвидионом, напротив плутовато ухмыляющегося Мидрира.

Риана разлила по кружкам яблочный сидр для взрослых, а Николасу достался ягодный морс.

– У нас сегодня большой праздник. – Риана поднялась из-за стола и объявила тост: – За твоё возвращение в нашу общину, Николас.

Мальчик чокнулся с ними и отхлебнул побольше.

– С тобой у нас получится полный квартет – союз стихий, – подмигнул Мидрир, осушив кружку залпом и подлив себе ещё.

– Союз стихий? – Николас взглянул на Гвидиона.

– Видимо, придётся объяснять прямо за столом, – тот вынужденно отставил напиток. – Родовой дар Сумеречников принадлежит к одной из четырёх стихий: земли, воды, огня или ветра. От материнской стихии ты черпаешь силы и заполняешь внутренний резерв, чтобы подпитывать свои способности. Вот тут, – наставник коснулся его груди. – Если собрать вместе четырёх Сумеречников с дарами разных стихий, получится квартет – почти что всемогущая сила. В древности отряды формировали по этому принципу.

– Правда, Риана целительница и сражаться не может, а потому не считается, – шутливо пригорюнился Мидрир, зачерпывая ложку наваристого лукового супа.

Сестра метнула в него негодующий взгляд:

– Если бы не целители, никто бы не лечил вас от ран и ядов, не восстанавливал ваши силы после истощения, не помогал появиться на свет новым Сумеречникам, – Риана кивнула на Николаса. – И уж точно, если бы не я, никто бы не смог наготовить столько, чтобы набить твоё ненасытное брюхо!

Она притянула к себе большое блюдо с мясными шариками, на которые Мидрир бросал голодные взгляды.

– Тихо-тихо! Никто ничьих способностей при мне принижать не будет! – примирил их Гвидион. – Какой вы пример показываете ребёнку? Николас, ты меня слушаешь? – наставник пихнул его в плечо, заметив, что тот как флюгер вертит головой, пытаюсь всё рассмотреть. – Азы очень важны, иначе остальное ты не поймёшь. Каждая стихия порождает два вида способностей: прямую и опосредованную. У нас троих – прямой дар, у Рианы – опосредованный. Но это не значит, что он плохой или бесполезный. Главное, как мы наши способности используем, ты же помнишь?

Николас кивнул. Не терпелось узнать, как называется его дар.

– Мидрир – зверолорд. Управляет животными и птицами, а ещё может оборачиваться в свой тотем – волка. Его дар принадлежит к стихии земли. Опосредованный дар этой стихии – мертвошэпт. Такие Сумеречники могут ненадолго призывать души умерших и разговаривать с ними. Очень удобно, когда нужно найти убийцу, а свидетелей нет.

– Только все мертвошэпты немного... кукукнутые, – Мидрир покрутил пальцем у виска. – Лучше не связывайся с ними!

– Мидрир! – шикнула на него Риана.

– Каждый дар накладывает на характер Сумеречника свой отпечаток. Идеала не существует. Не стоит поддаваться предрассудкам, особенно когда сам далеко не безупречен, – покачал головой Гвидион и продолжил: – Риана, как ты знаешь, целительница. Она лечит с помощью огня. Мёртвого с Тихого берега не вернёт, но с большинством ран и болезней справится. Прямой дар этой стихии – огнежар в противоположность созидательному целительству обладает огромной разрушительной мощью. Одним взглядом огнежар может спалить весь лес в сухую погоду.

Николас завистливо присвистнул:

– Вот это дар! Самый непобедимый!

– Скорее уж проклятье, – скучающе заметил Мидрир.

– Вынужден согласиться. Огнежар трудно поддаётся управлению. Носители часто обжигаются сами и обжигают окружающих. Чтобы овладеть им в совершенстве, требуются годы тренировок. И лишь немногие выживают.

Николас сглотнул и потупился. Оказывается, это может быть опасным, а не просто... страшным.

– А вы из воды создаёте иллюзорные миры, – поспешил он поделиться своей догадкой.

– Да, я – морочь. Всё, что связано с иллюзиями и скрытностью – моя работа.

Опосредованный же дар стихии воды – ясновидение. Им обладают белоглазые вельвыгоревестницы. Они предсказывают будущее и предупреждают о бедствиях.

– Почему тогда они не сберегли орден?

– О! Норикийцы как раз уверены, что вельвы сделали всё, что смогли. Именно благодаря им многие Сумеречники успели скрыться в золотом Дюарле.

– Жалкие трусы! – прорычал Мидрир.

– А какой же дар у меня? – не выдержал Николас. – Моя стихия ветер?

– Да, ты – ветроплав. Это очень редкий дар, раньше его называли королевским, потому что он едва ли уступает огнежару в разрушительной мощи, а управлению поддается намного проще и не причиняет вреда носителю. Только почти всех ветроплавов вырезали во время Войны за веру. Лучезарные считают этот дар самым опасным.

– Почему? – удивлённо моргнул Николас.

Даже зверолорд может таких дел натворить, что Николасу и не снилось с его мелкими воздушными ударами.

– Потому что дар Лучезарных тоже принадлежит к стихии ветра – это мыслечение, – взгляды взрослых сделались далёким и тяжёлым, будто они погрузились во времена, когда отовсюду доносился лязг оружия, а кровь заливала остров. – Лучезарные полностью управляют помыслами своих подданных, от них нельзя ничего утаить. Единственные, кто может противостоять их внушению – это ветроплавы. Мыслечение бессильно против тебя. Было бы у нас больше таких, как ты, мы бы не проиграли.

Николас недоумённо нахмурился. Дед ведь тоже был ветроплавом и всё равно сдался.

– Теперь ты осознаёшь свою важность?

Он поднял взгляд на наставника и кивнул.

– Тогда ешь, ешь побольше и набирайся сил.

За тарелкой сытного супа с курицей последовал салат из мелко нарезанных овощей, сухариков и козьего сыра. С пюре из тушёной репы Риана подала те самые мясные шарики. Николас опасливо потрогал один ложкой.

– Это хаггис, – подсказала целительница.

Мидрир потянулся за стоявшим на тумбе рядом чучелом. Лохматый зверёк походил на барсука с пышной чёрно-белой гривой и внушительными верхними челюстями.

– Хаггис – страшное животное. По ночам режет овец не хуже, чем волки. Левые или правые ноги у него длиннее – это позволяет ему быстро бегать вокруг круглых гор и холмов. Иногда хаггисы нападают и на вредных маленьких мальчиков, хр-р-р-р!

Он уткнул морду чучела в щёку Николаса. Тот отшатнулся.

Под внимательными взглядами взрослых мальчик всё же отковырнул кусок и, преодолевая брезгливость, засунул в рот.

– Всё вы врёте! – заключил Николас, сглотнув. – Это же обычные бараньи потроха с жиром!

– Волчонок! – Мидрир перекинул выражение его лица и расхохотался.

Видимо, он пытался растопить лёд, но Николас фыркнул и отвернулся. Нет, оборотень плохо отзывался об отце, такое нельзя забывать. Риане пришлось пощекотать мальчика за бока, чтобы он хоть немного повеселел.

После сытного ужина Николаса уложили спать на лавке в закутке, отделённом от

гостиной плотной занавеской. Сон сморил его, едва голова коснулась подушки – слишком много открытий было в этот день.

Казалось, не прошло и часа, как его разбудил Мидрир.

– Утренняя прохлада – лучшее время для тренировки, – бодро заявил он, будто и не выпил накануне целую бочку сидра.

Николас зевнул и потянулся. Где он? Это же явно не родная усадьба в яблонево́м саду. Чего от него хотят? Мидрир взял его за подбородок огромной, похожей на волчью лапу, рукой.

– Ты ведь не боишься матёрого волка?

Ничего он не боялся, скорее, не доверял. Но Гвидион назвал Мидрира лучшим мастером меча на острове. Придётся слушаться его, чтобы стать сильным.

– Мой предыдущий учитель сказал, что я безнадежен, – сознался Нико́лас, с вызовом глядя ему в глаза.

– У-у-у, видимо, он таким образом расписался в своей несостоятельности, – Мидрир плутовато облизнулся. – Собирайся живей. На месте разберёмся, насколько всё плохо.

Едва Нико́лас оделся, оборотень потянул его на улицу.

Горизонт расцветился сизыми полосами за горами на востоке. Низины холмов укутывал густой туман, холодная роса мочила ноги. Повезло, что они надели высокие сапоги, иначе бы собрали всех пиявок.

Выйдя на лесную дорожку, Мидрир побежал трусцой – пришлось догонять. За час, пока не рассвело окончательно, они добрались до узкого русла быстротечной горной реки Тейты. Она шумела и билась о каменистые пороги, словно стремилась скорее добраться до океана на западе. На большой поляне через неё было перекинуто толстое бревно вроде мостика.

Нико́лас без сил повалился на землю, но Мидрир схватил его за руку и поставил на ноги.

– Нет времени лениться! Разомнёмся и начнём тренировку.

– Никаким разминкам кроме пары упражнений на растяжку меня не учили, – честно ответил Нико́лас.

Мидрир поцокал языком, поминая мастера Лэйтона недобрыми словами. Но после нескольких десятков приседаний и отжиманий, поворотов и наклонов, серии смешных дыхательных упражнений, он всё-таки допустил Нико́ласа до фехтования.

Мальчик потянулся за мечом учителя в красиво вышитых ножнах.

– Рано пока, – Мидрир бросил ему длинную жердь, очищенную от коры и сучков.

Нико́лас замахнулся на пробу. Она была намного легче, чем деревянный меч, и упруго отвечала на каждое движение. Можно бить то одной, то другой стороной и крутить, как хочется, не боясь пораниться.

– Эгей, тише! Шмель ты неуёмный, сейчас же по голове себе загреешь. Сделай лучше боевую стойку.

Нико́лас угрюмо исполнил повеление.

– Тут не исправлять, а начинать всё сначала надо. Выше нос! Мы ведь даже ещё не начинали. Вот если через год-два у тебя ничего получаться не будет, можно начинать переживать.

Мидрир переставил его ноги шире и развернул корпус боком.

– Не опускай подбородок и не горбись! Ты сам себя закрепощаешь. Согни ноги в

коленях и пружинь. Тут главное переступать очень быстро: вперёд-назад-вбок. Понимаешь? Не меньше половины дела – это то, как быстро ты шевелишь ногами и увёртываешься, наступаешь и отступаешь.

До изнурения Николас скакал по поляне, отрабатывая мудрёные переступы и скрестные шаги, прогибался, уходил назад перекатами, крутился на месте. Не просачкуешь, когда ты единственный ученик и учитель не отводит от тебя взгляда. Где запнёшься, исправит и ещё десять раз повторить заставит, пока не закрепится. Только после они вернулись к палке.

– Ноги уже, руки шире. Замах от плеча, а не кистью и не локтем. Давай! Если увижу, что помогаешь себе даром, уши надеру! Сверху, а теперь снизу, слева снизу, справа! Что значит, ты не успеваешь?! В бою никто спрашивать не будет. Слева-справа, слева-справа! Я буду хлопать в ладоши, чтобы ты держал ритм. И не забывай дышать. В дыхании – твоя сила.

Николас делал всё, что знал раньше и даже то, что видел впервые и о чём не помышлял. Мидрир исправлял ошибки в движениях, то переставляя его ноги в нужную позицию, то выворачивая руки так, что хрустели кости, заставлял изгибаться в каждом суставе, напрягать каждый мускул.

К полудню Николас взмок и выдохся. Как только Мидрир объявил перерыв, мальчик растянулся на земле, не в силах даже открыть глаза. Тут же накатила дрёма, но через мгновение в лицо брызнула холодная вода. Николас недовольно приоткрыл один глаз.

– Легче? – усмехнулся Мидрир, нависая над ним вместе с откупоренной флягой.

Оборотень снял сапоги и закатал штанины до колена, обнажив ноги, покрытые такими же густыми медными волосами, как на голове.

– Поедим и продолжим. Дел много, времени – в обрез. Всегда помни об этом.

Мидрир потянул его к бревну. Устроившись на нём так, что ноги не касались земли, Николас получил на руки несколько кусков солонины с зеленью и чесноком, обёрнутых в ржаные лепёшки с тмином. Голод мучил нестерпимо, и мальчик не заметил, как умял всё и стащил несколько груш из оставленного на бревне свёртка.

– Мастер Мидрир, а почему Сумеречники предпочли бежать в Норикю? – спросил Николас.

В отличие от остальных оборотень скажет правду в лоб и не будет ничего смягчать даже для ребёнка.

– Потому что там живётся несравнимо легче и нет гонений. Король Орлен XII предоставил беженцам земли вблизи столицы Дюарля, оплачивает их содержание из своей казны. Немногие бы променяли золотые дворцы на суровый быт изгнанников в Каледонских горах. Да и если бы наша община была чуть больше, Лучезарные вряд ли бы смотрели на это сквозь пальцы. Но в нашем положении всё равно есть одно неоспоримое преимущество.

– Какое? – нахмурил брови Николас.

– Свобода. Раньше Сумеречники не подчинялись ни одной стране, ни одному правителю. Мы были сами себе хозяевами и отвечали только перед Кодексом ордена. Лишь здесь, в Каледонии, мы сохранили наши традиции и нашу гордость. Только в этих суровых горах, под этим дождливым небом мы сможем передать тебе душу Сумеречников.

Над макушками сосен пролетел ястреб, крича пронзительно-протяжно. Сколько надежд на Николаса одного. А если он их не оправдает?

– Что-то мы с тобой заболтались. Продолжим урок! – Мидрир снова подхватил палки и встал на бревно. – Сейчас ты будешь учиться держать равновесие. Для начала перейди на тот берег.

Николас скинул сапоги, опёрся о сук и вытянулся во весь рост. Мидрир вручил ему палку и подтолкнул вперёд. Ничего! Если не удержится, поможет себе ветроплавом. Получалось же всегда, когда Николас дома со шпалер падал.

Аккуратно переставляя ноги и балансируя палкой, он добрался до противоположного берега.

– Молодец! А теперь обратно, – поманил его рукой Мидрир.

Возвращаться было проще, Николас ступал намного уверенней. Бревно не шаталось, ступни не скользили по шершавой коре. Учитель встретил его на середине со вскинутой палкой.

– Покажешь, чему научился? Главная задача – не упасть.

Внизу бурлила река, острые камни выпирали из воды. Она плескалась об них так, что брызги долетали даже до бревна.

– Боишься? – уголки губ Мидрира дрогнули в улыбке.

Чуть отведя ногу назад, Николас замахнулся и со свистом разрезал палкой воздух, потом ещё и ещё, нанося перекрёстные удары.

Оборотень атаковал. Мальчик уклонился, едва не потеряв равновесие. Зато следующий выпад он отбил резким взмахом вверх и тут же шагнул вперёд, тесня противника. Последовал новый удар, потом ещё один. Николас сосредоточился на оружии Мидрира, то увёртываясь, то парируя.

Удары оборотня с каждым разом становились всё более мощными и меткими. Как справиться с такой скоростью? Расстояние между противниками стремительно сокращалось, Мидрир теснил его к противоположному берегу. Палка всё чаще задевала Николаса, а последний выпад чуть не сбил с ног. Мальчик замешкался. Следующая атака должна была стать последней.

Если он проиграет, его снова обзовут слабаком и будут больно бить. Ну, уж нет!

Николас выставил палку перед собой, как щит. Глаза зажмурились. Раздался громкий треск. Опора ушла из-под ног, и Николас полетел вниз.

Голубая дымка вспыхнула вокруг коконом и разбилась, соприкоснувшись с рекой. Поднялись тучи брызг, тело свело от холода, в рот и нос затекла вода. Течение потащило на камни, а ветроплав пускал лишь мелкие пузыри.

Склизкие водоросли противно касались тела. Николас рвался из стремнины, хватался за коряги, но ладони соскальзывали. Едва удавалось увёртываться от камней, а впереди уже слышался грохот водопада.

– Давай руку! – закричал Мидрир, чудом оказавшись впереди, на торчавшем из воды камне.

Николас оттолкнулся ветроплавом и вцепился в подставленный локоть. Оборотень ухватил ученика обеими руками и вытянул на берег. Николас опрокинулся на живот, Мидрир надавил ему на спину. Вода хлынула изо рта. Ученик всё кашлял и кашлял, нос и глаза щипало. Казалось, что дышать нормально он больше не сможет.

– Ты в порядке? – тревожился Мидрир.

Только когда его прекратило гнуть пополам, Николас заметил, что на оборотне нет одежды. На самом ученика остались одни лохмотьях, руки и ноги саднило, кожу продирали озноб, аж зуб на зуб не попадал.

– Ох ты ж, чтоб болотным фэйри пусто стало! Не хватало ещё, чтобы ты заболел. Сможешь за меня держаться? Первый и последний раз везу тебя на спине, ясно?

Николас ничего не понял, но аура Мидрира вспыхнула земляным пологом. Взвился сизый дым, а когда исчез, на его месте уже стоял огромный волк. Мускулистый, покрытый косматой медной шерстью, только глаза человечьи – зелёные, как у Мидрира.

Надо же, оборотень действительно переживал за него и даже спас. А потом ни разу не ударил и не обозвал. Может, он не так уж плох?

Мидрир припал к земле. Николас забрался к нему на спину и вцепился в загривок. Оборотень поднялся на длинные гибкие лапы и сорвался с места. В ушах свистел ветер, пронесившиеся мимо сосны сливались в полосу, а река казалась лентой. Николас наматывал шерсть на пальцы и ту же обхватывал ногами волчьего бока. Вот-вот соскользнёт!

У поляны для тренировок они остановились. Мидрир явно хотел забрать вещи: одежду, обувь.

Бревно словно рассекли пополам топором, не оставив даже щепок. Обе части едва удерживались на берегах. Когда Николас уже закончил запихивать вещи в узелок, одна половина с грохотом рухнула в воду и понеслась по течению. Так же бессильно и он барахтался в стремнине, а ведь был намного меньше и легче.

Мидрир зарычал, привлекая внимание. Николас привязал узелок к жерди и снова забрался на спину к оборотню. Тот помчался по лесной тропинке. Всего через четверть часа они добрались до холмов. К удаче! Николас уже занемел от натуги и готов был сверзиться на землю.

Оборотень замер, и мальчик сполз к волшебному корню. Даже дёрнуть не успел, как распахнулся проход и на пороге появилась разъярённая Риана. Руки в бока, изумрудные глаза метали молнии.

– Что стряслось? – накинулась она на брата. – Гвидион всего на один день нам его оставил, а ты его едва не убил?!

Николас виновато скользнул ей за спину. На улице-то холодно, а дом натоплен, оттуда так и веяло теплом. На застеленный досками пол стекала вода вперемешку с грязью и оставались лужи.

Заругают!

Но Риана продолжала отчитывать оборотня, крадущегося в дом с поджатым хвостом. Сейчас как сковородку схватит, и... Бедный Мидрир.

Пока взрослые отвлеклись, Николас принялся исследовать дом. Забылись даже усталость, ссадины и озноб. Вчера не удалось улучшить момент – столько внимания даже дома ему никогда не выпадало.

Внутри оказалось всего три комнаты и узкая прихожая. Стены и потолок укреплены широкими деревянными балками. Ни одного окна – свет исходил лишь от факелов и свечей, развешанных через равные промежутки. У западной стены находился камин.

Интересно, как устроен дымоход? Ведь чтобы в камине была тяга и горел огонь, дым обязан подниматься по трубе на улицу, да и воздух должен поступать сюда через отдушины. Возможно, труба выходит из верхушки холма? Почему её не видно снаружи?

Николас засунул голову в камин.

– Эй, куда?! – закричала Риана и вытащила его за шиворот, как нашкодившего котёнка.

– Вот и я говорю, едва зазеваешься – обязательно куда-нибудь влезет, – расхохотался Мидрир.

Он уже обернулся человеком и натягивал на себя рубаху.

К грязным лужам на полу прибавились ещё и разводы золы. Сейчас всыпят так

всыплют!

– Да-да, юный шмель, я сталкивался и с безголовыми всадниками-дуллаханами, и со злобными хобгоблинами, и даже с огромными ограми, но никого страшнее этой женщины в гневе не встречал! – потешался оборотень.

Риана закатила глаза, устав от шуточек брата.

– Я просто хотел посмотреть, куда уходит труба, – повинился Николас.

– На улицу, куда же ещё? – ответила целительница.

Одевшись, Мидрир подтащил к камину большой ушат. Риана наполнила его тёплой водой и принялась снимать с мальчика лохмотья одежды.

Мидрир уже растапливал камин, чтобы согреть ещё. Николас забрался в ушат и невольно съёжился. Риана принялась поливать его из кувшина и стирать грязь мягкой мочалкой, чтобы не раздражать ссадины. Закончив с огнём, Мидрир натаскал воды и начал вытирать пол, бегая с тряпкой, изогнувшись пополам. Даже совестно стало, что Николас доставил хозяевам столько хлопот. Мидрира он уже простил за вчерашние резкие слова, а Риана злой совсем не выглядела, наоборот, улыбалась и напевала себе под нос, натирая мальчика пахнущим вербеной мылом.

– А почему снаружи этот холм не отличается от других? – спросил Николас, когда глаза перестало щипать, и вода уже не заливалась в рот.

– От людей его защищают чары ши, – объяснила Риана. – Наша мать ведь была ворожеей, одной из самых сильных. Поэтому ей удалось сбежать. Ворожеям подвластно очень многое, они даже могут противостоять Аруину. Мы с братом унаследовали от неё не только красоту и долголетие. Правда, в неделю Мардуна отсюда всё равно нужно уходить. Неистовый гон ищет здесь в первую очередь, чары ши его, наоборот, привлекают.

Мидрир сменил воду после того, как она стала чёрной, и Риана ещё раз сполоснула Николаса. Он завернулся в нагретое полотенце и устроился в плетёном кресле у камина. Целительница вручила ему миску с горячим куриным бульоном и взялась стирать подранную одежду. Видно, надеялась заштопать.

– Простите, – окончательно смутился он.

– Не переживай. Здесь так давно не было детей, что мы забыли, как с ними непросто. Но твоё присутствие полнит нас жизнью и надеждой. Будь осторожней и помни, насколько ты значим для других.

Николас заморожено смотрел на танцующее в камине пламя и прислушивался к треску дров. Здесь было намного уютней и теплей, чем дома. Здесь его принимали и ценили настоящего, а не заставляли прятать ото всех свой дар. И всё же жаль отца, который потерял своё волшебство. Два дня назад, хотя казалось, что миновала целая жизнь, он выглядел расстроенным. Будет ли он скучать или обрадуется, что избавился от «подкидыша»?

– Госпожа Риана, а не могли бы вы сделать мне такую же причёску, как у мастера Мидрира? – подал голос Николас, когда его волосы высохли, и взрослые закончили хлопотать по хозяйству.

– Охотничью геллерку? Это церемониальная причёска. Раньше её позволялось носить только после посвящения в орден.

– Значит, мне никогда её не заплетут?

– Почему же?.. – Риана взяла расчёску и тесьму. – Раз ордена больше нет, то и носить её можно каждому.

Когда она закончила, на дворе был уже вечер. Николас нащупал на затылке небольшой

узелок из волос и кожаного шнурка.

– Не трогай, а то растреплешь. Посмотри лучше сюда, – Риана подала ему слюдяное зеркальце.

В прихожей послышались шаги, и на пороге гостиной показался Гвидион.

– Ух, какие мы важные, – улыбнулся он, заметив причёску Николаса. – Как прошёл первый урок? Надеюсь, Мидрир нашёл к тебе подход?

Увидев сушившуюся на камине подранную одежду, Гвидион вскинул бровь и повернулся к оборотню.

– Немного увлёкся, прости! Но... это было ошеломительно! – долго сокрушаться Мидрир не умел. – Он создал барьер из воздуха и разрубил им толстенное бревно! В жизни такого не видел!

– О! Тебе удалось загнать его настолько, что он случайно создал ветроцит? – поразился наставник.

Неужели дерево разрубил сам Николас? Хотел закрыться от удара и призвал силу. Всё-таки страшно, когда дар перестаёт повиноваться. А если бы Мидрир тоже упал в воду? Так недолго кому-нибудь навредить!

– Выше нос, никогда не опускай подбородок! – подбодрил его Гвидион. – Надо радоваться, если что-то не получается. Есть повод стать лучше.

Он подтянул к креслу тумбу и положил на неё яйцо.

– Передвинь к себе и постарайся не разбить.

Николас закусил губу и выпустил совсем немного силы, но стоило лишь слегка надавить, как скорлупа разлетелась на части, и белок брызнул ему в лицо.

– Ты же умеешь рассчитывать силу, с которой сжимаешь скорлупу рукой, чтобы его поднять. Точно так же должно быть с даром, – назидательно сказал Гвидион. – Применяй ровно столько силы, чтобы передвинуть предмет, а не раздавить его.

Риана вложила Николасу в ладонь платок.

– Ни у кого сразу не получается.

Но раньше он справлялся с даром превосходно!

Николас стёр слезу с подбородка. Гвидион положил на тумбу следующее яйцо. Оно тоже взорвалось, хоть и не так сильно. Зато следующее уже только расколосось, а потом и вовсе лишь треснуло. Николас перебил с полдюжины яиц, прежде чем получилось перекатить к себе хотя бы одно. Мало-помалу, то ли яйца стали крепче, то ли мальчик приноровился. И вот уже яйцо катилось по кругу, оставаясь целым со всех сторон.

– Быстрее! – командовал Гвидион. – Оно должно слиться в полосу!

Николас взмок и пыхтел, из последних сил стараясь сохранить скорлупу целой.

– Хватит!

Николас остановил яйцо посередине тумбы и задвинулся глубже в кресло, пытаясь отдышаться.

– Ты быстро учишься, – удовлетворился Гвидион. – Но расслабляться рано. Теперь сделай то же самое, только сосредоточься на своих пальцах, а не на яйце. Понимаешь?

Мальчик пожал плечами и потянулся за яйцом.

– Только не разнеси нам пол гостиной, – усмехнулся Мидрир.

– Он уже сбросил все излишки силы и вряд ли сможет разбить что-то больше яйца, – успокоил Гвидион.

Требовалось нарастить и загустить дымку на указательном пальце, но выходило слабо.

Сила рассеивалась вокруг тела, а яйцо оставалось неподвижным. Четверть часа было потрачено на бесплодные попытки сдвинуть его с места. В конце концов Николас снова направил ветроплав на яйцо, а не на руку.

– Нет, – Гвидион обхватил яйцо сухими старческими пальцами. – Помнишь, что ты сделал на реке? Помнишь, что чувствовал? Что думал? Вспомни все детали.

Николас зажмурился. Вот палка со свистом рассекает воздух, шумит ветер в кронах деревьев, плещет о пороги вода, холодные брызги оседают на коже. Надо двигаться, чтобы увернуться от атаки, но скорости не хватает. Удар, ещё удар, и сразу ним следующий, парировать который не получается. Внутренности напряжены в ожидании неизбежного. Отбить, отразить любым способом.

Он вытянул указательный палец. Яйцо снова взорвалось, брызнув в щёку.

– Вот! Не так уж сложно! – возликовал Гвидион.

Разглядывая перемазанные в желтке скорлупки, Николас приложил к лицу уже насквозь промокший платок. Риана снова очистила тумбу и поставила на неё новое яйцо.

– Теперь не сгущай силу в одной точке, а плавно растворяй её вокруг руки, – советовал наставник.

Уже с открытыми глазами Николас снова сосредоточился на воспоминаниях. Отбить, отразить, передвинуть. Мягким движением. Не точка, не удар, а лёгкий толчок по всей поверхности. Наконец, яйцо отползло от его руки на противоположный край тумбы. Николас утёр со лба пот.

– Завтра продолжим, – радостно заключил Гвидион. – Риана, что слышно насчёт ужина?

Оказалось, что пока они занимались, брат с сестрой уже накрыли на стол и ждали только их.

===== Глава 6. Неистовый гон =====

1556-1561 гг. от заселения Мунгарда, Озёрный край, Авалор

Так началась изнурительная учёба в Доме-под-холмом. Николаса постоянно чем-то занимали, не оставляя ни мгновения покоя. Работать приучали наравне со взрослыми: убирать, таскать воду, собирать хворост. Свои порции он стал доедать и даже просил добавки, ведь потом ничего умыкнуть не удавалось. Вечером Николас падал без сил в постель и тут же засыпал, не слыша ни шорохов, ни даже разговоров взрослых за занавеской. Сновидений он не запоминал и просыпался, только когда его будили на рассвете.

Мидрир часами вынуждал ученика носиться по лесу, отжиматься, приседать и подтягиваться, качать мышцы, поднимая тяжести, растягиваться до того, что казалось, сухожилия вот-вот треснут. На уроках фехтования оборотень заставлял повторять каждое движение, пока оно не получалось идеально. Непослушания Мидрир не терпел, мольбы о пощаде не слушал. Да и стыдно было, даже страшно, что Николас разочарует всех, и его отошлют домой. Впервые он чувствовал себя на своём месте, что действительно учится, становится сильнее и смыслёнее.

Они часто играли в шахматы. Мидрир рассказывал, что во времена ордена этому искусству обучали будущих полководцев, а Утренний Всадник любил его в особенности.

В усадьбе Комри хранилась старинная доска с фигурами из слоновой кости и чёрного дерева. Отец рассказывал детям, как в них играть, правда, времени на регулярные партии у него не хватало. Николас с Мидриром занялись этим вплотную, обсуждая ходы и отыскивая самые быстрые варианты победы. Попутно оборотень иллюстрировал происходящее примерами из настоящих битв и рассказывал, какая стратегия и боевые порядки оказывались

выигрышными.

– Шахматы – это даже не игра, а своеобразная философия. Чем глубже вникаешь в суть, тем сильнее это ощущаешь, – воодушевлённо вещал Мидрир, когда Николас уставал и начинал отвлекаться.

Гвидион учил мальчика пользоваться даром. Эти занятия зачастую оказывались куда сложнее чем то, что он делал под руководством Мидрира. Вначале они тоже «наращивали мышцы» – тренировали выносливость. Приходилось с помощью ветроплава до изнеможения таскать за собой тяжёлые брёвна. Первое время от этого болела голова и наваливалась такая усталость, словно Николас днями без передыха махал палкой. Но потом он перестал замечать, что бревно ползает за ним, как на привязи.

Иногда они приходили на спрятанный в бухте галечный пляж. Привалившись спиной к нагретой на солнце скале, Николас перетаскивал небольшие гладко отшлифованные волнами камни к себе. Вначале он доставал лишь те, что находились в одном-двух ярдах от него, но с каждым разом к этому расстоянию добавлялись ещё несколько футов, пока он не дотянулся до камней на другом конце пляжа.

Работали они и над ветрощитом: Николас сгущал воздух вокруг предметов, которые держал в руках, а потом и вокруг живых созданий, вроде пойманных в холмах кроликов и сусликов. Им-то вред причинить куда страшнее, чем разбить пару яиц. Но благодаря занятиям в иллюзорном мире Николас преодолел и эту трудность.

Часто Гвидион рассказывал про чудеса Горнего мира демонов и духов. Он создавал иллюзии, с которыми требовалось сражаться, а иногда обхитрить, договориться или победить иным способом.

Риана учила Николаса обычным вещам, которыми раньше с ним занималась мама, а Эдварду помогал выписанный из соседнего городка учитель: грамоте, математике, естествознанию, истории. Правда, Сумеречники знали о мире несоизмеримо больше неодарённых.

Письмо они использовали другое – старинную руницу, где один символ означал много разных слов в зависимости от смысла и соседствующих символов. Ныне её полностью вытеснила единоеверческая буква, более простая, в которой каждый знак обозначал отдельный звук. Николас освоил её уже давно. Буквице обучали даже бедняков в школах при храмах. Оказывается, и её придумали Сумеречные книжники, а захватчики присвоили и выдали за своё изобретение. Только говорить об этом при чужаках, как и показывать своё знание руницы не стоило.

Географией они тоже занимались. На картах кроме стран, городов, гор, лесов, пустынь и водоёмов отмечались места силы и проходящие через них оси, что вели от южного края Червотчины в далёком мифическом Зюдхейме до северного края в ледяной пустыне Нордхейма.

– Отсюда они выходят – новорождённые демоны, – Риана указала палочкой обозначенную на карте Червотчину. – Смысл существования Сумеречников в том, чтобы защищать от них своё племя. Если демонов не станет, пропадёт и наш дар. В нём не будет больше нужды. Именно поэтому он не исчез до сих пор, несмотря на то, что Лучезарные приложили к этому все усилия. Пока Червотчина порождает новых демонов, мироздание будет порождать новых одарённых, чтобы сохранить равновесие. Ведь если равновесие пошатнётся, то мир погрузится в хаос и погибнет.

– А почему нельзя просто заткнуть Червотчину? – недоумевал Николас. – Уничтожить

как-нибудь. Может, Сумеречникам это ни к чему, но Лучезарные могли бы, если им нужно избавиться от одарённых.

– Заткнуть пробкой? Пробкой размером с материк? – рассмеялась Риана. – Червоточина стала частью мироздания. Если её уничтожить, то мир всё равно потеряет опору и опрокинется в хаос. Такими методами ничего не решить, иначе кто-нибудь уже это сделал бы.

Николас стучал пальцами по подлокотнику плетёного кресла.

– Давай-ка проверим, как ты запомнил предыдущий урок, – просила Риана. – Назови имена наших главных богов.

– Отец говорит, что богов не существует, – упрямылся ученик.

– Единоверцы говорят, что демонов и духов не существует, но ты же знаешь, что они есть, – умиrotворённо улыбнулась целительница. – В незапамятные времена Повелители Стихий поделились с нами частичками своих сил. Так возник наш дар. Нельзя забывать имена наших богов, иначе мы потеряем веру в свою праведность, а вместе с ней и свои способности. В самой нашей истории и легендах, в сокровенных знаниях заключена сила не меньшая, чем в оружии. Ну же, назови их, я же знаю, что ты прекрасно всё запомнил.

Николас упрямо выпятил нижнюю губу, но потом всё же принялся перечислять:

– Повелителя вод зовут Фаро, его часто изображают белым кашалотом. Его супругу зовут Седной, в её волосах путаются людские грехи вместе с мусором, который выбрасывают в воду. Ей прислуживают косатки-тэму и убивают всех, кто ей не угоден. У Фаро есть внебрачный сын. Он покровительствует морякам и бастардам.

Повелительницу Земли зовут Калтац. Её изображают волчицей или золотой бабой. Её муж – грозный медведь Дуэнтэ, повелитель всех животных, диких и домашних. Их двенадцать сыновей и дочерей покровительствуют земледелию и ремеслам.

Повелительницу Огня зовут Уот. Её изображают рубиновым драконом или фениксом. Она преследует мужчин, которые изменяют своим жёнам. Её муж Вулкан – милосердный врачеватель. Он украл у Уот неугасимое пламя жизни и принёс его людям. За это супруга расчленила его на много частей и раскидала по всему свету. На месте, куда попадала его плоть, возникали вулканы. У огненной четы двое детей: сын и дочь. Они покровительствуют азарту юности.

Главный среди стихий – Небесный Повелитель Тэнгри. Его изображают орлом, сбрасывающим своего извечного врага Коршуна в пропасть. Его жена Белая Птица Умай, Луна. Она покровительствует жёнам и матерям, хранит мужчин, ушедших на войну. У них четверо сыновей, могучих и неистовых Братьев-Ветров. Каждый из них обозначает свою сторону света.

Николас облегчённо выдохнул. Эти знания, как и сюжеты сказок, легко укладывались в голову, но казались неправильными и глупыми, а порой и вовсе раздражали. Впрочем, никто не запрещал ему высказывать своё мнение и даже спорить.

На следующем занятии Риана продолжила рассказ об истории ордена:

– Человечество зародилось не здесь, а на тёплом южном континенте – Гундигарде. Но чуть больше пятнадцати веков назад его поразило страшное бедствие. Люди находились на грани вымирания. Тогда в Дольний мир спустился младший сын Небесного Повелителя – Западный ветер по прозвищу Безликий. Он объединил одарённых и повёл их отвоёвывать у демонов северный континент – Мунгард. Вместе они расчистили землю, и люди создали на ней первые государства. Позже Безликий и его сподвижники, среди которых был и твой

далёкий предок, основали наш орден. Полторы тысячи лет Сумеречники хранили людей от демонов, но двенадцать лет назад твой дед его распустил.

Николас потупился:

– Значит, моя семья создала орден и она же его уничтожила?

– Нет, его создал Безликий, младший сын Небесного Повелителя.

– Тогда почему он не защитил орден от единоверцев и предателей-Лучезарных? – недоумевал ученик. – Почему позволил моему деду объявить капитуляцию?

– Безликий исчез сразу после основания ордена. Появился настолько сильный демон, что никто кроме бога не мог его одолеть. Безликий сразился с ним и победил, но его собственные раны оказались смертельными, а усталость и печаль – неизбывными. Он удалился на край света и погрузился в беспробудный сон. Когда наступит конец времён, Безликий проснётся и поведёт Сумеречников в последнюю битву.

– Разве конец ещё не настал?

– Видимо, нет, раз Безликий так и не объявился, – Риана ласково провела по щеке Николаса, пытаясь смягчить. – И лучше бы это не произошло ни на нашем веку, ни на веку наших потомков.

Через пару месяцев мальчику позволили вернуться в усадьбу навестить родных. Дома его приняли как дорогого гостя, однако Эдвард сторонился Николаса, а с отцом после всех откровений разговаривать было неловко. Хотя печать мар очень сильно его беспокоила, задавать вопросы Николас не решался, словно мешал ставший в горле ком.

Когда Гвидион явился, чтобы забрать мальчика в Дом-под-холмом, отец сам поднял неприглядную тему.

– Приближается неделя Мардуна. Вы вернёте мне сына к этому сроку?

– Ты не сможешь защищать его вечно. К тому же, ты неударённый. Если однажды демоны нападут на вас, вы погибнете. Твой сын останется беспомощным и наведёт беду на остальную семью. – Наставник обратился к ученику: – Николас, ты же не хочешь этого? Знаешь, когда мальчик становится мужчиной? Когда перестаёт прятаться за отцовской спиной и справляется со всеми проблемами сам.

– Я не боюсь. Я хочу стать сильным, – ответил Николас. – Просто скажи, что веришь в меня, и я всё смогу.

– Но ведь он ещё такой маленький... – пробормотал отец потерянно.

– Как только неделя Мардуна закончится, он вернётся к тебе передохнуть, – заключил Гвидион и повёл мальчика прочь от усадьбы.

Отец глядел им вслед, пока они не скрылись в лесу.

В Доме-под-холмом Николас решил спросить у наставника:

– Мы будем драться? С Неистовым гоном, да?

Вот бы увидеть настоящую битву с демонами!

Но Гвидион покачал головой:

– Мы исполним защитные ритуалы и укроемся в священном месте. Владыка Аруин силён, как бог. Ни один даже самый могучий Сумеречник его не одолеет, – ответил наставник, выразительно глядя на только что вернувшегося с охоты Мидрира. Оборотень, может, и сразился бы, наплевав на опасность. – Если видишь, что тебе не выстоять, лучше беги. Главное даже для Сумеречников – выживание.

– Но если за спиной беззащитные люди? Двуликий уродец запугивает, мучает и убивает

наших собратьев уже много сотен лет! – негодовал Николас.

– О, когда-то владыка Аруин был прекраснейшим из высших ши, а с силой его голоса не сравнились бы даже лучшие барды Норикии, – включилась в разговор Риана, отвлѣкшись от стряпни. – Он предводительствовал над ордами ши Авалора ещё до того, как здесь появились люди. Безликий тоже решил обосноваться на нашем острове, потому что здесь чувствовал себя ближе всего к своему дому на Девятых небесах. Когда люди начали строительство цитадели в том месте, где сейчас находится наша столица Ловонид, владыка возмутился посягательству на земли, которые считал своими.

Армия Сумеречников схлестнулась с воинством ши. Охотники были настолько сильны, а демоны настолько многочисленны, что даже если бы одна из сторон победила, то всё равно понесла бы невосполнимые потери. Безликий предложил решить исход битвы поединком чемпионов и вызвался участвовать в нём сам. Аруина прельстила возможность помериться силой с богом. Они сошлись на покрытых цветущим вереском болотах Астальшир Мур.

Аруин выехал верхом на кельпи, в руке его был меч-кайласах, который доселе не знал поражения. Безликий же восседал на белоснежном крылатом тулпаре, мудром небесном коне. Голубыми огнями полыхал в руке бога клинок из звѣздного металла, выкованный в небесной кузнице, мерцала магическая руна «исаз» у крестовины. Лезвие его никогда не тупилось и опаляло морозом.

Схватка с Аруином длилась несколько дней – ни один человек не продержался бы так долго. Но противники-то людьми не были. Их силы не уступали друг другу, но после третьей ночи Аруин дрогнул. Владыка ши устал и замедлился, испарилось могущество из замахов. Но Аруин славился коварством и стойкостью. Беззвучным кличем он призвал на помощь кун ши. Псы набросились на Безликого со спины. Его спас тулпар, но и сам погиб.

Опечаленный утратой товарища, Безликий обратился в неистовый стальной вихрь. Грозный кельпи пал от индевелых ран, непобедимый меч-кайласах разлетелся на осколки. Аруин взмолился: «Пощади! Не калечь! Не уродуй!» Но Безликий не простил ему коварства: лишил его кисти правой руки и волшебного голоса. Звѣздный клинок рассѣк прекрасное лицо владыки на две половины.

По праву победителя Безликий велел демонам убираться с его земли. Ши ушли под холмы и создали там собственную страну Аннуин. Все пятнадцать веков сердце и разум владыки отравляла ненависть к захватчикам, лишившим его красоты. В оплату за его страдания Неистовый гон собирает кровавую дань каждую неделю Мардуна.

– Почему же Безликий не убил его? – недоумевал Николас. – Ничего не мог до конца довести. Слабак, а не всеильный бог! Если бы я был на его месте, то сражался бы до последней капли крови! За ваших родителей, за всех замученных. А уж если бы он напал на мою семью...

– Твоя смерть бы что-то изменила? – оборвал его горячую речь Гвидион. – Ввязываться в битву нужно, только когда ты можешь что-то изменить, когда скопил достаточно сил и опыта, чтобы победить. А отдавать жизнь на откуп слепой ярости и боли глупо. Ты так не думаешь?

Николас почесал в затылке. Что-то здесь не стыковалось. Дед ведь тоже хотел, чтобы Сумеречники выжили, а не погибли в бою с превосходящим по силе противником. Но теперь его считают трусом и предателем.

– Некоторые вещи можно понять, только столкнувшись с ними лицом к лицу, – Гвидион

потрепал его по волосам. – Но будем надеяться, что тебе не придётся. Однажды Безликий возродится и воздаст всем по заслугам, и Аруину, и даже Лучезарным.

Николас подтянул колени к груди и обнял их руками.

– Тогда почему он спит, когда вокруг происходит такое? И где этот край света? В Нордхейме? В Зюдхейме? Может, в самой Червоточине?

– Если бы люди знали, то давно нашли бы его. Не воспринимай легенды настолько всерьёз. Иногда это просто иносказания, – снисходительно улыбнулась Риана. – Возможно, Безликий был обычным Сумеречником, как ты или я, но подвиги возвеличили его в глазах людей до уровня небожителя. После его смерти люди продолжили мечтать, что в суровый час он вернётся вместе с золотым временем доблести, почёта и славы ордена.

– Значит, кто угодно может объявить себя Безликим? – поражённо спросил Николас.

– Да, но чтобы доказать свою божественность, ему придётся перегрызть ни одну глотку, – подмигнул ему Мидрир.

– Ну и задачка! Не хотел бы оказаться на его месте, нетушки! – решил он.

Праздновать Мардун решили в заброшенном святилище Госкенхендж, которое находилось в шести часах пути на север от Дома-под-холмом. По преданию полторы тысячи лет назад сам Безликий короновался и играл здесь свадьбу.

Древняя святыня состояла из трёх кругов каменных глыб с перекладинами наверху. В центре находился плоский мраморный алтарь. Здесь сохранились символы Повелителей стихий. На столбах дальнего круга с помощью тотемов Братьев-Ветров были обозначены стороны света: кот – запад, сова – восток, ворон – север, сокол – юг. На столбах второго круга – волны, вихри, языки пламени и деревья. К каждому крепились кувшины с водой, связки перьев, фонарики из репы, венки из омелы. На столбах ближнего круга – символы младших богов. Осколки старой культуры.

Гвидион служил в общине главным жрецом и распоряжался подготовкой ко всем праздникам, потому что долгое время учеников у него не было. Десять дней до Мардуна Николас помогал взрослым приводить святилище в порядок и готовить угощение. Наставник говорил, что это важная часть учёбы и их культуры.

Стараниями Сумеречников предгорье утопало в сухоцветах: тысячелистниках, бессмертниках, синеголовиках и трясунке. Трепетали на ветру гирлянды из листьев клёна, дуба, ясеня и осины. Гроздья рябины в них сверкали не хуже рубинов.

Приготовление закончилось вовремя и началось веселье. Гостей собралось – вся община в две сотни душ. Сумеречники нарядились в одежды в цвет осенней листвы: рыжие, красные, жёлтые. Лица прятали под масками. Древняя предосторожность, чтобы защитить себя от Неистового гона. Пили сидр и мёд, играли на арфах, лютнях, волынках и свирелях, ели угощение из яблок, орехов, печёной птицы и баранины, капусты и репы. Пели баллады о подвигах древних героев, о достославных временах, когда Сумеречников ещё чтили, как хозяев мира.

Для Николаса Риана сшила меховой костюм с забавным хвостиком, а Мидрир вырезал из ели маску, которую мальчик расписал углём. Гвидион потешался, что в таком виде ученик похож на шаловливого козлёнка.

Во время праздника Николас подносил ритуальные горшки с едой и ветви, поджигал костры на вершине холмов. Он был здесь единственным ребёнком. Взрослые смотрели на него с умилением и норовили чем-нибудь угостить.

– Хочешь рогалик? – спросил Гвидион, указывая на лихо отплясывающих в каменном круге святилища ряженных.

– Только не это! – Николас похлопал себя по переполненному животу.

– Тогда иди танцевать! – подхватил Мидрир в обычной шутливой манере. – А то будем кормить, пока не лопнешь!

– Но я не умею, – смутился мальчик.

– А тут не нужно уметь, – подбодрила его Риана. – Это пляска духов. В ней танцор полагается на ритм музыки и побуждения души, а не на заученные движения. Делай то, что тебе хочется, и это будет правильным. Никто не станет ругать. Обещаю!

Гвидион кивнул. Мидрир указал на блюдо с рогаликами. Николас припустил к танцующим. Взрослые взяли его за руки и закружили вместе с собой. Осмелев, мальчик принялся скакать под удары барабанов и стук бубнов. Он помахивал длинным хвостом, пальцами изображал на голове рожки и задорно блял, пытаясь забодать тех, кто подходил слишком близко. Гости хлопали и смеялись.

Впервые в неделю Мардуна Николас не болел и не чувствовал слабости, словно веселье наполняло его силами. Даже родинка напоминала о себе только лёгким зудом.

Но когда праздник закончился и община отправилась на ночёвку, стало, как никогда, жутко.

– Не бойся! Мы с братом уж сколько праздников мёртвых перевидали, а до сих пор живы, – успокаивала его Риана. – Волшебство Госкенхенджа защитит нас.

– Выбери столб, который тебе нравится, – велел Гвидион.

Николас долго не мог определиться. Его тянуло к столбу с неясью. Мудрая птица, хозяйка библиотек и хранительница книжных знаний, казалось, она мучается от одиночества и нуждается в нём, зовёт. Но ворон нравился ему не меньше. Он ведь тоже умный и верный. Что-то тёплое, будто тоска по родным, наполняло душу, когда Николас водил пальцами по бороздкам рисунка. Этот покровитель – самый надёжный.

– Хороший выбор. Знаешь, что означает его руна? – спросила Риана, укутывая мальчика в тёплое одеяло и плащ.

Николас внимательно изучил закорючку под вороном.

– На амулете Кишно есть такая же.

– Правильно. Это «Альгиз» – защита. Когда всё закончится, я научу тебя читать руны, – она погладила его по щеке и устроилась у соседнего столба, на котором в медной чаше чадил уголёк Неугасимого пламени.

Мидрир сел у камня, украшенного клубком омелы, и положил рядом с собой меч.

– Если что, будем отбиваться! – подмигнул он.

– Мидрир! – укорил его Гвидион. – Главное, сидите тихо, не жгите костёр, не разговаривайте, не шевелитесь и даже не спите. Николас, повторяй про себя заклинание: «Не смотри в глаза Мраку, иначе Мрак посмотрит на тебя». С рассветом Неистовый гон уберётся под холмы.

– А что такое Мрак? – Николас не хотел прекращать разговоры и отпускать наставника от себя. Ожидание оказалось куда страшнее бури.

– Сила, которая питает демонов, как нас питают наши стихии, – ответил Гвидион. – Это название упоминается только в самых древних балладах и молитвах, пришедших к нам с мёртвой прародины. А сути никто уже и не помнит. Просто зло.

Николас задумчиво хмыкнул.

– Будь умницей, и мы увидимся завтра на рассвете, – наставник помахал на прощание и ушёл в рошу.

На него Неистовый гон не охотился этой ночью.

Остальные затаились. Николас поднял взгляд на небо и принялся считать звёзды, дорисовывая их до фигур демонов и героев древности. Удушливая тьма заполняла воздух, вспыхивали ядовитой зеленью дорожки, замирали все звуки, даже ветер боялся шелохнуть листья на деревьях. Родинка пульсировала болью, вспухали на коже жилы.

Загрохотало всё вокруг. Стучали копыта, лаяли псы, выкрикивал кличи Неистовый гон. Показалась кавалькада всадников-дуллаханов. Под мышками они держали свои горящие зелёным пламенем головы и швыряли ими в людей. Всадники пролетали мимо Рианы, мимо Мидрира, не задевая их, словно тех защищала невидимая преграда. Полукровки застыли изваяниями, ведь сколько раз проживали подобное, должно быть, даже страх притупился и вошёл в привычку.

За дуллаханами последовали тощие борзые, покрытые сбившейся в колтуны кудрявой белой шерстью. Их кроваво-красные глаза полыхали яростью. Щерились пасти, с зубов капала смрадная слюна и отравляла землю вокруг. Псы рычали и клацали челюстями у самых лиц полукровок, но те оставались бесстрастны. На Николаса пока никто не нападал. Выдержал бы он такое или нет?

Водяные лошади кельпи оставляли следы из водорослей. Шкуры отливали гнилой зеленью болотных огоньков. Полупрозрачные баньши кружились хороводом, заламывая руки и стелая так, будто скребли когтями по стеклу. Вот-вот из ушей кровь хлынет. Косматые мары выползали из расселин, протягивали руки и шипели: «Наши-наши, заберём-заберём!». Бросались и налетали на невидимые преграды, отскакивали от них и со скулежом уползали восвояси.

Ночь Неистового гона длилась невероятно долго. Глаза чесались и слипались, голову кружило и клонило в сон, по телу разливалась слабость и дрожь. Ещё немного и Николас не выдержит – навсегда станет пленником подхолмового царства.

Приближался самый тёмный час перед рассветом. Все демоны уже прошли, наступила долгожданная передышка.

Но нет, снова послышался перестук копыт, храп кельпи, скрип седла. Об землю ударились кованые сапоги, когда всадник спешил. Тяжёлые шаги будто отмеряли последние мгновения жизни. Этот гость, двуликий Аруин, направлялся вовсе не к полукровкам. Он опустился на колени рядом с Николасом. Серебряные пальцы щупали воздух вокруг. Мальчик не смел оторвать взгляд от неба и повторял про себя: «Не смотри в глаза Мраку, иначе Мрак посмотрит на тебя. Не смотри! Ни за что не смотри!»

– А вот и ты, маленькая дрянь, – скрежетал надорванный голос. – Столько веков я ждал, столько веков копил ненависть. Прячься-не прячься за чужими спинами, беги-не беги, всё равно хоть с края света достану. В один из этих дней, в один из дней свершится моя месть! Ты заплатишь за всё своё зло!

Первый луч уже крался по земле, пробивался сквозь стволы. Темнота рассеивалась. Аруин вместе с туманом нехотя возвращался к поджидавшему в низине кельпи и мчался наперегонки с рассветом к волшебным холмам.

Щёки промокли и саднили от слёз, а во рту ощущался привкус крови от прикушенного языка. Николас и не заметил, как Риана побежала к нему, обняла и принялась гладить по волосам.

– Всё хорошо, всё закончилось. Теперь ты можешь поспать, ты герой!

К концу недели Николас немного обвыкся, начал воспринимать всё как страшный ритуал, ведь ночи проходили одинаково. Только Аруин искал мальчика, подходил к нему и скрежетал о своей неизбывной ненависти. Рассказывал, как будет поджаривать его на медленном огне, отрывать руки и ноги, убивать и оживлять, перемалывать косточки в муку. Но в этот год у владыки снова ничего не вышло.

После праздника Гвидион отвёз ученика в усадьбу Комри. Заслышав стук копыт, отец выбежал за ограду. Он выглядел бледным и осунувшимся, с заострившимися скулами и тёмными кругами под глазами, словно не спал всю неделю, хотя нужды в этом уже не было.

– Я справился, – выдавил из себя Николас, слабо улыбаясь.

– Я не сомневался в тебе, – ответил отец, прижимая его к себе. – Дети так быстро вырастают и перестают в нас нуждаться, а мы стареем и уже не можем участвовать в их жизни. Остаётся только наблюдать за их успехами и ждать, когда они и исчезнут из нашего поля зрения, а мы будем влачить дни в тоске по ним.

– Ты совсем не старей! – возмутился Николас. – И я никогда вас не брошу и не забуду!

Отец усмехнулся, глядя поверх его головы на Гвидиона. Они словно переговаривались о чём-то молчаливо, а мальчик снова ничего не понимал.

На каникулах дома Николас отсыпался и отдыхал. Родные устроили ему самый пышный день рождения с яблочными пирогами и сливовым пудингом, подарками и поздравлениями. Делать ничего не заставляли и только радовались. Видно, очень скучали.

Но Николас чувствовал себя отчуждённым, словно между ними образовалась стена, стена между Дольним миром людей и Горним – в котором он жил с наставником и двумя ши-полукровками в зачарованном Доме-под-холмом. Поделиться своими тревогами и впечатлениями он не мог, не находил общих тем для разговора и с нетерпением ждал возвращения в свой мир.

Когда Гвидион пришёл забирать его, Николас подслушал их разговор с отцом:

– Хорошо, что вы обучаете моего сына справляться с даром, но он совсем одичал и почти не разговаривает. Вы отводите ему слишком мало времени среди обычных людей. В результате у него не будет ни нормального образования, ни умения вести себя в обществе. Жить он сможет только в вашей общине. Вы этого добиваетесь?

– Ты умолял меня взять его в ученичество, а теперь возмущаешься? – гневался наставник. – Мы покажем ему то, что действительно важно. А уж с кем быть, он выберет сам.

Отец только скрипнул зубами и отвернулся. Но в следующий визит сына они отправились на шумную городскую ярмарку, где отец заставил Николаса общаться с людьми и вникать в дела, а после не оставлял в покое со всякими правилами и соблюдением политесов. Мальчик слушался только из привязанности к нему, хотя эти занятия интереса не вызывали, словно были совсем не его стихией.

Вскоре Гвидион ближе познакомил Николаса с другими Сумеречниками. Жили они в труднодоступной горной крепости, недалеко от укрытой скалами бухты. Изгнанники ловили рыбу, держали коз и овец, на небольших террасах разбивали сады и кое-как выживали. Обнаружились здесь и выходцы из знатного сословья. Некоторые вещи Николасу пришлось перенимать из их воспоминаний о высшем свете и чопорных манер, хотя искренность и непринуждённость Дома-под-холмом нравились ему гораздо больше.

После ужина в Доме-под-холмом они расслаивались в плетёные кресла и пели баллады о Сумеречниках, древние и новые. Мидрир играл на пузатой волынке из овечьей шкуры. Риана пела доставшимся ей от матери-ши тонким голосом. Гвидион перебирал струны лютни. Николасу же вручили обтянутый тугой кожей барабан. Пока мальчик не запомнил всех слов, ему велели отбивать ритм. Гвидион и Мидрир заявили, что это будет очень полезно для тренировок.

Пришлось сдаться, хотя к музыке Николас склонности не имел. Но эти мелодии и слова завораживали, переносили во времена великих подвигов, на поля битв, где кипели жаркие схватки, проливалась кровь, лязгало оружие, неслись в атаку кони, ликовали, побеждая, или падали в глубокой печали поражённые предательскими стрелами воины.

– Мой муж Повелл погиб в последней битве ордена при Астальшир Мур, – разоткровенничалась однажды Риана.

– Простите!

Николас чувствовал вину за деда каждый раз, когда разговор заходил о тех страшных событиях.

– Да ну, причём тут ты? – встрял Мидрир. – Тогда войском даже не твой дед руководил.

– То есть как? Но я думал...

– А вот так, – отвечал оборотень. – Доблестный Архимагистр Ойсин Фейн давал последние бои единоверцам и даже выигрывал. Его называли потомком Безликого, настолько удачлив он был. Ему молились, как богу. Всем казалось, что победа возможна и даже близка. Но его войско заманили в ловушку на болотах, окружённых кольцом неприступных скал. Выхода из Астальшир Мур было всего два, и оба перегородил Неистовый гон.

– Единоверцы сговорились с Аруином?! – Николас в ужасе прижал ладони к губам.

– Лучезарные. Обычные единоверцы об этом даже не догадываются. В той битве полегло много великих воинов, мой шуринок Повелл, и даже сам Архимагистр Фейн. Если бы на поле боя не появился Утренний всадник, в живых никого не осталось бы. Неистовый гон испугался его и пустился в бегство. Тогда по праву чемпиона Гэвин объявил себя Архимагистром и распустил орден. От него исходила такая ураганная мощь, что никто не решился перечить, даже бравые Сумеречники.

– Почему же он не смёл Лучезарных? – продолжал недоумевать Николас.

– Говорят, к ним в лагерь он пришёл уже окончательно надорванным и не мог поднять ветроплавом даже камень. Такие силы если и проявляются в нас в миг острой нужды, то очень ненадолго, и плата за них неимоверно велика. Всё нуждается в равновесии, даже сила, – включился в разговор Гвидион.

Николас задумчиво посмотрел на свои ладони. Распрощаться с даром, с жизнью, с честью ради одной победы, ради одной короткой вспышки? Какая чудовищная плата!

– Отец сказал, будто дед возродился во мне. Такое возможно?

– Я помню Гэвина в твоём возрасте. Вы очень похожи: и внешне, и характером, и проявлениями дара, – с тоской вздохнул Гвидион.

– Мы верим, что люди, как и растения, умирают поздней осенью, чтобы возродиться ранней весной обновлёнными, очистившимися, полными сил. Близкие, друзья, любимые, с которыми нас разделила смерть, обязательно встретятся с нами вновь. Набравшись опыта и став лучше, мы выстоим и проживём счастливую жизнь вместе. Я верю, что Повелл будет со мной в следующей жизни, поэтому храню ему верность. Это помогает жить дальше, – Риана

приложила к губам свой серебряный браслет на запястье.

– Но ведь мы ничего не помним о наших прошлых жизнях, – возразил Николас. – Я – нет, а вы?

Взрослые замотали головами.

– Помнит наше сердце, – ответила Риана. – Тот, к кому тебя неодолимо тянет даже сквозь огромные расстояния, тот, с кем жизнь сталкивает тебя вновь и вновь – это и есть близкие из твоих прошлых воплощений. Череда совпадений, повторяющиеся ситуации, навязчивые сны – всё приходит оттуда. Если разгадать их и не повторять старых ошибок, можно вырваться из порочного круга страданий и устремиться к светлому будущему.

– Сны? – Николас вспомнил, как звал отца, и с пальцев капала кровь.

Неужели это из прошлой жизни? И может повториться в этой?

– Тебя что-то беспокоит? – взгляделся в его лицо Гвидион.

– Так я, и правда, могу быть им? Моим дедом?

– Этого никто, кроме тебя, не скажет. Даже если что-то предначертано свыше, твоя судьба всё равно зависит только от твоего выбора. Так что скажи сам, ты – это он?

– Нет, – Николас задумчиво повёл плечами. – Я – это я и никто больше!

– Значит, так и будет, – примирительно улыбнулся наставник. – А теперь давайте споём про последнюю битву при Астальшир Мур!

Тревога потонула в звуках музыки и хоре голосов. Перед глазами вставали видения трагического конца.

Со временем учёба усложнилась: как тренировки с даром, так и фехтование. Они с Мидриром раскапывали на ровной полянке за холмами ямы и накрывали их огромным покрывалом. Николас ступал по нему сторожко, вспоминая расположение ловушек. Мидрир заставлял его лазать по деревьям, а позже и скалам в Каледонских горах, приучая к высоте. Принуждал носить на голове корзины с яблоками, вёдра с водой и миски с овсом.

Это пригодилось, когда Гвидион вздумал учить Николаса канатоходству. Они натянули верёвку между двух крепких сосен на высоте в несколько ярдов.

– Равновесие как телесное, так и душевное – главное для ветроплавов, – объяснял Гвидион. – Главное для любого Сумеречника, что с прямым даром, что с опосредованным, воздушным, водным, огненным или земляным. Причём телесное натренировать гораздо проще. Вспомни, как ты не любишь медитировать.

Николас поджал губы. Часами сидеть спокойно и слушать ветер, созерцая пространство перед собой, первое время было пыткой. Постоянно хотелось дёргаться. В мыслях вертелись все события из жизни, наскакивая друг на друга и мешаясь.

– Ничего, упорный труд даже самый крепкий алмаз огранит, – повторял Гвидион, когда что-то шло из рук вон плохо.

Со временем всё действительно спорилось или входило в привычку. За четыре года ученичества из Николаса напрочь выбили любые мысли о том, что в мире есть вещи неподвластные его воле.

Вначале он учился ходить по канату, помогая себе всем, чем можно: ветроплавом, руками, палкой. А потом без них. Он уже легко загонял верёвку между указательными и большими пальцами стоп, медленно поднимался, цепляясь ладонями за воздух, сгущать который запрещалось, распрямлялся, раскидывал руки в стороны и делал осторожные шаги вперёд.

Как-то раз они тренировались на пышном лугу за холмами. Неподдалёку журчала Тейта, петляла между холмами, напивалась из болот и озёр, раздаваясь вширь, и неслась к океану на западе. Гвидион поджидал в тени, у корней сосны. Налетел ветер, верёвка опасно раскачалась. Николас замер, удерживая равновесие дрожащими от напряжения коленями.

– Поторапливайся! Времени-то почти не осталось! – прикрикнул на него наставник.

Николас закусил губу и сделал ещё один шаг, свесившись немного вправо.

– Эгей! Вот вы где! – послышался из-за холмов звонкий возглас, зацокали копыта.

Неловко взмахнув руками, Николас полетел вниз. Ладони едва успели схватиться за верёвку. На дороге показался белый единорог. На нём восседала Риана в платье из зелёного сукна, расшитого трилистниками.

Ученик стиснул зубы и подтянулся. Пот застилал глаза, пока он снова цеплялся пальцами за верёвку и пытался подняться во весь рост. Только с третьего раза получилось.

– О, как вы замечательно проводите время! – воскликнула Риана, спешиваясь рядом с Гвидионом.

Николас расставил руки в стороны и двинулся вперёд, стараясь выпускать ногу на выдохе, ловить ритм и не останавливаться, пока не доберётся до конца.

– Какими судьбами, Ри? – улыбнулся Гвидион, щуря глаза на ярком солнце.

– Соскучилась, обед привезла, – она повернулась к Николасу.

Врёт всё! Небось, Мидрир проболтался, что на сегодня назначили его первую самостоятельную охоту, вот и пришла посмотреть вместо брата.

– Красивый мальчишка растёт! Ещё пару лет, и всё девчонки в округе будут сходить по нему с ума.

Николас добрался до противоположного дерева и ступил на толстую сосновую ветку. Отвязав край верёвки, он сполз вниз, пока до земли не осталось несколько ярдов. Дальше ствол становился лысым и скользким. Николас спрыгнул. Подушка ветроплава взрыла почву – смягчать падения ему всегда удавалось хорошо.

– Кому нужны ваши девчонки? Они только капризничают и плачут! – возмутился ученик. – И что в них Эдвард находит?

– Ой, нет, годика ещё четыре – так точно, пока умом не повзрослеет, – засмеялась Риана.

– Нет! Я буду странствовать по свету и защищать людей от демонов. Это куда важнее, чем девчонки, – заупрямился он.

– В любом случае после совершеннолетия тебе придётся надеть рогатую маску Короля-охотника и оставить общине наследника.

– Вот ещё! – Николас сложил руки на груди и демонстративно отвернулся. – Меня даже на испытание не отправят, чтобы я смог стать настоящим Сумеречником. С таким же успехом вы можете получить наследника от моего брата. Думаю, он будет счастлив!

– Подростки! – фыркнул Гвидион. – Ещё год назад он и слова против сказать не смел. Что дальше-то будет?

Николас протянул ладонь к стоявшему рядом единорогу. Погладить бы бархатисторозовый нос. Но волшебный зверь отпрянул, недовольно косясь лиловым глазом. Почему он только к девчонкам подходит? Несправедливо!

Да, нужно почитать наставника и доверять ему, но всему должен быть предел. Николас не случной барашек! Даже единорога не вынуждают общаться с теми, кто ему не нравится.

– Ладно-ладно, после церемонии взросления ещё поговорим об этом. Не бросай дело незаконченным! – Гвидион поднялся и толкнул ученика в плечо, указывая на привязанный к дереву край верёвки.

Николас глянул на узел, и верёвка покорно упала к его ногам.

– На кого охотимся? – Риана тронула его за локоть.

– На бобра-переростка, – буркнул Николас безразлично.

– В Передуровом омуте аванк завёлся, – Гвидион кивнул в сторону Тейты. – Воду мутит, заразу распространяет, уже на людей нападать начал. Нашей-то общине ничего, но если неударённые пожалуются, нагрянут Лучезарные и будет резня.

Риана печально вздохнула. Обычная история. Их община приглядывала за округой, зачищала от демонов и опасных хищников, чтобы неударённые не доносили о происках колдунов, а если и доносили, то даже Лучезарным было бы ясно, что это глупые наветы и суеверия.

«Не дразните спящего дракона. Лучше подбросьте ему побольше сонного зелья, чтобы он никогда не проснулся», – твердил Гвидион.

Николаса часто брали на охоту, вначале Мидрир, а потом и другие члены общины, чтобы мальчик быстрее привыкал и учился. Сперва он следил из засады, слушал наставления, помогал разделять туши и прятать останки. Когда Мидрир с Гвидионом решили, что он готов, то разрешили участвовать, пускай и под присмотром старших.

Стаю кун ши они загнали на скалы и сбросили в ущелье на острые камни. Устроили засаду на хобгоблинов, выползших из пещер и повадившихся воровать овец. В последний раз в болотах они нарвались на откормленного кельпи. Мидриру пришлось созвать на подмогу всех зверей и птиц с округи.

Николас долго выманивал кельпи на берег, в то время как демон пытался затащить его в воду. Они сошлись на самой кромке трясины, когда Николас решился забраться ему на спину. Едва поняв, что охота идёт на него самого, кельпи ринулся обратно в болото, но мальчик уже приклеился к его шкуре и огородил ветрощитом.

Мидрир заарканил демона и вытащил на берег благодаря пришедшему на выручку лосю. На земле кельпи стал куда менее ловким и хотел завалиться на спину, чтобы пришибить надоедливого мальчишку. Дальше от воды Николас смог сгустить воздух настолько, чтобы вовремя оторваться от клейкой чешуи и откатиться в сторону. Мидрир рубанул кельпи по горлу мечом, Николас подскочил и помог добить.

После этот оборотень заявил Гвидиону:

– Отчаянный мальчишка. Думаю, с мелочью он справится сам. Не вечно же его под колпаком держать.

Вот наставник и согласился поохотиться на аванка. Тем более остальные воины были заняты в других местах, а действовать надо было быстро.

Поглядывая на положение солнца на небе, Николас подобрался к реке. Знойный полдень – самое время. Со дна поднялась муть. Бежавшая на запад вода закрутилась воронкой, будто столкнулись два течения. Водоворот всё увеличивался.

Николас выхватил из-за пазухи мешочек с ядовитым порошком из высушенных корней аконита. Из воронки показалась пара жёлтых глаз. Вслед за ними появилась зубастая пасть, состоящая из бесчисленных рядов острых, как бритва, зубов. Николас швырнул в неё яд, ветроплав разорвал мешок по шву, подняв травяную пыль в воздух. Аванк захлопнул пасть. Глаза бешено вращались. Видно, жгучий порошок пришёлся ему не по вкусу. Николас отскочил подальше, аванк погнался за ним.

Риана и Гвидион напряглись, готовясь прийти на помощь. Но через десяток ярдов аванк рухнул и забился в судорогах.

Только когда он затих, они рискнули приблизиться. Тело аванка покрывала густая коричневая шерсть с лоскутами блестящей зелёной чешуи. Длинной футов в пять, лапы и туловище – как у бобра, а морда как у ящерицы, только с чёрными усами.

– Чистая работа, – Гвидион похлопал Николаса по плечу.

Он стоял пришибленный. Голова пустая, все силы пропали вместе с боевым запалом, словно в первый раз демона видел. Оказывается, своими руками убивать куда тяжелее. Вот-вот слеза по щеке скатится.

– Заканчивай дело. Сам же хотел охотиться по-настоящему, – укорил его Гвидион.

Николас схватил оставленную у сосны лопату и принялся копать яму подальше от берега, чтобы тушу не смыло паводком. Земля здесь была рыхлая, но тяжёлая от сырости. Николас умаялся гораздо больше, чем за короткие мгновения охоты и старался не смотреть в сторону мёртвого аванка. Вот и пригодилась медитация, пускай даже сосредотачивался он на мерных взмахах лопаты.

Сбросив тушу в яму, Николас засыпал её и накрыл сверху дёрном, чтобы выглядело как маленький холмик. Главное, чтобы кладоискатели раскапывать не полезли.

Риана вытерла ему пот платком и напоила водой из фляги. Солнце кренилось к западу, нужно было возвращаться.

– Что ты усвоил из этого урока, мой мальчик? – спрашивал Гвидион, пока они брели к холмам на северо-востоке.

– Убить – это только полбеды, потом надо справиться с последствиями, – хмуро ответил Николас.

Перед глазами всё ещё возникала мёртвая тварь.

– Привыкнешь со временем. Если в первый раз не сломался, дальше будет легче, – Гвидион сжал его плечо и ободряюще улыбнулся.

Только надо ли, чтобы становилось легче?

===== Глава 7. Прощание с отцом =====

1563 г. от заселения Мунгарда, Озёрный край, Авалор

Шесть лет прошло, как Гвидион взял Николаса в ученики. Мальчик окреп и возмужал, хотя оставался невысоким и жилистым – ветроплавцы вырастают позже остальных. Наставник ещё это помнил.

Под присмотром Мидрира Николас научился использовать свои особенности, как преимущество, к тому же дар позволял ему справляться с весом большим, чем он сам. Да и способностями мальчик овладел ошеломительно быстро, привык к Горнему миру и его обитателям, словно был их частью. Он так стремился повзрослеть, справляться со всем самостоятельно, хотя опыта ему не хватало, общения с обычными людьми. Родись он на поколение-два раньше, стал бы маршалом, а то и Архимагистром, а сейчас даже настоящего Сумеречника из него не сделать. Остаётся надеяться, что в будущем обстоятельства изменятся.

Казалось, Николас всегда жил в Доме-под-холмом, наполняя их изгнание светом и радостью. Когда ученик уходил, все дела текли лениво.

Едва-едва начал таять снег, разлилась половодьем Тейта, на лесных прогалинах показались первоцветы. Несколько дней моросил дождь, изредка подсыпая мокрыми хлопьями снега. Дороги развезло, и грязь была повсюду, но хотя бы этот вечер выдался тихий и безветренный. Тоскливо подвывали волки на опушке, ухали совы.

Риана разливала горячий травяной отвар от простуды по глиняным чашкам. Гвидион оторвался от своих мыслей и перебрался за стол. Мидрира потребовалось окликнуть несколько раз, прежде чем он отвлекся от полировки меча, невзрачного на первый взгляд, но очень удобного и сбалансированного.

Они уселись за стол, Гвидион капнул себе и Мидриру по капле виски в чашку. Чокнулись, выпили. Тишину нарушало лишь их дыхание. Пахло чабрецом и вербеной. Даже взгляды не желали пересекаться сегодня, а уж тянуть из себя слова и вовсе не хотелось.

На дороге снаружи зачавкало почти плотоядно. Все вздрогнули, отвар выплеснулся из чашки Рианы. В дверь гулко постучали, будто клюкой. Мидрир подскочил и потянулся за мечом, но Гвидион отстранил его и подошёл к потаённому оконцу.

– Вёльва... – сорвался с губ тревожный шёпот.

– Зачем? Что ей ещё нужно?! – возмутился Мидрир, сжимая кулаки.

Риана схватила брата за запястье, чтобы успокоить.

Гвидион вышел в прихожую. Заскрежетали, отворяясь, засовы, дверь распахнулась.

– Чем обязаны, о дальнегоглядящая? – спросил Гвидион с наигранной почтительностью, впрочем, согнулся в поклоне.

На свет вышла коренастая морщинистая старуха. Не та, что приходила к ним на Мардунтайд четырнадцать лет назад. И всё же, белоглазые горевестницы – все одинаковые. Служат своей грязноволосой богине морской пучины – Седне, повинуются оракулу Норн, который построил норикийский вождь-книжник.

Ветхий плащ был одет поверх серого балахона, стоптались заляпанные грязью сапоги. Вёльва оставляла на полу грязные лужицы, сучковатая клюка отбивала монотонный ритм. Белые глаза шарили по всему дому, словно пронзая обитателей и их судьбы слепым взором. Как предвещающая ненастье туча.

– Тем, чем и всегда. Божественной волей. Твой ученик должен немедля отправиться на

испытание, – просипела вельва, снова обернувшись к Гвидиону.

– Мы больше не отправляем никого на испытания, да и ему ещё два года до совершеннолетия, – вмешалась Риана.

– Это высшее повеление, а не ваши косные традиции. Если боги сочли, что он готов, значит, так и есть. Не вы ли сами утверждали, что он развит не по годам?

Обитатели дома переглянулись. Звериные глаза Мидрира наливались яростью, ходили желваки по скулам, бледнела Риана. В их глазах отражалась тревога Гвидиона, хоть вести себя неосмотрительно было для него роскошью.

– Оракул Норн говорит, что грядут новые гонения на Сумеречников, прольётся много крови. Если мальчик останется здесь, то не доживёт до пятнадцатой зимы. Он не принадлежит вам, как не принадлежит собственному отцу. Откажитесь от планов, которые вы уже составили на его судьбу. Она гораздо важнее, чем судьба сына или ученика. Вещи Норны шепчутся о нём. Впервые за долгое время они вынырнули из глубин источника, чтобы предсказать его рождение. Сейчас они желают уберечь его больше всего на свете.

– Вы заберёте его в золотой Дюарль? Неужели он важнее норикийского мальчика-мессии? – не удержался от колкости Мидрир.

Вельва сверкнула на него белёсыми глазами, осаживая.

– Они – часть одной сущности, их судьбы неразрывно связаны. Но нет, ваш ученик отправится не в Норикию, а в Долину Агарты в Снежных горах. Он должен отыскать себя. А после сам поймёт, куда ему ехать.

– Это даже не испытание, а горячечный бред обкуренных кампалой баб! – вспыхнул Мидрир.

Не обратив на него внимания, Гвидион заключил:

– Мы сделаем, что вы просите, пускай даже для нас это значит лишиться единственного за много лет ученика и надежды на будущее.

– Главное, чтобы он жил, – кивнула вельва и, не прощаясь, направилась к выходу.

На улице проснулся ветер. Он свистел, развевая лоскуты её ветхого одеяния. Вельва ползла вверх по дороге между холмами, расплёскивая воду из луж, пока беззвёздная ночь не поглотила её.

Гвидион затворил дверь и обернулся к остальным:

– Риана, зови единорога и скачи в горы. Собирай всех наших в крепости. Мидрир – на тебе дозорные и те, кто ютится по округе. Мы должны укрыться до того, как сюда явятся Лучезарные. Если подступят к крепости, уйдём дальше в горы по потайным пещерным ходам. Там и встретимся. Я предупрежу Комри.

Риана с Мидриром одновременно бросились перебирать вещи. Каждому хотелось оставить ученику подарок, пускай даже они не готовились к прощанию заранее.

К усадьбе Комри по весенней распутице Гвидион добрался только следующей ночью. Замок на воротах легко поддался умелым рукам. Укутанные иллюзией спокойствия даже дворовые псы не подняли лай.

В окнах не горел свет, видно, обитатели спали. Гвидион постучал в дверь. Ждать пришлось долго, пока изнутри не донеслись торопливые шаги. На пороге показался заспанный Даррен в белой рубахе до пят и ночном колпаке. В руке чадил огарок свечи.

– Вы знаете, который сейчас час? Я не отпущу с вами сына, ещё три дня он пробудет дома!

– Ах, если бы! Впусти меня, на пороге такие вещи обсуждать не стоит, особенно в наше тревожное время.

Даррен посторонился. Гвидион вошёл в гостиную и устроился в мягком кресле. Хозяин налил ему и себе по чашке ещё не остывшего отвара, чтобы согреться и проснуться.

– У нас была вельва... – нашёл слова наставник. – Она приходила за твоим сыном. Ты же знаешь, что он живёт у тебя в долг, перед ней и перед нами.

Пронзительно-синие, как у всех в роду Комри, глаза испуганно расширились. Даррен сложил руки на груди:

– Давайте не будем об этом!

– Вот и я предлагаю забыть вражду, – кивнул Гвидион. – Грядут новые гонения, Белый Палач будет искать Николаса. Он уже видел мальчика и наверняка узнает его при встрече. Николас должен уехать.

– В Норикию? – нахмурился Даррен.

Это известие он принял лучше, чем предполагалось. Видимо, тоже жил в страхе перед гонениями, что-то уже решил.

– Нет, на испытание.

– Он ещё слишком мал! – непроизвольно повысил голос Даррен и осёкся, оглянувшись на лестницу. Но дом оставался тих. – Нет, я не отправлю его на смерть.

– Это его единственный шанс выжить. Забудь, наконец, что случилось с твоим братом, перестань быть маленьким испуганным мальчиком. Николас рос на моих глазах, он гораздо сильнее, чем все мои ученики вместе взятые. Если кто и сможет пройти испытание сейчас, то только он. Дай ему шанс!

– Нет. Нет! – Даррен мотал головой. – Я и так перед ним виноват. Я смогу защитить его здесь, я что-нибудь придумаю. Если нам поможет.

Гвидион перехватил его трясущиеся ладони:

– От Лесли слишком долго не было вестей. Белый Палач давно подбивал к нему клинья и, вполне вероятно, преуспел.

– Нет! Народ бы возмутился!

– Для народа Лучезарные сочинят очередную сказку, и те поверят, как верили всегда. А нам надо быть умнее. Отправь Николаса на испытание сегодня же, а сам забирай семью и езжай с нами в Каледонские горы. Даю слово, никто вас не тронет.

– Нет, моя семья ничего не знает о Сумеречниках. Они неударённые и не станут жить, как изгои, боясь собственной тени. – Даррен презрительно сузил глаза. – Гонения были и раньше, мы их пережили. Переживём и это. Мой отец слишком многим пожертвовал, чтобы я сдался так легко.

– Твоя гордыня тебя погубит, – покачал головой Гвидион. – Николас отправится на испытание. Это моя воля, как его наставника. У тебя нет власти ей перечить. И ты ничего не скажешь ему о причине спешки.

– Кому не скажет? О чём?

Они оба вздрогнули и повернулись к лестнице. На ней стоял растрёпанный со сна Николас в ночной рубашке до середины икр, с такой же свечкой в руках, с какой Гвидиона встречал Даррен.

Обстановка в усадьбе немного смягчилась после того, как Эдварду стукнуло шестнадцать и он вышел из-под опеки отца. Теперь большую часть времени брат пропадал в

соседнем городке. Он обучал желающих фехтованию и участвовал в показательных поединках. Выручал небольшие деньги и просаживал их на развлечения. Дома Эдвард бывал редко, а когда возвращался Николас, так и вовсе не заглядывал. Отец переживал, что брат вляпается в неприятности, но Николас втайне радовался за него и мечтал тоже зажить самостоятельно.

Лизи запоем читала рыцарские романы и щебетала только о замужестве. Сестра сетовала, что родителям вряд ли удастся собрать для неё богатое приданое, а без него приличного жениха не найти. Мать вздыхала всё чаще о том, как быстро вырастают дети.

Эти заботы были настолько далеки от Николаса, насколько это было возможно. Настоящая жизнь начиналась за лесом у гряды холмов, в Горнем мире духов и демонов. Сейчас же приходилось помогать отцу по хозяйству, вникать в нюансы содержания усадьбы и получения дохода с принадлежащих им земель от арендаторов, торговли и прочей скуки. Николас сделал бы всё иначе, жил бы по-другому, даже дом построил иной в другом месте, если бы только мог.

Он всегда спал чутко, особенно в усадьбе, где не уставал так сильно. Потому и проснулся от громких возгласов отца. Послышался едва различимый голос Гвидиона. Николас спустился к ним, но услышал только последнюю фразу.

Их лица вытянулись, как у заговорщиков. Николас недовольно прищурился: ещё в детстве бесило, когда его дурили, и он не понимал, что происходит. Но сейчас ощущения было во сто крат хуже, ведь он уже почти взрослый.

– Это что-то связанное со мной? Договаривайте! – потребовал Николас, подойдя к ним вплотную. – Или вы мне не доверяете?

– Доверяем, Ники, конечно, доверяем, – успокоил его наставник, в то время как отец продолжал тарашиться, приоткрыв рот. – Мы не хотели, чтобы твой старший брат знал, куда ты уедешь.

– Я куда-то уеду? – Николас вскинул брови.

– Да, ты отправляешься на испытание и станешь Сумеречником, – сообщил Гвидион.

– Но вы же говорили... Да и учиться мне ещё два года, – насторожился Николас.

– Ты очень талантлив и уже знаешь всё, что нужно. К тому же, когда доберёшься до места, тебе уже минет шестнадцать. Так что не переживай, – Гвидион поднялся и положил руку ему на плечо, но хотелось услышать слова отца для разнообразия.

– Почему ты кричал? Думаешь, я не справлюсь?

– Ники, я... – отец запнулся и опустил взгляд.

– Даррен, будь добр, карту. У нас совсем нет времени, – распорядился Гвидион, и отец покорно отправился в свой кабинет. – А ты что стоишь? Беги вещи собирать. Тебе выезжать на рассвете.

Слушаться не хотелось. Покорность, своя и отца, бесила до одури. Но поделаться ничего не получалось – слишком в кровь вьелась власть наставника. Вещи стояли собранные в узелках в углу на случай, если общине понадобится помощь. Они заранее об этом улавливались. Ещё нужна была еда, больше оружия и деньги, раз уж самостоятельная жизнь, о которой Николас столько грезил, начнётся уже на рассвете.

Когда он вернулся в гостиную, Гвидион с отцом снова сидели за столом перед картой, но на этот раз молчали. Второй поддерживал руками голову, всё так же избегая взгляда сына.

– Смотри, – подозвал его наставник. – Ты должен достичь Долины Агарты в Снежных

горах и найти там... себя.

– Себя? – одновременно спросили отец и сын.

– Что это за трофей? – недоумевал Николас. – Я думал, цель испытания – охота на демона.

– Я не знаю. Это повеление свыше. Ты должен разобраться сам, – пожал плечами Гвидион. – Там ты поймёшь, куда лежит твой путь дальше.

– Но Агартти – это миф! Никому ещё не удавалось перебраться за кольцо неприступных гор и вернуться, чтобы рассказать об этом, – возмутился отец.

– Но откуда-то же о ней известно, – непроницаемо ответил Гвидион, отмеряя пальцами расстояние от Туманных островов до Крыши мира у восточной окраины Мунгарда. – Зато это не Червоточина в Нордхейме и не кладбище слонов в Гундигарде.

– Не уверен, что это было бы хуже, – отец снова горестно свесил голову, словно хоронил сына заживо.

– Николас, запоминай внимательно. Это – единственное, чем я могу помочь. Поезжай в Леннокс, – Гвидион указал на портовый город на юго-востоке Каледонских гор. – Там сядешь на корабль до Урсалии. Оттуда проедешь через всю Лапию на юг. Вольные города безопасны, Лучезарные ещё не установили там свою власть. Потом минуешь Кундию, где сейчас такой разброд, что на тебя вряд ли обратят внимание. В Веломовии держись подальше от больших городов. Границы Белоземской и Зареченской провинций – самый безопасный путь. Голубые Капюшоны в них навевываются, только когда детей-мыслечтецов ищут. Как перевалишь через Рифейский хребет, спустишь по течению Седой реки до Снежных гор. Там-то она и будет – Долина Агартти.

Риана неплохо понатаסקала Николаса в географии, а отец всегда заботился, чтобы он был в курсе последних событий. Что да как Николас примерно представлял.

– Не удобнее ли ехать через Норикю и Элам? – встрял отец. – Это южнее, погода лучше, путь проще, да и ближе через Поднебесную-то. Там нет Лучезарных.

– Зато там есть Компания «Норн», – осадил его Гвидион. – Стоит твоему сыну хоть ногой ступить на земли Норикии, как он тут же попадёт в лапы вождю-книжнику, и тот его никуда не выпустит. Слышишь, Николас? Держись как можно дальше от норикийцев. Не верь им. Они немногим лучше Лучезарных.

Николас вздохнул, делая зарубку на памяти.

– В Лапии найдёшь себе компаньона, – продолжал учительствовать старик. – Там тоже сохранились общины Сумеречников. Из наших никто с тобой поехать не сможет. Тебе с твоими склонностями и характером лучше всего подойдёт целитель, желательно, старше и осмотрительней, чем ты сам.

Вот уж нет! Говорят, Лапия – страна огнежаров. Надо найти того, кто тоже мечтает о подвигах и славе. Вдвоём, огонь и ветер, будут непобедимы. Или хотя бы прорвутся сквозь патрули Лучезарных, ведь мыслечтение на Николаса не действует.

– Эй, я знаю, о чём ты думаешь! – взмахнул у него перед лицом ладонью Гвидион. – Не применяй ветроплав без крайней нужды, не снимай амулет Кишно, не привлекай к себе внимание. Ты один с Лучезарными не справишься. Не называй своего имени, постарайся достать дорожные грамоты.

– Мы могли бы попросить Лесли, – заметил отец.

– Долго, к тому же просьбу могут перехватить, – покачал головой Гвидион. – Неделю Мардуна проводи на священной земле и соблюдай все предосторожности. Неистовый гон

может докатываться аж до Рифейских гор. Дорога дальняя, всем тебя даже отец не обеспечит. Нанимайся на посильную работу, но не иди против совести и наших законов. Главное, плату всегда бери вперёд.

Отец придвинул к сыну большой кошель.

– Это всё, что есть. Там ещё пару неприметных безделушек на продажу.

– А как же приданное для Лизи? – замотал головой Николас.

– Ты сейчас важнее.

– Тут я полностью согласен, – поддержал его наставник. – Первое время без денег ты не продержишься, да и за дорогу до Урсалии придётся заплатить.

Они обговаривали менее существенные детали и собирали оставшиеся вещи, споря, что будет лишним. На рассвете, передав Николасу подарки – рубашку с оберёжной вышивкой от Рианы и лук со стрелами от Мидрира – Гвидион попрощался и скрылся в лесу.

Когда всё уже было готово, начали просыпаться домочадцы. Лизи первой выбежала в гостиную, почувствовав, что отец с братом уже давно не спят.

– Ты снова уезжаешь? – понурилась она.

– Да, на этот раз надолго. Года на два-три, но я обязательно привезу тебе какую-нибудь диковинку, и, может быть, раздобуду денег на приданное, – неловко отшутился Николас и обнял её на прощание.

– Два-три года – это так долго, – в глазах Лизи стыли слёзы. – Куда же ты и зачем?

Николас потупился:

– Так надо. Просто надо. Не спрашивай больше!

– Лизи! – на лестнице показалась мама.

Она обняла и поцеловала в лоб.

– Мне иногда жаль, что твой отец ничего нам не рассказывает. Но как бы там ни было, моя любовь и моё благословение всегда с тобой, мой милый мальчик.

С её губ сорвался всхлип, его рубашка промокла от её слёз.

– Мама! – Николас чувствовал себя до жути неловко, словно снова стал мелким сопливым мальчишкой, который тоже вот-вот расплечется. – Не надо, пожалуйста!.. Я... Я же не навсегда, я только туда и обратно!

– Конечно, – она отстранилась и вытерла глаза платком. – Возвращайся! Мы все будем тебя ждать и считать дни.

Зачем он так чурался их, когда было время? Вернётся ли он? Выживет ли? Нет, нельзя даже думать о неудаче.

Эдвард не собирался заглядывать домой в ближайшие дни – с ним никак попрощаться не удастся.

Подхватив тюки, Николас поспешил во двор, где его ждал отец с посёдланной лошастью. Остальные наблюдали с порога, давая им возможность попрощаться без посторонних ушей.

– В Ленноксе продай – ещё денег выручишь, – сказал отец, впервые осмелившись взглянуть сыну в лицо. Даже слабо улыбнулся. – Вот... это теперь твоё по праву.

Он вручил сыну продолговатый свёрток. Николас отогнул ткань и ахнул: сверкнул коричневый камушек-крестовик в навершии дедовского клеймора.

– Надеюсь, он послужит тебе верой и правдой, как служил Утреннему Всаднику.

– Отец, что ты скрываешь? Гвидион же тогда соврал – я видел, – не выдержал Николас его унылого вида.

– Я... не могу. Прости. Ты должен ехать, – отец замолчал, глотая ртом воздух. – Это

испытание – твоя судьба. Твой дед просил меня об этом перед казнью.

– Поэтому ты обрёк меня на проклятье мар ещё до моего рождения? – взвился Николас, нутром чувствуя фальшь.

– Кто тебе... Гвидион, подлец! Кто же ещё?

– Какая разница! Почему даже сейчас ты не можешь в меня поверить? Что я выстою, смогу один без дедовых волшебных мечей и твоих денег!

– Но ведь я... Я просто хочу, чтобы ты прожил долгую счастливую жизнь. Николас!

Не слушая отца, он закинул тюки на лошадь и запрыгнул в седло. Хватит! От слёз и траурного выражения лица родных, будто его уже похоронили, тошнило.

Даррен ухватил коня за поводья, заглядывая Николасу в глаза:

– Пожалуйста, давай не будем расставаться вот так. Я сделал всё, чтобы загладить свою вину, всё, чтобы ты выжил. Ну же, не молчи! Скажи, что не держишь на меня зла. Быть может, мы больше никогда не увидимся, сын!

Руки предательски дрогнули, Николас стиснул зубы и вырвал у отца поводья. Зачем, зачем они травят ему душу?

Нет, он не хлюпик и не слабак, он не будет плакать. Он доберётся до мифической долины, чего бы это ни стоило. Он найдёт там... чего бы ни требовалось. Он вернётся домой победителем, и тогда отец поймёт, все поймут, что он настоящий воин не хуже деда!

Пятки со всей силы врезались в конские бока. Не потрудившись даже разогреть лошадь, юноша погнал её галопом к лесной дороге. Лишь ветер и восходящее солнце видели выступившие на его глазах злые слёзы.

Когда усадьба скрылась за поворотом, Николас придержал коня. Холодный весенний воздух остудил его пыл. Во взрослой жизни всё придётся делать самому. Никто уже не подскажет и не одёрнет за руку, если он потеряет бдительность и совершит ошибку, которая может стоить не только миссии, но и жизни. Надо собраться и не совершать глупостей сгоряча.

Николас внимательно следил за дорогой и перебирал в голове все советы наставника и свои знания, составляя примерный план. Держаться тише воды ниже травы и не привлекать внимания – вот лучшая тактика. А неприятности найдут его сами.

Лесные дороги развезло так, что ехать быстро не получалось, а показываться на открытой местности, рядом с селениями до самого Леннокса не стоило.

Без приключений Николас добрался до места через пару дней к закату. Небольшой портовый городок кишел людьми. За ворота пропускали всех, кто выглядел хоть немного пристойно и мог заплатить пошину. Николас натянул капюшон поглубже и бросил медьку в подставленную ладонь стражника, когда подошла его очередь.

Люди толкались, кричали друг на друга, тянули на себе узлы с вещами. Несмотря на сгущающиеся сумерки, все торопились в порт. Николас спешил и повёл коня в поводу. Не меньше часа понадобилось, чтобы протиснуться к конторе распорядителя в доках. Сложенная из серого камня хибара трещала от наплыва посетителей. Хвост очереди тянулся до конца улицы.

Николас решил сперва продать коня, пока его не украли. Цены он помнил плохо и жалел, что пропускал важные сведения мимо ушей. Торговаться с ушлым перекупщиком, норовившим облапошить безусого юнца, пришлось долго. Проливным дождём лились речи о том, как всем тяжело живётся в нынешнее непростое время, но вроде бы Николас выручил

справедливую плату.

К распорядителю он вернулся под конец служб, когда зазвонили колокола в замшелом храме Единого-милостивого, который служил ещё и маяком. Судя по причудливой архитектуре и украшениям в виде морских чудищ, раньше он принадлежал Повелителю Вод. Видимо, денег здесь не хватило даже на то, чтобы хоть немного подновить постройку.

У конторы до сих пор толпились люди. На узкий порог вышел человек в засаленной рубашке и штанах. Он принялся всех выпроваживать, выслушивая череду возмущений.

– Завтра всё, завтра! Не нужно меня во дворе караулить и пугать моих кошек.

Николас подался вперёд, разглядывая его в свете свечного фонаря. Воротник на рубашке был не зашнурован, хотя с наступлением темноты начало пробираться от сырости. Из-под отвёрнутого края на груди выглядывала татуировка в виде паутины – знак общины Каледонских гор.

Мужчина уже закончил ругаться с посетителями и направился к Николасу. Тот вытянул из кошелька деревянный кругляш с таким же узором и покатал между пальцами. Этот знак они использовали в общине, чтобы узнавать друг друга.

– А-а-а, племянничек! – лицо распорядителя скривилось в ухмылке. Он приветственно похлопал Николаса по спине. – Ступай в дом скорее, стол уже накрыт. А то мы переживали, что на тебя в дороге напали. Мало ли, времена лихие.

Николас удивился, но виду не показал и направился на задний двор. Дверь открыла сухая женщина в старом залатанном платье и переднике, волосы скрывал посеревший от стирки чепец.

– Ты родственник Бойда с той стороны Каледонских гор? – спросила она, изучая его.

Николас учуял запах рыбной похлёбки и заглянул внутрь. За столом сидели трое мелких мальчишек и косились на него с любопытством.

– Да, – сказал он, напуская на себя уверенный вид. – Бойд послал меня к вам.

– Заходи, садись за стол, – она забрала его плащ и повертела в руках, разглядывая ткань и швы. – Не думала, что в рыбацкой деревушке можно разжиться такой роскошью.

– Отец последнее отдал, – Николас пожал плечами, выдумывая на ходу историю. Лишь бы рассказ Бойда ей не противоречил, ведь женщина, судя по всему, об общине ничего не знала. – Хочет, чтобы я стал кундским рыцарем, помог семье выбраться из бедности. Я смогу!

Она скептически хмыкнула, но спрашивать ничего не стала. За её спиной появился распорядитель Бойд.

– Ух, достали! – посетовал он. – Чувствую, завтра штурмом контору будут брать. Где ж я для них столько мест найду, раз кораблей почти не осталось?

– А что случилось? – нахмурился Николас.

– Вы, видать, в своём захолустье ничего не слышали. На юге перекрыли все порты, из больших городов никого не выпускают. Лучезарные готовят облаву на колдунов. Говорят, вскрылся заговор при дворе. Все боятся новой войны и бегут на большую землю, – объяснил распорядитель.

Засосало под ложечкой, живот стянуло до тошноты. Отец! Они все остались там! Знают ли? Нужно вернуться, предупредить! Николас проводит их в безопасность, а потом отправится на испытание. Жаль, конечно, бросать общину, им тоже понадобится помощь...

Стоп! А Гвидион? Разве он мог не знать о грядущей буре? Если уж Бойд в курсе, то и остальные тоже. Так зачем Николаса, неплохого, пускай даже непосвящённого бойца,

высылают с острова перед битвой?

– Не бледней так! – положил ему руку на плечо Бойд. – Мы с твоим стариком обо всём договорились. Завтра утром сядешь на корабль до Урсалии – последнее место для тебя выбил. Чай не чужие, – он улыбнулся щербатым ртом. – Главное, не опаздывай. Наш порт тоже со дня на день закроют, а все места на корабли распроданы. Смельчаки жаждут ехать в рыбацких лодках, а кто и вовсе вплавь. Это при том, что вода ледяная.

Николас сник, кусая губы. Значит, вывести семью в безопасность не удастся, да и шансов пройти испытание не останется. Если Николас вернётся, то докажет, что он несамостоятельный слабак. И дня не прошло, как он испугался ответственности взрослой жизни, выбрал неправильно, ошибся.

– Садись ужинать, не стесняйся так! – прикрикнул Бойд. – А потом спать. Корабль на рассвете отходит. Сейчас к тому же штормит – плаванье будет не из лёгких.

Николас заставил себя съесть миску похлёбки, хотя кусок в горло не лез. Что станет с родными и с общиной за время его отсутствия? Крепость в Каледонских горах хорошо спрятана и неприступна. Гвидион говорил, что все её тайны знают лишь несколько посвящённых, до которых Лучезарные точно не доберутся. Если что, наставник укроет там его семью. Точно! Так и будет.

Если Николас останется, то не факт, получится на что-то повлиять. Один в поле не воин, тем более неопытный, непосвящённый. А возможность стать Сумеречником одна – уехать завтра в Урсалию. Быть может, он обретёт силу, с которой защитит родных и поможет общине выбраться из подполья.

На ночь Николаса устроили на лавке у очага – почётное место для гостей, самое тёплое. Но тревога не давала заснуть. Он отвернулся к стенке и разглядывал бугристый камень. Даже медитация успокоиться не помогала. В ушах всё бились слова отца, мольба в его взгляде.

Так хотелось услышать:

«Ты всё сможешь, сын. Ты поступаешь правильно. Я горжусь тобой!»

– Вот, выпей. Тебе нужно поспать, – коснулся его плеча Бойд.

Николас повернулся и взял из его рук чашку с горячим отваром.

– Не переживай, – зашептал распорядитель в самое ухо. – Если в общине решили, что ты должен ехать, значит, так будет лучше для всех. Если хочешь помочь, не дури, думай головой. Ты обязан исполнить свою миссию.

– Я понимаю. Спасибо, – кивнул Николас и выпил обжигающий напиток залпом.

Сморило его, как только голова опустилась на набитую соломой подушку. Казалось, всего через пару мгновений Бойд разбудил его, коснувшись плеча.

– Лучезарные нагрянули. Надо торопиться на причал. Если тебя здесь застанут... – распорядитель покачал головой. – Я проведу.

Николас накинул плащ и взвалил на плечо тюк с вещами. К быстрым побудкам ему было не привыкать.

К причалу пришлось пробираться по подворотням и задним дворам. Повезло, что Бойд знал все входы и выходы. Иногда, улавливая голубые отсветы аур Лучезарных, они оба замирали и ждали, пока пройдёт патруль. Уже светало, когда между расступившихся домов показался деревянный настил, к которому пришвартовалась небольшая двухмачтовая шхуна. У спущенного трапа дежурили Лучезарные в голубых плащах и проверяли прорывающихся на борт пассажиров.

– Вот демоны, опоздали! – тихо выругался Бойд. – Хоть бы рейс не отменили. Иди!

Голову выше, веди себя так, словно тебе нечего скрывать. Может, пронесёт.

Николас отсчитал ему щедрое вознаграждение.

– Не ждите меня, ступайте домой, у вас же семья, – кивнул он. – Благодарю за помощь.

Пускай дни ваши будут долгими и светлыми.

Церемониально прощаться в присутствии врага Николас не решился и бодро двинулся по причалу к хвосту длинной очереди.

– Кто таков? Где твои грамоты? – строго спросил его дозорный. – Цель и место назначения?

Николас вытащил из-за пазухи лист, который ему вручил Бойд.

– Мортимер Стигс из Дорнаха на западном берегу Каледонии. Следую в кундский гарнизон Каплис. Хочу стать рыцарем и бить иноверцев в Эламе.

– Больно ты хорошо одет для простолюдина и говоришь правильно, – Лучезарный смерил Николаса тяжёлым взглядом и поднял его подбородок на кончике пальца.

Хоть бы не заметил болтавшийся на кожаном шнуре амулет. К Николасу потянулись голубые мысленити. В голове он монотонно повторил то же, что и вслух, представляя себе скалистые берега Дорнаха, череду мостившихся друг к другу домов и запах поповшейся в сети рыбы. Опытного мыслечтеца, который сталкивался бы с ветроплавами раньше, такой трюк не провёл бы.

– Мой отец – купец. Смог подняться после того, как вы освободили нас от гнёта колдунов. Он считает, что его старший сын обязан вернуть вам долг и помочь в борьбе за остальные земли Мунгарда.

– Складно рассказываешь, – снисходительно потрепал его по волосам Лучезарный и повернулся к своему напарнику. – Только без рекомендаций тебя в Каплис не возьмут.

– Так где же мне их взять? Тут их точно не дадут, а на месте, глядишь, что-нибудь придумаю.

– А ты не из робкого десятка. Может, и придумаешь. Отпишемся туда. Как тебя бишь?

– Мортимер Стигс их Дорнаха.

– Прошу, не задерживайте нас дольше, иначе мы не успеем в Урсалию до темноты! – крикнул сверху капитан.

– Может, вам туда и вовсе не нужно? – Голубой Капюшон злорадно рассмеялся.

Капитан побледнел и отступил внутрь палубы.

Николасу вернули бумагу и подтолкнули к трапу. Он поторопился наверх. Хоть бы его неровную походку оправдали качкой от лёгких волн.

Он пробрался через толпу пассажиров в тень косых кливерных парусов. Прислонившись к фальшборту, Николас отвернулся к морю и бросился отирать сочившуюся из носа кровь. Хорошо, гады, прихватили! Думал, всю голову выпотрошат. Но пронесло. Теперь лишь бы выбраться. На борт Лучезарные не взойдут, вряд ли урсалийский порт примет их на свою землю.

===== Глава 8. Старый Эльма =====

1563 г. от заселения Мунгарда, Урсалийский пролив

Прозвучала команда отдать швартовы, закрипели канаты на корме. Корабль отчалил. Пассажиры разбредались по палубе, куда их направляли, чтобы те не мешались.

К Николасу подошёл грузноватый помощник капитана, лысый, с ободом седых волос от виска до виска и окладистой бородой.

– Что, не успели выйти в море, а вас уже штормит? – усмехнулся он снисходительно.

Николас спрятал платок.

– Странно для жителя рыбацкого Дорнаха, не находите?

– Я никогда не выходил в море, – сознался Николас. – Оно всегда меня завораживало, даже пугало. Наверное, поэтому отец меня выслал. Я сухопутная крыса.

– Если сами это признаёте, значит, полдела сделано, – похлопал его по плечу помощник и ушёл командовать матросами.

Николас передвинулся к другому борту, с которого был виден берег. Достав из вещей альбом с угольными стержнями, парень принялся рисовать. Тяжело, когда палубу качает, но всё же неплохое упражнение на равновесие, как сказал бы Гвидион. Да и делать особо нечего, пока в порт не придут. Лучше не шататься по кораблю без надобности.

Когда Николас уже почти закончил, к нему снова подошёл помощник и заглянул через плечо. Николас с натугой подавил раздражение.

– С таким талантом вам не в кундский гарнизон, а в имперскую семинарию надо, где-нибудь в Аусхельде. Местечко куда теплее, платят значительно больше, и головой рисковать не придётся, – заметил помощник. – Красоту в храмах наводить, знаете ли, не менее почётно, чем староверческие глотки резать. И уж точно более богоугодно.

Уж лучше сразу на костёр!

– Это отцовский наказ. Единый велит почитать родительскую волю, – ответил Николас сдержанно. – Вот закончится война в Эламе, и тогда может быть...

Никогда в жизни.

Матросы затянули прощальную песнь, да так проникновенно, что казалось, он снова слышит чистые голоса учителей-Сумеречников:

«Милая лодка, как птица, лети,

Прямо свой курс держи,

Того, кто рождён быть королём,

В далёкие земли неси.

Враги смущены: могли бы догнать,

Но в море свирепствует шторм.

Не посмеют они – страшно врагам.

Воет ветер и рычит волна». (*)

– Вот паскудники! Нас за такие песни на мачтах вздёрнут следом за колдунами, – забранился на них помощник, забыв о Николасе. – Говорил же капитану не набирать в команду этих бешеных каледонцев.

Чопорные южане с подозрением относились к суровым жителям севера острова, не понимали их традиций и песен, презирали и считали деревенщинами. Но несмотря на то, что род Комри к каледонцам не принадлежал, Николас всё равно чувствовал особое родство с их традициями и повадками.

Помощник ушёл отчитывать матросов за опасные песни. Николас спрятал альбом и уголь, перекусил овсяной лепёшкой и задремал, прислушиваясь к скрипу канатов и плеску волн. Бриз трепал иссиня-чёрные пряди, выбившиеся из перевязанного на затылке кожаным шнуром хвоста. Мокрый солёный воздух щекотал нос. Подобно сварливым чайкам, галдели пассажиры внизу, перекрикивались матросы и гнусавили очередную запретную песню.

За полдень всё стихло, вместе с мёртвым штилем надвинулась беспроглядный туман. Судно замерло. Николас потянулся за флягой на поясе, чтобы смочить пересохшее горло. Чутьё заставило подскочить на ноги и взглянуться в белёсые клубы. Из них надвигалась

громадная тень, от которой исходило ощущение чего-то очень сильного, сравнимого разве что с Неистовым гоном, если бы он настигал людей в море.

Закричал из «вороньего гнезда» марсовой, на мачтах засуетились матросы, любопытные пассажиры повалили на палубу. Николас подхватил свёрток с дедовским мечом и тоже спустился к борту, где собиралось швартоваться неизвестное судно. Во мгле уже проглядывал его силуэт: поросший водорослями остов фрегата. Мачты на нём стояли голые, как безлистные ветки деревьев осенью, зловеще скрипели гниющие доски. Людей – не видать, только вился вокруг сизый дым демонической ауры. Он выстреливал вместо канатов и оплетал шхуну, притягивая её к себе.

Балансируя на качающейся палубе, Николас пробился сквозь толпу. С кораблём-призраком мечом и ветроплавом не справиться, тем более, когда на Николаса направлено столько глаз. Матросы выхватывали для защиты корабельные ножи, вперёд выступили капитан с помощником, обнажив короткие сабли.

По дымным тросам приближалась коренастая фигура. Ноги были обуты в высокие сапоги, сношенные штаны висели бесформенным мешком, камзол протёрся на локтях, на голове колыхалась капитанская треуголка.

Он встал на фальшборт, и толпа ахнула. Его кожу и спускавшиеся с головы бивни наподобие волос и бороды покрывали наросты кораллов, ракушек, губок и склизких водорослей. Растительность шевелилась, словно подхваченная течением. В такт дыханию двигались жабры под щеками, жёлтые рыбы глаза с огромными зрачками злобно оглядывали людишек, перепончатые пальцы сжимали здоровенную саблю.

– Куда это вы собрались? Я не получал дани уже двадцать лет. По моим водам вам прохода нет! – оскалился он мелкими рыбьими зубами.

– Что за невидаль? – шептались люди. – Никак колдуны голову морочат. Лаптя же их чёрная земля! Зря мы решили туда ехать.

– Мы не сдадимся без боя! – выкрикнул капитан, его люди сбились в плотный строй. – Единый-милостивый защитит нас!

– Платите! Иначе я отправлю эту жалкую посудину на корм кракену! – губчатый капитан сплюнул.

Едкая слюна прожгла палубную доску насквозь. Люди выпучивали глаза, руки с оружием дрожали, слышался стук зубов.

– Стойте! – выкрикнул Николас, подняв руку. – Я готов стать вашей платой, если вы обещаете отпустить судно вместе с людьми.

– Мальчик, ты чего? – зашептал ему помощник. – Неужто жить надоело?

– Двум смертям не бывать, – усмехнулся он и смело приблизился к губчатому демону.

Тем же жестом, что и Лучезарные утром, губчатый капитан взял Николаса за подбородок и повертел его голову из стороны в сторону.

– О, да! Кровь с привкусом неба – редкий деликатес! – зашипел он, облизнув толстые губы. – Я согласен!

– Хорошо, я... только за вещами сбегаю, – Николас забрал свой тюк с носа и вернулся к фальшборту.

Люди за спиной шептались:

– Какой храбрый юноша.

Скорее безумный.

Каждый стремился коснуться его, похлопать по плечу, заглянуть в глаза.

– Это Единый-милостивый его нам на спасение послал. Будь славен наш бог, будь славен Единый, что наполняет души праведным трепетом.

Причём здесь Единый?!

Николас закинул тюк на голову, взял в руки свёрток с мечом и поставил ногу на фальшборт.

– Давай шустрее! – манил его губчатый капитан перепончатыми пальцами.

Николас глубоко вздохнул и, балансируя свёртком с мечом, ступил на дымные тросы. Они казались мороком. Вот-вот нога ощутит под собой пустоту, и юноша рухнет в ледяную воду. Интересно, успеют ли его спасти прежде, чем он замёрзнет насмерть или пойдёт на дно из-за судорог? Но тросы оказались не менее прочными, чем обычные верёвки. Хоть на что-то годы учёбы сгодились в его короткой жизни.

Николас спустился на палубу фрегата-призрака, снял с головы тюк и огляделся.

– Как тебе Ласточка старого Эльма? – улыбаясь во все тридцать три ряда зубов, спросил губчатый капитан.

По правде, не очень. Воняло страшно: водорослями и тухлой рыбой. Аж глаза слезились. Повсюду рос склизкий мох, а доски выглядели настолько гнилыми, что могли в любой момент обломаться.

Николас обернулся на авалорскую шхуну. Оттуда доносился нестройный хор матросов, теперь казавшийся воем призраков:

«Спой мне о том, кто ночью уплыл,

Быть может, он — это я?

Весел душой, он в море ушёл,

Скрылась вдали земля.

Ветер, волна, океан, острова,

Ливень, простор и свет —

Всё это было когда-то мной,

А ныне меня нет». (**)

Ветер снова наполнил паруса и погнал шхуну прочь от укутанного мглой фрегата. Хоть люди спаслись. Остаётся надеяться, что до Урсалии они доплывут без приключений. Теперь Николас чувствовал ответственность за их судьбу.

– Чего ты такой кислый? – пихнул его Эльма, привлекая к себе внимание. – Давай рассказывай, как дела-делишки?

– Да нормально... вроде, – ответил Николас, разглядывая оплетённые гирляндой из ракушек мачты. – Что со мной будет?

– Ничего особенного, – легкомысленно отмахнулся капитан. – Послужишь у меня лет тридцать верой и правдой, а потом я, может быть, отпущу тебя на берег.

– Тридцать лет! – в ужасе воскликнул Николас. – Я же состарюсь!

– Ты и состаришься? – капитан разразился диким хохотом. – Шутник! Ладно, вон у борта ведро, тряпка и швабра. Выдрай пока палубу, а я посплю часок-другой. Только из-за тебя так рано поднялся.

О! Это как раз понятно: дар привлекает демонов, как огонь мотыльков. Значит, правильно, что Николас ушёл с Эльмой, а остальные спаслись. Незачем тянуть их за собой на дно.

Эльма удалился в каюту. Николас снял сапоги и подвернул штанины выше колена. А тут не так уж и плохо! Он несколько раз окатил палубу водой из ведра. Для начала нужно

отскрести хотя бы мох, наросты и вонючую слизь. Под старыми верёвками обнаружился ржавый нож. Николас почистил его и заточил. Вооружившись не только тряпкой, но и лезвием, он принялся тереть и скоблить.

Распогодилось, выглянуло солнце, играя бликами на морской глади. Ни волны! Ветер трепал волосы едва-едва. Нос уже привык к запаху и чувствовал только солёную свежесть. Тряпка чавкала мокрыми лужами, проходясь по грязным доскам.

За бортом выпрыгивали из воды рыбы, в глубине мелькали тени китов, слышалось их таинственное пение. Настроение становилось умиротворённым, почти восторженным, каким не бывало даже после самых изошрённых медитаций. В работе отыскался приятный ритм.

– Спой мне о том, кто ночью уплыл. Быть может, он – это я, – насвистывал под нос Николас привязавшуюся песню матросов.

Он пританцовывал со шваброй, то опускался на колени и скоблил доски ножом. Вспоминались денёчки в Доме-под-холмом, где он хлопотал по хозяйству наравне со взрослыми. Как же там было весело!

Солнце уже закатывалось: далеко они уплыли, непонятно, куда. Берег скрылся из виду, хотя в ясную погоду очертания урсалийской бухты можно было рассмотреть даже с мыса северней Леннокса.

Палубу удалось пока отдраить только от гротмачты до фокмачты. Работы – непочатый край. Но ведь у него тридцать лет впереди. Да эта посудина через пару недель блеснет будет!

Николас покрутил пальцами, направляя ветроплав на ведро, тряпку и нож. Никто не запрещал ему пользоваться даром.

Привалившись к бортику, юноша уселся на чистое место на палубе и потянулся за свёртком с мечом. Раньше времени полюбоваться не было, да и возможности тоже. Если бы люди увидели его с таким оружием в руках, то вопросов он бы не обобрался.

После того случая в детстве отец ни разу не пускал Николаса в комнату деда, хотя почитать оставшиеся после него записи было бы очень полезно. А как хотелось ещё раз взглянуть на легендарный меч Утреннего Всадника! Теперь Николас его полноправный хозяин.

Он снял ткань. Какой лёгкий меч! Форма такая обтекаемая, как специально под ветроплав сработана: сгущённый воздух сам оборачивался вокруг, железо отзывалось нежным звоном. У гарды незаточенное рикассо удобно легло в ладонь. Перехватываешь второй рукой и колешь остриём.

Николас провёл пальцем по режущей кромке. Всё ещё острый, даже толстенное полено перерубит с одного маха, хотя не затачивали его, поди, после смерти деда ни разу. Тёплый камушек в навершии светился крестом. Обёрнутый шершавой кожей эфес приятно щекотал пальцы.

Николас поднялся и попробовал нанести прямой удар. Верхний замах, нижняя атака. Рукоять лежала в ладони хватко, легко проворачивалась, словно клинок служил продолжением руки, пальцы с ним – единый сустав. Каждый удар точно поражал выбранную цель. Николас очертил несколько петель и со свистом рассёк воздух.

Увлёкшись тренировкой, он не заметил, как из каюты вышел Эльма.

– Bravo! – вскричал капитан, хлопая в ладоши.

Николас замер и опустил клинок. Ведро, тряпка и ножик безвольно упали на доски.

– Плески и трески, ты действительно выдраил мне всю палубу? – восхитился Эльма.

– Ну, не всю... – смутился Николас, глядя на полосу, где начинали расти водоросли и кораллы. – Корона-то не свалится.

– Ох, Сальермус умрёт от хохота, когда узнает, – продолжал потешаться капитан.

Не оставляло ощущение, что его принимают за кого-то другого.

– Кто такой Сальермус?

– Ма-а-аленький белый кашалотик, – капитан показал пальцами головастика.

Что его так забавляет?

– Ладно-ладно, про палубу и тридцать лет рабства я пошутил. Отделаешься и десятью, – капитан потянул его к каюте. – Трески и плески, чего ты такой смурной? Даже шуток не понимаешь!

– А-ха-ха! – старательно изобразил смех Николас.

– Идём, глотнёшь со мной рома, сыграем в покер. Победишь меня три раза подряд, так уж и быть, отвезу, куда скажешь.

– Но я не умею... в покер, – возразил Николас, но его уже запикивали в грязную и тёмную каюту.

Здесь тоже всё заросло мхом и кораллами. Даже от плавного движения шевелились водоросли на стенах. Николас занял указанное место на мохнатой лавке. Капитан поставил перед ним на облепленный ракушками стол кружку и плеснул туда рома из маленького бочонка. На закуску выдал миску морской капусты и ещё одну селёдки. Пахли блюда так, что живот всхлипывал от страха и сжимался, а к горлу подступала дурнота.

– Что? Не небесная амброзия и даже не сома, да? – усмехнулся его выражению Эльма. – Ешь давай, а то голодом уморю!

Николас накрутил водоросли, как лапшу, на ложку и, заткнув нос, забросил их в рот. Вроде ничего, главное, не отравиться. Ром горчил – Николас не привык к крепким напиткам. Дома-то его элем и мёдом нечасто потчевали. А уж янтарный виски – традиционный напиток Каледонских гор, который так любили и отец, и Гвидион с Мидриром – он так и вовсе не пробовал. Сейчас Николас не жалел. Эта часть взрослой жизни ему не так уж и нравилась.

Закончив ужинать, Эльма достал засаленные карты. Николаса развезло так, что ноги не держали. Если бы не сидел, то точно бы рухнул там, где стоял. Эльма сдал и начал сбивчиво разьяснять правила. Голос его хрипел и спотыкался, Николас не улавливал смысла.

Началась игра. С третьего захода Николас уже примерно соображал, что к чему – голова-то оставалась ясной. А вот Эльма то ли играл так паршиво, то ли чем-то прогневал удачу: проиграл с дюжину партий к ряду и всё просил реванша. В конце концов капитан рухнул на стол и захрапел.

Хмель немного выветрился. Усилием воли Николас заставил себя подняться, перетащил Эльма в расстеленную постель и укрыл одеялом. Надо же, вроде, демон, а легче с ним и веселее, чем с людьми. Жалко старика, который сходит с ума в полном одиночестве и не может даже привести свою посудину в порядок.

Николас улёгся на лавке и укрылся плащом, отгораживаясь от храпа и качки медитацией. Последняя мысль мелькнула перед сном: а кто же управляет кораблём, если здесь нет команды, а капитан выдаёт соловьиные трели пьяным храпом?

Утром разбудил Эльма, деликатно закашлявшись.

– Приплыли!

– Куда? – нахмурился Николас.

– В Урсалию. Ты же туда направлялся.

– Но я хотел... – он замялся на мгновение, – хотел вернуться домой. Спасти Авалор, разгромить Лучезарных.

– Э, нет, со своими людьми разбирайся сам, – печально покачал головой Эльма. – Но как соберёшься поквитаться с Мраком, зови. Мы все на твоей стороне.

Он легонько ударил кулаком по плечу Николаса. Тот вскинул брови. Что за Мрак? Что за...? Казалось, после учёбы у Гвидиона он всё постиг, а стоило ступить за порог, как на него свалилось столько загадок, что голова шла кругом. Как их разгадать, возможно ли найти мудреца, который всё объяснит, чтобы не чувствовать себя таким потерянным и одиноким, как капитан корабля-призрака в бескрайнем океане?

– Поторопись, светает. Если нас заметят, туго придётся тебе, а не мне, – напомнил Эльма. – И спасибо, что почтил старика. Я уже и забыл, как с молодёжью весело. Ну, ступай же!

Капитан обнял его на прощание и подтолкнул к выходу. На улице в сизых сумерках клубился туман настолько густой, что не было видно даже собственных ног. Ориентируясь только с помощью ветроплава, Николас добрался до дымного трапа. Куда тот спускался, одному Эльма было известно. Николас сделал несколько шагов по косому настилу, а там ноги нащупали твёрдый камень. На вершине неподалёку догорал маяк в ожидании, когда станет совсем светло.

Николас обернулся к кораблю. Фигура Эльма вырисовалась на носу. Он махал рукой и кричал:

– Удачи, Вечерний Всадник! Зови, мы все за тебя!

Все – это кто? Демоны, что ли? Зачем? Может, он и правда подкидыш?

Николас затряс головой, отгоняя наваждение, а когда обернулся, фрегат растворился в утреннем тумане. Первое самостоятельное столкновение с Горним миром выдалось очень странным.

(*) По мотивам шотландской песни «The Skye Boat Song»

(**) Версия песни «The Skye Boat Song» Р. Л. Стивенсона

===== Глава 9. Отравленный колодец =====

1563 г. от заселения Мунгарда, Урсалия, Лапия

Ещё не прогретый весенним солнцем воздух заполнил грудь. Николас бросил беглый взгляд на подёрнутую дымкой морскую гладь. За горизонтом остался родной остров, дом, близкие. Через каких-то пару лет Николас вернётся победителем, и тогда отец будет гордиться им.

Впереди ждала суровая и негостеприимная Лапия, холодный край на самом севере Мунгарда. Язык не поворачивался назвать несколько десятков захудалых городишек, вблизи которых селилось большинство лапийцев, страной. Зимой спастись от голодных волчьих стай было гораздо легче вместе, чем порознь. Да и волки были отнюдь не самыми ужасными врагами людей.

Каменистая тропинка вела между утёсами по краю пропасти. В тумане ориентироваться приходилось почти наощупь. Туда, к маяку, храму Повелителя вод Фаро. Подобные здания возводили раньше в каждом портовом городе. Только тут он остался домом своего старого бога, и возможно в Норикии тоже сохранились такие.

Влажные камни выskalзывали из-под сапог, держать равновесие с тяжёлым тюком на

плече удавалось только благодаря тренировкам, а помогать себе ветроплавом не хотелось. Может, это свободная земля колдунов, но и здесь выдавать себя не стоило.

Когда Николас выбрался со скалистого берега, на севере показалось плато Полночьгорья, сверкающее ледниками. На юге пологими волнами тянулась гряда холмов. Весна приходила в Лапию значительно позже: в тенистых ложбинах ещё лежал талый снег. Вершины покрывал густой верещатник, подозрительно похожий на тот, что рос у Дома-под-холмом. Идти стало проще. Главное, не промочить ноги в лужах.

Но чем ближе Николас подходил к городу, тем острее становилось тревожное предчувствие. Дурманно пахло отводящее взгляды колдовство. А вон и кривой корень-ручка!

Николас подёргал за него, но ничего не произошло. Тени словно шептались за спиной, кто-то следил незримо, не получалось даже определить точное место. Чутьё, конечно, надо слушать, но что делать, когда его зов такой неясный?

Николас вошёл в город. Не его дело. Просто будет начеку на случай, если демоны нападут исподтишка.

Деревянные постройки густо облепили прибрежную бухту, из труб на крышах валил сизый дымок. Ни каменной ограды, ни даже частокола здесь не наблюдалось. Из-за близости Червотчины Нордхейма в северных землях обреталось очень много демонов. Сколько бы люди ни пытались закрыться от них стенами, те исчезали за ночь. Их губило колдовство демонов, которые могли и сторожей усыпить, и брёвна растащить, и даже кладку разобрать. Выживали на границе людских владений лишь благодаря помощи Сумеречников. Теперь их нет, но этот самый северный из городов Мунгарда ещё стоит. Интересно, на сколько лет его хватит?

Николас миновал первые дома, маленькие, одноэтажные. На отшибе явно селились бедняки. Сушилась на верёвках одежда, а на открытых террасах висела треска, продетая через нить. Очень много трески. Рыбный запах витал повсюду.

Улицы были стройные и широкие, места между жилищами достаточно для маленьких огородов или садов. Мостовые чисто прибраны, хоть и смотрелись скромнее, чем в авалорских городах. Люди только-только просыпались и выходили во двор по хозяйственным нуждам. Все с тревогой оглядывали чужака. В порту странников обреталось много, а вот со стороны гиблого Полночьгорья являлись только демоны.

Николас скинул с головы капюшон и спросил у потягивавшегося на пороге дома дородного мужчины:

– Добрый мастер, не подскажете, где здесь коня купить можно?

Тот продрал глаза, словно впервые его увидел, и затрясся:

– Т-т-там. В ратуше. У б-б-бургомистра.

– Благодарю! – Николас учтиво склонил голову.

Ратушу отыскать проблем не составило: сложенная из красного кирпича, с медным шпилем наверху, она грозно возвышалась над деревянными домами и была заметна даже с окраины. Все большие улицы вели на широкую площадь перед ней.

Вокруг стояли пустующие пока ряды деревянных прилавков. На домах по периметру площади висели разнообразные вывески: там сапог, тут платье и штаны, ножницы и бритва, чеснок и петрушка, мебель, фигурки животных. Жареная утка – явно трактир в большом трёхэтажном здании. Оно выглядело строже, чем остальные, и соседствовало с коновязью. Видно, здесь и постоялый двор имелся.

В центре площади на небольшом возвышении стоял позорный столб с колодками по

бокам.

На Авалоре единоверцы подобные зрелища запрещали. За более-менее серьёзные проступки людей судили Лучезарные. Публично казнили исключительно «колдунов». Мелкие тяжбы решались судьями на местах так, что об исходе знали только близкие родственники и друзья.

Здесь на шеях осуждённых висели таблички, где были написаны имена и даже преступления.

Железным Огюстом звали привязанного к столбу огромного рыжебородого мужика. Обирал купцов за проход через Перевал висельников. С другой стороны столба мучился башмачник Торольв, который устроил потасовку в кабаке.

Рядом на лавке стоял ящик с гнилыми яблоками и тухлыми яйцами. Видимо, чтобы бросать в провинившихся. Ну и нравы!

Николас направился к высокому порогу ратуши. Из-за приотворенной двери доносились едва слышные голоса.

– Тише, Фритьоф, не поднимай бучу. Справимся как-нибудь.

– Но мастер Гарольд, колодец отравлен! И этот жуткий странник с пустошей. В городе вот-вот начнётся паника!

Николас усмехнулся в кулак. Кажется, слухи его опередили.

– Доброго вам утречка! – поздоровался он, вытирая сапоги о разложенную у двери тряпку. – Всего я не жуткий. Моё имя Мортимер Стигс, можно просто Морти. Я прибыл на корабле из Леннокса, просто немного заблудился. Такая качка была: земля до сих пор из-под ног уходит, – рассмеялся он, положив руку себе на затылок. – Извините, что доставил беспокойство.

К нему повернулся грузный мужчина. Светлые волосы на голове и в коротко стриженной бороде курчавились барашками. Мелкие голубые глаза на пухлом лице разглядывали гостя с головы до ног. Чёрные туфли с медными пряжками, тёплые белые гольфы заправлены в тёмно-коричневые бриджи из толстого сукна. Длинный кафтан был подобран им в тон, из-под него выглядывала светлая вязаная безрукавка поверх льняной рубахи.

– Качка, как же! – не поверил он, ощутив запах рома. – Одной проблемой уже меньше. У страха глаза велики, – мужчина протянул Николасу руку. – Бургомистр Гарольд. Так с чем пожаловали, молодой человек? Хотите у нас осесть?

– Нет, мне нужна лошадь. Люди направили к вам.

– Угу, парочка на продажу найдётся. Лучше во всей Лапии не сыскать.

Вообще-то лапийские лошади нигде не ценились в отличие от золотых табунов веломовского Заречья и небесных аргамаков Элама.

– В пять сребреников обойдётся, не больше.

– Пять?! – ахнул Николас.

На Авалоре неплохие верховые скакуны стоили в два раза дешевле.

– Лошадей у нас держать тяжело. Холодно, пастбищ мало. Тут закончу и свожу тебя в загон, сам выберешь. – Бургомистр снова повернулся к долговязому Фритьоф: – Найди кого-нибудь, кто бы очистил колодец или хотя бы выяснил, кто его отравил.

– Я помогу, если вы уступите коня дешевле, – не растерялся Николас.

– Ты? – Гарольд вскинул бровь, разглядывая его меч, упрятанный в потёртые ножны на поясе.

– Это для защиты, – объяснил он. – Я мастер по особым поручениям.

– Охотник на демонов, что ли? – без обиняков спросил бургомистр. – Знаем-знаем вашу братию. Байками про чудищ страшать вы горазды, только я свой город обирать не позволю!

Он погрозил кулаком.

– Если не хотите, тогда я пойду дальше. Может, в соседнем Гартленде можно приобрести коня дешевле, – пожал плечами Николас. – А то у вас тут, кажется, вода отравлена.

– Ладно-ладно, – скривился бургомистр. – Только лошадь я тебе продам после того, как увижу результат!

Николас вздохнул. Как тут брать плату заранее?

– Тогда и я назначу цену после того, как узнаю, с чем придётся столкнуться, – он уверенно откинул упавшую на лицо прядь волос.

– Хорошо. Фритьоф! – бургомистр снова позвал помощника. – Покажи мальчишке колодец. Будешь делать, что скажет, а заодно приглядишь, чтобы он ничего не натворил.

Вначале они заглянули в едва отворившуюся пекарню. Николас купил несколько пирогов с капустой и мясом и позавтракал ими на ходу.

Фритьоф отвёл его обратно к окраине, соседствовавшей с верещатником. Колодец стоял посреди замыкающей улицы. Кругом бедняцкие халупы – посеревшие от времени сараи с уложенными мхом крышами. Только один среди них – богатый двухэтажный дом из цельных брёвен, украшенный резными коньками и наличниками.

Сам колодец содержался в чистоте и порядке. Он был выложен из серого булыжника и накрыт добротной деревянной крышей, к которой крепилась железная цепь. Только изнутри несло тухлыми яйцами. Если бы мухи уже проснулись, то вились бы тут роем. Николас заглянул внутрь. Посреди темноты ядовито-жёлтым огоньком мерцала демоническая аура.

Что ж, работа нашла его сама.

Николас подобрал с земли камень и кинул в колодец. Через мгновение послышался плеск. Ярдов восемь, не глубже.

Он отвязал ведро от цепи и проверил её на прочность. Крепкая, выдержит. Рот и нос нужно защитить платком, руки – перчатками. Николас обвязал цепь вокруг пояса и обернулся к ожидавшемуся указаний Фритьофу:

– Спустите меня вниз.

Тот кивнул. Николас забрался на бортик и скользнул по кладке в темноту. У самой воды огниво высекло сноп искр, осветив привязанную к крюкам в стенке колодца фигуру. Николас ещё раз ударил кремнём о кресало и зажгёт трут огнива.

Пленённым оказался мохнатый серый человечек с несоразмерно длинными руками. Одет он был в холщовые штаны и курточку, на голове красный колпак. Из вспоротого бока сочилась жёлтая кровь и капала в воду. Пахла она так, что живот скручивало, и съеденные на завтрак пирожки просились обратно.

Похоже, это домовый ниссе. Добродушный дух помогал людям по хозяйству в обмен на лакомства, одежду и кров. В Лапии их особенно привечали. Кровь ниссе очень ядовита, поэтому ранить их считалось дурной приметой. Из-за неё вода испортилась. Одна загадка разгадана, а прибавилось ещё с полдюжины.

Николас уцепился за крюк, к которому был привязан ниссе, и обрезал верёвку. Стараясь не задеть рану, Охотник подхватил демона за здоровый бок и крикнул:

– Доставайте!

Наматываясь обратно на бревно, заскрипела цепь, и они медленно поднялись на поверхность. Николас высвободился из петли и вылез из колодца.

– Кто это? – во все глаза уставился на человечка Фритьоф.

– Ниссе, – ответил Николас, укладывая создание на мостовую. – Кто-то ранил его и привязал так, чтобы его кровь постепенно отравила воду. Ниссе очень живучие, поэтому яд бы действовал очень долго. Нужно привести его в чувство.

– Как в сказках что ли? – недоумевал Фритьоф.

Среди вещей обнаружилась приготовленная Рианой заживляющая мазь. Николас полил рану из фляги, намазал и перевязал лоскутом чистой материи. Освобождённая от перчатки ладонь сбрызнула маленькое личико водой. Ниссе зафырчал, приходя в себя, и открыл жёлтые кошачьи глаза.

– Что произошло? – спросил Николас.

Ниссе оглядывал его лицо затуманенным взглядом, губы дрожали.

– Госпожа Уна родила... Я ухаживал... Напали со спины... Не видел, – он пищал так тоненько и слабо, что слова удавалось разобрать с большим трудом.

– Госпожа Уна? – Николас глянул на Фритьофа.

– Жена бургомистра? – предположил тот и указал на большой дом. – Мастер Гарольд лет пятнадцать как из Вижборга переехал. У них там свои порядки, к нашим он так и не привык. Хотел земли побольше, и чтобы не так скученно. А тут и до пастбища рукой подать, – он кивнул на поляну за верещатником, где бродили лошади.

– Бегите за ним. Если нападение случилось у него дома, он должен об этом знать, – распорядился Николас и направился к большому дому.

Снова пахнуло вереском и полынью, похоже, демон был рядом. Николас почти улавливал его ауру боковым зрением, но стоило посмотреть в упор, как наваждение пропадало.

На пороге показалась пышная женщина в синем платье с жёлтым передником. Мягкое, добродушное лицо обрамляли золотистые локоны, выглядывающие из-под белого чепца. Но бледная кожа отдавала болезненным блеском, по лбу катился пот, а васильковые глаза поблели. Увидев раненого ниссе на руках у Николаса, она встревожилась:

– Что стряслось, малыш? Какой негодяй тебя ранил? Я думала, ты бросил меня, потому что после родов я так ослабла, что не смогла тебя кормить.

Она протянула к ниссе тонкую ладонь с медным свадебным браслетом, украшенным маленькими хризолитами. Дорогая безделушка. На красавицу-жену, видно, бургомистр не скупился.

– Г-г-госпожа... – повернувшись к ней, пропищал ниссе. – П-п-простите...

– Я нашёл его привязанным к крюкам в колодце, – сообщил Николас. – Мортимер Стигс, ваш муж прислал меня разобраться, что случилось с водой.

– Так это из-за него? – женщина округлила глаза и приложила ладонь к губам. – Ниссе достался мне в приданное от матери, Гарольд ничего о нём не знает.

– Он исчез сразу после ваших родов?

– Да, у нас тогда сосед повесился. Все убежали смотреть, а ниссе с малышом возился. Когда Гарольд вернулся, домового уже не было. Я подумала, что он, как всегда, прячется.

– У вас что-нибудь пропадало? Со двора? Такое чувство, что преступник действовал спонтанно, а воду отравил, только чтобы внимание отвлечь, – размышлял Николас вслух.

– Нет, не думаю. Гарольд поднял бы тревогу, если бы чего-то не досчитался, – Уна покачала головой. – Да вы не стойте на пороге, проходите, несите его сюда.

Николас заглянул в просторную гостиную и уложил ниссе на лавку.

– Он ведь поправится? Уже поди лет сто в нашей семье живёт. Никогда такого не было!
– хозяйка поила его с ложечки водой и бульоном.

– Они очень живучи, – пожал плечами Николас.

Удивительно, как неударенная женщина не боится демона и даже ухаживает за ним.

– Мам, Лейв не успокаивается, – в гостиную заглянул светловолосый мальчик с забавными веснушками на пухлых щеках.

В руках он держал завернутого в одеяло младенца. Тот заходился истошным криком.

– Давай его сюда, Свейн, – Уна отложила ложку и забрала малыша.

Свейн принялся с любопытством разглядывать ниссе.

Странный голос у этого Лейва, тонкий, словно тростник поёт.

– М-можно? – Николас протянул к нему руки.

– Придерживайте головку, – Уна улыбнулась, передавая ему младенца.

Николас отвернул край одеяла, внимательно разглядывая ребёнка. Худенький и бледный, совсем крохотный. Видимо, тоже родился раньше срока. Макушку покрывал тёмный пушок. Малыш замолчал и улыбнулся беззубым ртом, густые фиалковые глаза с интересом осматривали лицо Николаса.

– Он так на вас непохож, – удивился Охотник.

– Почему? Глаза и волосы ещё могут поменять цвет, а вот овал лица, форма носа и губы – совсем как у Гарольда, – Уна ласково погладила малыша по крохотному носику.

Ребёнок фырчал очень тихо и не шевелился. Затрепетала на окне льняная занавеска, мелькнула тень, едва заметный силуэт. В уши засочился речитатив колдовского наговора:

«О, сын иступленных небес, молю, благослови дитя. Могуч ты, Ветер, мы слабы. Но нашу волю мы тебе вверяем, даруй нам только жизнь. Для новых всходов наполни почву силой. Благослови! Благослови! Благослови!»

Хлопнула дверь, нарушив транс. В гостиную влетел раскрасневшийся, задыхающийся от бега Гарольд.

– Уна, что за дела? Какие ещё ниссе? Причём здесь ты?!

– Милый, успокойся! Я не хотела говорить. Он помогал мне по хозяйству. У нас так принято, и...

– Я гордился, что ты у меня такая умелая, расторопная и хозяйственная, а ты как колдунья с демонами сношалась?!

– Но он добрый и не делал ничего дурного! – взмолилась Уна.

Свейн испуганно таранился на обоих родителей.

Как остановить перепалку?

– Угу, только колодец отравил. Что обо мне люди скажут?! Будут требовать, чтобы я вас обоих на костёр отправил!

– Гарольд... – истощённо пробормотала Уна и стала оседать на пол.

– Мама! – закричал Свейн.

Муж едва успел подхватить её, прежде чем она ударилась бы о стол.

– Госпожа... – стонал ниссе.

– Уна! Уна, что с тобой?! – тряс её Гарольд. – Не буду я никого казнить, что-нибудь придумаю. Уна!

– У неё лихорадка, – сказал Николас, вручив ребёнка Свейну. – Она не пила отравленную воду?

– Нет, я же предупредил, – покачал головой Гарольд и понёс её в спальню.

Лицо Уны наливалось восковой бледностью, под глазами растекались тёмные круги, губы слабо шевелились в бреду.

– Так что же делать?

– Бежать за целителем? – предложил Николас. – Слышали про кого в округе? Они могут травниками или повитухами называться. Целитель бы и колодец очистил заодно.

– Так Эглаборг же, он как раз роды принимал, – недоумённо ответил Гарольд. – Клялся-божился, что всё хорошо, никаких осложнений. И на тебе! Шарлатан поганый!

– Спросите с него. Позовите, чтобы Уну посмотрел хотя бы. Где он сейчас?

– В колодках... Его старший брат Норборг погорел на продаже леса в Священную Империю. Надеялся, что Норикия откроет границы после двадцати лет блокады, наивный. Артель лесорубов потребовала деньги за товар. Норборгу пригрозили долговой ямой, а тот напился и повесился на потолочной балке. Уна как раз рожала в это время, мы все здесь были. Как соседи шум подняли, мы сразу в его хибару рванули. Было слишком поздно: Норборг уже посинел и язык вывалил. Эглаборг всё убивался, мол, самые страшные раны и болезни лечить могу, а брата с Тихого берега вытянуть не в силах. В общем, я сам заплатил лесорубам, а хибару их себе забрал. Только земли там с гулькин нос, да и доски все прогнили – вот-вот стены сложаются. Посему Эглаборг в колодках и оказался. Больше-то родственников у Норборга нет.

– Так отпустите его! – потребовал Николас. – Вашей жене срочно нужна помощь! К тому же, если он роды принимал, может, видел что. Если он настоящий целитель, то заметить мог гораздо больше вашего.

– А кто ж мне деньги-то отдаст? Дела нужно по закону справлять, иначе люди слушаться перестанут. Если я слабину дам, все мне на шею сядут. Знаешь, как тяжело власть даже в таком захолустном городишке удерживать?

– У вас же жена умирает, нашествие демонов на носу. Какая тут власть, когда всё гибнет!

– Нет. Нет! – ошалело мотал головой бургомистр.

– Ладно, сколько он должен?

Сумеречников ведь совсем не осталось, в общине они друг за друга горой стояли. Надо помочь! Не всё же от демонов спасать, иногда и от самой жизни приходится. Нужно ступить на этот путь с самого начала и никогда с него не сходить.

– Пять золотых.

Николас принялся пересчитывать свои сбережения. Так у него даже на коня денег не хватит, и до самой Поднебесной пешком топать придётся. Эх, тяжела стезя героя!

– Скупердьяй! – Николас с досадой высыпал в мясистую ладонь нужную сумму.

Гарольд снял с пояса увесистую связку ключей и швырнул её Николасу.

– Только остальных не освобождай, добряк наивный!

===== Глава 10. Ворожея туатов =====

Николас помчался обратно к ратуше. Осуждённые с надеждой оборачивались на него, взгляд перебирал надписи на табличках.

Вот он: «Эглаборг. Не отдавал долги».

Мужчина повис на доске с колодками. Измождённый и узкогрудый, в засаленных

лохмотьях. Мелкая каштановая щетина была одинакового размера и на вытянутой голове, и на впалых щеках. Глаза такие мутные, что цвета не разобрать. Лет сорок на вид, а может, и меньше, но кожа настолько обветрилась и ссохлась морщинами, что точно не определишь.

Николас вставил ключ в замочную скважину. Эглаборг коснулся пальцем его рубашки в том месте, где на груди топорщил ткань амулет Кишно.

– Пить!

Николас распахнул колодку и приставил к его губам флягу. Тот глотал жадно, вода проливалась на подбородок и по шее стекала на порванный воротник. Аура выглядела тусклой то ли от истощения, то ли от страданий. Но когда Эглаборг взбодрился, прожилки в ней налились топлёным молоком. Огненная стихия, нити тонкие и изящные – опосредованный дар. Целитель, несомненно, да не из слабых.

– Я оплатил ваш долг.

– Благодарю, высокородный мастер!

Целитель сложил ладони лодочкой и чуть не рухнул на колени. Николас едва успел ухватить его за локоть. Похоже, из-за амулета Кишно Эглаборг признал в нём аристократа. Интересно, перед дедом все на самом деле спины гнули?

– Нужно бежать к бургомистру, его жене плохо.

Целитель моргнул, соображая с натугой. Николас закинул его руку себе на плечо и потянул вперёд, облегчая вес ветроплавом. Плевать, что заметят, сейчас каждое мгновение на счету.

– Как вы? Ничего не сломано?

– Затекло, разойдусь, – отмахнулся Эглаборг, с каждым шагом двигаясь всё ровнее.

Когда они вернулись к Гарольду, тот вышагивал по дому туда-сюда, как разъярённый волк и бубнил себе под нос:

– Где же Анка? Тоже мне, дочь-вертихвостка. Опять, небось, к Рудикю на свиданку побежала, а ведь должна была матери по хозяйству помогать. Ух и всыплю, когда Свейн её вернёт.

– Мастер Гарольд! – закашлялся Николас.

– Что ты с моей женой, горе-лекарь, сотворил? Отомстить решил, м?! – вскинулся он на Эглаборга.

– Всё с ней хорошо было. Дайте гляну, – спокойно ответил целитель.

Николас помог ему дойти до спальни и усадил на кровать рядом с бредящей в беспамятстве Уной. Эглаборг принялся обследовать её: потрогал лоб, приподнял веки, открыл рот, приложил ухо к груди, потом поводил вокруг ладонями.

Охотник подошёл к подпирающему косяк в ожидании Гарольду.

– Не делал он вреда, не в его натуре. Если истинный целитель не поможет страждущему, то его дар выйдет из повиновения.

– Мальчик, думаешь, я поверю в ваши колдовские байки?

– Это не отравление, а что-то демоническое, – позвал Эглаборг, истощённо массируя переносицу. – Как будто из неё всю жизненную силу выпили.

– Ага, ещё и ребёнка заморили. Вон какой хилый, – Гарольд злобно прищурился и указал на кроватку на дугах, из которой торчало кружевное покрывало.

– Что? – Эглаборг доковылял до неё, отвернул одеяла и изумлённо воскликнул: – Это не ваш ребёнок!

– Как? – подскочил к нему Гарольд. – Вы подозреваете мою жену в измене?

Николас тоже выглянул из-за его плеча. Мрачные тайны почтенной семьи урсалийского бургомистра?

– Нет. Ребёнок, которого я принял у вашей жены, был пухленький и щекастый, со светлыми завитками и голубыми глазами. Даже если бы он заболел, то не изменился бы настолько, – объяснил Эглаборг, поднимая малыша на руки и показывая остальным.

Ребёнок распахнул фиалковые глаза и заорал во всю глотку, протягивая руки к Николасу.

– Это подкидыш, дитя ши, – Охотник взял его и принялся качать, малыш прижался к нему и засопел. – Вот что у вас украли, когда оглушили ниссе – ребёнка.

– Что за ши? – нахмурился Гарольд.

– Детскую считалочку знаете: я среди вересков живу, и я ребёнка унесу, – Николас указал на видневшуюся из окна пустошь.

Там плясала и кружилась сотканная из сиреневых цветов огромная бабочка. Она протягивала к Охотнику изрисованные узорами тонкие руки и заклинала: «Иди же ко мне, мой обещанный!»

– Ши? Фейри? Волшебный народец? Неистовый гон? – называл Николас имена, ища узнавание на лицах собравшихся.

– Туаты, – подсказал Эглаборг. – Подхолмовые шавки. Мать рассказывала, что в пору её юности Сумеречники заключили с ними мир и позволили жить по соседству с Урсалией. Количество холмов всё время растёт, они словно наступают на город. По чуть-чуть, если не приглядываться, то незаметно. Но старожилы знают, что прежде холмов было два-три, а теперь целое поле, – целитель прервался, внимательно разглядывая Николаса с подкидышем. – Похоже, теперь он пьёт и ваши силы.

Николас вытянул малыша перед собой. Подкидыш нагло прищурил фиалковые глаза и растянул тонкие губы в ухмылке. Какой крохотный и умильно хорошенький младенец! Отпускать и не хочется.

– Зато теперь я знаю, как помочь госпоже Уне. Жаль, что все мои припасы с домом забрали. Мне нужен мёд, вода и свечи, – бодро сообщил Эглаборг.

В комнату заглянули двое старших детей Гарольда: Свейн и девчонка лет двенадцати. Толстые светлые косы за спиной, сама яркая, румяная, кровь с молоком, красавица не хуже матери. Видно, та самая Анка, на которую сердчал бургомистр. И она, и Свейн выглядели не на шутку испуганными.

– А ну-ка, несите всё живее, бездельники! – прикрикнул на них Гарольд.

– Вы бы сами поели, а то сил никаких, чтобы с больной поделиться, – обратился Николас к целителю.

– Как вы с этим демоном делитесь? – Эглаборг кивнул на подкидыша.

– Анка, Свейн, накормите нашего гостя, да посытнее! – снова позвал детей Гарольд.

– У вас там на лавке раненый ниссе лежит. Забыли? – заглянул к ним Свейн.

Эглаборг поспешил за ним в гостиную.

– Дай я выброшу это отродье в отравленный колодец! – бургомистр потянулся за ребёнком.

Испуганный их криками, подкидыш разорался так, что уши закладывало.

– Нет!

Николас прижал его к груди и закрыл собой. Некстати накатили детские воспоминания, как брат дразнил его подкидышем и как трудно было жить с мыслью, что ты зло, просто

потому что родился не таким, как все.

– Возможно, ваш ребёнок ещё жив. Их можно поменять обратно.

– Да где там! Я людей позову, мы спалим этих демонов вместе с их холмами!

– Раньше их разве что Сумеречная армия утихомирить могла. Вы не справитесь, только развяжете войну, в которой сами же погибнете, – пытался достучаться до него Николас.

– Мы позовём на помощь норикийцев! Пообещаем им союз и льготы, мы...

– Они не приедут, как не приехали в Заречье. Их сил едва хватает, чтобы удерживать собственные границы. Вы же не глупый, сами понимаете.

– Нет! Мы – люди, мы – сила. Мы покажем этим тварям, что с нами шутки плохи!

– Лейв, – едва слышно простонала Уна.

Оба спорщика вздрогнули. Эглаборг заглянул к ним через дверь.

– Что случилось?

– Я отнесу ребёнка. В любом случае хуже не станет. Если мне не удастся договориться, вы сможете сжечь меня вместе с холмами, как проклятого колдуна, – воспользовался последним доводом Николас.

Гарольд зло сощурился и сложил руки на груди, краем глаза наблюдая, как Эглаборг снова обследует его жену.

Николас помчался к холмам. Ребёнок затих, присосавшись к его резерву. Солнце клонилось за сверкающие льдом вершины гор на западе, окрашивая их в лиловый цвет. Клубился в низинах сиреневый туман, лишь клочки высоких холмов торчали в нём мелкими островками.

Бабочка манила и переливалась: нефритовым, аметистовым, лазуритовым, яшмовым цветами. Длинные чёрные волосы шелковистыми волнами разлетались по ветру, трепетали края воздушного платья, тонкие, увитые красными и чёрными татуировками руки выплетали фигуры танца, манили. На ступнях красовались рисунки солнца и луны, пальцы выделялись ярко-алым. Ноги отбивали ритм. Эхо растягивало по округе чарующую песню – древнее сказание о неторном пути, семи вратах Червоточин и смельчаке, посмевшем заглянуть за край мира.

Ноги заплетались и утопали в туманном мареве, глаза слипались, голова кружилась, но Николас всё бежал к манящей фигуре. То ли подкидыш выпустил ядовитое жало, выпивая резерв досуха, то ли эта таинственная бабочка заморозила настолько. В голове лениво возникали воспоминания о Неистовом гоне.

Интересно, были ли у лапийских фэйри общие с ним корни? Старые соглашения потеряли силу после падения ордена. Не заключили ли туаты новый союз с сородичами за проливом? Не заколдует ли его бабочка, не передаст ли Аруину, испугавшись его гнева? Может, стоило просто выжечь осиное гнездо?

Мальш на руках кашлянул и зафырчал, давя на жалость. Ветер вился вокруг, свистел в ушах, вливался под кожу, поддерживая стремительно гаснущие силы. Холодный воздух пах особенно сладко. Говорили, суровые северные горы – родина ветроплава, здесь он сильнее всего. Если где и можно выстоять в схватке с превосходящим противником, то на краю Полночьгорья.

Добежав до самого высокого холма, Николас замер и перевёл дыхание. В закатных лучах бабочка обратилась в женщину: невысокую, тонкую, как тростинка, с алебастрово-бледной кожей.

– Ты пришёл! – прошептали подкрашенные рябиновым соком губы, игриво прищурились фиалковые глаза. – Я так переживала, что неправильно рассчитала время. Если бы не заверения Сальермуса, вся бы извелась.

– Маленького белого кашалота? – нахмурился Николас.

Она коснулась его щеки пальцами:

– Ты ещё такой юный! Спасибо, что сдержал слово, – она сложила ладони лодочкой и церемониально поклонилась.

– Я не понимаю, ни кто вы, ни о чём толкуете. Я пришёл за человеческим ребёнком. Зачем вы его похитили? Разве не понимаете, что развязываете войну?

Она вскинула тонкую резную бровь и произнесла печально:

– Да, об этом Сальермус тоже предупреждал. Я Эйтайни, королева-ворожея племени туатов Лапии. У тебя на руках мой сын Эйсмунд. Дело в том, что мы плодимся очень медленно. Наши дети рождаются слабыми и часто погибают в первые полгода жизни. Люди заполняют наши земли. Многим моим сородичам с юга пришлось переселиться к нам, чтобы выжить. Но теперь и здесь наши владения отщипывают по краешку: строят дома с садами, – она указала на видневшийся вдали дом Гарольда. – Выпасают своих лошадей на наших пастбищах, вытаптывают наши травы. Мои подданные сердятся и жаждут войны. Мой муж Асгрим устал их сдерживать, отчаялся из-за того, что его называли подкаблучником. Когда я родила, он испугался, что после смерти ребёнка и я отвернусь от него. Поэтому подменил Эйсмунда на человеческое дитя, которое бы выжило, а заодно попытался отравить захватчиков.

– Хорошо, что никто не умер, – хмуро заметил Николас. – Верните мне человеческое дитя, и я постараюсь всё замять, если вы обещаете не вредить людям. Война сейчас везде, все бегут и прячутся. Но можно хотя бы здесь, хотя бы беженцам, желающим спокойствия, сосуществовать мирно. Ваше настоящее дитя будет жить, если только вы в него поверите и примите!

Николас протянул улыбающегося младенца Эйтайни.

– Эйсмунд будет жить, потому что ты его благословил, – она приняла ребёнка.

Подкидыш едва не высосал из него весь резерв! Это она назвала благословением?

– Твои родители всегда верили и принимали тебя, как верят и принимают остальные, – ворожея коснулась пальцем его щеки.

Густые сумерки расчертила молния и ослепила на миг. В ладони снова легла тяжесть. Когда Николас проморгался, то увидел в своих руках крупного розовощёкого малыша, завёрнутого в расшитое вересками одеяло.

– Глядя на нашего наследника, Асгрим смягчится, наши соплеменники угомонятся хотя бы на время. Мы не будем вредить людям, клянусь, – заверила его Эйтайни.

– А как же Аруин?

– Дзуликий владыка ши? – шурясь, усмехнулась она. – Мы не союзники. Я отказала ему, когда он претендовал на мою руку. Аруин до сих пор не простил оскорбления и ненавидит нас.

Ворожея протянула Николасу брошь из слоновой кости в виде веточек цветущего вереска:

– Подарок. В тебе столько силы, что она будет привлекать демонов. Отдай брошь тому, кого хочешь помнить, и ты не забудешь истину, какими бы чарами тебя не дурманили.

Брошь упала в подставленную ладонь, булавка вспорола кожу, кость впитала кровь. Украшение вспыхнуло живым цветом вереска и тут же потухло. Туатская ворожба, бр-р-р!

– Бери, пригодится, – сказала Эйтайни. – Если понадобится помощь, обращайся. Туаты Лапии верят в тебя, Вечерний Всадник.

Туман путался в её волосах, сумерки скрывали плотным пологом. Дунул ветер, и она исчезла, оставив после себя лишь аромат верескового мёда.

Уже под покровом ночи Николас вернулся к бургомистру. Горели окна, внутри суетились обитатели. Прежде, чем он успел постучаться, дверь распахнулась, и на пороге показался сам хозяин.

– Ваш, на этот раз точно, – Николас отдал ему безмятежно дремавшего малыша. – Туаты больше не будут вам докучать, даю слово.

Гарольд пропустил его внутрь, внимательно разглядывая сына.

– Ух, какой крепенький карапуз! Как Свейн точь-в-точь.

Старший ужинал за столом вместе с пришедшим в себя ниссе. Оба повернули головы, чтобы посмотреть.

– Он! – радостно воскликнул маленький демон.

– Никогда я таким лысым не был! – скривился Свейн.

– Лейв! – донёлся из спальни слабый голос Уны.

Муж поспешил к ней, Николас следом. Эглаборг сидел на стуле возле её кровати и выплетал из свечного пламени сверкающую рубинами сеть, через которую в больную вливалась жаркая сила. Уна повернула к вошедшим встрёпанную голову.

– Вот он, – Гарольд положил сына рядом с ней.

Она взгляделась в него тусклыми, полными слёз глазами.

– Как же сердце мне не подсказало?

– На подкидыше были отводящие взгляд чары. Видеть сквозь них могут только Сумеречники, – объяснил Николас.

– Отдыхай! Как поправишься, так и будем разбираться, – примирительно погладил её по волосам Гарольд. – И приданное твоё я тоже трогать не стану.

Уна слабо улыбнулась и снова повернулась к сыну. Едва слышно напевала ему колыбельную и засыпала сама.

Гарольд предложил погостить у него несколько дней, чтобы убедиться, что с ребёнком и Уной всё в порядке и туаты больше не шалят.

Вместе с Эглаборгом они спали в гостевой спальне. Целителю позволили забрать свои вещи из старой хижины. Он заштопал ниссе жилами мердабада, диковинного мелкого зверька, водившегося на склонах Полночьгорья. Только их не проедала ядовитая кровь. Теперь домовой снова, уже в открытую, подметал пол и хлопотал по хозяйству.

За Уной Эглаборг ухаживал очень старательно, вливал в неё все силы без остатка, отпаивал отварами из целебных трав и вересковым мёдом. Говорил, что это единственное противоядие от чар туатов. Мало-помалу к Уне возвращалось здоровье. Вскоре она начала вставать с кровати и кормить Лейва грудью.

Малыш оказался здоровеньким и почти не плакал, даже когда вместо материнского молока ему приходилось из ложечки пить козье.

С колодцем Эглаборг тоже разобрался: нашёл в записях своей матери, потомственной урсалийской целительницы, рецепт. Николас разыскал ингредиенты, и через несколько дней, когда зелье поспело, вылил его в колодец. Вода вспенилась и мощными струями ударила до самой крыши. Вся округа сбежалась поглазеть на это зрелище. Когда пена опала, запахло свежим разнотравьем. Под направленными на него со всех сторон взглядами Николас зачерпнул первое ведро из колодца и выпил. Оказалась обычная, очень даже вкусная ключевая вода.

Видя, что он не забился в судорогах со смрадной пеной на губах, люди принялись сами набирать воду.

За время отдыха Николас осмотрел город, пополнил запасы и даже заглянул в порт. Красавица-Анка строила ему глазки и заигрывала так явно, что даже её ухажёр – плечистый подмастерье кузнеца Рудольф шурился на него с недовольством и показывал мускулы, закатав рукава рубашки до самых плеч. Забавная парочка!

Холмы замолчали, не показывалась больше бабочка, не тревожил таинственный шёпот. Через пять дней, когда Уна поправилась окончательно, Гарольд заключил, что его заказ исполнен.

Все втроем: Эглаборг, Николас и Уна – растолковали ему, что происходит за северной границей города и как надо вести себя, чтобы не потревожить хрупкий мир с обитателями Полночьгорья. Из пугающего соседства можно извлекать выгоду. При слове «выгода» мысль бургомистра быстро заработала. Он явно просчитывал новые перспективы для города и для своего кошелька заодно. И похоже, остался доволен.

– Точно хочешь ехать? – спросил Гарольд. – А то осел бы у нас, я бы тебя Охотником на демонов при магистрате назначил, жалованье хорошее исправил. Зачем тебе эти странствия, тем более в единоверческих землях?

– Нет, – упрямо покачал головой Николас. – Раз уж я не остался в отцовском доме, чтобы защитить семью, то должен пройти испытание и стать настоящим Сумеречником. С этой силой я вернусь и постараюсь изменить нашу участь.

– Надеюсь, с возрастом ты поумнеешь и передумаешь воевать со всем миром, – бургомистр плутовато сощурился. – Так какую награду хочешь?

– Я выберу себе лошадь. А вторую половину пускай возьмёт целитель. Он сделал не меньше моего, а то и больше, – Николас кивнул наблюдавшему за ними Эглаборгу.

– Хочешь, чтобы я вернул твой сарай? – обратился к нему Гарольд.

Целитель задумчиво посмотрел в сторону Николаса.

Они направились на луг за дом. На свежей весенней траве паслись коренастые северные лошади, больше подходившие для телеги, а не верховой езды. Николас бродил между ними, придирчиво оглядывая каждого.

– Вот этот хороший, – Гарольд указал на высокого вороного жеребца с гибкой лебединой шеей, длинной густой гривой и мохнатыми бабками. – На продажу в Норикию развожу. В экипажах они очень нарядно смотрятся.

– Вороных – терпеть не могу. Лучше вон того, в яблоках, – Николас кивнул на изящного серого коника, пасшегося неподалёку.

Хотя бы внешне он походил на верхового, должен быть выносливей.

– Его трудно чистить, – предупредил бургомистр.

– Справлюсь! – отмахнулся Николас и отправился ловить выбранного коня.

На рассвете следующего дня Охотник собрался в дорогу. Проводить его вышли все

домочадцы Гарольда и даже ставший полноправным членом семьи ниссе. Только Эглаборг куда-то запропастился.

– Береги себя, – Гарольд по-отечески похлопал Николаса по плечу. – И возвращайся, как настранствуешься. Мы всегда тебя примем.

Николас вскочил в седло и заторопил коня по дороге, ведущей к Спасительному хребту. Урсалийцы махали ему на прощание до тех пор, пока он не скрылся за поворотом.

===== Глава 11. Компаньон =====

1563 г. от заселения Мунгарда, Лапия – Кундия

Николас добрался до Перевала висельников, что вёл через Спасительный хребет, отделявший Полночьгорский полуостров от материка. За спиной послышалось торопливое цоканье копыт. Даже не оборачиваясь, он признал ауру целителя. Ещё в городе Николас заметил, с каким подобострастием относится к нему Эглаборг. Похоже, целитель решил, раз Охотник освободил его из колодок, то нужно служить ему всем, чем только можно. Николас надеялся, что Эглаборг от него отстанет, когда он уедет, но не тут-то было.

Охотник остановил коня и спрыгнул на землю.

– Не гоните! Здесь очень опасная тропа: узкая, крутая и скользкая. Не зря же это место называют Перевалом висельников.

– Я вообще-то родился в этих краях, – усмехнулся Эглаборг тихо, но его голос усиливался эхом. – А ещё говорить нужно шёпотом, иначе можно сорвать оползень. Не знали?

Николас неопределённо мотнул головой. Целитель слез с коренастой лошадки. Соловой масти, по её хребту и гриве проходила тёмная полоса, по которой легко можно было узнать лапийскую породу.

– Боялся, что не успею нагнать или разминусь. Так куда мы едем?

– Я еду по своим делам, а куда направляетесь вы, мне неизвестно, – раздражённо отозвался Николас.

Терпеть не мог навязчивых людей! Он зашагал вперёд в надежде, что целитель поймёт всё сам.

Солнце миновало зенит, тропа стала забирать круто вверх. Горы – пристанище ветра, здесь Николас как нигде ощущал в себе силу и лёгкость. Ослабить его могли лишь неволя четырёх стен и затхлость подземелий. А вот целительному огню высота и тяжёлые подъемы были явно не по нутру: Эглаборг пытел и обливался потом. К долгим переходам он, похоже, не привык, ругался себе под нос, но всё равно не отставал.

Заметив в пыли трёхпалый след, Николас замер. Эглаборг едва не врезался в его коня и пришёл в себя, лишь когда его собственная лошадь дёрнулась, тревожно фырча. Николас опустил на колени и принялся изучать местность вокруг. След терялся у высокой скалы. Пришлось закрыть глаза и сосредоточиться на чутье, чтобы проверить отдалённые места.

– Это демоны? – тронул его за плечо Эглаборг, мешая трансу.

– Тролли, – отозвался Николас.

– На северо-востоке их сховища, – навязывал беседу целитель. – После падения ордена демоны пропали или затаились. Мы решили, что эпоха волшебства и чудес ушла безвозвратно, но с вашим появлением сказки начали оживать: ниссе, подкидыш, подхолмовые туаты. Мамины записи, далёкие и отжившие своё, наконец пригодились. Удивительно!

Николас вскинул брови:

– Причём тут я? Туаты напали, когда повесился ваш брат, а измыслили всё, когда вы принимали роды у госпожи Уны. Меня тогда в городе ещё в помине не было. Так что большой вопрос, кто из нас двоих легенды возрождает.

– А может, мы оба! – Эглаборг воодушевлённо потёр ладони. – Значит, нам на роду написано путешествовать вместе.

– Не надейтесь, – осадил его Николас и вручил поводья своего коня.

– Куда? – только и успел спросить целитель, как Охотник, вжимаясь спиной в камень, шагнул на узкий уступ.

В лицо ударил холодный порыв, взлохматил волосы, напоил грудь сладким воздухом. Казалось, ещё немного, и за спиной распахнутся крылья. Один взмах, и он уже в небе, свободный нестись, куда пожелает, не зная ни усталости, ни преград.

Николас встряхнул головой. Не время сейчас.

– Фух, я уж было решил, что вы хотите прыгнуть! – этот целитель ещё и трещит без умолку. Какой из него компаньон? Проще действительно со скалы сигануть. – Так что, будет драка?

– Нет, – Николас неуверенно повёл плечами. – Либо тролли уже далеко, либо скрыли свои ауры. Если последнее предположение верно, то с ними могущественный шаман. Грубой силой с ним не совладать, а хитрости я не обучен. В записях вашей матушки не найдётся средства от тролльих проклятий?

Эглаборг простодушно хмыкнул и полез в седельные сумки за бумагами.

– Потом, – перехватил его руку Николас. – Сейчас надо искать укрытие. В таких условиях лучше уйти, чем драться.

Они вернулись на тропу и двинулись дальше. По соседству с демонами целителя бросать не стоило. Николас бы не простил себе, если бы с ним что-то случилось.

Удобное укрытие не попадалось до самого вечера. Они уже перевалили через хребет и начали спускаться, когда показалась отгороженная со всех сторон скалами лужайка. Судя по протоптанной дороге сюда весной выгоняли скот на пастбище, но пока она была свободна. Николас навязал лошадей на траве и отправился собирать дрова для костра, а Эглаборг распаковывал вещи. Ниже шумел мрачный хвойный лес. На солнечной поляне к пеньку притулились первые весенние грибы, похожие на ворсистые орехи. Николас собрал их за пазуху и понёс на бивак вместе хворостом и дровами.

Когда он вернулся, Эглаборг уже отдыхал на еловом лапнике, застеленном одеялами и плащами. Целитель перечитывал записи, видно, искал что-то про троллей. Николас скинул добычу возле выложенного камнями кострища, составил дрова домиком и принялся поджигать.

– Давайте помогу. Я хоть и не огнежар, но с пламенем управляться тоже умею, – Эглаборг опустился на корточки рядом.

Подумав, Николас передал ему огниво. Чиркнув кресалом по кремню, Эглаборг высек искру и поджёг сухие иголки. Охотник вытянул пальцы, раздувая пламя жарче при помощи ветроплава. Взвился горьковатый дымок, затрещали смолистые дрова.

– А тролли нас не обнаружат? – запоздало встревожился целитель, подтягивая одеяло поближе к костру.

– Их следов больше не видно. Дым седой, в вечернем тумане будет не заметен, а темнеет сейчас поздно, из-за скал отсветы вряд ли увидят.

Николас приладил на палки котелок, в который Эглаборг уже набрал воды из текущего с краю лужайки ручья.

– Кстати, эти грибы очень ядовиты. Настоятельно не советую, – предупредил целитель, когда увидел добычу Николаса.

– Почему? Это же сморчки. Мы ели такие на Авалоре, – смутился тот.

– Нет, это местная шелхонь. Её сушат, смальвают в порошок и травят крыс, – покачал головой Эглаборг.

Он забрал грибы себе и принялся их чистить с деловым видом. Николас хмыкнул и вместо грибов забросил в котёл пригоршню овса, луковицу, зубчик чеснока и несколько кусочков солонины.

– Зачем вы едете за мной? Вы мне ничего не должны, правда, – сдался, наконец, Охотник, помешивая вскипающую воду.

– В Урсалии меня больше ничего не держит: ни семья, ни хозяйство. Я всегда мечтал увидеть далёкие земли. Столько диковинок можно изучить, столько новых зелий составить. Я дополню мамины записи и продолжу её исследования. Вам ведь нужен компаньон?

– Да, но он должен быть воином. Я слышал, здесь ещё сохранился Храм Вулкана.

– В четырёх днях пути отсюда к северо-востоку, на отрогах Тролльих гор. Я практиковался там в юношестве. Хотите, покажу дорогу? Только не надейтесь найти там молодых и сильных одарённых. Да и вряд ли кто-то из послушников променяет тёплое местечко на странствия по единоверческим землям.

– Но вы же ведь хотите! – возразил Николас.

– Смерть брата заставила меня взглянуть на многие вещи иначе. Жизнь коротка, не стоит тратить её на прозябание в глуши, когда есть шанс увидеть мир. Соглашайтесь! Зачем вам нужен такой же заносчивый и самоуверенный мальчишка, как вы сами? Он будет оспаривать ваши решения и соревноваться с вами в силе и смекалке. Я же человек зрелый, в боях не участвую и превосходить вас мне ни к чему. Наоборот, я готов взять на себя все хозяйственные заботы: обустроить ночлег, готовить еду, штопать одежду и лечить. С последним вы без меня точно не справитесь.

Николас представил, что его компаньоном станет кто-то вроде Эдварда. Тогда склок не избежать, а уж сколько времени придётся тратить на то, чтобы доказывать ему свою правоту. Может, и правда, полагаться в бою только на собственные силы? Да, сложно, но тогда никто не скажет, что он слабак и всего добился благодаря другим.

– Ладно, – согласился Николас. – Но есть несколько правил. Первое: не ныть, не пугаться и не болтать, когда мне не хочется. В отличие от огня, сила ветра – в молчании. Ясно?

Эглаборг кивнул.

– Второе: обращаться ко мне по имени.

– А как ваше настоящее имя? – не замедлил поинтересоваться целитель. – Стигс совсем не похоже на имя высокого рода Сумеречников.

– Хорошая попытка. Правило третье: я не высокородный и моё имя Мортимер Стигс. Больше никаких вопросов. Зови меня Морти и обращай на «ты».

– Согласен! – Эглаборг с готовностью пожал подставленную руку.

Николас ещё не знал, на что подписался.

Они благополучно добрались до Гартленда на другой стороне Спасительного хребта.

Никакие тролли их не тревожили. В храм они не поехали и сразу направились к границе с Кундией на юго-востоке.

Правила Эглаборг начал нарушать с первого же дня: постоянно ныл, трещал обо всём подряд настолько много, что Николас научился полностью отстраняться от его болтовни и кивать невпопад, когда его о чём-то спрашивали. Целитель пугался практически всего от высоты и бурного течения горных рек до рассказов о демонах. А больше всего бесило подобострастное отношение: предельно вежливое обращение на «вы», «мастер Стигс» и блеск в глазах.

– Взгляни на меня! Какой я лорд? Такой же странник, как и ты, – не выдержал Николас. – Мой отец носит титул, а после его унаследует мой старший брат. Я же как младший должен буду служить и защищать его. Даже самому себе я не принадлежу!

– Но сейчас-то ваши отец с братом остались за морем, вы сами себе хозяин. К тому же лорд даже в лохмотьях остаётся лордом, а дворняга даже в шелках и золоте не сможет изобразить и толики благородства.

– Ой ли, Эглаборг, не ты ли вечно коришь меня за гордыню и высокомерие? – рассмеялся Николас. – Не рождение определяет суть и судьбу человека, а его личный выбор. Так меня учили.

– И я об этом, – целитель лукаво прищурился. – Вас выдают манеры и внешность. Конечно, близорукие невежды этого не заметят, но более прозорливые разгадают с первого взгляда.

– Жаль, что внешность нельзя скрыть так же легко, как имя и ауру, – Николас демонстративно проглотил кусок вяленого мяса прямо с ножа.

В некоторых вопросах Эглаборг проявлял чудеса упрямства, и Охотнику пришлось смириться. Впрочем, в других делах на целителя можно было положиться: из-за особенностей его дара он не мог ни предать, ни навредить. Хозяйственными хлопотами он занимался исправно и готовил очень вкусно. Одним словом, с ним было терпимо, или это Николас сам так себя настроил?

Денег в общую копилку целитель приносил куда больше. Он представлялся травником, и люди с охотой обращались к нему со своими болезнями, потому что единоверческие лекари задирали цены, но со своей работой справлялись плохо. Конечно, они злились, что кто-то отбирает у них кусок хлеба, но Николас с Эглаборгом не задерживались нигде настолько, чтобы оказаться втравленными в свару.

Услуги же Охотника на демонов требовались гораздо реже. Всё больше Николас вскрывал обманы и наветы, с тварями Червоточин никак не связанные. А когда демоны всё же обнаруживались, приходилось решать дело миром: договариваться, искать компромиссы, даже хитрить. Последнее Николас презирал, хотя врать он вынужден был много, особенно о себе. Но, как говорил наставник Гвидион, главное – защита и выживание племени. Гордыня и жажда мести ценятся лишь демонами, для которых собственные амбиции важнее общего блага. Вот и Николас высвободил меч из ножен, только чтобы размять кости.

Без присмотра учителей начало казаться, что наука забывается, искусство фехтования покрывается ржавчиной, а силы родового дара уходят в землю. Всё больше терзал вопрос: а так ли нужны теперь Сумеречники? Может, на севере, у самой Червоточкины демоны ещё опасны, но чем глубже Охотник заходил в людские владения, тем меньше их становилось и тем незначительней была от них угроза.

Что ж, значит, когда он доберётся до Долины Агарты, то со спокойной совестью

вернётся домой и будет защищать родных и общину, как желало его сердце.

К началу лета они прибыли на кундскую заставу Каплис. Земли вокруг пребывали в запустении, а с лиц людей не сходило мрачное выражение. В таверне Николас познакомился с капитаном рыцарей и тот за кружкой эля поведал о своих бедах.

Новоиспечённый кундский орден, к которому он принадлежал, придумал глупое испытание для новобранцев. Чтобы стать рыцарями, им необходимо было принести яйцо виверны. Естественно, большинство ограничивалось подделками. Виверн-то на всех претендентов не хватало. Но тем соискателям, у которых не было влиятельных покровителей и больших денег, приходилось попотеть.

Один незадачливый юнец всё-таки отыскал виверну и выкрал яйцо из её кладки. Естественно, оно совсем не походило на подделки, которые приносили другие претенденты. Неудачнику никто не верил до тех пор, пока крылатый ящер не явился разорять селения в окрестностях Каплиса. Тогда претендента отправили на бой с виверной, и демон разорвал бедолагу на ошмётки.

Предвкушая славную битву, Николас с радостью вызвался помочь незадачливым рыцарям.

Эглаборг не переставал кудахтать:

– Жуть жуткая! Да эта виверна поди ярдов восемь в длину! А хребет? Вы видели эти острые гребни? И морда клыкастая: проглотит и не заметит! Вот-вот, – он потряс своими драгоценными записями: – Мама пишет, что виверны настолько ядовиты, что в яйца помещают диковинные камни – вирбезы, чтобы детёныши не отравились.

Николас приложил палец к губам, напоминая, что молчание – золото. Обычно этого хватало.

Не терпелось опробовать себя в первом самостоятельном бою. Но боя не вышло.

Не стоило крушить людские поселения, да и выдавать свои способности тоже не хотелось. Пришлось обратиться к хитрости. Эглаборг приготовил пекущий порошок. Повстречавшись с виверной поутру в роще за заставой, Николас швырнул ей в морду начинённый зельем мешочек. Тварь обозлилась и бросилась на него. Тогда он погнал своего коня к дальним скалистым пустошам, где обитали другие виверны.

Не заходя на их территорию, Николас спрятался в пещере. Неподдалёку бродил молодой самец с переливающейся голубым и зелёным чешуёй и костяной короной на голове. Заметив его, виверна вмиг подобрела и забыла о мести. Обняла его шеей, принялась хлопать длинными синими ресницами и мелодично курлыкать. Девчонки даже среди демонов... девчонки!

Похоже, она ещё долго будет занята ухаживаниями и выведением нового потомства, а потом о ворах и не вспомнит.

К вечеру Николас вернулся в Каплис за наградой. Живым его увидеть рыцари не чаяли и очень расстроились, потому что платить им не хотелось совсем. После долгих споров хитрецы приписали его к своему ордену и выдали весьма скудное месячное жалованье.

– Оставайтесь с нами, для храбрых юношей место всегда найдётся, – подмигивал рыцарский капитан во время прощания следующим утром.

– Нет, спасибо. Я хочу с колдунами в Эламе воевать, это куда более праведно, чем местное зверье ради потехи гонять.

Николас требовал с рыцарей дорожные грамоты на имя Мортимера Стигса из Дорноха

и компаньона, как говорил в своей «легенде» на судне. Эти бумаги стоили всех мытарств. Больше никаких трудностей с патрулями и городской стражей не возникало.

Так прошло путешествие по единоверческой, но всё ещё диковатой Кундии. В преддверии последнего месяца лета они прибыли в местечко Ужград на границе с Веломовией.

Плотно сбитые из серых досок, красотой городские ворота похвастать не могли, но выглядели достаточно прочно. По обеим сторонам дежурили ополченцы в малиновых плащах с Кундским гербом – скрутившимся в кольцо коронованным ужом. В руках только хлипкие копья. Видно, денег городским властям не хватало. Выглядела стража квёлой и подавленной, да и город за стенами будто затаился в тревожном ожидании.

Спешившись, Николас показал дорожную грамоту и заплатил пошлину за двоих. Лошадей они оставили у коновязи и отправились искать ночлег. Центральная улица вывела их на рыночную площадь. Люди галдели, суетились, купцы предлагали товары, покупатели остервенело торговались, чтобы сбить цену хоть на медьку. Повсюду слышался испуганный шёпот:

– Голубые Капюшоны всю душу вытрясли, ругаются, что город непристойно выглядит, храм неухоженный стоит. Мало денег жертвуем. Так откуда им взяться после войны, деньгам-то лишним? Чего припёрлись-то? На колдунов ведь никто не жаловался, а нет, как мёдом намазано. Постоянно через границу шастаются туда-сюда. Да ещё и детей у Юраты и Гинты забрали. Малых-то за что?!

Николас схватил Эглаборга за локоть и выругался про себя. Не хватало ещё на Лучезарных нарваться. Он с амулетом Кишно, может, и затеряется в толпе, а вот Эглаборга наверняка заметят. К целителям Лучезарные относились лучше, чем к воинам-Сумеречникам, но тоже особой любви не питали.

Толпа начала расходиться в стороны, как море перед кораблём. Николас затолкал Эглаборга себе за спину и прижался к стене ближайшего дома. На другом конце площади показались люди в голубых плащах. Даже с большого расстояния было заметно, как посверкивают их ауры и ко всем зевакам тянутся тонкие мысленити. Видимо, бунтовщиков ищут, а может ещё что. Влипли!

– П-с-с! – кашлянули над самым ухом.

Николас скосил взгляд. Внимание Эглаборга привлекал какой-то незнакомец. Сгорбленную фигуру скрывал линиялый плащ, кустистая борода обрамляла сухое морщинистое лицо. Ворот засаленной рубахи слегка отвернулся, на груди показался край татуировки-паутины. Николас достал из кармана деревянную метку и прокатил между пальцами. Сверкнув тёмными глазами, незнакомец едва заметно кивнул и завернул за угол дома. Николас потянул Эглаборга за собой, пока их не заметили Лучезарные. Соседи начали оборачиваться и подозрительно коситься.

Один из Голубых Капюшонов указал в их сторону. Они помчались по узким кривым улочкам. Лучезарные преследовали их, бряцая оружием и крича. Прохожие разбежались в испуге, захлопывались ставни и двери.

Ненадолго удавалось укрыться за домами и заборами. Эглаборг так медленно перебирал ногами, что Николас уже хотел закинуть его к себе на плечи. А вот незнакомец, наоборот, петлял по городу, как заяц, путая следы. Юркнул в тень, где, казалось, была только глухая стена.

Там обнаружился узкий проход. Спрятались они как раз вовремя – Голубые Капюшоны проскочили мимо.

Но расслабляться не стоило. Перемазанные в пыли и каменной крошке, они выбрались на другой стороне домов. Незнакомец уже манил их в соседний переулок. Снова и снова они едва не сталкивались с Лучезарными, но ускользали в последний миг. Целителя распирало от любопытства, но Николас не позволял ему сыпать вопросами.

На окраине город опустел. Они прокрались к густым зарослям боярышника. Незнакомец припал к земле и забрался в прореху между ветками. Николас подождал, оглядываясь по сторонам. Лучезарные далеко, ауры почти не чувствовались. Случайных свидетелей тоже не видно. Он подтолкнул в проход Эглаборга и вошёл следом.

Внутри пряталась крохотная хижина с голубятней на крыше. На земляном полу был сложен очаг, у дальней стены стояла застеленная соломенным тюфяком лавка и приземистый столик, у соседней – полки с припасами, под ними погреб. У противоположной свалено оружие: лук, колчан со стрелами, связка метательных ножей, несколько копий, короткий меч дешёвойковки. Явно на случай, если придётся долго прятаться или обороняться.

– Садитесь! – пригласил их за стол незнакомец.

Эглаборг плюхнулся на лавку, пытаясь унять тяжёлое дыхание. Николас остался стоять, положив руку на эфес спрятанного под плащом меча. Незнакомец скинул верхнюю одежду и снял бороду. Интересно, как их делают?

Расправив плечи, он помолодел и стал выглядеть куда внушительней, возраста Эглаборга. Судя по бледно-бирюзовым прожилкам в ауре, слабенький морочь. Сильного Лучезарные давно обнаружили бы.

– Авалорцы, да? Далеко же вас занесло. С амулетом? Я ж вас даже не приметил, только приятеля вашего, – он кивнул на Эглаборга.

– А вы кто? – насторожился Николас.

– Смотритель Голубиной станции Компании «Норн», – он обвёл рукой помещение.

– Наслышан, – Охотник кивнул.

Норикийцы создавали такие места в единоверческих странах, чтобы вербовать новых людей. Не друзья, но ни Лучезарным, ни единоверцам не выдадут.

– Меня зовут... – Николас протянул руку для приветствия, но смотритель его остановил.

– Без имён. Ради вашей же безопасности. Мы помогаем всем одарённым, даже если они не принадлежат к Компании. Всё, чтобы выжить. Так какими судьбами?

Смотритель поставил на стол горшок с тушеной капустой и принялся раскладывать её по мискам.

– На острове сейчас беспокойно. Слышали? – поинтересовался Николас.

Обмениваются ли они посланиями со штабом в Дюарле и как там налажена разведка?

– Да, вести приходят одна тревожнее другой: порядки ужесточают, заговор готовят. Столько лет тянулось, вроде соглашение заключили, а нет, всё-таки решились короля сместить. Конечно, Хассийцы-Майери – священная династия, только совсем не единоверческая. Чувствую, скоро и до Каледонских гор доберутся.

Николас передёрнул плечами. Нет, он вернётся раньше и защитит родных. Либо погибнет вместе с ними, хотя умирать совсем не хотелось.

– А едете-то куда? – выпытывал смотритель, разливая по кружкам ключевую воду.

Нехитрая снедь, но хоть что-то. Эглаборг от нервов как голодный волк на капусту

набросился.

– На восток, в Сайберу, – неопределённо ответил Николас.

– Неужто в мятежный Хитеж? – хмыкнул зритель.

Эглаборг перестал жевать и прислушался. Раньше Николас не упоминал место их назначения. Вот и теперь Охотник многозначительно молчал.

– Далась вам та Сайбера. В Норикии и теплее, и сытнее. Не думайте, что я по долгу службы говорю. Просто как вы собираетесь через всю единоверческую Веломовию проехать? Лучезарные там власть держат не менее жёстко, чем на Авалоре. А за Рифейскими горами и вовсе дикие земли начинаются. Да, конечно, свобода и независимость, как было заведено в старину, только к чему они мертвецам?

Ух, какой настырный вербовщик. Так и подмывало ответить, но Николаса слишком хорошо научили сдерживаться.

– Но ведь мы пока живы, – заметил он и принялся за еду. – Слышал, Лучезарные сторожат границу?

– У них тут неподалёку место паломничества, – зритель хохотнул. – В Ужграде и окрестностях вроде как проверяют переселенцев и детей, кто у них раньше не учтён был. А потом в Веломовию едут по восточному тракту мимо Подгайска и Волынцов.

Им с Лучезарными ещё и по пути, оказывается. Николас покривился: постоянные задержки и без того съедали безумное количество времени.

– Что за паломничество такое?

– А-а-а, новая легенда! Знаете, кому тут раньше земли принадлежали?

Николас недоуменно вскинул брови.

– Роду Веломри. На границе остались руины их старого замка Ильзар.

– Роду Белого Палача? – удивился Николас. – Я думал, он из безземельных.

– Так и есть. Он взял родовое имя своей супруги. Жил здесь с ней до того, как предал Сумеречников. Говорят, в этих лесах затерялся их единственный сын. Лучезарные до сих пор его ищут. Да и наши тоже. Леса-то дикие. Сколько людей там сгинуло, а никто ничего не обнаружил. Говорят, сами боги скрыли кровь Белого Палача от людей. Отыщет её лишь тот, кому она нужнее всего.

Эглаборг шумно выдохнул. Николас только усмехнулся. Какими же высокопарными словесами могут обрастать недавние события и простые совпадения? Должно быть, наследник сгинул, раз леса дикие. А может, и нет, только кому какое дело?

– Как же нам проскользнуть мимо Лучезарных? – поинтересовался Николас о более насущной проблеме.

– Новый тракт широк и безопасен для неударённых. Переждите здесь пару дней, пока отряд Лучезарных не уйдёт. Я куплю всё, что вам нужно. Но там на тракте застава, которую никак не объехать. Попробуйте продраться через лес, если не боитесь бездорожья, демонов и их колдовства. А можете просто повернуть назад и поехать в Дюарль. Там всем рады.

– Значит, лес, – решил Николас и откинулся к стене, заложив руки за голову.

Прорвутся. Всегда прорывались!

– Можно ли где-то ещё получить помощь?

– Компания помогает всем одарённым, пускай даже те проявляют глупое упрямство и не хотят служить общему благу, – снисходительно ответил зритель.

Николас развернул перед ним карту, и тот принялся показывать обозначенные на ней большие города.

– Заведений называть не буду, но нас всегда можно встретить в толпе на главных площадях. Мы ищем одарённых везде, где только можно, и даже тех, кто просто сочувствует нашему делу или недоволен властью единоверцев. В Волинцах есть такой человек – неодарённый, но сочувствующий. Если увидит ваш знак, то в беде не бросит. Но имени я не знаю, как не знает никто.

Смотритель предложил написать послание домой. Через сеть голубиных станций оно бы попало в Каледонские горы за месяц. Николас черкнул несколько строк Гвидиону: что всё в порядке, он в Веломовии, нашёл зрелого компаньона-целителя. Передал почтение отцу. Подпись не поставил, даже деталей не упоминал, чтобы если послание достанется врагу, их не вычислили бы.

Но тревога сосала под ложечкой. Смогут ли Сумеречники выжить в этом разорённом, враждебном мире, где даже нельзя называть своих имён?

===== Глава 12. Маленькая вилия =====

1563 г. от заселения Мунгарда, Веломовия, Белоземье

Герда, дочка лесника, восьми лет от роду, сидела по пороге маленькой хижины на отшибе. Ясным утром солнце ещё ласкало теплом, а не жарило огнём, делая тело тяжёлым и мокрым. Она разбирала на пряди густые длинные чуть не до колен волосы цвета льна и заплетала их в косы. Хотелось быть невесомой пушинкой и лететь вслед Западному ветру на край света. Герда закрывала глаза и представляла, что поёт для него чище соловьёв, звонче весенней капли. Так красиво, что захватывало дух. И ветер кружил её, влюблённый в эти песни.

Треснул сук, пробудив от грёз, грудь сдавил сухой кашель. Герда подставила кулак ко рту, пытаясь сдержаться. Посеревшие доски старого, но ещё крепкого порога, скрипели от её мелкой дрожи.

На узенькой тропке показалась статная темноволосая женщина. Тётка Милана Заградская, мамина сводная сестра. Герда её побаивалась, а уж её сыночка, задиристого Вальдемара, и вовсе терпеть не могла. Она юркнула под крыльцо, пока не заметили, и выглянула в щель между досками.

Милана шла степенно. Синее платье стелилось по земле волнами и трепетало на ветру, чёрная коса за спиной была в руку толщиной. Первая красавица Белоземья, недаром сам губернатор Заградский её замуж позвал.

Тётка вошла на порог и постучала в дверь. Послышались шаги.

– Зачем пожаловала, сестрица? – строго спросила выглянувшая на улицу мама.

Они не дружили: мама всегда переживала, когда тётка приходила.

– У меня к твоему мужу дело. Срочное. Он ещё не ушёл?

Люди шептались, что черноглазая Милана – ведьма. Мужа приворожила, со свету сживала всех, кто ей неугоден становился.

– Какое у почтенной жены губернатора может быть дело к моему мужу-леснику? – упорствовала мама.

Хотя она никогда не повышала голос и не выходила из себя, а соседи называли её самой кроткой женщиной во всём Мунгарде, ничего она не боялась, особенно когда речь шла о Герде или об отце.

– Соболю шубку исправить хочу. Ну же, не заставляй меня ждать! – прикрикнула на неё Милана так, что содрогнулись даже стены из цельных брёвен.

Снова скрипнула дверь, послышался басовитый отцовский голос:

– Зофья, милая, ступай в дом, котелок на печи кипит.

Отец чмокнул маму в висок. Когда дверь за ней затворилась, он спустился с порога и встал перед тёткой.

– Чего тебе надо, свояченица?

– А ты не знаешь? Что ты со мной сотворил, Гед-колдун, что я о своей сделке забыла? Предвестник уже здесь и требует платы. Но я одна расплачиваться не стану. Со мной на Тихий берег пойдёшь! Ты виноват, виноват не меньше, чем я! Из-за тебя они здесь рыщут!

Отца тоже часто обзывали колдуном, а уж сколько раз его хватали Лучезарные по несправедливым наветам! Проверяли так, что домой он приходил бледный, как полотно, и долго не мог унять идущую из носа кровь. Но никакого колдовства в нём не находили.

– Я с ними сделок не заключал и отвечать не обязан. В своих бедах виновата ты сама. Нечего было нечистым колдовством счастья добиваться.

– Тогда я открою всем твою грязную тайну. Позови своих покровителей, пускай прогонят Мрак и спасут нас обоих.

– Им это не под силу, – покачал головой отец.

– Тогда отдай Предвестнику свою девку. Уж она-то удовлетворит его достаточно, чтобы он забыл о нас навсегда.

– Бездонную прорву нельзя удовлетворить. Ступай прочь, Милка-ведьма, свои проблемы я решу сам.

– Не хочешь девку отдавать, так найди кого-то другого. Я всё равно покажу Предвестнику твой дом. Не пойду одна на Тихий берег, не надейся!

Отец сложил руки на груди и отвернулся, показывая, что разговор окончен. Милана развернулась так, что взметнулись юбки. На широкой улице её ждала запряжённая двумя рысаками коляска.

Как только тётка скрылась из виду, отец заглянул под крыльцо.

– А ну ка, вылезай! Сколько раз говорил, чтобы не подслушивала разговоры взрослых!

Герда сжалась. Отец никогда её не бил, не ругал даже, но всё равно было очень страшно. Она мало что поняла, кроме угрозы в голосе тётки Миланы и смутной тревоги отца. Он, и вправду, колдун? Какие у него грязные тайны?

– Вылезай и не плачь. Всё хорошо будет.

Герда выбралась из-под крыльца и заглянула в его глубокие серые глаза, пытаясь разгадать.

Отец подхватил её на руки и прижал к себе:

– Не болтай о том, что здесь было. Не отдам тебя никому. Один раз твари уже отняли дорогого мне человека, но больше я им не позволю.

– Гед! – на пороге показалась мама. – Что происходит?

Отец поставил Герду на землю и ответил неестественно спокойно:

– Одень её для леса, со мной пойдёт. Пособирает там черники на пироги, пока я порядок проверю.

– А вдруг она заблудится, или нападёт кто? Я не переживу, если с моей кровиночкой что случится. Слышал, что бабка-повитуха сказала? Не будет у нас больше детей, только она одна.

– В лесу она будет в большей безопасности, чем здесь, – отец говорил мягко, но по обыкновению оставался непреклонен. – Лихо давно в городе гнездо свило. А лес её защитит.

– Лучше бы ты её в школу при храме отправил. Научилась бы правильным молитвам,

тогда и лихо отвадила бы.

– Глупости, – цыкнул отец. – Единый этот только данью облагать может да детей воровать, а против лиха лишь на себя надеяться нужно. Провожу Герду и позову подмогу.

– Ты же сам как колдун говоришь! Мало того, что на тебя постоянно клеветают, так ещё и дочку ведьмой величать станут. Заберут её Голубые Капюшоны, как пить дать, заберут!

– Поэтому она и отсидится в лесу, пока они не уйдут. – Отец зарычал и ударил кулаком по перилам: – Хватит разговоров! Живее собирайтесь, времени нет.

Он никогда не пользовался властью главы семейства, но сейчас его тону и огню в глазах не мог противиться никто. Мать, бледная и охающая, увела Герду в дом, одела потеплее, вручила плетёное лукошко и завернутую в тряпицу лепёшку с маслом и луком. У мамы так тряслись руки, а в глазах стояли слёзы, что Герда не выдержала и обняла её за талию.

– В лесу не страшно. Я черники целое лукошко наберу! Мы и пирогов напечём, и варенье сварим, и ещё на компот останется.

– Конечно, милая, – мама прижала её к себе.

– Конечно, – эхом повторил отец и потянул дочь за локоть. – Верьте мне, я всё решу.

Во дворе уже ждал осёдланный конь. Взяв его за поводья, они вышли за околицу. Мимо проществовала кавалькада Лучезарных, съехавших с широкого тракта, что огибал лес по опушке. Отец затолкал Герду себе за спину. Голубые Капюшоны пробежались по нему изучающими взглядами, но задерживаться не стали и поскакали в город. Отец облегчённо выдохнул и подтолкнул Герду к очерченной телегами колее, которая вела вглубь леса.

– Помнишь, чему я тебя учил? Держись по солнцу и по тому, с какой стороны растёт мох на деревьях. Метки почаще оставляй. В трясину не лезь. За зверьём не гоняйся. И ни в коем случае не теряй тропинку из вида, – наставлял он, склонившись низко над дочкой. – Людям на глаза не показывайся, особенно чужим. Помнишь, что с Марыськой Красной Косынккой случилось?

– Её проглотил варг, – сказки Герда никогда мимо ушей не пропускала.

– А почему он это сделал?

– Потому что она не послушала взрослых и заговорила с ним.

– Правильно. А ты будь умнее. И ни с кем, слышишь, ни с кем не разговаривай.

– Даже с Сумеречником, который разрубил варга пополам и спас Марыську?

– Сумеречников не существует, – отец рывкнул так, что Герда вздрогнула. – Я заберу тебя, когда придёт время. Верь мне.

– Да, отец, – она поцеловала его в щёку на прощание.

Он вскочил на коня и помчался по главной дороге в чашу.

Прочь с плеч, тревоги и печали! Герда вприпрыжку побежала по узкой лесной тропинке. Если отец сказал, что всё будет хорошо, значит, волноваться не о чем! Жаль, петль не получалось.

Гед быстро домчался до знакомого с детства короля-дуба. Древнее ветвистое дерево с необъятным стволом. До войны в Дикой Пуще ещё попадались случайные соглядатаи, но сейчас неодарённые сюда не заглядывали. И хорошо. Не стоило им лезть в колдовские тайны, иначе было бы как с Милкой. Поэтому Гед и стал лесником: чтобы защищать людей от леса или лес от людей. Уже не важно.

Он постучал в закрытое дупло размером с телегу, встал на колени и сложил ладони лодочкой, как учила мать. Та, чьё имя сейчас было под запретом.

– О, всеблагая Ягиня, Хозяйка лесов, кормилица, молочная магушка, прошу тебя о помощи. Девять лет мы жили спокойно, но Мрак снова явился по наши души. Давай, как встарь, сразимся с ним плечом к плечу.

– Слабею я, мой милый мальчик, – зашелестела листва. – Сколько ни пои меня жертвенной кровью, не вернётся сила. Нужна мне наследница, молодая и полная жизни. Уступи своё дитя, я передам ей свой дух, знания и могущество. Она станет мной, и вместе мы выстоим.

– Нет. Что ты, что Мрак просите об одном, но я не подчинюсь. Когда Герда повзрослеет, то выберет сама. Мне нужна лишь защита на время. Защита, за которую я плачу уходом за твоими владениями.

Из-за дуба показалась укутанная в зелёную листву фигура. Голову её венчали оленьи рога, волосы цвета чернозёма тянулись до самой травы и сплетались с ней. Сверкали хрустальные глаза-озёра, тонкие губы дрожали, но голос исходил не из них, а изнутри леса.

– Я могла бы забрать к себе в Ирий всю твою семью. Вы бы жили в счастье и благоденствии.

Тонкие ветви-руки обняли его и ласково погладили щёку.

– Сколько? Год-два, пока единоверцы не вырубят тут всё под корень? Нет, если ты не хочешь, то я выйду на бой один, пускай даже это будет стоить мне души.

Гед вырвался и зашагал прочь. Ягиня-кормилица выла волчьими голосами и истекала смолистыми слезами, но он не оборачивался. Он будет биться за всех, даже за неё своими слабыми силами.

На опушке Гед ощутил: Мрак уже пировал в городе. С испуганным мяуканьем мчались прочь коты, ползли в лес ужи, скулили от ужаса собаки. Небо заволакивало свинцовыми тучами, и воздух наполнился запахом тлена. Кто-то умрёт сегодня, а может, уже умер. Надо стереть со своей двери крест, что ведьма Милка нарисовала бычьей кровью.

Ноги подкосились. Гед упал на колени, глядя в черноту бури. Ладонь нашла за пазухой серебряный медальон. Последний подарок любимой матери или ненавистного отца – это уже не важно.

– О, брат мой, Ветер, – взмолился Гед тихо, чтобы никто не услышал его староверческих слов. – Заступник страждущих, не оставь нас в беде. Вечерний Всадник, молю, мы не продержимся до рассвета. Вспомни, чем нам пришлось пожертвовать ради твоего возрождения. Помоги же, заклинаю, мы так хотим жить!

Но бессердечный ветер оставался нём, а город уже наполнился переполохом и гамом. Да таким, что ясно было, дело вовсе не в проверке Лучезарных. Предвестника принесли на хвосте лицемерные твари в голубом.

Солнце припекало по-летнему жарко. Отец и раньше частенько брал Герду в лес, обучал ходить по нему, рассказывал про растения и животных, что делать можно, а что нельзя. Так что чувствовала она себя уверенно. Лес её не обижал, наоборот, ласкал прикосновениями ветра, веселил птичьим пением, играл шорохами и скрипами.

Остался позади Сокольничий тракт, по которому только и отваживались ходить селяне. Оленья тропа вела дальше, за бобровую плотину на узкой лесной речке Домне. Вскоре отыскалась большая поляна, покрытая сине-зелёным ковром черничника. Собрать пришлось долго, пока не затекла поясница и заслезились глаза. Герда присела на пенёк, поставила наполовину полную корзинку на землю и достала из-за пазухи книгу.

Книги в Волянцах были редкостью. На рыночной площади ютилась захудалая книжная лавка. После Войны за веру туда свезли часть библиотеки из разрушенного замка колдунов. Ими торговал добродушный дядька Михась, хотя основной доход получал за составление прошений и грамот. Ещё несколько десятков книг хранилось в храме. По ним обучались дети со всей округи.

Герда в школу не ходила, потому что отец не желал, чтобы «её голову забивали единоверческой дурью». Когда ей исполнилось четыре, отец принёс домой книгу со сказками и восковую дощечку с железным стилем. Он сам обучил дочку грамоте и счёту. Но Герда всё равно немного завидовала другим детям: в их распоряжении была вся храмовая библиотека.

Хотя отец говорил, что в единоверческих книгах нет ничего интересного, Герду снедало любопытство. Она бегала послушать единоверческих учителей, благо с уроков они никого не прогоняли. Отец оказался прав: ничего занимательного там не рассказывали. Те же нудные речи о благочестии можно было услышать на еженедельных проповедях, ради которых даже ярмарочный шум приостанавливали на несколько часов.

Герда переключила внимание на книжную лавку: бродила вокруг несколько дней, пока хозяин не пригласил войти и выбрать любую книгу в подарок. Дядька Михась давно хотел отплатить отцу Герды за то, что тот спас его от стаи голодных волков, и поэтому был рад услужить ей. Она не смогла выбрать одну из нескольких приглянувшихся книг, и тогда добросердечный книжник предложил обменять её на новую после того, как Герда её прочтёт.

Так из простого лавочника он превратился в библиотекаря, ссужавшего свои книги читателю на время. Дядька Михась так увлёкся этой игрой, что каждый раз с радостью привечал Герду и даже иногда выписывал для неё новые книги из типографий, которые открывались во многих крупных городах Веломовии.

Каждую новую книгу Герда брала в руки с восторгом первооткрывателя. Правда, именно эту ни отец, ни даже дядя Михась давать ей не хотели. Говорили, для взрослых она. Но Герда умыкнула её без спроса. Теперь подвернулся удобный случай почитать.

Она пролиستала несколько страниц и нашла место, на котором остановилась в прошлый раз:

«Ужинный король – один из самых опасных обитателей заболоченных лесов Белоземья. Повелитель ползучих гадов живёт в палатах под землёй, доверху набитых золотом и самоцветами. Он хранитель кладов, ни один из которых не пойдёт людям в руки, пока не будет сделано подношение детям короля – ужалкам.

В северных селениях о таинственном обитателе болот бытует множество легенд. Встреча с Ужиным королём редко приносит удачу. Красивых девушек, купающихся нагими в лесных водоёмах, он делает своими невестами и уносит под землю, где те чахнут без солнечного света. А если избранница Ужа восплачет ответным чувством, счастье не продлится долго. Следом придут её братья, изрубят похитителя на куски и выбросят в водоём, в котором безутешная вдова утопится от горя.

Мужчинам встреча с Ужом счастья приносит больше, но нужно быть осторожным, чтобы оно не обернулось горем. Жители приграничья рассказывают про то зловещую историю:

«Удачлив и ловок был охотник Сымон. Дичь сама бежала навстречу, а хищник всегда стороной обходил. Но была у Сымона тайна. Однажды в середине вересовика он пошёл на

охоту. Звери и птицы, как назло, попрятались. Пригорюнился Сымон, сел на пенёк. Вдруг видит, старик, косматый и сгорбленный, выходит из чащи, узловатая палка в морщинистой руке. Говорит: «Знаю о твоём горе, Сымон-охотник. Ступай на Лысую гору. Змеи там кишмя кишеть будут, да ты не бойся. Пропустят они тебя на самую вершину. Как увидишь неподвижного ужа, поклонись ему в землю. Платок постели. На платок крынку с молоком поставь. Оживёт уж, напьётся молока и скинет свою корону. А ты не зевай. Как слезет уж с платка, корону в него заворачивай и за пазуху сунь. Спустишься с горы, и помощник к тебе явится. С ним дичь сама в руки пойдёт».

Сымон сделал, как было велено. У подножья горы встретил его огромный чёрный пёс и следовал за Сымоном всюду, как только тот на охоту выходил. Дичь сама к нему из леса выбегала.

Всё было хорошо, пока Сымон жениться не надумал. Пришёл невесту сватать, а тут откуда ни возьмись змея выползла. Да как зашипит на невесту. Девушка взмолилась: «Убей гадину, убей сейчас же!»

Сымон ударил змею концом охотничьего лука, и та тут же издохла. Из леса донеслось глухое рычание. Послышался в нём возмущённый голос давешнего старика: «Зачем детёныша моего погубил?! Я же тебе столько помогал! Не прошу этого, не прошу!»

Не по себе стало Сымону. Вернулся он домой, развернул платок – а там только два сухих осиновых листочка остались. Отправился Сымон на охоту, вышел на опушку. Глянул, бежит к нему верный чёрный пёс. Обрадовался Сымон, да не тут-то было. Зарычал на него пёс, словно не признал. Глаза красным колдовским пламенем полыхнули. Кинулся пёс на Сымона, когтями острыми да клыками длинными живот разодрал, потроха все выел, мёртвое тело на дороге кинул, а сам к хозяину своему – Ужиному королю – вернулся»».

Герда передёрнула плечами. Жуткая история. Поэтому взрослые и не разрешали читать эту книгу. Боялись, что Герда ночью плохо спать будет. На самом деле плохо спали они, когда она эти сказки пересказывала.

Тени от деревьев удлинились. День шёл на убыль. Герда спрятала книгу, присела на корточки и потянулась к ягодам, как в глубине леса что-то ярко полыхнуло. Болотные огоньки так далеко от Ужиных топей? Вряд ли. Да и не зажигаются они днём. А вдруг пожар?

Герда подхватила корзинку и побежала к огоньку. Посреди поляны в потоке лучей, пробивавшихся сквозь отверстие в густых кронах, сидел огненно-рыжий кот. Морда его была белой, словно на неё налепили маску, ярко-синие глаза внимательно следили за девочкой.

Такой красивый, он завораживал. Нестерпимо хотелось погладить огненную шерсть. Герда подкралась к нему на цыпочках и протянула руку. Плут махнул хвостом и помчался прочь. Она бросилась вдогонку.

Бежал кот очень быстро, но то и дело останавливался, словно проверяя, не отстала ли она. Гонка разжигала азарт. Герда ни за что не собиралась упускать плутишку. Неожиданно кот замер и повёл драным ухом. Она подкралась к нему вплотную и уже протянула ладонь, как кот снова понёсся в чашу.

«Не уйдёшь!»

Герда зацепилась ногой за торчавший из земли корень и упала, выронив корзинку. Черника высыпалась. Герда поднялась, потирая ушибленную ногу.

– Ну вот, сбежал!

Она посмотрела на корень, об который споткнулась. Рядом на земле неподвижно

лежала змея с жёлтыми ушами. Ужик!

Герда подобрала ветку и осторожно ткнула чешуйчатое тело. Змейка не двигалась. Герда прижала пальцы ко рту. Ужика растоптала! Детёныша Ужиного короля. Сейчас явится он сам и утащит её под землю. Хорошо хоть братьев у неё нет, и никто не станет рубить его на части. А что, если он пришлёт страшного пса?!

Герда бросилась собирать чернику в корзинку, желая убраться от мёртвой змеи подальше. Послышалось раскатистое рычание. Сверкнули кроваво-красные глаза лохматого чёрного пса. Ростом он был едва ли ниже Герды. Пёс щерил наполненную острыми зубами пасть, с которой на землю капала слюна.

Она сглотнула и попятилась. Пёс с громким лаем оттеснил Герду к поваленному бревну и затаился в кустах.

Между мохнатых макушек сосен виднелся лишь крошечный лоскут неба. Герда всмотрелась в него и представила, как поёт, призывая на помощь хоть кого-нибудь, пускай даже слышит её только ветер.

Лучезарные покинули Ужград на следующий день. Выждав ещё один и отблагодарив гостеприимного зрителя голубиной станции, Николас с Эглаборгом перешли границу и направились в Дикую пущу. Раньше она была частью первобытного леса, покрывавшего большую часть северного Мунгарда. Но люди наступали, а лес погибал от пожаров и вырубки. Теперь от него остался лишь этот сосновый бор, который можно было пройти насквозь за день, если знать дорогу. Но приезжие, да и местные, побаивались той силы, что скрывалась в тенистых чащах. За это его и прозвали Дикой пущей.

День шёл на убыль. В воздухе стоял терпкий запах лесных трав. Едва заметная тропа извивалась вдоль тёмных оврагов и уходящих ввысь вековых сосен. Из низин вытаскивал щупальца вечерний туман.

– Вот бы, и вправду, отыскать наследника Белого Палача. Если кто и достоин, то только вы, – развлекал разговорами Эглаборг. – Обменяли бы его на помилование или спасли кого из наших. Да мало ли что ещё можно было бы выручить!

– Если наследник лорда Веломри ещё жив, то вряд ли боги доверили бы его мне. Не думаю, что они настолько жестокосердны, – задумчиво изрёк Николас.

– К вам или к нему? – подначил целитель, наблюдая, как ненасытный туман поглощает всё на своём пути.

Николас не стал отвечать и натянул поводья. Странно петляла эта дорога. Чутьё подсказывало, что они двигались не в том направлении. Он вынул карту из-за пазухи и сверился с ней. До большой Оленьей тропы должно быть всего две мили, она проходит восточнее Ужиных топей и упирается в Сокольничий тракт. А этих мелких ответвлений тут нет. Ладно, надо забыть о карте и положиться на дар.

Николас вскинул голову: целителя уже и след простыл. Вокруг был только мокрый, непроницаемо белый туман.

– Эглаборг!

Ответило лишь тихое эхо. Николас изо всех сил сосредотачивался на аурах, но без толку. Целитель как сквозь землю провалился. Туман стал настолько густым, что даже собственные руки различить не удавалось. Навалилась тишина: ни пения птиц, ни шорохов, будто всё завязло в липкой паутине. Чутьё вырисовывало перед глазами тени – огромные, клыкастые, когтистые и опасные. Словно демоны окружали, так много, что не вздохнуть. Повелевал ими

чёрный спрут из детского кошмара, перебирал щупальцами, сверкал кровавыми глазами, желал добраться до сердца и вырвать из груди.

Ладонь легла на эфес, напряглись мышцы на руке, ноги непроизвольно впились в конские бока. Сейчас будет битва, неистовая и беспощадная, та, о которой Николас мечтал так долго, и та, в которой ему не выстоять. Сила не на его стороне, а к хитростям у него склонности нет. Нужно возвратиться в безопасное родительское лоно, спрятать голову под подушку. Отец защитит, он сильный и вечный, а Николас...

Тишину разрезал тонкий девичий голос: мягкий, мелодичный, завораживающий. Звонком колокольчиков лилась песня, слова на непонятном языке вкручивались в уши. Разобрать диковинное наречие не получалось, но ритм, сама музыка вызывала в голове образы, открывая смысл. Как будто он мог говорить на этом странном языке свистящего воздуха, весенней капели и птиц.

– Брат мой, Ветер, помоги. Заклинаю, Всадник Зари, приди ко мне тёмной ночью. В пору самую страшную, когда рекою льётся кровь. Мы слабы и всеми позабыты, нам не выстоять одним. Приди, когда не светит солнце, приди, до первых петухов нам не дожить. Спаси и сохрани, ты сможешь, ты могуч и светел. Мы верим, ты единственный, чьё сердце слышит. Подними свой меч. Нарушь клятву, взамен ты получишь любовь, свободу и путь, что отвернёт твою судьбу от замкнутого круга. Новый путь наполнит высохшее русло, и возродится жизнь. Мы восславим имя твоё в веках, и ты не умрёшь никогда.

Повсюду вспыхивали цветы: сиреневые и бирюзовые. Выстреливали в руки хищные лозы, тянули за запястья. В туманную гущу, в разорённую деревню, где по улицам метались хищные тени, где вскрикивали разом десятки голосов и затухали. Где чёрный спрут тянулся к поющей на последнем издыхании девочке.

Вот-вот она погибнет, и наваждение прекратится.

Нет, нельзя оставаться ребёнком, подставлять других и заставлять бороться там, где должен защищать он.

Понукаемый пятками, конь помчался вперёд, перепрыгивая через поваленные брёвна и овраги. Прочь с нахоженных троп, по бездорожью, через колючий подлесок и бурелом.

Уже близко ветхий домик на отшибе. Николас спешил и вбежал внутрь. Певунья единственная живая лежала в окружении разбросанных по полу мертвецов. От пережитого ужаса её волосы покрыла седина, последние звуки исторгал сорванный голос. Не зазвучит он вновь никогда, а если и вернётся, то петь уже не сможет. Серый жемчуг глаз сверкал отчаянно ярко, омытый горькими слезами. Бледные руки тянулись к Николасу. От них шли пути, вспыхивали дурманные цветы.

Что это за колдовство? Демон или дух? Вилия в воздушных одеждах со стрекозьими крыльями и птичьими глазами. Она зачаровывала своим пением, сводила с ума. Николас приблизится – она раскроет пасть, полную ядовитых зубов, и вонзит их в его плоть.

Но нет, её аура меркла, вилия умирала. Жаль, ведь она единственная знала его настоящее имя. А он так и не спас, увязнув в нерешительности.

В висок кольнуло, вкус крови на губах отрезвил. Послышался сдавленный кашель. Вилия исчезла, мертвецы, домик, деревушка, даже демоны обратились в неясные очертания деревьев. Молочный океан медленно редел, показалась небольшая поляна. Вот же она – вилия. Живая, в светлом платье, с толстыми льняными косами за спиной, на голове красная косынка, лукошко черники рядом. Сидит на поваленной сосне, худые плечи трясутся от всхлипов и сухого кашля.

Конь испуганно всхрапнул над самым ухом. Вилия посмотрела воспалёнными, жемчужно-серыми глазами. Он потянул меч из ножен и наставил на неё, ожидая нападения. Колдовской морок уже не владел им, но грудь всё равно сдавливало от желания прижать её к себе и защитить. Пускай даже от себя самого.

Убить, не спрашивая? Только вот аура-то у неё человеческая, прожилки блёкло-голубые. Дитя ветра, впрочем, у девочек дар раскрывается намного позже. Может, демон затаился неподалёку и пугает его, чтобы он погубил ребёнка?

– Это ты пела?

– Пела? – она округлила и без того огромные глаза. – Нет, я не могу.

И снова закашлялась. Уж не больна ли? Нет, похоже, просто от слёз подавилась.

– Ты демон или человек? Чего рыдаешь, как баньши? – спросил Николас, пряча меч в ножны.

Но настороженно оглядываться он не перестал. Опасность таилась за каждым кустом.

– Заблудилась я! – икнула девочка.

– Что такой маленький ребёнок делает в дремучем лесу один?

– Я не маленькая! – она возмущённо сжала ладони в кулачки. – Я дочка лесника. Он меня сюда отправил. А что ты здесь делаешь? Люди сюда не ходят!

– Я тоже заблудился, – Николас пожал плечами. – Ничего подозрительного не видела?

Герда сглотнула и снова испуганно затряслась.

– Я случайно раздавила ужика, и теперь его пёс хочет меня съесть.

– Пёс ужика? – Николас вскинул брови.

– Нет, пёс Ужиного короля. А ужик – его детёныш, – девочка указала на мёртвую змею рядом с собой.

Николас подобрал с земли палку и потыкал её.

– Ты его живым хоть видела? – Девочка покачала головой. – Может, он давно такой лежит.

– Тогда почему тот страшный пёс не выпускает меня с поляны? – она кивнула на кусты и, поскуливая от страха, добавила: – Наверное, он хочет съесть мои потроха. Я в книжке прочитала.

Трусиха, как Лизи. Что с неё взять?

Николас направился к кустам. Там и правда притаилась собака. Увидела его и залаяла. Может, очередной морок? Жаль, что колдуна не видно. Придётся сегодня живодёром поработать.

Николас снова вынул из ножен меч и направил на пса. Девчонка подскочила к Охотнику и схватила за локоть:

– Стой! Даже если ты его убьёшь, а не он тебя, сюда явится Ужиный король и утащит нас к себе в палаты. Правда, он обычно красивых девушек похищает. Но мы с тобой не девушки, то есть не красивые. И уж точно не нагие. Ой, – сбивчиво тараторила она. – Я хочу сказать, что если у тебя нет братьев, которые смогут изрубить Ужиного короля на части, то мы зачухнем у него в подземелье без солнечного света.

Смеяться тут или плакать? Лет, ей, поди уже восемь исполнилось. Самый возраст для посвящения. Правда, он не слышал, чтобы их устраивали для девочек. Но дар у неё все-таки есть. Да ещё этот пёс – скорее дух, как золотой олень. Нужно понять, как он хочет проверить девчонку. Если Николаса сюда приволокли, значит, он должен сыграть роль наставника. Но ведь он ни испытания не прошёл, ни мудрость не обрёл. Какой из него наставник?

Пёс встал на задние лапы и клацнул зубами у лица девочки. Николас отпрыгнул вместе с ней.

– Я его не трону, если ты сама с ним справишься. Есть идеи? – заговорил Охотник, когда они оба устроились на поваленном бревне.

– Нет. Теперь мы либо умрём здесь от голода, либо пёс съест наши потроха, – девочка снова заплакала.

– Да не реви ты. Терпеть не могу маленьких хныкалок, – не выдержал Николас.

Она испуганно всхлипнула и вжала голову в плечи. А-а-а, девчонки! Как с ними общаться, чтобы они не плакали?

Он достал из-за пазухи платок и принялся вытирать её лицо. Девочка прикусила губу и затихла.

– Давай подумаем вместе, – приговаривал Николас назидательным тоном, вычищая её левую щёку от грязи. – Если этот пёс хотел нас убить, он давно это сделал бы. Значит, он просто не выпускает нас с поляны. Сомневаюсь, что он жаждет уморить нас голодом. Это долго. Да и ему самому нужно есть, а не сторожить нас днём и ночью. Правильно?

Девочка кивнула.

– Что ему может быть нужно? – Николас спрятал платок. – Подумай. Ты наверняка знаешь ответ.

Она рассеяно обежала взглядом поляну.

– Змея на Лысой горе тоже была неподвижной. А когда Сымон ей поклонился, постелил платок и угостил молоком, она ожила и подарила ему свою корону. Правда, это было в середине вересовика, а сейчас ещё жнивник не начался.

– Молодец!

Николас достал из своих вещей деревянную кружку и налил молока из большой фляги. Девочка сняла с головы косынку и расстелила её перед змеей. Николас поставил туда кружку. Они отошли на шаг.

Уж заполз на косынку и высунул раздвоенный язык. Удостоив их коротким взглядом, змея с царственным видом испила молока, а потом начала извиваться всем телом, стягивая с себя старую кожу. После долгих усилий уж освободился и скрылся в высокой траве.

Николас подтолкнул оробевшую девочку к змеиной коже:

– Она твоя. Забирай.

– Зачем? – заупрямилась та.

– Пса ею отвадишь. Держи, – Николас завернул кожу в косынку, всучил девочке и потянул к кустам.

Пёс больше не рычал, а к чему-то принюхивался. Девочка дрожащей рукой протянула ему косынку. Пёс уткнулся в неё носом, чихнул и, поджав хвост, убежал в лесную чащу.

Девочка облегчённо выдохнула и едва не упала, ослабнув от напряжения. Николас подхватил её и отнёс обратно к поваленному дереву.

– Видишь, как всё просто вышло? – он потрепал её по голове. – Мне даже драться не пришлось.

– Спа-спасибо, – с трудом выговорила она.

– Не за что. Ты же сама всё сделала. Я совсем чуть-чуть помог.

Девочка расцвела лучистой улыбкой. Красавица будет, когда вырастет. Вилия.

Она вдруг поджала губы.

– Отец не велел мне говорить с незнакомцами.

– Тогда давай знакомиться. Я Мортимер Стигс с Авалора в Западном море, – Николас протянул ей ладонь. – А ты дочка лесника из?..

Она не смогла долго хмуриться и улыбнулась, хлопая серебристыми ресницами.

– Герда... То есть Альгерда Мрия из Волынцов, – девочка густо зарделась и вложила свою маленькую ладошку в его, впервые показавшуюся огромной и грубой лапой.

– И почему же отец тебя здесь оставил?

– Он отъехал по делам, но сказал, что скоро вернётся. Ты ведь веришь?

– Конечно! Он очень тобой дорожит, как все отцы дорожат своими детьми.

По правде, вначале Николас решил, что девочку отвели в лес, чтобы не смотреть, как она погибает от голода. Селяне так поступали порой из-за отчаянной нужды. Но Герда-то ни голодной, ни неухоженной не выглядела. Хотя и была одета небогато, но мелкими аккуратными чертами походила на старую Сумеречную знать. Такая утончённая изысканность, хрупкая до болезненности – аристократы очень её ценили и старались подчеркнуть на родовых портретах.

– А братья-сёстры у тебя есть?

Она отрицательно помотала головой.

– Что ж, тогда давай поедem вместе. У меня быстрый конь, мигom нас до Волынцов домчит.

Над лесом уже сгущались сизые сумерки.

– Не успеет до темноты. Пешему отсюда часа полтора-два ходу по Оленьей тропе. Но там поперёк дороги лежит широченная сосна. С конём не пройдёшь. Надо двигаться в обход до Сокольничего тракта, а это ещё часа три вдоль Ужиных топей. В такой туман туда лучше не соваться. Можно в трясину угодить.

– Что ж, тогда здесь заночуем. Ты ведь не боишься? – он изобразил жуткое лицо, растопырил пальцы и протянул к ней ладони.

Герда заливисто рассмеялась. Уже лучше!

– Подожди тут, пока я дров соберу. Заодно надо моего компаньона отыскать, а то он в трёх соснах плукает постоянно.

– Отец отыщет. Он здесь каждую тропу знает, каждое дерево. Всех заблудившихся домой возвращает.

Зверолорд что ли? Хотя девочка из Детей ветра, так что вряд ли.

Эглаборга Николас так и не нашёл, хотя прочесал всю округу, пока рубил дрова. Герда в это время собирала хворост и выкладывала кострище камнями. Набрав воды из ручья и приладив над пламенем котелок с походной кашей, Николас подкатил к костру бревно и пригласил Герду сесть поближе. Она протянула к огню заочевенвшие руки.

– А как ты в лесу оказался? Скажи правду! Я ведь сказала!

Николас замялся:

– На ярмарку еду. Купец я.

– Врёшь, – она упрямо мотнула головой. – Это от нас в Подгайск на ярмарку ездят, а не наоборот. Я знаю, кто ты на самом деле.

Николас напрягся. Она ведь мыслечтец. Отец явно её в лесу от Лучезарных прятал. Они всех детей-мыслечтецов в Священную Империю на обучение забирают, а после те сами не свои становятся. С совершенно пустыми лицами, не помнят ни родных, ни детства, только о службе Единому думают.

Вот девочка его и разгадала. Хотя как? Ведь ветроплав блокировал мыслечтение.

– Ты охотник.

А, нет, можно спать спокойно.

– Как догадалась? – улыбнулся Николас.

– Легко, – Герда указала на лежавший среди его вещей короткий охотничий лук. – И потом, так глубоко в Дикую Пущу никто, кроме самых отчаянных охотников не захаживает. Но ничего они здесь не находят, только блуждают зря. Так отец говорит.

– И я заблудился. Бывает.

Заскучав, он полез в мешок за альбомом. Проворная девчонка подскочила к нему и заглянула через плечо.

– О! Это же из сказок, да? Обожаю сказки. Они тут совсем как живые! – восхищённо отозвалась она.

Николас отыскал глазами её потёртую книжку «Сказания севера». В детстве у него была такая же, с жуткими историями, от которых Лизи приходила в ужас.

– Ты на них охотишься, да? Ты же Сумеречник!

Николас легонько щёлкнул её по лбу:

– Сумеречников нет. Это просто картинки из сказок.

– Ну да, – Герда сверкнула на него глазами с укоризной. Видно, не впервой приходилось это слышать.

Он передал ей альбом, раз уж та тянула к нему руки. Чернилами и углём там изображались демоны с изогнутыми когтистыми лапами, чешуйчатыми хвостами, перепончатыми крыльями и косматыми клыкастыми мордами.

– Так много! Я не узнаю почти никого!

– И замечательно. Не хватало ещё, чтобы они на тебя напали.

– А я бы хотела! Хотела увидеть чудо, поверить в сказку, в волшебство, как раньше. Почему Сумеречников больше нет?

– Их время прошло. Да и что бы ты стала делать, встретиться тебе демон из сказки? Знаешь, как они любят лакомиться болтливыми девчонками?

Николас зарычал, притянул Герду к себе и принялся щекотать. Она громко смеялась и брыкалась, пока не соскользнула с бревна. Раскрасневшиеся, они растянулись на сырой от росы подушке мха. Николас настолько расслабился, что не заметил, как из его рубахи выпал амулет Кишно. Герда провела пальцем по рунам.

– Кеназ – огонь, альгиз – защита, исаз – лёд, – проговаривала она их значения. – Отец научил. Он всё-всё знает.

Даже письмо Сумеречников? Нужно обязательно перекинуться с этим лесником парой слов.

– Никому не говори. Ни обо мне, ни об отце, – Охотник приложил палец к губам.

Луна была уже высоко. Николас укрыл их одним одеялом, и вскоре они уснули.

===== Глава 13. Волынцовский лесник =====

1563 г. от заселения Мунгарда, Веломовия, Белоземье

Под утро показалось, что вилия с распущенными седыми волосами склонилась над самым его лицом и снова запела. В груди поднимался жар. Вилия тянула к Николасу руки, он – к ней. Они сплетались в одно. Внутренний резерв разрастался, кожа впитывала воздух. Тот превращался в чистую силу и растекался по жилам раскалённой лавой. Даже вздох грозил перерасти в бурю.

Все ветра повиновались Николасу, словно не он был проводником их воли, а сам

повелевал, глядя на мир с огромной высоты. Какая невообразимая мощь! Сдвинуть горы, повернуть вспять реки – маленькая вилия хотела подарить ему эту силу. Но выдержит ли её слабое человеческое тело? Не разорвёт ли его на ошмётки? Да и кто он такой, чтобы тягаться со стихией?

Николас открыл глаза и обнаружил, что Герда крепко спала, положив голову ему на грудь. Он почти не ощущал её веса. Охотник провёл рукой по пушистым волосам. Кожу стало чуть заметно покалывать, словно он втягивал в себя силу ветра.

Герда открыла глаза и хитро ухмыльнулась:

– Я не сплю.

Наваждение пропало.

– Я знаю, – шутливо ответил он.

Девочка села и, оглядевшись по сторонам, радостно заключила:

– Туман совсем ушёл. Наверное, Ужинный король больше не сердится.

Солнце загнало рассветные сумерки на дно оврагов. Над верхушками сосен раскинулось ясное небо. Пора было выдвигаться. Позавтракав остатками ужина и напившись воды из ручья, они затушили костёр. Николас седлал коня, пока Герда собирала вьюки. Приторочив их к седлу, Охотник усадил её на лошадь впереди себя и поехал шагом.

Часа два они брели по едва заметной тропе, огибающей Ужинные топи по самому краю. Несколько раз они чуть не завязли в трясине, но Герда вовремя предупреждала о топких местах. Мошकारа нещадно жалила открытые руки, хотя основной удар принимал на себя серый конь. Герда стряхивала с его шеи слепней, до которых могла дотянуться, отчего на руках оставались кровавые следы.

Солнце было уже высоко, когда между деревьями показался широкий тракт. Почувствовав под ногами удобный грунт, конь побежал рысью. Николас набрал повод в одну руку, а другой придерживал Герду, чтобы она не упала.

Сокольничий тракт оказался на удивление людным. На разбитых телегах по нему катили дровосеки. Чаше попадались грибники и охотники, которые осмеливались ходить лишь вдоль большой дороги.

У опушки Николас почувствовал неладное. Кавалькада в голубых плащах ехала навстречу. Лучезарные! Столько трудов, чтобы проскочить мимо незамеченным, а всё равно попался. Интересно, почему они задержались в Волынцах так надолго?

Николас спрятал Герду под плащом и надвинул капюшон на лицо. Амулет за пазухой раскалился. Лучезарные поравнялись с ними и натянули поводья. Осматривали тщательно, тянулись к мыслям голубоватыми нитями. Николас опустил взгляд к конской холке. По хребту катились холодные капли пота, голову будто тисками сжимало, на губах ощущался привкус крови. Сейчас увидят – и всё, конец.

Но Лучезарные оборвали связь и поехали дальше вдоль опушки. Повезло, неопытные попались. Не знали, что надо не только даром прощупывать, но ещё глазами и ушами искать.

Николас отпустил Герду и полез в карман за платком, чтобы вытереть кровь.

– Тебе плохо? – встревожилась девочка.

– Пустяки, пройдёт, – отмахнулся он.

– Это всё Голубые Капюшоны. Они тоже демоны? Говорят, они дышат огнём и обращают в пепел прикосновением.

– Нет, они такие же, как ты и я. У меня дома их очень много.

– То есть мы могли бы стать такими же? Хватать людей, допрашивать, казнить...

– Ты – вполне, а мне прямой путь на костёр, – Николас горько усмехнулся.

– Нет! Если бы я стала одной из них, я бы не позволила причинить тебе вред, – она замялась, густо покраснев. – То есть вообще всем людям.

– Надо быть очень смелой и сильной, чтобы идти против общественных устоев.

– А ты? Ты бы пошёл против них, чтобы защитить меня? – спросила она и снова засмушалась. Такая кроха, а сердцевину ощутимо бьёт.

– Я сам по себе, не умею ни подчинять себе, ни подчиняться сам, – Герда поникла. Видно, образ героя, который она для него выдумала, начал развеиваться. – Но я мог бы умыкнуть тебя потихоньку и спрятать.

Она улыбнулась по-детски доверчиво и прильнула ближе. Стало немного неловко.

Показались первые дома. Городок был крохотным: около сотни дворов на холмах по обе стороны от узкой, вытекавшей из леса речки. Разросшаяся деревня, скорее. Ни стен, ни даже ратуши не видно. На рыночной площади ютилось несколько захудалых лавчонок, харчевня и постоянный двор с выцветшей вывеской. Только большой Единоверческий храм из белого камня помпезным видом корил город за серость и убогость. Обычная для дремучего захолустья картина. Но всё же что-то в ней настораживало.

По улице ковылял измождённый мужчина.

– Отец! – вскрикнула Герда.

Он испуганно замер и повернул голову. Сухощавый, со сбившимися пепельно-серыми волосами, под стылыми стальными глазами красовались тёмные круги, тонкие губы растрескались, выпирали острые скулы. Штаны из грубого сукна и льняная рубаха выглядели помятыми. Да и аура, хоть и обычная, прохудилась в нескольких местах. Видно, мыслечтецы допрашивали его долго и с пристрастием. Но отпустили. Неужто амулета Кишно не нашли или он, и вправду, неударённый? Тогда странно...

Николас остановил коня, слез и помог спуститься Герде. Как только её ноги оказались на земле, она подбежала к отцу.

– Тебе плохо?

– Почему ты не дождалась меня в лесу? – осадил её отец.

– Мне стало страшно. И Морти... Он заблудился, я должна была показать ему дорогу, – Герда решительно вскинула подбородок.

Лесник ошалело посмотрел на Николаса. Даже рот приоткрыл, словно удивился чему-то.

– Не знаю, что бы делал без вашей дочери. Большое ей спасибо.

Николас вынул из пояса деревянную метку и прокатил её между пальцами. Похоже, именно о нём говорил смотритель Голубиной станции.

– Его друг тоже потерялся, – напомнила Герда.

– Невысокий, худой, лет тридцать пять по виду, одежда дорожная, серая, волосы короткие каштановые, глаза светло-карие. Эглаборгом зовут, – постарался описать его Николас.

– Ага, лекарь. Я его вчера по пояс в трясине нашёл, – припомнил лесник. – Он у меня дома. За вас очень переживал. Я думал, вы будете старше и... сильнее.

Николас неуютно передёрнул плечами:

– Эглаборг часто преувеличивает.

– Гедымин Мрий, – представился он и пожал руку Охотника. – Идем, а то моя жена уже

извелась.

Лесник запнулся и едва не рухнул. Николас взял его под руку и глазами указал Герде на своего коня. Она схватила его поводья и повела к дому. Николас помогал шагать её отцу. Стойкий мужчина, ноги не держали, а он всё равно старался сохранить лицо. Мог бы, от помощи отказался бы.

Аккуратный ухоженный деревянный домик стоял на отшибе у самого леса. Возле него был разбит небольшой огород без следов сорняков. Отгороженные плетнём, по двору бегали куры.

– Я всё сделаю! – объявила Герда прежде, чем Николас успел попросить, и направила коня в сарай.

Хорошо, что скакун смирный, хотя Эглаборг подтрунивал, что у Николаса все животные смирные. А попробовали бы они такими не быть!

Гед отпер дверь. Пахнуло свежей выпечкой и щами.

– Я уже думала Заградского просить, чтобы он над тобой смилостивился! – всплеснула руками, отворачиваясь от печи, невысокая женщина.

Она тоже выглядела измождённой от недосыпа. Тёмно-русые волосы косицей были обмотаны вокруг головы.

– Мастер Стигс! – Эглаборг стиснул его в медвежьих объятиях. – Я так испугался, когда вы пропали! Мастер Мрий такого про этот лес рассказал! Нам жутко повезло выбраться живыми.

– Тише, задушишь! – закричал Николас.

С порога донёлся приглушённый смешок.

– Герда, живая! – бросилась к ней мать.

– Да со мной ничего не случилось бы. Морти меня защищал, он самый-самый лучший!

Герда вцепилась в Николаса с другой стороны. Вот-вот он упадёт, погребённый под всеобщим обожанием.

– Ступать курей кормить. И лошадям сена поддай. Ты же обещала всё сделать! – укорил дочку Гед.

Чмокнув мать в щёку, девочка убежала на улицу. Лесник, помогая себе руками, тяжело опустился на лавку.

– Зофьюшка, накорми гостей. Нельзя забывать об учтивости, что бы ни происходило вокруг, – попросил он, откидываясь на стену.

Вместо жены к нему подошёл Эглаборг с чашкой терпкого зелья.

– Выпейте – полегчает.

Гед принялся греть ладони о стенки чашки, принюхиваясь к дурманному запаху. Целитель по привычке провёл руками над его аурой.

– Не стоит, – тихо, но веско остановил его лесник. – Не привлекайте лишнего внимания. Я выкарабкаюсь и так.

Зофья расставила на столе миски с супом, и гости принялись завтракать, но не успели доесть, как с улицы донеслись шаги. В дверь постучали так, словно хотели выбить. Гед дёрнулся было открыть, но его опередил Николас. На пороге стоял грузный мужчина с заметной залысиной на макушке и гневно стрелял глазами внутрь комнаты.

– Ты кто? Где хозяин?

– Мастер Заградский, смилостивьтесь! Он после допроса едва до дома дошёл! – взмолилась Зофья, заламывая руки.

Гед нахмурился так, что высокий лоб пошёл тонкими складками.

– Едва, значит, виноват! – пригрозил Заградский пухлым пальцем.

– Но Лучезарные его оправдали.

– Он их обманул! – Обвинитель обратился к леснику: – Милана к тебе перед смертью ходила, с тобой ругалась. Весь город об этом знает. Вы никогда не ладили.

– Для того, чтобы не ладить, нужно хоть изредка общаться, – покачал головой Гед. – Соболью шубку она хотела. Зофья подтвердит. Я сказал обождать до осени, сейчас не сезон. Но вы же знаете свою жену, ждать она не могла. А я не мог согласиться, потому что нам с вами первыми отвечать бы пришлось, что законы нарушаем. Вот и вышла ссора.

– Шубка?! Да я ей из Стольного сколько угодно шубок мог выписать!

Гед пожал плечами:

– Откуда мне знать, что у вас за закрытыми дверьми происходило?

– В лесу он был в то время, как Милка умерла. Вон, лекаря из трясины спасал, – Зофья указала на Эглаборга.

Тот вытаращил глаза, но кивнул.

– С чего я должен вам верить? Что это за люди? А вдруг наёмники? – Заградский надвинулся на Николаса грозовой тучей. – Кто таков, отвечай! Я, между прочим, губернатор Белоземья и королевскую власть представляю.

– Мортимер Стигс, рыцарь из кундского ордена. Еду в Элам бить иноверцев, – он протянул губернатору свои бумаги. – А лекарь мой личный.

Заградский пробежался по грамотам глазами, разве что на зуб не попробовал. Хорошо, что они настоящие, кроме имени, конечно.

– В Белоземье законы гостеприимства священны, – ответил Гед на немой вопрос во взгляде губернатора.

– А что стряслось-то? – недоумевал Николас.

– Жену мою, Миланушку, убили. Странник в балахоне во двор её позвал. Темно уже было. Вышла она, долго не возвращалась. Слуги её нашли и тревогу забили: мол, от страха умерла. На земле лежит, рот раскрыт, сердце не бьётся, волосы поседели, хотя раньше чёрные как смоль были.

Ого! Похоже, демон напал. Надо бы разузнать, а то вдруг нашествие. Если есть шанс остановить, проходить мимо нельзя, пускай даже воевать с демонами под носом у Лучезарных очень опасно.

– А что странник?

– Так его уже и след простыл, – пожал плечами Заградский. – Вот ищем.

– Если хотите, могу помочь. У меня есть опыт в таких делах, – предложил Николас. – Да и дорога до Элама дальняя, никаких сбережений не хватит.

– Что ж... – Заградский задумчиво пожевал губами, оглядывая всё помещение. – Раз Лучезарные заявили, что Миланушка своей смертью умерла и дознавателя из Стольного нам не полагается... Только за работу и проживание у нас надо пошлину платить. То на то и выйдет, думаю.

Николас аж поперхнулся. Платить за услуги не любили нигде, но чтобы в наглую заявить, что не дадут ни медьки?

– Значит, мы сегодня же поедем дальше, – объявил Николас.

– Нет, пока убийцу не найдут, никого из города не выпустят. К тому же, вечером будут праздновать начало сбора урожая. В такое время даже добрым единоверческим рыцарям в

дорогу пускаться нельзя.

Ридамар староверческий они празднуют. Будут на высоком месте жечь костры, резать скот, есть черничные пироги, катать брёвна с горок, перетягивать канаты и танцевать до упаду. Добрые единоверцы, на свои праздники выдумки не хватило?

– Вы нас ещё и обобрать хотите? – Николас недовольно сложил руки на груди. – Хоть тело покажите, свидетелей назовите.

– В храме она, где ей ещё быть? Погребение только после праздника справлять можно. Суеверные тут все. Уж десять лет, как губернатор, а всё не привыкну, что они постоянно Голубым Капюшонам жалуются. Гед вас проводит. Если что, свояк, с тебя три шкуры спущу. На шубку соболью.

Заградский удалился, вернулась Герда. Вместе они доели остывший завтрак.

– Отдыхайте, мы сами найдём дорогу, – сказал Николас Геду. – Город-то крохотный.

– Не переживайте, я в отдыхе нуждаюсь не больше вашего, – ответил лесник.

Знакомо выпрямился и задышал ровно и глубоко, будто восстанавливал резерв. Явно обучен. Как бы на его ауру без амулета взглянуть?

– Я с вами! – заявила Герда.

– Нет, останься и помоги матери убрать со стола. Не капризничай, – осадил её отец и первым направился к двери.

Девочка недовольно топнула ногой.

Оштукатуренный белый храм пах могильным холодом. Стройные резные башни упирались в небо, круглое окно-роза во всю стену поблёскивало в солнечных лучах. Стекло, пусть даже мутное, в Волынцах было редкостью. Обычно окна закрывали бычьим пузырьём или слюдой. Но для храмов всегда делали стеклянные окна. В городах побогаче выкладывали целые картины-витражи из цветных стёкол. Здесь же денег явно не хватало, поэтому обошлись прозрачным стеклом.

На дубовых дверях вырезаны фигурки демонов, каких не всякий Сумеречник встречал. Хотя двери столичных храмов смотрелись ещё внушительней. Железные скобы с шипами оковывали створки, словно держали тварей в клетке. Эглаборг ёжился, пока Николас тянул за витые кольца, чтобы открыть. Клетку с демонами.

Охотник усмехнулся и пропустил товарищей вперёд. На пороге их встретил худосочный жрец и проводил вглубь храма. Внутри царил стылый сумрак. Стрельчатые своды многократно усиливали любой звук. На стенах внизу висели картины, изображавшие страдания и битвы с демонами, а сверху – счастливую жизнь в благоуханных солнечных садах.

В бронзовых кадилах курился ладан. Обитый пурпурным бархатом гроб стоял у деревянного алтаря. На нём изображалась высокая безликая фигура со скрещёнными на груди руками. Её окружали крылатые юноши с пламенеющими мечами. Плащи, укрывавшие крылья, были выкрашены в голубой цвет. Единый-милостивый с божественными посланниками. Что за нелепость? Пока их бог учит людей смирению и доброте, его прислужники режут и жгут всех инакомыслящих. Великая милость!

По просьбе Геда жрец снял крышку с гроба. Покойнице на вид было не больше двадцати пяти. Бледный прямой лоб, узкий нос, тонкие синеватые губы, гладкая кожа без единой морщинки, а волосы седые, как у столетней старухи.

Вчера в видении лишившаяся голоса вилия тоже поседела в одночасье. Вилия, которую

он спутал с Гердой. А может, никакой вилией она не была? Они же не так убивают, да и нападают только на мужчин.

– Подержите, – попросил Эглаборг.

Когда Николас приподнял усопшую за плечи, целитель снял с неё узорчатый саван.

– Что вы творите?! – возмутился жрец.

– Я лекарь. Нужно проверить, не отравили ли её. Приказ губернатора, – ответил Эглаборг.

Жрец шумно выдохнул и направился к выходу, чтобы не смотреть на святотатство. Оно и к лучшему. Эглаборг изучил и ощупал покойницу без слезки из-за плеча. Закончив, они вернули Милану в прежний вид.

Вернувшись, Жрец ревностно всё проверил и только после этого отпустил их, пригрозив Геду кулаком:

– Я пожалуюсь губернатору!

– Меньшая из моих бед, – пробубнил лесник себе под нос.

Уже у пустынной окраины, где стоял домик Мриев, они заговорили.

– Никаких следов на теле я не нашёл. Но аура странная, – поделился своими наблюдениями Эглаборг.

– Я почувствовал, – кивнул Николас. – Призрачная, как будто не до конца угасла.

– Да, словно женщину сонным зельем отравили. Дыхание замедляется, сердце бьётся совсем неслышно.

– Так она жива? – вскинул брови Гед. – Её можно спасти?

– Не знаю, я с подобным не сталкивался, – Эглаборг неуверенно повёл плечами. – Может, если убить демона. Но у меня нет даже предположений, что это за тварь. А у вас?

– Многие травят своих жертв перед тем, как их съесть или устроить нашествие: Лунные Странники, пересмешницы, вилии, – перечислил Николас. – Нужно изучить место нападения и опросить свидетелей. Может, что-то прояснится.

– Не стоит тратить на это время, – подал голос лесник и обратился к Охотнику: – Можно поговорить с вами с глазу на глаз?

Эглаборг недовольно засопел, что ему не доверяют, и отвернулся.

Они отошли за границу города под сень леса. Николас мог бы сбежать тем же путём, которым пришёл, ведь люди в Пуцу ходить не отваживались.

Тени укрыли прохладой, изрисовали лица. Цвыркали синицы на ветках, шумели кроны. Казалось, это место отделил от Дольнего мира непроницаемый полог. Никто не услышит поведенных здесь тайн.

– Это Предвестники Мрака, самые древние слуги зла, – заговорил Гед, удостоверившись в безопасности. – Они исполняют сокровенные желания и в оплату пожирают души. Под капюшонами у них чёрная пасть бездны. Если их носитель оказывается слишком слабым, и его тело дряхлеет, они выбирают нового, самого сильного из своих жертв. После Войны за веру моя свояченица осталась сиротой на улице. Умирая от голода и холода, она призвала Предвестника и попросила у него благополучие.

Конечно! Нельзя ни озвучивать свои желания, особенно подозрительным незнакомцам, ни соглашаться на сомнительные сделки и думать о последствиях. «Бесплатный сыр только в мышеловке», – вдалбливал в голову Гвидион.

– А что загадали вы? – с вызовом спросил Николас.

Гед на мгновение застыл:

– Ничего. Я хоть и пропущенный, а путям Сумеречников научен не хуже вашего. Сила родового дара – ещё не всё, что бы ни утверждали ваши наставники.

Пропущенный? Ребёнок Сумеречников, родившийся без дара? Почти как отец.

– Но Милана ведь не за шубкой накануне гибели приходила?

– Не за шубкой, – отозвался Гед, медленно подбирая слова. – Когда наступил час расплаты, она захотела отдать вместо себя мою дочь. Мыслечтецы – особое лакомство для Предвестников. Когда я был ребёнком, они пришли за моими родителями. Моя мать погибла.

Лесник зажмурился.

– А что случилось с вашим отцом? – помог ему Николас.

Гед вскинул голову и плотнул ртом воздух, словно силился сказать, но слова застревали у него в горле.

– После того, как Предвестник овладеет телом Миланы, он явится за Гердой, – после долгих усилий выпалил лесник. – Сразитесь с ним, он придёт в храм в полночь после праздника.

Николас передёрнул плечами. Древнейшее зло, поди, опасней туалатов и виверн будет.

– Слишком мало о нём известно: повадки, слабости, особенности. Слишком велик риск. Это стоило бы слишком дорого...

– Благородный Сумеречник отказывается защитить мою дочь из-за денег? – лесник повысил голос, будто хлестнул по ушам бичом. – У меня есть, чем заплатить. Я знаю, кто вы, лорд Комри.

Николас поперхнулся и вытаращил глаза. Вот так попал! Откуда?

– Вы всегда отличите Вечернего Всадника от простых людей по благородным чертам, повадкам королей, волосам чернее зимней ночи, притороченному к поясу клеймору и, главное, по отблескам самой страшной бури в бездонно синих глазах.

Хотелось скрежетать зубами от досады. Одно дело – от недалёких единоверцев закрываться, а другое – отвадить того, кто видит тебя насквозь и знает твою тайну. Дед, его подвиги и грехи, преследовали Николаса повсюду.

– Это просто поэтический бред. Никто вам не поверит!

– Лучезарным хватит и того, что вы носите амулет Кишно, чтобы скрыть самый презренный из родовых даров – ветроплав.

– Вы мне угрожаете?!

– Я хочу защитить дочь, раз уж по-иному вы свой долг исполнять не собираетесь.

– Хорошо, я сражусь с Предвестником. Но не из-за ваших угроз и не из-за сомнительного долга, а потому что мне жаль Герду. Дети не должны отвечать за грехи отцов.

Шорох заставил скосить взгляд. Кого-то полог леса всё же пропустил. За стволом взметнулись льяняные косы, скользнула между деревьями неуловимая тень. Заметил её только Николас.

Гед отстранился. Выражение его лица смягчилось, взгляд стал далёким и задумчивым.

– Поэтому вас и выбрали боги. Я молился, чтобы они послали нам защитника.

Николас зло прищурился. Никакие боги никуда его не посылали и не выбирали, но раз уж взялся спасать, не в его привычках отступать, даже если платить за свою настырность придётся жизнью.

– Вот, – Гед снял с шеи серебряный медальон, который Николас вначале принял за амулет Кишно. – В нём благословение моей матери, единственной, кто смог сопротивляться Предвестникам. Он защитит вас, как защищал меня.

Гед вложил его в ладонь Николаса. Тот провёл пальцем по гравировке в виде горлицы с мечом в когтях. Герб Сумеречников. Раскрыл: внутри оказался портрет изящной женщины, чертами напоминавшей Герду, и локон светлых волос. Видимо, родители лесника действительно высокородные. Как же низко они пали!

Вряд ли побрякушка хоть на что-то способна, разве что за счёт металла, перед которым уязвимы многие демоны. Можно будет продать скупщику подальше от единоверцев. Николас сунул медальон за пазуху и направился по тропинке к городу.

Эглаборг сидел на лавке у дома лесника и перебирал свои записи.

– Всё очень смутно. Мама описывала последствия демонической заразы, но совпадений недостаточно, чтобы выдвигать предположения. Я думаю...

– Это Предвестник Мрака, – оборвал его Николас.

– Никогда о таком не слышал, но проверю ещё раз, – целитель снова закопался в записи.

Николас припоминал только слова заговора против Неистового гона: «Не смотри в глаза Мраку, иначе Мрак посмотрит на тебя». Видимо, это предостережение, что нельзя заглядывать в пасть бездны. Или он понимает слишком буквально. Нельзя бросать вызов Предвестникам? Но оставлять Герду в беде отчаянно не хотелось.

Николас вернулся в маленькую комнату, которую выделил для них Гед. Впрочем, тут во всём доме было тесно.

Охотник собрал запасы амулетов и снадобий на все случаи жизни: серебряный кинжал, мешочек с солью, кусок мела. Анк, ещё нужен анк. Куда же он мог запропасться? Точно! В боковом кармане перемётной сумки. Николас извлёк его оттуда. Увесистый серебряный амулет в виде креста с кольцом наверху совсем почернел. Надо бы почистить.

После Николас проверил заточку меча и выбрался на улицу, чтобы заполнить резерв до предела. За околицей уже топтался Заградский.

– Я переживал, что вы с моим лесником решили дёру дать. Узнали что-нибудь?

– Думаю, преступник ночью придёт в храм за телом вашей жены. Если позволите, я подкараулю его там один, – заявил Николас.

Эглаборг на лавке вздрогнул и едва не растерял свои записи.

– Ладно, – хмыкнул Заградский. – Суеверные горожане всё равно на мою жену хулу возвели, мол, ведьма она. Лучезарные между прочим её проверяли. Но этот трусливый жрец заявил, что один рядом с её телом находиться не намерен, представляете?

– А почему вы не посидите рядом с ней сами? – сдвинул брови Николас.

– Так мне это... – смутился Заградский и похлопал себя по необъятному пузу: – Возраст и здоровье не позволяют. Но ключ от храма я вам дам.

– И не забудьте вручить деньги моему компаньону, даже если я живым не вернусь. А если обманете, я вас и с Тихого берега достану, – Николас посмотрел на него с таким гневом, что Заградский невольно отшатнулся. Покивал понимающе и убрался восвояси.

Николас сел на лавку рядом с Эглаборгом. Немного медитации, и резерв заполнился до

предела. Вот и подвернулся шанс проверить себя в настоящем бою.

– Может, всё-таки не надо, а? – спросил целитель безнадежно. – У вас же даже кольчуги нет.

– Таким, как я, кольчуги только мешают, – качнул головой Николас. – В бою с демонами они бесполезны, да к тому же стесняют движения.

– Всё равно не стоят деньги такого риска! За что вы так себя не любите? – компаньон снова завёл старую песню.

Бесил просто донельзя!

– К демонам деньги. Мой дед был великим полководцем. Говорят, он возродился во мне. Ты не представляешь, каково это, когда тебя постоянно сравнивают с легендарным героем. Я думал, что сменю имя, и меня будут судить только по моим поступкам. Ведь я и так стараюсь изо всех сил, но всё равно... Дед скачет впереди меня, а я лишь глотаю пыль из-под копыт его коня.

– Может, вам самому пора перестать себя с ним сравнивать? – предельно серьезно ответил Эглаборг.

Николас отвернулся. Никогда эти вспышки эмоций до добра не доводили, только лишний раз слабость доказывали. Надо делать то, что должно, а остальное отбросить.

К вечеру рыночную площадь расчистили от мусора и лишних прилавков. Установили небольшой помост для сельских музыкантов: скрипачей, дударей, гусяров и барабанщиков. Весёлые ноты лились из инструментов, наполняя серое и унылое местечко чудесной мелодией. Люди в ярких одеждах танцевали залихватские народные танцы, из которых Николас знал лишь ойру – её можно было увидеть и в соседних странах. Праздник превратил город в пышный торт со свечами и кремовыми розочками. Лишь белый храм с укоризной взирал на веселье.

Николас медленно потягивал медовый напиток из деревянной кружки. За соседним прилавком торговали черничными пирогами – традиционным лакомством для Ридамара. Своей очереди дожидались несколько покупателей. Николас встал за ними.

Под чадающим свечным фонарём на скамейке сидела Герда, носом уткнувшись в книжку, хотя при таком свете читать было невозможно. К ней подошёл одетый в траурно-белый костюм мальчик, сказал пару слов, но она, не отрывая глаз от книги, отмахнулась. Мальчик не уходил, тогда Герда шепнула что-то ему на ухо. Неудачливый ухажёр испуганно вытаращился и убрался восвояси.

– Она снова это сделала! – засмеялся один из покупателей. – Гони монету, Михась. Я честно выиграл.

Второй покупатель с досадой сплюнул и полез в кошелёк.

– Да, Михась, зря ты на Заградского сына поставил. Она ведь немного того, эта Гедова дочка, – вмешалась в разговор розовощёкая булочница. – А помните, как она Вележ-озеро переплыла? Говорила, там мавки на дне живут.

– Так она за твоим сыном полезла, Яська. Кабы не она, затянуло бы его под корягу и поминай, как звали, – упрекнул её выигравший спор покупатель.

– Твоя правда, Брыль. Только больно уж страшные вещи она порой рассказывает. Дети после её баек по ночам спать боятся. Да и Гед от Голубых Капюшонов постоянно её в лесу прячет. Ведьма она, точно как Милка, – переходя на шёпот, ответила булочница.

– Да полно вам. Блаженная она, книжки читает, по лесу слоняется, нет зла от неё

никому, – замотал головой Михась.

Городские сплетники испуганно покосились на Николаса. Не удостоив их вниманием, он подошёл к Герде.

– Почему не танцуешь?

– Никто не приглашает, – пожала плечами она.

– А как же тот мальчик? Кажется, сын губернатора.

– Кто, Вальдемар? – Герда высунула язык: – Фу, он же гадкий.

– Что ты ему сказала? Он убежал, будто демона увидел.

— Что я подружилась с рыцарем, у которого есть большой меч. И этот рыцарь его побьёт, если он будет продолжать мне докучать, – смеясь, ответила она.

– Мне уже страшно.

– Почему?

– А если твой друг побьёт и меня?

– Я вообще-то про тебя говорила, – смущённо пробормотала Герда.

– Ты мне льстишь. Меч у меня не такой уж большой, – лукаво улыбаясь, заметил он. –

Значит, мне можно пригласить тебя потанцевать?

Герда повисла у него на шее. Николас приобнял её за талию. Им повезло – танец оказался медленным и несложным. Но из-за разницы в росте выходило немного неловко.

– Я слышала твой разговор с отцом.

– Разве ты не знаешь, что подслушивать плохо?

– Но мне ничего не объясняют! – Герда потупилась.

С Николасом родители и наставники вели себя так же, и это злило до белых демонов. Дети не глупые, они всё замечают, пускай взрослые надеются вырастить их в счастливом неведении.

– Не ходи в храм, не сражайся с Предвестником. Я видела его. Он пах гнилью и тленом. От страха шевелились волоски на теле и спирало дыхание.

Он бродил вокруг нашего дома, смотрел на меня в окно, как на вас с отцом Голубые Капюшоны смотрят. Только не видел, хотя знал, что я рядом. Даже руки протягивал, воздух щупал, но натёкался на невидимую преграду. А потом на Волынцы спустилось чёрное облако. Оно погубило всех в городе. Родители... родители тоже умерли. Я осталась совсем одна, звала на помощь, звала из последних сил, но никто не приходил. Тогда Предвестник схватил меня за плечи, откинул капюшон и присосался своей бездонной пастью. Пил голос, пил цвет моих волос, пока они не стали совсем седыми, пил саму душу... А потом я проснулась.

– Какой жуткий кошмар! – погладил её по щеке Николас.

Они отошли от толпы к одиноко чадившему фонарю. Перед глазами вставали вчерашние видения. Маленькая вилия действительно звала на помощь, звала именно его, и он не мог не откликнуться. Николас достал из-за пазухи сложенный втрое лист из альбома.

– Такого Предвестника ты видела?

Герда расправила рисунок, вглядываясь в чернильные линии. Фигура в плаще стягивала с головы капюшон, а вместо лица у неё была сплошная зубастая пасть. Герда кивнула. Но этот рисунок Николас сделал ещё до того, как покинул границы Лапии.

– Похоже, у нас с тобой одни кошмары на двоих, – усмехнулся он. – Если я уйду, погибнет весь город. Я не смогу жить с таким камнем на совести.

Герда сникла. Николас сделал несколько шагов прочь, но она нагнала его и обхватила

сзади за талию.

– Что будет, если ты погибнешь? – её голос звенел невыплаканными слезами.

– Не бойся. Как-нибудь выкручусь.

– Ты герой. Самый сильный и бесстрашный Сумеречник. Ты сможешь, я верю!

Она в последний раз прижалась к нему, и стало легче, словно он тоже поверил в себя.

Впервые.

===== Глава 14. Предвестник Мрака =====

1563 г. от заселения Мунгарда, Веломовия, Белоземье

На город опустилась ночь. Люди расходились по домам. Мерцали и тухли огни в окнах.

Николас забрал вещи из хижины лесника и в сопровождении Эглаборга отправился в храм. Заградский дожидался их на пороге с увесистой связкой ключей.

– Зачем вам меч? – смутился он, заметив притороченное к поясу Николааса оружие.

– Простая предосторожность. На случай, если ваш злоумышленник попытается оторвать мне голову, – сварливо ответил тот.

– Мастер Стигс, хотите, я на колени стану! – умолял Эглаборг.

– Не хочу, – отрезал тот и повернулся к Заградскому: – Заприте за мной дверь. Убийцу она не остановит, зато посторонние не влезут, куда не следует. Отворите утром.

– Нет! – заспорил целитель. – Оставьте ключ мне! Я приду за ним сам.

– Хорошо, я хоть выплюсь дома, а то от всей этой беготни голова кругом, – согласился Заградский и ушёл.

– На рассвете, не раньше, – напомнил Николаас и затворил за собой дверь.

Лязнул, защёлкиваясь, замок. Охотник направился к алтарю.

Тусклый свет исходил от множества тонких свечек. Игра огоньков и теней усиливала ощущение чего-то зловещего, затаившегося в глубине центрального нефа. В любое мгновение таинственное нечто могло накинуться на посетителя и разодрать его в клочья. Николаас мотнул головой, усмиряя разыгравшееся воображение.

Через окно-розу в западной стене здания заглянула луна. Полночь уже скоро, нужно торопиться.

Николаас достал из кармана кусок мела и начертил вокруг гроба запирающую пентаграмму, поставил по свече в каждый угол. Внешний круг насыпал солью. Анк надел на покойницу, достал из ножен меч и сел, опершись спиной о гроб. Скорее от нежити защита, чем от Предвестника, но ничего лучше придумать не удалось.

Прислушиваясь к ударам сердца, Николаас закрыл глаза. Тук-тук. Скрипят половицы. Тук-тук. Шелестят крылья. Тук-тук. За спиной кто-то шевелится. Тук-тук. Прыжок в бок, и он вне досягаемости бледно-синих рук покойницы.

Охотник открыл глаза. Со всех сторон его окружали разнообразные демоны. Враги замерли. Не смели шелохнуться. Кладбищенская нежить – это хорошо. С ними бороться он умеет.

Покойница тихо скулила, пойманная в ловушку внутри пентаграммы. Её глаза – один зелёный, другой голубой – с ненавистью взирали на него. Николаас уже видел такие глаза в детстве. На Площади наказаний, у Белого Палача! А-а-а, сейчас не важно.

Ближний вурдалак оскалил гнилые зубы и бросился вперёд. Клинок со свистом рассёк воздух. Обтянутый жёлтой кожей череп полетел на пол. Раздался визг. Твари кинулись к Николаасу со всех сторон, надеясь победить числом. Мгновение мысли – развернулся голубой паутиной ветрощит. Когтистые лапы и руки со скрежетом скользили по нему, не в силах

пробить.

А вот для дедовского клеймора преграды не существовало. Клинок проходил через полуистлевшие тела, как нож через масло. Голубые ветронити оплетали руки, усиливая удары десятикратно. Рвалась мёртвая плоть.

Николас рубил нежить с плеча, бил плашмя, колол остриём, не разбирая уже, кого, как и где. Напольные плиты орошались брызгами гнилой крови, сверху падали полуразложившиеся останки. Нежить продолжала наседать нескончаемыми рядами.

Сколько их тут? Николас уже упокоил с полсотни, а меньше не стало. По телу расплзалась предательская усталость. Каждый взмах давался с трудом. Дыхание сбивалось. Сердце грозило выскочить из груди. Вот-вот он упадёт, и всё будет кончено!

Твари разошлись в стороны, освобождая проход от двери к алтарю. Николас утёр кулаком потное лицо и постарался восстановить силы. Воцарилась тишина, нарушаемая лишь его тяжёлым дыханием.

Приближалась мощная злая аура, по спине пробежали мурашки. Дверь распахнулась, в проходе появился Предвестник, укутанный в серый балахон. Тёмные жилы пульсировали в его ауре там, где у одарённых по ней растекалась стихийная сила.

Значит, Мрак действительно сродни стихиям. Он захватывает человеческое тело и наделяет его особыми способностями вроде родового дара? Как им противостоять?

– Кого это к нам прислали на заклятие? Детёныша? – гортанно расхохотался Предвестник. – Эй, малыш, не тяжело таскать за собой такой большой меч?

– Не тяжело, – сквозь зубы огрызнулся Николас. – Голову тебе снести сил точно хватит.

– Так он ещё и дерзит! Что ж, сам напросился!

Предвестник снял капюшон. Под ним не было пасти бездны, просто лысая, покрытая гниющими язвами голова, вполне человечья по виду. У самой шеи узлами вздулись тёмные жилы. Из длинного рукава показалась разлагающаяся ладонь. Если бы не смрад от нежити повсюду, от него бы тоже чувствовался запах гнили. Как будто человеческое тело отторгло засевшего внутри демона – оболочка истончилась настолько, что уже ничего не скрывала.

Николас бросился в атаку. Демон выхватил из воздуха мерцающий голубым пламенем меч и легко парировал удар.

– Ох, личинка Сумеречника? Как мило! – издевался Предвестник.

Нечисть дружно зарычала. Раз противник всё понял, таится незачем. Николас глянул на двух ближайших упырей, и те полетели в сторону Предвестника.

– О, ветроплав даже! – тот легко разрубил их. – Я-то думал, вы уже давно отправились на костры. Люди – неблагодарные создания, не так ли? Вы столько для них сделали, а они выбрали тех, кто сосёт их кровь и ворует детей. А всего-то нужно было пообещать им власть и богатство.

Свечи. Огонь. Против гнилых мертвецов он бесполезен, но может, против Предвестника сойдёт. Медный канделябр с зажжёнными свечами оторвался от стены и упал на балахон демона. Пламя погасло.

– Глупышка. Это твоя первая Охота? Как жаль, что ей не суждено завершиться. Но я дам тебе шанс. Мы исполняем желания. Этой, – он кивнул на запертую в пентаграмме покойницу, – досталось с дюжину лет беззаботной жизни, но теперь моё тело умирает, и мне нужно новое. Нашу сущность способен удержать только сильный носитель, а таких найти не легко, вот и приходится довольствоваться швалью, – он снова грозно глянул на покойницу.

Та испуганно сжалась и заскулила.

– Моё тело – не дождётесь! – Николас сделал ещё один отчаянный выпад.

Предвестник оттолкнул его, играючи.

– Твоё? Упасите демоны, нет! Ветроплавые же все упрямые и негибкие, поди на вас повлияй. Думаешь, почему таких как ты первыми резать стали? Только на растопку костров и годные, колдуняшки!

Николас закусил губу, стараясь не поддаваться. Учили же не слушать – только драться. В звоне мечей вся правда, в словах её нет. Он атаковал наудачу, но лишь словил лезвием чужой клинок. Заскрежетала сталь о сталь, высекая искры.

– Я знаю, в этом городишке есть мыслечтец, но что-то скрывает её ото всех, кроме тебя. Ты весь ею пахнешь. Приведи её ко мне, и получишь свою вожделенную свободу.

– Чтобы вы заняли её тело? Не дождётесь!

– Нет, ею я выкуплю помилование у Разрушителя. Она будет жить во дворце, среди слуг и роскоши, а не прозябать в нищете, пока её не найдёт кто-то из Сумеречников. Не такой, как ты, милосердный слюнтяй, а тот, кто сможет из мести перерезать ей глотку. Жалеешь, так жалей до конца.

Не слушать, не думать, перекрыть все эмоции, перенаправить в дар!

Большой ветросгусток ударил Предвестника в грудь. Тот пошатнулся и отступил на шаг.

– Жаль. Я же говорил, упрямства на стадо баранов хватит.

Все мысли, всё восприятие сосредоточилось на схватке. У Николаса были хорошие учителя. Пришло время доказать, что он их достоин.

Нечисть расступилась, очистив место возле окна. Мир слился в круговерт из холодной стали. Клинки сталкивались снова и снова, сыпля искрами. Лязг отражался эхом от высоких сводов. Движения Предвестника стали невероятно быстрыми и отточенными. Вблизи от голубого лезвия кожу пощипывало, как на морозе. Ноги не выдерживали бешеного темпа. Руки предательски дрожали. Липкий пот катится по лбу и застилал глаза. Удары замедлялись. Голубой клинок надвигался с неумолимой силой.

Не уйти. Меч слишком тяжёл. Не хватает скорости. Силы. Опыта.

Стремительный выпад пропущен.

Голубой клинок вонзился в плечо, опалая болью. По жилам потёк мороз, обращая кровь в лёд. Взор застлала мутная пелена. В ушах загудело. Николас распластался на полу, теряя последние крохи сил.

Предвестник потянулся к торчавшему из плеча клинку и торжествующе воскликнул:

– Вот и конец. Прощай, глупый мальчишка.

Герда переживала за Морти. Мама сидела с ней до глубокой ночи: расчёсывала волосы берёзовым гребнем, рассказывала про своих родителей, вспоминала детство.

– Твой отец уже был героем, когда мы встретились. Я заблудилась в лесу. Там было так жутко, что я запомнила только клыкастых зверей и беспроглядную темень. А потом Гед вывел меня на свет и позвал замуж. Разве я могла отказать такому статному и уверенному в себе красавцу? – мама мечтательно улыбнулась, глядя на показавшегося на пороге отца. – Когда-нибудь и ты встретишь надёжного человека, выйдешь замуж и будешь сидеть со своей дочкой или сыном, вспоминая детство.

Герде такое видение будущего не понравилось. Не хотелось, чтобы всё оказалось настолько предсказуемо.

– Я бы хотела быть пушинкой и странствовать вместе с Морти, – упрямо ответила она.

Рыцарь с гравюр, он несётся наперегонки с ветром по полю брани и без усталости разит демонов. Хотя конь его вовсе не белый, а светло-серый с россыпью едва заметной чёрной гречки по шерсти. Вместо тяжёлого доспеха он носит обычные штаны и рубаху из серого сукна, на плечи накинут дорожный плащ. Ростом не вышел, да и силы большой в нём не чувствуется, тощий и жилистый, красивый принц. Лицо бледное с тонкими, но жёсткими чертами. Смоляные кудри стянуты в жгут на затылке. Глубоко посаженные синие глаза горят решимостью. Тонкие губы крепко сжаты, словно он готовится к чему-то очень важному и вместе с тем опасному.

А если он, и правда, принц в изгнании? Ведь у него такая горделивая осанка и трагичный вид, какие только у принцев крови бывают. Как все знатные особы на простолюдинов он смотрит с презрением, да к тому же не любит плакс. Нет, Герда больше плакать не будет. Ведь несмотря на это, он спас, подружился и даже танцевал с ней на празднике!

Но если Морти – принц, то вовсе не всемогущий. Его должна защищать охрана, потому что если он погибнет, его королевство останется без наследника. Начнётся смута, война за престол и умрёт много-много людей. Надо его спасти во что бы то ни стало!

– Зофья, ступай спать, – отстранил маму отец и подсел к Герде.

Его девочка тоже раньше представляла героем без страха и упрёка, но подслушанный разговор заставил усомниться в праведности и силе родителя.

– Зачем ты вынудил Морти биться с этим демоном? Он же погибнет! – без обиняков спросила Герда.

– Защищать людей от демонов – его ремесло. Он не смог бы иначе.

– Нет, – замотала головой Герда. – Он столько ещё спас бы, а погибнет здесь из-за нас. Из-за меня! Он должен жить!

– Хочешь сказку? Очень древнюю, ни в одной книжке такую не найдёшь. Давным-давно, когда люди жили далеко отсюда на южной прародине, от демонов их защищали Всадники зари. Их было четверо, Братьев-Ветров, прекрасных и могучих небожителей. Но к людям они нисходили лишь при свете дня. Когда солнце садилось, их мать, Белая Птица Умай, призывала Всадников домой и не выпускала до рассвета. Во тьме ночи демоны нападали на людей и истребляли их беспощадно. Дикая орда уничтожала селение за селением, люди проклинали Всадников за бессердечие и трусость. Продолжала в них верить разве что маленькая девочка, такая же, как ты. Её искренняя молитва достигла сердца самого младшего из Всадников. Он нарушил запрет матери и спустился к людям после заката. Герой сразил орду, выкосил, как траву на летнем лугу, спас и девочку, и весь мир заодно. Люди восхвалили его и нарекли Вечерним Всадником, защитником всего человеческого племени.

– Морти и есть Вечерний Всадник? Он одолеет демонов? – спросила Герда.

– Если ты поверишь в это всем сердцем и отринешь сомнения, – поцеловал её в макушку отец. – Иди спать и представляй, как завтра утром увидишь его с победной улыбкой на устах.

Герда улеглась в постель у печки. Отец ушёл в спальню. Когда всё стихло, Герда повернулась на спину и долго смотрела в потолок. Повторяла про себя: Морти – всемогущий Вечерний Всадник. Он выкосит орду, как траву на лугу. Ничто не сможет его сломить! Я верю...

Но тревожное чувство всё нарастало. Хотелось бежать в храм. Просто проверить, всё ли с Морти в порядке. Но страх не пускал. Перед мысленным взором то и дело возникал

Предвестник. Он касался её покрытыми язвами руками, заражая гнилью.

В горле снова запершило. Герда встала и подошла к ведру с водой, зачерпнула кружку и увидела в ней бездыханное тело Морти. Кружка упала на пол, залив ноги водой.

Герда подхватила с крючка у двери тёплый платок и, накинув его на плечи, побежала к храму. Сердце бешеной птицей колотилось в груди. В висках стучало: «не успеешь». Этот новый страх вытеснил страх перед Предвестником.

У храма Герда замерла. На двери висел большой железный замок. Она обежала вокруг здания и остановилась у окна-розы с противоположной стороны от входа.

По соседству валялись ящики, ведра и брёвна. Герда соорудила из них лестницу, забралась наверх и заглянула в окно.

Открывшееся зрелище ужасало. Морти сражался с Предвестником, за которым, скаля зубы, стояла целая орда демонов. Морти с трудом отбивался от противника и отступал к стене возле окна.

Его же сейчас убьют! От отчаяния Герда стукнула кулаками по стеклу. Оно не поддавалось. Она попробовала ещё раз. Бесполезно.

Морти оступился, пропустил удар. Клинок Предвестника пронзил его. Морти пошатнулся и начал медленно оседать на пол.

– Не-е-ет! – завопила Герда, молотя руками по стеклу.

Стало жарко, словно её обернули в горячее полотенце. Перед глазами – кровавая муть. В спину ударил ветер. Стекло динькнуло, побежало трещинами и разлетелось. Герда кувыркнулась внутрь через раму.

Кожу вспороли разбросанные по полу осколки. По телу разливалась тяжесть. Лицо, ладони и колени горели от ссадин. Мир ходил ходуном, то удаляясь, то снова приближаясь. Ноги отказались повиноваться, но Герда доползла до лежавшего рядом Морти. Ах, если бы она могла спеть, то к нему бы вернулись силы. Но получилось лишь прошептать его имя и вложить в протянутую руку свою ладонь.

Темнота накрыла с головой.

Слова Предвестника заглушил звон разбитого стекла. Николас повернул голову в сторону окна. Герда кувыркнулась через раму и упала на осколки. Забарахталась, рая себя ещё больше, и поползла к нему. Зачем? Теперь она станет одной из Предвестников!

Николас протянул к ней руку. Её ладонь коснулась его.

«Ты – Вечерний Всадник, доблестный и сильный. Ты защитишь нас во Мраке длинной ночи, я верю!» – эхом отозвалась сказанное Гердой на прощание.

Кожу кольнуло. Взор снова заволокло мутной рябью видения. Тьму вспороло голубоватое свечение, словно ветер разогнал грозовые тучи. Послышалось таинственное пение, шаги, скрип половиц, голоса. Силы внезапно вернулись.

Николас сел и положил вилию себе на колени. Мимо смотрели остекленевшие глаза. Красивая, как дорогая кукла. Как же жалко! Такие не должны умирать, потому что у него не достало сил их спасти.

Его пальцы скользнули по рёбрам и вонзились внутрь через кожу и кости. Охотник закусил губу от напряжения, с силой поворачивая сердце в груди вилии. В Николасе ведь столько силы. Зачем так много? Поделится каплей с ней, и от него не убудет. Эта смерть не ляжет клеймом на его совесть.

– Что ты делаешь? Это плохо кончится! Отец не велел! – забеспокоились рядом.

– Я уже вышел из того возраста, когда боялся отцовского гнева, – вылетели из его рта чужие слова.

Вилия слабо пошевелилась, взгляд жемчужных глаз обрёл ясность, нежные губы тронула влюблённая улыбка.

Видение исчезло, но та частичка, которую он подарил вилии так давно, что и сам забыл, сейчас взывала к нему, возрождала из пепла. Энергия нарастала в груди, он словно черпал её из бездонного источника, вливал себе в рот и никак не мог напиться. Жар растапливал заледеневшую кровь, кипятком обдавая жилы. Тело распирало так, что дар грозил выплеснуться наружу и смести всё на своём пути.

«Рано умирать собрался. Мы ещё поборемся!» – прозвучал в голове тот же властный голос, каким он говорил в видении.

Чужая воля захватила тело, оставив разум опешившим наблюдателем. Ладони обняли впившийся в плечо клинок.

«Исаз, помнишь, кто твой хозяин?»

Лезвие отозвалось мелкой дрожью и выскочило из плеча. Клинок полыхнул голубым пламенем и с оглушительным звоном разбился на осколки.

– Исаз, что за...? – вскричал Предвестник и ошалело взглянул на Николаса: – Вечерний Всадник? Не-е-ет!

Рука Николаса взметнулась, растопырились пальцы. Предвестник прижал ладони к горлу. Осколки клинка поднялись в воздух и закружились вокруг демона, опалая голубым пламенем. Оно всё росло и росло, пока не вспыхнуло, разрывая врага на ошмётки и испепеляя их. Николас обессилено опустил руку и сжал ладошку Герды.

Смог. Она будет жить. Пока.

Мир погрузился в серое марево. Снова стало холодно. Никогда мороз ещё не пробирал настолько: прокрадывался внутрь и выстуживал душу. Но боли уже не было. Только тоска.

Николас с трудом поднялся и побрёл сквозь клубящийся стальной дымкой туман. Знакомое место из снов. Впереди показался каменный постамент – единственное, что оставалось в холодной пустоте. На нём спал мужчина в холщовом балахоне. Лицо скрывала овальная маска, перечёркнутая тремя красными царапинами, как от когтей. Рядом покоился меч с руной «исаз», точь-в-точь как тот, которым сражался Предвестник.

На постаменте руницей зажглась эпитафия: «Не умер, а сплю в ожидании своего часа». Имя перечёркнуто, не прочесть. Рядом тонкими штрихами выцарапано изображение кота.

– Какие гости! – в тумане обрисовался тёмный силуэт. – Неужто проклятую безродную дворнягу почтил присутствием сам лорд Комри?

Высокая широкоплечая фигура в нестерпимо белом плаще, солнечные лучи создавали вокруг золотистых волос ореол. Незапятнанный, что бы ни делал, грязь к нему не приставала. Обличительно смотрели разноцветные глаза, словно видели все пороки насквозь. Такой же грозный и внушительный, каким Николас запомнил его семь лет назад на Площади наказаний. Архимагистр Лучезарных, Белый Палач, Микаш Веломри.

Как он тут очутился?

– Я не лорд, – выпалил Николас.

– Хочешь, я исправлю это досадное недоразумение? – ухмыльнулся Белый Палач.

– Вопрос в том, чего хотите вы. Почему я вижу вас на пороге смерти?

– Откуда мне знать, из-за какой блажи ты едва не умер? Но как ты правильно заметил, я и сам наполовину мёртв. Заколотен с тобой в одном склепе и жду, когда ты придёшь в гости.

Мёртв наполовину? Может, стоит предупредить его о Предвестниках? Он ведь когда-то был Сумеречником.

– У нас есть общий враг – демоны. Их называют древнейшим злом, Предвестниками Мрака. Они очень могущественны и опасны не только для нас, но и для ваших Лучезарных. Они вселяются в мыслечтецов и используют их тела. Я защищал одарённую девочку, которую они хотели передать какому-то Разрушителю, чтобы заполучить его благосклонность. Наверняка это их вождь, они говорили о дворцах. Я не прошу о помиловании, а пекусь лишь о выживании племени, ведь раньше это было нашим общим делом!

Во время его речи Белый Палач морщил высокий лоб всё сильнее. Серьёзная мина сползла с его лица. Запрокинув голову, он расхохотался гулко и протяжно, как будто потешался над детской глупостью.

– Ты, должно быть, сейчас в Белоземье. Отступники охотились на горлицу, а поймали ястреба, который охотился на неё, – он лукаво дёрнул бровями. – До олухов никак не дойдёт, что не она нужна Разрушителю. Мне нужен ты, Вечерний Всадник.

Лорд Веломри протянул к нему обтянутую перчаткой ладонь. Николас отшатнулся.

– Так вы... вы всё знаете? – выдохнул он ошалело. Наполовину мёртвый мыслечтец, с разноцветными глазами и чернотой в сердце, да ещё торчит здесь... Ну, конечно! – Вы и есть Разрушитель, вождь Предвестников! Что вы пожелали? За что продали свою душу?

Щурясь зло, Белый Палач наступал. Николас пятился, пока не упёрся спиной в постамент.

– Вопрос не в том, что пожелал я, – Белый Палач навис над ним угрожающей тенью. – А в том, что пожелал твой дед. Рассказать тебе мою версию? Жил-был на свете один наивный мальчик. Он очень хотел защищать людей от демонов, но не вышел родством. В Сумеречники его не принимали, пока он не встретил одного маршала. Лицом прекрасен, поступками благороден, он единственный взял мальчика под своё крыло. Воспылавший благодарностью юнец желал лишь служить ему верой и правдой, но вовсе не это было нужно коварному маршалу. Он желал, чтобы глупый юнец исполнял за него всю грязную работу, а у его благочестивого семейства руки оставались незапятнанными.

Николаса взглянул на свои ладони. Они снова оказались перемазаны в крови, только сейчас она слетала с него тонкими алыми лентами и обматывалась вокруг запястий Архимагистра.

– Он отнял у меня всё: жену, честь, даже душу. Это он выковал из меня Разрушителя.

Как такое возможно? Кому верить? Правда наверняка где-то посередине.

– Даже если мой дед в чём-то перед вами провинился, это ещё не повод причинять вред остальным людям. Истинное зло – это вы, демоны в человеческой плоти!

Улыбка лорда Веломри стала натянутой:

– Какой спесивый наглец! Ты гораздо хуже меня и своего деда вместе взятых. Ты спрашивал, заслужил ли смерть. Так вот, мой ответ «нет». Смерть – слишком лёгкое наказание за твои злодеяния. Я заставлю тебя страдать и мучиться, чтобы ты молил о смерти, как об избавлении.

– В чём же моя вина? – спросил Николас с закаменевшим лицом.

– Ты забыл? – Белый Палач обхватил спящего на постаменте незнакомца за плечи. – Я напомню, я же самый верный слуга твоего рода. Загляни под маску. Там все ответы, которые ты ищешь. Хочешь, я сниму её для тебя?

Под цепкими пальцами лорда Веломри маска разломалась на кусочки. Николас будто очутился в одном из своих кошмаров, когда знаешь, что впереди будет плохо, но трясина затягивает всё больше.

– Ну же, не будь трусливей, чем твой дед, – усмехнулся Белый Палач, выбрасывая последний кусок маски. – Взгляни в лицо истине!

Он развернул спящего к Николасу. Жуть плескалась внутри живота, тошнотворным комом подступая к горлу. Сердце грохотало об рёбра, отдаваясь в ушах бешеной пульсацией. Пришло осознание: если он увидит лицо незнакомца, то погибнет.

Николас выхватил из-за пазухи медальон, распахнул и заслонился, как щитом:

– Во всём, что с нами происходит, виноваты мы сами!

Лицо Белого Палача впервые исказила гримаса ненависти:

– Не смей прикрываться ею!

Он бросился к Николасу, растопырив пальцы, словно желал придушить. Соединившее их видение лопнуло, как мыльный пузырь.

Резануло веки, Охотник протёр глаза кулаками, а когда снова смог видеть, то обнаружил себя в центре пентаграммы в храме. Предвестник и его свита исчезли. Герды нигде видно не было, да и окно оказалось целым.

Неужели всё, даже схватка с демонами, оказалась сном?

Захлопали обтянутые серой кожей костяные крылья. У алтаря приземлился Жнец Смерти в дряхлом коричневом балахоне с ржавой косой наперевес.

О! Похоже, сон ещё не закончился.

Жнец опустил на колени возле рассыпанных по полу осколков голубого лезвия. Остатки клинка Предвестника служили единственным напоминанием о битве.

– Бедняга Исаз! Столько лет провести в рабстве у Мрака! – Жнец провёл по ним рукой.

— Ну, хоть умер ты на руках у хозяина.

– Вы за мной? – прервал скорбный монолог Николас.

– За вами? – переспросил Жнец. – Нет, я только людьми занимаюсь. Хотя... Погодите, коль уж вы здесь, будьте любезны, изгоните из моей покойницы осколок Мрака.

Жнец вытащил из гроба бешено сопротивляющуюся Милану. Надо же, какая приткая.

Николас задумчиво осмотрел её. На теле вздулись чёрные жилы. Разноцветные глаза бешено вращались, временами поворачиваясь белками наружу. В груди пульсировал чернильный спрут. Что ж, грезить так грезить!

Растопырив пальцы, Николас обернул их ветроплавом и запустил в покойнице под рёбра, как делал в видениях с вилией. Мёртвая плоть превратилась в глину. Голубые всполохи обхватили чёрный комок, по ушам ударил истошный вопль.

Присоски на щупальцах никак не хотели отпускать сжавшееся под гнётом захватчика сердце. Поднатужившись, Николас повернул спрута посолонь, как клеща, и резанул ветроплавом у самой кромки. Отчаянно суча щупальцами, осколок покинул тело жертвы. Из её глаз ручьём хлынули чёрные слёзы, оставляя на щеках потёки.

Спрут трепыхался и шипел, пытаясь дотянуться до груди Николаса. Так вот ты какой, осколок Мрака, пожирающий людские души и захватывающий тела. Именно его Николас видел в детстве в груди Белого Палача. А может, такие осколки живут внутри всех Лучезарных? В тех из них, у кого разноцветные глаза и чёрные прожилки в ауре, наверняка. Поэтому они и предали своих, ими управляют демоны!

Хотя нет, пожалуй, лорд Веломри другой. Как он сказал? Мёртвый наполовину. Человек

гораздо больше, словно стальная воля подчинила демона, позволив ему лишь наделить тело немислимой силой и властью. Такой он гораздо страшнее. Интересно, что Белый Палач хотел показать? Почему лицо под маской, которое Николас не разглядел и краем глаза, испугало так, как не пугала даже смерть?

Всё настолько удачно складывалось в целостную картину, что разум сам подкидывал недостающие кусочки мозаики. Но может это лишь совпадения и домыслы? Может, Николас сейчас посапывает на полу у алтаря, принимая грёзы за реальность?

Жнец закашлялся, напоминая себе.

Николас брезгливо поморщился и протянул к осколку Мрака голубые нити ветроплава. Они сдавливали спрута, пока чернота не лопнула и рассыпалась горсткой пепла на каменных плитах. Удастся ли так же легко расправиться со всеми врагами? Это слишком хорошо, чтобы быть правдой!

– С ней всё будет в порядке? – спросил Николас, глядя на обмякшую Милану.

– Доставлю её паромщику у Сумеречной реки в лучшем виде. Слово Жнеца, – сказал костлявый, беря покойницу за руку. – Удачной Охоты, Вечерний Всадник!

Герда очнулась оттого, что её наотмашь колотили по щекам и трясли за плечи. Над ней нависло встревоженное лицо отца:

– Всё в порядке? Ничего не сломала?

Она попробовала пошевелить ногами. Те слушались её, как раньше.

– Морти, его ранили. Надо помочь, – по-старушечьи скрипучим голосом попросила она.

Отец отвёл взгляд.

– Тебе не стоило сюда приходить.

– Но ведь он сражался за нас совсем один!

Морти неподвижно лежал рядом с закрытыми глазами, его рука была протянута к Герде, словно он продолжал стремиться к ней даже после...

– Для человека их оказалось слишком много. Даже для такого, как он, – покачал головой отец.

– Не-е-ет!

Герда подползла к Морти и положила голову ему на грудь. Его рубашка промокла от её слёз, а он так их не любил. Пытаясь успокоиться, Герда зажмурилась. Тук-тук. Так тихо, неуловимо, как сказка, как самая сокровенная мечта. Пускай он каким-нибудь чудом не умрёт, она вернёт его к жизни волшебной песней, пускай даже исполнить её сможет только в своём воображении.

Заскрипели главные двери храма, донеслись торопливые шаги. Отец тронул Герду за плечо. Осторожно переступая гниющие останки и брезгливо морщась, к ним спешил Эглаборг.

– Как я ненавижу это его ремесло! Говорил же не ходить, а он заладил: «Если не я, то кто?» Почему он всегда лезет на рожон, словно смерти ищет? – причитал компаньон Морти, опускаясь на пол рядом с ним. Провёл ладонью по бледному лицу друга и поднял взбешённый взгляд на отца. – Не стыдно вам? Это же вы, вы вынудили его и подставили, чтобы свою шкуру спасти! Бедный добрый мальчик!

Отец молча смотрел себе под ноги, сжимая и разжимая ладони.

Герда всё прислушивалась. Может, это случилось, потому что ей так сильно хотелось, но сердце Морти трепыхнулось вновь. После долгой паузы ещё и ещё.

– Он жив! – позвала она Эглаборга.

Тот нахмурился и провёл руками над телом Морти, от головы до ног несколько раз.

– Похоже на летаргию. Может, его тоже зацепил демон? Придёт теперь и за его телом...

– сглотнул Эглаборг.

– Нет, ветроплавыв им не по зубам, – качнул головой отец.

– Когда он проснётся? – вскинулась Герда.

Раз сердце бьётся, пускай медленно и тихо, он будет жить. Сказка станет явью.

Обязательно!

– Через пару часов, дней, год, а, может, никогда, – Эглаборг неуютно повёл плечами.

Отец выглянул в разбитое окно. У горизонта лиловой полосой разгорался рассвет.

– Нужно унести его отсюда, а то люди решат, что это он демонов вызвал, – скомандовал отец и подхватил Морти под руку.

Вместе с отцом они потащили Морти прочь из храма. Герда, потерянная, ковыляла следом.

Три дня он пролежал в их доме, не просыпаясь. Она сидела рядом и грела его леденеющие руки своими. Представляла, что поёт для него, и каждый раз заходила сухим удушливым кашлем. Могла бы, отдала бы своё дыхание и даже жизнь, лишь бы проснулся, лишь бы улыбнулся ещё раз и погладил её по волосам.

Родителям лишь изредка удавалось уговорить Герду поесть. Она так себя уморила, что заснула на стуле возле постели Морти, положив голову ему на грудь.

Солнечные зайчики, просачиваясь через щели в плотных занавесках, ласково касались лица. В комнате было очень тихо. Лишь медленное дыхание спящей на груди вилии нарушало покой. Николас высвободил руку из-под одеяла и провёл по волосам, приятно щекотавшим кожу. Тепло словно перетекало из вилии в него, восстанавливая силы. Что же это за девочка такая? Что у неё за сила?

Герда открыла глаза и сладко зевнула. На красивом мягком личике совершенно дикими и чуждыми выглядели ссадины.

– Что случилось? – тихо спросил Николас, дотронувшись до рубца на её подбородке.

– Я плохо помню, – замялась Герда. – Ночью я выбралась из дома и побежала к храму. А там... я увидела, как Предвестник протыкает тебя мечом. Мне стало страшно, что ты умрёшь. Я разбила окно, упала сквозь раму и попала внутрь. Ты потянулся ко мне, а я к тебе. А потом я помню только, как отец нашёл нас, и они с Эглаборгом перенесли тебя к нам домой. Ты проспал три дня.

– Гр-р-р, теперь понятно, откуда взялась головная боль, – простонал Николас, удобней устраиваясь на кровати.

Значит, хотя бы с демонами он дрался наяву. Но не выдумал ли остальное? Если всё взаправду, значит, в мире происходит нечто ужасное. Предвестники разделили Сумеречников и заставили сражаться друг против друга, а сами захватили власть!

– Зачем ты полезла в храм? – спросил Николас, поняв, что Герда ждёт его слов.

– Ты ведь был там совсем один. Сражался за нас. Кто-то должен был тебе помочь, – она замолчала и понурилась. – Жаль, что я оказалась такой бесполезной.

– Не говори так, – Николас обнял её за плечи. – Ты очень помогла. Не знаю как, но без тебя ничего бы не вышло.

Герда могла бы стать одной из Лучезарных. Почему Предвестник решил, что она нужна

лорду Веломри? Почему медальон так взбесил его?

И самое неприятное: дед если и не был виновен в возвышении демонов напрямую, то всё равно не мог не знать, кому препоручает себя и весь мир, объявляя капитуляцию. Нет, лучше бы видения оказались ложными, последствиями ушиба головы или даже сумасшествия.

– А где моё ранение? – уцепился Николас за последнюю мысль и стянул с себя рубашку. На теле не осталось и следа от удара голубого клинка.

– Так Предвестник всё-таки тебя задел? А отец сказал, что мне примерещилось, – торжествующе сообщила Герда и снова клещом вцепилась в его плечи.

В комнату заглянул Эглаборг.

– Мастер Стигс, вы очнулись! Вы так крепко спали. Если бы не Герда, мы бы приняли вас за мёртвого.

– Но я жив, – отмахнулся Николас. – Заградский отдал деньги?

– Конечно. А после того, как отсюда сбежал жрец, губернатор накинул нам золотишка. Чтоб язык за зубами держали. Если он в ближайший месяц не найдёт нового жреца, то потеряет должность. А кто захочет ехать в город, где кишмя кишат демоны?

– Значит, завтра отбываем, – распорядился Николас.

– Так быстро? Я думала, ты останешься ещё хоть ненадолго, а потом возьмёшь меня с собой, – разочаровано пробормотала Герда.

Укрыть её ото всех, своих и чужих, Лучезарных и демонов разом? Поташить с собой на край света, только потому, что она пробуждает в нём невероятную силу? Тогда чем Николас будет лучше Предвестников?

Он нашёл у себя за пазухой медальон и сжал его, полнясь решимостью:

– Ты ещё слишком мала и не выдержишь долгого пути. Подумай о родителях. Вряд ли они будут рады, если я заберу у них единственного ребёнка.

– Ты прав. Я понимаю, – расстроено пробормотала она и выскочила из комнаты.

– Зря вы так, – упрекнул его Эглаборг.

– Нужно ехать, иначе накличем на них ещё большую беду, – мрачно ответил Николас.

Слабость и головная боль ещё не прошли, но дорога уже манила вдаль. Эглаборг дожидался у коновязи, пока Николас прощался с родителями Герды. Её самой нигде видно не было. Расстраиваться ему или радоваться? Прощания никогда не давались легко.

– Спасибо, что защитили нас. Простите за то, что я наговорил и за то, о чём умолчал. Я не стал бы на вас доносить, даже если бы вы отказались, – зашептал ему на прощание Гед. – Мой отец, он...

В ушах звучали слова смотрителя Голубиной станции: «В этих лесах затерялась кровь Белого Палача. И Лучезарные, и наши ищут её, но найти сможет лишь тот, кому она нужнее всего».

– Нет, не хочу ничего об этом знать, – остановил Геда Николас и достал из-за пазухи медальон. – Заберите и забудьте о нашей встрече, прошу!

– Нет, – лесник обхватил его ладонь своей и заставил сжать побрякушку в кулак. – Он ваш по праву, даже если вы откажетесь от него сотню раз. Он принесёт вам удачу.

Николас тяжело вздохнул и спрятал украшение обратно. Видимо, от сомнительной божьей милости укрыться не удастся.

– Если... если вы когда-нибудь подберётесь к моему отцу на расстояние полёта стрелы,

пускай ваша рука будет верна, – всё-таки высказал лесник то, что Николас слышать не хотел. Как будто смутные догадки стали ближе и неизбежней.

– Я не мститель, а защитник. И не хочу устраивать новую войну, как это уже было в Заречье.

Гед проницательно моргнул.

– Если всё же решитесь, скажите ему, что я его проклинаяю. И за себя, и за мать тоже.

Его волей Николас всё больше увязал в чужих тайнах, которые странно переплетались с его собственными. Мысли о них и воспоминания о жутких видениях сводили с ума. Хотелось наглухо захлопнуть эту дверь раз и навсегда.

– Морти, – послышался за спиной робкий оклик. – Я тут, гхм... у нас принято дарить цветы на прощание, поэтому вот...

Заливаясь пунцовой краской, Герда протянула ему букет синих полевых цветов.

– Васильки такого же цвета, как твои глаза, – пробормотала она.

– Спасибо. Я...

Робость оказалось заразной. Надо подарить ей что-нибудь на прощание, так будет легче.

– Ты ведь вернёшься? – спросила Герда, покусывая нижнюю губу от напряжения. – Вдруг, когда я вырасту, ты всё-таки сможешь взять меня с собой. Хоть ненадолго. Я не буду бояться и плакать.

– Если я закончу свои странствия и обрету дом, где ты будешь в безопасности... – Николас размеренно ронял слова, осознавая, что врёт.

Нет в этом погибающем мире безопасного места ни для кого из них.

– Но меня-то ты не забудешь? Обещай! – её большие глаза нехорошо блестели.

Вот-вот расплечется, хотя только что клялась этого не делать.

– Не забуду, – улыбнулся Николас и вынул из кошелька подарок туатской ворожеи.

Вырезанная из слоновой кости веточка цветущего вереска. «Отдай его той, кого не захочешь забыть», – сказала Эйтайни. Что ж, так тому и быть. Николас вложил брошь в подставленную ладошку.

– На добрую память. Прощай, – он коснулся губами её лба и вскочил в седло.

Конь понёс его прочь.

Николас уговаривал себя не оборачиваться, но всё-таки бросил на Герду последний взгляд. Она продолжала стоять, держа его подарок на раскрытых ладонях. Ни единой слезинки не скатилось по её щекам.

===== Глава 15. Заговор теней =====

1564 г. от заселения Мунгарда, Авалор, Озёрный край

Звенели клинки. Эдвард легко увёртывался от ударов нерасторопного верзила и теснил его к краю поляны. Представление нельзя заканчивать быстро, иначе зрители останутся недовольны. А если они останутся недовольны, то вечером вместо сладкого эля и горячего мяса придётся пить воду и есть чёрствый хлеб.

Он крутанул меч в руке, зрелищно кувыркнулся и резким ударом выбил клинок из рук противника. Толпа наблюдала за ним, затаив дыхание. Сражённые его очарованием девушки посылали томные улыбки, мужчины хлопали в ладоши и одобрительно кричали.

Медлительный верзила возился в пыли, подбирая оружие. Решил напасть со спины, нарушив правила честного поединка. Но не тут-то было. Эдвард развернулся и отбил летящий сверху клинок молниеносным выпадом.

Толпа заулюлюкала на верзила. Нарушителя надо наказать! Эдвард налетел на него

яростным коршуном. Не сбавляя скорости, он наносил удар за ударом. Противник не мог выйти из глухой обороны, потел и задыхался, колени дрожали. Замахнувшись от плеча, Эдвард снова поверг его на землю и встал ногой на грудь, чтобы тот наверняка не поднялся.

Горожане зашлись ликованием. Посыпались монеты.

Обезоружив противника и хорошенько пнув его, Эдвард выкрикнул:

– Жаждающие попробовать свои силы – приходите завтра в это же время! Обращайтесь, кто хочет поучиться фехтованию у мастера меча! Меня всегда можно найти в трактире «Драчливый петух»!

Он церемониально раскланялся и принялся собирать с земли монеты.

Неплохой улов. Неделю продержится, две, если затянет пояс потуже. Жаль, скопить ничего не удаётся, а то бы школу свою открыл – почётное дело.

На Эдварда упала плотная тень.

– Вы так виртуозно владеете мечом. Я в восхищении, – слышался тихий, завораживающий голос.

Парень удивлённо вскинул голову. Над ним стоял мужчина лет тридцати в дорожном костюме из немаркого коричневого сукна, на ногах высокие сапоги с отворотами, на голове широкополая шляпа. По всему видно, не из бедных зевак.

– Мелочи. Если упорно трудиться, каждый сможет, – отмахнулся Эдвард. – За справедливую плату покажу пару приёмов.

Он поднялся и протянул незнакомцу только что полученный в качестве трофея клинок.

– Нет, – веско сказал тот и заставил Эдварда опустить руку. – Чтобы достичь таких успехов, к выучке должен прилагаться недюжинный талант и выдающаяся родословная. Вы же выходец из семьи мечников? Не отпирайтесь, благородство запечатлено на вашем лице. Никакая грязь этого не скроет.

Какое кому дело до древних родов в эпоху новой единоверческой знати? Тем более, называть своё родовое имя сейчас опасно, ведь повсюду ищут заговорщиков.

– Внешность никто не выбирает, но насчёт таланта вы правы. Талант нужен в любом деле.

– И не жаль вам закапывать его в землю, сражаясь на потеху публике? Вы же как нищий выпрашиваете у прохожих милостыню!

Эдвард недобро сощурился и вернулся к монетам. Пускай этот незнакомец катится на все четыре стороны!

– В стране тяжёлые времена, каждый выживает, как может. Не смейте меня жалеть! – высказался он, когда незнакомец продолжил нависать над ним.

– Я и не думал. Извините, что полез не в своё дело. Хотите, угощу вас ужином?

– Вот уж милостыню я действительно не возьму.

– Это не милостыня. У меня к вам дело. Оно намного почётнее, чем драться под хохот толпы, и поможет не только вам, но и вашим близким. Благородные семейства не должны влачить свои дни в нужде.

Станный человек, не бывают они такими добрыми. Он явно что-то задумал, но Эдвард не такой простака, чтобы поддаваться на дешёвую лесть.

– Я знаю, кто вы, юный мастер Комри.

Что теперь делать? Садануть мечом и бежать без оглядки? Далеко ли получится уйти от патрулей Лучезарных? Да и после о самостоятельной жизни и речи уже не будет, придётся прятаться в Озёрном крае вместе с отцом.

– Я знаю всё о вашей семье, даже то, чего не знает ваш досточтимый отец. Я поделюсь с вами, если вы рискнёте мне поверить. Ну же, фехтование невозможно без риска, – незнакомец протянул ему руку. – Блейн Саджерс, будем знакомы.

Эдвард долго вглядывался в его затянутые стальной дымкой глаза, прежде чем согласиться.

В тёмном и тесном «Петухе» всегда было много народу. Задымлено и пахло потом. Но Эдвард хорошо знал хозяина, подавальщиков и поваров, снимал комнату наверху уже больше года, так что ловушки опасаться здесь, под столькими дружественными взглядами, можно было меньше всего.

Они уселись за укромный столик в дальнем углу на почтительном расстоянии от других посетителей. Блейн заказал немислимо дорогое жаркое из дичи и крепкий янтарный виски. Видимо, хотел пустить пыль в глаза.

– Наслышан, что каледонцы драчливы, как петухи, особенно что касается кулачных боёв, – Блейн поднял кубок, устремив взгляд на разыгравшееся в центре трактира представление.

Захмелевшие зрители кричали и хлопали в ладоши. Да, драки здесь любили все от мало до велика, причём неважно, благородное ли это искусство или грубый выброс ярости наружу.

– Для нас, южан, это всё в диковинку.

– Я не каледонец, вы должны бы знать, – заметил Эдвард, осушая свою порцию залпом.

– Знаю, – кивнул Блейн. – Знаю, что ваш род считает свои поколения ещё с исхода из Гундигарда. Древнее и представить сложно.

А вот Эдвард, напротив, об этом не слышал. Отец не посвящал его в семейные тайны. Все они предназначались Ники, в котором тот души не чаял. И спрашивается почему? Что мелкий для семьи сделал? Сбежал, как только смог, а им приходится дожидаться своей участи на осаждённой земле.

– Вы знаете, что ваш дед, Гэвин Комри, тоже был непревзойдённым мечником и великим полководцем?

Эдвард удивлённо нахмурился. Он догадывался, что прежде отец мог позволить себе куда большее и блестящее воспитание получил не в северном захолустье, а в самой столице. Казалось, что выслали его из-за того, что Комри поддержали не ту сторону во время Войны за веру, но чтобы вот так... Дед наверняка участвовал в боях, возможно, даже убивал единоверцев. Каким чудом их семье удалось выжить?

– Слава о нём в былые времена гремела по всему Мунгарду. А знаете, что произошло после? – спрашивал, поддразнивая любопытство, Блейн. – Его казнили на костре как колдуна.

Так Ники, и правда, колдун? Он унаследовал это от деда! Эдвард ошарашенно выдохнул. Этот страшный человек всё знает, он же может донести!

– Вы позвали меня, чтобы угрожать?

– Дослушайте, наконец! Ваш дед был благороднейшим из людей, даже лорд Веломри преклонялся перед ним. Гэвин Комри положил конец войне, в которой нам пришлось пролить столько крови. Этого колдуны ему не простили и оклеветали перед честными людьми. Лорда Веломри тогда только назначали Архимагистром Лучезарных, он спешил в Ловонид из последних сил, чтобы остановить казнь, но опоздал всего на несколько часов. Он не перестаёт сожалеть о гибели вашего деда и до сих пор хранит его прах в урне возле своей

постели.

– Тогда почему мой отец прячется в северном захолустье? – Эдвард передёрнул плечами.

– Колдуны из Норикии жаждали мести и несколько раз покушались на него, когда он был даже младше вас. Наверное, он устал от бесконечных интриг и решил скрыться, когда в королевстве была смута. Его искали очень долго и тщательно. Честно скажу, если бы не слава о вашем искусстве, мы бы никогда его не нашли.

Вот же! Как заяц в капкан угодил!

– Успокойтесь! Никто не собирается устраивать над вами судилище. Наоборот, я здесь, чтобы предложить помощь. Как я уже говорил, ваш дед был очень дружен с лордом Веломри. Они даже заключили соглашение, что их семьи породнятся в будущем через брак.

Блейн вынул из кожаного футляра свиток с печатью, на которой изображался всадник, пронзающий змея копьём.

– Это герб вашего рода, вы не знали?

Эдвард подставил бумагу к свету от свечи и пробежался глазами по строчкам. Составлена она была ещё до войны на буквице и старинном письме колдунов в виде острых значков. В бумаге говорилось о брачном союзе между родом Комри и родом некоего Микаша Остенского.

– Так звали лорда Веломри до его назначения, – усмехнулся недоумению Эдварда Блейн. – Копия этого соглашения хранится в вашем особняке в Ловониде.

– У нас есть особняк в столице? – Эдвард распахнул рот от изумления.

– Конечно! На главной площади рядом с королевской резиденцией. Вам его вернут, как только вы заявите на него права. У лорда Веломри есть сын, единственный наследник. Если у вас найдётся сестра, то их поженят, а заодно помогут поправить ваши дела. Если боитесь, заявите об этом при свидетелях, тогда никто, даже Лучезарные, не смогут ни отказать вам, ни уж тем более в чём-то обвинить. Договорённости, пускай и старые, дороже денег.

– Но Элизабет ещё нет шестнадцати, – недоверчиво отозвался Эдвард.

– Мы согласны подождать. А есть ли у вас другие братья или сёстры?

– Ники, но он уехал на материк. Отец не говорит зачем.

Виски быстро ударил в голову, развязав язык и лишив бдительности. Эдвард ещё ощущал опасность, но слова Блейна звучали настолько заманчиво, что в них хотелось верить несмотря ни на что.

– Печально, но не очень существенно. Для нас главное – ваша сестра. Если вы укажете путь к своему дому, то мы преподнесём ей подарки от жениха и объявим о помолвке.

Эдвард раздумывал. Отец не велел никого приводить в усадьбу, да и...

– Мы купим строение с землёй под вашу школу, какое сами выберете, и будем защищать её от бандитов. Вам нужно всего лишь указать дорогу к вашему дому, – Блейн снова протянул ему руку. – Ну же, или с вами будут разговаривать Лучезарные.

Но голубых плащей нигде видно не было. Что терять, когда он уже и так на острие клинка? Эдвард пожал ладонь Блейна во второй раз, но не покидало ощущение, что он заключает сделку с демонами.

Блейн заплатил за ужин и удалился, оставив Эдварда доедать жаркое и заливать совесть виски в одиночестве.

В тёмной прихожей Блейна поджидал высокий человек, с ног до головы укутанный в неприметный тёмный плащ. Незнакомец вскинул руку, и Блейн обвис, словно марионетка на

нитках после представления. Взгляд сделался пустым и далёким.

– Что ж, уже совсем скоро ты станешь лордом Комри, мой юный друг, последним в своём роде.

Жёстких губ коснулась лёгкая ухмылка, полыхнули в темноте разноцветные глаза – один голубой, другой зелёный.

1564 г. от заселения Мунгарда, Веломовия, Сайбера, Хитеж

Находиться в одном шатре с Магистром Лучезарных, Томилой Кербатовым, было тревожно. Впрочем, к хождению по краю лезвия маршалу веломовской армии, Еремею Оленину, было не привыкать. Ворот рубахи он всегда шнуровал под горло, чтобы никто не заметил прилежавший к груди амулет Кишно.

Оленин заливался зельями, которые глушили его дар, не допускал случайных выплесков или приступов. Ни с кем – ни с сослуживцами, ни даже с женой – он не делился своим прошлым, не рассказывал, кем был до Войны за веру.

Знали его тайну только король и дочь Олисава, которой не посчастливилось унаследовать проклятье их рода. А ведь четверть века назад он гордился бы её способностями, которые с возрастом, вероятно, превзойдут его собственные.

Ради спасения своей шкуры он перешёл под покровительство веломовского монарха, но в душе оставался верен Сумеречникам и помогал, чем мог. Так он обещал своим братьям по оружию, когда оставлял их в штабе при осаде Стольного. Так он обещал своим родным хитежанам.

– Зачем вы пригласили меня и почему томите ожиданием? – не выдержал маршал и заговорил первым.

– Как же зачем? Нужно обсудить дальнейшие планы по поиску мятежных хитежан, – усмехнулся себе в усы Кербатов. Разноцветные глаза – один голубой, другой зелёный – внимательно следили за Олениным. – Ведь мы только этим и занимаемся последний год. Или даже больше?

– Город опустел – вы сами видели брошенные дома, – отозвался маршал. – Люди предпочли умереть в Снежных горах. Король велел не растрачивать армию на поиски мертвецов.

– Да-да, я всё это слышал двенадцать лет назад, когда вы провалили карательную миссию. Но это очень непохоже на доблестного королевского маршала. Вы ведь внешне напоминаете местных жителей, даром что особенности говора почти стёрлись из вашей речи. Сознаться, это вы предупредили хитежан, вы помогли им укрыться? Укажите к ним дорогу, и быть может, вас простят. Или хотя бы помилуют ваших детей.

– Как бы я смог провернуть подобное под носом у своей армии и ваших людей? – выдержано отвечал Оленин.

– О, я расскажу вам как. Мы тщательно обследовали место, и знаете, что обнаружили? Следы временных петель и пространственных тоннелей. Гористый участок приграничья словно накрыло куполом, в который мы тыкаемся, как слепые котята, плутаем по идущим вспять дорогам, а внутрь попасть не можем.

– Удивительно! – воскликнул Оленин. – Похоже, это колдовство, хитежане ведь не отреклись от бесовских практик. Но вы же разбираетесь в этом куда лучше моего, ловите и сжигаете колдунов. А я простой солдат, моя работа – исполнять приказы.

– Не делайте вид, что вы глупее, чем есть, – оборвал его речь Кербатов. – Мы уже давно к вам присматриваемся и даже можем доказать вашу связь с Компанией «Норн».

– Не стану скрывать, их вербовщик связывался со мной, но я ответил ему то же, что и вам. Я простой солдат, служу моему королю и никому больше.

Некоторое время они сверлили друг друга взглядами.

– Это ваша проблема, что норикийских вербовщиков развелось так много и они баламутят народ. Проблема куда серьёзнее, чем мёртвые беглецы в труднодоступных горах, – продолжил маршал.

– Давайте всё же поговорим начистоту, – Кербатов подался вперёд. – Как ваше урождённое Сумеречное имя? Дар ведь у вас, судя по всему, к ясновидению?

– Моё имя Еремей Оленин. Другого у меня нет. А о чём вы толкуете, я не понимаю, – маршал сложил руки на груди и отстранился, закрываясь из последних сил.

– Прислушайтесь же к доводам рассудка! Вы ведь знаете, почему случилась Война за веру. Совет рыцарей, ведших свою родословную чуть ли не от заселения Мунгарда, прогнал насквозь. Сумеречники нарушали ими же установленные правила, заключали союзы с демонами, угнетали, унижали и обирали неударённых до нитки. Рыцари утратили народную веру, довели боевой дух ордена до упадка и сделали армию небоеспособной. Они сами во всём виноваты. Весь Мунгард вздохнул с облегчением, когда орден распустили.

Оленин сжал ладони до побелевших костяшек.

– Людям нужно было обновление, освобождение от стагнации, возможность развиваться и улучшить быт. Мы дали им всё это. Неужели вы настолько слепы, что не замечаете, насколько жить стало проще? Зачем поддерживаете бунтовщиков, которые тянут общество обратно на дно? Разве мало вам печального примера Зареченского восстания? А Норикия? Вы читали донесения разведки? Компания пьёт из королевства все соки, простолюдины бегут в соседние страны, даром что границы закрыты. Некогда самое богатое и влиятельное в мире королевство превращается в нищее и разорённое. Они не жизнеспособны, они не победят даже со своим мальчиком-мессией. Поддержите нас! Вместе мы не допустим нового кровопролития. Мы помилуем всех, кто покается и встанет на нашу сторону.

– Мне не в чем каяться! – разъярился маршал. – Я ни в чём не виноват, не перед вами так точно!

Он встал и направился к выходу из палатки, но Кербатов ухватил его за плечо.

– Если не хотите думать о себе, подумайте о своих детях. У них вся жизнь впереди.

Амулет на груди раскалился и жёг кожу. Кербатов настырно лез в голову мыслечтением. Приступ приближался так некстати. На языке чувствовался привкус крови. Глаза застилал мутный полог, становилось трудно дышать, по рукам и ногам связывала липкая паутина, отрезая от ощущений тела. Разум растворялся в видениях.

Морозила снежная пустыня, повсюду нагромождались торосы, щекотал слух треск льда. Но Магистры Лучезарных в голубых плащах с золотым кантом, похоже, не чувствовали холода. Они собирались в круг у чёрной глыбы, уходившей во чрево океана на многие-многие мили. Внутри копошилось нечто, переливалось из одной формы в другую. Оно было живое, шептало множеством голосов, уговаривало примкнуть к ним и угрожало, точь-в-точь как Кербатов сегодня.

Осколок этой черноты был в каждом из Магистров. Он лишал их личности и воли, заставлял служить шепчущей ледяной глыбе. А шептала она о вере и власти, о вожделенном воплощении и послушной пастве.

На горизонте появился человек в белом, лорд Веломри, незапятнанный. Он гнал перед

собой трёх пленников. Первый падал на колени, заламывал руки и молил о милосердии, не за себя, но повинуюсь живущей в душе любви. Второй сверкал глазами в ярости и отворачивался от света. Чернота пела ему. В его груди отзывался спавший до того осколок, соблазнял заветным желанием, чудом, до которого можно было дотянуться рукой, сказать слово, но второй оставался нем, глух и слеп, хотя верил в своё прозрение.

Третий же кружился в неистовой пляске вместе с Белым Палачом. Сверкала сталь на нестерпимо ярком солнце. Лёд трещал всё отчётливей, словно под ногами у третьего разверзалась бездна. Хотелось предупредить, но тот видел сам.

Первый рвался к нему, но его удерживали Лучезарные. Второй выносил суровый приговор, не осознавая, что проклиная себя. Третий насаживался на клинок лорда Веломри. Его кровь, необычайно яркая и сладкая, захлёстывала рекой, бездна пожирала тело.

Высвобождалась из глыбы темнота и заполняла небо. На земле вспухали жилы и разрывались, брызгая кровью. Язвы шли по поверхности глубокими расщелинами, до самых недр. Лучезарные перешёптывались тревожно, пытаясь удержать твердь. Белой искрой мчался посреди чёрного поля лорд Веломри, прижимая к себе первого пленника. Второй же запрокидывал голову в безумном хохоте злого бога.

– Это и есть ваш Единый? – вырвалось у Оленина, когда приступ закончился.

– Что вы видели? – вскинул брови Кербатов.

Оленин выхватил меч из ножен и снёс ему голову. Сумеречная выучка даже спустя десятилетия не забылась, демоны ведь не зря их головорезами величали. Нужно спалить тело, чтобы он наверняка не ожил. Хотя огонь в лагере заметят и поднимут гвалт.

Мощными взмахами клинка маршал расчленил Кербатова на дюжину частей и посыпал песком. Обливаясь потом, он успел закончить до того, как убийство обнаружили. Только весь кровью заляпался – пришлось одолжить у Магистра плащ и закутаться в него с ног до головы. Может, не узнают.

Лагерь спал, часовые не остановили, приняв маршала за Кербатова. Нужно разыскать детей и отвезти их в Долину Агарты, а потом... Нет, в безопасности отсиживаться совесть не позволит. Нужно предупредить кого-нибудь. Компанию «Норн»? Норикийцы-то не далеки от истины оказались. Твари с разноцветными глазами не люди даже, одержимые, потерявшие души, демоны, поклоняющиеся смертоносной дряни. Из-за них погибнут не только Сумеречники, но и весь мир!

Показался обрыв. Плескалась вода, серебристой дорожкой в ней отражалась луна.

– Стой! Стой, глупец! – услышал Оленин голос Кербатова.

Нет, не может быть! Нужно было поджечь палатку.

Зыбкий туман заволок лагерь, погрузив в сон даже часовых. Никто не слышал ни торопливого топота сапог, ни суматошных криков. С головы Магистра упал капюшон, и на месте лица раскрылась пасть бездны. Двигались по кругу ряды кривых зубов, обдавало тленом зловонное дыхание Мрака.

«Будь с нами, будь одним из нас», – шептали голоса.

Нет, нет!

Оленин прыгнул с обрыва. Спаси, родная Седая речка! Плевать, что сочтут предателем, ведь дело уже не в политике и не в вере.

Ядовитое жало ударило в основание шеи, перебив позвонки. Тело перестало повиноваться. Нужно передать кому-нибудь, хоть кому-нибудь! Оли!

Бель затянула глаза, в нос ударила вода и наполнила грудь, ноги коснулись каменистого

дна, бурное течение подхватило и понесло маршала к океану на севере. Смерть пришла быстро.

===== Глава 16. Утопленник =====

1564 г. от заселения Мунгарда, Веломовия, Сайбера, Искер

Уставшие после длительного перехода лошади медленно ступали по натоптанной дороге. Всадники вели их под уздцы, чтобы размять затёкшие ноги и дать измождённым животным заслуженный отдых. За рекой на высоком берегу виднелся Искер, самое большое поселение в диких землях Сайберы, последнее на пути до самых Снежных гор. Серый дымок клубился над трубами добротных бревенчатых домов.

– Надеюсь, хоть сегодня нам не придётся спать на улице. Мои старые кости этого не вынесут, – пожаловался Эглаборг.

– Попросимся на ночлег у местных жителей, – рассеяно ответил Охотник.

Раз уж пользоваться настоящим именем стало опасно, Николас начал именовать себя в честь своего ремесла.

Он плохо спал в последнее время. Шквалистые порывы ветра будоражили голосами, но слов было не разобрать. Тревожное предчувствие не переставало мучить даже во время дневных переходов.

Путники миновали деревянный мост через Седую реку и вошли в город. Лошади остались на коновязи под глиняным навесом. Конюший подкинул им душистого сена и налил воды. Николас заплатил ему пару монет и поспешил за Эглаборгом. Целитель уже барабанил в дверь первого попавшегося дома. Оттуда выглянул чернобородый мужик в пёстром зипуне с заплатами на локтях и сурово посмотрел на незваных гостей.

– Добрый человек, пустите двух уставших путников на ночлег. Мы хорошо заплатим, – Николас достал из-за пазухи кошелёк.

Лицо мужика стало елейным. Местные жители настоящие деньги видели нечасто. Торговать здесь, на краю Мунгарда, было не с кем, а путники из-за Рифейских гор забредали так редко, что люди смотрели на них, как на диковинку, и принимали хлебом и солью.

– Проходите-проходите, гости дорогие. Сейчас баньку растоплю. Жена вас щами накормит. Эй, жена! – крикнул хозяин зычно.

Эглаборг, мявшийся за спиной Николаса, подался вперёд и с воодушевлением пожал мозолистую руку. Николасу пришлось громко закашляться, чтобы привлечь их внимание к показавшемуся из-за поворота отряду в полторы дюжины человек.

Хозяин испуганно встрепнулся. Видимо, счёл их либо разбойниками, либо сборщиками податей, которые не сильно друг от друга отличались.

От отряда отделились двое и подошли к его дому, ведь он был ближним к дороге, самым просторным и ухоженным. Оба гостя возраста Николаса, курчавые и темноволосые, с одинаковыми короткими причёсками. Первый высокий и нескладный, шурился близоруко и вертел головой по сторонам. Второй ростом ниже, узкий в плечах и бёдрах, но младшим в их компании не выглядел, наоборот, вышагивал стремительно и смотрел строго вперёд. В тёмных глазах горел такой огонь, что пришелец напоминал разъярённую кошку.

– Добрый день!

Голос-то высокий и звонкий, как у девицы, ровный, не похоже, чтобы ломался. Под платком, обвязанным вокруг горла, кадык не заметен. Черты мягкие, щёки чистые, даже над губами ни намёка на щетину. Впрочем, Николас и сам бриться ещё не начинал.

Он прикрыл глаза и втянул в себя воздух. Нет, у мужского пота куда более резкий запах.

Точно, девица! В Стольном много таких встречалось: короткостриженных, в мешковатой мужской одежде. Мода такая – доказывать, что женщины ничуть не хуже мужчин, хотя обратное никто в открытую не заявлял. Впрочем, что творилось в головах у девчонок, оставалось загадкой.

– Мы дети маршала королевской армии Веломовии, Еремея Оленина, Олисава и Камай, – представилась девица мужским именем. – С дозволения Его величества мы вместе с отрядом сопровождения должны встретиться с отцом выше по течению Седой реки. По королевскому указу вы обязаны предоставить нам кров и пищу.

Девица потрясла перед носом хозяина грамотой с королевской печатью. Тот смиренно кивнул и даже не стал заглядывать, видимо, читать не умел.

– Заходите, думаю, ещё на двоих места хватит.

Девица недовольно сощурилась, оценивая размеры дома:

– На мой взгляд, здесь уместится не меньше восьми.

– Но тогда им придётся спать на холодном полу. И эти достопочтимые путники первыми попросились на ночлег, – озадаченно ответил мужик, указывая в сторону Николаса с Эглаборгом.

Целитель яростно заскрежетал зубами.

– Уважаемая госпожа Олисава, почему бы вам с вашим отрядом не разместиться в других домах и позволить бедным путникам передохнуть с дороги?

Какая муха укусила сдержанного и кроткого Эглаборга?

Девица злобно сверкнула глазами и огрызнулась:

– Моё имя Олисава, и вашего мнения никто не спрашивал!

Нет уж, с девицами что драться, что ругаться – дело последнее. Тем более, за ней отряд в полторы дюжины человек и королевское покровительство.

Николас отстранил спутника и с натужным смирением заговорил сам:

– Прошу извинить моего дядюшку. Его старые кости плохо переносят сырость и холод. Не могли бы вы позволить нам остаться на ночь в доме этого достопочтимого мастера? Мы уже две недели не видели человеческого жилья и очень устали.

– Причём тут мой отряд? – безразлично ответила девица.

– Оли, что ты в самом деле? – подал голос брат. – В округе полно домов не хуже этого. В крайнем случае, мы можем переночевать вместе с ними.

– Нет, Кам, это дело принципа, – отмахнулась девица. – Я не собираюсь делить кров с подозрительными голодранцами. Какими ветрами вас сюда занесло? Уж не в мятежный ли Хитеж направляетесь?

Николас с Эглаборгом недоумённо переглянулись.

Врать Охотник уже привык:

– Мой дядюшка травник, изучает редкие растения и явления природы Сайберы. А я его сопровождаю, ведь у бедных травников нет ни связей при дворе, ни денег, чтобы нанять отряд.

– Мы едем к целебным источникам Тепловодья. Говорят, они обладают чудотворными свойствами, – поддержал его Эглаборг. – Такого больше нигде не встретишь.

– Травники, охотно верю! – Оли смерила их насмешливым взглядом и направилась к отряду.

– Вы уж простите мою с... брата! – оговорился Кам и принялся неловко оправдываться: – От отца уже несколько недель не было вестей. Оли переживает, ночами не спит, совсем

несносный стал.

– Ничего страшного, остановимся где-нибудь ещё, – Николас вымученно улыбнулся.

Искренности он точно не просил и не хотел снова быть втравленным в чужие разборки, а предчувствие подсказывало, что это вот-вот случится.

– Боюсь, Оли распорядится, чтобы никто в Искере не пускал вас на ночлег, – грустно покачал головой Камай.

– Не беда, разобьём лагерь за городом, нам не привыкать, – пожал плечами Охотник, игнорируя негодующий взгляд компаньона.

Камай кивнул и последовал за сестрой, а Николас с Эглаборгом отправились искать место для ночёвки. Целитель продолжал ворчать, пока Охотник разводил костёр и возился с вещами.

– Нет, вы видели? Зачем эта девица парня из себя изображает? Моя мать воспитывала нас с братом одна и своим трудом зарабатывала на кусок хлеба. Но в мужское платье она не рядилась и нос не задирала!

– Нелегко ей одной на севере приходилось, – отозвался Николас, пропуская всё ненужное мимо ушей.

– И я говорю! Почему бы этой девице не пустить нас в дом на одну ночь? Тоже мне краля выискалась!

– Велика беда: переночуем здесь. Я плохо сплю в четырёх стенах, – усовестил его Николас.

– Угу, а на улице вообще не спите!

– Эглаборг, сделай милость, не ворчи. Лучше спустись к реке и набери воды, – Охотник протянул ему чёрный от копоти котелок.

– Нет, я, пожалуй, воздержусь. Там берег крутой и тиной воняет. Я же ваш дядюшка-травник, вы – мой племянш сопровождающий, – Эглаборг упрямо задрал голову.

«Ну, злишься ты на Оли, в тепло хочешь, но я-то тут причём?»

Николас безнадежно махнул рукой:

– За костром присмотри.

Целитель придвинулся к огню и вытянул над ним руки, чтобы согреться.

Берег действительно оказался крутым, но это не мешало мальчишкам спускаться вниз и рыбачить, стоя у самой воды. Николас сбросил сапоги, закатал штаны и осторожно сполз по песку.

В камышовых зарослях покоилось нечто уродливое.

– Эй, малышня, в ваши сети попало что-то крупное, – крикнул Охотник, бросив котелок на отмели.

– Ух ты, смотрите! Помогите нам, дядя, помогите! – наперебой закричали юные рыбаки. Николас упёрся ногами в илистое дно и потянул на себя сеть, с хрустом сминая колоски рогоза и тростника.

– Ну, дядя, вы силач! – свистели дети.

Николас старался дышать как можно ровнее. Ноги проваливались в ил всё глубже.

– Это же... это... у-у-у-топ-п-пленник! – завопили рыбаки у него за спиной.

Кто-то лез вперёд, чуть ли не под руки, чтобы рассмотреть находку, а кто-то наоборот нёсся прочь, расплёскивая воду, оскальзываясь и падая.

Скрывающиеся под илом коряги царапали ноги. Закинув край невода на плечо, Николас выволок мертвеца на берег. Одет утопленник был в лохмотья коричневого костюма

веломовской армии. Оставшиеся рядом мальчишки бросились разворачивать сеть, но Николас отогнал их.

– Нечего на смерть глазеть! Родителей зовите! – прикрикнул он так, что никто из сорванцов послушаться не посмел.

В самом деле – зрелище не из приятных. Кожа покойника сморщилась, покрылась бурыми пятнами и кое-где начала отставать. Ёжик полностью седых волос местами облез. Тело разбухло. Золотой галун, обившийся вокруг предплечья, свидетельствовал о высоком чине погибшего.

Николас перевернул тело на спину и чуть не скатился в реку от неожиданности. Глаза утопленника были широко распахнуты. Белёдые, как у вельв, они всё ещё мерцали в стремительно опускающихся сумерках. Истинный ясновидец, надо же! На шее болтался амулет Кишно.

Перед смертью утопленника явно настигло видение. Может, потому он и свалился в реку? Берега здесь топкие, течение сильное, а ближе к Снежным горам ещё и опасные каменистые пороги встречаются. Хотя опытный ясновидец, к тому же на военной службе, вряд ли мог оказаться настолько халатным. Скорее уж ему помогли утонуть.

За спиной слышался топот и шипение факелов. Охотник прикрыл мертвецу глаза. Голова утопленника мотнулась в сторону и неестественно запрокинулась. Похоже, шея сломана, хотя следов удара незаметно.

Над ухом громко шептались, вокруг смыкалась стена горожан.

– Солдатик какой-то, из ненашенских. Хитежане! Бунтовщики погубили! Может, там сражение было, скоро и другие приплывут. Река из Седой превратится в Кровавую!

На погибшего в бою он мало походил, скорее, убит был исподтишка или при попытке к бегству.

– Расступитесь! Что здесь происходит? – перекрыл голоса горожан бойкий возглас Оли. – Да пропустите же, у меня разрешение от короля!

Она расталкивала зевак локтями, пробираясь вперёд. Разглядев лицо покойника, Оли оступилась и побледнела.

– Отец!

Она опустилась на колени возле головы покойника и коснулась пальцами его щёки. Тонкие губы дрожали, глаза распахнулись широко и блестели. Сорвав с пояса флягу, Оли сделала несколько глотков и приложила лбом ко лбу покойника. Зашипела вода, аура девчонки вспыхнула настолько яркой бирюзой, что резануло по глазам. Воздух напитывался влагой, как перед грозой, от нарастающей мощи даже дышать было трудно. Кто же резерв так резко опустошает?

Николас сгрёб её в охапку за мгновение до того, как Оли начала биться в судорогах, захлёбываясь текущей изо рта пеной.

Толпа заволновалась.

– Что с ним? Припадочный какой-то, слабый совсем. Или мертвецов никогда не видел?

– Дайте пройти! Ему нужна помощь! – крикнул Николас, срывая с шеи утопленника амулет.

Нужно ещё прихватить флягу Оли. Почему он не многорукий демон-асур? В Каледонской общине приучили, что собратьев (и сестёр, переодетых в братьев, без разницы) в беде бросать нельзя, насколько бы глупыми и заносчивыми они ни были. Тяжела стезя героя!

Так как других целителей в округе не нашлось, Николас отнёс девицу к Эглаборгу.

– Мастер Стигс, ясновидица – это не вода, а Дитя воды. Существенная разница, – обернулся тот на его шаги. – Что стряслось?

– Её отца прибило к берегу течением, уже неживого, – ответил Охотник, устраивая Оли на одеялах рядом с костром. – Она глотнула какой-то дряни и опустошила свой резерв при всём честном народе.

Охотник передал целителю флягу. Тот откупорил её и понюхал зелье, пока Николас подкладывал под голову Оли мешки. Хоть биться перестала, и то хорошо.

– Настой кампалы, – заключил целитель и принялся изучать девушку.

Приподнял её веки – глаза под ними были молочно-белые, без радужки, без зрачка. Они быстро вращались, как во сне.

– Сколько она этой дряни выпила?

– Несколько больших глотков, – Николас пожал плечами.

– Кампала – это северное полевое растение с белыми, похожими на маленькие колокольчики, цветами. У них очень дурманный запах, – пояснил Эглаборг. – Из семян готовят особое зелье. Оно обезвоживает тело и заставляет разум работать на пределе возможностей. От этого усиливаются способности ясновидцев и мертвошёптов, а может, начинаются галлюцинации. Мама пишет, что когда проводили отбор в круг вельв, претендентки злоупотребляли этим зельем настолько, что сходили с ума, заболели падучей или даже умирали.

– Можно же что-то сделать?

– Можно привести её в чувство, но если она продолжит в том же духе, то долго не протянет, – Эглаборг нашёл среди вещей мешочек с рвотным порошком, высыпал в кружку и залил водой.

Николас стянул с Оли камзол, чтобы ей легче дышалось. Под рубахой грудь стягивали бинты. Их пришлось долго разматывать. Эглаборг влил Оли в рот лекарство. Она очухалась уже через мгновение и согнулась пополам, исторгая из себя отраву. Хоть глаза стали нормального карего цвета.

– Оли! Оли, что стряслось? – испуганно звал Камай, подбегая к ним. – В городе переполох. Ты куда-то пропала. Я ничего не понимаю, – тараторил он, присаживаясь рядом с сестрой.

– Ваш отец нашёлся, – ответил за неё Николас. – Мои соболезнования.

Камай поражённо ахнул, разглядывая клонящуюся к земле сестру. Бледно-зелёный цвет кожи выдавал, насколько ей дурно. Ослабевшие ноги подвели её. Николас подхватил Оли за талию и уложил обратно на одеяла.

– Надо идти! – вырывалась она, судорожно всхлипывая. – Отец... надо позаботиться...

– Ваш брат всё сделает, – Охотник пихнул Камай в плечо, чтобы вывести из ступора.

– Мой брат даже о себе позаботиться не может, – возразила Оли.

Гнев в её голосе сменился отчаянием.

– Может, это потому, что вы не давали ему шанса? – Николас повернулся к Камаю: – Велите своему отряду разогнать зевак и заберите тело. Распорядитесь насчёт погребения. Если возникнут затруднения, обращайтесь, я помогу.

– Но я, я... – лепетал Камай.

– Идите, мы доставим вашу... вашего брата в дом, где вы остановились. Мой дядя-травник позаботится о нём.

Камай встал и, шатаясь, направился к селению.

– Травник, ха-ха, – пробормотала Оли, затравленно глядя через расшнурованный ворот рубахи на свою маленькую грудь.

Эглаборг намешал ещё одно зелье и заставил её выпить.

– Он поставит вас на ноги за пару дней, но до этого вы останетесь под его присмотром. Мы будем ночевать с вами, хотите вы того или нет, – Николас потряс перед лицом Оли амулетом её отца. – Для вашего же блага.

Ей оставалось только яростно сверкать глазами.

Оказав первую помощь, они затушили костёр. Николас отнёс Оли в крестьянский дом и уложил отдыхать на лавке у печки. Эглаборг за это время собрал их вещи. Когда Николас закончил таскать их и устроился за столом передохнуть, целитель уже всю колдовал над аурой Оли, вытягивая нездоровое влияние кампалы.

– Вам сейчас нужно больше воды и отдыха.

Оли осоловело хлопала ресницами и зевала. Эглаборг напоил её очередным зельем, и она уснула.

Ближе к вечеру Николас отправился за Камаем. Тот нашёлся у временного деревянного храма – постоянный каменный возвести ещё не успели. Веломовский отряд уже доставил туда утопленника. Камай оказался не таким уж бестолковым: организовал людей спустить из тела воду и просушить его. Вдобавок они соорудили носилки из жердей и досок, насобирали хвороста и дров для костра. Сам Камай раздобыл холщовый саван и договаривался с молоденьким жрецом о прощальной церемонии.

Дождавшись, когда они закончат, Николас отвёл брата Оли в сторону и зашептал:

– Нужно собрать цветы, твоей сестре непременно захочется. Обязательно полевые, а не садовые.

Камай оказался слишком доверчив, чтобы задавать вопросы. Похоже, что в отличие от Оли, о Сумеречниках он знал очень мало. Вместе они направились за город.

Огибая пустыри мелкосопочника, вдоль берега реки тянулись болота. Ряска затягивала маленькие озёра до светло-зелёного цвета. Пахло гнилой травой и тиной. На тонкой полоске почвы между бочагами росли редкие кустики крупных голубых колокольчиков – паладинников. Редкие, труднодоступные, а посему особенно ценные, они считались важным атрибутом похорон в ордене. Чтобы почтить память об усопшем, нужно было бросить их в погребальный костёр и приносить на могилу каждую годовщину.

За паладинниками пришлось прыгать по мелким, покрытым клюквой, кочкам. Камай замочил ноги, угодив в лужу, но Николас вовремя вытянул его на твёрдую почву.

– Очень красивые, отцу бы понравилось, – отозвался Камай, срезая цветы. – Я говорил Оли, что никто не купится на её маскировку, но разве она меня когда слушала?

– Девчонки очень-очень странные, – кивнул Николас, сцепив руки за спиной.

– Не сказал бы. Оли хоть и старше меня всего на год, а заботилась обо мне всю жизнь как мать. Она очень серьёзная и ответственная, отец ею гордился, а меня почти не замечал. Кому нужен неуклюжий недотёпа? – он посмотрел на свои измазанные в тине и ряске сапоги.

– Ты очень нужен сестре, даже если она не показывает вида, – Николас ободряюще похлопал его по плечу. – Не бросай её одну и не позволяй пить ту дрянь, что она носит в своей фляге.

Утром воины сложили костёр на высоком месте у реки и перенесли туда тело. На прощание собрался весь Искер. Горожане снимали шапки, воины говорили красивые речи о ратных подвигах маршала. Все пили крепкую настойку за упокой души.

Камай молча смотрел на обезображенное смертью тело. Что эти люди знали о человеке, который сейчас лежал на деревянных носилках? Для одних он был всего лишь маршалом, поставленным на эту должность кем-то сверху. Для других – узурпатором, принёсшим в этот край чужую веру.

– Странно, – прошептал Николасу Камай. – При жизни у него почти не было седых волос, а сейчас они все белые.

По толпе волной прошёл шёпот. Опираясь на плечо Эглаборга, к ним ковыляла всё ещё бледная Оли. От измождения черты и без того худого лица болезненно заострились, чёрные круги под глазами выглядели особенно ярко.

В руках Оли сжимала подаренный братом букет паладинников. Она склонилась над телом отца и положила ему на грудь цветы, забрала у воинов факел и принялась поджигать костёр со всех сторон. Лучезарные превратили ритуал погребения Сумеречников в очистительном пламени, которое не позволяло демонам пользоваться мёртвыми телами, в страшную казнь.

Оли замерла у бушующего пламени, заморожено глядя, как оно пожирает её отца. Остальные держались от неё на почтённом расстоянии.

– Подойди к ней, – Николас пихнул Камая в бок.

– Зачем? Она не любит... – замотал он головой.

– Подойди, тебе говорю. Не видишь, она еле на ногах стоит!

Камай взял сестру под руку, и вместе они дождались, пока пламя не опадёт, обратив тело в пепел. После того, как ветер развеял его над речкой, Камай отвёл уставшую и безучастную Оли в дом. Николас с Эглаборгом последовали за ними. Солдаты и искеровцы помедлили ещё несколько мгновений для соблюдения приличия, и вернулись к своим делам.

Вечер выдался тревожным и ненастным. Небо затянули свинцовые тучи. Дул холодный порывистый ветер. Приближалась буря. Оли добровольно устроилась на лавке и следила за хлопотами остальных.

– Ложись спать пораньше, – обратилась она к брату. – Завтра поедем дальше.

– Но ты же ещё не выздоровела! – запротестовал Камай. – Дальше, это домой в Северный?

– В Хитеж, как хотел отец. Нужно выяснить, что произошло. В дороге приду в себя, мне не привыкать, – отмахнулась она и отвернулась к стенке.

Камай сел за стол и, развернув карту, принялся намечать маршрут.

Николас оторвался от наброска, на котором пытался запечатлеть тело маршала. Странная смерть не давала покоя. Чутьё подсказывало, что без демонов тут не обошлось. Если они так легко справились с бывалым полководцем, то скоро могло начаться нашествие на мирных людей. Совесть не позволяла закрыть на это глаза. К тому же, двигаться с отрядом Олениных им предстояло в одном направлении.

Эглаборг разбирал только что найденные мхи и лишайники. От кипевшего на печке котла исходил дурманящий запах, голова становилась тяжёлой и хотелось спать. Николас поманил целителя на улицу, чтобы их не подслушали.

– Помнишь зелье, которым ты меня опоил, когда мы только спустились с Рифейских

гор? – шёпотом спросил Николас.

– После которого от нас даже волки шарахались? – почесал в затылке Эглаборг.

– Нет, после которого я тебе всю ночь душу изливал, – осклабился Охотник. – Сможешь сделать его ещё раз?

– Ах, это зелье! – целитель неловко рассмеялся. – Смогу, конечно, особенно если вы всё-таки назовёте своё настоящее имя.

– Не для меня, – Николас указал глазами на дом.

Эглаборг удивлённо вскинул брови, но возражать не стал.

Вскоре они вернулись. Целитель высыпал в котёл щепотку ядовито-жёлтого порошка, помешал и добавил трав. Вскоре зелье вскипело, булькая зелёными пузырями. Эглаборг разлил его по чашкам, добавив в две из них по капле вязкой жидкости из своей фляги.

– Мастер Камай, не хотите помянуть отца? Легче станет. Да и брата вашего лучше сейчас не тревожить, – целитель кивнул на укрывшуюся с головой одеялом Оли.

Камай проследовал за Эглаборгом в смежную комнату. Николас направился за ними и затворил дверь.

– Только не крепкое, – встрепенулся брат Оли, принимая из рук целителя чашку.

– Это травяной отвар. Он успокоит и придаст сил перед дальней дорогой, – объяснил тот.

– О, благодарю, – Камай вдохнул кружащий голову аромат и сделал первый глотокпряного отвара. – Очень вкусно.

Напиток Эглаборга и Николаса, наоборот, оказался тошнотворным. Охотник еле сдержался, чтобы не выплюнуть после первого глотка. Ехидный взгляд целителя красноречиво говорил: «Сам хотел, теперь терпи».

– А можно попросить? – начал Николас проверять действие зелья. Камай медленно кивнул. – Вы выше по течению Седой реки направляетесь? Тепловодье ведь вам по пути. Возьмите нас с собой! С отрядом легче и безопаснее.

– До мятежного Хитежа оттуда рукой подать, – лицо Камая заметно расслабилось. – Я бы с удовольствием, но Оли...

– Зачем вам туда? Неужто такими малыми силами со староверами воевать хотите? – интересовался Николас невзначай.

– Нет там никого. Город-призрак, только перекасти-поле по пыльным улицам тянется. Ы Хитеж, как и в Норикию, после Войны за веру бежали колдуны. Двенадцать лет назад отца отправили их покарать, но когда он прибыл на место, город уже опустел. Люди ушли в горы. Может, надеялись отсидеться там, пока опасность не минует, может, искали проход в мифическую Долину Агарты, где обитают старые боги и всегда царит весна. Отец посчитал, что все погибли, ведь склоны там отвесные, а ветра дуют такие, что срывают плоть с костей.

Николас сглотнул. Как тяжёл будет этот путь! Гвидион, конечно, предупредил, но от таких рассказов на пороге восхождения по спине бежал неприятный холодок, и пальцы морозило, словно в поясе вечного льда.

– Отец отказался гнать туда людей и вернулся в Стольный, но Лучезарные этого не простили. Подозревали его в сговоре с мятежниками, но были слишком заняты другими делами. А недавно дотянулись и до Хитежа. Заставили отца отправиться сюда ещё раз, уже вместе с их войсками. Полгода назад он прислал нам приказ ехать следом, но ничего не объяснил. Оли, наверное, знает больше, но предпочитает не посвящать в их секреты глупого младшего брата, – Камай пьяно рассмеялся.

– Вы не были близки?

– Я паршивая овца в семье, – Камай согнулся ниже над столом и заговорил заговорщическим шёпотом: – Ведь знаете, может, я тоже как колдун на костёр отправлюсь. У меня иногда бывает... Как же это называли? Предвидения! Могу угадать, кто стоит за дверью, где искать пропавшего ребёнка или куда ведёт та или иная дорога. В детстве мама рассказывала, что её прабабка была ясновидящей. Я унаследовал от неё частичку этого

великого дара.

– А Оли тоже будущее предсказывает? – отринув осторожность, спросил Николас.

– Да она от горя удавилась бы! – отмахнулся Камай. – Истинная единоверка. Верноподданная Веломовской короны. Любимая отцовская дочка. Для него всегда существовала только она, вся такая правильная и послушная. А я был пустым местом, никем. Знаете, как тяжело, когда твой отец смотрит на тебя и не видит?

Прожилки ясновидческого дара, хоть и блёклые, в ауре Камая тоже присутствовали. Если бы развивал свои способности, мог бы дотянуть до второго уровня или даже первого. Но с отцом и сестрой он бы не сравнился. Видимо, в этом и причина его отчуждения.

Николас положил руку Камаю на плечо.

– Раньше мне тоже казалось, что отец считает меня ни на что не годным слабаком. Когда мы расставались, я наговорил ему много неприятных слов, а теперь жалею. На самом деле он хотел меня защитить, а я отказывался его понять. Когда вернусь, обязательно попрошу у него прощения.

Эглаборг удивлённо переводил взгляд с Камая на Николаса и не мог понять, кто из них захмелел больше. Ведь о своей семье Охотник соглашался говорить разве что под развязывающим язык зельем.

– Жаль, что мне этого сделать не удастся, – Камай разрыдался как девчонка.

– Ладно тебе, у тебя же ещё сестра осталась. Она любит тебя, не пренебрегай ею, – Николасу было неловко видеть его таким. – Давай в постель. Совсем тебя, брат, развезло.

Охотник выглянул из-за плеча Камая и показал Эглаборгу поднятый большой палец. Хитрость сработала как нельзя лучше. Николас подхватил Камая под руку и отвёл в комнату, где спала Оли, уложил на соседнюю лавку и подоткнул одеяло, чтобы не упал и не разбудил сестрицу.

===== Глава 17. Потерянный Хитеж =====

1564 г. от заселения Мунгарда, Веломовия, Сайбера, Хитеж

Задремать удалось лишь под утро. Это был чуткий сон, когда ты находишься на грани мира грёз и никак не можешь туда окунуться. Окончательно разбудили тихие голоса за дверью. Николас прислушался.

– Оли, зачем нам в Хитеж? Отпишемся в Стольный, пускай гибель отца расследуют опытные дознаватели.

– Кам, перестань уже быть простофилей. Никто не будет расследовать его гибель, спишут на неосторожность. Напился и в речку свалился, а что он крепкое в рот не брал, так кому какое дело? Я не хотела пугать тебя заранее, но пару дней назад тайной почтой пришло известие, что отец ночью отлучился из лагеря и бесследно исчез. Чуть ли не к мятежникам его приписывают. Боюсь, что если мы вернёмся в Северный, нас упекут в застенок, как детей предателя. Сами Лучезарные не солоно хлебавши назад катят. Видно, Снежные горы им не по зубам оказались. Так что в Сайбере нам безопасней, чем дома.

– Ладно, я тут маршрут до Хитежа составил, – послышался тихий шорох разворачиваемых бумаг. – По правому берегу до запруды, дальше обойдём болота чуть севернее, потом снова на юго-восток до Тепловодья. Здесь могут быть оползни. Но, кажется, другого пути в Хитеж нет.

– А ты умеешь удивлять, Кам, – хохотнула Оли.

– Тут... – замялся он. – Наши соседи хотят ехать с нами. Я разрешил...

– А у меня спросить забыл? Они что, тебя вчера подпоили? Что-то выспрашивали? Они

же могут быть шпионами!

– Хватит уже видеть за каждым кустом врагов! Они выходили тебя и помогли нам с похоронами. Прояви хоть каплю благодарности!

Оли только фыркнула. Голоса стихли.

Погожим утром возле коновязи наготове собрался весь отряд. Перед отбытием Оли подошла к Николасу, который седлал лошадей вместе с Эглаборгом.

– Зачем вы тащитесь за нами?

– Вместе по дикому краю путешествовать безопаснее. К тому же, пока вы не выздоровели до конца, мой дядя-травник не может вас оставить, – смиренно ответил Охотник.

– Хорошо. Давайте договоримся так: вы знаете мою тайну, я знаю вашу. Запретить вам ехать в ту же сторону, что и мы, я не могу. Но если вы втравите меня или моего брата в неприятности, клянусь, вам не поздоровится, – она угрожающе прищурилась.

– Не поздоровится вам, если вы не прекратите травить себя этой дрянью, – Николас кивком указал на флягу, притороченную к её поясу.

Губы Оли сжались в тонкую линию, рука легла на эфес меча в ножнах на поясе. Охотник повернулся к своему коню. К его седлу тоже был прикреплен свёрток с клинком. Обменявшись безмолвными угрозами, Оли с Николасом разошлись каждый в свою сторону.

Начался затяжной переход по дикому краю. Солнце в разгар осени всё ещё пекло так, что дышать было нечем. Травы выгорели, в воздухе стояли пыльные взвеси, даже речка и та обмелела, чахлые перелески встречались всё реже. Копыта гулко стучали по выбитой земле. По ночам вдалеке раздавался тоскливый волчий вой.

Горы вырисовывались на горизонте зыбким облачным миражом. Он млеял и трепетал на жаре, посверкивая ледяными шапками, которые с закатом окрашивались в разнообразные оттенки синего и сиреневого.

Приближались отроги. В расщелине, пробитой рекой, и находилось Тепловодье. Ночевать в этот день решили здесь, в затишке.

Пока воины трудились над разбивкой лагеря, Эглаборг умчался купаться. Наступило время ужина, а он так и не вернулся. Николас встревожился не на шутку и отправился его искать.

Посреди пышного ельника в известняковых ваннах образовывались лужи голубой воды, от которой с шипением валил белёсый пар. Пахло тухлыми яйцами. Со скалы, стуча по камням, тонким каскадом в одну из ванн стекал водопад. Из соседней торчала голова Эглаборга: волосы промокли и слиплись, веки были полуприкрыты, а губы блаженно улыбались.

– Я уж решил, что ты утонул или, чего хуже, растворился в этой вони, – позвал его Николас.

– Ну и зря! Это «живая вода», – целитель вытянул на поверхность худую лодыжку и поплескал ею. – Чудесно расслабляет и лечит от всех недугов. Я как будто заново родился, молодец-удалец! Сами бы попробовали, может, спать стали бы лучше. И нашей юной кампальщице не помешало бы развеяться.

– Нет уж, я как-нибудь обойдусь, – отмахнулся Николас, подавая целителю полотенце.

– Тогда налейте воды вон оттуда, – он указал на водопад. – Там камни скользкие, а я так, как вы, равновесие держать не умею.

Старательно зажимая нос, Николас набрал две фляги. Лишь бы Эглаборг одевался побыстрее.

В лагере их встретила Оли, окатив подозревающим взглядом:

– Отыскали своё Тепловодье, травники? Стоило ради этого через весь Мунгард ехать?

– Ещё как! – Эглаборг забрал у Николаса флягу и откупорил, вдыхая вонь полной грудью. – Эта вода лечит болезни живота, головные боли, выводит из тела отраву и восстанавливает мужскую силу, – целитель сделал глоток и чуть не замурыкал. – Солёная! Попробуйте! Ну же, brave воины, не трусьте!

Все дружно замотали головами, вперёд подался один Камай, такой же любопытный на диковинки. Он глотнул побольше и вытер рот рукавом.

– Здорово! В жизни ничего подобного не пробовал. Оли, ну же! Соглашайся!

Она опасливо посмотрела на флягу и осторожно пригубила. В это время Эглаборг откупорил вторую и силой заставил Николаса глотнуть. Оба одновременно закашлялись и сплюнули.

– Горячие сопли, – Николас бросился полоскать горло родниковой водой.

– От этой дряни, небось, ещё и зубы портятся, – впервые согласилась с ним Оли.

– Хм, вполне вероятно. Надо бы проверить, – задумчиво ответил Эглаборг.

– Только не на мне! – одновременно сказали Николас с Оли и удивлённо уставились друг на друга.

Эглаборг махнул на них рукой.

– Так что, увидели, что хотели? Теперь уберётесь восвояси? – с надеждой спросила она.

– До Хитежа дневной переход остался. Так что назад тоже можем вместе поехать, – ответил за них Камай. Видно, их компания ему очень нравилась.

– Да-да, здесь ещё много редких растений, каких нигде больше не встретишь. Один день роли не сыграет. Смотрите, какие большие тролльи усики, – Эглаборг указал на росшие на полянке рядом круглые жёлтые цветы.

– Прямо жар-цвет, – хмыкнула Оли.

– Слово дяди для меня закон, – Николас лукаво дёрнул бровями и направился к дежурному кашевару за остывшим ужином.

Следующий день они гуськом тянулись по узкому дну ущелья, очерченного Седой рекой. Плескалась о пороги вода, в вышине завывал ветер, стучали камни под копытами. Лишь к вечеру удалось выбраться в ещё одну долину, гораздо большую.

Зеленела трава, густо разрослись одичавшие сады, колосился овёс. Дома зияли пустыми окнами, двери со скрипом раскачивались на ветру. По вымощенным булыжником мостовым шныряли ящерицы и саламандры.

– Остановимся в городе, – скомандовала Оли, спрыгивая с коня первой.

– Если позволите заметить, то в брошенных домах спать небезопасно, – подал голос командир отряда.

– Вы боитесь призраков? – высокомерно усмехнулась Оли. – Мастер Стигс, ваше мнение?

– Я не мертвошэпт, – ответил Николас так тихо, что слышала только девица.

– Значит, остаёмся!

Они разбрелись по домам. Топили печи, выдворяя сырость, готовили ужин. Оставив на хозяйстве Эглаборга, Николас отправился изучать город.

Сумерки опускались стремительно. Он поджёг лучину и принялся ходить от порога к порогу. В погребах сохранилось много полусгнивших припасов, одежда, глиняные черепки, дешёвые инструменты, детские игрушки. Люди покидали Хитеж в спешке, не готовились, лишнего с собой не брали. Долго блуждать в горах они явно не рассчитывали.

Над дверью одного большого и богатого дома красовались козлиные рога. Длинные, они загибались кверху ребристыми дугами. В прихожей стопками лежала тёплая одежда: штаны, куртки, шитые мехом внутрь и наружу, сапоги, деревянные дощечки-снегоступы с железными кошками по краям. Хорошее подспорье для путешествия во льдах. Повезло, можно сказать.

Сверкнул в темноте огонёк, заскрипели половицы. Николас повернул голову.

– Кто позволил вам мародёрствовать? – строго спросила Оли, подходя к нему вплотную.

– Хозяев здесь уже нет, не оставлять же добро моли. Но если хотите, даю слово, что верну всё на место, когда эти вещи мне больше не понадобятся и даже присовокуплю несколько монет за пользование, – пожал плечами Николас и принялся скатывать вещи в тюки.

– Так и думала, что вы в горы едете. Неужто решили удачу в Долине Агарты попытать? Знаете о Хитеже что-то, чего не знаем мы?

– Только легенду. Что горожане сохранили верность старым богам и молились настолько неистово, что растопили ледяные шапки на вершинах гор. Тогда боги смилостивились и забрали жителей в Долину вечного лета. Теперь их покой охраняет свирепый страж. Он пускает в Агарты только тех, кто чист душой и светел сердцем, а остальных – убивает.

– Думаете, боги примут и вас? – усмехнулась она.

– Я не верю в богов, а только в свои силы, – Николас показал ей вещи. – К тому же, отступить мне, как и вам, некуда.

– Мне казалось, что Лучезарные до Лапии ещё не дотянулись.

– Я с Авалора.

Оли удивлённо наморщила лоб.

– Так уж и быть, отпущу, если вы мне поможете. Брата посвящать не хочу. Чем меньше он знает, тем меньшая опасность ему грозит.

Николас кивнул, ведь у него на Авалоре тоже остались брат с сестрой, которые ничего не знали о Сумеречниках.

Оли отвела Охотника туда, где берег реки становился выше.

– Лагерь Лучезарные разбили за городом. Видимо, в домах ночевать не решились, как и наши суеверные солдаты, – Оли указала рукой на пустырь неподалёку. – Я нашла там следы их стоянки. Отец упал в реку с этого обрыва.

– Вы что-то видели? – проницательно спросил Николас.

– Да. Одна из тайных техник ясновидцев. Перед смертью мы можем передать послание связному. Отца убили ночью, весь лагерь спал и ничего не слышал. Призрачный голос нашептывал отцу: «Загадай желание! Будь одним из нас!» Он был очень напуган и бежал к реке в надежде спастись. Его настигли на этом самом месте. Я видела разодранный голубой плащ Магистра Лучезарных и огромную зубастую пасть на месте головы.

– Ненасытная пасть бездны?

Оли кивнула:

– Демон убил отца, но больше никого не тронул. Лучезарные не сообщали, что из отряда

пропадал кто-то ещё. Я до сих пор чувствую тут ауру смерти и ужаса, запах тлена. Как будто ничего хуже этого демона в мире нет. А что вы думаете?

Николас оглядывался по сторонам.

– Вашему отцу перебили хребет, не оставив никаких следов на шее. Демон, описанный вами, похож на Предвестника Мрака. Я встречал такого в Белоземье. Он тоже следовал за Лучезарными. Похоже, он соблазняет людей исполнением желаний и в качестве платы пожирает их души, а потом переселяется в их тела. Мыслечтецы для них особо лакомы.

– И как... гм... как вы с ним справились?

– Никак. Он меня едва не убил, но против него обратилось его же оружие и разорвало на ошмётки.

– Тогда что же... – Оли приложила ладонь к груди и отвернулась к реке. – Может, Предвестники выдают себя за Лучезарных, ведь на нём был плащ Магистра.

– Вряд ли бы им удалось скрыть такое количество демонов.

Отчаянно не хотелось признавать, что его кошмарные видения и догадки могут быть правдой. Пускай даже это оправдало бы Сумеречников и обличило Лучезарных.

– Тогда только верхушка? Отец тщательно разузнавал про них. Перед тем, как принять звание Магистра, они проходят таинственное посвящение. Молитвами и аскезами сливаются с сущностью Единого, чтобы лучше слышать и понимать его волю. После этого меняется даже цвет их глаз.

– У всех Магистров разноцветные глаза? – нахмурился Николас.

– Да, это знак особого расположения Единого – глаза, что видят сокровенное. Остальными Лучезарными Предвестники управляют при помощи внушения, а ветроплавов уничтожили, чтобы никто не обличил их.

Николас задумчиво пожевал губами. Открыться или нет? С другой стороны, поделиться ему больше не с кем, даже Эглаборг не поймёт.

– После битвы с Предвестником у меня было видение.

– Будущего или прошлого?

– Настоящего. Я встретился с человеком, который находился за многие-много миль от меня. С Белым Палачом. Он сознался, что руководит Предвестниками и хочет мне отомстить. Только я так и не понял, за что. Думал, это просто кошмарный сон, но теперь мне кажется, что подобные видения – предельная способность моего дара. Я... я ветроплав.

Оли шумно выдохнула:

– В этом есть смысл. Земля помнит прошлое, вода знает будущее, огонь видит сквозь плоть, а ветер должен разносить эхо настоящего. Но такова предельная способность не прямого дара, опосредованного – мыслечтения. То есть это Белый Палач должен был видеть вас, а не вы его.

Николас пожал плечами:

– Если мои видения правдивы, то в сердцах Предвестников живут осколки Мрака – чёрные спруты с присосками. Они делают носителей неуязвимыми. Нашими силами сражаться против них бесполезно. Забирайте брата и бегите в Норикию. Там всех принимают.

– То-то вы сами бежите в обратном направлении. Нет, я разыщу убийцу отца и отомщу, – она обняла себя руками и отстранилась. – Организую заговор, подстерегу в тёмной подворотне. У меня достанет ума, отваги и дара, чтобы вырвать осколок Мрака из груди убийцы. Я найду способ, пускай это будет стоить мне рассудка и даже жизни.

Она снова полезла за флягой на поясе – Николас едва успел перехватить её ладонь.

– Мечь – бесплодная дорога в пустыне. Нашей главной ценностью всегда было выживание. Если вы такая сильная, то защитите людей, защитите собственного брата, а не тащите его в бездну за собой.

– Ох, высокомерный авалорский лорд, что вы можете знать о моих чувствах, если сами никогда не теряли родителя? Ярость сжигает меня изнутри, я жажду возмездия. Справедливость должна восторжествовать, чтобы настоящие демоны и предатели сами горели на кострах, на которых сейчас так беспощадно жгут нас. Если вы слишком трусливы, чтобы мне помочь, то отойдите в сторону и не мешайте!

Оли отпихнула его и побежала вдоль реки. Нельзя оставлять её в таком состоянии. Напьётся своей дряни, снова лишится чувств и либо размозжит голову об камень, либо утонет.

Если бы Охотник не приглядывался к ауре, не заметил бы, как Оли юркнула в узкий проход между скалами. С полчаса они прыгали по мокрым камням, выступающим из реки, пока ясновидица не добралась до отвесной скалы.

Оли начала карабкаться и застряла на уступе у самой вершины. Её ноги дрожали и соскальзывали, а руки отчаянно цеплялись за каменные выступы. Тут-то Николас её и нагнал: подобные тренировки были для него привычными. Он подсадил её, и Оли выбралась на плоскую площадку. Следом подтянулся сам Охотник.

Ясновидица подошла к краю скалы с другой стороны и принялась щупать руками воздух. Он искрился под её пальцами и оборачивался вокруг них. Воронкой закручивались сполохи: жёлтые и фиолетовые, переливались цифрами и рунами, мигали, отбрасывая на лицо разноцветные блики. Николас удивлённо вытаращил глаза.

– Не всё-то вы знаете, а, высокомерный лорд? Это пространственная воронка, – поддразнила его Оли.

Гвидион рассказывал о том, что великие ясновидцы древности умели создавать пространственные воронки и временные вихри, которые служили как порталом в труднодоступное место, так и непроходимой преградой в виде лабиринта искажений. Николас подумать не мог, что увидит это чудо сам.

– Через неё сбежали хитежане, а Лучезарные не пошли следом, потому что провести сквозь неё мог только сильный ясновидец. Старые боги помогли отцу укрыть людей в Долине. Я заручусь их поддержкой и стану непобедима.

Оли потянулась за флягой на поясе. Николас бросился вперёд. Ясновидческая аура озарилась бирюзой – Оли предсказала его выпад и увернулась. Приложившись губами к фляге, она принялась жадно глотать.

Аура затмила даже сияние пространственной воронки. Казалось, хрупкую оболочку разорвёт от накапливаемой внутри энергии. В глазах мелькали те же знаки, что и на воронке, словно что-то высчитывалось. Оли шагнула в вихрь, простирая над головой руки. Николас едва успел обхватить её за талию, прежде чем их всосал в себя неистовый поток. Знаки вокруг мерцали и менялись всё быстрее. Оли взмахивала пальцами, словно прокручивала барабаны, подбирая правильную последовательность.

Дышать становилось труднее, чужая стихия душила, отрезая от резерва. Такая слабость, Николас вот-вот упадёт и навсегда останется в лабиринте искажённого пространства!

Но огоньки потухли, и в лицо ударил холодный воздух. Родная стихия взбодрила, вливаясь в жилы бурливым потоком. Ноги врезались в твёрдую скалу. Лишившись чувств,

Оли обвисла на руках у Николаса. Её аура тлела едва-едва, но хотя бы выглядела целой. В этот раз выкарабкается, а вот следующий может стать последним.

И где Долина? Где хитежане, их боги и страж? Где хоть кто-нибудь? Вот же влип!

Успокоившись, Николас укутал Оли в свой плащ и уложил на камни. Нужно изучить обстановку. Видно, поспать этой ночью не удастся.

В десятке шагов Николас обнаружил остатки каменной кладки. Здесь тоже когда-то было поселение, но оставили его намного раньше, чем Хитеж, судя по разрушениям. Уже и не осталось почти ничего: ветра, снегопады, оползни и землетрясения сделали своё дело.

По ложбинке старинного водовода тёк ручей. Николас умылся и наполнил флягу. Оли надо напоить – так делал Эглаборг, когда лечил её.

Ни людей, ни зверей поблизости не наблюдалось, как и древесины, чтобы развести костёр и погреться. Начало примораживать. Николас вернулся к Оли и проверил её руки. Очень холодные, она зябла, опустошив внутренний резерв. Ещё заболит.

Николас лёг рядом, укутав их обоих в плащи поплотнее, и попытался согреть своим теплом. Не спал, не мог заснуть, прислушиваясь к рычанию ветра в скалах.

Как отсюда выбраться? Если Оли и восстановит резерв до того, как они погибнут от голода и холода, то ещё одно путешествие по пространственной воронке добьёт её окончательно.

– Что за телячьи нежности? Фу! – пихнула его в плечо ясновидица, когда проснулась.

Солнечные лучи расцветили горы в нежные золотисто-персиковые тона. Николас поднялся и огляделся вокруг. Они оказались в кольце немного ниже пояса льда. Внизу зеленела долина. Через неё протекала сверкающая речка, от небольших озёр шёл пар так же, как от источников Тепловодья. На противоположном конце в дымке просматривался большой город с высокими башнями и маковками куполов. Эхо доносило колокольный звон и хоровое пение. Кажется, до Хитежа рукой подать, как до пригрезившейся во сне мечты, но на самом деле он всё так же далёк, за чертой досягаемости.

– Мы в нескольких неделях пути от нашего лагеря, но перевалить через ледяное кольцо не сможем без припасов, тёплой одежды, снегоступов и верёвок. Удобного спуска вниз я тоже не нашёл. Разве что в этих руинах обнаружится потайной ход. Съедобного: растений, животных, даже ящериц со змеями здесь не видно. Если мы быстро что-нибудь не придумаем, нам придётся грызть камни. Какой у вас был план? – осведомился Николас.

– Я думала, мы окажемся посреди долины. Неужели моих сил не хватило? – Оли внимательно посмотрела на свои руки и пространство вокруг. – Это вы виноваты! Если бы вы меня не схватили, всё бы получилось!

– Если бы я вас не схватил, вы бы погибли, угодив в пропасть. Выпейте лучше, я нашёл воду, – Николас протянул ей свою флягу.

– Тоже мне лозоходец, – пробормотала Оли и отпила несколько глотков.

Пока она отдыхала, Николас обшарил руины уже при свете дня. Козья тропа здесь всё же имелась, одному можно было попробовать спуститься, но с ослабшей ясновидицей рисковать не стоило. Всё-таки любой груз на высоте весит гораздо больше.

Вскоре Николас вернулся. Оли растянулась на камнях, подложив плащ под голову, и смотрела, как ледники искрились в ярких лучах солнца.

– Красиво, будто драгоценные камни переливаются, – высказалась она на удивление умиротворённо. – И тени синие-синие, цвета ваших глаз.

Николас усмехнулся:

– Если вы любите снег.

– Очень! В Северном его выпадает так же много, как в Лапии, чистого, пушистого, искрящегося. А у вас?

– На Авалоре он шёл редко и всегда вгонял меня в тоску, как будто очень долго я не видел ничего, кроме снега, – задумчиво ответил Николас и устроился рядом с ней, подложив под голову ладони. – Интересно, кто здесь раньше жил? Древнее племя? Почему и куда они ушли?

– Может, это заброшенный город богов? – посмеиваясь, предположила Оли.

– Думаете, они были, как мы, просто более сильные, умные и одарённые? – хмыкнул Николас. – Нет, они жили в городе свечных башен и цветущего жасмина. Только не спрашивайте, откуда я это знаю.

Они повернулись друг к другу и долго смотрели глаза в глаза. У неё очаровательная улыбка, задорные ямочки на щеках, кошачий прищур узких век. Если бы ещё не вела себя так...

По коже прокрался холодок, на краю зрения вспыхнул блик сильной ауры, до слуха донёсся едва уловимый шорох. Враг притаился за каменными стенами, словно хищник в засаде.

– Здесь кто-то есть, – прошептала Оли. – Вдруг дракон? Один из последних...

– Хорошо бы, с ними можно договориться. Но это, к сожалению, не он.

Николас рывком подскочил. В него вперилась пара огромных рыжих глаз. Их обладатель был в холке ярда два, а длинной, пожалуй, все три. Тело покрывала голубовато-зелёная чешуя. Ноги длинные и кряжистые, как у боевого коня, с мохнатыми бабками, копыта раздвоенные. Вытянутую морду с козлиной бородкой венчали мощные, развёрнутые вперёд рога.

Не сводя с него взгляда, Николас потянул меч из ножен. Недовольно раздувая ноздри, зверь ударил копытом по скале и кинулся вперёд. Охотник едва успел отпрянуть. Зверь развернулся на задних ногах и снова пошёл в атаку. Клинок со звоном ударился о рога и отскочил, не оставив на них ни царапины.

Николас метнулся в сторону от направленных на него копыт. Оли тоже подскочила и выхватила собственный клинок. Блеснуло в лучах солнца тонкое изящное лезвие. Зачем? Она же не восстановилась!

Заметив её, зверь развернулся и отбил клинок рогами. Удивительно проворная туша! Не теряя времени, Николас рубанул по крупу. Клинок со звоном отскочил, будто врезался в камень.

Задние копыта устремились Николасу в лоб, но он успел закрыться ветрощитом. Из-за мощного удара Охотника отбросило на полдюжины шагов. Он упал на спину. Зверь оглянулся на него и засопел, раздувая огромные ноздри.

Оли бросилась на врага сбоку. Рукоять легко проворачивалась в её ладони, клинок наносил стремительные удары, но всё это выглядело так, будто лошадь пытались отхлестать травинкой. Однако зверь ощутил возню и перенаправил внимание на ясновидицу.

Оттолкнувшись от скалы ветроплавом, Охотник в один прыжок оказался у неприятеля на спине. Это так же просто, как укрощать болотного кельпи! Только жаль, что к чешуе нельзя приклеиться.

Зверь угрожающе затрубил и принялся извиваться, подпрыгивая на месте. Николас чуть

не соскользнул под копыта, но вовремя вцепился в шею.

Оли отступила, переводя дыхание, и сорвала с пояса флягу с кампалой.

– Нет! – закричал Николас, хватаясь за скользкую чешую.

– Нужно узнать его уязвимое место, – ответила Оли и глотнула.

Зверь опрокинулся на спину. Николас едва успел откатиться, чтобы не оказаться раздавленным.

Оли ринулась к ним, целясь по открывшемуся светлому брюху. Зверь с молниеносной скоростью вскочил на ноги и пырнул её рогами в живот прежде, чем она успела перегруппироваться для защиты. На камень закапала кровь. Оли упала, схватившись за раненый бок.

Николас выскочил перед мордой зверя, закрывая ясновидицу собой. Тот настороженно принялся. Его отвлёк запах то ли крови, то ли потной рубашки Николаса. Рыжие глаза непонимающе моргали, а ноздри раздувались всё шире. Он напоминал нашкодившего пса, цапнувшего хозяина в запале игры.

– Пошёл вон! – гаркнул Николас.

Зверь поджал куцую кисточку хвоста, понурил голову и помчался прочь, громко цокая копытами.

Николас встряхнулся, приходя в себя, и подбежал к Оли. Она лежала на спине и зажимала ладонями рану на животе.

– Флягу! – прохрипела ясновидица.

Та валялась в шаге от них. Николас подхватил её и вылил содержимое на землю.

– Зачем?! Это бы облегчило мою смерть, – захныкала Оли.

– Сегодня смерти не будет, – отрезал Николас.

Она отняла руки от живота. Охотник убрал лоскуты ткани и промыл рану водой из собственной фляги. Выглядело не так страшно: по крайней мере, кишки не вываливались, правда, крови было много. Риана говорила, что её останавливают листьями подорожника, настоем корней кровохлёбки или соком медуницы.

– Зверь отступил, когда учуял твою кровь. Значит, боги признали тебя достойной. Тебя пустят в Долину и поведают все секреты. Ты сможешь отомстить, только выживи, – говорил Николас, укладывая Оли головой на свой скатанный в валик плащ.

Отыскав чистое место на своей рубашке, Охотник вырвал оттуда большой лоскут и приложил его к ране.

– Смешной, – Оли лихорадочно хохотнула. – Тебе так нравится преуменьшать свои заслуги и перекладывать их на других. Зверь учуял тебя, ты достоин.

Она ошибалась, но Николас не стал спорить.

– Лежи тут. Я спущусь по склону, может, там отыщется что-нибудь, чтобы остановить кровь. Если зверь тебя признал, то больше не тронет.

– Как будто я могу уйти, – пробормотала Оли и прикрыла веки.

Николас помчался к козьей тропе и полез вниз, прижимаясь к скале. Ветроплав помогал не терять равновесие и двигаться быстро. В нескольких десятках ярдах от руин на солнечной стороне появились первые чахлые растения. Среди них нашлись неприхотливый подорожник и стелящаяся ковром трава-мурава. Николас напихал их себе за пазуху и поспешил обратно. Даже если зверь не нападёт, времени в обрез. Эглаборг бы справился с раной за четверть часа, но Охотник хорошо умел только убивать.

На плато царила гнетущая тишина, замолк даже ветер. Как ярко сияет эта мощная аура!

Зверь, он же приближается к Оли!

Охотник выхватил меч и побежал, крича во всю глотку. Нужно отвлечь хищника во что бы то ни стало.

Но тот уже улёгся рядом с Оли, убрал носом лоскут и принялся вылизывать рану широким розовым языком. Ясновидица не шевелилась: то ли притворялась мёртвой, то ли лишилась чувств.

Нет, пока жив, Николас её не отдаст! Он взмахнул мечом над головой зверя и остановил лезвие у самой его шеи. Противник скосил на него взгляд и прижал острые уши.

– Опустит оружие, я пришёл с миром, – высоким голосом сказал зверь.

И правда, кровотечение останавливалось. Зверь снова припал к ране, глядя языком, пока не появилась чёрная корка. Вскоре она начала ссыхаться, кусочки по краям – крошиться и отваливаться, а потом появилась и здоровая розовая кожа.

– Зачем ты её ранил, а теперь лечишь? – спросил Николас, не опуская меч.

– Я Цильинь, слуга Западного ветра. Моё дело – защищать Долину Агарты от пришельцев.

– Западный ветер – самый скверный из всех. Он сеет бури и ураганы. А она – дочь маршала Оленина, который привёл сюда хитежан.

Цильинь снова обнюхал и обсмотрел его с головы до ног.

– Урождённое имя маршала – Буранбай-хан, сын Старого Хитежа, – ответил, наконец, зверь. – Я дряхлею и теряю нюх, вот и не признал его кровь. А как твоё урождённое имя? Назовёшь его, и я перенесу вас в Долину.

Охотник сглотнул. За полтора года он настолько привык остерегаться, что сейчас приходилось преодолевать себя. Но если это поможет Оли...

– Николас Комри.

Зверь повернул голову и посмотрел на него в упор:

– Это не твоё урождённое имя, но раз твои заблуждения искренни, залезай мне на спину. Я доставлю вас к хозяйке Долины, она решит вашу участь.

– С Оли ведь ничего не случится? – Николас бережно приподнял её, вглядываясь в безмятежное во сне лицо.

Черты восточных и западных народов причудливо совмещались в ней. Большой рот и высокие скулы при маленьком носике, тонком подбородке и глубоко посаженных глазах, она была красива настолько, что хотелось запечатлеть её на бумаге. Живую.

– Хозяйка решит.

Цильинь припал к земле, позволяя Николасу вскарабкаться на спину с драгоценной ношей.

Зверь осторожно поднялся и мощными скачками помчался вниз по склону. Николас кутал себя вместе с Оли ветрококоном, обвязывая его голубыми нитями вокруг живота Цильиня, чтобы не упасть от тряски. Хорошо, что в горах дышалось так легко, и силы восстанавливались мгновенно. Лишь бы таинственная хозяйка приняла гостей.

===== Глава 18. Долина Белой птицы =====

1564-1565 гг. от заселения Мунгарда, Веломовия, Снежные горы, Долина Агарты

После пыльной и засушливой Сайберы, эта земля казалась чудесной сказкой. Повсюду пыльным ковром цвели полевые цветы. Ласково журчали ручейки. От тёплых источников до неба поднимался пар. Соловьи на ветвях карликовых вишен выводили мелодичные трели.

Цильинь остановился у белой юрты на входе в Долину и снова лёг на землю. Николас

аккуратно спустил Оли и слез сам.

Расшитый красными нитями войлочный полог отодвинулся, и на порог вышла высокая, стройная старуха с горделивой осанкой властительницы. На ней был украшенный серебряными птицами белый халат, подпоясанный кушаком из голубого щёлка. Распущенные седые волосы, как у вдов Сумеречников, прятались под белым платком. Рукой старуха опиралась на резной посох, казавшийся сплетённым из тонких ольховых прутьев.

– Ты привёл Буранбая? – спросила она тихим певучим голосом, непохожим на старушечий.

– Простите, он больше не придёт, – ответил Николас.

Старуха судорожно выдохнула и повернула к нему голову. Взгляд пустой, глаза блёклые – она давно ослепла от прожитых лет или от пролитых слёз, кто знает? Тонкие губы подрагивали, пальцы крепко сжимали посох, на лице отражалась мука. Интересно, какие отношениях связывали её с маршалом Лениным, раз она так сильно скорбит по нему?

– Этот голос... – заговорила старуха ломко и подалась вперёд.

Она обхватила лицо Николаса. Пальцы с длинными белыми ногтями, похожими на загнутые птичьи когти, щупали его щёки.

– Мой мальчик, это ты? – она задышалась всхлипываниями и дрожала. – Я ждала тебя все эти годы, я верила, что однажды ты вернёшься.

К горлу подступил сухой комок, стало неловко. Так Николаса должна была встречать мама. Мама, которую он почти не вспоминал за это долгое путешествие.

– Госпожа Умай, Белая Птица, Властительница небесного сердца, он пахнет небом и ветром, но он – человек, – подал голос Цильинь.

Старуха будто не слышала, продолжая щупать лицо Охотника и блаженно улыбаться сквозь застывшие в глазах слёзы.

– Простите, вы обознались, я не ваш сын.

Николас опустился на колени и прикоснулся ладонями к её ногам, обутом в войлочные сапожки с загнутыми носами. Она гладила его по волосам, закапываясь пальцами в пряди. Он не мог вырваться, словно вяз в паутине, напоённый сонным ядом.

– Да, наверное... – пробормотала старуха спустя мучительное мгновение и отступила на шаг.

Николас поднялся, пытаясь прийти в себя. Так это и есть таинственные боги, что охраняли Долину? Белая Птица Умай, матери и жёны молились ей о возвращение мужчин домой. Неужели все сказки – правда? И ощущения такие... Цильинь ведь очень сильный дух, в его близи аж кожа горит, а старуха... Одно прикосновение, и Николас застывал, не в силах сопротивляться, не из-за страха, хотя бояться такой силы было не зазорно, а из-за гнетущей тоски. Словно он должен был сказать что-то, сделать, но это что-то от него ускользало.

Оли!

– Это дочь Буранбая. Ей нужна помощь, – спохватился Николас и поднял девушку с земли.

– Всё, что пожелаешь, – Умай поманила его за собой в юрту. – Отдыхай, Цильинь, на сегодня твоя служба окончена.

Зверь свернулся клубком у входа, словно огромный чешуйчатый кот.

Внутри юрты чадил очаг, кипела вода в котле, и царил прохладный полумрак. Николас положил Оли на укрытый пёстрым ковром топчан. Умай забросила в котёл сушёных трав, что пучками свисали с потолка юрты, добавила пару щепоток порошка из горшочков на

полках. От варева пошёл дурманый запах.

– Садись напротив двери, – Умай указала на почётное место за очагом в окружении сундуков и одеял.

Глаза её были слепы, но внутри своего жилища она знала расположение каждой вещи и двигалась с такой уверенностью, словно могла видеть.

В одну руку Умай взяла кружку с варевом и стала окуривать Оли паром. Другой рукой она трясла погремушкой, напевая так гортанно, что её голос звенел в ушах.

– Кампальное зелье, дурманное зелье, разум затмило и дух отравило. Матушка Умай кампалу повыведет, дурман из духа повыгонит.

Старуха перешла на незнакомое наречье. Николас опустился на ковёр. Рядом на большом блюде лежали коричневые шарики, обсыпанные кунжутом. Пахло сладкими пряностями, и живот болезненно стягивался, напоминая, что со вчерашнего дня Николас ничего не ел.

– Угостись, – предложила Умай, словно поняла, насколько он голоден.

Охотник взял шарик и опасливо откусил, вспомнив, какой гадостью его потчевал Губчатый капитан Эльма. Но это лакомство было божественным: таяло во рту, взрываясь вкусами кардамона, шафрана, корицы и других пряностей, названия которых он не знал. Николас не заметил, как умял с полдюжины.

– Ешь, ешь, милый мальчик, всё для тебя. Это ладу, мои сыновья их очень любили, – отозвалась Умай прежде, чем он успел спросить.

– А какими они были, ваши сыновья? Что с ними стало?

– Братья-Ветры, могучие Всадники Зари, они ушли на войну с Предвечным Мраком. Но когда-нибудь они вернутся, все четверо, я знаю.

Николас неловко повёл плечами.

– А ваш муж?

– Небесный Повелитель, главный среди Стихий. Нет, он не вернётся, но когда-нибудь я отправлюсь следом за ним. Когда дождусь сыновей.

– А что такое этот Предвечный Мрак? Я видел его Предвестников с разноцветными глазами и бездонными пастями. К их сердцам присасывался чёрный спрут и управлял их волей.

– Да, это всё он. Древнейший враг. Он пришёл сюда следом за Повелителями Стихий. Тоже мечтал обрести свои владения и реальное воплощение, но не хотел ничего делать, хотя ему предлагали работать вместе с остальными богами. Он только завидовал чужим богатствам и жаждал их отобрать. Чёрными тенями он носился по земле, пожирая тех, кто был слаб душой, а сильных заражал своими осколками и делал из них Предвестников. Единственное, чего боялся Мрак, это мечи из звёздного металла, которые ковал мой муж в Небесной кузне.

Звёздные мечи? Тот голубой клинок Предвестника, точно! Именно он победил Мрак в Вольтцах. Только жаль, что от чудесного оружия ничего не осталось.

– Мрак создал Червоточину и привёл по ней демонов в надежде, что они станут ему союзниками, но не все из пришельцев встали на его сторону, – продолжила рассказ Умай. – Мой муж и его соратники наделили людей своими силами, чтобы те помогли им. Тогда в Войне богов погиб целый континент.

– Гундигард? – удивлённо моргнул Николас.

Самое невероятное объяснение из всех!

– Да. Мой муж запечатал Мрак ценой своей жизни. Жалкая горстка Предвестников разбрелась по миру в поисках личной выгоды. Люди смогли жить спокойно в северном Мунгарде. Но ничто не вечно. Когда власть Стихий над миром ослабла, Мрак сломал печати и вырвался наружу.

– Предвестники захватили власть?

Умай кивнула.

– Буранбай, сын Старого Хитежа, был обучен нашему языку, языку сердца и души. Когда он обратился за помощью, я не смогла отказать. В память о моём муже мы с Цильбином укрыли его гонимый Мраком народ в нашей Долине.

– Но меня этому языку не обучали, так почему...

– Ты говорил на нём всегда.

Николас отвернулся. Он будто жил в чужом доме, носил чужую одежду и ел чужую пищу. Как чудовищный зуд, хотелось забыть, не расчёсывать руки до крови, а не получалось. Саднило с новой силой каждый раз, когда он слышал исполненный тоски голос Белой Птицы. Нет, нужно вспомнить, нужно удержать себя в здравом рассудке!

– Я прохожу испытание Сумеречников. Вельва сказала, что в Долине я должен отыскать себя.

– А, Сумеречники. Солдатики моего младшего мальчика, он очень их любил, – усмехнулась Умай. – Я подумаю, как тебе помочь, а пока выпей отвара и ложись спать. С дочкой Буранбая я не скоро закончу. Ух, и сильно она себя отравила, не только кампалой, но отчаянием, что убивает душу не хуже яда.

Верить никому не стоило, ни людям, ни уж тем более тем, кто ими не являлся. Но одного взгляда слепых глаз Умай было достаточно, чтобы он повиновался настолько безропотно, как не повиновался даже родителям.

Николас зачерпнул из котла чашку отвара, выпил, снял порванную одежду и нырнул под тёплые одеяла. Сон, сладкий, как ладу, захватил без остатка.

Утром Охотника разбудили мягким прикосновением к плечу. Оли стояла над ним и улыбалась удивительно мягко. На ней был красный халат с пёстрыми вставками, украшенный на груди, по подолу и рукавам ракушками и деревянными бусинами. На голове круглая фетровая шапочка, расшитая золотыми узорами. Совсем как у коренной сайберки.

Она протянула ему миску разваренного на молоке риса с изюмом и орехами.

– Поднимайся. Ты проспал три дня. Матушка Умай сказала, что ты был настолько истощён, что нуждался в отдыхе и лечении не меньше меня.

Николас подскочил рывком, даже голова закружилась. Умай прятала шерсть на восточной половине юрты. Ощувив его взгляд, она повернулась и улыбнулась так, что всякое возмущение пропало.

– Слабым женщинам иногда нужно пользоваться хитростью, чтобы справляться с мужским упрямством.

Николас взял миску и принялся завтракать. Блюдо легко проскальзывало в горло, как нежный пряный пудинг. Николас не мог остановиться, пока не очистил всю миску, и только тогда почувствовал, что сыт.

– Я иду в Хитеж, – подседа к нему Оли. – Матушка Умай сказала, что там я пройду испытание, как Сумеречник, и узнаю про своё наследие. Тогда обрету силу и мудрость, чтобы противостоять Мраку.

– Мне казалось, что одолеть его можно лишь звёздным клинком, – Николас снова обернулся к Умай, но та лишь грустно улыбнулась.

– Он не по её руке. Но если каждый зажжёт в своём сердце свечу и будет бороться, то мои сыновья победят, и Мрак убоится света. Теперь я в этом уверена.

Братья-Ветры, Всадники Зари, ну да. Только не уничтожат ли они в этой борьбе ещё и Мунгард? Тогда людям бежать будет некуда.

– Пойдём со мной в Хитеж, неверующий! – Оли потянула его за руку. – Я покажу тебе праведных людей, и тогда ты поймёшь...

– Нет, – властно оборвала её Умай. – Его место не там. Его ждут в заброшенном храме Куала Джутти на другой стороне Долины. Рядом есть озеро, в котором растут сиреневые лотосы. Собери их и преподнеси тому богу, которому сам захочешь, и он покажет тебе то, что ты ищешь. Это и есть конец твоего испытания.

Посмотреть на праведных людей Хитежа ему хотелось гораздо больше, но нарушать правила в шаге от заветной цели точно не стоило.

– Знаете, какая завтра дата? – улыбаясь, сказал он.

– Новый год? Канун Мардунтайда? – смутилась Оли.

– Мой шестнадцатый день рождения, совершеннолетие, – ответил Николас. Как хорошо, что до Рифейских гор Неистовый гон не докатывался. Первую неделю Мардуна в своей жизни он проводил спокойно. – Быть может, это знак к удаче? В храме я обрету могущество и мудрость?

– После ничто уже не будет прежним. Это точно, – сказала Умай, вручая ему мужской халат, чёрный с синими узорами.

Смеясь, она заплела волосы Николаса в церемониальный пучок на затылке:

– Такие причёски носил ещё мой муж в память о своей далёкой и неведомой даже мне родине.

Значит, Сумеречники переняли геллерку от Стихий.

– Ступайте! Цильинь тебя проводит, – сказала на прощание Умай.

На пороге юрты Николас расстался с Оли и подошёл к растянувшемуся на солнечной лужайке зверю. Тот приподнял голову и приоткрыл один глаз.

– Садись! – услужливо перекатился на брюхо Цильинь и подставил спину.

По его мощной ноге Николас забрался наверх и вцепился в чешую. Зверь понёсся по цветущим лугам, не задевая высоких трав, не нарушая безмятежную тишину раннего утра.

Они остановились на берегу озера с зелёной водой. У самого берега посреди больших круглых листьев росли роскошные сиреневые цветы, похожие на большие лилии.

– Лотос рождается в мутной болотной воде, но появляется на свет незапятнанным и чистым, – процитировал мудрое изречение Цильинь. – Так и к нам, где и кем бы мы рождены ни были, что бы с нами ни происходило, грязь липнуть не должна.

Николас заправил полы халата за широкий кушак, чтобы не запачкаться, и принялся собирать цветы, осторожно ступая по илистому дну. Набрав охапку, он последовал за Цильинем к противоположной от юрты стороне долины.

Там и находился заброшенный храм Куала Джутти – большое строение с покатой закруглённой крышей зелёного цвета. Ступенчатый вход сторожили молчаливые каменные химеры и следили за посетителями хмурыми взглядами. Николас открыл створки дверей, украшенных вьющимся позолоченным орнаментом. Пахло затхлостью, видно, в помещение никто не входил уже много лет. Внутри царил полумрак, свет с трудом проникал

сквозь узкие окна. Тускло сверкали драгоценные камни в покрытых паутиной барельефах. Гулким эхом отдавались шаги, на пыльном полу оставались следы.

У стен в отделённых колоннами нишах стояли статуи богов. Располагались они в таком же порядке, как и символы на камнях Госкенхенджа. Лица и позы выглядели удивительно живыми. Николас угадывал в них черты своих знакомых: вон та дочь Повелительницы Огня, готовящая стрелять из лука, точь-в-точь вспыльчивая, боевая Оли; вон тот добряк Повелитель Вод, уже в возрасте, похож на Эглаборга. А у дальней стены напротив входа – Небесный Повелитель.

Слева от него, взявшись за руки, шли хороводом четверо Братьев-Ветров. Высокий мальчишка с руной «кеназ» во лбу и тотемом сокола на груди напоминал Эдварда заносчивым взглядом. Вот-вот начнёт упрекать Николаса в том, какой он непослушный и сколько неприятностей всем доставляет.

У самого меньшего лицо было пустым, словно его сбили, и даже руны на лбу затёрли царапинами, остался только тотем – кот. Разве этот дохляк, совсем как Николас в детстве, может быть непобедимым основателем ордена Сумеречников? Самим Безликим? О, нет!

Николасу гораздо больше приглянулся старший брат – обозначенный руной «альгиз» крупный мальчик со взрослым рассудительным взглядом. Ворон, который много лет защищал Николаса от Неистового гона в неделю Мардуна. Надёжный и сильный, с таким даже против Мрака – не страшно.

Разглядывая четвёртого, Николас замер. Вид подкупал добротой, на губах лучилась радушная улыбка, изображение совы на груди выглядело милым в своём безмятежном сне. Только в уголках глаз мальчика таилось что-то тревожное. Тоска ли это? Затаённое одиночество среди таких ярких братьев? Ожидание? Очень хотелось протянуть ему руку и помочь, сказать, ты не один, я с тобой, что бы ни происходило.

Испытание, не испытание... Николаса же учили прислушиваться к сердцу, к чутью. Он положил цветок к ступням мальчика и поднял взгляд на его лицо. «Турисаз», тёрн – было обозначено на лбу. Статуя словно дёрнула краем рта, ухмыляясь.

С другой стороны стояла Умай. Её изображали красивой женщиной в цвете лет с пышными крыльями за спиной, на её губах застыла добрая улыбка. В благодарность за помощь нужно отдать все цветы ей. Это было справедливо по отношению к матери, которую оставили все её близкие на долгие века.

Взгляд упал на Небесного Повелителя в центре. Николас подался вперёд, как заворожённый. Если в других статуях сходство было едва уловимое, скорее надуманное, то эта казалась вылепленной с отца. Тревожная морщинка между глаз знакома с детства. Взгляд такой печальный и усталый, словно его обладатель держал в себе слишком многое и не позволял никому разделить свою ношу.

Это волшебство храма заставляло чувствовать себя ближе к небожителям, одним из них? Как будто встречал, разговаривал, просил не кого-то далёкого и непонятного, а своих родных.

Николас положил все оставшиеся цветы к ногам Небесного Повелителя и ещё раз заглянул в лицо, представляя отца из плоти и крови.

– Послушай... Нам всегда было очень трудно... разговаривать. Но сейчас я очень хочу... хочу попросить прощения за то, как мы расстались. Я преодолел весь Мунгард и добрался до Долины Агарти. Я сражался с демонами один на один и даже встретился с Мраком. Но я до сих пор жив! Теперь я понимаю, ты не считал меня слабаком, а хотел защитить. Хотя

защищать должен я. Я Сумеречник, буду им, когда вернусь. Разыщу звёздный меч и разгоню Мрак хотя бы над нашим домом. На это моих сил точно хватит!

Статуя начала чернеть и отдаляться. Будто в детском кошмаре, Николас бежал за отцом по мёртвым улицам древнего города. Только на этот раз не для того, чтобы прятаться, а чтобы защитить дорогих людей. Пускай даже только дедовским мечом и своей верой. Как там Умай сказала? Я зажигаю в сердце свечу! Я буду бороться, буду, чтобы они жили!

До отца оставалось всего два шага, но его налитая чернотой статуя брызнула в стороны осколками. Шипящими змеями они ползли к Николасу. Чернота обматывалась коконом и душила проклятием нежеланного ребёнка – печатью мар. В ушах отдавалось: «Подкидьши ты, несчастья следуют за тобой по пятам и губят всех, кто находится рядом. Сдайся, умри – только так ты сможешь хоть кого-то спасти».

Его будто топили во Мраке, как котёнка или щенка топят в реке. Он барахтался и захлёбывался, но вырваться не удавалось.

Всё закончилось так же неожиданно, как началось. Мрак исчез. Николас уткнулся носом в траву, судорожно плотая ртом воздух. Придя в себя, он сел и ошалело огляделся вокруг. Это же усадьба в Озёрном крае! Как он здесь очутился?

Закатывалось солнце, был уже поздний вечер. Сапоги безжалостно вытаптывали лужайки, реяли на ветру голубые плащи, кричали Джаспер и Эмма.

Из-за дома выскочил Эдвард с мечом наперевес. Бледный, как полотно, он бросился на нападавших, но замер в шаге от них, оплетённый по рукам и ногам голубыми мысленитями. Разноглазый Предвестник подошёл к нему вальяжно, ухмыльнулся злорадно и, перехватив свой клинок двумя руками, проткнул Эдварду грудь насквозь. Из рта брата потекла кровь. Он медленно оседал на землю.

Выйдя из ступора, Николас подскочил и выхватил из ножен оружие, но брат уже распластался на земле мёртвым.

Лучезарные волокли на улицу сопротивлявшихся мать и Лизи. Надо защитить хотя бы их, защитить во что бы то ни стало!

Охотник раскрутил клинок вокруг себя, пытаясь поразить как можно больше врагов, но лезвие проходило сквозь них. Николаса даже не замечали, словно он стал незримым призраком.

На пороге показался отец с перекошенным лицом. В спину его толкал лорд Веломри в непревзойдённо белом. Остриё его меча упиралось между лопатками отца.

– Шевелись быстрее! – гаркнул Белый Палач, направляя пленника к жене и дочери.

Лучезарные заломили им руки за спины и прижали к горлам ножи. Лизи плакала, мама стискивала губы, с отчаянием глядя на отца. Николас ничего, совсем ничего не мог сделать!

– Говори, где он?! – выкрикнул лорд Веломри, поставив пленника лицом к женщинам. – Если хочешь, чтобы их смерть была быстрой, говори, где твой выродок! Тот, у которого глаза Утреннего Всадника.

– Далеко! Ты никогда его не получишь! – с ненавистью выплюнул отец.

Что ты делаешь?! Скажи ему, скажи, если это спасёт хоть Лизи с мамой!

– Что ж, во всём, что с нами происходит, виноваты только мы сами, – рассмеялся Белый Палач. – Действуйте!

Лучезарные ударили одновременно. Хрупкая Лизи как мотылёк взмахнула руками и опала. Мама продолжала бороться, даже рухнув на землю, кровь пенилась и заливала её белое платье.

– Ты знаешь, что твой недоносок уже здесь? – Белый Палач развернул отца лицом к Николасу. Разноцветные глаза разглядывали его с шальной улыбкой. – Ты кормил меня своими милостями, ты вливал мне в уши яд, я целовал твои запятнанные кровью руки. А ведь ты с самого начала знал, с самого начала предал меня и обрёл на эти муки. Скажи, ты этого хотел?

Почему он говорил так, будто видел здесь деда?

Николас встал на колени, щёки горели от слёз:

– Если... если вы слышите меня, молю, пощадите моего отца! Я готов сдаться. Я сознаюсь во всём, в чём меня обвинят, и с развязанными руками взойду на костёр, как мой дед. Не убивайте его, пожалуйста, не убивайте! Он ни в чём не виноват!

Охотник протянул к Палачу дрожащие руки, но тот лишь безжалостно оскалился. Сильные ладони обхватили голову отца и дёрнули набок, шея с хрустом переломилась. Безвольной грудой он упал к ногам Николаса.

– Теперь ты – последний лорд Комри. Тебе так же больно, как мне? – лорд Веломри протянул руку и их пальцы почти соприкоснулись. – Во всём, что с нами происходит, виноваты только мы сами, правда ведь? Не надейся уйти так же легко, как твой предшественник. Мучиться ты будешь долго.

Белый Палач повернулся к Лучезарным:

– Поджигайте!

Те приложили горящие факелы к ведшей от дома мокрой дорожке. Огонь вспыхнул и побежал к постройке прожорливой волной.

Николас взревел и бросился на Палача, молотя его мечом и ветроплавом одновременно, но ни один удар не достигал цели.

– Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!!!

Охотник кричал и бился ещё яростней, желая разорвать злобную тварь на ошметки. Лорд Веломри лишь хохотал, хохотал всё громче и безумнее, заглушая все остальные звуки.

Из тел отца, Лизи и Эдварда вырвались шары белого света и ударили Николаса в грудь. Он замер, оглушённый болью, вглядываясь в своё отражение в глазах Палача.

Такая ли большая между ними разница?

Николас рухнул в онемелом бессилии, прижал к себе колени и, обхватив их руками, спрятал лицо. Плечи дрожали от всхлипываний, щёки горели так, словно по ним прошлись точильным камнем, стучали зубы. Пустота из снов обволакивала стылým туманом. Ни одной мысли не пробегало в голове, не получалось даже шелохнуться, словно его намертво сковало параличом. Даже выдохнуть боль вместе с криком не выходило.

Что он здесь делает? Какой смысл был отправляться на край света, если дома больше нет? Лизи так и не дождалась его возвращения. А ведь он сделал для неё столько рисунков, целый альбом. И отец, так много хотелось ему сказать, показать, каким сильным он стал. К чему теперь этот глупый титул Сумеречника? Ведь Николас даже не сможет похвастаться им перед Эдвардом. Мама уже никогда не приготовит его любимый пирог с яблоками. Полтора года Николас ждал, когда испытание закончится и он вернётся домой. Но теперь от дома остались лишь головешки.

– Вставай! Я помогу тебе, – послышался чей-то голос. Николаса пихнули в бок босой ногой. – Только не хнычь, как девчонка. Противно смотреть!

Его приподняли за ворот халата и хорошенько встряхнули. Как же тяжело не смотреть вдаль на десять тысяч ярдов, а сосредоточиться на лице пришельца! Оно оказалось закрыто

белой маской с тремя красными царапинами как от когтей. Это же тот спящий незнакомец из видения в Волинцах!

Охотник вырвался и шарахнулся в сторону. Незнакомец был высокий, из прорезей мешковатого одеяния выглядывали натренированные жилистые руки, чёрные волосы собраны в пучок на затылке, горели зимней синевой глаза в прорезях маски.

– Что под ней? – настороженно спросил Николас.

– Хочешь её снять?

Охотник потянулся к маске пальцами. А если там зубастая пасть бездны, как у Предвестников? Или что-то ещё более жуткое? Он опустил руку. Чутьё подсказывало, не каждое знание – на пользу.

– А вот Белый Палач не побоялся её сорвать, когда его поглощал Мрак. Знаешь, что он пожелал? Увидеть моё лицо. В этом и кроется всё его могущество.

Сомнительное удовольствие, раз никакого успокоения оно лорду Веломри не принесло. Он мучился, даже когда убивал и заходился безумным хохотом.

– Так что же ты за страшное создание такое? – Николас скрестил руки на груди и свесил голову набок, внимательно его разглядывая.

– Духи зовут меня Западным Ветром, матушка Умай – сыном, а люди – Безликим. Но ты волен дать мне любое имя, какое захочется. Я расскажу тебе свою историю, и быть может, ты поймёшь, как жить дальше.

Легендарный основатель ордена Сумеречников? Значит, он и правда бог? Почему он здесь? Придётся всё же послушать его: сбежать из этой пустоты не получится, прогнать Безликого – тоже. Меч пропал бесследно, как и ощущение дара в груди.

– Я младший сын Небесного Повелителя. Жил вместе с родителями и тремя Братьями-Ветрами в Благословенном граде на Девятых небесах. Кусок тверди, парящий в облаках, там всегда было ясное небо, цвели жасмин, яблони и вишня. Свечные башни верхушками уносились в космические дали. Танцевали на площадях вокруг фонтанов прекрасные апсары в одеждах из цветного шёлка. Не было в мире места прекраснее. Но мне всегда хотелось большего.

С утренней зарёй мы с братьями спускались на землю и защищали людей от демонов до зари вечерней. Одну деревушку я спасти не успел, потому что демоны напали ночью. На самом деле таких разорённых поселений было великое множество, но запомнилась именно эта. Там, посреди пепелищ и гор трупов я нашёл девочку. Мрак не успел пожрать её душу, но почти убил тело. Мне так хотелось её спасти, что я поделился с ней частичкой своей божественной сущности. Тогда я ещё не знал, но это изменило мою судьбу и судьбу всего мира.

Николас удивлённо распахнул глаза. Ведь он видел всё это в своих снах! В них он был на месте Безликого.

– Девочка следовала за мной повсюду. Она показала мне, что можно жить иначе, свободно, стремиться к новому и неизведанному, а не ходить по проторённым родителями тропам. Я понял, что люблю и не могу её бросить, как любил и не мог бросить всех людей. Я отринул божественную благодать и покинул Благословенный град, чтобы жить среди них и защищать ночью. Я объединил племена Сумеречников в орден и повёл их отвоёвывать северный Мунгард у демонов, чтобы люди переселились туда из гиблого Гундигарда.

– А потом ты встретил демона, которого не смог одолеть, и погиб. Я всё это знаю! – оборвал его Николас.

– Какой же ты несносный! погоди, я подхожу к сути, – посетовал Безликий. – Тот демон... это был Мрак помноженный на безумие. Он прокрался в мою семью, пока меня не было рядом. Нет, даже не пока, а потому что я бросил их. Повелитель Мрака погубил моих братьев, но один из них успел предупредить меня об опасности. Я сразился с Мраком и победил, потому что перестал быть богом. Я заточил Повелителя в темницу глубоко в земном чреве, но и сам получил смертельную рану. Меня мучила вина за гибель родных, и я желал смерти как избавления, но мой отец распорядился иначе. Он передал мне свою силу и погрузил в сон, а сам растворился в космических просторах.

– Да-да, и ты должен был спать на краю света до конца времён, – помахал на него рукой Николас, устав от заунывного рассказа.

Безликий... Это слишком невероятно, чтобы быть правдой! Вдруг этот незнакомец на самом деле демон? Можно ли ему верить?

– Предвестники захватили власть, орден Сумеречников пал, Мрак занимает храмы старых богов и провозглашает себя вождём в светлое будущее, брат поднимает оружие на брата. Конец времён, ведь хуже уже некуда. Не согласен? Всё в мире находится в равновесии. Раз Мрак набрал силу, то и я проснулся, чтобы бороться с ним.

– Хорошо! Но причём здесь я? – сдался Николас.

– Твой далёкий предок был моей правой рукой при основании ордена. За это я наградил твой род особым даром.

– Ветроплавом? – нахмурился Охотник.

– Нет. Тем, который дарят земле дождь и ветер каждую весну. Смекаешь?

Николас беззвучно шевелил губами. Разгадка этой головоломки вертелась на языке, но казалась слишком бредовой, чтобы её озвучить.

Безликий продолжил:

– Духи и боги чувствуют в тебе этот дар, поэтому и принимают за меня. Как последний выходец из своего рода ты был связан со мной с рождения. Твоя миссия – отыскать меня и возвести на Небесный престол. Только тогда мир будет спасён от Мрака.

– А как же моя семья?

– Всё, что я вам дал, мне придётся забрать, – Безликий развёл руками с сожалением. – Иначе не получится, прости.

Всё может оказаться сном. Даже гибель отца. Когда Николас проснётся, то доберётся до ближайшей Голубиной станции и выяснит, что родные живы и счастливы. Случившееся покажется временным помешательством или не временным, но главное, чтобы они жили!

– В глубине души ты прекрасно знаешь, что я говорю правду, – сказал бог так, словно прочитал его мысли.

– Получается, то зло, которое видит во мне Белый Палач – это ты, а не дед? – собрался с мыслями Николас.

– Я убил его жену, – кивнул Безликий.

Но лесник Гед говорил, что её убили Предвестники, а Белый Палач обвинял деда. Николас достал из-за пазухи серебряный медальон и распахнул его. Какое у госпожи Веломри одухотворённое лицо!

– Она была настолько плоха?

– Наоборот, я не встречал женщины более благородной и самоотверженной. Она отдала свою жизнь, чтобы я проснулся. Так что постарайся её не подводить.

Николас защёлкнул медальон и спрятал обратно. Сплошные загадки и никаких ответов.

– А что насчёт их внучки Герды? Она так похожа на вилию из твоих воспоминаний. Что в ней за сила? Почему лорд Веломри сказал, что она нужна не ему, а мне?

– Её единственная сила – те чувства, которые она пробуждает в твоём сердце. Ну же, подумай хоть немножко, что ты к ней чувствуешь.

– Я... Я бы хотел защитить её, чтобы она не стала чудовищем, как её дед.

– После казни своего отца тебе захотелось защитить внучку его палача?

– Быть может, я плохой сын, но такая участь куда страшнее смерти. Дети не должны отвечать за грехи предков, ни я, ни уж тем более она.

Без предупреждения Безликий вонзил ладонь в грудь Николас и вырвал оттуда светящийся шар. Охотник согнулся пополам от боли. Дышать! Дышать!

Шар обрёл очертания рыжего кота. Белая морда походила на маску, а в глазах отражалась синева неба, как у Безликого. Кот взмахнул хвостом и растворился в огненном вихре.

– Он приглядит за ней, пока ты её не заберёшь.

– Не забери! – выкрикнул Николас, когда боль отпустила. – Пускай она проживёт долгую счастливую жизнь как можно дальше от меня, от горя, от Мрака и войны. Ради этого, ради всех живых я готов помочь тебе. Что я должен сделать?

– У каждого героя должны быть три вещи: меч – источник силы, конь – источник скорости, книга – источник мудрости. Ещё нужны братья, чтобы защищать и помогать, но они найдут тебя сами, хочешь ты того или нет. Так что поезжай на Острова Алого Восхода. В Храме Ветров ты отыщешь звёздный клинок, которого боится Мрак.

Хоть одна хорошая новость! Николас сжал кулаки. Лучше злиться, чем поддаваться отчаянию. Если все легенды правдивы, то Безликий – слабак, который ни одно дело не сумел довести до конца. Не уничтожил Мрак, а всего-навсего заточил на время. Не убил владыку Аруина, а только разозлил, и вот уже полторы тысячи лет люди живут страхе перед его мезтью. Довёл до бешенства лорда Веломри, из-за чего тот погубил семью Николаса. Нет, полагаться на такого бога нельзя. Но если в его словах есть хоть доля истины, то с помощью звёздного клинка с Мраком можно справиться и без него.

– Не надейся от меня избавиться. Я знаю каждую твою шальную мыслишку ещё до того, как ты успеваешь её подумать. Отныне и навсегда мы с тобой в одной лодке.

Безликий схватил Николаса за запястье. Боль снова пронзила тело. Перехватило дыхание, и он лишился чувств.

Николас очнулся на полу храма у статуи Небесного Повелителя. Голова гудела, как с похмелья. На запястье, где его касался Безликий, оказалась вырезана руна «перт» – тайна. Николас надвинул рукав халата поглубже, чтобы её закрыть.

Смотреть на богов уже опостылело. Он с кряхтением поднялся и поковылял к выходу. Провалил-не провалил испытание, какая разница, Сумеречник он или нет? Нужно добраться до Голубиной станции и всё выяснить. Если родные живы, он поспешит к ним, если нет... Звёздный клинок ждёт его в Храме Ветров. Главное, что дар и силы остались при нём.

Стоило выйти за порог, как глаза засвербели от яркого света. Цильинь ждал у ступеней.

– Сколько времени прошло? – безучастно спросил Николас.

– День, – ответил зверь.

Охотник забрался ему на спину, не желая говорить больше ничего.

Цильинь вмиг домчал его до юрты. Полог был отвёрнут, Оли уже сидела внутри рядом с

матушкой Умай и пила травяной отвар, умиротворённо улыбаясь.

– Ты вернулся! – обрадовалась она, увидев Николаса. – Я принесла тебе гостинцев из Хитежа. Люди называли меня настоящим Сумеречником, как был отец, представляешь?

Оли осеклась, заметив выражение его лица.

– Что-то стряслось?

– Нет, всё в порядке, – Николас растянул рот в улыбке.

Он не хотел ни выслушивать жалостливых соболезнований, ни показывать свою чудовищную слабость перед случившимся.

– Так же говорил мой муж, – ответила матушка Умай. – Наш старший сын умер, дорогая, всё в порядке. А лицо почернело, и такая боль в глазах, что и Крышу Мира сомнёт под её тяжестью.

– Матушка, да ведь у него сейчас именно такое лицо! – Оли приложила ладонь ко рту, совсем как сопливая девчонка.

– Всё хорошо, правда, – ответил Николас, щурясь в улыбке ещё шире. – Матушка, скажите, то, что я видел в храме, произошло на самом деле? Или я просто схожу с ума?

Оли ошарашенно выдохнула, Умай повернулась в его сторону:

– Этого никто, кроме тебя, не знает. То, что ты увидел, было частью твоего пути. Теперь всё зависит только от твоего выбора.

– Я бы предпочёл сойти с ума, – сказал Николас, устраиваясь на подушках. Оли не сводила с него вопрошающего взгляда – не отстанет, пока он не сознается. Лучше покончить с этим побыстрее: – Ты была права, месть – самое праведное чувство, когда беспощадно губят твоих близких.

– Я... не хотела... Прости! – бормотала Оли, не зная, куда деть глаза.

– Ты тут ни при чём. Право, не будем об этом, – лицо уже сводило от искусственного выражения, хотелось забиться в щель, чтобы не отвечать на расспросы.

– И правда, не стоит, – поддержала его Умай. – Тебе нужно помыться перед праздничным ужином. Отметим ваше вступление во взрослую жизнь. Испытание Сумеречников успешно завершено.

– Но я ничего не сделал, – Николас с облегчением сменил улыбку на привычную настороженность.

– Сделал, и очень многое. Перестань себя принижать! – вспыхнула Оли.

Умай мудро улыбнулась:

– Смысл не в убийстве демонов ради трофеев и даже не в конечной точке твоего путешествия, а в самой дороге, в преодоленных трудностях, в совершённых чудесах, в случайных и не очень встречах. Всё это и есть – жизнь. Я – Владычица небесного сердца, жена всех мужей и мать всех детей, моего решения никто не оспорит, даже ты. Ты прошёл испытание. Ступай!

Что ж, возражать бесполезно.

Николас отправился к горячим источникам неподалёку от юрты. Природные ванны с голубой водой пахли сладким полевым разнотравьем. Охотник долго отлёживался в одной из них, вдыхая горячий пар. Выводили нежные трели соловьи, солнце ласкало теплом, а ветер – прохладой. Закат окрасил горы в золотисто-синие тона, которые так и просились на бумагу, а то и на холст.

После купания Николас замотал запястье с руной бинтом. На лугу неподалёку росли диковинные травы. Цветки походили на фиолетовые лилии с жёлтыми тычинками, а запах

напоминал пряности, которые добавляла в свои блюда Умай. Эглаборгу точно понравится. Как он будет сокрушаться, что не увидел Долину! Николас присел на корточки и вырвал несколько растений с корнем.

Одевшись в нарядный халат, Охотник вернулся в юрту, где аппетитно пах плов с бараниной. Умай раскладывала его в расписные миски и наливала в загнутые рогами кубки красное вино.

Произошедшим Николаса больше не донимали. Оли воодушевлённо вещала про золотые купола Хитежа, счастливых людей, которые жили дружной семьёй и забывали, что такое деньги и оружие. Хитежане угощали её изысканными сладостями и фруктами, рассказывали истории из жизни города и её рода, вручали подарки.

– Это тебе, хитежане очень просили передать, – Оли всучила Николасу пузырёк изумрудных чернил и альбом.

– И кто доложил им о моей страсти к рисованию?

Оли надула щёки и посмотрела на видневшееся в отверстии на потолке юрты ночное небо.

– Не знаю-не знаю, точно не я.

Николас доедал уже вторую порцию плова, гоня от себя мысли, что ни малютка Лизи, ни задира Эдвард уже никогда не попробуют ничего подобно, мама не погладит его по волосам так, как задевает их невзначай Умай, отец никогда не услышит... Это страшное никогда. Нет, лучше не думать, идти вперёд без оглядки. За мезью ли, за звёздным клинком или за призрачной фигурой Безликого – не важно. Главное, не останавливаться, иначе тоска источит сердце, наполнит горечью душу и отравит существование.

Но быть может, они живы. Хоть бы!

– Поехали с нами в Северный! – донёлся словно сквозь воду голос Оли. – Свяжемся с Компанией «Норн», будем защищать людей от Лучезарных. У моей семьи остались связи и деньги, сам король Веломовии на нашей стороне.

– Нет. Если видение истинно, то меня будут искать куда тщательней, чем раньше. Я только подставлю вас, – покачал головой Николас.

– Куда же ты поедешь? Только не на Авалор – это прямой путь на эшафот! – встревожилась Оли.

– Разыщу ближайшую Голубиную станцию и всё разузнаю. Не подскажешь, где она? А потом продолжу странствовать дальше на восток, куда власть Лучезарных ещё не дотянулась. Всё будет хорошо!

– Ближе, чем в портовом Мкаре людей из Компании не найти. Здешние места слишком дикие и нет крупных поселений. Только от боли не сбежишь. Поверь, я знаю это, как никто другой. Поэтому и глушила кампалу, – не выдержала Оли.

Николас отстранился.

Тяжело вздохнув, она легла спать. Время было уже позднее: сверкали звёзды, в отверстие на потолке заглянула полная луна.

– И ты ложись, – предложила Умай. – Перед дальней дорогой надо выспаться. Завтра Цильинь отвезёт вас за кольцо.

– Спасибо, но вряд ли мне удастся уснуть, – Николас откинулся спиной на край юрты, не желая видеть ничего перед собой. – Мой отец... Я их всех подвёл! Я бы отдал за них жизнь, хотя в глубине души понимаю, что это бы не разжалобило их палача и не изменило их участь.

Он закрыл лицо руками, пытаясь подавить эту мусть. Ничего же ещё не известно точно!

– Мой муж... он очень любил нашего младшего сына, но они не ладили. Каждый раз их встречи заканчивались криками и ссорами. А всё оттого, что мой муж очень хотел уберечь его от ошибок. Даже когда наш сын ушёл из дома, мой муж не переставал переживать за его судьбу. Так и твой отец, он любил тебя и хотел, чтобы ты жил и был счастлив. Дети не должны умирать раньше родителей, – Умай отодвинулась в тень, смахивая со щёк слёзы. – Хочешь почтить его память – не сходи с ума и борись. И он, и все твои погибшие родные будут отныне жить в тебе.

Николас опустил на топчан и подложил руки под голову. Умай притушила огонь в очаге и принялась наводить порядок. Охотник смотрел то на её светлый силуэт посреди темноты, то на тлеющие угли, то на звёзды в отверстиях. Одинокие и холодные, вот бы стать одной из них.

– Спеть тебе колыбельную? – ласково спросила Умай.

– Мне это даже в детстве не помогало, – он улыбнулся, извиняясь. – Не беспокойтесь, я переживу любые бури.

– Конечно, – она под села к Николасу и снова провела когтями-ногтями по его щеке. – Спи-засыпай, мой непоседливый малыш. Завтра ты станешь сильным. А сегодня позволь немного слабости своей старой матушке, – запела она нежным тихим голосом, и веки сомкнулись сами собой.

Николас не понимал слов, но перед взором вновь вставал город свечных башен и цветущего жасмина. Хотелось забыть все горести и остаться в нём навсегда!

Матушка Умай всё гладила мальчика по щеке. Под её чарами его дыхание становилось всё более ровным, он засыпал. Раньше только колыбельной она могла уложить сыновей спать, особенно младшенького, который доставлял больше хлопот, чем его братья вместе взятые.

В песню вплёлся заговор, который должен был облегчить душу и заставить забыть о горестях Дольнего мира. Пускай, когда он проснётся, то навсегда останется с ней её милым сыном. Она защитит его, как хитежан, от всех бед и напастей, от той боли, что жаждет причинить ему Мрак, загоняя раскалённые гвозди прямо в сердце.

От её пальцев по его щеке побежали колдовские знаки, переползли на грудь от шеи к соску, от соска к пупку и ниже, пеленая в плотный кокон. Нет, никуда он больше не пойдёт, она не отпустит.

Пропали звёзды на небе, исчезла луна, темнота внутри юрты стала плотнее. Шептались призрачные голоса, мерцал гранями чёрный спрут, протягивая к Умай щупальца.

Перед глазами живыми вставали воспоминания об ушедших светлых днях.

– Куда ты собрался, сын? – спрашивала она, ещё молодая и красивая, со зрячими серебристыми глазами.

– К людям, – отвечал младший сын уверенно. – Я схлестнусь с ордой ночью и уведу их на север. Они будут жить там под моей защитой. А здесь мне больше делать нечего.

– А как же мы? – она указала на старших сыновей

Те застыли с мрачным отчуждением на лицах.

– Вас много, без меня не заскучаете. Я всегда был здесь лишним, а там меня ждут и встретят с благодарностью, – отвечал мальчишка, упрямо глядя вдаль.

– Это не так, – басовито звякнул по окнам голос Небесного Повелителя.

Послышалась его грозная поступь. Присутствие мужа всегда смиряло сыновей, служило последним доводом в капризах и спорах. Но тогда они ещё были детьми.

– Останови его! – с отчаянием взмолилась Умай.

– Нет, – веско ответил Небесный Повелитель. – Пускай идёт, если хочет. Не удерживайте его.

Младший посмотрел на отца со злым прищуром. Явно ожидал подвоха.

– Ты уже достаточно взрослый, я не буду тебя наказывать или воспитывать, – продолжил Небесный Повелитель невозмутимо. – Ты можешь уйти, можешь даже отринуть благодать и принять смертную долю, но частью нашей семьи, частью меня ты быть не перестанешь. Ступай, если готов платить за свои поступки и отвечать за свой выбор.

Младший вздёрнул подбородок повыше, показывая решимость, и забросил на плечо тук с вещами. Клубящаяся разноцветными сполохами Червоточина поглотила его. Он не вернётся, подсказывало материнское сердце.

– Зачем ты его отпустил? Он же погибнет! – напустилась на мужа Умай.

Он нежно взял её под руку:

– Он бы всё равно сбежал. Нельзя вечно держать детей в гнезде, оберегая их от жизни. Отпусти его и не иди против совести. Если будешь упиваться эгоистичной привязанностью, топустишь Мрак и под сень этого светлого дома.

Умай скорбно опустила голову, прижимая руки к груди. Значит, поделаться ничего нельзя, как бы сильно ей не хотелось увидеть мальчика снова.

Воспоминания заструились по щекам слезами. Надо отпустить, иначе жизни здесь никому не будет, ни хитежанам, ни преданному Цильиню, ни даже этому милому, горячо любимому мальчику.

Белая Птица отняла от него свою руку, и колдовские узоры медленно затухли на его теле.

Завтра он проснётся отдохнувшим и успокоившимся. Завтра она отпустит повзрослевшего птенца в большой мир.

Широко распахивались небеса с барашками-облаками. Исполинская птица плавно кружила над лесом, купая крылья в закатных лучах. Под ней на поляне в одежде из белых перьев водили хоровод четыре мальчика, таких разных, что никто бы не догадался, что они братья. Они отрывались от земли и летели, но не вслед за породившей их птицей, а в разные стороны. Николас тоже летел, высоко и стремительно, прочь от восходящего солнца, надеясь встретить его с другой стороны.

Проснулся он свежим и полным сил. Позавтракав, они втроем вышли на порог прощаться.

– Это подвенечное платье, – сказала Умай, подавая большой свёрток Оли.

– Спасибо, но сомневаюсь, что из меня выйдет хорошая жена, – попыталась отказаться та.

– Не сомневайся, девочка. Плут, конечно, твой муж будет, каких мало. Но полюбит крепко, за это я ручаюсь, – заверила её Умай и обратилась к Николасу: – А это тебе, мой мальчик.

Она вручила ему рубашку из белоснежных перьев, точно такую же, какую он видел во сне.

– Когда-то я соткала четыре такие, чтобы они хранили моих сыновей от всех напастей.

Эта принадлежала младшему, с которым я тебя спутала. Возьми её себе.

Николас неловко повёл плечами, разглядывая подарок.

– Он обязательно к вам вернётся, ваш сын. Они все вернутся.

– Я знаю, – Умай вновь погладила его по щеке. – Если... если когда-нибудь устанешь от дорог и преследований, приходи сюда. Я утолю твою боль и укрою от всего.

Он сложил руки лодочкой и поклонился.

Цильинь снова лёг на землю, позволив седокам забраться себе на спину, и помчался вверх по склонам Снежных гор. У руин он остановился. Оли слезла первой и закружилась по плато. В её глазах плясали жёлтые крапинки-огоньки, ладони закручивали вихрь из рун и цифр, на этот раз гораздо более уверенно. Знаки выстраивались в нужную последовательность, образуя проход.

– Иди первым, не бойся. Теперь будет быстрее и удобнее, – улыбнулась Оли.

Николас пощупал ногой один из полупрозрачных кирпичиков. Вполне себе твёрдый. Охотник шагнул вперёд. Оли последовала за ним, помахав Цильиню на прощание. Тот затрубил в их честь, и воронка закрылась.

Через несколько мгновений они оказались на высоком берегу реки у Старого Хитежа. Оли свела ладони. Вихрь вспыхнул радужным куполом над кольцом гор и исчез.

– Теперь могу без кампалы, – радостно похвасталась она. – Воронка закрыта. Отныне в Долину можно попасть, только если Цильинь перевезёт тебя на своей спине. Хитежане будут жить в мире.

– Молодец! – восхитился Николас. – Во время испытания научилась?

– Увидела себя со стороны: все свои ошибки и промахи, как пренебрежительно поступала с братом, как отказывалась слушать, когда ты пытался помочь. Осознала, каким я была ребёнком и что пора повзрослеть. Истинная сила не снаружи. Она – внутри.

Николас улыбнулся. Познавать простые истины оказывалось сложнее всего.

– Что скажем твоему отряду? – спросил он.

– Правду. Что двинулись вверх по течению Седой реки в поисках убийцы отца, но не нашли ничего, кроме замшелых руин.

Николас поднял вверх большой палец.

– Оли, Морти! – к ним со всех ног спешили Камай и Эглаборг.

– Я уже хотел разделить отряд и отправить в горы на ваши поиски! – взволнованно тараторил брат Оли, ощупывая её со всех сторон.

– А я уже наготовил зелий от ушибов, обезвоживания, обморожения... да от всего! – кудахтал Эглаборг и, забывшись, тряс Николаса за плечи.

Всё же приятно, что некоторые вещи никогда не меняются.

– Я же говорил! Они просто уединились на пару дней. Молодость же! – подбежал к ним командир отряда.

Оли с Николасом переглянулись с заговорщическим видом. Пускай думают, что хотят.

– Вы ранены? – от взгляда целителя не укрылась повязка на запястье.

Они отошли в сторону и дождались, чтобы остальные скрылись в городе.

– Сувенир с испытания, – отмахнулся Николас.

Эглаборг всё же размотал повязку и осмотрел рану.

– Вроде чистая, но надо следить, чтобы не воспалилась. Без повязки она быстрее подсохнет.

– Нет, нельзя, чтобы её видели, – упрямо ответил Охотник.

– Вы собираетесь ехать с отрядом? Ну, раз испытание уже прошли. Эх, жаль в Долину я так и не попал! Наверное, столько всего пропустил!

Николас вручил ему мешок с растениями. Эглаборг увлечённо изучал их, забыв об остальном.

– Надо же! У них наверняка даже названий ещё нет. Назовём их в нашу честь: Мортензия-Эгласия.

Охотник аж поперхнулся. Ну и шуточки у его компаньона!

– Так куда дальше, домой на Авалор? – спросил целитель, пряча растения обратно в мешок.

– Вначале в портовый Мкар. Нужно выведать последние новости. Потом решу, как быть дальше. Если хочешь, можешь ехать в Северный вместе с Оли и Камаем. Они с удовольствием тебя примут. А там сядешь на корабль до Лапии.

– Нет, от меня вам так легко не избавиться! – погрозил ему пальцем Эглаборг.

Когда у него такой серьёзный вид, спорить бесполезно.

Отдохнув ещё пару дней, они расстались с отрядом Олениных и двинулись на восток, огибая Снежные горы с северной стороны.

===== Глава 19. Храм Ветров =====

1565 г. от заселения Мунгарда, Мкар, Веломовия

До Мкара на восточном побережье Сайберы они добрались только к зиме. Не успев даже разыскать Голубиную станцию, они услышали о государственном перевороте на Авалоре. Стоило показаться на рыночной площади и прокатить между пальцами деревянную метку, как плечо невзначай задел старик в неприметной одежде и поманил за собой.

Здесь Голубиная станция пряталась в погребе у птичника. С виду неприметная, крохотная землянка, а внутри балками обнесено просторное помещение с припасами.

– Раньше здесь был склад контрабандистов. Торговали опиумом из Поднебесной, – пояснил смотритель, снимая маскировку.

– Мы долго странствовали по диким землям, – подал голос Николас. – Что стряслось на Авалоре?

– Лучезарные обвинили короля в заговоре против служителей Единого и пособничестве колдунам. Смешно, конечно. Все знали, что он ратовал за мир на своих землях и ничью сторону не принимал. Даже нашу, хотя мы предлагали ему защиту, – смотритель тяжело вздохнул. – Его упекли в темницу, казнить пока не собираются. Народ не очень-то поддерживает его травлю, династия Хассийцев-Майери до сих пор пользуется популярностью. Но в отместку Лучезарные залили остров кровью его сторонников и бывших Сумеречников.

– У вас... – Николас сглотнул ставший в горле ком. – Есть списки погибших?

– Вам повезло. На днях срочной соколиной почтой доставили. Но пока только самые громкие дела, – смотритель передал ему тонкий закручивающийся лист, испещрённый бисерным почерком.

Николас пробежался по нему глазами, потом ещё раз и ещё раз, придирчиво вычитываясь в последнюю запись.

– Прочитай, – передал он лист Эглаборгу, массируя усталые глаза.

Целитель пожал плечами и принялся читать вслух.

– ... Комри, родственники колдуна-узурпатора. Подстрекали народ к восстанию, обирали и губили честных единоверцев колдовством. Погибли при сопротивлении аресту,

имущество предано огню...

Николас закусил щёку с внутренней стороны. Может, он слышит и видит то, чего боится? Пускай всё будет ошибкой!

– За преступления перед единоверцами разыскивается последний представитель рода Комри, Николас, шестнадцати лет отроду. Колдун, вооружён и очень опасен. Братъ живьём. Награда – двести золотых монет.

Эглаборг выразительно глянул на Николаса. Тот повернулся к зрителю:

– Теперь вы. Прочитайте, пожалуйста!

Тот нахмурился, но всё-таки исполнил просьбу. Ни одного слова в послании не изменилось. Дослушав до конца, Охотник встал, шаркнул стулом и направился к выходу.

– Прошу меня извинить!

Он выбежал на улицу и долго плутал по подворотням, пока не нашёл в пустынном переулке тухлявое корыто и с остервенением принялся пинать его ногами. Мокрый снег повалил за шиворот, а Николас всё не мог перестать, хоть под сапогами осталась одна труха.

Сзади послышались шаги, плечи укрыл тёплый плащ.

– Вот попробуйте, полегчает, – сказал Эглаборг и протянул Николасу флягу.

Тот приставил её к губам и пил большими глотками, пока внутри ничего не осталось.

– Спасибо! Наверное, я теряю рассудок, – он вытер рот рукавом и вернул пустую флягу другу.

– Я, конечно, не целитель разума, но мне кажется, что вы просто не хотите принимать реальность. Зритель предлагает переправить вас в Норикию, где авалорцам предоставляют убежище. Тем более, если за вашу голову предлагают награду.

Так Эглаборг догадался? Николас чем-то себя выдал?

– Нет, золотая клетка не по мне. Я поеду дальше на восток, на Острова Алого Восхода, раз уж дома на западе мне не рады. Ты со мной?

– Я всегда с вами.

Заявление друга хоть и не притупило скорбь, но заставило взять себя в руки.

Значит, видения сбылись. Осталось последнее доказательство – звёздный клинок. Если он действительно существует, то и всё остальное – тоже.

А что стало с таинственным Лесли, который защищал их интересы при дворе все эти годы? В списке его имя не значилось. Скорее всего, он занимал высокую должность и Лучезарные казнили его тайно, пытками вызнав, где жила семья, которой он покровительствовал.

Живы ли Гвидион, Риана, Мидрир? Сохранилась ли община в Каледонских горах? Успели ли они укрыться в тайных ходах крепости? Даже через Голубиную станцию весточки не отправить – Николас подставит и себя, и их.

Придётся томиться в неведении и мучиться сомнениями. Может, стоило презреть страх и повернуть назад ещё в Ленноксе? Может, и сейчас было бы не поздно помчаться домой во весь опор, чтобы хоть кого-то спасти... отомстить ненавистному Палачу и Мраку, которому тот служит.

Вот добудет клинок, и тогда...

1565 г. от заселения Мунгарда, Острова Алого Восхода

На поиски храма ушло много времени. За пределами Островов Алого Восхода об этом уголке на краю света почти ничего не знали. Из-за штормов, сильных течений и подходящих

близко к берегам скал суда отправлялись на архипелаг очень редко. Повезло, что зритель не гнал Николаса и Эглаборга с Голубиной станции.

Едва не попав в кораблекрушение, они всё же добрались до архипелага. Острова оказались густо заселены. Благодаря вулканам погода здесь могла похвастать теплом, а почвы – плодородием. Единственное, чего стоило опасаться – это извержений, но вулканы спали уже несколько сотен лет.

Страна состояла из множества мелких княжеств, которые постоянно воевали между собой. Это очень усложнило путешествие: приходилось отбиваться то от стражников, то от бандитов, а порой одни и те же люди исполняли обе обязанности. Да и мирные жители к чужакам относились с подозрением, разговаривали неохотно и на вопросы о храме пожимали плечами.

Несколько месяцев Николас с Эглаборгом скитались по всему архипелагу, пока смутные слухи не привели их на пустынный берег самого южного острова. В нескольких часах пути отсюда находилась священная гора Кадзеяма. Её название означало «вершина ветра». Там действительно находился древний храм, который раньше содержался орденом Сумеречников. При нём даже работала школа для одарённых.

Как он пережил роспуск ордена? Не разграбили ли его шайки мародёров? Хранится ли в нём таинственный звёздный клинок? Или он – всего лишь плод воображения Охотника? Так или иначе, нужно взглянуть на храм своими глазами.

Волны с гулом закручиваясь барашками, солёные брызги окропляли одежду, злобно тьякали в небе чайки. Было слишком холодно, чтобы купаться. Николас лежал на спине, раскинув руки. Вокруг клубилось облако из песка. На высоте нескольких футов парили тюки с вещами.

Эглаборг сидел неподалёку, скрестив ступни.

– Что с вами творится?

Охотник лениво повернул к нему голову:

– Излишки силы – надо сбросить, сам знаешь.

– Я не об этом. Облегчите душу, не стоит всё держать в себе. Слезы и печаль – это не слабость, а избавление от гноя, что вы копите внутри. Послушайте старого целителя, это не менее вредно для здоровья, чем не лечить воспалившиеся раны!

Николас плотнее стиснул зубы. Он уже достаточно кричал и разбивал костяшки в отчаянии, сейчас же накатило безразличие. Хотелось лежать на песке, слушать шум прибоя и ругань вздорных птиц.

– Может, стоит поискать кого-то, кто помог бы вам управиться с даром? Ваш учитель?

– Он на Авалоре, а мне туда дорога заказана. – Николас рывком поднялся и отряхнул с себя песок. – Идём. Мы отыщем помощь в храме. Здесь ещё жив дух ордена. Я чувствую это в воздухе.

Он вздохнул полной грудью и подставил лицо солнцу.

– Если это вернёт вас к жизни, то я согласен подняться на любую гору, – Эглаборг не слишком радостно оглядывал гряды, обрамлявшую несколько дымившихся на горизонте вулканов.

Пологая тропа располагала к себе: широкая, ровная, укрепленная сухими кустарниками. Хорошо ещё, что не так жарко, а то пришлось бы слушать сопение Эглаборга всю дорогу. Интересно, почему здесь больше никого нет?

После продолжительного подъёма каменистая тропа сузилась, начала петлять и извиваться. За поворотом послышался шум. Понятно, почему люди сюда не суются – демоны расплодились. А Сумеречники открыли на них охоту: оборотень и мертвошэпт, судя по аурам.

Николас рукой перегородил Эглаборгу дорогу и глазами указал вперёд. Тот кивнул. Охотник скинул с плеч мешок, достал меч и, стараясь ступать как можно тише, выглянул из-за поворота.

На небольшой площадке друг против друга стояли двое: огромный детина в тигровой шкуре и невысокий плотный юноша с аурой оборотня. Какой же у него тотем? Мертвошэпт поджидал в отдалении – в деталях не разглядеть.

Николас сосредоточился на демоне. Из косматых тёмных волос великана торчали два прямых острых рога. В руке была зажата шипастая дубина в человеческий рост. Местная разновидность огра?

– Ты – ходячая куча навоза! – кричал оборотень. – Убирайся отсюда, пока я не отправил тебя на корм птицам!

– А не слишком ли ты мал для меня, барсучонок? – от хохота демона дрожали камни.

– Я не барсучонок, а тануки. Енот, а не барсучонок! – грозно рыкнул оборотень и швырнул в неприятеля пригоршню крупных жёлтых бобов. – Оньи уходит, благословение приходит!

Демон чихнул, и бобы бесследно сдуло. Оборотень вмиг оказался возле противника и саданул по его бедру изогнутыми мечом, но клинок отскочил от каменной кожи, не причинив вреда. Оньи замахнулся палицей, тануки прошмыгнул между его ногами и ударил сзади. Демон развернулся и снова попытался достать оборотня, но тот ускользнул. Какой он шустрый!

– Эй ты, букашка, так и будешь от меня бегать? – крикнул Оньи.

На подмогу выступил мертвошэпт. Им оказалась девушка в красных шароварах и белой рубахе с широкими рукавами. Невысокая и хрупкая, на война она совсем не походила, несмотря на лук и колчан со стрелами за спиной. Да и могил нигде видно не было, чтобы она могла призвать «молчаливых гостей».

Нельзя отсиживаться в кустах, когда ей грозит опасность. А если она, и правда, воин, то от помощи не откажется. Вон сжимает зелёный кулон-ловушку для призрака-защитника. Против такого громилы он точно не выстоит.

Оборотень уже выдохся: споткнулся о камень и растянулся на земле.

Демон ухмыльнулся:

– Вот и всё. Сейчас я тебя съем.

Девушка выхватила из-за пояса погремушку в виде обезьяны с веткой остролиста в лапах и затрясла ею.

– Оньи уходит, благословение приходит!

Демон снова чихнул. Воздух сотрясся так, что девушка едва устояла на ногах. Зато тануки успел обернуться пузатым енотом и юркнуть в кусты.

– Сбежал! – досадливо сплюнул Оньи. – Значит, ты заплатишь за двоих!

Он шагнул к девушке. Николас выскочил из засады и закрыл её собой.

– Мне везёт, – присвистнул демон. – На обед у меня будет не только маленькая жрица, но и сумасшедший чужак!

Он замахнулся палицей на Охотника, но укутанный ветроплавом меч прошёл через дерево, как нож через масло. Дубина с треском развалилась на части. Хорошо, что Николас сбросил излишки на берегу, а иначе такой силы не выдержал бы даже дедовский клинок.

– Моя дубина! Гадёныш! – зарычал демон и, обнажив жёлтые клыки, кинулся на Охотника.

Он поднял руку. Оньи отлетел в сторону и с грохотом ударился спиной о скалу. Камень треснул. Демон жалостливо заскулил и на четвереньках уполз прочь. Нет, всё же сил Николас сбросил недостаточно: взбаламученная схваткой застоявшаяся энергия обжигала жилы и рвалась наружу, грозя вспороть кожу.

Сейчас бы размозжить этого глупого Оньи, как блоху, чтобы только мокрое место осталось. Может, тогда стало бы немного легче?

– Удивительно! Вы такой сильный! – восхитилась девушка, и болезненная мощь ушла в землю.

Губы против воли растянулись в глупую улыбку. До чего же жрица красива! Яркий румянец на белоснежной коже выделял точёные черты лица. Тёмные, заплетённые в высокую причёску волосы обнажали тонкую шею. В вишнёвых глазах горели золотые крапинки. Нежные алые губы припухли от волнения. Просторные одежды придавали облику воздушность феи.

– Пустяки!

Николас приложил ладонь к своей щеке. Она пылала как ошпаренная. Небось ещё и глаза блестели. Взгляд не получалось оторвать от подчёркнутых поясом маленьких холмиков.

Нет! Нельзя показывать себя влюблённым слюнтяем, даже если он такой и есть на самом деле.

Николас попытался отвлечься. Чутьё подсказывало, что демоны неподалёку. Затаились, но не ушли. Где же они прячутся?

– Я Юки, жрица Храма Ветров, приёмная дочь настоятеля. А этот барсучонок – наш послушник Йоси, – она махнула рукой в сторону кустов, из которых воровато выглядывал оборотень-тануки.

– Я не барсучонок, а енот! – буркнул тот.

– Спасибо за помощь, – Юки сложила ладони лодочкой и поклонилась непривычно низко. – Этот Оньи оказался слишком сильным для наших амулетов.

– Не стоит, правда... – почему голос так сипел и ломался? Вдох-выдох. – Мортимер Стигс из Авалора.

Он решительно приложил её хрупкую ладошку к губам.

– Ох, у вас всегда так вольно приветствуют женщин? – она расцвела самой ласковой улыбкой, что он когда-либо видел.

– А у вас разве нет? – сконфуженно спросил Николас.

Целитель закашлялся над его ухом.

– Извините, – опомнился Охотник. – Это Эглаборг из Лапии, мой компаньон. А чего хотел демон-Оньи?

– А разве ты, такой умный и всесильный, не знаешь? – переполняясь чувством собственного превосходства, ответил Йоси. – И чему вас, чужаков, только учат?

– Йоси, не будь неучтивым! – пристыдила его жрица. – В наш храм стекается много жертвований с окрестных земель, вот Оньи и повадились собирать с прихожан дань. Эти демоны очень жадные. Мы гоняем их, но у нас не хватает ни рук, ни силы.

– Вы не проводите нас к храму? Мы очень долго искали его по всему архипелагу, – Николас постарался выдавить из себя самую серьёзную мину, на которую был сейчас способен.

– А что у чужаков не осталось своих храмов? Проиграли всё фанатикам с запада? Неудачники! – снова огрызнулся Йоси.

– Не слушайте его! Наш храм помогает всем страждущим. Ступайте за нами, – Юки смущённо хлопнула ресницами и посмотрела на него искоса, едва заметно изгибая уголки тонких губ.

Николас оттянул ставший слишком тугим ворот рубахи и поспешил за ней. Демон не нападал, продолжая следить за ними исподтишка. Нужно защитить Юки... и Йоси, и Эглаборга и вообще всех! Это долг Сумеречника.

Охотник вздёрнул голову, борясь с искушением разглядывать тылы жрицы слишком пристально.

Дорога оказалась не такой долгой. Храм Ветров занимал плоскую площадку на вершине горы. Вход на территорию обозначали красные ворота без створок с двумя дугообразными перекладинами наверху. С них свисали полосы белой материи, на которых тушью были нарисованы таинственные знаки. До главного святилища на другом конце площадки вела мощённая булыжником дорога. По бокам от неё располагалось несколько приземистых хозяйственных построек.

Навстречу выдвинулся немолодой, но крепкий мужчина в синем халате и просторных белых шароварах. Его тёмные с проседью волосы были заплетены в идеальную геллерку, а на поясе в ножнах болтался изящный тонкий меч с круглой гардой.

– Добрый день, отец, – Юки учтиво склонила голову.

– Добрый! Что у нас за гости?

– Это авалорец Мортимер Стигс и его компаньон Эглаборг. Они прогнали Оньи с западной дороги на Кадзеяму.

– Я был против того, чтобы вести их сюда, – Йоси махнул от себя рукой.

– Справились с Оньи, говоришь? – настоятель осмотрел Николаса со всех сторон. – Моё имя Кадзума, я верховный жрец Храма Ветров и старший наставник Сумеречников востока. Снимите ваш амулет, молодой мастер. Я понимаю, что у вас на родине с ним расставаться опасно, но уверяю, здесь вам ничего не грозит. На территории храма дар скрывать нельзя.

Николас помнил наставления Гвидиона.

Нарушения законов здесь не потерпят, нужно вести себя осмотрительно и следить за каждым словом.

Охотник снял с шеи амулет, надел его на сложенные лодочкой ладони и церемониально поклонился.

– Ветроплав, надо же! А говорили, что на западных землях на вас идёт охота, – заключил настоятель.

– Идёт, – уклончиво ответил Николас. – Но ведь вы и сами ветроплав. Слава о школе при вашем храме гремит далеко за пределами Островов Алого Восхода. Я утратил контроль над своими способностями. Мне нужна помощь опытного наставника со схожим даром,

поэтому я искал вас.

– После ходим в святилище, и я спрошу у богов, чисты ли твои намерения и достоин ли ты помощи, – решил Кадзума. – Юки, Йоси, устройте наших гостей на ночлег.

Они направились к невысокой хозяйственной постройке. Сложенная из камня, её крышу укрывала солома. Внутри строение делилось на комнаты тонкими матерчатыми перегородками на каркасе из бамбука. Их нужно было сдвигать в сторону, чтобы войти. Из мебели только циновки на полу, маленькие валики вместо подушек, приземистый столик и несколько полок у внешней стены. Очень непривычно.

Они оставили в помещении вещи и умылись. Йоси с Юки одолжили им шаровары и халаты. Только когда путники стали хоть немного походить на обитателей храма, их пригласили обедать в столовую, которая располагалась в отдельной пристройке.

Сидеть пришлось коленями на циновках – стульев местные жители не признавали. В высоких мисках принесли рис с кусочками запечённого соевого творога. От острого соуса щипало нос и на глазах выступали слёзы. Есть приходилось тонкими палочками. Чтобы не позориться, Николас помогал себе ветроплавом. Эглаборг же постоянно ронял рис в миску, пока не отчаялся настолько, что начал помогать себе руками.

– По крайней мере, он не жульничает, – тихо заметил Кадзума.

Что ж, со временем Охотник научится, но только в одиночестве, когда никто не будет смотреть.

Бамбуковые створки отворились. Юки принесла на подносе чашки и круглый кувшин с вытянутым носиком. Какие грациозные движения! Неземная, как воздух, как ветер.

Она разливала горячий напиток из кувшина по чашкам, обтирала края полотенцем и подавала каждому. Первая досталась Эглаборгу. Тот с наслаждением вдохнул аромат и сделал маленький глоток. Распробовав, он причмокнул от удовольствия. Юки поднесла следующую чашку Йоси и остановилась возле настоятеля Кадзумы, а потом подошла к Николасу.

Встретившись с его взглядом, она вздрогнула. Звякнув, чашка колыхнулась, напиток плеснул наружу. Если посуда упадёт и разобьётся, то всё будет кончено, не начавшись!

Распахнув глаза шире, Николас заставил тонкую струю ветроплава уравновесить чашку и вытереть мокрый край.

– Простите, – Юки протянула ему напиток и испуганно посмотрела на настоятеля.

– Да ничего же не случилось, – Николас перехватил её ладонь, щурясь в улыбке.

Пальцы будто сами по себе погладили тёплую, нежную, как шёлк, кожу.

– Не стоит растрачивать божественный дар на пустяки, даже если он хлещет в тебе через край, – веско заметил Кадзума.

Охотник почувствовал себя ребёнком, которого наставник отчитывает за глупые ошибки. Он спешно приставил чашку ко рту и выпил, едва не обварив нёбо. Юки устроилась на своём месте и не смотрела на него, увлечшись сладкими рисовыми шариками. Обидно!

– Какой замечательный напиток. Мы с мастером Стигсом пересекли весь Мунгард, но не встречали ничего подобного, – замял неловкость Эглаборг.

– Это чай. Мы пьём его, чтобы очистить тело и разум от тяжёлых дум и суеты жизни. Его делают из сушёных листьев одного растения, – пояснил Кадзума. – Если хотите, Йоси покажет вам грядки.

Послушник скорчил недовольную рожу, но возражать не осмелился. Когда с чаем было покончено, они откланялись первыми. Следом поднялась Юки и принялась собирать чашки

на поднос. Николас бросился ей помогать, но настоятель остановил его властным жестом.

– Иди за мной, или я решу, что ты приехал сюда, чтобы украсть мою дочь.

Юки замерла с ровной спиной и медленно отвернула голову к стенке. Почему стало вдруг так трудно держать себя в руках? Но ведь пару взглядов и случайных прикосновений ничего не значили!

Вдвоём с Кадзумой они прошли мимо просторной площадки для церемоний. К портику, где располагался вход в главное святилище, вёл пролёт из дюжины ступеней. С обеих сторон его охраняли растянувшиеся в длину изваяния драконов с короткими ножками и длинными завивающимися усами.

Святилище представляло собой деревянную постройку, выкрашенную в тёмный цвет. Трёхъярусная красная крыша с закруглёнными скатами придавала ей особое изящество. Настоятель отпер дверь, и они вошли. На круглые бронзовые зеркала перед алтарём упал солнечный свет, и нефритовые статуи на гранитном постаменте словно ожили в танце узорчатых бликов. Четверо юных братьев-Ветров, стоя спинами друг к другу, приветствовали гостей.

Но стоило затворить дверь, как волшебство исчезло. Верно говорят, на солнце правда всегда проступает наружу.

– Не тушуйся так, я был в твоём возрасте и прекрасно понимаю, что происходит. Ваши лица отражают ваши эмоции не хуже, чем эти зеркала – обстановку святилища, – заговорил Кадзума

– Вы считаете, что моё поведение порочит её честь? – спросил Николас так же откровенно.

– Нельзя опорочить то, чего нет. Юки – дочь куртизанки и моего побратима. После его смерти ещё совсем крохой её забрали в дом развлечений, а я выкупил и сделал своей приёмной дочерью. Конечно, в жёны её никто не возьмёт, но под моим покровительством она может снискать уважение, как жрица. Не кружи ей голову романтическими мечтами и не бреди сердце несбыточными надеждами. Она этого не вынесет.

– Я не такой! Условности вашего, да и нашего общества для меня ничего не значат, – возмутился Николас и сложил руки на груди.

– Все мы «не такие» по молодости. Только ей от этого не легче.

– Вы меня прогоните?

– Нет. Пока я даже не услышал ни твоего настоящего имени, ни истинной причины, по которой ты явился сюда.

– Что ж, моё имя Николас Комри. Я окончил обучение на два года раньше из-за гонений на Авалоре и прошёл испытание в Долине Агарты. Но мне не хватает знаний и мудрости. Я хочу стать умнее, искуснее и сильнее, чтобы лучше исполнять свой долг и защищать людей от демонов.

Кадзума задумчиво хмыкнул:

– Тебя хорошо научили говорить то, что от тебя хотят слышать. Но ты не искренен даже перед собой.

Резким движением настоятель выхватил из ножен клинок и приставил к горлу Николаса. Тот невольно сглотнул. От движения кадыка остриё поцарапало кожу, и за шиворот потекла липкая струйка крови.

– Говори правду, иначе лишишься головы!

Николас покривился и убрал от себя клинок, обхватив его пальцами.

– Значит, я лишусь её в любом случае.

Они прошли к алтарю. На стене над статуями висел похожий на клеймор меч. На клинке у самого эфеса была выбита руна «перт». Такая же, какая осталась у Николаса на запястье после встречи с Безликим. Значит, всё-таки правда.

– Я пришёл сюда за звёздным клинком. Лучезарные... они убили мою семью у меня на глазах. Их предводители уже не люди, они служат Предвечному Мраку, древнейшему врагу. Только этим оружием можно победить их. Если я заполучу его, то смогу отомстить.

– Хорошо, – Кадзума разочарованно вздохнул, словно ожидал, что так и будет, но надеялся на чудо. – Тогда бери его, он твой.

Здесь наверняка таился какой-то подвох. Охотник протянул руки к мечу, и зрение помутилось.

В лицо дохнул жар кузнечного горна, ноздри защекотал запах раскалённого металла. Лязгал по наковальне молот, летели в стороны искры. Кузнец опустил заготовку в воду. Будущее оружие зашипело, повалил густой пар. Утерев рукой пот со лба, кузнец согнулся и посмотрел Николасу в глаза.

– Как ты сюда пробрался, непоседа? Мать небось места себе не находит.

Его подхватили сильные мозолистые ладони. «Кап-кап-кап», – застучало по полу.

Видение исчезло. Николас смотрел на собственные руки, по локоть обмазанные кровью. Звенела в ушах сталь, свистел вспарываемый воздух, а лужа крови на полу становилась всё больше и больше.

Усилием воли Охотник унял дрожь и зажмурился. Вдох-выдох, не время сходить с ума. Просто чутьё подсказывает, что этой дорожкой ходить не стоит.

– Это божественное оружие, оно меня не принимает, – Николас повернулся к настоятелю.

– А ты не так глуп, как кажешься, – Кадзума поднял на него взгляд, заложив руки за спину. – Говорят, раньше этот клинок принадлежал самому Небесному Повелителю. Его нашли рыбаки-ныряльщики на дне моря много веков назад. С тех пор он сменил сотни, а может тысячи хозяев и ни одному не служил верой и правдой: тупился, выскакивал из рук, пропадал. Последний его владелец сам бросился на лезвие. А потом меч привезли в наш храм.

Зачем Безликий требовал, чтобы Николас достал это оружие? Заманивал в ловушку? Хотя насчёт того, что клинок его не принимает, Охотник солгал. На самом деле его беспокоила призрачная кровь на своих руках.

– С тех пор многие пытались выкрасть меч, привлечённые слухами о его силе. Но никто не уходил из этого святилища живым.

– На границе с Веломовией я видел похожий меч у Предвестника Мрака. Когда мы сражались, клинок разбился на осколки и разорвал его. Я выжил только благодаря этому.

– Никогда о таком не слышал, – хмыкнул Кадзума. – Так уж и быть, помогу тебе. Расскажи, что с тобой приключилось.

– Во время испытания я посетил заброшенный храм в Долине Агарты и получил известие о гибели своей семьи. После этого у меня стали скапливаться излишки силы и начались головные боли. Думаю, из-за пережитого шока мои способности прорвало. Эглаборг отпаивал меня зельями, я много медитировал и искал равновесие, но ничего не помогло.

– У тебя изначально слишком большой потенциал: каналы стихийной энергии раздуты

до предела. Они мерцают слишком часто и очень ярко. Неудивительно, что отверстия на ауре не выдерживают такого потока, забиваются и рвутся. Оттого и тело изнашивается слишком быстро. Можем попробовать запечатать излишки. Думаю, нескольких недель будет достаточно, если ты вытерпишь боль.

– Телесная боль ничто по сравнению с душевной мукой, – усмехнулся Николас.

– Садись и снимай халат, – настоятель поманил его в центр святилища на циновку, окружённую зажжёнными светильниками.

Охотник разделся и опустился на колени. Настоятель принёс из подсобного помещения миску с чёрной тушью, кисточку и множество тонких иголок.

– И повязку тоже. Печать должна вписаться в твоё тело гармонично, иначе работать не будет. Я же обещал, что здесь тебе опасаться нечего, – добавил Кадзума, видя, что Николас медлит.

Тот нехотя размотал бинт и протянул руку настоятелю.

– Метка с испытаний. Сопровождавший меня дух оставил её на прощание.

– Это очень похоже на конигхату, тайное имя. Раньше его получали по завершении испытания, но его давал не дух. Сам испытуемый выбирал его в качестве своего жизненного пути и вырезал у себя на запястье ритуальным ножом, а потом, как ты, заматывал белой тканью, чтобы о нём не прознали враги.

– Нет! – замотал головой Охотник. – Такое я точно запомнил бы. И не было у меня никакого ритуального ножа.

– Как скажешь. Просто странно, что оно совпадает со знаком на мече, – пожал плечами настоятель и принялся за работу.

Плечо Николаса обвило кольцо с замысловатым цветком на внешней стороне. Настоятель нацарапал контур острым стержнем, вставил туда иголки и принялся вбивать их в кожу ребром ладони.

Охотник погрузился в мысли о произошедшем. Чего в действительности хотел Безликий и кем он был? Что это за метка – тайна? Его жизненный путь – разгадывание глупых загадок вредного божества? Вот уж незавидная участь. Не будет он никому служить, нетушки!

Меч никак не добыть, а без него о мести Мраку нечего даже думать. Нужно отыскать новый путь, свой собственный, чтобы никто не навязывал свои правила и не манипулировал им. Главное – избавиться от проблем с даром и воспоминаний Безликого. Может, тогда вина за кровь на своих руках и предчувствие беды перестанут его мучить.

Когда Кадзума закончил, Охотник поднялся и осмотрел своё плечо в зеркале. Цветок походил на лотос, составленный из геометрических фигур и линий.

– А ты стойкий, – похвалил его Кадзума. – Но чем больше держишь в себе, тем хуже будет потом. Попробуй подать мне миску.

Посуда с тушью медленно и плавно поднялась к его руке.

– Я подумал... – осторожно начал Николас, – насчёт искренности. На самом деле мне нужна не месть, а утешение. Дома и родных меня лишили, но я бы хотел обрести место, которое мог бы назвать своим. Место, где я был бы полезен.

Николас опустился на колени и коснулся стоп настоятеля.

– Для меня было бы честью, если бы вы взяли меня в ученики. Я готов беспрекословно следовать всем вашим указаниям и выполнять даже самую тяжкую работу.

Кадзума положил ладони на его голову.

– Встань. Ты невероятно одарён и был бы завидным учеником для любого наставника,

но тебя терзают такие внутренние демоны, что справиться с ними вряд ли под силу даже самому опытному и мудрому из нас.

Николас поднялся. Что ж, надо принимать отказы с достоинством.

– Благодарю за помощь. Сколько я вам должен?

– погоди! Я не сказал «нет». Подойди к зеркалу ещё раз.

Николас сделал, что было велено, вглядываясь в рисунок на плече.

– Ты ни разу не посмотрел на своё лицо. Руки, ноги, обстановка за тобой – но взгляда своего отражения ты избегаешь. Давно так?

Николас нахмурился, суматошно соображая. Хотелось ответить, что перед зеркалами только девчонки красуются, но за это его бы выгнали.

– Я не люблю зеркала. Мне кажется, что оттуда смотрит кто-то злой, – сознался он. С Кадзумой разговаривать оказалось ещё труднее, чем с Гвидионом. Неприятно, когда тебя всеми страхами и слабостями наружу выворачивают. – Наставник говорил, что это – моя Сумеречная суть. Я справлялся с ней под его руководством.

– Ты играл с иллюзиями? – проницательно спросил Кадзума. – Дело не в Сумеречной сути, твой страх перед ней скорее следствие, а не причина. Ты подавляешь часть своего естества, наказываешь себя, причём это тянется уже очень давно, из прошлой жизни даже. Если ты не примешь эту часть, всё может закончиться очень печально. Если хочешь стать моим учеником, то первой и главной твоей аскезой будут медитации на отражение твоего лица в зеркале.

– Хорошо.

Это не так сложно. Биться с тенью и двойниками в иллюзорном мире было куда тяжелее.

Николас потянулся к зеркалу, но настоятель его перехватил.

– Не эти зеркала. Они принадлежат Братьям-Ветрам, – он кивнул на алтарь. – В храме есть ещё одно зеркало, им владеет моя дочь. Уговоришь её отдать зеркало тебе, и ты – мой ученик.

Уговорить? Николас почесал в затылке. Интересно, чего хотят девчонки?

Покинув святилище, Охотник отыскал Эглаборга в гостевом домике. Тот разбирал вещи.

– Мы здесь задержимся на некоторое время.

Целитель ошеломлённо развернулся к нему и вскинул брови:

– Но раньше вы отовсюду бежали так, словно пятки горели.

– Раньше у меня был дом. А теперь мне нужна передышка.

– У вашей передышки очень красивое личико, – пробормотал себе под нос Эглаборг.

Охотник сделал вид, что ничего не слышал, и отправился в купальню, как просил Кадзума, чтобы закрепить татуировку.

Освободившись, он разыскал Юки. Бледно-зелёная, словно подёрнутая изморозью трава, её аура обнаружилась легко. Женщинам отводилась восточная часть построек. Николас постучал в бамбуковую перегородку. Какая хлипкая конструкция – того и гляди сломается от неловкого прикосновения.

Юки долго не отвечала. Может, он не вовремя? Или он стал ей неприятен? Эта мысль язвила гораздо больше, чем все разговоры с Кадзумой вместе взятые. Николас нервно перебирал пальцами. Нужно продумать, что говорить, когда он подловит её на улице. Что сможет её пронять?

– Вообще-то мужчинам нельзя заходить на женскую половину без приглашения, –

прозвучал нежный голос Юки.

– Прости. Твой возлюбленный Йоси прав, я редкостный невежда.

– Мы просто друзья, – она зарумянилась и опустила взгляд. – Ничего страшного, вы же мало знаете о наших традициях.

Юки затворила за собой перегородку, не позволив Николасу заглянуть внутрь даже краем глаза. Они отошли на середину дорожки – ничейную межу.

– Чем мне загладить свою вину? – спросил Охотник, следя за каждым её движением.

– Вы ни в чём не виноваты, к тому же, и так сделали достаточно, когда спасли нас от Оньи. Да и невежливо заставлять гостя работать.

– А если бы я был таким же послушником, как Йоси? Смог бы я стать твоим другом и что-то для тебя сделать? – Николас по привычке потянулся за её ладонью, но Юки отстранилась.

Конечно, для них даже руки целовать – неприлично.

– Вам бы пришлось ещё многому научиться.

– Так в чём же дело? Начинай учить прямо сейчас! Настоятель Кадзума сказал, что если ты дашь мне своё зеркало, то я смогу остаться.

– Он так сказал? – Юки испуганно сдвинула брови. – Нет! Зеркало – единственное, что сохранилось от моей матери. Просите о чём угодно, но не об этом!

– Я готов заменить его чем-нибудь равнозначным. Скажи свою цену, и я сделаю всё!

С трудом удалось заставить себя не налетать на неё, как коршун. Да и впрямь что можно предложить взамен памяти о погибшей матери? Ничего, он и сам это прекрасно осознавал.

– Прости мою настырность, – Николас отступил. – Что-то я очень много извиняюсь в последнее время.

– Вы учитесь. Извинения и есть основа нашей традиции, – со снисходительной улыбкой Юки поклонилась и ушла на свою половину.

Что ж, Кадзума дал ему срок, пока не завершит татуировку. Время ещё есть. Надо что-нибудь придумать.

===== Глава 20. Когда ты со мной, луна красива =====

1565 г. от заселения Мунгарда, Острова Алого Восхода

Следующим утром Кадзума пригласил Николаса показать своё мастерство. Йоси уже разминался с бамбуковой палкой. Настоятель вручил Охотнику вторую и кивком указал на площадку для поединков. Тануки встал в боевую стойку и почтительно склонил голову. Николас последовал его примеру.

– Начинайте, – скомандовал Кадзума.

Йоси ринулся на Охотника с ошеломляющей скоростью. Хорошо ещё, что бамбуковая палка оказалась значительно легче меча и позволила быстро реагировать. Второй выпад последовал незамедлительно, но на этот раз спасла готовность к парированию. Оборотень уклонился, Николас снова атаковал. Двинувшись слишком резко, тануки потерял равновесие. Меткий удар по ногам поверг его на землю.

Настоятель хлопнул в ладоши, показывая, что поединок окончен. Николас подал Йоси руку, но тот с гордым видом отвернулся и поднялся сам. Только укоризненный взгляд Кадзумы заставил спесивого ученика склонить голову. Охотник повторил его движение и вопросительно глянул на настоятеля.

– Пять ударов. Тебе понадобилось целых пять ударов, чтобы победить, – заключил Кадзума. – А теперь посмотрим, что у тебя получится со мной.

На этот раз Николас атаковал первым. Настоятель не стал увёртываться, а с лёгкостью отразил нападение. Палка казалась продолжением руки, послушно следовавшей каждому его движению. Выпад был настолько стремительным, что едва получилось отбить. Нужно отыскать брешь в его защите с помощью обманного финта.

Эх, не вышло! Настоятель чуть не выбил у него палку. Перехватывая её левой рукой, Николас ушёл от следующего удара. Последнее средство – ветроплав!

Целясь в корпус противника, Охотник сосредоточился на кончике палки и замахнулся. Но прежде чем удар достиг цели, Кадзума подскочил Николасу ноги, и тот опрокинулся на спину.

– Пять ударов. Мне понадобилось всего лишь пять ударов, чтобы победить, – подвёл итог настоятель. – Теперь скажи, в чём твоя проблема.

Охотник поднялся прыжком и огляделся по сторонам.

– Мне не хватает ловкости и гибкости. Я слишком привык полагаться на силу и напор, – ответил он.

Своим мастерством Кадзума внушал восхищение. Даже Мидрира Николас одолевал через раз, а рядом с настоятелем казался желторотым новичком.

– Целых пять ударов! Отцу понадобилось целых пять ударов, чтобы его победить! – восхищённо прошептала Юки.

– Новичкам везёт, – морщился Йоси.

– При всей твоей силе и выносливости ты очень зажат, – оборвал их громкой речью Кадзума. – Твой скрытный и замкнутый характер всегда будет отражаться на твоём стиле боя, однако нужно развивать не только сильные стороны, но и преодолевать слабости хотя бы частично. Пользоваться хитростью и выдумкой далеко не так зазорно, как ставить под удар свою и чужие жизни во имя гордыни и принципов. Больше внимания уделяй растяжкам и гимнастике. Даже если не останешься учиться у меня, это поможет тебе добиться некоторых успехов. А если останешься, я научу тебя летать по крышам.

После обеда настоятель отправил Николаса вместе с Йоси работать в храмовом саду.

– Гармония, красота и единение с природой улаживают взор богов, чьим домом служит наше святилище, – рассказывал Кадзума, пока они брели вдоль набухающих почками вишнёвых деревьев. – А так же помогают прихожанам отрешиться от горестей и забот повседневности. Нужно подготовить сад к празднику цветения сливы и вишни.

– У нас празднуют Эльдангайд, цветение яблонь, но чуть позже, – кивнул Николас.

– Хорошо, – Кадзума вздохнул полной грудью, наслаждаясь видом. – Йоси тебе всё покажет. Постарайтесь удивить посетителей или хотя бы меня.

Настоятель оставил их с тануки на краю сада, переходящего в каменистый пустырь. Неподалёку Эглаборг трудился на грядках с лекарственными растениями.

Йоси схватил грабли и принялся убирать палую листву. Раз ничего не сказали, Николас решил заняться тем же. Дома ему приходилось помогать Риане вскапывать грядки, но никаких склонностей к труду на земле у него не было. Неудивительно, говорил Гвидион, ведь ветер и земля – противоположные стихии.

– Нет, – резко осадил его послушник. – Это моё место. Вон твоё.

Он указал на каменистый пустырь.

– Но там ничего не растёт! – запротестовал Николас.

– Не мои проблемы, – отмахнулся Йоси и снова принялся грести, сопением

напоминания енота.

Делать нечего, придётся обрабатывать пустырь. Интересно, что тут можно посадить?

– Вам помочь? – спросил Эглаборг, наблюдая, как Охотник махает киркой, и та со звоном отлетает от скальной породы.

– Расчистить тут всё и натаскать снизу земли, как думаешь? – спросил совета Николас.

– Её быстро смоев дождями, никакие удерживающие почву растения прижиться не успеют, – покачал головой целитель. – Ничего здесь, кроме камней, расти не будет.

– Сад камней, ха-ха! – раздался из-за деревьев злорадный смех Йоси.

– Хотите, я сам расскажу Кадзуме? – Эглаборг тревожно взглянул в лицо Николаса.

– Справлюсь! – отмахнулся тот.

Целитель вернулся к грядкам, а Охотник принялся возить граблями по щебёнке, прислушиваясь к ритмичному стуку. Когда крупные камни оказались убраны в кучу на краю, грабли начали оставлять на мелком гравии дорожки. С тоски Николас взялся выписывать замысловатые фигуры, похожие на те, что настоятель рисовал у него на плече. Наткнувшись на большой валун, Охотник обвёл и его.

Солнце начало припекать. Николас скинул с себя халат, оставшись в одних шароварах. Опёршись подбородком о рукоятку граблей, Охотник созерцал наведённый им беспорядок. Как они говорят? Гармония, красота и единение с природой. Хм, надо попробовать.

Николас поднял сухую палку и стал составлять на земле планы будущего сада.

Вскоре Юки принесла обед в тростниковой корзине. Вручив половину Йоси, она направилась к присевшему на камень Охотнику.

– Не знаю, что вы любите, поэтому наготовила разного, – она указала на рисовые шарики, обёрнутые в тёмно-зелёные листочки. – Тут есть с угрём, морским ежом, кальмаром, креветками, сырым тунцом и даже с лопухом.

Николас приложил ладонь ко рту. От таких деликатесов желудок испуганно сжался, и к горлу подступила дурнота.

– Есть ещё с соевым творогом и перепелиными яйцами, – совсем смутилась Юки.

Охотник принялся запихивать в себя дурацкие шарики, лишь бы её не обидеть. Угорь вместе с ежом оказались самыми склизкими и противными на вкус. Приходилось жадно запивать водой, чтобы подавить спазмы. Юки исподтишка наблюдала, как мелкие струйки текут по его подбородку и падают на грудь.

– Так ужасно? – спросила она.

– Нет, что ты! Необычно. Мне нравится с творогом и яйцами. И сладкие, как вчера.

– Хорошо! Значит, буду готовить их. Всё хотела спросить... а сколько вам лет?

– Семнадцать. Ну почти, – он отвёл взгляд.

– Но вы такой высокий! Простите за резкость. Мне казалось, вы старше, – Юки снова смущённо опустила взгляд.

Йоси высунул голову из-за куста барбариса и сверкал на них чёрными глазищами.

По сравнению с местными жителями Николас выглядел высоким, даже немного выше настоятеля, да и Эглаборга по росту уже догнал, хотя в такие моменты чувствовал себя сопливым мальчишкой.

– А тебе сколько?

– У девушек такое спрашивать неприлично, но раз вы ещё столь юны... Восемнадцать, – ответила Юки.

– Ты не выглядишь на восемнадцать, – нахмурился Николас.

– Это как раз неплохо. Значит, поздно стану уродливой старухой, – взмахнув ресницами, ответила она.

– Даже в старости ты не будешь уродливой, – тихо заметил он. – Ты не могла бы мне помочь? Насчёт ваших традиций, я всё ещё плохо разбираюсь...

– Конечно! Наш долг помогать и наставлять вас во всём!

Ну вот, она решила вести себя с ним, как с ребёнком. А Йоси, наоборот, шипел и морщился.

– Я набросал несколько планов будущего сада. Какой тебе нравится больше? – пользуясь привилегией несмышлёныша, Николас взял её за руку и подвёл к рисункам.

Она изучала их со всей серьёзностью, прежде чем понурившись, заключить:

– Я ничего в этом не понимаю. Простите. Они кажутся одинаковым.

– Ничего страшного! Подожди, я нарисую ещё, совсем другой, ты заметишь разницу!

Николас схватил палку и со всем старанием, словно делал рисунок в альбоме, принялся выводить контуры.

– Это не сад, а девушка, – усмехнулась Юки, наблюдая, как он делает последние штрихи. – Очень красиво. Ваша невеста?

– Нет, это ты! – ответил Охотник.

– Мой отец не слишком-то меня любит, чтобы, лстя мне, вы чего-то добились.

– Но ведь я не для этого...

Степенно, с полным достоинства видом Юки ушла.

Вдохновение хлестало через край, руки зудели, так хотелось воплотить задумку. Все дни до праздника Николас трудился в поте лица, отводя на сон всего несколько часов. Вначале требовалось расчистить площадку и подсыпать мелкого гравия, на котором можно было рисовать дорожки граблями и который не сдувал бы ветер. Потом Охотник притащил валуны и красиво обтёсанные камушки с пляжа, выбрал точку обзора и расположил всё в нужном порядке. Оставалось только обрамить площадку заборчиком из старых тростниковых циновок.

Когда Кадзума пришёл проверять, Николас устал и перемазался в пыли, как трубочист, но был счастлив от проделанной работы.

– Где же твой чудесный сад? – строго спросил настоятель.

Юки, Йоси и Эглаборг толпились у него за спиной, бросая любопытные взгляды. Охотник жестом пригласил их на возвышение из камней, откуда открывался самый выигрышный вид.

– Я подумал, что может лучше отражать гармонию природы, чем совершеннейшее из её творений, вместилище самой жизни. Юная женщина, будущая мать, – он указал на Юки.

На уложенное камнями и обрисованное бороздками изображение обитатели храма таращились долго.

– Что ж... – первым обрёл дар речи Кадзума. – Весьма необычно. Не знал, что у тебя талант к рисованию.

– Спасибо, – ответил Николас, не сводя глаз с Юки.

Похвалу ему хотелось услышать именно от неё, она его вдохновила, только ради неё он старался.

– Это мёртвый сад! – заявил Йоси.

Юки вздрогнула и подняла на них взгляд:

– Да, именно так. Отец сейчас добавит, что я – вместилище смерти, а не жизни.

– Не дерзи, – осадил её Кадзума.

Она понурилась:

– Прошу меня извинить.

Николас удивлённо рассматривал их хмурые лица. Что он снова сделал не так? Да мертвошэпт такой же дар, как все остальные, ничуть не хуже!

– Но смерть – неотъемлемая часть жизни и природы. Смерть очищает и удобряет почву, смерть даёт земле отдых зимой. Без смерти не будет и обновления. Не сбросив листву осенью, ни сливы, ни вишни не наполнят этот сад цветением в весенний праздник.

Юки смотрела на него, приоткрыв рот. В её глазах плескалось восхищение, смешанное с непонятым сожалением.

– В этом определённо есть своя философия. Если ты жаждешь быть наречённым у смерти, – заключил Кадзума насмешливо. – Думаю, в праздник цветения и молодости посетителям понравятся такие романтические порывы. Идёмте. Нужно ещё подготовиться к завтрашней церемонии.

Солнце медленно катилось из-за гор, окрашивая вершины в ярко-алый цвет. К этому времени во дворе храма собралось с полсотни жителей из деревушек у подножия Кадзеямы. Они полукругом обступили церемониальную площадку у святилища. Там стоял похожий на цитру музыкальный инструмент, на котором играл настоятель. Йоси аккомпанировал на флейте, Эглаборгу достался барабан, хотя Николас покушался на него первым.

– Ты лучше будешь смотреться в танцах, – возразил Кадзума накануне. – Выбери маску, станешь в пару с Юки.

– Но я не знаю движений!

– Это обычный спонтанный танец, вдохновляемый духами. Неужели тебя не учили?

– Учили, – не слишком обрадовано ответил Охотник, разглядывая висевшие на стене уродливые маски.

– Если останешься, можешь сделать по своему вкусу, – не терпящим возражений тоном заявил настоятель и отправился спать.

Николас с Юки выбрали одинаковые маски с разрисованными красными полосами кошачьими мордами. В цветастых костюмах из шуршащей материи им предстояло танцевать для публики.

Зазвучала красивая ритмичная музыка. Толпа замерла в ожидании. Юки выпорхнула на площадку и закружилась, взмахивая широкими рукавами, как мотылёк крыльями. Двигалась она с грацией кошки, легко и непринуждённо. Каждое движение незаметно вытекало из предыдущего и сливалось с мелодией. Звук обретал очертания в виде пластики человеческого тела. Юки изображала то ли повеления богов, то ли воспоминания из их длинных жизней.

Николас так засмотрелся на неё, что не сразу понял, что должен стать в пару. Он подхватил Юки и притянул к себе. Польза от танца очевидна: жрица не сбежит, а её партнёру разрешено подходить настолько близко и обнимать настолько крепко, насколько «позволяют боги». Губы под маской растягивались в довольную ухмылку.

Охотник кружил Юки, поднимал над собой и отплясывал в ритме заходившегося от страсти сердца. Их тела сплетались и становились единым целым. Были бы танцы под запретом, вокруг них возводились бы не меньшие стены возжелания и тёмной страсти, чем

вокруг соития.

Жрица прогнулась, опираясь на его руки. Музыка стихла. Николас замер, желая продлить мгновение как можно дольше. Толпа захлопала, осыпая их цветами и монетами. Юки выпрямилась и отстранилась, опустив взгляд к мостовой.

Кадзума похлопал Охотника по плечу:

– Что поделать. Когда приходит весна, даже удалой воин танцует любовную пляску.

Николас поднял маску с лица и посмотрел исподлобья. Чего хочет настоятель? То сам толкает дочь ему в объятия, то намекает на что-то опасное и постыдное. А меж тем время подходит к концу. Скоро последние штрихи на татуировке будут закончены, и Охотнику придётся уйти, ведь зеркало он не добыл.

Кадзума принялся читать молитву возвышенным голосом:

– Северному Ветру, чтобы оставили наш край засухи и ненастья, мы приносим в жертву наше богатство.

– ...наше богатство... – вторили люди, выкладывая на небольшой столик деньги, ткани и посуду.

– Южному Ветру, чтобы послал нам урожайный год, мы приносим в жертву непорочную деву.

– ...непорочную деву... – Юки опустила на колени и склонила голову.

– Восточному Ветру, чтобы не насылал на нас врагов лютых, мы приносим в жертву наше оружие.

– ...наше оружие... – рядом со столиком мужчины складывали ножи, кинжалы, луки со стрелами и мечи.

– Да прибудет с нами Западный Ветер!

– Брат наш, Ветер, защити! – они взывали особенно громко, но подношений не оставляли.

Западному Ветру приносили только клятву верности перед тем, как вступить в орден. Иного он не требовал.

«Только ваши души», – усмехнулся про себя Николас.

Когда всё закончилось, гости разделились на пары и направились в сад.

– Раньше подношения были куда как более щедрыми, – рассказывал Кадзума. – Их сбрасывали в колодец под святилищем. Если боги принимали жертву, она исчезала.

Николас оглянулся на Юки, которая собирала с мостовой монеты.

– Меня всегда волновало, что происходило с девушками. Их тоже бросали в колодец?

– Конечно. Они год ублажали богов, а когда возвращались благословлёнными, становились самыми желанными невестами.

– Отличный способ развлекаться за чужой счёт без каких-либо обязательств. Ах, ну да, благословение! – не удержался от язвительного замечания Николас.

– Ты порицаешь богов? – усмехнулся Кадзума.

– Я порицаю дурацкие традиции и предрассудки.

– Сейчас всё по-другому. Древние храмы ветшают. Служителей и прихожан становится всё меньше. А жертвоприношение превратилось в пустой ритуал, нужный чтобы избавиться от лишнего хлама. Твоя задача – разобрать, что пойдёт на выброс, а что ещё может послужить.

Эглаборг отвлек настоятеля на долгую и скучную беседу об уникальных качествах местной флоры и о полезных свойствах чая. Йоси с едва слышным хлопком обернулся

енотом и юркнул прочь, пока его тоже куда-нибудь не приспособили.

Николас принялся за работу. С посудой и тряпками разобраться удалось довольно легко. С оружием вышло немного сложнее. Затупленные, покрытые ржавчиной клинки с зазубринами, никудышным балансом и неудобными эфесами составляли большую часть пожертвований. Иногда попадались славные на вид вещицы, но после тщательно осмотра обнаруживалась плохаяковка или некачественный сплав.

Едва закончив, Охотник увидел, что Юки направляется на вишнёвую аллею.

– Ты куда? – метнулся он к ней, не желая упускать последний шанс.

– К Тёплому озеру, где растёт белый лотос. Там ещё остались семена с прошлого года.

Нужно их собрать для украшений и чёток.

– Можно с тобой?

Юки добродушно кивнула.

В вишнёвом саду пары сидели на циновках под цветущими деревьями и пили чай со сладостями. Ветер кружил в воздухе розовые лепестки и устилал землю пышным ковром. Они оседали на чёрных волосах Юки, делая её ещё более красивой. Сладкий аромат пьянил.

Ближе к выходу из сада людей становилось всё меньше, пока они и вовсе не скрылись из виду. Николас с Юки заговорили одновременно.

– Извини. Дамы первые, наша традиция, – сказал он.

Юки улыбнулась одними глазами.

– Я устала от притворства и хотела поговорить напрямик. Спасибо, что догадались сопроводить меня. У нас женщинам запрещается просить. Ваши ухаживания... Право, не стоит. Я недостойна любви. И когда вы узнаете, то даже смотреть в мою сторону не захотите. Я...

– Настоятель мне всё рассказал, – оборвал её Николас. – Про то, что ты дочь куртизанки и не можешь стать уважаемой женой. Но мне до этого дела нет.

– Он так сказал? – глаза Юки удивлённо расширились. – Я проклята. Никому нельзя...

– Мою семью казнили как колдунов. Мой дом сожгли. У меня на родине на каждом столбе красуется табличка с моим лицом и обещанием огромной награды за поимку. Моего деда проклинали за предательство и враги, и друзья. Сам Белый Палач мечтает отомстить мне непонятно за что. Думаешь, ты проклята больше меня?

Юки сокрушённо потупилась. Дальше они брели молча.

Вулкан Кадзеямы потух много веков назад, но магма до сих пор нагревала подземные источники у подножия горы. Самый большой из них назывался Тёплым озером. У берега густым лесом рос тростник. Николасу и Юки пришлось долго шагать вдоль него, чтобы найти просвет, ведущий к открытой воде.

– О, нет! Семена уже кто-то собрал! Похоже, придётся искать в другом месте, – жрица печально вздохнула, избегая его взгляда, как избегала всю дорогу после их разговора.

– На середине ещё что-то осталось, – Николас указал на торчавшую из воды сухую коробочку с семенами.

– Далеко, до них не доплыть. К тому же, воздух холодный. И там могут водиться демоны. Пожалуйста, не надо! Я придумаю что-нибудь другое.

– Нет! Если что-то произойдёт, виноват буду только я, моя слабость и глупость.

Николас снял халат и шаровары, оставшись в одном исподнем. Юки стыдливо отвернулась, кусая губы в волнении. С высокого берега он нырнул в зелёное от водорослей озеро. Холодно здесь не было – затхлая стоячая вода.

Растительность неприятно заскользила по телу. Из-за телорезов Охотник не решался нырять глубже. Он подплыл к одной из коробочек и уже протянул руку, чтобы сорвать её, но ногу оплёл стебель и дёрнул вниз. Вокруг головы обернулся воздушный шар, чтобы можно было дышать чуть дольше.

Всё-таки демон. Почему в этой стране цветов и ив его чутьё отказало? Вначале оно предупреждало об опасности, которая так и не случилась, а потом и вовсе притупилось, словно разум привык и не реагировал, даже когда Николас нос к носу сталкивался с демонами, как сейчас.

Он коснулся дна и увидел перед собой пупырчатую зеленокожую тварь. Помесь черепахи и лягушки: морда плоская, на спине большой жёлтый панцирь. Ростом Николасу по грудь, водяной протягивал к нему перепончатые руки.

«Отпусти меня, и я не причиню тебе вреда», – мысленно позвал его Охотник.

«Нет, это моё озеро! Живо говори, что тебе здесь понадобилось!» – зазвучал в ушах булькающий голос.

«Семена лотоса».

«Это мои семена, не отдам, – упрямо булькнул водяной. – Если тебе нужны, то и мне сгодятся. Так зачем они тебе?»

«Для жрицы из храма», – чистосердечно признался Николас.

Опыт общения с подводными жителями подсказывал, что драться на их территории равносильно самоубийству. А вот зубы заговорить можно.

«Ох, для прекрасной девы, чьи волосы чернее земли, кожа белее снега, губы алее роз и голос поёт как тростник? – его бульканье стало куда более мелодичным и мечтательным. – Я всё время жду её прихода, чтобы любоваться ею».

«А познакомиться с ней ты не пробовал?»

«Нет. Это как? Разве можно?» – залепетал он смущённо.

«Собери побольше семян, подари ей и заслужишь её счастливую улыбку», – подсказал Охотник.

Водяной разжал руки. Оттолкнувшись ногами от дна, Николас всплыл на поверхность.

– Мастер Стигс! Возвращайтесь, молю! – заламывая руки, кричала Юки с берега.

Охотник мощными гребками направился к ней, но водяной его опередил. Демон с опаской выглянул из камышей и протянул Юки четыре коробочки с семенами лотоса.

– Это всё, что есть, но как поспеют новые, обещаю, соберу всё и не дам пропасть ни одной штучке! – проквакал водяной.

– Спа-спасибо, – изумлённо ответила Юки, принимая подарок.

– Вы... вы такая красивая! – он восхищённо вздохнул, оглядывая её с головы до ног.

Николас выбрался на берег и накинул на себя халат, чтобы не замёрзнуть на холодном ветру.

– Это водяной. Он давно наблюдает за тобой, но до сих пор боялся заговорить.

– Каппа! – поправил его демон.

Юки сложила ладони вместе и вежливо поклонилась.

– Это ты приносишь лилии на порог моей комнаты каждый день с тех пор, как отец привёз меня сюда?

Если бы кожа каппы могла менять цвет, то точно бы стала пунцовой.

– Ночью я покидаю озеро и брожу среди людей неузнанным. Однажды я пришёл в храм на праздник и увидел вас там. Вы выглядели такой грустной, и я подумал... – Юки

посмотрела на него так, что он осёкся на полуслове. – Люди злы и жестокосердны. Если они когда-нибудь обидят вас, приходите ко мне. Я укрою вас в своём озере от всего.

– Благодарю. Теперь семян точно хватит на украшения. Хочешь, я подарю тебе чётки?

Она сняла с запястья нитку из засушенных семян, на которых были вырезаны священные знаки, и вложила их в перепончатую ладонь.

– Вы настолько же добры, как и красивы! – просиял каппа.

– Вот видишь. Главное – не бояться заговорить, – подмигнул ему Николас.

– Благодарю вас, добрый мастер, – поклонился ему демон. – Защитите её! Защитите от этого злого человека!

Юки пожала губы, и каппа с несчастным видом нырнул в озеро.

– О каком человеке речь? – спросил Охотник, натягивая на себя шаровары.

– Не знаю. Наверное, об отце. Он многих демонов убил, естественно, его не любят.

Николас задумчиво хмыкнул. Вытряхнув семена из коробочек, они направились в храм.

– Весна-весна, что же она с нами делает? Даже бедный водяной, и тот без памяти влюбился, – шутил Николас, наблюдая, как в воздухе кружится вихрь лепестков.

Они рассмеялись, но Юки вдруг посерьёзна:

– Вы были так добры с ним несмотря на то, что он – демон.

– У меня дома люди и нас, одарённых, считают демонами. В детстве я даже выдумал, что я подкидыш и мучаю своих родителей. Но потом наставник объяснил мне, что это не так. Не рождение и не сила определяют, добро ты или зло, достоин или нет, а лишь твой собственный выбор, твои собственные поступки. Пока каппа не причинил никому вреда, обижать его незачем.

– Вы удивительны! – выдохнула Юки.

На неуловимое мгновение в уголках её глаз мелькнули слёзы. Почему? Он же всего-навсего хотел её развеселить!

Наступил последний день отведённого ему срока. Настоятель пригласил Николаса в святилище и нанёс последние штрихи татуировки.

– Я так понимаю, зеркало ты не достал? – спросил Кадзума с едва заметным сожалением.

– Ваша дочь столь же нестигаема, сколь прекрасна, – ответил Николас. – Не перемените задание?

– Это было бы неправильно. Слово твёрже камня. Если один раз погрешить против него, вся жизнь под откос пойдёт. Завтра на рассвете ты должен покинуть храм.

Настоятель поднялся с циновки и ушёл. Николас остался сидеть, пригвождённый к месту. Сквозь распахнутые двери свет упал на зеркала, оживив спавшее в них волшебство. В левом, где отражался младший из Братьев-Ветров, зашевелились призрачные силуэты. Опираясь руками о края из него вылез Безликий.

Внутренности болезненно стягивались от страха, но пошевелиться не получалось.

– Чего ты ждёшь? Бери меч!

Николас поднял взгляд на звёздный клинок на стене. Может, стоило попытаться? С чудесным оружием у него появилась бы цель – месть Предвестникам. А если нет... бессмысленное существование прервалось бы в один миг. Но что-то удерживало от решительного шага.

– Тебе кажется, что ты нашёл здесь дом и близких, но это обман. В глубине души ты это

понимаешь. Твоё проклятье куда страшнее того, что лежит на жрице. Ты – последний из священного рода Комри. Ты должен отыскать меня и возвести на Небесный престол, иначе Мрак погубит весь мир!

– Нет! – упрямо мотнул головой Николас.

– Что «нет»? – воскликнула Юки.

Охотник перевёл на неё ошарашенный взгляд. Жрица затворила двери, и Безликий исчез вместе с солнечным светом.

– С кем вы разговаривали?

Она держала в руках метлу.

– Извини. Твой отец отказался брать меня в ученики, поэтому завтра мне придётся уехать. Я немного... расстроен, но... переживу как-нибудь.

Николас накинул на себя халат и поднялся с циновки.

– Вы и так гораздо лучше его: мудрее и сильнее, пускай даже не такой опытный и важный, – с горячностью заявила Юки.

– Он говорит, что у меня слишком много внутренних демонов из прошлых жизней. Наверное, он прав. Иногда я чувствую, как что-то грызёт меня изнутри, и я теряю рассудок.

– Хотите, погадаю на ваши прошлые жизни? Это особенность моего мертвошэпта.

– Чтобы хотя бы этот последний из дней мы провели вместе?

Юки улыбнулась и кивнула. Забыв об уборке, она повела его в свою комнату.

За матерчатыми перегородками было светло и просторно. На полу лежали циновки и одеяла с подушками. На противоположной стене висело вожденное бронзовое зеркало. Оно выглядело куда причудливей зеркал в святилище, словно изукрашенное инистыми узорами. Даже без солнечного света в его матовой поверхности отчётливо отражались недобрые глаза Безликого, будто разводы туч на грозном небе. Вот почему оно такое особенное!

Жрица усадила Николаса на циновку, приготовила чай и налила его в чашку. На полу рядом стояло большое яшмовое блюдо.

– Остудите и выпейте. Подумайте о том, что вас беспокоит, а потом выложите заварку на блюдо.

– Хорошо. В награду я сделаю всё, что ты пожелаешь.

От горячего напитка вился дымок. Юки теребила кулон-ловушку для призрака. Николас грел ладони об чашку и смаковал тонкий аромат мелкими глотками. Спешить некуда. Плевать на гадание! Но как же здорово оказаться в запретной девичьей комнате. Возможно, он видит лицо жрицы в последний раз, в последний раз слышит её журчащий соловьиными трелями голос. А дальше любоваться он сможет только рисунками в своём альбоме.

Напиток закончился слишком быстро. Охотник вертел чашку в руках, приносясь к запаху раскрывшихся листочков. Только после этого он выложил заварку на блюдо, стараясь ничего не запачкать.

Юки подалась вперёд, растопырив пальцы. Её аура вспыхнула переливами изумруда и сердолика.

– Дайте мне руку, – сказала она грудным голосом и зажмурила глаза.

Поглаживая шелковистую ладонь жрицы, Николас мягко сжал её.

Юки морщилась, сосредотачиваясь всё сильнее. Аура полыхала ярче, окутывала приятным теплом, пробуждавшим волнение и голод глубоко внутри. Думать о тревожном не получалось, как и вообще... думать о чём-либо, кроме её податливой мягкости и нежности.

– Это так странно, – её ресницы затрепетали. Юки притянула к себе другую его ладонь и посмотрела на него своими упоительно вишневыми глазами. Никогда они ещё не были так близки, даже в танце. – У вас разорваны все родственные связи.

– Может, это от того, что моя семья погибла?

– Нет. Обычно я вижу всех умерших родственников до третьего колена, а у вас – никого.

– На мне печать мар. Мой отец случайно проклял меня ещё до моего рождения. Может, поэтому?..

– Я про такое не слышала. Но листики, – Юки указала на блюдо. – Они отвёрнуты от центра и цепочками стремятся вовне. словно они тянутся к вам, ваши близкие, может, даже не из этого воплощения, но вы наказываете себя и рвёте эти связи. Как будто в прошлой жизни с вами случилось нечто ужасное.

– Я кого-то убил, да?

Николас насмешливо прищурился. Испугается или нет? Выдернет ладони или останется с ним в пленительном соприкосновении?

– Не знаю. Вы не можете простить себя и мучаетесь, ходите по замкнутому кругу из одних и тех же ошибок. Вырвитесь из него, отпустите прошлое, и вам станет легче. Просто живите дальше и будьте счастливы. В этом смысл...

Юки снова опустила взгляд к блюду.

– Отец говорил, что во мне возродился мой дед. Он был последним Архимагистром Сумеречников и объявил капитуляцию. Я за это не могу себя простить?

Юки снова взяла его ладони в свои.

– Его сожгли на костре посреди людной площади? Тогда – нет. Вы умерли по-другому, во льдах, совсем один. Этот холод до сих пор живёт в вас. Поэтому ваши руки зябнут даже в тёплую погоду, а снег навевает тоску, – она понурилась. – Простите, ничего определённого сказать не выходит. Мой дар бесполезен!

Юки едва слышно всхлипнула и попыталась отстраниться, но Николай не позволил и придвинулся вплотную.

– Ты очень помогла. Я безмерно благодарен, – зашептал он, ощущая её трепет. – Скажи, чего желаешь. Я всё исполню.

– Нет, вы ничего не должны, – сопротивлялась Юки вяло.

В любой момент она могла хлестнуть его по лицу или закричать. Так опасно. Но это чувство было не менее упоительно, чем её близость.

– Но я хочу. Больше всего на свете, – голос не слушался, хрипел и ломался, в горле пересохло. – В этот последний из дней. Скажи, чего желаешь. Скажи. Другого шанса не будет.

Их губы были так близко, глаза смотрели в глаза, дыхание опаляло веки. Хотелось стать мыслечтецом и знать наверняка, что значит каждый взгляд и вздох.

– Я... – шептала Юки лихорадочно. – Я... так хочу...

– Просто скажи!

Он уже касался её верхней губы. Сладкий запах лотоса с ноткой женской терпкости обволакивал его.

– Вашей любви, – выдохнула она через мучительное мгновение вечности.

Язык скользнул в её горячий рот, погладил небо. Руки уже развязывали пояс на её спине и стремились поскорее стянуть одежду. Вскоре её обнажённое тело предстало перед ним во всей уязвимой красе от острых трепетных грудей с набухшими сосками до тонких изящных

ножек и спрятанной в тёмном пуху ложбинкой между ними. Вся выдержка уходила на то, чтобы не рвать Юки в бешеном темпе, а наслаждаться изысканно-медленно, как она того заслуживала. Возносясь на пик наслаждения, он думал лишь о том, что никогда в жизни не чувствовал столь болезненную радость.

Кадзума дожидался Николаса на рассвете у парадных красных ворот.

– Где твои вещи? – спросил настоятель, разглядывая зажатые в руке Охотника бамбуковые палки.

– В моей комнате так же, как и зеркало Юки. Можете проверить, – лицо само собой растянулось в кошачью ухмылку.

– Ты взял эту крепость силой?

– Какая радость брать силой то, что должно доставаться лаской и смекалкой? – он бросил Кадзуме одну из палок. – Начнём?

В улыбке настоятеля промелькнуло торжество.

– Защищайся!

Оттолкнувшись ветроплавом от мостовой Николас подлетел на крышу. Настоятель последовал за ним. В поднебесье остервенело застучали бамбуковые палки.

===== Глава 21. Преображение морского змея =====

1567 г. от заселения Мунгарда, Острова Алого Восхода

Прошло полтора года с тех пор, как Николас впервые переступил порог Храма Ветров. Это место стало роднее и ближе, чем собственный дом. Жизнь здесь текла медленно и безмятежно, каждый день превращался в праздник.

Эглаборг с упоением изучал диковинки природы, целительства и традиций. Кадзума позволил ему открыть лечебницу. Посетители стекались туда из окрестных деревень со своими большими и малыми проблемами. Даже очереди выстраивались. Большинство оставалось довольно, и платили куда как щедро. На вырученные целителем деньги жил весь храм.

Иногда случались беды. Менее удачливые лекари распространяли грязные слухи или портили снадобья. Попадались вспыльчивые посетители, которые требовали больше, чем Эглаборг мог сделать и винили его за то, что было ему неподвластно.

Николас приглядывал за ним. Несколько раз пришлось караулить, махать кулаками и выпроваживать непрошенных гостей, но вскоре задиры поняли, что со служителями храма лучше не связываться, и больше не донимали. Главное, что сам целитель всегда оставался в светлом расположении духа, а уж лечебницей и вовсе был доволен.

Охотнику на двоих с Юки выделили комнату побольше и подальше от остальных, с края храмового комплекса, чтобы парочка не смущала никого своим шумом.

Кадзума с энтузиазмом взялся за обучение Николаса, назначив по три тренировки в день. Утренняя – для тела, дневная – для меча, и вечерняя – для духа.

С утренней тренировкой проблем не возникало. К гимнастическим упражнениям и растяжкам Николас приноровился довольно быстро, да и не привык жаловаться и сдаваться перед трудностями. Он лазал по скалам в поисках птичьих гнёзд или редких мхов для зелий Эглаборга, ходил по перекинутым через пропасти канатам, нырял в океане за жемчугом для поделок или танцевал на церемониях вместе с Юки.

Учился он и необычному бегу, который по скорости сравнивался со скачкой на лошади. Требовалось дышать равномерно, держать руки за спиной ладонями вверх, наклоняться

вперёд и отталкиваться носками. Поначалу было непривычно сохранять равновесие в таком положении, но в конце концов он приноровился и смог посоревноваться в скорости даже с неуловимым Йоси.

Дневная тренировка посвящалась искусству фехтования. Сложно было сказать, кому она доставляла большее удовольствие: Николасу или Кадзуме. Они разучивали новые приёмы, сражались на крышах, на ветвях деревьев и даже в воздухе, прятались в тени, используя дар неожиданными способами, в ход шли самые разные предметы.

А вот с вечерней всё оказалось очень непросто. Внутренние демоны, как говаривал настоятель, не поддавались укрощению. То мучили воспоминания о погибшей семье, то чутьё предупреждало о несуществующей опасности, то отношения с Юки не позволяли сосредоточиться. Поэтому в последнее время тренировки духа вытеснили остальное.

Николас часами медитировал перед бронзовым зеркалом, вглядываясь в собственное отражение, пока глаза не омывало слезами. Голова кружилась. Солнечные блики складывались мозаикой то в маску Безликого, то в статуи Братьев-Ветров, то в видения о гибели семьи. Частенько на Николаса смотрел разноцветными глазами сам Белый Палач, поглаживая сидевшего на плече чёрного спрута.

С ужасом накатывало осознание, что все эти демоны – лишь его собственное искорёженное отражение. Зло не снаружи, оно внутри, притаилось в непроглядной глубине спокойного, как море во время штиля, разума. Если врага не победить, то нужно хотя бы познать. Но этого не получалось.

После медитации Охотник рисовал на зеркале чёрной тушью магический знак. Его нужно было выполнить идеально: не ошибиться в наклоне, толщине и длине ни единого штриха. Иначе внутренние демоны могли вырваться наружу. По крайней мере, так иносказательно выражался настоятель.

В перерывах между тренировками Николас помогал Кадзуме в кузнице, где они переплавляли пожертвованный хлам в оружие и украшения. Йоси продавал их или выменивал на более полезные вещи в деревушке у подножья Кадзеямы. Но основным занятием слугителей было очищение окрестностей от демонов.

Раз в несколько недель из поселений приходили просьбы о помощи.

Поздней осенью здесь часто разыгрывались шторма. Лёгкие рыбацкие суда разбивались о выступавшие из воды скалы, а подхваченные течением люди не могли выплыть. Их гибель привлекала демонов-падальщиков, водных и воздушных. А ещё тех, кто шнырял у кромки прибоя в поисках мусора, который волны выносили на песчаные отмели.

Порой в воде вспыхивали мириады огоньков, и с небес в глубину ныряли чайкоподобные тэнши. Они искали утопленников.

Иногда у линии горизонта появлялся призрачный корабль с полупрозрачными моряками. Лица им заменяли голые черепа с налитыми кровью глазами, одежду – ошмётки водорослей и кораллов. Из заплутавших по дороге к Сумеречной реке мёртвых душ они пополняли свою команду и плыли дальше.

Неодарённые пугались этих происшествий, но ничего страшного они не сулили в отличие от грабежей Оньи или гнева мононоке. Настоятель часто отправлял Николаса и Йоси разбираться с разбушевавшимися демонами самостоятельно. Тануки всё время пытался соревноваться с Охотником, а когда не получалось обойти соперника, становился угрюмым и огрызался на каждое слово. В последнее время он так отчаялся, что отказался от большинства миссий, несмотря на недовольство Кадзумы, и принимал участие только в

самых трудных, где без лишних рук было не обойтись.

Николас же каждый раз с охотой отправлялся в путь. Всё чаще он задерживался, уходя дальше, чем следовало. Дороги звали в большой мир, лишь по ним, по дальним странствиям он позволял себе скучать, а о потерянном доме и погибших родных старался не думать. Слишком сильно горе разъедало душу, а время не лечило, как бы он ни надеялся на это.

В солнечный осенний полдень Юки вышла на храмовую площадь. Отец устроился в тени жилой постройки и вертел точильный камень, возвращая клинку остроту. То и дело настоятель бросал взгляд на крышу святилища, где виднелась долговязая фигура Морти.

Он сильно вытянулся и возмужал за эти полтора года. На щеках появилась щетина, он начал бриться. Излишняя худоба прошла благодаря хорошему питанию и строгому распорядку дня. Наросли мышцы, движения стали более ловкими и уверенными.

– Сбоку ещё проверь! – крикнул отец.

Морти, похоже, латал крышу. На мгновение он повернулся к западу, увидев отблески океана внизу. Большая вода и даже небо манили его. Вот-вот он оттолкнётся от черепицы и понесётся в необозримую даль, туда, где осталось его разорённое родовое гнездо, туда, куда звали его близкие из прошлого воплощения.

В редкие свободные часы Охотник увлечённо мастерил ритуальные маски. Искусные, они отличались большим разнообразием от причудливо-красивых до совсем жутких. Морти развешивал готовые поделки на стене и часто надевал какую-нибудь на тренировки. Маски казались настолько живыми, что даже самые смешные из них пугали.

В порывах ветра по ночам слышались их голоса. Призрачные фигуры проходили сквозь матерчатые перегородки и натягивали на себя эти маски, словно были их хозяевами. Птичьи клювы, прямые и изогнутые, в обрамлении перьев, чёрных, белых и коричневых, глаза – едкие тёмные бусины.

Фигуры кружились вокруг спящего Морти, протягивали к нему руки, желая обнять, воссоединиться, забрать к себе. Ворон, сокол и сова, они клекотали и ухали с тоской, каждый по-своему, словно звали.

Морти разговаривал с ними во сне, шепча на непонятном птичьем наречии. Изредка во время жарких объятий близости в его томных вздохах звучала тихая молитва: «Лхассей-лхассей-лхассей». Словно он вспоминал женщину из прошлой жизни – своё наваждение. Видел перед собой и желал только её, а Юки служила лишь временной заменой, с которой он никогда не был по-настоящему – душой и сердцем, а не только телом.

– Тут всё в порядке. Лет десять течь не будет, – крикнул Морти, осмотрев черепицу, и задорно подмигнул Юки.

Она помахала ему рукой и приложила ладони к груди. Всё ещё с ней!

– Перебирайся на другое здание, – нетерпеливо скомандовал отец.

Морти грациозно перескочил на соседнюю крышу, помня, что если повредит черепицу, самому же придётся её восстанавливать.

– Вчера во время тренировки он победил вас. И позавчера, и два дня назад, – тихо заметила Юки.

Кадзума удивлённо вскинул брови:

– А сегодня победил я, и он латает крышу. Даже у лучших бывают трудные времена, все мы иногда совершаем ошибки. Главное, учиться на них, чтобы в следующий раз они нас не убили, – ответил отец в наставительной манере, словно не хотел ничего слышать.

– Мне иногда кажется, что Морти перерос нас: меня, наш храм, даже весь остров. Мы уже не помогаем, а сдерживаем его, – с тоской заметила Юки. – Скоро он уедет, а мы так и останемся в туманной дрёме.

– Ты беспокоишь меня. Если журавль хочет в небо, то сломав ему крылья, ты убьёшь его. Нужно отпустить и ждать. Если он действительно любит, то будет возвращаться, как бы сильно его не манили полёты, – Кадзума вскинул меч и направил на неё остриё. – Не повторяй ошибки своей матери, помни о её судьбе. Не заставляй меня сделать то же и с тобой.

Юки обняла себя руками и опустила взгляд:

– Я понимаю.

Но как же страшно оставаться одной, когда Морти летает в необозримой выси.

Первые лучи солнца перекрасили комнату в таинственные багровые тона. Морти вытянул руку, глядя как свет сочиться сквозь растопыренные пальцы.

– Что ты делаешь? – спросила Юки, поднимая голову с его груди.

– Ничего, – тихо ответил он, целуя её в макушку. – Мне уже пора на тренировку.

– Отец решил сжить тебя со свету, – опечалилась жрица. – На нас с Йоси он никогда не тратил больше нескольких часов в день.

– Не накарай, а то он скоро и на сон времени не оставит, – отшутился Морти, натягивая на себя шаровары. – Встретимся в столовой. Люблю тебя. Не скучай.

Как только он вышел, Юки поднялась и подошла к зеркалу. Нарисованный на нём тушью знак вечности растекался, выцветал и исчезал. Сквозь него проступало отражение. Глаза в нём – осколки синего льда, волосы – сверкающая изморозь, а губы окрашены кровью.

– Счастлива, дочка? – спросило отражение скрипучим голосом. – Мои чары укротили даже гиблый ветер. Никуда он от тебя не денется, если Кадзума всё не испортит. Убей его, и вы оба освободитесь.

– Нет, мама, нет! Мы уже столько раз это обсуждали! – взвилась Юки. – Кровь на моих руках сделает меня такой же, как ты. Морти замечательный: он может любить презренную дочь куртизанки и даже полукровку, но убийцу – никогда!

– Глупая! Думаешь, он тебя любит? Это всё мой приворот. Я одна тебя люблю, дочка, и сделаю всё, чтобы ты вырвалась из плена Кадзумы. Не веришь мне? Так загляни в альбом, – отражение указало на сложенные в углу вещи.

Там Морти зарисовывал демонов, показывал и рассказывал ей. Молчаливый и замкнутый, только о странствиях и борьбе он мог рассказывать часами напролёт, даже делился своими мечтами и фантазиями.

Нашлось среди его рисунков и кое-что кроме демонов: девочка с распущенными волосами и испуганным личиком. Она сидела в центре круга на дощатом полу и иступлено смотрела вверх, открыв рот. Рисунок этот был выполнен куда более тщательно, чем остальные, и повторялся через каждый десяток страниц, всё искуснее и отчётливей, словно из тумана проявлялся забытый сон.

– Это его истинная суженая, – вкрадчиво прошептала мать. – Та самая, из прошлой жизни. Она до сих пор тянется к нему и зовёт. Он говорит с ней каждый вечер, когда смотрит на закат и беззвучно шевелит губами. Она не отпустит его. Рано или поздно он поддастся тоске и отправится за ней, а о тебе забудет.

– Нет, я не верю! Он честный и благородный, он любит меня и никогда не предаст! Я

придумаю, как удержать его без чар.

– Убей Кадзуму и выпусти меня. Я скую волю твоего любимого осколками льда, и он никогда тебя не оставит. Это единственный шанс.

– Маску забыл, извини! – позвал Морти.

Жрица чуть не подпрыгнула от неожиданности. Он держал в руке свою любимую овальную маску с красными царапинами.

– Юки, что происходит? – Охотник побледнел и нахмурился.

– Я просто... просто... – она судорожно придумывала ответ.

– Просто рылась в моих вещах, – подсказал Морти. – Что ты там увидела, что на тебе лица нет?

– Кто это? – обличительно спросила она, показывая рисунок.

– Вилия. Завлекает мужчин пением в чашу и пьёт из них все соки, – ответил Охотник, забирая у неё альбом.

– Нет, это человек. Ты постоянно её рисуешь. Почему?

– В самом деле? – он удивлённо вскинул брови и перелистал страницы. – Я не... это интересный образ. Он меня вдохновляет. Но если хочешь, отныне я буду рисовать только тебя.

Морти погладил её щёку, пытаясь смягчить.

– Эй, зачем ты стёрла с зеркала знак и с кем разговаривала, когда я пришёл?

Он коснулся пальцами бронзовой поверхности. Казалось, отражавшаяся в ней мать вот-вот обхватит его руками и утянет к себе в клетку из зазеркалья.

– Ты не рисовал никакого знака сегодня, забыл? Это я должна спросить, с кем ты разговариваешь и чьё имя шепчешь, когда мы вместе, – напустилась Юки, только чтобы его отвлечь.

– Правда? Я... – он взлохматил волосы пятернёй, вертя головой из стороны в сторону. – Нет, ничего такого я не помню. Тебе чудится!

Морти макнул кисть в миску с тушью и принялся рисовать на зеркале так остервенело, словно стремился сбежать от проблем. Мать скалилась на него, будто желала выцарапать глаза.

В уши ввинчивался её шёпот:

«Гиблый ветер не удержать, он не умеет любить, лишь мои чары сковывают его волю. Откажешься, и останешься одна!»

– Помнишь, отец проводил церемонию венчания для той пары беженцев из Поднебесной? Она была такая тихая и скромная, – не выдержала Юки. – Давай поженимся!

Кисточка дрогнула, перечеркнув всю работу.

Морти глянул на Юки ошалело:

– Ты хочешь замуж? Я не самый подходящий жених. С моим образом жизни и проблемами ты рискуешь через пару лет остаться вдовой. Зачем тебе это?

– Морти! – отец отодвинул перегородку и сверкнул на Юки глазами.

Она приложила ладони ко рту: настоятель почувствовал мать и обо всём догадался. Если он скажет... Ох, почему у неё не хватило смелости признаться? Ведь Морти бы простил и понял наверняка!

– Пунктуальность – одна из главных наших добродетелей. Ты забыл? – строго сказал Кадзума.

– Простите. Я отвлёкся и был несобран, – глухо ответил Морти. – Такого больше не

повторится. Простите!

Он схватил тряпку и стёр растёкшуюся по зеркалу тушь.

– Хорошо, я подожду тебя, но это в последний раз.

Отец предупреждающе посмотрел на Юки, ведь грозил вовсе не своему обожаемому ученику.

Охотник взялся рисовать знак вечности по новой. В этот раз жрица дождалась окончания. Лишь когда он опустил кисточку, она обняла его со спины. Его халат, куда Юки уткнулась носом, промок от её слёз.

– Давай поженимся и уедем. Он разлучит нас. Разлучит!

Она всхлипнула, и Морти приложил её ладонь к губам:

– Не переживай. Я всё решу.

Юки закрыла глаза. Вот бы сказка никогда не кончалась!

Тренировка в горах завершилась. Николас с настоятелем сидели на краю обрыва, свесив ноги в пропасть. Океан накатывал на берег впереди. В полупрозрачной дымке воображение дорисовывало очертания родного берега, манящего и далёкого. А может, это неизведанный Гундигард, древняя колыбель человечества, заброшенная из-за войны с Мраком. Там, за жаркими пустынями и непроходимыми джунглями, скрывались древние тайны, возможно даже, разгадки, которые он так жаждал получить. Знание, которое помогло бы одолеть Мрак даже без помощи злых богов и их проклятых мечей.

А вон там, в причудливых клубках облаков угадывался силуэт Благословенного града со свечными башенками. Когда ветер дул в лицо, то доносил запах жасмина. Хотелось сорвать с себя печать Кадзумы, опустошить весь резерв до дна, взмыть в небо и достать до заповедного города, обнять руками и вдохнуть жизнь в почерневшие руины садов и дворцов, чтобы резвиться вместе с забавными крылатыми сусликами.

– Когда ты так смотришь, и впрямь, кажется, что тебя с нами нет, – громко, чтобы Николас не пропустил мимо ушей, сказал Кадзума. – В последние дни ты очень рассеян, и из-за этого проигрываешь. Соберись, иначе в реальном бою лишишься головы.

– Простите! – очнулся Охотник. – Какое меня ждёт наказание?

Рядом лежал свёрток с едой. Свою порцию риса с тофу настоятель уже съел, а вторая так и осталась нетронутой.

– Никакого. Это была не твоя вина, хотя тебе и нравится взваливать на свои плечи беды всего мира, – ответил настоятель.

– Со всем уважением, но к Юки вы слишком строги. Не думаю, что её отец, ваш друг, простил бы вам такое.

– Ты ничего не знаешь о моём друге, – заявил Кадзума удивительно ожесточённо, словно разговор коснулся чего-то запретного.

Охотник воинственно вскинул голову.

– Зато знаю о ней. – В последнее время что-то изменилось в вишнёвых глазах Юки, словно подёрнулось тонкой коркой льда, но Николас гнал от себя эту мысль. – Я хочу попросить у вас её руки.

– Мальчик мой, ты уверен? Ты действительно хочешь этого?

– Я люблю её. Это будет правильно.

– Любишь ли? – горько усмехнулся Кадзума. – Или это её приворот? Она опаивала тебя зельями и клеила тебе на лоб талисманы на конопляной ткани, пока ты спал. Прости, что

смалодушничал и не предупредил раньше.

– Что?! – оторопел Николас. – Нет, я не верю. Я бы заметил!

– Женщина способна на многое, когда боится потерять мужчину. А сейчас Юки в ужасе. Её мать была такой же, её ревность погубила моего побратима.

– Я ветроплав и не поддаюсь воздействиям на разум, вам ли не знать? Это всё зеркало. Оно мучает не только меня, но и её. Я вытерплю любые аскезы, но не страдания Юки.

– У каждого свои демоны и своя плата. Попроси мою дочь убрать зеркало, и сам увидишь, – завершил неприятный разговор настоятель.

У двери в их комнату Николас снова услышал, как Юки с кем-то разговаривает. Он отодвинул перегородку.

Жрица стояла перед зеркалом. Знак пропал. Снова будет лгать, что ничего не было, а он – соглашаться, потому что уличать её слишком неприятно.

– Наконец-то! Я оставила тебе чай и рисовые шарики с ужина. С бобами и творогом, как ты любишь.

Юки поцеловала его в щёку, но он не успокоился. У её локтя расплывался синяк, ногти впивались в ладони, на пол падали алые капли. Нужно прекращать это безумие!

– Я разговаривал с твоим отцом.

Жрица испуганно отстранилась.

– Он сказал, что ты пыталась меня приворожить. Это правда?

– Я не... прости, я... – она путалась в словах. По щекам текли слёзы. – Ты говоришь, что любишь, но я не вижу себя в твоей судьбе. Ты взял от этого храма всё, что мог. Ты с тоской смотришь на горизонт, подолгу не отвечаешь, когда тебя зовут. Ни сегодня-завтра ты уйдёшь. А я... я не смогу жить без тебя! Я слишком сильно...

– Что за бред? Мой дом здесь, в этом храме, рядом с тобой. Я не собираюсь никуда уходить, – пытался увещевать её Николас. – Чтобы ты знала, никакие привороты на меня не действуют. Я с тобой только по своей воле и ни по чьей больше!

– Тогда давай поженимся!

– Как я могу взять тебя в жёны, если ты во мне сомневаешься?! – вспыхнул он. – Твой отец даст согласие на наш брак, только если ты выбросишь зеркало твоей матери.

– Нет! – Юки прижала ладони к губам и повторила лихорадочно, как в самом начале их знакомства: – Проси о чём угодно, только не об этом!

– Если этого не сделаешь ты, его разобью я!

– Нет, пожалуйста! Я... я жду ребёнка!

Дыхание прервалась, земля ушла из-под ног. Николас по привычке обернулся к зеркалу. Ярко-синие глаза в прорезях маски внимательно следили за ним.

«Ты не любишь её. Ты должен оставаться последним из рода. Хватай меч и беги, пока тебя не приворожили окончательно!»

«Нет! Нет, это омерзительно! Как же омерзителен ты, ехидный божок, сводящий нас с ума с другой стороны зазеркалья!»

Охотник сощурился. Гнев обрушился на зеркало голубыми потоками ветроплава.

– Нет! – закричала Юки, закрывая лицо руками.

С оглушительным звоном осколки бронзы разлетелись в стороны, едва не задев обоих.

– Морти! Настоятель зовёт! – донёсся снаружи встревоженный голос Йоси. – В деревне нашествие!

Юки не отрывала взгляд от осколков, как зачарованная.

– Дождись меня! Я всё решу! – Николас прижал её к себе и поцеловал в лоб на прощание.

– Люблю тебя. Люблю, – шептала она бескровными губами, глядя как его тень истирается с матерчатой перегородки.

Разорённая деревушка находилась в нескольких десятках миль от подножия Кадзеямы, южнее по побережью. Добираться пришлось бегом. Запах тёплой крови напитал воздух и чувствовался издали, смешиваясь с гарью от пожарища. Плескалось, подобно морю, рыжее зарево, оглашая долину плотоядной трескотнёй. Над ним парил огромный антрацитовый клубок. Он напоминал осколки Мрака, только был раз в сто больше и заслонял собой небо.

– Как люди? – встревожился Николас.

– Укрылись в горах, кто успел. Живых здесь не осталось, – ответил Кадзума.

Охотник и сам ощущал только смрадную, переливающуюся холодным блеском ауру демона.

– Это мононоке? – поразился Йоси.

– Хуже, – ответил настоятель. – Аякаси, перерождённый дух. Мононоке ничто по сравнению с этой дрянью. Его гнев хотя бы обратим, если обуздать, укротить или задобрить духа. Но когда горечь, боль и злоба проедают его тленом до самого сердца, то дух предаёт свою суть – служение мирозданию – ради корыстных целей. Тогда он превращается в аякаси. Ненависть опутывает его клубком чёрных нитей, пока дух не вырастает до чудовищных размеров и губит всё живое вокруг. Нужно уничтожить его немедленно, иначе он нападёт на другие селения.

– Такой огромный! наших сил не хватит! – забеспокоился Йоси.

– Подмоги ждать неоткуда, – осадил его Кадзума. – Нужно остановить его, пока он не перекинулся на соседние деревни. Когда мы вступим в бой, аякаси начнёт швыряться нитями. Отвлеките его, а я взорву изнутри. Понятно?

Ученики кивнули и выхватили мечи.

Клубок сверкал нитями, как грозовая туча – молниями. Гремел и шипел. От него волнами исходила ярость и пригибала к земле. Даже воздух раскалился до духоты.

– Примем бой на открытой местности, чтобы аякаси не обрушил ничего нам на головы. В скорости – наше преимущество, – отдавал последние указания Кадзума.

Клубок лениво полетел к ним. От него отматывались нити и тянулись в сторону Сумеречников.

Николас с Йоси бросились в разные стороны от Кадзумы, уводя нити за собой. Как только те приблизились на расстояние удара, ученики обрубали их и отскочили. Чернота зазмеилась по земле и с визгом растворилась в ней.

– Он ещё не окреп. У нас есть шанс! – ободрил послушников настоятель.

Клубок загудел, раскручиваясь вихрем. От него отделились ещё четыре нити. Сумеречники отбили их так же легко, но на месте каждой уничтоженной вырастали по две новые.

Обернувшись енотом, Йоси на пике скорости носился между ними, запутывая в узлы. Хотел обездвижить, но вместо этого они сплетались в мощные канаты и хлестали ещё яростней. Николас кружился, ускользая от одних и отрубая другие.

По канатам прошла рябь – Кадзума создал внутри клубка ветрощит и резко его расширил. Несколько десятков нитей оторвались и разлетелись в стороны. Но это не помогло.

От стрёкота и шипения голова гудела настолько, что с трудом удавалось не падать. Демон продолжал выпускать новые нити. Они пеленали Сумеречников в кокон. Ни присыпание песком, ни удары ветроплавом не останавливали его.

Пропадут последние просветы, и воины окажутся в крошечной тьме. Тогда уж точно ничего не получится.

Накатила вторая волна ветроплава, аж в ушах зазвенело. От клубка оторвалось с полсотни канатов.

В чёрном месиве мелькнул силуэт настоятеля с воздетыми руками. Канаты лупили по мерцавшей голубым светом преграде. С каждым ударом вспышки замедлялись, а цвет становился всё более блёклым. Аура набухла синевой, исторгая весь внутренний резерв. Оболочка трещала, вот-вот прорвётся – и конец.

– Вместе на счёт три! – крикнул Николас.

Настоятель слишком сосредоточился на атаках аякаси, чтобы отвечать.

– Три!

Отталкиваясь ветроплавом, как во время танца по крышам, Николас взлетел в воздух. Он раскрутился вихрем, вонзаясь в чёрный клубок. Вкусив его силы, аякаси забыл об остальных – все канаты и нити сплетались вокруг Охотника.

В гуле различались голоса:

«Будь с нами! Будь одним из нас! Или будешь уничтожен!»

Так похоже на Мрак, на его Предвестников.

«Ненавижу!»

Николас выжимал резерв досуха, не позволяя пропасть ни частичке. Отступать нельзя: атаками Кадзумы аякаси ослаблен до предела. Другого шанса победить не будет. Как же сейчас не хватало сил, которые настоятель запечатал.

«Безликий, помоги!»

Но бог молчал.

Что ж...

Чёрная туча была повсюду. На ней белыми молниями вырисовалось лицо. Лицо из кошмаров: высокий лоб, широкие скулы, глубоко посаженные глаза, прямой нос, жёсткие губы, волевой подбородок. Белый Палача, мстящий непонятно за какие прегрешения.

Микаш Веломри ухмылялся злорадно, будто говорил, вот я и прищучил тебя, проклятый колдун. Настиг, несмотря на то, что ты трусливо прятался, подставляя других. Ты слабак и не сделаешь ничего, как тогда, когда я расправился с твоим семейством. Ох, как вкусно хрустела шея твоего отца, когда я её переламявал!

Николас стиснул зубы и вскинул клинок.

«Пусть я умру сегодня, но ты заплатишь за всё!»

Открылось второе дыхание. Новая волна силы согрела жилы, обернула в непробиваемую преграду. Николас кружился всё яростней, вспарывая черноту мечом и шипами из своего щита. Клубок бесился и визжал, желая добраться до врага, но ничего не выходило.

Конец близок. Охотник замер и распротёр руки. Нужно повторить то, что делал Кадзума.

Он испустил из себя всю штормовую мощь, на которую был способен. Щипы и даже щит обратились в дождь острых иголок и разлетелись в стороны с такой силой, что клубок лопнул. Свет ударил по глазам.

Николас полетел к земле. Смягчить бы падение, но дар отзывался пустотой. Мягкая подушка подхватила извне. Кадзума!

Чёрный дождь проливался на землю, тая, как ночной кошмар. Из-за туч выбрался ослепительно яркий змей. Он извивался радужными кольцами и счастливо курлыкал.

– Как красиво! – пробормотал Николас в бреду.

На лице оседали переливающиеся кристаллы воды.

– Что ты видишь? – тряс его настоятель.

– Икути, это икути, – бормотал Охотник. Кто-то овладел его телом, а он, уставший и опустошённый, наблюдал с безразличной высоты. – Икути умирает!

Вспоминались давно прочитанные легенды. Икути – гигантский угорь. Он вился вокруг кораблей, которые случайно заплывали в его владения, и не давал им сесть на мель. С его тела в воду капало чёрное масло, указывая на опасные места. Но люди считали, что он

помечает корабли для будущего крушения. Они били икути баграми, бросали сети с щипами, что ранили его незащищённое тело. Сколько на его коже тёмных полосок-шрамов, все не сосчитать!

От этой боли он и озлобился. А теперь – освободился. Его ярость потухла.

К Николасу устремилась усатая морда. Он протянул руку, и в ладонь ткнулся мокрый нос. Тяжесть и боль от надорванных мышц унимались. В благодарность за освобождение икути отдавал победителю свою последнюю каплю сил. Блеснул и исчез навсегда. Отправился за космическую грань, куда уходят отжившие своё боги.

– Морти! – снова встряхнул Николаса настоятель.

Охотник возвращался в тело. Произошедшее забывалось, как зыбкий сон. Татуированное плечо горело, по руке текла краска.

– Ты сорвал печать, – Кадзума помог ему сесть и приставил к губам флягу с водой.

Николас глотал жадно, смачивая ссохшееся горло.

– Не стоило.

– Но мы бы погибли... – выдавил из себя Охотник. – Слабость пройдёт, Эглаборг подлечит. Вы поставите новую печать.

– Нет, дважды в одну реку не войти. Если ты восстановишься, то дальше тебе придётся жить с излишками. Твоего здоровья хватит лет на десять самое большое.

– Мы что-нибудь придумаем. Десять лет – долгий срок.

Обратившись в человека, Йоси подбежал к ним. Опираясь на плечи товарищей, Николас поднялся на ноги. Ветер с моря ласково щекотал кожу и мелкими струйками пробирался внутрь, восстанавливая бреши в ауре.

– Отдохнём в уцелевшей хижине пару дней. Заодно присмотрим, чтобы здесь ничего больше не стряслось, – скомандовал Кадзума.

===== Глава 22. Снежная ведьма =====

1567 гг. от заселения Мунгарда, Острова Алого Восхода

После побоища землю покрыла копоть, в пожаре уцелели лишь несколько построек у самого берега. Служители храма заняли одну из них. Николаса закутали в три одеяла и оставили сидеть на пороге. Теперь он мог вдоволь насладиться видами. Алел за морем горизонт, выцветало и темнело небо, вспыхивали звёзды.

Йоси отправился на поиски еды. Кадзума осматривал деревушку и заливал водой тлеющие очаги пожара.

Поужинав копчёной на костре корюшкой и рисом, они улеглись спать. Наутро Йоси умчался в горное укрытие оповестить жителей, что опасность миновала.

Кадзума приглядывал за Николасом и вливал в него свои силы, чтобы тот восстанавливался быстрее – ещё одна чудодейственная техника востока, о которой на западе не слышали. Оказывается, Николасу ещё столько неизвестно, столько предстояло выучить! И немного жаль, что впереди всего ничего. Лишь жалких десять лет. Нужно прожить их достойно.

Мыслями он всё время возвращался к последнему разговору с Юки. Надо было решать немедленно. Чем дальше он тянул, тем хуже ей становилось. Не вечно же ему быть мальчиком-бродягой, пора бы уже повзрослеть и перестать мечтать о несбыточном.

Почему бы не жениться, как должен каждый честный мужчина? Ведь он любит, любит по-настоящему, какую бы блажь она ни выдумывала. А уж когда родится ребёнок... Нет, он не должен повторить судьбу Николаса. Он желанный, у него будет отец, защита и опора, как

у каждого ребёнка.

Нужно построить небольшой домик за храмом, чтобы никто, даже Кадзума, не вмешивался в их жизнь. Став отцом и главой, Николас перестанет быть последним из «священного» рода. Его ребёнок будет носить имя Стигс, а не Комри. Безликий потеряет над ними власть. Это единственный шанс вырваться из прочного круга. Неудачи и горе навсегда останутся в прошлом. Может, и излишки исчезнут, а десять лет не будут приговором.

От вынужденного безделья Николас размышлял так много, как никогда раньше, и даже позволил себе вспомнить отца. Он ведь тоже рано женился. Поди, был ещё моложе Охотника, когда родился Эдвард. Чувствовал ли он себя так же? Хотел заглушить боль от потери близких, обретя другую семью? Только удалось ли ему?

Отец ведь очень бережно хранил воспоминания о деде в его кабинете. По глупости проклял, а потом обожал и баловал похожего на него сына. Сына, который не смог ни защитить его, ни отомстить, а теперь даже отказывается от родового имени и судьбы...

Ну, вот, распустил сопли, как девчонка! А всё дурацкая слабость и скука. Нельзя позволять себе ни мгновения уныния, никто не должен знать о сомнениях, боли и скорби. Нужно улыбаться сквозь стиснутые зубы – эта непробиваемая броня ничуть не хуже ветроплава.

Жители явились на третий день, пришло время возвращаться в храм. Николас уже крепко держался на ногах, хоть и не мог бегать так быстро, как раньше. Дорога назад заняла целый день. На вершину Кадзеямы они поднялись только к закату.

Храм опустел, каменные глыбы мрачно молчали, не горели фонарики. Ни Эглаборга, ни Юки видно не было, словно они не ждали возвращения товарищей. С красной арки пропали кусочки тканей с защитными заклинаниями. Но враждебных аур не чувствовалось. В усталой апатии не чувствовалось совсем ничего.

Кадзума втянул в себя воздух и сорвался с места. Николас хотел бежать следом, но Йоси удержал. Вместе они выбрались на центральную аллею.

Целитель распластался на камнях целителя. Его висок кровил, на затылке вскочила здоровая шишка. Кадзума склонился над ним и брызнул на лицо водой из фляги. Тот застонал и с трудом разлепил веки.

– Что произошло? – встревожился Николас. – Снова напали завистники?

– Шум... святилище... проверить... – говорил целитель хрипло и отрывисто. – Ударили сзади, я не видел.

Настоятель испуганно замер.

– Юки! – позвал Охотник и бросился в их комнату.

Даже висевший на локте Йоси не смог его остановить.

Внутри словно прошёл ураган: повсюду валялись осколки зеркала, ошметки циновок и одеял, разорванные в клочья листы из альбома, разбитый светильник. К горлу подступил тошнотворный ком.

– Юки! – ещё раз выкрикнул Николас в отчаянии.

– Должно быть, её похитили! – ужаснулся Йоси.

Вдвоём они рванули в святилище. Кадзума сидел на коленях перед алтарём, сложив ладони в молитвенном жесте.

– Юки пропала. Наверняка кто-то захотел отомстить нам. Он специально разозлил икути и обратил его в аякаси, чтобы отвлечь нас и выкрасть её! – затараторил Йоси.

От волнения Николас не сразу заметил, что подставка для меча на стене опустела.

– Ты, как всегда, связываешь разнородные факты и делаешь поспешные выводы, – глухо ответил Кадзума. – Ни один человек не ушёл бы с проклятым клинком живым. Ни один демон не пробрался бы мимо чар на арке.

– Может, они действовали сообща: демон и человек. Кто-то же оборвал чары! – не сдавался Йоси.

– Нет, это был демон из зеркала, – решительно объявил Николас. – Он сводил нас с ума, Юки и меня. Разговаривал с нами, требовал выкрасть этот поганый меч. Когда Юки ранила себя, я не выдержал и разбил зеркало. Демон освободился и похитил её. Это моя вина!

– Тебе слишком нравится винить себя во всём. Хотя в чём-то ты прав. Я дал тебе это зеркало в надежде, что твоя любовь защитит Юки, но вышло наоборот. Это её мать...

– Куртизанка? – непонимающе моргнул Николас.

– Её мать – куртизанка? – вытаращился Йоси.

– Я солгал. Мой побратим Шинда был талантливым мертвошэптом и непревзойдённым воином. Вместе мы держали в узде всех демонов на острове. Но однажды мои престарелые родители заболели, и я вынужден был оставить его. Он прослышал о Снежной Ведьме, которая жила в одинокой хижине в горах. Ведьма заманивала к себе заблудившихся путников, усыпляла и пожирала их сердца. Она была очень сильной, сильнее обычных демонов.

Я отговаривал Шинду охотиться на неё в одиночку, но он так грезил ею, что пренебрёг осторожностью и сгинул. Вскоре мои родители угасли от старости, и я стал искать друга, хотя бы его останки. Но нашёл одинокую хижину на Фуйуяме, где он жил с красавицей-женой и маленькой дочкой.

По старой дружбе Шинда предложил мне погостить у себя, и я согласился. Он рассказал, что разочаровался в нашем ремесле, когда понял, что Снежная Ведьма – миф, сложенный людьми из страха перед морозами и вьюгой. Во время охоты Шинда попал в сильный буран и заблудился. Его спасла травница, он полюбил её и сделал своей женой.

Его речи показались мне странными, лишёнными интонации, а взгляд тусклым и неживым. Он двигался словно не по своей воле и всё твердил, что никогда не был так счастлив. Перед сном его жена налила мне чаю. Он пах женьшенем и тмином, которые используют для приворотных зелий. Я тайком вылил чай и притворился спящим.

Среди ночи вдруг заиграла волшебная флейта, в дом ворвались инистые змеи. Жена Шинды баюкала ребёнка, её волосы сделались снежно-белыми, а глаза – льдисто-голубыми. Это и была Снежная Ведьма. Она околдовала моего побратима приворотом. Я сделал вид, что ничего не заметил, и распрощался с ними на следующее утро.

После я как одержимый стал искать способ победить Ведьму. В одном из заброшенных храмов я обнаружил волшебное зеркало, в котором можно было пленить разгневанный дух. Знойным летом я вернулся к их хижине. Шинда ушёл за дровами. Я подкараулил его дочку и сказал, что если она хочет жить вместе с отцом, то должна помочь мне победить её мать.

Девочка упиралась, и я взял её в заложники. Ведьма налетела на меня. В тот миг вернулся Шинда и увидел её истинный облик. Он схватился за меч и бросился мне на выручку. Ведьма отпихнула меня в сторону, выкрикнула, что любимый её предал и принялась высасывать из него душу холодом.

Тогда Юки впервые увидела истинную суть своей матери. Она сама схватила зеркало и поставила перед Ведьмой. Шинда пронзил свою жену клинком, и её дух угодил в ловушку. От мертвецкого холода мой друг вскоре умер. Я не хотел, чтобы маленькая девочка

выполняла за меня грязную работу, но так вышло, что именно Юки стала хранительницей зеркала. Только тот, кто заточил дух Ведьмы, мог её выпустить или удержать внутри клетки из отражений.

Я привёз Юки в храм и заботился, как о своей дочери. Но со временем её сердце начала подтачивать тоска и сожаление о содеянном. Она отдалялась, замыкалась в себе и разговаривала с матерью через зеркало. Когда ты появился здесь, я понадеялся, что она забудет о Ведьме. Но её любовь обратилась в ревность и жажду обладания. Она придумывала, что ты тоскуешь по странствиям и близким из предыдущего воплощения, пыталась удержать тебя приворотами и слезами. Распознав эту брешь в её душе, Ведьма подавила волю Юки и захватила её тело. Прости, что использовал тебя, но я не мог никому сказать правды, иначе бы заклятья пали.

– Но они и так пали! Я разбил демоново зеркало! Я освободил Ведьму, – ужаснулся Николас.

Значит, это было вовсе не сумасшествие. Вместо отражения на него смотрел демон. Демон, которого Николас чувствовал, когда был с Юки, но боялся себе в этом признаться и закрывал глаза. А ведь сам... сам утверждал, что каждого судить надо только по его поступкам. О боги, все эти разговоры! Ему же постоянно намекали, а он оставался слеп и глух!

– Ведьма и без того свободно пользовалась телом Юки. Сейчас просто подвернулся шанс сбежать, – покачал головой Кадзума. – Нужно забыть и жить дальше. Другого такого зеркала нам не достать, к тому же, Ведьма забрала звёздный клинок. Если он примет её, она станет непобедима, сколько бы мы ни бросались на его остриё. С наступлением зимы личность Юки полностью сотрётся.

– Нет! Вы вынудили несчастную девочку заточить собственную мать и жить тут, как в плену, называя вас отцом, а теперь отказываетесь от неё?! – возмутился Николас. – Она, скорее всего, направилась в хижину на Фуйуяме, где всё началось. Я спасу Юки, вот увидите!

Он развернулся на каблуках и зашагал к выходу.

– Постой! Ты же едва живой. Ещё одного боя точно не выдержишь! – крикнул ему в спину настоятель.

Ну и пусть. Лучше сдохнуть, чем опустить руки. Если он будет верить, искренне верить в её чувства, то Юки обязательно выкарабкается. Любовь всё победит, иначе и быть не может.

Николас вернулся в их комнату, собрал вещи и направился к арке. На улице его остановил Эглаборг.

– Я... я всё слышал. Что успел достать... – он вручил Николасу флягу с зельем и горшочек с мазью. – Дали бы хоть пару дней вас подлатать.

Николас по-дружески похлопал его по плечу:

– Тебе и самому нужен отдых. В дороге я восстановлюсь быстрее, чем здесь, мучаясь от беспокойства. У Юки каждое мгновение на счету.

– Стой! – выбежал следом Йоси. – Ты прав, прав во всём. Не думал, что настоятель окажется настолько вероломным. Я пойду с тобой и помогу спасти Юки.

Охотник кивнул с благодарностью, и они отправились в путь.

Две недели прошли в скитаниях. Николас почти излечился, если бы душу не разъедала

тревога. Зима уже близко, а в горах она наступает раньше. Чем ближе они побирались к Фуйуяме, тем сильнее становились холода, а на пиках и вовсе лежал снег. Первые метели застали их у подножья.

Бегущие с горы лесорубы предупреждали:

– Не ходите! Видите дым наверху? Снежная Ведьма вернулась. Она убьёт каждого, кого встретит на своём пути. Это из-за неё зима пришла так рано.

Значит, цель рядом.

Они прибавили шага. Ночью случился сильный буран. Ноги вязли в глубоких сугробах. Йоси превратился в енота и бежал впереди. Рассвет разгорался ярким заревом. Посреди снега показался тёмный силуэт покосившейся деревянной хижины.

Дым белыми змеями улетал в небо, слышались звуки волшебной флейты. Она очаровывала обманчивым теплом, манила призрачным гостеприимством. Если постучаться, радушная хозяйка пустит погреться, накормит и развлечёт.

Нет, нельзя поддаваться колдовскому мороку. Ради Юки. Николас не предаст её ещё раз, он будет сражаться до конца.

Мелькнула среди хоровода снежных хлопьев зыбкая тень. Затрепетала на ветру разбухшая злобой аура. Кроваво-алый пояс закручивался вокруг белого халата, серебрились на нём снежинки. Припорошённые инеем волосы сливались с чернотой ночи.

– Морти, Йоси, вы нашли меня! – зазвенел голос Юки, растянулись в улыбке яркие губы.

Енот бросился навстречу. Сверкнули льдом глаза Ведьмы. Хотелось предупредить, но голос пропал. Остановить или нагнать тоже не получалось: Николас увяз в снегу и холоде, как муха в паутине.

Из просторных рукавов белого халата Юки вырвались инистые змеи с тонкими крылышками-ушками на голове. Пара верных прислужниц Ведьмы подхватила енота и принесла в объятия хозяйке.

Обессилев от сонного яда, Йоси обернулся человеком. Ведьма припала к его рту, выпивая силу и жизнь.

Змеи полетели к Николасу. Он до крови закусил губу, чтобы вырваться из забытья, и вскинул руку. Ветроплав сшиб Йоси в сугроб. Охотник выхватил меч и отогнал вившихся вокруг змей. Льдистые глаза Ведьмы сверкнули с ненавистью.

Шаг, ещё шаг.

– Убьёшь свою возлюбленную вместе с ребёнком, а, спаситель? – усмехнулась она.

Змеи шипели и бросались на Николаса со всех сторон. От них исходили волны такого холода, что сковывало суставы, и каждое движение доставляло всё большую боль. Колени дрожали и подгибались, горло обжигал морозный воздух.

– Отпусти её! – в отчаянии выкрикнул Охотник. – Позволь своей дочери жить той жизнью, которой не было у тебя. Кадзума мне всё рассказал, и моё решение не изменилось. Дети не должны отвечать за грехи родителей. Пока Юки не сделала ничего плохого, она – человек, достойный любви и жизни. Слышишь, Юки? Прости, что был бесчувственным чурбаном и не понял, что тебе нужна помощь. Но я люблю тебя и готов оставить свою предыдущую жизнь за порогом нашего общего дома. Давай построим счастливую семью вместе!

Николас опустил клинок и протянул к ней руку.

Ведьма рассмеялась:

– Глупец. Я и моя дочь всегда были, есть и будем одно целое. Она – лишь часть меня,

моё обновление.

Пробив слабеющий ветроцит, змеи оплели Охотника по рукам и ногам.

Ведьма оказалась у него за спиной и зашептала:

– Я не демон, а богиня. Повелительница метели. Раньше мне поклонялись и приносили жертвы. Я была могущественной и прекрасной. Но потом обо мне забыли: забросили мои храмы, разрушили алтари. Мы зависим от людей и их веры. Она служит для нас пищей, как для вас рис или рыба. Преданные забвению, мы исчезаем. Но я была слишком красива, чтобы покориться такой участи, и стала Снежной Ведьмой. Оказывается, страх пригоден в пищу не хуже веры. В них есть нечто общее. Но потом я полюбила Шинду, родила дочь и почти стала смертной. Ещё пару лет, и я забыла бы о своём могуществе. Но тут пришёл Кадзума и разрушил наше счастье. Сейчас я думаю, что он был прав. Смертная доля не соединяется с бессмертной. Мы совершеннее и сильнее, а вы всего-навсего наша пища.

Всё туже стягивало грудь, трескающиеся губы судорожно глотали воздух.

– Я ждала, пока какой-нибудь удалец не разобьёт моей девочке сердце, и она поймёт меня. Спасибо, что не заставил себя ждать.

– Юки! Это... не чары... я люблю... – звук затухал, челюсти двигались всё тяжелее. На последнем вздохе Николас выдавил: – Стань... моей... женой...

Ведьма раскрыла ладонь и подула на неё. Кристаллики-осколки зеркала, в котором она томилась долгие годы, ужалили Охотника в глаз и в сердце. Ведьма развернула Николаса к себе, баюкая в объятиях холода. Нежные прикосновения околдовывали, голос волшебной флейты погружал в дрему.

– Правильно, мальчик, засыпай. Вы поженитесь во сне, тихом и безмятежном. Там вам никто не помешает.

Веки каменели, дыхание замедлялось, глаза заслоняла мутная пелена. Ледяные губы прикоснулись к ссохшемуся рту Охотника. Сладкий сон становился явью.

Николас с Юки бежали на самый дальний уголок архипелага, где их никто не знал, и обманом уговаривали жреца из захолустной деревушки поженить их. На горе рядом Охотник построил их маленькую, но тёплую хижину. К празднику цветения вишни на свет появилась красивая девочка. Темноволосая и белокожая, с льдисто-голубыми глазами, она очень походила на Юки. Николас назвал дочку Элизабет в честь погибшей сестры.

Он забросил ремесло и брался за меч, лишь когда близким угрожала опасность. Семья жила с продажи дров и пойманных в лесах зверей. Небогато, зимой – тяжело, но всё равно счастливо и тепло.

– Какой же ты вкусный, небесный мальчик, – приговаривала Юки, целуя его в губы.

Её объятия ласкали кожу холодком, пробираясь под одежду, под кожу, всё глубже.

Вдруг дочка настырно дёрнула Николаса за руку. Он обернулся. Вместо Лизи перед ним стояла вилия с седыми волосами. На раскрытой ладонке она держала брошку в виде веточки цветущего вереска. Подарок Николаса на добрую память. Он переливался цветами крови и снега, а жемчужные глаза смотрели на Охотника с ужасом.

– Что с тобой? Что происходит? – спрашивал он, встряхивая её за плечи, хоть и понимал, что она не ответит.

Вилия зашевелила губами, но вместо её звонкого пения в ушах зарокотал голос Безликого:

«Очнись! Уже и так отоспался на целую вечность вперёд! Борись, у тебя ещё будет и семья, и радость! Клянусь, я обеспечу это!»

Николас моргнул, и сладкий сон растаял. Инистые змеи разлетелись по воздуху резными снежинками. В объятиях Снежной ведьмы Охотник весь заиндевел. Она причмокивала, заглатывая из его резерва всё больше и больше.

Усилием воли Николас одёрнулся и вскинул дедовский меч.

– Так легко не сдашься, да? – Ведьма склонила голову набок, внимательно разглядывая его. – Что ж, придётся воспользоваться звёздным клинком. Он подчиняется только богам, ты не знал, глупый мальчик?

Она достала из полы своего халата меч. Смерть смотрела голубыми льдинами, а так хотелось вишнёвой сладости.

На шее встрепенулся серебряный медальон, посылая по телу тёплую волну. Усыпляющие звуки флейты заглушило полузабытое пение – к вилии вернулся её нежный голос. Остриё меча устремилось в грудь Николаса.

Прозрачным призраком вилия вылетела из медальона. Смелая и самоотверженная до безрассудности Герда. Она обняла Охотника за плечи и прикоснулась к губам, заслоняя от удара. Почему даже сейчас, на пороге смерти Николас вспоминает её, а не думает о Юки?

Полыхнула фиолетовым руна перт у эфеса, замотанное тряпкой запястье пронзило болью. Огонь от руны перешёл на клинок. Время замедлилось. Рукоять рванулась из ладони Ведьмы. Лезвие отскочило от прозрачной фигуры вилии, перевернулось и проткнуло живот Ведьмы.

– Юки! – заорал Николас, вырываясь из оцепенения.

Красный цветок вереска растекался по белому халату, алые брызги пачкали снег. Тоскливо выл ветер.

Николас успел подхватить жрицу за мгновение до того, как она упала.

– Морти, – едва слышно прошептали её губы, глаза стали вишнёвыми, как раньше. – Прости. Я боялась, что уйдёшь ты, а уйду я.

– Я прощаю! Прощаю! – кричал Николас.

Её глаза закатились. Метель затихала, умирая вместе со своей повелительницей. Клинок всё пульсировал, словно пил её, как она пила людей до этого. Не боясь пораниться, Николас вытащил его и отбросил подальше. Сел на колени и прижал к себе Юки, целуя похолодевший лоб и щёки. Никогда уже ему не разогнуться. Закоченеет вот так!

– Морти! – Охотника настойчиво пихали в плечо. – Морти, отпусти её! Морти!

Он смотрел и не видел, пронзая взглядом холодную пустоту в две тысячи ярдов.

– Морти, вставай! Нужно возвращаться, иначе мы замёрзнем. Морти!

В мутном оконце проглядывал силуэт Йоси. Его круглое пухлое лицо становилось всё чётче, по щекам текли крупные слёзы.

– Я тоже любил её, но она предпочла тебя, потому что ты был сильнее и умнее меня. Глядя на тебя, я стремился стать лучше. А сейчас ты омерзителен. Развалина, тряпка, даже хуже. Сидишь здесь и жалеешь себя, как последнее ничтожество. Не можешь даже отцепиться от мёртвого тела. Юки бы стошнило от одного твоего вида.

Ему и самому было противно. Николас спрятал проклятый меч, единственный чистый от крови, в ножны, подхватил Юки на руки и зашагал к хижине.

Сегодня они передохнут, а завтра отправятся в обратный путь. Вся жизнь – в нескончаемой дороге. Останавливаться нельзя, иначе слабость и скорбь пожрут, как меч – ржавчина.

На следующий день, соорудив для тела Юки волокуши из жердей, они отправились в обратный путь. Мир погрузился в тёмную апатию, Николас ничего вокруг не замечал. Даже разговаривать не получалось, язык будто прилип к нёбу, челюсти не двигались, слова застревали в горле, упирались в невидимую преграду и душили. Йоси тормозил его, кричал, оскорблял и даже лупил по щекам, но ничего не помогало.

Что-то умирало в душе вместе с мечтами о любимой жене и ребёнке. О семейном счастье Николас думал всего ничего, а уже привык как к чему-то свершившемуся, ведь казалось, полная радости юность продлится вечность. Но нежной жрицы больше нет. Никто уже не встретит его после тяжёлой работы, тренировок или сражений, никто не обнимет, не разомнёт закаменевшие от напряжения мышцы, не поцелует сладко, не утолит сжимающую сердце тоску. И ребёнка своего на руках он никогда не подержит, не услышит, как тонкий детский голос назовёт его отцом.

Николас потерял счёт дням, когда они добрались до храма. Настоятель и Эглаборг выбежали навстречу. Целитель по обыкновению охал и причитал без остановки. Кадзума поджимал губы, с немым укором оглядывая учеников.

Погребальный костёр у святилища собрали в этот же день вечером. Николас сам обходил с факелом закутанное в белый саван тело, поджигая торчащую из-под него солому и хворост. Пламя, потрескивая, медленно пожирало предложенную пищу.

В закатных сумерках попрощаться с Юки пришёл каппа. Он принёс в охапке свежие белые лотосы. Видимо, потратил всю магию, чтобы вырастить их в преддверье зимы. Он никого не упрекал, даже не смотрел гневно, но Николас всё равно чувствовал вину и видел кровь на своих руках. Её кровь – кровь Юки.

Когда костёр догорел, присутствующие начали расходиться. В небо взвилась последняя инистая змейка, помахивая ушами-крылышками на прощание, и волшебная флейта замолкла навсегда. Николас настолько растворился в созерцании, что не заметил, как Кадзума коснулся его плеча.

– Ты хорошо справился.

– Нет! – плотину как будто прорвало, и наружу хлынул поток слов: – Я должен был послушать вас и не преследовать её. Быть может, она осталась бы жива.

– Нет. Она бы превратилась в Снежную ведьму и начала убивать. Ты спас и её душу, и её не случившихся жертв. Теперь она хотя бы не будет мучиться. Неправ был я, отговаривая тебя из страха потерять.

– Вы знали, что она ждала ребёнка?

Кадзума печально покачал головой и подал ему спрятанный в кожаные ножны звёздный клинок.

– Каково будет моё наказание? – спросил Николас, не спеша его принимать.

– Это не наказание, а последнее задание твоего недостойного наставника. К сожалению, я не сразу понял. Ты очень похож на этот клинок. Вы маните к себе как огонь и как огонь обжигаете тех, кто подлетает слишком близко, хотя на самом деле стремитесь обнять и обогреть. Это не твоя и не его вина, а ваша природа. Так стань же его хранителем и побратимом, унеси из этой обители, чтобы в неё вернулся покой.

– Вы... вы гоните меня? – не поверил Николас. – Я понимаю, я подвёл и разочаровал всех: её, вас, даже Йоси с каппой. Но как же утешение и гармония? Храм не отказывает страждущим, а сейчас мне как никогда нужен ваш мудрый совет!

– Ты не слышишь? Это я оказался недостойным. Ты получил всё, что мог дать этот храм,

и давно нас перерос. Мы только сдерживаем тебя и мешаем. Юки заметила это первой и не пожелала отпустить, за что и поплатилась. Я не стану повторять её ошибок. Хотел бы я сказать, что время лечит, но это не так. Уезжай, следуй зову своего сердца и не позволяй призракам прошлого хоронить тебя заживо.

На глаза навернулись слёзы детской обиды. Николас смахнул их ладонью, чтобы никто не заметил.

Почему всё так? Почему все старания оборачиваются крахом?

«Ты бегаешь по замкнутому кругу из одних и тех же ошибок», – подсказал Безликий.

Хотелось плюнуть ему в лицо, если бы оно у него было.

Николас собрал прах в глиняный горшок.

– Вот, – отвлек его Кадзума. – На этот раз просто прощальный подарок.

Он вручил Охотнику книжку в потрёпанной кожаной обложке.

– Премудрости Храма Ветров. Они восполнят всё, что я не поведал. Разыщи то, что поможет тебе справиться со своими способностями и демонами. Не забывай о ежедневных упражнениях. И да прибудет с тобой Западный Ветер!

Кадзума коснулся губами его горячего лба и оправился восвояси. Возвращаться в их с Юки комнату Николас не решился и пошёл к Эглаборгу. Целитель налил ему успокаивающего зелья и размазал по спине расслабляющий бальзам.

– Куда дальше, молодой мастер? – спросил он с добродушной улыбкой.

«В Элам. В табуне маракандского хана Саргала ещё водятся крылатые тулпары. Среди всего лошадиного племени нет скакунов вернее и отважнее их. Он будет прекрасным подспорьем к звёздному клинку», – подсказал Безликий.

Крылатые тулпары – судя по старым легендам, основатель ордена очень их любил и даже изуродовал лицо владыке ши Аруину за убийство одного из них. Похоже, эти лошади и впрямь стоят полкоролевства.

– В Элам. Мой дед был дружен с одним из местных ханов. Хочу засвидетельствовать почтение, – отрывисто ответил Николас. – Но ты можешь остаться работать в лечебнице. Я понимаю, как она дорога для тебя.

– Да нет же, нет! – воскликнул Эглаборг в сердцах. – Вы мне дороже любых лечебниц и уж тем более островитян с их бандитскими разборками. От риса и сои уже тошнит! Как будто в Урсалии мне было мало рыбы. Элам, так Элам. Говорят, хвоци и колючки в Хаабской пустыне обладают уникальными целебными свойствами.

– Врут! – заявил Николас. – Нет ничего целительней дружеского плеча.

– Это точно, – рассмеялся Эглаборг. – И с вашей болезнью мы тоже справимся вместе.

Утром провожать их отправился один Йоси. Развев прах Юки, они немного постояли молча, вглядываясь в уходящий за горизонт океан.

– Прости за всё и убери с лица это выражение снулой рыбы, – сказал тануки на прощание. – Юки не хотела бы видеть тебя таким. Езжай и не беспокойся ни о чём. Я позабочусь о храме и о старике Кадзуме. Для меня было честью узнать тебя.

– Как и для меня, – ответил Николас. – Ты великий воин. Перестань себя со всеми сравнивать.

Они обнялись на прощание. Охотник вместе с Эглаборгом поднялись по трапу, и Храм Ветров навсегда остался у них за спиной.

===== Глава 23. Тулпар =====

1569 г. от заселения Мунгарда, Элам, Маракандское ханство

Корабль довёз их до восточного берега Поднебесной южнее Снежных гор. Единоверцы ещё не успели прибрать здесь власть к своим рукам, и небольшие общины Сумеречников до сих пор оберегали древние традиции и уникальные техники востока. Их храмы служили пристанищами для тех, кто терял контроль над своими способностями. Чаще всего это случалось с огнежарами и мертвошёптами. Здесь их обучали медитации и боролись со страхами.

Эглаборг рвался в эти места, желая перенять восточные знания, хотя в тайне надеялся, что мудрецы из Поднебесной если не помогут Николасу справиться с излишками, то хотя бы излечат от хандры.

В одном из храмов на южных отрогах Снежных гор они провели несколько месяцев. С Николасом беседовали целители разума, отпаивали зельями и в три пары рук чистили ауру. Иногда краем уха он слышал их сетования:

– Проблемы куда глубже, в отвратительной карме из предыдущих воплощений. Такое и за дюжину жизней не исправить.

Как только чернота отпустила, и Николас начал немного различать окружающую обстановку, то сбежал из храма несмотря на недовольство Эглаборга. Из-за этого они разругались так, как не ругались никогда. В сердцах Охотник заявил, что готов продолжить путь один. Это заставило целителя умолкнуть, хотя и значительно охладило их дружбу.

Прейдя границу с Эламом на западе, они ненадолго остановились в людном караван-сарае. Там их настигла весть, что Лучезарные взяли Эскендерию – бывшую столицу Сумеречников, где раньше располагались дворцы Совета ордена, Университет и Библиотека. Город находился на границе четырёх стран: Священной империи на юго-западе, Элама на юго-востоке, Веломовии на северо-востоке и Норикии на северо-западе, но всегда оставался независимым и самостоятельным.

Стены древней твердыни считались непреступными. Эскендерия держалась даже после роспуска ордена, когда все силы Лучезарных были направлены на подчинение Авалора и подавление восстаний в Веломовии. Лишь после этого, лет пять назад, незадолго до того, как Николас покинул родной остров, внимание единоверцев привлекли южные земли.

Осада длилась годами. Войска Голубых Капюшонов блокировали город, обрекая эскендерцев на голод, но те не сдавались, пока сам Белый Палач не оставил Авалор, чтобы возглавить штурм. Микашу Веломри хватило десяти дней, чтобы войти в город победителем. Он залил стены горючей смесью, используя устройства из медных труб и кузнечных мехов, и неприступный твердыня пала к его ногам.

Николас видел подобные устройства в Поднебесной, а Эглаборг даже выпытал рецепт смеси. Когда целитель чем-то загорался, то с ним проще было согласиться, чем объяснить, почему нельзя.

– С таким оружием огнежар и даже наше искусство фехтования неударённым будут ни по чём, – мрачно заключил Николас.

– Войны станут куда разрушительней. Даже Норикия вряд ли выстоит, – согласился Эглаборг.

– Раньше орден скрывал накопленные знания из страха, что в плохих руках они принесут много бед, – Охотник припоминал, как проходил посвящение в восемь лет. Теперь ему открывался новый смысл этого действия. И его бессмысленность одновременно. – Выходит, что оберегать знания нужно было в первую очередь от себя самих. Нет, всё-таки сильнее предательства оружия ещё не придумали.

Раннее утро в Мараканде, столице ханства Саргала, выдалось прохладным. Глинобитные хибары на удивление хорошо сочетались с высившимся над ними пёстрым дворцом. Город стоял на берегу широкой и полноводной реки Пахчур-Су, которая несла жизнь в мёртвую Хаабскую пустыню. Несмотря на ранний час на берегу уже собралась толпа. Слух будоражили чужие разговоры.

– Уверяю тебя, лорду Веломри сам Единый-милостивый помогает! Нашёптывает ему в уши мудрые советы и направляет его руку на врагов. Иначе как бы он Эскендерию сокрушил?

«А почему ты мне не помогаешь?» – обратился Николас к Безликому.

После того, как они покинули Острова Алого Восхода, Охотник чаще разговаривал с незримым богом, чем с Эглаборгом. Из-за этого они в очередной раз повздорили, и целитель решил остаться в лагере, который они разбили выше по течению реки.

«Ты хочешь завоевывать города?» – деланно удивился бог.

«Мне всего-то нужно было спасти Юки».

«Я же предупреждал не задерживаться в храме. На двух стульях не усидишь даже ты».

Николас недовольно прищурился и сложил руки на груди. Как же достала эта беспомощность!

За ним пристально наблюдал пустынный. Темноглазый, лет двадцать пять от роду. Смуглые босые ступни выглядывали из-под светлого балахона. Лицо обветрилось, из-под платка, обтянутого плетёным обручем, выбивались каштановые кудри с тёмно-красным отливом.

Встретившись взглядом с Охотником, пустынный спросил:

– С кем ты так воодушевлённо беседовал?

После деликатных манер островитян и жителей Поднебесной бесцеремонность эламовцев выбивала из колеи.

– С самим собой... Иногда я так делаю, – Николас скопировал слащаво-хитрую улыбку пустынного. – Люблю беседовать с умными людьми. А что здесь происходит?

– Хан Саргал недавно отправился по Сумеречной реке.

Что за невезение! Николас надеялся напомнить ему о дружбе с дедом и попросить покровительства. Теперь удастся разве что прикоснуться к мощам хана в мавзолее.

– Он не оставил после себя сыновей, – непрошено продолжил пустынный. – По местным суевериям это значит, что хан прогневал богов и обрёк свои земли на страшное проклятье. Если к дочерям Саргала не посватается могущественный владыка, то, оправдывая себя божественной волей, кровожадные соседи разграбят ханство. Дураком-женихом... прости, смельчаком оказался хан Фарзул, Алый Лев Хаабской пустыни.

– То есть он возьмёт в жены сразу всех? – Николас сдвинул брови.

– Если они выживут. Не смотри на меня так, по-моему, это очень глупая традиция. Одна жена – одна проблема, много жён – много проблем.

– Ни одной жены – никаких проблемы, – заключил Николас, вспоминая Юки.

– Это конечно, но очень тоскливо, – согласился пустынный. – Так вот, оказалось, чтобы искупить вину перед богами, одного сватовства недостаточно. Чтобы очиститься от проклятья перед свадьбой принцессы обязаны пройти испытание, которое назначат для них соседи. Если боги простят род хана Саргала, то оно завершится удачно. Естественно, наши жадные властители придумали нечто такое, что исполнить невозможно. Принцессы должны

достать рубиновое яблоко с заповедного острова посреди реки. Идём, я покажу.

Они вышли на высокий берег, откуда хорошо было видно окрестности. Толпа заволновалась и расступилась. Вперёд выступила высокая девушка в халате из красного бархата, расшитого золотыми птицами. Её лицо и волосы закрывал шёлковый платок. Слуги помогли ей разоблачиться, и она ласточкой нырнула в мутную речную воду. Следом выдвинулся внушительный плот с тяжело вооружёнными воинами.

– Это старшая, принцесса Маяса, – пояснил пустынный.

Когда она доплыла до середины реки, вода вспенилась и на поверхность высунулся покрытый зелёной чешуёй треугольник драконьей головы. Принцесса вскрикнула. Воины похватали луки и принялись обстреливать речного жителя.

– Что они делают?! – Николас подался вперёд, желая остановить сражение до того, как произойдёт трагедия.

– Стой – убьют! – загородил ему дорогу пустынный. – Ещё одна глупая традиция.

Тонкий хвост со стрелкой на конце поднял плот в воздух на несколько ярдов. Воины упали в воду и камнем пошли ко дну. Принцесса продолжала оглушительно кричать. Дракон высунул из воды своё мощное тело и с шипением нырнул обратно, утаскивая за собой Маясу.

– Если бы я только знал! – ужаснулся пустынный.

– А у вас не так?

– Нет, конечно. У нас всё просто: нравится тебе девушка – просишь у неё разрешения, платишь её отцу и отваживаешь других её ухажёров, если они имеются. А после забираешь её в свой шатёр и живёшь долго и счастливо.

Николас вообще-то спрашивал не о свадебных традициях, но... Пустынный был явно не в себе. Он ухватил Охотника за ворот рубашки и заставил смотреть ему в глаза:

– Ты обязан нам помочь! Станешь чемпионом младшей принцессы Инай и защитишь её от всех чудищ. Если справишься, маракандский визирь Салим даст тебе любую награду, какую попросишь... И хан Фарзул тоже, клянусь!

Николас внимательно разглядывал его вытянутое обветренное лицо. Угольки глаз пустынного горели отчаянием и тревогой. А как он за всех решения принимает! Так ведут себя разве что могущественные владыки, не привыкшие к отказам.

В последнее время Охотник всё больше гонял демонов по оврагам и пустошам. Как выглядят настоящие деньги, вовсе забыл, так что заработки пришлось бы очень кстати. Но... дракон?!

– С чего ты решил, что я с этим справлюсь? – Николас принялся по одному отлеплять от себя пальцы пустынного.

Мозоли на них походили на те, что бывают от стрельбы из лука.

– Ты похож на опытного воина. Вон как рвался Маясу спасать, – подмигнул ему пустынный. – Подсоби, а? Принцесса Инай прекрасна, как лунный свет. Она не заслужила такой участи.

Уговаривать он тоже умеет, пройдоха!

– Что ж ты сам не сразишь чудищ ради неё?

– Моё племя враждует с Маракандом, мне нельзя показывать заинтересованность, – он тяжело вздохнул и опустил плечи. – А так бы я за неё и в огонь, и в воду! Моё имя Камиль.

Он протянул Николасу руку, но не успел Охотник её пожать, как пустынный потянул его за собой.

– Вначале встретимся с визирем Салимом, а потом с Инай.

Каков наглец! Да ещё и во дворец вхож, о государственных делах осведомлён в отличие от традиций, хм... Это при том, что он якобы из враждующего кочевого племени. Что-то тут нечисто.

«Соглашайся! Сам с правящей семьёй подружишься, коня раздобудешь. Пора бы тебе перестать за дедовой спиной прятаться. Жениться он, видите ли, собрался, детей завести, а сам как был пустым местом, так им и остался», – издевался в голове Безликий.

Николас стиснул зубы в бессильной злобе. Поколотить бы его, хотя бы зеркало разбить, но тут даже этого нельзя. Можно только молча делать вид, что всё в порядке, и омерзительный голос не властен над его рассудком.

Они промчались по грязным кривым улочкам Мараканда, распугивая плешивых котов и собак. Показалась дворцовая стена, обрамлённая зарослями самшита. Отсчитав с две сотни шагов, Камиль раздвинул кусты. За ними притаилась дверь. Пустынник снял с шеи медный ключ и отпер им внушительный навесной замок.

Стражники на другой стороне учтиво склонили головы, провожая Камиля перепуганными взглядами. Ничего себе, кочевник из враждебного племени!

Они оказались на мужской половине дворца. Пустынник уверенно прошествовал в покои визиря, не отпуская руки Охотника.

Салим сидел на цветастых подушках и потягивал из чашки ароматный напиток. Визирь был уже немолод. Невысокая, грузноватая фигура скрывалась под роскошным халатом из синего бархата, отсутствие пышной шевелюры возмещал большой тюрбан. В глазах цвета топлёного молока искрились янтарные хитринки.

– Этот человек хотел бы стать чемпионом принцессы, – обратился к нему пустынник.

Визирь кисло скорчился, отставил чашку и поднялся.

– Мы не доверимся ещё одному чужаку. Надира уже выбрала Хасана.

– Зато Инай никого не выбрала. Покажи ей его, – велел Камиль.

– Ты забываешься! – рыкнул Салим, тоже недовольный его наглостью. – Пока ещё я тут всем распоряжаюсь.

– О, великий и мудрый визирь, смиренно прошу вас показать Инай этого человека, – Камиль согнулся в раболепном поклоне.

Салим разъярённо засопел, уловив издёвку.

– С чего ты решил, что этот оборванец сможет стать чемпионом? Расул был знаменитым мудрецом и звездочётом. Хасан – придворный маг. А кто это такой?

Маг? Что за маг?

– Он разговаривает с богами, – с торжеством сообщил Камиль. – Как непобедимый Белый Палач. Он размажет по песку всех чудищ одним взмахом пальца!

Николас поперхнулся:

«Я смогу?»

«Кто тебя знает? – не особо обнадеживающе ответил Безликий. – Ты даже на пустом месте умудряешься ошибаться».

– Ладно, всё равно Инай его не выберет, – сдался визирь.

Камиль кивнул и вышел в ту же дверь, из которой пришёл. Визирь повёл Николааса на женскую половину. Они выбрались во дворцовый сад с кипарисовыми аллеями и благоухающими персиковыми деревьями. На скамейке в тени широколистной пальмы сидела невысокая худенькая девушка в платье из голубого шёлка. Она кормила финиками

маленькую обезьянку. Её лицо так же было скрыто полупрозрачным платком. Завидев мужчин, она встала.

– Инай, этот человек хочет стать твоим чемпионом, – визирь указал на Николаса.

Обезьянка прыгнула ему на плечо и начала обнюхивать.

– Малала, прекрати, это невежливо! – Обезьянка, громко пискнув, прыгнула на руки принцессы. – Мне не нужен чемпион, не хочу губить невинного человека вместе с собой.

– Но Маяса не справилась. Завтра настанет черёд Надиры. Ты обязана выбрать чемпиона, – попытался увещевать её визирь. – Его привёл Камиль. Он решил, что этот человек разговаривает с богами.

Услышав имя пустытника, Инай расслабилась.

– Хорошо, выдай ему узду, – приказала она визирю и повернулась к Охотнику: – Приведёшь ко мне тулпара из отцовского табуна – выберу тебя чемпионом.

Заполучить тулпара так просто? Николас ведь даже попросить не успел!

Визирь схватил его за руку и поволок за собой. Эламцы! Что за грубый, бесцеремонный народ?!

Они отправились на луг у берега реки, где пасся табун в несколько сотен голов. Разморенные от полуденного зноя пастухи валялись на земле. При виде визиря они вскочили и начали самозабвенно кланяться.

– Выдайте ему узду. Он будет ловить тулпара.

Пастухи заржали так, что им позавидовали бы и лошади. Один вручил Николасу потёртую уздечку. Не обращая внимания на их веселье, Охотник двинулся к табуну.

Гибкие и поджарые, эламские лошади как день и ночь отличались от грузных мохноногих лапийских обозников. Шерсть золотистых, медовых и кремовых оттенков лоснилась и переливалась на солнце. Тонкими сухими мордами с глазами навывкате кони напоминали щук.

Когда Охотник приблизился вплотную, лошади вскинули головы и начали прядать ушами. Одно неосторожное движение, и табун помчался прочь, поднимая столбы пыли.

Николас достал из кармана кусок хлеба, выбрал отбившуюся кобылу цвета слоновой кости и протянул к ней руку. Кобыла на хлеб даже не взглянула – всхрапнула, подобралась и побежала высокой летящей рысью. Сейчас бы веревку, да с арканом, эх!

Высмотрев статного буланого жеребца посмелее, Николас сделал ещё одну попытку. Конь подпустил его к себе лишь для того, чтобы с визгом взвиться на дыбы и замахнуть передними копытами. Николас едва успел отскочить в сторону. Табун снова поднялся с места и полетел по пастбищу.

«Позвени перед ними уздой, – устало посоветовал Безликий. – Для чего-то же тебе её дали».

Николас взял уздечку в руку и потряс ею. Железные удила, ударяясь друг о друга, произвели не слишком звонкий звук. Кони посмотрели на него, как на полоумного, и снова принялись щипать траву. Охотник ещё раз позвенел, но ничего не произошло.

Бред какой-то!

Николас с досадой швырнул узду на землю и зашагал прочь. Сзади раздался детский голос:

– Эй, погоди!

Охотник удивлённо моргнул и обернулся. Никого, кроме лошадей, рядом не было.

Точно, крыша поехала. Какая жалость!

Николас сплюнул и пошёл дальше. Вдруг мохнатый нос пихнул его в спину и едва не сбил с ног. Не на шутку разозлившись, Охотник развернулся и увидел перед собой полугодовалого отъёмша. Чёрная шерсть пополам с грязью клочьями свисала с тощих боков, неровная грива топорщилась в разные стороны. Косые лупатые глаза на полморды глядели с озорством.

– Хозяин, хоть узду забери! – проблеял детский голос совсем рядом. – Тяжело тащить.

Жеребёнок, словно собака, держал в зубах уздечку. Николас ошалело вытаращился. Очередной дух?

– Чего тебе надо?

– Ты же уздечкой звенел, меня звал. Вот я и тут... – смутился жеребёнок.

– Так я не тебя звал, а большого взрослого тулпара, – замотал головой Николас.

– Я взрослый! Мамкино молоко уже не пью, – с горячностью заверил жеребёнок. – Нет тут больше тулпаров. Мой отец Акбузат вместе со своим хозяином, ханом Саргалом, по Сумеречной реке отправился.

– Что ж, соболезную.

«Ты издеваешься?! Вначале проклятый меч, теперь сопливый жеребёнок», – возмутился про себя Николас.

«Не нравится, проваливай на Авалор. Белый Палач спит и видит, как бы с тебя шкуру живьём снять», – огрызнулся Безликий.

– Ты, и правда, с богами разговариваешь? – восхитился жеребёнок. – Меня, кстати, Харысай звать, а тебя?

– А ты никому не скажешь?

– Нет! Тулпары – лучшие хранители тайн в Мунгарде! К тому же, нас не слышит никто, кроме хозяев.

– Что ж, тогда зови меня Николас Комри.

– Вечерний всадник! – восхитился тулпар и изобразил поклон, вытянув переднюю ногу. – Это такая честь!

– Ладно, идём. Нужно ещё решить, что делать с драконом.

– Ух ты, мы будем сражаться с драконом! Ура! – жеребёнок принялся скакать на месте козлами.

С такими длинными ушами-мельницами ему, поди, и крылья не нужны.

Завидев жеребёнка, пастухи притихли. Визирь помрачнел, на лбу между глаз залегла тревожная морщинка.

– Идём к принцессе? – спросил Николас самым высокомерным тоном, на который был способен.

– И-идём, – заикаясь, ответил Салим.

Во дворце все удивленно озирались на тулпара, перешептывались, даже кланялись. Салим проводил их в сад и удалился по своим делам. Харысай обгладывал все встреченные растения, и никто даже не думал ему препятствовать. Одна лишь обезьянка принцессы щёлкнула его по лбу, когда жеребёнок стал покушаться на её любимое финиковое дерево.

Инай встретила Охотника гораздо более радушно, чем в прошлый раз.

– Камиль был прав! Ты действительно герой, если смог приручить тулпара, – она сняла с пояса белую ленту и повязала Николасу через плечо. – Приходи завтра на рассвете на

смотровую площадку. Там ты познакомишься с чемпионом моей средней сестры Надиры и узнаешь, в чём состоит испытание. До этого рассказывать о нём запрещают традиции.

Инай грустно вздохнула и вернулась на скамейку.

– Вас что-то тревожит? Если это дракон, то не беспокойтесь, я всё решу, – подбодрил её Охотник.

– Если я не погибну, то мне придётся выйти замуж за ужасного Фарзул-хааба. О его жестокости слагают легенды. Песок вскипает под его ногами и становится алым от крови его врагов. У Фарзула уже была жена. Говорят, он казнил её, заставив выпить расплавленный свинец.

Инай перешла на шёпот с вкраплениями нежных ноток:

– Ах, если бы милый Камиль меня спас! Я встретила его на базаре. Мы с отцом сильно повздорили. Он часто корил меня за непослушание и гордыню. Однажды я сбежала, переодевшись служанкой. Первый раз выбралась за пределы дворцовых стен без стражи. В сумерках на меня напали лихие люди. Камиль опрокинул на них телегу с навозом, подхватил меня на руки и отнёс обратно во дворец.

Я сделала для него ключ от потайного хода, и теперь он часто меня навещает: сообщает о том, что происходит в мире, приносит диковинки. А какие чудесные истории он рассказывает! Ни один человек не знает их столько. Камиль обещал выкрасть меня и увезти в свою цветущую пустыню, но тут отец умер, и нам назначили это жуткое испытание!

– Ты слишком добра, моя госпожа, – ответил невесть откуда взявшийся пустынный. – Я всего лишь смиренный раб моей принцессы.

– Камиль!

Инай прильнула к нему и начала нашёптывать что-то на ухо. Тот шурился и млея по-кошачьи счастливо. Может, этот пустынный и не такой кровавый, но головы кружить умеет знатно. На традициях оседлого сватовства погорел, а, герой-любовник?

– Мне пора, – поспешил ретироваться Николас, так как к горлу подступил удушливый комок.

Влюблённые его даже не услышали.

Эглаборг помешивал суп в котле, когда Охотник вернулся в лагерь.

– Есть несколько хороших новостей и одна плохая, – поприветствовал его Николас.

– Давайте сразу плохую, чтобы хорошими можно было её заесть, – ответил целитель, поднеся ко рту ложку с супом.

– Получить покровительство хана Саргала у нас не выйдет, потому что он умер. Но я нашёл непыльную работёнку, за которую пообещали хорошую награду. И даже заплатили вперёд – подарили одного из небесных аргмаков.

Целитель уронил ложку обратно в суп и оглянулся по сторонам в поисках чудесного коня. Харысай подкрался к нему сзади и боднул пыльным лбом.

– Ай! – вскричал Эглаборг и уставился на жеребёнка во все глаза. – Какой-то он плешивый и неказистый для породистого скакуна. К тому же вороной. Вы ведь не любите вороных.

– Ты просто не видел, как ему во дворце кланялись. Не обижай священное животное, – Николас потрепал коника по шее. – Кстати, а где твои крылья?

– Так они только на третьем году вырастут, – помахивая куцым хвостом, ответил жеребёнок.

– Вы теперь ещё и с конями разговариваете? – Эглаборг встревоженно навис над ними.

– И с конями, и с богами, а скоро вообще с драконом придётся парой слов перекинуться,

– пожал плечами Охотник, выгребая всё содержимое своей седельной сумки.

Моток верёвки по обыкновению оказался на самом дне. Николас принялся отмерять её локтями.

– Дракон?! Да вы верно бредите! Настоящий живой огнедышащий дракон? – целитель в недоумении воззрился на него.

– Нет, это речной змей, судя по виду, из Поднебесной. Найди нашу выходную одежду. Завтра на рассвете надо при параде явиться на ханскую смотровую площадку.

Охотник поймал Харысай и начал наматывать верёвку на его крохотную морду.

– Что ты делаешь?! – тот со всей силы дёрнул головой.

– Недоуздок. Стой спокойно, а то я в петлю не попадаю, – укорил его Охотник. – Любому взрослому коню нужен недоуздок. Ты же хочешь быть взрослым?

Услышав волшебное слово, коник встал смирно, и Николас завязал узел у него под подбородком.

– Вы что-то сказали? Или это опять кому-то из ваших?.. – встрял Эглаборг.

Николас загадочно улыбнулся и принялся выковырять репейник из жеребьячьего хвоста.

– Я надеюсь, вы не собираетесь драться с драконом? – не унимался целитель. – Может, ну его? Обойдёмся и без этих денег. Лучше пощиплем жар-птичек. Их перья можно продать за кругленькую сумму.

– Нет! Нельзя мучить добрых духов без веской причины, – возразил Николас. – А дракона можно уболтать, но для этого нужны красноречие и мудрость.

– Я! Я знаю, кто самый мудрый и красноречивый в Эламе. Это птица Гамаюн, – вставил своё слово Харысай.

Да, птички тут повсюду, даже на гербе.

Закончив с хвостом, Охотник взялся за ножницы и принялся остригать замусоленные пряди из обчёсанной гривы.

– Всё равно его года три доращивать придётся, прежде чем можно будет заездить, – покачал головой Эглаборг.

Николас положил в карман мыло со щёткой и потянул Харысай к реке.

Жеребёнок упирался всеми четырьмя ногами, но в воду заходить не соглашался.

– Проваливай тогда в табун! – крикнул Охотник и отвернулся, сложив руки на груди. – Мне такой грязный и трусливый тулпар не нужен.

С опаской ступая по топкому дну, Харысай вошёл в воду. Охотник принялся счищать грязь с его тощих боков и шеи. Жеребёнок терпел пытку щёткой с мученическим видом. Стоило Николасу его отпустить, как Харысай помчался обратно в лагерь. Охотник улыбся сам и последовал за ним.

Хорошо бы лечь спать пораньше. Следующий день обещал быть очень трудным.

– Надо перешивать всю одежду, – досадовал Николас.

Его щиколотки выглядывали из-под льняных штанов, а рукава рубашки доходили лишь до середины запястий.

– Я вам говорил. Вы подросли чуть ли не на полторы головы и хотите, чтобы одежда, которую вы носили до обучения в Храме Ветров, была вам в пору? – ответил Эглаборг.

– Ну и ладно, – отмахнулся Охотник. – Подумаешь, чуть короткое. Сделаем вид, что так

и надо. Главное, что чистое. После купим более подходящее.

– При условии, что вас не съест дракон, – напомнил целитель, и они поспешили на смотровую площадку.

Там их уже ждали шестеро человек. Визирь Салим перешёптывался с неизвестным мужчиной. Две принцессы стояли поодаль и тревожно вглядывались в мутную гладь реки. Надира оказалась невысокой и плотной, но под ворохом зелёной парчи и шёлка разглядеть её не получалось. Принцесс охраняли два молчаливых конных стражника.

– А вот и наш последний чемпион, – поприветствовал Николаса визирь. – Господин...

– Мортимер Стигс из Авалора, – подсказал Охотник.

– Хасан, думаю, самое время поведать твой план, – обратился Салим к незнакомцу.

Его аура была мутной, как вода в реке, с вкраплениями болотной ржавчины и островками ряски. Значит, дар у мага всё-таки есть. Если приложить к нему недюжинную смекалку, то Надира спасётся. Денег хоть и не дадут, если другой чемпион победит, но и тулпара тоже не отберут. Сожалеть не о чем, лучше искренне болеть за среднюю принцессу.

Хасан бочонком выпятил грудь и заговорил, накручивая на палец чёрный ус:

– Когда принцесса Надира войдёт в реку, я отвлеку дракона «чудесным огнем», состав которого знаю только я.

Он показал несколько бамбуковых снарядов. Эглаборг с Николасом переглянулись. Такие они уже видели в Поднебесной, похожим способом Белый Палач сломил неприступные стены Эскендерии. Вот только подействует ли такой трюк на дракона?

Хасан продолжил:

– Когда принцесса ступит на остров, то скормит василиску этот яд. Его изготавливают по тайному рецепту великие мастера севера.

Хасан протянул им маленький кожаный мешочек.

– Молотый волчий корень, – Эглаборг удостоил яд всего одним взглядом. – Тоже мне тайный рецепт. Мы им грызунов травим. Только василиска он не усыпит.

Николас вздохнул и заложил руки за спину. Час от часу не легче. Ещё и ящер-переросток!

– Когда яд подействует и принцесса сорвёт с дерева яблоко, я сотворю иллюзию каркаданна, который обратит гнев птицы Рух на себя, – подобрался к концу Хасан. – И принцесса беспрепятственно вернётся в безопасность.

Рух?! Хуже некуда! Огромная, как скала, стремительная, как стадо взбешенных грифонов, Рух – эманация ярости в чистом виде. Как с такой справиться?

– Не бойся, малыш, – похлопал его по плечу чемпион Надиры. – Сумеречник Хасан победит жуткую птицу, ты и глазом моргнуть не успеешь.

Если так можно назвать слабенького мороча, который развлекает придворных потешными иллюзиями. Надиру тоже ждёт гибель!

Николас подался вперёд, но Салим упредительно выставил руку:

– Дождись своей очереди, горячая голова. Нарушение древних традиций карается казнью.

Николас яростно сверкнул глазами. Как можно безучастно смотреть на расправу?!

Надира во главе торжественной процессии спустилась к реке, разоблачилась и нырнула в воду. Хасан остался на берегу готовить снаряды. Не успела принцесса проплыть и половину пути, как на поверхности снова показалась чешуйчатая голова. Хасан поджёг фитили. Загрохотали снаряды и подняли в небо снопы жёлтых искр.

Дракон вытянулся в полный рост, глядя на тусклую при дневном свете шутиху. Он оказался крупнее сородичей из Поднебесной, с синим гребнем и плавниками-крыльями на спине. Голову венчали светло-фиолетовые пятна, наподобие седых волос. Похоже, дракон был уже в почтенном возрасте.

Когда дневной фейерверк истлел, огромная туша упала в воду, поднимая волны. К счастью, Надира уже добралась до острова и, выбросив наживку, спряталась за валуном. Из пещеры выполз василиск, принюхался и проглотил отраву. Принцесса дождалась, чтобы он упал на землю, и, выбравшись из укрытия, побежала к яблоне.

Плоды висели только на верхних ветках. С трудом вскарабкавшись по скользкому стволу, Надира протянула руку к ближайшему яблоку. Небеса разверзлись, и с облаков вылетела исполинская птица, напоминающая коричневого орла.

Из речной воды соткался каркаданн. Он походил на крупного тяжеловоза с короткими когтистыми лапами. Мощное тулово покрывали пластины толстой серой кожи. Из грузной треугольной морды рос длинный закруглённый рог. Каркаданн оглушительно затрубил. Птица закричала и спикировала на своего врага.

По лицу Хасана струился пот. Чтобы поддерживать иллюзию на таком расстоянии, приходилось тратить огромные силы. Аура тускнела: истирались проплешины ржавчины, ряска, даже голубой цвет водной стихии становился всё более прозрачным. Вот-вот утечёт последняя капля, аура вспыхнет красным, носом пойдёт кровь, и от иллюзии не останется и следа.

Эглаборг перебирал руками, словно не знал, куда их деть.

Надира соскочила на землю и из последних сил кинулась к берегу. Может, успеет? Ещё самую малость!

Поднялся разбуженный василиск.

На смотровой площадке все испуганно вздрогнули. Инай прикрыла лицо руками.

Вскрикнув, под взглядом лиловых глаз Надира превратилась в камень. Каркаданн исчез, Рух улетела за облака, а василиск скрылся в пещере.

– Не-е-ет! – простонал Хасан и упал на колени.

Один из стражников спешил, отвязал от седла край верёвки и прикрепил её к ногам мороча. Николас с Эглаборгом одновременно шагнули вперёд, но Салим снова перехватил их за локти:

– Не вмешивайтесь. Иначе ваша участь будет такой же! Он знал, на что шёл.

Инай сжималась ещё сильнее, её колотила крупная дрожь. Стражник дал команду своему напарнику, и тот пустил лошадь галопом, таща за собой неудачливого чемпиона. Запахло кровью. Вскоре они скрылись за горизонтом, оставив на песке багровую полосу.

– Слабак, – брезгливо сплюнул визирь. – Завтра жду вас тут в это же время. И не пробуйте сбежать!

Николас с Эглаборгом кивнули и направились обратно в лагерь.

– Бешеные дикари! – причитал целитель. – Разве можно так? Да ещё с принцессой?

Наверняка раньше орден запрещал такие забавы, а как его распустили, неударённые совсем распоясались. Николас сжал ладони в кулаки: ни остановить, ни помочь не дали, ублюдки! Нет уж, Инай он спасёт во что бы то ни стало!

Вещи в их лагере сторожил Харысай, а точнее гонял мух и пощипывал куцую траву.

– Что там с Гамаюн? – выловил его Николас.

– Мудрая птица? Отец рассказывал, что возил к ней хана Саргала за советом. Правда,

она отказала, – жеребёнок сокрушённо потупился. – Она только своим помогает. Ты должен стать похожим на птицу, например, облиться дёгтем и вывалиться в перьях. Так делал хан Саргал.

Николас достал рубаху Умай и натянул на себя. Она оказалась будто бы на него сшита: села легко, идеально облегая фигуру, нигде не терла и даже не кололась.

– Дёготь был лучше, – отозвался жеребёнок.

Николас покачал головой, разглаживая руками мягкие белые перья:

– Показывай дорогу!

===== Глава 24. Гамаюн =====

1567 г. от заселения Мунгарда, Элам, Маракандское ханство

Птица Гамаюн обитала на вершине Чёрных скал в нескольких часах пути от Мараканда. Николас оставил жеребёнка у подножья, и продолжил путь один. После тренировок в Храме Ветров, да с помощью дара, карабкаться по узким выступам на отвесной стене оказалось не так уж сложно. Выходит, навык и сноровка никуда не делись. Как хорошо смахнуть с них пыль!

Николас подтянулся на плоскую вершину. Пышной шапкой её венчало гнездо из тонких белых прутьев. Там сидела птица, превосходящая по размерам человека раза в полтора. Перья на спине отливали червонным золотом, грудь и шея поблёскивали изумрудным цветом, из хвоста веером торчали длинные перья со сложным разноцветным узором. Птица подняла голову, вполне человечесю, с красивым лицом зрелой женщины в обрамлении густых золотистых локонов.

– Добрый день, о великая и мудрая Гамаюн, – Николас поклонился.

– Кто тревожит мой покой? – спросила та, не открывая глаз.

– Я... гм... сын Белой Птицы Умай. – Духи-то всё равно его за Безликого принимают. – Мне нужна помощь.

Гамаюн встрепенулась и уставилась на него голубыми глазами.

– Я сестра Умай. Мы часто летали вместе, пока Небесный Повелитель не отобрал её у нас. А ты совсем на неё не похож.

Николас нервно сглотнул, пока она внимательно изучала его лицо и гладила кончиком крыла его щёку. Не поверила? Интересно, что она сделает с обманщиком?

– В отца весь: и лицом, и статью, и характером самоуверенным. Садись мне на спину. Сейчас полетаем, – рассмеялась она, видя его испуганное выражение.

На Цильине он уже скакал. Разве что-то может быть хуже?

Стараясь не вырвать перья, Николас забрался ей на спину. Гамаюн расправила могучие крылья, оттолкнулась от скалы и взвилась к облакам. Ветер свистел в ушах и студил лицо, глаза застилала пелена слёз. Так высоко Охотнику подниматься ещё не приходилось.

– А теперь, посмотрим, как летаешь ты, сын Белой Птицы.

Гамаюн стряхнула его со спины. Руки беспомощно скользнули по перьям, Николас рухнул к земле. Даже ветроплав не замедлил падения. Охотник зажмурился и раскинул руки в стороны.

Удара не последовало. Послышался шелест перьев, руки плавно взмахивали сами по себе. Николас открыл глаза: он действительно парил! Руки превратились в белые крылья, он словно помнил, как ими нужно двигать, чтобы скользить по потокам воздуха.

Охотник оттолкнулся от созданной ветроплавом подушки и взмыл ввысь, как хищная птица. Воздух защекотал перья, тело стало невесомым. От заполнившего грудь восторга

хотелось кричать. Можно сделать мёртвые петли, упасть в бездонное ущелье и понестись вертикально вверх, чтобы пронзить купол неба.

Николас развернулся и заложил крутой вираж.

– Что ж, птенец, летаешь ты пока плохо, но задатки есть, – потешалась Гамаюн, поравнявшись с ним. – Давай обратно к скалам.

Тяжело дыша, Николас опустил на край гнезда. Полёт отнял гораздо больше сил, чем показалось вначале. Мышцы гудели, сердце бешено колотилось об рёбра. Как только ноги коснулись земли, крылья снова стали руками.

– Что у тебя за беда, сын Умай? – спросила Гамаюн, устраиваясь рядом.

– Испытание принцесс, – с трудом переводя дыхание, вымолвил Охотник. – Нужно принести рубиновое яблоко с острова посреди реки, но путь к нему преграждает дракон, василиск и птица Рух. Как их обойти?

– Речной дракон? В моих владениях? – Гамаюн воинственно вскинулась. – Ну, он у меня попляшет!

Она уже раскрыла крылья, но Николас её остановил.

– погоди, у подножья ждёт мой тулпар.

Птица высмотрела пасущегося среди колючек жеребёнка.

– Он не выглядит тяжёлым. Возьму его с собой, но ты полетишь сам.

Гамаюн спустилась к Харысаю, что-то сказала и сомкнула когти вокруг его спины.

Набравшись смелости, Николас спрыгнул с обрыва. Руки снова обратились в крылья, и он помчался вслед за птицей.

Обратный путь занял не больше часа. Николас быстро привыкал к полёту, но усталость брала своё. Руки немели от перенапряжения, мышцы под лопатками зудели и болели.

Внизу показалась мутная гладь реки. Гамаюн поставила Харысая на берег и подошла к воде. Николас плавно опустился рядом.

Благо, до города было далеко, вряд ли неударённые их заметили. А если бы и заметили, то решили, что последний разум покинул их.

– Летать здорово. Только нечестно, что крылья выросли у тебя, а не у меня, – обиженно заявил тулпар.

Охотник снисходительно потрепал его по шее:

– Ты же сам сказал, что нужно подождать до трёх лет. Ты ещё будешь летать куда лучше нашего.

Не обращая на них внимания, Гамаюн грозно затопала когтистыми лапами.

– Эй, змеюка подколодная, а ну, выползай! С тобой изволит говорить почтенная птица!

Вода вспенилась, и из неё вынырнул рассерженный дракон. Увидев его, Харысай удрал за валун.

– Гамаюн, ты что ли, старая карга? – удивился дракон.

– Пёрьшки мои, так это ты, Лунь! Какие демоны принесли тебя сюда из самой Поднебесной? – птица сменила гнев на милость. – Средняя полоса Элама моя вотчина.

Дракон шлёпнулся обратно в воду и сердито забулькал:

– Мрак, чтоб его! Повсюду свои щупальца запустил, даже до Снежных гор добрался. Хозяиничает в Поднебесной всюю. Скоро и Предвестники появятся.

Гамаюн прикрыла лицо крылом:

– Неужели он снова набрал силу? После всего, что мы сделали, что потеряли и чем пожертвовали?

Видимо, Лучезарные не только Сумеречникам покоя не давали. Но благодаря этому можно договориться с духами о союзе. Один из них наверняка укротит звёздный клинок.

– А почему ты не задал Мраку трёпку? В былые времена ты никогда не бежал от драки, – укорила дракона Гамаюн.

– Тебе повезло. Ты не была в Зюдхейме во время последней битвы. А я до сих пор мучаюсь кошмарами, вспоминая, как пал Небесный Повелитель, и Благословенный град на Девятых Небесах накрыла вечная ночь.

Николас внимательно взгляделся в седую морду Луны. Сны из детства – они ведь именно об этом. Почему он воспринимает воспоминания Безликого как свои? Скоро он и сам начнёт принимать себя за вредное божество.

– Кто это? Кого ты привела? – забеспокоился дракон, перехватив его взгляд.

– Это птенец Умай, – сказала Гамаюн, крылом придвигая Николаса к дракону.

Лунь навис над самой его макушкой, будто хотел проглотить. Охотник поёжился.

– Я слышал, все птенцы Умай погибли. Не больно ты похож на небожителя. Хотя и от человека в тебе мало, раз понимаешь нас.

– Ты сомневаешься в моих суждениях? – угрожающе заклекотала Гамаюн.

– Конечно, нет, – дракон испуганно опустил на воду.

– Хорошо, потому что у него к тебе просьба, – расслабилась птица.

– Не могли бы вы завтра позволить принцессе Инай переплыть реку, – сказал Николас, подавив в себе страх.

– Что, завтра будет ещё одна? Эти оголтелые маракандцы! Я думал, утопив парочку, я запугаю их достаточно, чтобы они перестали сюда соваться, – грозно зарычал дракон.

– Ей нужно достать яблоко с того острова. Как только она его получит, даю слово, никто вас не потревожит, – пообещал Николас.

– Принцессу – пропущу, но больше – ни души. Ясно? – проворчал дракон и снова обнюхал Николаса, шумно всасывая воздух огромными ноздрями. – И всё-таки ты человек.

Лунь скрылся в мутной воде.

– Дальше василиск, с ним я справлюсь, – задумчиво почесал в затылке Охотник. – А вот что делать с Рух?

– Драться! – воинственно воскликнула Гамаюн. – Ух, и повыдергаю я перья этой невеже! Только нужно её ослабить.

– И я! И я драться хочу! – выскочил из-за валуна Харысай, как только Лунь уплыл.

– Ты ещё маленький! – шикнул на него Охотник.

– Но ведь я и в воду вошёл, и недоуздок ношу, – захныкал конёк.

– Не обижай ребёнка, – вступилась Гамаюн. – Между прочим, на тулпаров, даже таких крохотных, взгляд василиска не действует. Слишком они шустрые.

– Да, я такой! – прихвастнул жеребёнок.

– Лучше бы у них умишко побольше был, – буркнул Николас.

– Умишка у них ровно столько, сколько у их хозяев, – осадила его Гамаюн. – Если тебе хватит мудрости хорошо его воспитать, будет у тебя умный и верный помощник. А если нет, пеняй только на себя.

– Ладно, – Охотник повёл плечами. – Не мне же тащить его на остров в когтях. Встречаемся завтра на рассвете.

– Придумай, как ослабить Рух, иначе мы не справимся. А я пока перья перед битвой поменяю, – Гамаюн поднялась в воздух и умчалась восвояси.

Николас повёл Харысая обратно в лагерь.

Эглаборг сторожил вещи, точнее, развалившись посреди одеял, похрапывал так, что казалось, рычит свора собак. Жеребёнок боднул его в плечо. Целитель тревожно закашлялся и подскочил.

– Какой самый сильный яд ты знаешь? – без прелюдий спросил Николас.

Эглаборг потёр спросонья глаза, голос слушался его неважно:

– Тоже василиска травить собрались? Зря!

– Это для Рух. Ну же, мне кровь из носа нужно её ослабить.

Целитель закричал и полез за записями своей матери. Он долго листал их, пока не остановился на одной странице:

– Самый сильный из известных ядов – элапедай. Готовится из леопардовой лозы, которая растёт только в Хаабской пустыне. Если что и замедлит Рух, то только этот яд. Но беда в том, что даже если вы успеете за ночь сбегать в пустыню и добыть лозу, на приготовление отравы уйдёт не меньше недели. К тому же, элапедай настолько ядовит, что его использует только кочевое племя Хаабов. Они смазывают ядом наконечники своих стрел и убивают врагов с одного выстрела. Мальчики с младенчества принимают отраву по капле, чтобы привыкнуть к нему и выработать в себе стойкость. А остальных людей ослабляет даже запах элапедай.

Воинственное кочевое племя и стрелки из лука? С таким оружием они тут всех, даже на визиря Салима, запросто могли запугать.

– Их вождь случайно не Фарзул Алый Лев? – озвучил Николас свою догадку.

– В политике не силён, простите, – развёл руками Эглаборг.

Охотник в задумчивости постучал пальцем по подбородку. Всё сходится: на ладонях мозоли от стрельбы из лука, интерес к судьбе Инай, манеры завоевателя и подобострастное отношение посвящённых в его тайну маракандцев. Была-не была! Нужно положиться на чутьё и надеяться на удачу.

Николас поспешил в город. Нужно было успеть до заката, когда торговля на базаре сворачивалась. Купцы уже сгребали с прилавков товары. В толпе мелькнули каштановые кудри Камиля. Он беседовал о чём-то с седовласым погонщиком верблюдов.

– А, чемпион Инай! Придумал, как обойти чудищ? – пустынный пожал Охотнику руку и широко улыбнулся.

– Мне нужен элапедай. Много. На сотню стрел, – деловито заявил Николас.

Пустынный вытаращил глаза и отвёл его в сторону.

– Зачем кричишь на весь базар? С чего ты решил, что я смогу достать такой редкий яд?

– Сможешь, если хочешь, чтобы твоя невеста осталась жива. А, Фарзул Алый Лев? Или я расскажу принцессе, насколько вероломен её «друг».

Камиль напряг лицо. Оказывается, он мог выглядеть внушительным и даже грозным.

– Я просто полюбил красивую девушку, которая до смерти боялась моего имени из-за нелепых слухов. Да, мы постоянно воюем с соседними племенами за землю в оазисах, но нет, я не причинил бы вреда ни одной женщине, будь она хоть трижды злодейка!

– Не нужно мне ничего доказывать, я не Инай. Но если ты хочешь спасти её, выдели мне на завтра стрелка с элапедаем. Это единственный способ победить Рух, – ответил Николас и под лучами закатного солнца зашагал прочь.

Камиль задумчиво глядел ему вслед.

На рассвете Николас с Эглаборгом снова явились на смотровую площадку. Инай нервно заламывала руки и тяжело вздыхала. Визирь бродил туда-сюда, как дикий зверь в клетке.

– Каков твой план, чемпион? – спросил он, следуя традиции.

– У меня его нет. Я пойду с принцессой и буду её защищать, – ответил Охотник.

Визирь удивлённо вскинул бровь. До этого чемпионы не горели желанием разделить участь принцесс.

– Какая разница, погибну я в когтях чудищ или под копытами ваших лошадей? – с вызовом ответил Николас.

– А ты смелый, уважаю, – кивнул Салим и хлопнул в ладоши: – Начинаем!

– Возьми с собой обезьянку, – шепнул Охотник на ухо Инай. – Когда доберёшься до острова, вели ей сорвать яблоко. Как только оно будет у тебя, сразу же возвращайся. Только не останавливайся. Что бы ни происходило, что бы ты ни увидела или услышала, не останавливайся, пока не будешь в безопасности. От этого зависят жизни твоих подданных.

Инай сдавленно всхлипнула и пошла к реке. Николас спустился туда, где они с Камилем в первый раз наблюдали за посвящением.

Его уже ждали. Перья Гамаюн переливались сталью, на голове блестел начищенный круглый шлем. Харысай в нетерпении рыл землю копытом. Камиль с подозрением глядел на диковинных тварей. Он закутался в платок по самые глаза и надел на руки перчатки из грубой кожи. На земле рядом стоял увесистый колчан.

– Не боишься оставить людей без правителя?

– Да пусть они пропадут пропадом со всеми своими предрассудками! – с чувством ответил пустынный.

Охотник скинул с себя плащ, который скрывал рубашку из перьев:

– Госпожа Гамаюн, сможете перенести ещё и его?

Птица усадила Камиля себе на спину, подхватила в когти жеребёнка и поднялась в воздух. Николас спрыгнул с обрывистого берега и последовал за ней.

Маленький отряд подобрался к острову с другой стороны, когда до него доплыла Инай. Обезьянка сидела у неё на голове.

Зашелестел тянувшийся по земле хвост. Николас с Харысаем выступили вперёд. Гамаюн и Камиль встали ближе к яблоне. Обезьянка вскочила на дерево и устремилась вверх к гранёным и блестящим, словно огромные рубины, плодам.

Выбравшись из пещеры, василиск кинулся на отвлекавшего его жеребёнка. Тот увернулся от зубов и саданул по морде задними копытами. Василиск затряс головой, копыто снова угодило ему между глаз. Он зашипел, показывая раздвоенный язык. Николас прокрался в тыл и рубанул мечом по шипастому хвосту. Сталь рассекла чешую, брызнула тёмная кровь. Василиск резко развернулся.

Обезьянка сорвала первое попавшееся яблоко и стремглав бросилась к Инай.

Небеса разверзлись. Захлопали гигантские крылья, нагоняя ветер, на землю упала тень. Запела тетива. Первая стрела вонзилась между перьев Рух, стоило той показаться из расселины. Ещё один меткий выстрел. И ещё.

Рух с воплем устремилась в сторону Камиля. Из засады за деревьями на неё обрушилась Гамаюн.

Острые, как бритва, когти царапали грудь и спину Рух. В стороны летели коричневые и стальные перья.

Камиль продолжал опустошать свой колчан. Каждая его стрела находила цель.

Николас едва успевал перебежать с места на место, чтобы не встречаться со взглядом василиска. Харысай лупил демона копытами и щёлкал зубами. Хвост ящера болтался на одной полоске кожи. На спине у левой задней ноги и на затылке справа виднелись глубокие раны, но демон продолжал борьбу.

У Камиля заканчивались стрелы. Гамаюн замедлилась. Не её спине тоже атели глубокие борозды.

Обезьянка была уже на руках Инай.

Николас крикнул:

– Беги!

Принцесса будто приросла к месту.

– Беги же! – приказал Камиль.

– Не могу, – заплакала она. – Я люблю тебя!

– Нет! Я ужасный Фарзул-хааб! Спасай себя, а не то я убью тебя сам!

Инай испуганно уставилась на него. Он достал последнюю стрелу и направил её на принцессу. Бросив на воинов полный отчаянья взгляд, Инай нырнула в воду и поплыла обратно.

Камиль выпустил последнюю стрелу в Рух. Гигантская птица ударила Гамаюн крылом. Та упала в реку, подняв тучу брызг.

Разъярённая Рух помчалась на Камиля. Пустынник побежал к Николасу с василиском.

Охотник скомандовал:

– В стороны!

Они бросились врассыпную. Услышав над собой хлопанье крыльев, василиск поднял глаза к небу и встретился взглядом с Рух. Та скалой обрушилась на ящера, погребая его под грудой камней.

Конечно! Василиск должен был обратить Рух в камень – самое простое решение. Как Николас сразу до этого не додумался?

Он в бессилии повалился на землю. Рядом с ним – потный и бледный, с покрасневшими глазами Камиль и взмыленный Харысай.

Из воды вынырнул Лунь и подобрал дрейфующую на одном крыле Гамаюн.

– Эх ты, старуха, а туда же, в драку лезешь, – устало ворчал он.

Дракон подплыл к острову. Николас с трудом поднялся на ноги и взобрался на спину Луня. За ним последовал Камиль. Харысай к дракону приближаться боялся. Пришлось слазить и тащить его волоком. Когда все были в сборе, дракон тронулся к противоположному берегу. Жеребёнок жалобно ржал, широко раздувал ноздри и тревожно прядал ушами. Охотник ободряюще хлопал его по шее и шептал, что всё будет хорошо.

Лунь причитал:

– Что за люди пошли, а? Что ни день – то побоища устраивают. Нигде покоя нет. А у меня возраст. И нервы расшатаны.

Когда дракон причалил к берегу, толпа зевак в ужасе отпрянула. У кромки воды осталась одна Инай. Камиль первым соскользнул на землю и, картинно вскинув руки, упал навзничь.

– Он отравился ядом от стрел! – подыграл плохому артисту Николас.

Инай бросилась к упавшему жениху и разрыдалась у него на груди.

– Камиль, зачем же ты?.. Камиль! Я бы простила. Всё простила, если бы ты сказал правду.

– Не печалься. Что за жизнь без любви? – надрывно ответил он. – Подари мне поцелуй на прощание!

Пустынник закрыл глаза и обмяк.

– Нет, Камиль, не умирай, – Инай склонилась над ним и поцеловала.

Подлый Фарзул обхватил её руками и счастливо ухмыльнулся.

– Ах, ты лживый сын шакала! – разъярилась Инай. – Как я только могла тебе верить?!

– Но милая, меня только что оживил твой поцелуй, – дурачился Камиль, получая за каждое слово оплеуху от маленьких ладоней принцессы.

Остальные высадились на берег и покатывались от хохота, наблюдая за ними.

– Зачем ты морочил мне голову, подлый убийца?! – негодовала Инай.

– Ты сама жаловалась, какой Фарзул ужасный и что ты бы умерла от одного взгляда на его заляпанную кровью шевелюру, – Камиль содрал с себя платок, показывая сбившиеся от пота красноватые волосы. – Так ужасно?

– Да вовсе нет, лев ты в овечьей шкуре!

Она поднялась рывком и гордо вскинула голову:

– Можешь даже напоить меня свинцом за дерзость, как предыдущую свою жену!

Сжимая кулаки, Инай зашагала к толпе.

Николас склонился над поверженным Алым Львом и протянул ему руку.

– Ты бы мог хоть что-то сказать! – Камиль поднялся сам.

– Я убиваю чудищ, а к делам сердечным прошу меня не привлекать.

Пустынник недовольно прищурился, но потом махнул рукой и побежал за невестой.

Николас стянул с себя рубаху и лёг на землю рядом с Гамаюн. Та выдёргивала у себя обломанные перья, понося Рух такими ругательствами, о значении которых оставалось только догадываться.

– Простите, я тоже был нечестен, – признался Охотник. – Я не сын Белой Птицы, а обычный человек.

– Я хоть и старая, но ещё не совсем из ума выжила. Я знаю, кто ты, – печально ответила она.

– И несмотря на это, помогли мне? – удивился Николас.

– Для меня это было в радость. Напомнило молодость, – Гамаюн подарила ему свою самую очаровательную улыбку. – А теперь прощай. Зови, как соберёшься на битву с Мраком, Вечерний Всадник.

Её сменил Харысай: ткнулся в ладонь бархатистым носом и принялся вылизывать. Хороший он, верный, только про то, что ни с кем кроме хозяина говорить не может, соврал. Знатный конь будет, когда вырастет.

– Мастер Стигс! – послышался возглас Эглаборга.

Целитель бросился осматривать его, чтобы не пропустить ни одной ссадины.

Через неделю, несмотря на все ссоры и траур, устроили пышную свадьбу. На таких богатых пирах Николасу бывать ещё не приходилось. Камиль ибн Фарзул-хааб первыми указами запретил испытания принцесс и многожёнство на подчинявшихся ему землях. Соседние правители негодовали, но возражать в открытую не решались. Видимо, действительно побаивались сурового Алого Льва и его непобедимых стрелков.

Чтобы вымолить прощение у Инай, Камиль позволил ей участвовать в управлении Маракандом. После бесконечной череды подарков и слёзных просьб принцесса всё-таки сменила гнев на милость. Во время свадьбы гости желали им скорейшего рождения сына. Ради мира и благополучия в стране.

Хоть чья-то сказка завершилась счастливо.

Салим выплатил Николасу тысячу верблюдов золотом – эламцы всё измеряли на стоимость горбатых животных. Удивительно! Камиль же обещал снарядить караван и доставить награду, куда нужно, даже если придётся пройти пол-Мунгарда. Охотник поймал его на слове и назвал местом назначения Урсалию.

«На дне какой бездны мне придётся искать твою книгу?» – обратился Николас к Безликому, когда пришла пора покинуть гостеприимный Мараканд.

«Почему в бездне? Книги хранятся в библиотеке, Великой Библиотеке города книжников».

«В Эскендерии?! – Николас обомлел. – Но ведь она недавно пала, там полно Лучезарных. Там столкнуться с Белым Палачом в шансов не меньше, чем на Авалоре!»

«Трусись?»

Демонов божок слишком хорошо изучил его слабости.

«Что за книга? Как она выглядит?»

««Книга тайн». Поймёшь, когда увидишь».

Как всегда!

Но что он теряет? Других целей не осталось: лишь заглянуть за край, узнать, что произошло в прошлой жизни, от чего он так мучается в этой и почему обязан служить жестокому и коварному божеству. А главное, спасёт ли Безликий мир, да и нужно ли его спасать?

Иного шанса попасть в Библиотеку не представится. Все силы Лучезарных направлены на восстановление города. Пока они не наведут в Эскендерии порядок, им будет не до безымянных странников. Норикия рядом – там Голубые Капюшоны не смогут его преследовать. Нужно только избегать встреч с повстанцами из Компании «Норн».

– Куда это вы? – встревожился Эглаборг, когда заметил, что Охотник собирает вещи и седлает неприметного серого коня.

Николас поманил целителя за пределы города, чтобы попрощаться без посторонних ушей.

– Поезжай с караваном и проследи за всем. В Урсалии купишь хороший дом, обзаведёшься хозяйством... – сказал Охотник, замерев у пустынной дороги на запад.

– А как же вы? – Эглаборг надвинулся на него и схватил за плечи. – Вы гоните меня из-за наших ссор? Клянусь, отныне я не пророню ни слова: не буду ни ныть, ни пугаться, ни требовать от вас измениться. Я стану только исполнять вашу волю, о чём бы вы ни попросили.

– Дело вовсе не в тебе, дружище! – Николас подозревал, что прощание окажется тяжёлым. – Там, куда я еду, будет очень опасно, и я не смогу тебя защитить. Отправляйся в Урсалию. Я вернусь, как только справлюсь со своей миссией. Обещаю!

– Только не говорите, что поедете на Авалор или хуже того в Священную Империю. Молю, забудьте о мести. Даже если вы убьёте Белого Палача, ничегошеньки это не изменит!

– Будь спокоен, я не собираюсь воевать со всем миром. Но мне нужно довести начатое до конца. Это поможет гораздо лучше, чем лечение у целителей разума.

– Но как же... Кто же станет ухаживать за вами, давать советы... лечить раны, в конце концов?! Я буду осторожен, я не помешаю вам, я...

– Нет. По этому лезвию я должен пройти один. Прости, если сможешь. И не следуй за мной: спрячусь так, что ты не найдёшь.

Николас запрыгнул в седло и погнал лошадь вперёд, не оборачиваясь. Главное, чтобы Эглаборг понял твёрдость его намерений и не наделал глупостей, которые стоили бы ему жизни. Если платой за его безопасность станет их дружба, так тому и быть.

Промелькнув сбоку, дорогу заступила несуразно длинноногая тень. Харысай! Снова сбежал от ханских конюших. Как он взрослого коня умудрился догнать? Видно, и вправду волшебный.

– Я должен пойти с тобой, я же твой тулпар. Разве я не доказал, что смелый и сильный? – выкрикнул жеребёнок.

Николас остановил лошадь и погладил его по морде.

– Ты слишком заметный, а мне нельзя выделяться. Поезжай с Эглаборгом. Присмотришь, чтобы он не сильно тосковал и не засыпал на дежурствах. Мне нужно заехать в одно место, а потом я вернусь. Может, успею в Урсалию раньше вас. Там и встретимся. Просто верь мне, верь в меня.

Он снова выслал коня вперёд. Жеребёнок печально заржал, глядя ему вслед большими блестящими глазами.

– Я буду. Буду!

===== Глава 25. Цирк Герадер =====

1567 г. от заселения Мунгарда, Священная Империя, Эскендерия

Серый конь брёл по выжженной зноем траве. Вечером после закрытия городских ворот тракт был безлюден. Закатывалось солнце, трещали цикады, тоскливо выли шакалы в роще неподалёку. Что-то зашевелилось в овраге у песчаной насыпи, послышалось испуганное ржание. Охотник спешил и заглянул вниз.

– Вставай, скотина! – ругался некто. – Упала в овраг и всё думаешь? Помирать собралась? Вставай, убью!

– Нужна помощь? – поинтересовался Николас.

– Не откажусь, – ответил незнакомец. – Думал дорогу до города по полю срезать, но

канаву не заметил и упал вместе с лошадыю. Теперь поднять её не могу. Она как ноги на склон ставит, тут же обратно съезжает. Выбилась из сил, бедняжка, и вообще подниматься отказалась.

– Лови верёвку. Обвяжи вокруг её ног. Попробую на своей лошади вытянуть, – скомандовал Охотник.

Когда всё было готово, конь Николаса попытался шагнуть вперёд, но привязанный к шее груз потянул обратно. Копыта скользили по песку так, что мерин сам рисковал сорваться в овраг.

– Не выходит! – крикнули снизу.

– Давай поменяемся. Я подтолкну твою кобылу, а ты будешь тянуть моего мерина.

Николас спрыгнул в канаву, а высокий сухощавый мужчина вылез на дорогу наверху.

– Раз-два! Взяли!

Они одновременно закричали от натуги. Лошадь не сдвинулась с места.

– Ещё раз! Взяли!

Передние ноги кобылы пошли вперёд, но задние скользили по дну.

– Ещё чуть-чуть! Взяли!

Лошадь медленно карабкалась по круче, копыта вязли в рыхлой земле. Жаль, ветроплавом не помочь – Лучезарные сразу сцапают.

– Последний раз! Взяли!

Напрягая мышцы до боли, Николас упёрся ногами в торчавший из песка камень и подпихнул кобылу плечом. Этого хватило, чтобы мерин вытащил её наверх. Охотник выбрался следом.

Кобыла растянулась на боку, не в силах встать. Незнакомец тёр ей ноги, разгоняя кровь по жилам. Вскоре лошадь перевернулась на живот, с криканием поднялась и принялась искать траву. Её хозяин упал от изнеможения. Николас присоединился к нему, вытирая со лба липкий пот.

Несколько мгновений они молча изучали друг друга. Поношенный тёмный костюм незнакомца был наспех залатан на коленях и локтях. Светло-коричневые волосы слегка вились на концах у плеч волосы. На скуластом лице выделялись крупные черты: пухлые губы, разделённый ямкой подбородок, горбатый нос. Необычная внешность, запоминающаяся. Цепкие зелёно-карие глаза безотрывно смотрели на притороченный к поясу Охотника меч.

– Мортимер Стигс из Авалора.

По законам вежливости собеседник вынужден был пожать его руку.

– Хозяин бродячего цирка Виктор Герадер, – сухо отозвался он, словно всё радушие испарилось, когда кобыла оказалась в безопасности. – Не знаю, как тебя отблагодарить.

– Ужин и ночлег пришлись бы кстати, – предложил Николас.

– Это неудобно. У нас и так тесно... – замялся Виктор. – К тому же, ты едешь по дороге из Элама, да ещё с оружием.

– Я бывший рыцарь Кундского ордена.

Даже грамота сохранилась. После взятия Эскендерии войска единоверцев двинулись дальше на восток, покорять ослабленные междуусобицей Эламские ханства. Так что легенда получилась достоверная.

– Мой отряд был разбит при Смирне. Я несколько месяцев провёл в плену, пока не сбежал, – припомнил Охотник недавние новости. – В армию вернуться не могу, Лучезарные

плохо относятся к бывшим пленным. Чего доброго в колдовстве обвинят и на костёр отправят.

– Зачем тогда в самое логово Голубых Капюшонов суёшься? – не поверил циркач.

– Войны хлебнул с лихвой, хочу начать всё сначала. Слышал, в Эскендерии много работы после осады. А ты сам здесь зачем? Вряд ли у обедневших горожан есть лишние деньги на веселье.

– В тёмный час веселье нужнее денег, – хмуро ответил циркач.

С дороги донёсся звук шагов. Оба собеседника встрепенулись и подскочили на ноги.

– Виктор! Ты где? – зазвенел женский голос.

– Сесиль! Я же велел тебе отдыхать, – отозвался хозяин.

– Как я могла отдыхать, если уже стемнело, а ты не вернулся? – к ним приблизилась невысокая девушка.

Худенькая, узкогрудая, её талия умещалась в ладонях. Золотистые кудри струились по плечам и ниспадали на лопатки, голубая лента обхватывала лоб, сбоку был завязан бант, сверкали задором кристально-голубые глаза. Платье она носила из недорогого голубого сукна с собранной в складки прямой юбкой, лиф с квадратным вырезом сидел на ней свободно. Рукава с пышными фонарями у предплечий от манжет становились узкими и плотно облегали трогательно тонкие руки. Чёрные туфли на ногах выглядели крохотными, детскими.

– Лайга упала в канаву. Я не мог её бросить. Без неё на представления никто приходить не будет, – объяснил Виктор.

– Вначале Зайдан погиб в пьяной драке, теперь Лайга. Надо молить Единого и его служителей простить наши грехи и ниспослать нам свою милость, – назидательно сказала Сесиль.

На впалых щеках горел румянец.

Циркач поморщился:

– Всё обошлось. Мастер Стигс меня выручил.

– О, благодарю тебя, – Сесиль поклонилась ему гораздо более учтиво. – Ты истинный единоведец, не то, что некоторые. Вик, ты предложил ему ужин?

– Да, конечно. Я хотел отказаться, но мастер Герадер так настаивал, – Николас по-дружески положил руку на плечо циркача.

Тот оторопел. Порой нахрапистые повадки пустынных оказываются весьма кстати.

Циркачи разбили лагерь рядом с остатками городской стены. Серые кибитки стояли полукругом возле большого плаца для выступлений. Чуть поодаль был разложен костёр, у которого собрались артисты. Их было шестеро.

– А вот и Вик, – воскликнула полная дама, завидев приближающуюся компанию. – Ничего с ним не приключилось, чай, большой мальчик. Если ему захочется с ночными бабочками развлечься, ты тоже за ним потянешься, а Сесиль?

Присутствующие дружно засмеялись.

– Фу, какой у вас гадкий язык, госпожа Мариза! Кайтесь, а не то Единый вас покарает! – осадила её Сесиль.

– Какая я тебе госпожа?! – неровный голос выдавал, что женщина пьяна. – Я Мариза Луар, самая знаменитая куртизанка Ланжу! Мужчины в очередь выстраивались, чтобы хотя бы руку мне поцеловать.

– Нашли, чем гордиться, – презрительно бросила Сесиль. – Где же сейчас ваши воздыхатели?

– Там же где и твой Единый! – сплюнула Мариза.

Сесиль уже хотела кинуться на неё, но Виктор вовремя вклинился между ними. Похоже, ему уже приходилось их разнимать.

– Не обращай внимания, – обратилась Сесиль к Николасу. – Что взять с неверных? Они не понимают, как кто-то может быть выше их пошлых забот о хлебе и развлечениях.

Она принесла ему тарелку постной похлёбки. После месяца в пустыне Николас обрадовался и этой нехитрой снеди. Расположение Сесиль завоевать будет куда легче, чем задобрить подозрительного Виктора.

– Какие номера вы показываете? – полюбопытствовал Николас.

– Мариза со своим мужем Гийомом клоуны, – прошептала та, указывая глазами на одутловатого синеносого пропойцу.

Он подлил в кружку жене дурно пахнущего напитка и громко рассмеялся над скабрёзной шуткой.

– Они пытаются рассмешить зрителей, но не могут подарить им ни одной искренней улыбки, – добавила Сесиль и повернула голову в сторону Виктора.

Высокий смуглый мужчина накинул на плечи хозяина плащ.

– Это силач Маньялай. Он таскает тяжести, гнёт подковы, разбивает руками камни, – продолжила рассказ Сесиль.

Таких гигантов среди людей встречать ещё не приходилось. Рыжеватая полоска коротких волос разделяла большие залысины на висках. Мелкие голубые глаза горели необычайно ярко. Интересно, откуда он родом?

Следующим представили дрессировщика Зигги, который работал в паре с Лайгой. Пепельноволосый северянин выглядел нескладным юнцом, его лицо было изрыто оспинами и покрыто прыщами.

– А Виктор – потомственный фокусник, искуснейший из нас. Пока мы путешествовали по Веломовии, он устраивал настолько красочные представления, что ради них собирались толпы. Но теперь он хандрит и показывает всего пару карточных трюков, – печально вздохнула Сесиль в конце рассказа.

Хозяин с тоской разглядывал развалины и глухо шнуровал ворот рубахи. Уж больно подозрителен этот стерегущийся собственной тени «потомственный фокусник». Да и труппа его выглядела жалко. Как они выживают?

– Твои друзья мало похожи на добропорядочных единоверцев, – Николас отплатил Сесиль такой же искренностью. – Как получилась, что ты оказалась с ними?

– Я сама не добропорядочная. Норикийка, перебежчица. Мои родители были бедными ремесленниками. Колдуны из Компании «Норн» вынуждают нашего короля повышать налоги и сосут из простых людей всю кровь. Мы недоедали и мёрзли без дров. В городе Мартиге, где я родилась, стало так грязно и людно от беженцев, что началась холера. Мои родители быстро угасли, нашу лачугу со всем имуществом забрали ростовщики. Я осталась одна без пищи и крова над головой, в горячке свалилась посреди улицы. Виктор меня подобрал и вывел. После я стала танцевать на шаре в его цирке.

– О, ты наверняка великолепна! – воодушевился Николас.

– Спасибо, – Сесиль смущённо отвела взгляд. – Но ты меня ещё не видел.

– Зато я видел достаточно танцовщиц, чтобы понять, что ты одна из лучших.

– Спасибо, – повторила она и поспешила сменить тему: – Ещё с нами был Зайдан, акробат, но он погиб. Теперь представление станет скучным, и нас освищут. Мы уговариваем Виктора нанять нового артиста, но он отказывается. Говорит, здесь нет достаточно честного и умелого человека. Но это... это просто смешно, учитывая, какая у нас труппа.

– Возьмите меня! Я не из этого города, – Охотник подмигнул Сесиль и повернулся к Виктору.

– А что ты умеешь, кроме как мечом махать? Лучезарные этого не оценят, – непробиваемо ответил тот.

– Я неплохо хожу по канату. Увлекался этим в детстве, – нашёлся Николас. – Мы с Сесиль смогли бы поставить зрелищный парный номер. Не знаю, как Лучезарным, но публике он точно понравится.

– Было бы здорово! – обрадовалась танцовщица. – Я перешью для него костюм Зайдана, он похож на мой. Хоть какое-то разнообразие.

– Взгляни на него! Он же любитель. Долговязый и худой, ладно бы сам на канате рисковал, но на поддержки у него ловкости не хватит, – заспорил Виктор.

– Испытайте меня, – с вызовом заявил Николас. – Если не понравится, откажетесь. Я же никакой награды не требую. Мне просто нужна работа на первое время.

– Пожалуйста! Это сделает меня такой счастливой! – Сесиль посмотрела на фокусника с мольбой.

Остальные циркачи дружно закивали, впервые сойдясь во мнениях. Виктор, скрипя зубами, уступил.

К нему подседа Мариза. Хоть говорила она очень тихо, но Николас всё равно слышал.

– Перестань огрызаться. Обаятельный парень, была бы моложе, сама бы с ним закрутила. Пускай он Сесиль от этих глупостей с Единым отвлечёт. Может, влюбится, поумнеет девка, а то бед от неё куда больше, чем от любого пройдошливого чужака.

Фокусник недовольно засопел и наградил Охотника свирепым взглядом.

Сесиль предложила Николасу переночевать у ней, и тот устроился на бревенчатом полу в её вагончике рядом с кроватью. Уже забыл, когда в последний раз спал не под открытым небом.

Танцовщица несколько раз будила его громким кашлем. Наверное, простудилась. Такая тщедушная, здоровья никакого. Ей бы в тепло настоящего дома, чтобы на завтрак, обед и ужин были овсянка и мясо с овощами, ложка рыбьего жира каждый день. Жаль, то, что не ценилось в детстве, стало непозволительной роскошью.

Как только вошло солнце, Виктор заглянул в вагончик и бесцеремонно пихнул Николаса ногой.

– Просыпайся. Лежебокам у нас не место! – в уголках глаз фокусника залегли глубокие морщины, выдавая усталость и недосып.

Охотник почесал ушибленное место и поднялся. Натянув на себя платье, Сесиль поспешила следом.

Фокусник привёл их к тренировочной площадке. Между двумя столбами высотой ярдов в пять был привязан длинный канат.

– Во время представления высота будет раза в три больше для зрелищности. Не сможешь сейчас, тогда и на людях нечего позориться, – напутствовал Виктор.

– А как же страховка? – всполошилась Сесиль.

– Для тебя натяну. А для него – велика честь.

– Не переживай, справлюсь! – успокоил её Николас.

Сбросив сапоги, он взобрался по вбитым в деревянный столб кольям и подтянулся. Канат привычно лёг между пальцами стоп. Давненько не выдавалось возможности поупражняться, поди, год после отъезда из Храма. Вспомнив первые уроки в детстве, Охотник притворился, что с трудом распрямляется.

– Лови, а то точно костей не соберёшь, – Виктор подкинул ему жердь.

Охотник поймал её, не забыв сделать вид, что едва не рухнул. Колени дрожали, ноги переступали неуверенно. Выставив жердь перед собой, он шёл медленно и кренился из стороны в сторону. Никакого равновесия!

Сесиль прижимала ладонь ко рту, борясь со страхом. Кожа на лбу Виктора стянулась в поперечные морщины, выступила испарина, видимо, циркач уже жалел о своей сговорчивости. Играя на нервах зрителей, Николас добрался до противоположного столба, развернулся и оседлал его.

– Думаю, можно чем-нибудь жонглировать.

– Спускайся! Не нужна мне кровь на плацу! – крикнул Виктор.

Охотник снова встал на верёвку и, хватаясь руками за воздух, распрямился. Сесиль отняла ладони от рта и сдавленно выдохнула. Фокусник нахмурился ещё больше. Николас быстро добрался до середины, сделал колесо и встал на руки. Ступни поймали подброшенный в воздух шест.

Танцовщица восхищённо захлопала. Виктор зло сощурился и упёр руки в бока.

– Впрочем, так тоже неплохо, м?

Охотник сделал несколько шагов руками, кувырком опустился на ноги и поймал палку.

– Показушник, – скривился Виктор. – Артистичности в тебе ни на унцию, грации тоже, а кривляния через край, но для временной замены сойдёт.

Он удалился. Сесиль принесла кожаные мячики для жонглирования и деревянное ведро. Удерживая его на голове, Николас упражнялся вначале с тремя мячами. Прислушиваясь к сердцебиению и дыша размеренно, он вошёл в ритм и увеличил количество мячиков до семи. Ноги при этом переступали по канату.

– Можно было бы жонглировать и метать ножи в живую мишень, но Виктор не согласится, – с досадой заметил Охотник.

– Ты такой ловкий! – восхитилась танцовщица. – Зрители будут в восторге. Это же истинное волшебство!

– Да ну! – перекатив мячи по руке, Николас забросил их в ведро на голове. – Я обучался этому с детства. При желании так получится у каждого. Вот ты, к примеру, очаровательно хрупка и грациозна – волшебство столь же редкое, как снег в летний зной.

Сесиль зарделась, принимая у него ведро.

– Не стоит, право. У меня уже есть... гхм, друг. Прости!

Его только что отшили? Надо же, и такое бывает. Видимо, её ухажёр действительно хорош.

– Виктор? – поразился Охотник.

– Что ты! Виктор мне как отец, как старший брат, уж точно! – замотала головой Сесиль. – Мой друг не из цирка. Он честный единоведец, такого стыдно обманывать. Хочешь, познакомлю после представления? Он тебе понравится, его волшебство очень похоже на твоё.

Она звонко рассмеялась.

– О, как же мне отказать прекрасной танцовщице на шаре? – Николас протянул ей руку, приглашая отрепетировать парный номер.

Перекусив после тренировки, Николас отправился осматривать окрестности. Как бы весело ни летело время с циркачами, свою миссию он ещё не завершил. Безликий явно издевался, заставляя мотаться по всему миру в поисках неработающих вещей и пустых надежд. Но даже такая призрачная цель лучше, чем ничего.

Таясь в тени развалин, Охотник обошёл всю стену. Горючие снаряды изрешетили её, покрытая чёрной копотью кладка то вздымалась обрывистыми хребтами, то припадала к земле и уходила в глубокие рытвины.

Ближе к богатым кварталам каменщики уже вели восстановительные работы, а вот с бедняцкой стороны, где стоял лагерь циркачей, можно было пробраться в одну из дыр. Но за стеной рыскали патрули Лучезарных. Пройти мимо них незамеченным будет сложно. Нужно придумать отвлекающий манёвр и попытаться счастья ночью.

Когда Николас возвращался, в лагере начало твориться нечто странное. Среди серости аур неударённых вспыхнул огонёк стихийной силы и тут же погас. Слабенький выброс, едва уловимый. Кто-то освобождался от излишков, пока Лучезарных не было поблизости.

Тающий шлейф силы вёл к самому большому вагончику – обиталищу Виктора. Николас бесшумно одёрнул штору. В полумраке, освещаемом чадающей свечкой, сидел хозяин цирка. Вместо скамейки под ним располагался продолговатый ящик тёмно-синего цвета, украшенный серебряными звёздами и месяцем. Фокусник держал растопыренные ладони над миской с водой, сосредоточившись так, что ничего вокруг не замечал.

Знакомый жест. Значит, хандрит и показывает всего пару плёвых трюков?

Охотник закашлялся. Виктор вздрогнул и передёрнул плечами.

– Стучать тебя не учили?

– Да вот, надеялся подкараулить и увидеть истинное волшебство, не то, что мои фиглярства на канате. Что из этого реквизит? – Николас переместил палец от миски с водой к волшебному ящику.

– Фокусники не выдают своих секретов, – раздражённо прорычал циркач.

– Так зачем же ты это делаешь?

Виктор испуганно округлил глаза. Охотник приложил палец к губам и вышел.

Смеркалось стремительно. Николас устроился на приступке вагончика танцовщицы. Вскоре фокусник покинул своё обиталище, поседлал Лайгу и поскакал вверх по дороге. Куда он мотался каждый вечер в одиночестве?

Охотник заглянул под полог. Внутри вагончика Сесиль перешивала костюм для выступлений.

– Не подскажешь, что находится в той стороне? – Охотник указал на темнеющую вдалеке рошу, где скрылся Виктор.

– Вязы – кладбищенские деревья. Мой друг говорит, что здесь неподалёку старинное кладбище колдунов. Он очень беспокоится, что мы выбрали такое место. Суеверия суевериями, но на погостах колдуны отправляли жуткие ритуалы. Даже приносили в жертву младенцев и скармливали их внутренности воронам.

– Какой ужас! – возмутился Николас.

Вот же твари! Не смогли вырезать под корень, так решили оболгать и обвинить невесть

в чём!

– Но пока здесь всё тихо. Только Зайдан погиб, правда, в городском кабаке. Пробрался в дырку и... Про Лайгу ты и сам знаешь. Скоро Лучезарные наведут порядок внутри и обратят свой взор за стены. Тогда от таких жутких, несущих неудачу мест камня на камне не останется.

Ладони против воли сжались в кулаки. Требовалось призвать на помощь всё самообладание, чтобы не высказаться об этих чистках.

Представление началось ближе к вечеру. Разношёрстная толпа собралась возле плаца, освящённого факелами. Особенно много было детворы в старой заношенной одежде, но встречались и господа побогаче.

Разглядывая зрителей сквозь шторы вагончика, Сесиль объясняла:

– Когда захватывающих номеров было больше, нас приглашали выступать на главных площадях больших городов. А здесь заработков почти нет. Виктор обещает, что мы вот-вот тронемся дальше, но отчего-то медлит.

На подогрев публики вышли Гийом с Маризой в одинаковых канареечных костюмах. На головах – рыжие парики, лица выбелены, нос, глаза и губы покрашены красным. Они дурачились, кривлялись и топали друг на друга. После их шуточной потасовки раздались жидкие хлопки – зрители откровенно скучали.

На плацу показался малыш Зигги с тремя белыми кобылами. Стоя на спине у Лайги, он проехал вдоль арены. Удерживая двух других лошадей рядом с ней, Зигги перекинул поводья в одну руку, а другой поприветствовал публику. Почуввав свободу, кони понеслись по плацу. Зигги спрыгнул на полном ходу и так же легко запрыгнул обратно. Опёршись руками о седло, он взмахнул в воздухе ногами и перевернулся задом-наперёд.

Публика захлопала куда более воодушевлённо. Зигги снова помахал рукой и свесился кобыле под брюхо, взобрался обратно и осадил её. Лайга встала на вертикальную свечу и зашагала по арене на задних ногах. Публика засвистела. Тогда кобыла опустила на все четыре ноги и загарцевала, высоко задирая копыта.

После она повернулась в центр арены и помчалась по кругу галопом, меняя ведущую ногу на каждый темп. Возле выхода Лайга остановилась и сделала величавый пируэт. Отвесив публике низкий поклон, Зигги с лошадьми удалился. Публика немного оттаяла.

Следующим выступал Виктор. На нём был чёрный костюм, на голове – высокая шляпа. Пальцы ловко перебирали колоду карт, то рассыпая их веером, то собирая воедино.

– Какую вы загадали? – спрашивал фокусник, улыбаясь притворно. – Эту? – показывал он верхнюю шестёрку треф.

Зрители мотали головами и кричали: «Нет! Нет!»

– Эту? – он вынимал из середины даму червей.

Дети прикладывали ко рту сложенные лодочкой ладони и кричали: «Фу! Фу! Позор!» Взрослые хмуро отмалчивались.

– Тогда, может, эту? – лукаво улыбался Виктор, показывая возникший в его ладони словно из ниоткуда туз пик.

«Да! Да!» – радовались дети.

Взрослые сдержанно хлопали.

Фокусник поделил колоду на две части и выпустил карты из ладоней вихрем белых птиц. Публика насторожилась, наблюдая, как они покорно собираются у него в руках.

Колода упала в подставленную шляпу, ладонь с длинными ловкими пальцами провела по тулье.

– Крибле-крабле-бум!

Зрители прижали к себе детей. Виктор запустил руку в шляпу и за уши вытянул оттуда белого кролика. Ребятишки засмеялись и захлопали, взрослые облегчённо выдохнули и расслабились.

Фокусник спрятал кролика в шляпу и надел её на голову. Из его левого рукава вылезла бесконечная лента из связанных друг с другом платков. Стоило встряхнуть ею, как она исчезла в его правом рукаве. Виктор коснулся тульи шляпы, грациозно поклонился и удалился под сдержанные хлопки.

Действительно, жалкое зрелище. Повадками хозяин походил на мороча, хотя его ауру явно скрывал амулет Кишно. Наверняка из воды и тумана Виктор мог творить объёмные, неотличимые от реальности иллюзии, как наставник Гвидион. Вряд ли эта толпа сумела бы представить настолько грандиозное зрелище, а если бы увидела воочию, то точно не осталась бы равнодушной. Жаль, безумно жаль, что Виктору, как и всем одарённым, приходится закапывать свои таланты в землю, притворяясь обывателем.

На плац прошествовал смуглый силач Маньялай. Дети завизжали, приплясывая на месте. Силач поднял с земли несколько валунов, подкинул их и поймал, словно они были не тяжелее мячиков для жонглирования. И это – без дара!

Ржавые подковы не ломались в его руках, а словно по волшебству принимали самые разные формы. Замысловатые фигурки доставались зрителям в передних рядах, и те вертели их в руках, озадаченно потирая затылки.

Маньялай перешёл к стопке кирпичей. Замахнулся. Хрясь! Они раскололись от одного удара ребром ладони.

Публика взорвалась хлопками и криками поддержки. Маньялай зычно свистнул. Толкая и сбивая друг друга с ног, дети рванули на плац.

– Ты быть вчера, а ты позавчера, а ты первый раз, – говорил силач, выбирая добровольцев.

Ими оказались два маленьких мальчика и похожая на сорванца девочка. Маньялай подхватил их на руки и начал жонглировать, как котятами. Дети пищали от восторга и требовали продолжения. Зрители воодушевлённо галдели. Виктору пришлось снова выйти к публике и призвать её к порядку.

Сесиль сжала ладонь Николаса:

– Ты уверен, что справишься с гримом?

Он кивнул.

Она направилась на плац. Маньялай выкатил большой деревянный шар, синий с серебряными звёздами и месяцами. Танцовщица улыбнулась и вспорхнула на снаряд, помахая зонтиком, которым помогала себе держать равновесие. Переступая босыми ступнями, Сесиль закружилась, словно маленькая фея и завела задорную песенку. Складки юбки трепетали в такт, развевались тонкие кружева. Вот это, и впрямь, артистизм!

Шар катился по плацу, постепенно набирая скорость. От движений танцовщицы не получалось оторвать взгляд. Сесиль плавно раскачивалась из стороны в сторону, сгибая и разгибая колени. Руки то перекрещивались, то расходились в стороны, поднимались и опускались, вертя запястьями. Сесиль вытягивала шею и встряхивала золотистыми локонами. Вот, оказывается, кто – подлинная звезда представления.

Зрители подпевали нестройными голосами, бросали цветы и монеты. Пора!

Николас вернулся в вагончик и надел костюм из красной ткани с матовым блеском. Охотник оказался выше Зайдана, и Сесиль пришлось нашивать на штанины и рукава чёрное кружево. Ещё немного она добавила на груди и бёдрах для красоты.

Разглядывая Николаса на примерке, Сесиль охала:

– Ты такой... зловещий. Как король-колдун из страшных сказок. Это слишком, надо переделать!

– Не стоит, времени не осталось, – отмахнулся Николас.

Ему-то такой облик нравился. Публика точно не забудет.

Он подсел к маленькому зеркалу. На покрашенное белилами лицо легли три красных полосы наискосок от правого виска к левому краю челюсти. Похожую маску он смастерил в Храме Ветров.

Зазвенел гонг, приглашая на выступление.

Выбравшись из вагончика, Николас прошёл сквозь толпу. Все оглядывались на него и перешёптывались, предрекая провал нового артиста. Над плацом между двумя столбами уже был привязан канат, Виктор вместе с Маньялаем натягивали под ним сеть для страховки. Надо же, как расстарались.

По вбитым в столб колышкам Николас поднялся вверх. Умиряющее солнце затапливало мир багрянцем и расплзающимися тенями. Освещение превратило канатоходца в трепещущий язык пламени. Он – посланец заката, Вечерний Всадник.

Зрители задирали головы и ахали, разглядывая его в поднебесной выси. Охотник изобразил артистичный подъём, цепляясь руками за воздух. Ступни вышагивали уверенно, пальцы ног цепко хватались за канат. У противоположного края столба Николас подобрал ведро с мячами и принялся жонглировать. Они кружили над его головой ритмичным хороводом, сопровождая каждый шаг. В такт сердцебиения, ни одного лишнего движения, ни одной ошибки, иначе – позор и крах.

Над плацом воцарилось молчание. Зрители даже боялись дышать, глядя на канатоходца во все глаза. Щекочущие живот переживания витали в воздухе.

Забросив мячи обратно в ведро на голове, Николас остановился у столба и перевёл дыхание. Лишь через несколько мгновений публика очнулась и загудела, показывая на него пальцами.

Сесиль забралась на противоположный столб. Они направились навстречу друг другу. Николас старался двигаться с ней в ногу, хотя ширина их шагов была несоизмеримо разной. На середине они сомкнули руки. Он присел, Сесиль вспорхнула ему на плечи. Охотник распрямился, придерживая её за талию, и поднял над собой. Танцовщица и весила-то как пёрышко.

Опустившись обратно ему на плечи, она начала жонглировать. Николас подхватил мячики снизу и включился в её игру. Вместе. В одном ритме. Дышать и двигаться, словно одно существо.

Зрители снова следили молча. Что же они такие непробиваемые? Неужели представление их совсем не забавляет? Что нужно сделать, чтобы их впечатлить? Зависнуть над бездной за миг до гибели? Упасть грудой сломанных костей к их ногам?

Николас снова забросил все мячи в ведро на голове. Сесиль взяла его в руки, и он опустил её на канат. Парный номер завершился, они разошлись в противоположные стороны.

Оставалось самое трудное. Нужно, как во время учёбы, сделать это для себя. И пускай бессердечная публика утрётся!

Николас резко развернулся и колесом двинулся по канату. Тягостная тишина давила на уши. Все, все до единого взгляды были прикованы к нему, зрителей как будто прибывало. Завидев его, они застывали как замороженные и следили безотрывно, словно бы от него зависели их жизни.

Охотник добрался до середины, сел на шпагат и наклонился из стороны в сторону, улыбаясь самому себе. Ладонь ухватилась за канат, Николас оттолкнулся и повис на одной руке. Море людей заволновалось, зрители ахнули.

Из толпы выделился потрясённый взгляд, остальные исчезли. Он прожигал насквозь, метил в самое сердце. Ветер доносил обрывки жадной мольбы: «Мой! Мой! Ненавистный и настолько же безмерно любимый. Всегда был и будешь. Мы – одно, как отражение и тень».

Внутри всё переворачивалось и сжималось, будто над шеей завис топор палача.

Кто ты? Где ты? Чего хочешь от меня?

Расталкивая зевак, вперёд пробивался светловолосый парень в приметном голубом плаще. Молодой Лучезарный. Демоны! Прозрачно-голубые глаза широко распахнулись, тонкогубый рот приоткрылся, лицо вытянулось от изумления.

Дышать! Дышать! Не отвлекаться. Сейчас нельзя ударить в грязь лицом.

Николас подтянулся, поднялся на ноги и поклонился. Щёки горели, кровь грохотала в ушах. Глаза Лучезарного словно затягивали в себя и топили. Охотник никак не мог вырваться из тенёт наваждения.

Публика взорвалась восторженными криками, яростно хлопали ладоши, звенели монеты, ударяясь о землю. Но похвала уже не волновала.

Пьяно пошатываясь, Николас доковылял до столба и принялся слазить. Внизу собралась вся труппа.

– Не переживай! Ты был лучше всех, – поцеловала его в щёку Сесиль, когда он спустился.

Охотник вымученно улыбнулся и поклонился вместе с остальными. Зрители всё хлопали и хлопали, не желая расходиться. Виктору пришлось пообещать, что если артистам дадут отдохнуть, то вскоре состоится следующее не менее захватывающее представление.

Когда толпа поредела, циркачи разбрелись по своим делам. Лучезарный и ещё несколько мужчин направились к Сесиль с букетами роз и астр. Улыбаясь, она дарила поклонникам воздушные поцелуи. Николас уже собирался ретироваться, как танцовщица ухватила его за запястье.

– Сейчас познакомлю. Забыл?

Он сглотнул ставший в горле комок. Только не Лучезарный! Но нет, ушли все, кроме него. Одного с Охотником возраста, он был на полголовы ниже, по телосложению такой же сухой. Прямые светлые волосы доходили до середины шеи. Мягкие черты лица вкупе с яркими незабудковыми глазами делали его смазливый почти до женственности. В голубом плаще Лучезарный очень походил на алтарные статуи посланников Единого, словно с него их лепили.

– Это Мортимер Стигс из Авалора, наш новый канатоходец, – представила его Сесиль. – А это мой друг Олаф Харальдссон. Он большой ценитель цирковых представлений.

Конечно, кем ещё мог оказаться добрый единоведец, как не Лучезарным? Впрочем, зловещего шёпота больше не доносилось. Аура была насыщено голубой, как у обычного

одарённого мыслечтеца. Никаких следов Мрака. Может, почудилось?

Олаф вручил Николасу букет красных роз и с воодушевлением пожал руку.

– Морти немного волнуется. В первый раз выступать перед публикой страшно, – объяснила оторопь Охотника Сесиль.

Губы закаменели, лицо отказывалось повиноваться и принимать дружелюбное выражение.

Олаф положил руку Николасу на плечо:

– Честно говоря, Сесиль просила подбодрить тебя, как бы ты ни выступил. Но на канате ты был великолепен, словно летал на крыльях. Это истинное волшебство!

– В ваших устах это звучит жутко, – выдавил из себя Охотник.

– О, прости! – спохватился Лучезарный. – Я слишком мало общаюсь за пределами ордена, поэтому могу ляпнуть глупость. Я не собирался тебя ни в чём уличать. Мне... мне действительно очень понравилось!

Его аура озарилась голубыми прожилками, к голове потянулись тонкие мысленити. Хотел ли Лучезарный прочесть или что-то внушить? У защиты ветроплава всего один недостаток – невозможно понять, чего добивается мыслечтец, а потому и притворяться сложно.

Гвидион обучал Николаса забивать голову тем, что от него ожидали услышать. Поверхностный слой создавал иллюзию безобидности, а сокровенные тайны скрывал ветроплав. Вроде бы нет их, а есть только будничная суета. Но как же противно, когда мысли потрошат и выворачивают наизнанку.

По спине тёк холодный пот, хотелось передёрнуться и отбросить вторженца.

– Ничего страшного! Извинения приняты, – Николас собрал волю в кулак и заставил себя улыбнуться.

Сбежать бы в вагончик и снять грим, стянувший лицо коркой, но Олаф ухватил Охотника за запястье.

– Позволь мне загладить свою вину! Хочешь, я покажу тебе этот древний город? Со мной тебя пустят туда, куда для остальных путь закрыт.

Лучезарный будто предлагал сделку с демоном, причём самую притягательную. Ведь как иначе попасть в Библиотеку? Вероятно, это ловушка. Впрочем, зачем? Под носом единоверцев Николас уязвим донельзя, это ему впору употребить всю хитрость и смекалку, на которую он только способен.

А если дружба с Олафом поможет? Под его покровительством другие Лучезарные не станут присматриваться к бедному циркачу.

– Было бы замечательно, – ответила за него Сесиль. – Морти как раз ищет работу в городе.

– Я приду за вами в ваш выходной, м? – предложил Лучезарный и рассмеялся: – Не бойся, мы не едим младенцев, что бы о нас ни говорили.

«Я тоже, но кого это волнует?»

– Я не могу вам отказать, – пробормотал Николас.

Олаф посмурнел и отстранился. Без его всепроникающего взгляда дышалось намного свободнее.

===== Глава 26. Великая Библиотека =====

1567 г. от заселения Мунгарда, Священная Империя, Эскендерия

Переодевшись и стерев грим, Николас уступил место Сесиль, которая только что

вернулась с прогулки. Она смотрела с укоризной, он же отмалчивался, изображать дружелюбие стало как никогда сложно.

С наступлением сумерек Виктор снова отправился на кладбище за рощей. Надо бы разведать.

Николас поседлал своего мерина, обвязал копыта тряпками и помчался вдогонку. Дорога петляла между полуразрушенной стеной и курганами, возведёнными над братскими могилами тех, кто пал в битве за город. В тени раскидистых вязов показалась внушительная каменная арка. Привязанная к соседнему дереву Лайга тревожно прыдала ушами. Николас оставил Серого возле неё и двинулся дальше.

Кладбищенская тропа была узкой и каменистой. Приходилось шарить в темноте ногами, чтобы не споткнуться. Древние письмены с трудом просматривались на покрытых мхом и мелкими трещинами камнях. Стёсанные полукругом плиты почти не отличались друг на друга. Безмолвие могил не нарушал ни один звук, лишь вдалеке виднелся тусклый огонёк факела.

Николас беззвучно приблизился к нему и замер. Виктор склонился над стоявшей поодаль могилой.

Не оборачиваясь, он спросил:

– Вынюхал мою тайну? Донесёшь Голубому Капюшону? Я тут вспомнил, кого с детства приучают лазать по канатам, как обезьяны.

– После этого ты считаешь, что я пойду к Лучезарным?

– Да кто ж знает, времена нынче лихие, – Виктор тяжело вздохнул.

«Филипп Леманн» – было выбито на камне руницей. И ниже: «Герой Войны за веру, защитник Эскендерии».

– Твой отец? – догадался Николас.

Так вот почему он сюда рвался. Кое в чём Охотник его понимал, сам бы с удовольствием съездил на Авалор, чтобы отдать последний сыновний долг на могиле отца.

– После его гибели мать забрала меня в цирк своих родителей, дала их фамилию и обучила ремеслу. Раньше отца почитали как героя и приносили цветы на могилу каждую годовщину, а теперь вот-вот сравняют с землёй всё кладбище. Я хотел проститься с ним до этого, – сознался фокусник сирым голосом.

Николас скорбно отвёл взгляд. Есть ли могила у его семьи? Или их просто сожгли, а кости бросили на пепелище?

– Ты уже простился. Уезжай! Для таких, как ты, здесь очень опасно, – предупредил Николас.

– Как мы, ты хотел сказать.

Циркач уселся, скрестив ступни, у могильной плиты. Упрямец! Точно наведёт на себя Лучезарных.

Охотник махнул на него рукой и вернулся в лагерь.

Следующие дни были заняты представлениями. Зрителей приходило всё больше, их восторг захлёстывал гулом хлопков и выкриков. Разговорами о тяжёлых вещах никто не донимал, и то радовало.

Выходной наступил неожиданно. Сесиль разбудила Николаса на заре, Олаф уже дожидался у вагончика.

Как и в прошлый раз, Лучезарный улыбался добродушно и разговаривал вежливо, из

кожи вон лез, чтобы завоевать доверие, но хотя бы мысли не читал.

Они обошли стену снаружи и пересекли парадные ворота, на которых ещё чернело место, где прежде висели гербы Сумеречников. Стража пропустила гостей Лучезарного без очереди и лишних вопросов.

Эскендерия некогда была столицей свободного купечества и наук всего Мунгарда. Здесь пересекались торговые пути, идущие с востока на запад и с севера на юг. Но отгремевшие недавно битвы оставили на лице города много ран. То тут, то там попадались чёрные язвы пепелищ, скалили зубы каменные развалины.

Главную улицу ограждали колья с посаженными на них преступниками против веры. На восковых лицах застыли маски страдания. Трупный запах пропитал весь город, мухи роились вокруг иссушенных зноем тел.

– Ничего! Лорд Веломри приказал всех убрать, пока никакая зараза по городу не распространилась, – в извинение сказал Олаф.

– Морти, ты же тоже воевал против староверов, – попыталась разговорить его Сесиль.

– Сеча на поле брани, когда кровь вскипает от опасности и азарта – это другое, – возразил Николас. – Хотя убийство всегда остаётся убийством. Смерть – не то, из чего стоит устраивать представление. А ты воевал здесь? – обратился он к Лучезарному.

Олаф долго уговаривал его перейти на дружеское «ты», и Охотник сдался.

– Нет, я ещё учусь.

– Мне казалось, что учитеесь вы лет до шестнадцати.

В общине Каледонских гор шептались, что Лучезарные переняли систему обучения и управления Сумеречников – ничего лучшего не придумали.

– Простые солдаты – да. Но если ты хочешь стать дознавателем, нужно отучиться в Академии ещё четыре года. Я уже почти закончил. Сюда приехал после осады на практику, – объяснил Олаф. – Если всё пройдет удачно, то поступлю на высшую ступень и через несколько лет стану судьёй. Это моя мечта.

– Будешь карать неверных? – насторожился Николас.

– Защищать невинных.

Это с какой стороны посмотреть.

– Зачем тебе мы? – не выдержал Николас.

Сесиль недовольно фыркнула.

– У меня нет друзей, – признался Олаф. – Я родился в лапийском городке Вижборге, в семье бедных фермеров. От родителей меня забрали очень рано, я их почти не помню. Мне покровительствует сам лорд Веломри. Благодаря ему я поступил в элитную школу, где учились дети знатных Лучезарных. Мне претило их высокомерие. Их способности уступали моим, и всё равно они были достойнее, потому что родились на «благословенной» земле Империи. А те, кого я встречал за пределами ордена, сторонились меня из-за голубого плаща. Я полностью посвятил себя учёбе и достиг больших успехов. Одолею ступени, которые многим из моих одногодок оказались не под силу. Это ещё больше отвратило сослуживцев от меня. Да и взгляды у меня слегка необычные. С простыми людьми проще. По крайней мере, мне бы хотелось, чтобы вы стали моими друзьями.

Чем больше они разговаривали, тем больше Николас проникался к Олафу сочувствием и даже симпатией. Понимал то, что Лучезарный недоговаривал. Его дар оказался на редкость сильный, истинный, судя по яркой ауре. Видимо, Лучезарные-собиратели обнаружили Олафа, когда тот ещё крохой, и отняли у родителей до того, как он успел достигнуть

возраста первого посвящения. Похоже, у ордена были большие планы на этого талантливомго мыслителя. Лишь бы его не заразили осколком Мрака и не обратили в Предвестника.

К центру улочки сужались, кольев и виселиц с трупами становилось меньше. Сохранившиеся дворцы поражали вычурностью убранства и многоэтажной высотой. Встречались и широкие площади с развороченными фонтанами и разбитыми статуями. Весь город был обнесён строительными лесами. Каменщики трудились как муравьи, восстанавливая и возводя новые здания. Главную площадь огородили с трёх сторон. На ней тоже шла грандиозная стройка.

– Во Дворце Сумеречников теперь будет главная резиденция Лучезарных, – пояснил Олаф. – Рядом – Храм Единого-милостивого, а чуть поодаль там, где раньше был Университет – наша Академия.

– Сюда перенесут всё правительство Империи? – вскинул брови Николас.

Столица Констани находилась гораздо южнее, на побережье Западного океана, в сердце Империи. Там располагался большой порт и царили куда более мирные порядки, к тому же, не было послевоенной разрухи.

– Нет. Сюда переедет только орден. И двор императора Теодора, и резиденция главного жреца Единого останутся в Констани. В последнее время отношения между ними накалились. Не могут поделить власть, вот лорд Веломри и решил передвинуться к линии фронта.

– А не расценит ли Норикия такое перемещение, как угрозу? – деланно безразлично спросил Николас.

– Это и есть угроза. Мир на пороге новой войны, – немного печально ответил Олаф.

– Правильно. Самое время освободить угнетённый народ! – вскинулась Сесиль.

– Они пока нас не звали, – задумчиво высказался Олаф.

– Так устроены люди: пока остаётся хоть какая-то еда и кров, они всё стерпят. Не подумают даже, не поднимут голову, не посмотрят вокруг, – заспорила она. – А проявлять волю начнут, только когда по-настоящему прижмёт. Да и последствия своего выбора понимают единицы, а не хватаются за первую возможность урвать выгоду.

– То, что кто-то живёт иначе, чем ты, ещё не повод их уничтожать, – скованно возражал Олаф.

Николас отмалчивался. Знала бы Сесиль, кто он, всадила бы нож в сердце? Войны ей хочется, больше крови, больше ненависти и разрухи. Станет ли ей легче, когда её спаситель, Виктор, отправится на костёр только потому, что родился с даром? Станет ли легче, когда власть получат приспешники демонов и сделают из людей рабов? Почему все так падки на пустую, бессильную злобу?

– Но ты же Лучезарный! Сам знаешь, сколько вреда от колдунов. Они медленно гноят нас, как вы – их трупы, и морят нищетой!

– Не повторяй слова кликуш. Это обесценивает не только нашу веру, но и саму борьбу, – осадил её Олаф.

Она сжала губы в тонкую полоску.

Чтобы отвлечься, они заглянули в лавки портных и обувщиков. Сесиль задержалась в одной, с восхищением разглядывая роскошные наряды. Олаф с Николасом оставили её и вышли к большому пепелищу за углом ближайшего дома. Кое-где виднелись остатки кирпичной кладки.

– Что здесь было? – нахмурился Охотник.

Место навевало тоску, как и весь утраченный город.

– Библиотека, – ответил Олаф. – Самое большое и древнее книгохранилище во всём Мунгарде. Наши войска сожгли его первым делом, когда ворвались в город.

– Зачем?

Всё-таки опоздал. От таинственной книги ничего не осталось. Значит, битва с Мраком проиграна?

Безликий не отвечал.

– Чтобы скрыть правду. Там было всё: исторические хроники, собрания древнейших легенд, описания далёких земель, своды законов, архивы колдунов, тайные знания. Ничего из этого не должно попасть к простым единоверцам.

Николас с досадой закусил губу и покосился на Олафа. Тот сосредоточенно ковырял носком щель в каменной мостовой.

– Ты говоришь так, будто осуждаешь своих сослуживцев.

– Просто не закрываю глаза на собственные недостатки. Для судьи это самое важное качество. Я верю в Единого и никогда не преступлю законы Империи, но Лучезарные... Они лишь люди. А люди не безгрешны. Уж тем более те, в чьих руках сосредоточена власть. Сесиль хорошая, но чересчур рьяная и идеалистичная. Она не поймёт, но мне кажется, поймёшь ты. У тебя такой живой, пронизательный взгляд. Мы не хуже и не лучше их, просто по разные стороны разбитой стены. Уничтожать друг друга можно до тех пор, пока в живых никого не останется. Только надо ли? Не лучше ли отыскать мирное решение разногласий и снова стать единым целым?

– Ты считаешь, что это возможно? – удивился Николас.

– Всё возможно, если пожелать и не ставить себе рамки, не зашоривать глаза ненавистью и страхом.

Может, это и есть путь из Мрака? Чтобы кто-то во тьме увидел свет и указал его другим. Тогда не понадобятся ни Безликий, ни пропащие артефакты, ни даже реки крови, которые придётся проливать во время этой безжалостной войны. Ведь узнавалось в Олафе что-то близкое: отчуждение, потерянности, одиночество среди людей. Стоило его предупредить об опасности, но только как не выдать себя и заставить поверить?

– Эй, что за квёлый вид? – спросила появившаяся между домов Сесиль.

В полотняном мешочке она принесла жаренные каштаны, ещё тёплые.

– Какое ужасное староверческое место! – разгневалась танцовщица, словно вид пепелища оскорблял её взор.

Они поспешили прочь, не замечая, как из центра чёрной воронки их провожал цепкий взгляд не по-человечески ярких глаз.

– Небесные мальчишки! Полторы тысячи лет не было ни одного, а тут сразу двое. Нет, нужен не тот, у которого чёрное сердце, а тот, который сохранил крылья, – пробормотал неведомый соглядатай.

Через несколько дней поздним вечером, когда уже стемнело, и циркачи разбрелись по вагончикам, к Николасу подошёл Маньялай. Силач был необщителен, да и на всеобщем языке изъяснялся с трудом. Сесиль рассказывала, что он попал в манушский табор из Гундигарда. Когда кочевники бежали от гонений в Священной Империи, он познакомился с Виктором и перебрался в цирк. Теперь Маньялай преданно служил хозяину, но что творилось у него в голове, знал разве что сам фокусник.

Охотник с силачом не пересекался, хотя порой ловил на себе его задумчивые взгляды.

– Вечерний Всадник идти с Маньялай, – зашептал он.

Откуда?..

Гигант потащил Николаса к стене. С другой её стороны показались Лучезарные. Циркачи укрылись за остатками кладки и дождались, пока патруль не скроется из виду. В лунном свете сверкнуло короткое лезвие – Маньялай выхватил из-за пояса нож.

Николас хотел отдёрнуться, но гигант зашептал:

– Кровь, нужно кровь!

Он вложил рукоять в ладонь Охотника. Тот вскинул брови, но, поразмыслив, рассёк себе запястье. Маньялай приложил его к нескольким кирпичам, изображая знак-благословение. Земля рядом разверзлась: сухие комья с краёв падали в тёмную бездну.

– Эй, слышали? Там кто-то есть! – донеслось из-за стены.

Патруль! Громко топя сапогами, Лучезарные бежали сюда.

– Шелезгал ждате! – прошептал Маньялай и толкнул Николаса в дырку.

Охотник едва успел смягчить падение у самого пола, создав подушку из ветроплава. Наверху с лязгом задвинулся люк, скрыв луну и звёзды.

Снаружи ещё раздавались возгласы Лучезарных и косноязычное бормотание Маньялая. Видимо, он оправдывался. Поняв, что ничего внятного не добьются, патрульные вернулись в город.

Николас подождал несколько мгновений, не откроет ли гигант люк. Может, стоило попробовать самому, ведь камни среагировали на его кровь? Интересно, почему?

Жаль, в темноте не то, что узор не вывести, даже люк не разглядеть.

Под ногами хлюпала вода, пахло нечистотами. Катакомбы. Риана рассказывала, что под многими древними городами рылись целые лабиринты ходов на случай осады, для ритуальных и других нужд. Ходили слухи, что хранилища Библиотеки простираются под землю на многие ярусы. На самых труднодоступных нижних хранились знания обо всём на свете, даже о судьбах богов. Много охотников пускалось на поиски, только все сгинули, не найдя выхода из этой гробницы памяти.

Неужели Николас угодил именно сюда? Но ведь он ничего не искал, не жаждал даже. Или искал? Может, именно за этим его посылал злокозненный Безликий? За собственной гибелью.

Нет, пока жив, нужно бороться!

В глубине тоннелей послышался плеск. Кто-то приближался. Светилась разбухшая старческой сединой аура – не разобрать, человек, дух или демон. Николас сжал в ладони рукоятку ножа. Жаль, меч не захватил. Как теперь отбиваться?

Отсвет факела обозначил сгорбленную фигуру, похожую на шар. Незнакомец поднял лысую голову. Пергаментная кожа обвисла, морщины бороздили её глубокими складками. В темноте сверкали ядовито-зелёные глаза, топорщились в стороны клиновидные уши.

– Я ждал тебя, Вечерний Всадник, долго ждал, – прошамкал он беззубым ртом. – Освободи меня от проклятья!

Николас взывал к Безликому, силясь понять, что происходит, но бог оставался нем.

– Ты Шелезгал?

– Библиотекарь, – кивнул старик. – Ты должен отыскать то, что тут оставили полтора десятка веков назад.

Ага! Наверняка ту самую книгу, что нужна Безликому.

– Хорошо, но как и почему именно я?

– Это должен сделать либо ты, либо твой брат. Если ты не сможешь, то я призову его.

– Мой брат мёртв, – сдвинул брови Николас.

– Нет, они все живы, пока жив ты. Следуй за мной.

Чутьё подсказывало, что лабиринт ходов вёл к центру города. В том месте, где должна была располагаться Библиотека, вниз уходила крутая винтовая лестница.

Спускались они долго. Отсчитав тысячу ступеней, Николас сбился. Уши заложило, дышать становилось всё тяжелее, будто на грудь наваливалась глыба, книжная пыль щекотала ноздри. Факел выхватывал из пустоты очертания гигантских стеллажей со свитками и фолиантами.

Чего здесь только не было! Представить сложно, кто, откуда и за какой срок собрал столько. А сколько жизней понадобится, чтобы перечитать всё это! Всё, что когда-либо было написано или даже просто придумано. Ничего, оказывается, огонь Лучезарных с Библиотекой не сделал. Недальновидные глупцы уничтожили лишь фасад. Правда, кто теперь сможет добраться до этой сокровищницы несметных знаний?

– Они всегда принадлежали мне одному, – заметил его заинтересованность Шелезгал. – За свою алчность я заплатил свободой смерти. Теперь же я готов отдать всё, лишь бы выбраться.

Библиотекарь толкнул возникшую впереди дверь. Николас вошёл в полутёмную залу. Она была огромной. Из-за длинных деревянных стеллажей с книгами с трудом проглядывались каменные стены, вдоль которых горели факелы.

– Ищи! – скомандовал Шелезгал. – Не найдёшь, умрёшь от голода, как сотня твоих предшественников. И тогда попытает счастья твой брат.

О каком брате речь?

Шелезгал затворил за собой дверь и опёрся на неё спиной.

Что ж, делать нечего. Николас прошёлся вдоль стеллажей, пытаясь охватить взглядом всё от сводчатого потолка до мраморного пола. Полагаться приходилось лишь на чутьё. Нужная книга оставлена здесь полторы тысячи лет назад. Во время переселения из Гундигарда? Разве тогда были книги? Ведь первые знаки высекали на камнях и выводили на глиняных табличках. Но... здесь всё очень странное, застывшее во времени, не подчиняющееся законам Дольнего мира.

Первая зала оказалась не единственной. За ней следовала ещё одна, с обитыми шелками стенами и шкапами из красного дерева. За деньги, потраченные на создание этих помещений, можно было нанять большую армию и отбить Эскендерию, да что там Эскендерию, весь Мунгард получилось бы освободить от единоверцев. И ещё осталась бы часть, чтобы раздать бедствующим по вине Компании «Норн» норикийцам.

Николас прошёл в третью залу. Вдоль стен вдаль уходили стеллажи из червонного золота. Его блеск в свете тысячи тысяч свечей бил по глазам, грозя случайному посетителю за то, что тот нарушил покой древних чертогов своим низменным взором.

На полках ровными рядами лежали свитки. Николас прогулялся вдоль одного из стеллажей и вдруг замер. Нестерпимо захотелось взглянуть на то, что там написано. В конце концов, вещи трогать не запрещали.

Охотник занёс руку над свитками. От одного исходило лёгкое тепло, он сам просился в руки. Николас осторожно достал его. Там не было текста, только заключённые в круг рисунки. Но до чего же они знакомы! Рыжеволосая женщина вырывала младенца из

костлявых рук мар, мальчишки охотились на златорогого оленя, юноша прощался с отцом, он же сражался с Предвестником и встречался с Безликим, девушка в воздушных одеждах напарывалась на меч...

Грудь пронзила такая боль, что в глазах потемнело, и ноги едва не подкосились. Николас до крови закусил нижнюю губу. В мутном оконце зрения появился следующий рисунок: из-под свитков на золотой полке юноша извлекал книгу. А дальше... дальше Безликий снимал маску. Что же под ней? Что за страшная тайна, к которой никак не подступиться?

Свиток выскользнул из дрогнувших рук и укатился под стеллаж. Охотник попробовал достать ветроплавом, но так глубоко под землёй дар обратился в ничто. Рука в щель не пролазила, сдвинуть стеллаж обычными силами не получалось. Вот же невезение!

Ладно, он здесь не за этим. Убрав в стороны оставшиеся на полке свитки, Николас ковырнул ножом золотую пластину. Она отошла на удивление легко. Внутри обнаружился тайник с единственной книгой. Охотник вытянул её на свет и принялся рассматривать. Средняя по размеру, окованная потемневшим серебром по краям. На потёртой кожаной обложке тиснение – четыре тотема Братьев-ветров: кот, сова, сокол и ворон. Почти такие же, какие изображались на колонах Госкенхенджа, только с закрытыми глазами.

Николас провёл ладонью по обложке и готов был поклясться, что кот ожил и подмигнул ему.

«Оно! Безликий, слышишь, оно! Ответь хоть что-нибудь!»

Бог молчал.

Охотник попытался открыть книгу, но она оказалась словно намертво склеена изнутри. Ладно, сейчас нужно выбирать. Взяв находку под мышку, Охотник зашагал к выходу. Шелезгал неподвижно стоял на том же месте. Присмотрев заветную книгу, налитые зеленью глаза лихорадочно заблестели.

– Ты нашёл её! Значит, ты и вправду... – библиотекарь опустился на колени и благоговейно коснулся его стоп. – Славен Вечерний Всадник, молю, отпусти меня на покой! Я исполнил свою миссию!

– погоди! Выведи меня отсюда, а потом проваливай на все четыре стороны.

– О, благодарю! Благодарю, ваше милосердие не знает границ.

Шелезгал распрямился и будто стал выше ростом, под стать гиганту Маньялаю. Видно, они из одной породы древних долгожителей.

По пути обратно Николас спросил:

– Что это за книга и кто её оставил?

– Э, нет, вы сами сказали, что я должен лишь вывести вас. К тому же, что в книге, известно лишь её автору.

Да он мастер загадок почище Безликого!

Они упёрлись в тупик.

– Прошу вашу руку, – Шелезгал приложил его запястье к камням похожим манером, что и Маньялай.

С гулким лязгом плита отъехала в сторону. В лицо дохнуло ночной прохладой. Николас поспешил наружу, Шелезгал последовал за ним.

– Свобода! – возликовал библиотекарь и протянул руки к далёким звёздам.

Ветер подхватил его и распылил в прах. В последний раз мигнули зелёные глаза, и растаяли, как болотные огоньки. Люк тайного хода с лязгом закрылся, встав настолько

плотно, что от земли его отличить не получалось.

Всё это очень и очень странно. Впрочем, пора бы уже привыкнуть: то ли Николас сошёл с ума, то ли мир вокруг. А может, они оба одновременно.

Нужно вернуться в лагерь, пока не явился патруль.

===== Глава 27. Тайное собрание Магистров =====

1567 г. от заселения Мунгарда, Священная Империя, Эскендерия Светало. Горизонт на востоке разгорался блёклой зарницей.

У тлеющих углей костра Николас присел на корточки и снова попытался открыть книгу. Ни в какую! Словно на пудовый замок закрыта. Ни ветроплав, ни кровь с запястья – ничего не помогало. Очередной бесполезный артефакт.

Надо выспаться и с темнотой бежать в Норикию. Нечего здесь больше рисковать.

Николас направился к вагончику. Из-под ветхого полога донёсся надсадный кашель, долгий, как в приступе, не прекращающийся. Непохоже на обычную простуду.

Охотник заскочил внутрь. Сесиль согнулась на полу, её плечи вздрагивали, руки прижимали к губам кусок материи, потемневший от крови.

– Что с тобой? – бросился к ней Николас.

Снаружи раздались торопливые шаги. Под полог заглянул Виктор, босой, в ночной рубаше и несуразном красном колпаке.

– В сторону!

Фокусник поднял Сесиль и поднёс к её лицу флакон мутного стекла. Она сделала несколько глубоких вдохов, и кашель начал отступать. Виктор накапал снадобья в стакан с водой и поднёс ко рту танцовщицы.

– Убери, это колдовская дрянь! – прохрипела она и поползла на кровать.

Он поставил стакан на тумбу и вышел на улицу.

Укутав Сесиль в одеяло, Николас отёр её лицо от пота и крови. Веки танцовщицы смежились, грудь вздымалась всё медленней, дыхание выравнивалось – она засыпала.

Охотник выглянул на улицу. Уже совсем рассвело. Виктор сидел на мокрой от росы траве и прикладывался к фляге.

Николас опустился рядом:

– Что с ней?

– Сухотка. Ею часто болеют дети из бедных семей Норикии. Появляется непроходящий кашель, человек теряет вес, а потом начинает харкать кровью.

– Но ведь можно что-то сделать. У меня есть друг целитель... – лихорадочно соображал Охотник.

– Думаешь, я не предлагал ей помощь целителей? Она даже моё лекарство отказывается принимать. Считает, что единственное её спасение в молитве своему богу, – фокусник с досадой сплюнул. – А насильно её лечить никто не возьмётся. Никакие боги, ни наши, ни их, не способны подарить человеку жизнь, когда он сам от неё отказывается.

Виктор ещё раз приложился к фляге и протянул Николасу:

– Лучшее лекарство от всех болезней.

– Вишнёвый ликёр? – усмехнулся тот узнав запах, и сделал большой глоток.

Как бросить Сесиль в таком состоянии? Может, поговорить с Олафом перед отъездом? Уж «доброе единоверца» она обязана послушать.

Напиваться на дорожку не стоило. Николас поднялся и пошёл обратно к вагончику. Виктор тоже направился восвояси.

Отсыпался Охотник до обеда. Когда встал, все были заняты своими делами. Самое время потихоньку собрать вещи и уехать. Выпытать у Маньялая о ночном происшествии не удалось.

Когда Николас уже чистил Серого, к нему подошли Сесиль с Олафом.

– Где ты был? Мы повсюду тебя искали! – укорила его танцовщица.

– Здорово, что нашли! – Николас повернулся к Лучезарному: – Нужно поговорить, мужской вопрос.

Олаф просиял.

– Что у мальчиков могут быть за секретки? – засмеялась Сесиль. – Идите уж, я здесь подожду.

Они отодвинулись в сторонку.

– Насчёт Сесиль, – начал Николас. – Она очень больна, теряет вес и харкает кровью. Забери её из цирка и отыщи хорошего лекаря... Больше ей спасения ждать неоткуда.

– О! – удивился Лучезарный. – Я... я не знал. Конечно! Конечно, я помогу. Всё, что попросишь.

Николас положил руку ему плечо:

– Только не говори ей, что это я сказал. Ей не понравится. И сам... будь осторожен. Политика опасна, полна интриг и предательств. Ты же знаешь.

Большого открыть ему не получалось.

– Ты говоришь так, словно прощаешься, – проницательно нахмурился Олаф.

Николас молча отвёл взгляд.

– Можешь не отвечать, я не стану выпытывать или препятствовать. Друзья так не поступают, а я хочу быть... твоим другом.

Охотник пожал его ладонь, и они вернулись к Сесиль. Олаф оглядывал её пристальной обычному, не в силах скрыть беспокойства.

– Что с вами? Олаф, ты же куда-то торопился! – недоумевала танцовщица.

– Ах, да! Хочу показать вам кое-что. – Лучезарный шепнул Николасу на ухо: – Твой отъезд подождёт пару часов, такое ты вряд ли ещё увидишь.

Николас кисло улыбнулся. Как это не вовремя! Отказывать нельзя, иначе он вызовет подозрения и может даже подставить Сесиль. Надо перетерпеть, самую малость.

По дороге застучали копыта. Троица обернулась. Виктор! Снова на кладбище поскакал. Почему всем так нравится доводить себя до гибели?

– Нужно торопиться! – потянул их за руки Олаф.

На этот раз они вошли в город через прореху в стене. Лучезарный вёл их едва не бегом по узким грязным улочкам бедняцкого квартала. Впереди показались обгоревшие остовы больших домов. У арочного прохода во внутренний двор дежурили Лучезарные. Олаф поманил друзей к дальней от патрульных стене. Втроём соглядатаи юркнули в узкую, незаметную щель.

Под ногами хрустело каменное крошево. В противоположной стене зияло отверстие, похожее на бойницу. Тесно прижимаясь друг к другу, троица приникла к нему. Оно выходило во двор, вернее, там оказалась целая площадь. Посреди неё стоял засохший фонтан, растрескавшийся бортик увивали цветы камнеломки.

Перед фонтаном на скамьях рассаживались Лучезарные. Края их голубых плащей украшал золотой кант. Один из Лучезарных повернул голову и сверкнул разноцветными

глазами. Николас сдавленно выдохнул. Предвестники!

– Это тайное собрание Магистров. Во дворце его проводить не решились – боялись соглядатаев. Поэтому незаметно переместились сюда. Я случайно подслушал, когда помогал лорду Веломри перебирать бумаги, – объяснил Олаф. – Мне... мне хотелось с вами поделиться. Вы ведь мои друзья.

К горлу подступил сухой ком, по спине прокрался холодок.

– Ты помогаешь лорду Веломри? – едва не заикаясь, спросил Николас.

– Он покровительствует мне с детства. Не слушайте, что про него говорят в народе. Он очень умный и благородный. Он почти не спит и постоянно работает: разбирает донесения, составляет планы и указы, печётся о нуждах простого народа, не позволяет повышать налоги. В отличие от остальных он ни разу не принял несправедливого, необоснованного решения. И даже этот город уничтожить не позволил именно он. Если кто и примет мои идеи, хотя бы выслушает, то только лорд Веломри.

– А я слышала, что колдуны убили его жену и похитили сына, – возразила Сесиль. – Этого он им никогда не простит.

– Да, он до сих пор скорбит. Держит портрет жены в полный рост у себя в спальне. Но ведь это дела минувших дней. Её убийц уже и в живых наверняка нет, – ответил Олаф.

Николас с трудом справлялся с дрожью. Лучезарный специально притащил его сюда? Хочет выслужиться перед Белым Палачом? Или действительно такой простака и не понимает?

– А что у них с глазами? – щебетала Сесиль, отвлекая внимание Олафа на себя.

– Перед посвящением Магистры проходят особый ритуал просветления, чтобы избавиться от мирских страстей и лучше слышать волю Единого. Ритуал очень болезненный. Лишь немногие выживают, самые верные и крепкие сердцем. После этого цвет глаз меняется, как знак избранности.

Одержимости! У них в сердцах осколки Мрака – пульсируют чернотой жилы в ауре. Неужели никто не видит? Не слышит шепчущих им в уши голосов: «Подчините! Поработите! Уничтожьте!»

По мостовой мерно застучали кованые сапоги, из арки показалась внушительная фигура в белом плаще. Николас затаил дыхание. Лорд Микаш Веломри! Вживую, а не во сне!

Магистры разом поднялись и поприветствовали Белого Палача. Сесиль и Олаф уставились на него одинаковыми, полными восхищения взглядами.

– Можете сесть. Нет времени на расшаркивание – веско пробасил голос из кошмаров. Магистры опустили на скамейки. – Что слышно про катакомбы?

– Все входы, что вы указали, надёжно запечатаны. Мы не можем их открыть, – ответил один из разноглазых

– Позволено будет сказать, – встрял другой. – У северного, того, что находится за стеной, наш патруль вчера ночью засёк бродягу-мануша.

– И вы не привели его ко мне? – напрягся Белый Палач.

– Его прочитали тщательнейшим образом и ничего подозрительного не обнаружили.

– Может, потому что плохо смотрели? Разве вы не понимаете, какую опасность представляет этот город? Это же колыбель Сумеречников. Здесь на каждом шагу бунтовщики и их опасные тайны. Эскендерия ещё долго будет манить колдовской сброд, как огонь мотыльков. Именно поэтому мы и переносим сюда главную резиденцию – чтобы отрезать их от всех источников сил. Следите за происходящим тщательней. О любых

подозрительных происшествиях докладывайте мне незамедлительно. Я найду время проверить всё лично, раз уж вы ни на что не годитесь!

Ряды Магистров пристыжено дрогнули.

– Какие вести из Авалора?

– Народ недоволен, что мы посадили короля в застенки, – отозвался третий Магистр. – Все эти легенды о священной династии Хассийцев-Майери... Люди хоть и приняли Единого, а старые суеверия отпустить не хотят.

– Объявите, что король ещё жив. Заставьте его написать обращение к народу. Или запишите под его диктовку, если он сам не в состоянии, – распорядился Белый Палач. – Кстати об авалорских заговорщиках, что слышно о лорде Комри?

– Ничего, – доложил следующий Магистр, самый старый. – Если он жив, в чём мы сомневаемся, учитывая, насколько жалким оказалось его семейство, то скрывается под чужим именем на неподвластных нам территориях. Зачем он вам? Право же, не стоит ставить личную месть выше общих нужд.

– Кто такой этот лорд Комри? – зашептала Сесиль.

– Так звали предводителя колдунов, который объявил их капитуляцию. Лорд Веломри знал его лично. Это был коварный, вероломный человек. Наверное, его родич баламутит народ и призывает к новой войне, – Олаф повёл плечами.

Николас сжимал и разжимал кулаки, до крови вонзая в кожу ногти. Как жаль, что он не взял с собой проклятый клинок. Как жаль, что он не может накинуться на эту широкую спину и изрубить на ошмётки. Как жаль, что не может окрасить этот до боли белый плащ в алый, цвет крови и огня, который гораздо больше подойдёт лжецу и душегубу.

А может и стоило! Выкрикнуть правду, чтобы услышали и Сесиль, и Олаф, и весь этот проклятый город: ни его дед, ни его семья, ни он сам ни в чём не виноваты. Это разноглазые Предвестники – зло, а предатель в белом плаще – самый худший. Он ведёт мир к гибели.

– Дело не в мести, сколько раз повторять, чтобы вы поняли? – посетовал на их недогадливость Белый Палач. – Мальчишка Комри – ключ ко всему. Без него не наступит Час Возрождения, и Тень не обретёт силу.

«Какой я тебе ключ?! Сейчас как проломлю эту стену ветроплавом и разорву твою поганую глотку голыми руками! Лучше умереть, пускай даже глупо и бесславно, чем помогать тебе в твоих гнусных делишках!»

Николас вытянул ладони, вычерпывая из резерва всю энергию.

– Займёмся этим позже, время ещё терпит, – продолжал вещать ненавистный голос. – Всё ли готово к зачистке старого кладбища? Владыка Аруин требует платы за свою поддержку. Дольше он ждать не намерен.

Больно запульсировала родинка на затылке, напоминая о проклятье мар.

«Снова сговариваетесь с демонами Неистового гона? – взвился Николаас. – Я не чудовище. Истинное чудовище – это ты!»

«Ты уверен?» – отголоском эха шепнул Безликий.

Кап-кап-кап.

Охотник опустил взгляд на собственные руки. Вместо ветрогустка по ним текла кровь, нет, не из вчерашнего пореза на запястье. Чужая, горькая, им же пролитая – кровь его преступления.

«Не лучше, ничем не лучше. Много хуже, чем он», – крался по спине холодком предательский голос.

– Морти, что с тобой? – пихнул его в плечо Олаф.

Николас ошалело глянул на него. От щеки к щеке лицо Лучезарного перечёркивал кровавый след, такой же был на шее. На белой рубашке под голубым плащом растекалось тёмное пятно.

– Ты как будто призрака увидел, – продолжал беспокоиться Олаф.

Прочь наваждение! Нельзя сходить с ума, только не здесь и не сейчас. Никакой крови нет, всё лишь глупый детский кошар.

– Туда уже направляется отряд. К полуночи камня на камне не останется, – как сквозь толщу воды донёсся ответ Магистра.

Виктор! Он на кладбище, его поймают! Надо спешить!

– Простите! Мне срочно нужно... Простите! – не объяснив ничего, Николас помчался к выходу.

Сесиль с Олафом в недоумении смотрели ему вслед.

– Заканчивайте здесь сами, – снова взял слово Белый Палач. – Я же знаю, как вы любите перемывать мне косточки за моей спиной, – он расхохотался с вызовом. – А я лучше пригляжу, чтобы на кладбище всё прошло, как надо. Неистовый гон хорошо попирует у норикийцев следующей ночью, Аруин останется доволен.

Он повернул голову в сторону стены, из-за которой за ним внимательно следили две пары глаз.

Сегодня земля обAGRится кровью.

Патрулей у стены стало значительно меньше, видно, большую часть сил отправили на зачистку кладбища. До лагеря дорогу не заступали. Охотник поседлал коня, забросил поперёк его спины перемётные сумки и привязал сбоку мечи.

Солнце уже закатывалось, темнело стремительно, время утекало сквозь пальцы.

– Что случится? – схватил его за ногу Маньялай, когда Николас уже запрыгнул на мерина. – Где быть хозяин?

Охотник бросил на него оценивающий взгляд:

– В беде!

Он пришпорил коня пятками и помчался к роще. Впереди уже наливались голубым светом ауры Лучезарных. Лайга была привязана в том же месте между деревьев. Проносье мимо, Николас выхватил мечи и обрубил верёвку. Кобыла рванула за меринком, слишком напуганная, чтобы оставаться одной.

Мимо промелькнули ворота, копыта застучали по кладбищенской дороге. Впереди горели факелы, слышался лязг оружия.

– Сдавайся, ты окружён! – кричали Лучезарные.

Они стояли вокруг Виктора плотным кольцом. Тот замер. Со всех сторон к нему тянулись тонкие мыслепуты.

Лучезарные уже оборачивались на топот копыт. Николас зачерпнул побольше из резерва. Хоть бы дар не подвёл. Хоть бы безумие не настигло в самый неподходящий момент!

Боевой клич оглушил. С другой стороны в Голубых Капюшонов врзался Маньялай. Как добежал так быстро?

Мыслепуты уже тянулись к гиганту. Николас выпустил первый сгусток. Гудя, он пронзил самую гущу стихийных потоков. Не такой мощный, снаряд всё равно рвал

мысленности, и те стреляли в Лучезарных с усиленной отдачей. Ещё один удар справа, слева и в центр, пока Виктор не высвободился из сети.

– Беги! – заорал Николас на пике лёгких.

Лайга помчалась на Голубых Капюшонов, сшибая их с дороги грудью. Как только она поравнялась с фокусником, тот схватил её за повод и запрыгнул в седло.

Лучезарные уже очухались: щетинились мечами, вскидывали луки. В темноте вспыхнул ветрощит, залп стрел бессильно отлетел от него.

Трепещущие ветроволны защищали Маньялая с Виктором от мыслеплена. Фокусник выхватил с пояса флягу и плеснул водой. Молочный туман заволок кладбище. Повсюду возникали тёмные силуэты всадников и гигантов. Иллюзии бросались в рассыпную, путая Голубых Капюшонов. Где настоящие враги поди разбери? А учитывая, что читать мысли мешал ветроплав...

– Держите их, держите! – слышались отрывистые приказы. – Не дайте колдунам перейти границу!

– Тот! Тот! Да не этот!

Лучезарные нападали наудачу. Стрелы пронзали иллюзии, мечи проходили сквозь пустоту.

Даже Николас потерял товарищей в этом бедламе. Выберутся. Больше он ничем не поможет.

Узкая тропа вилась между каменных плит. Охотник гнал коня к ветхой ограде. Граница должна быть там. Нужно успеть.

– Что вы творите, идиоты?! – зазвучал нагонявший ужас голос. – Ветроплава хватайте! Это же Комри! Комри! Зажмурьте глаза и ориентируйтесь по ауре. Только по ней! Дар не использовать!

Николас всадил пятки в бока мерина. Тот помчался, перемахивая через могилы.

Из тумана выскочил огромный белый конь и захрипел у самого уха. Затылок щекотало горячее дыхание преследователя.

Впереди вырисовались густые терновые заросли, высокие и широкие – не всякая лошадь одолеет.

– Но! – заорал Николас во всю глотку, нахлёстывая мерина ветроплавом.

«Не останавливайся! Только не останавливайся!»

Ошалевший конь оттолкнулся и поджал под себя ноги. Охотник уцепился за гриву. Копыта ударились об землю на противоположной стороне.

Хоть бы погоня отстала!

Но нет. Через несколько темпов бешеного карьера рядом раздалось:

– Убью! Не уйдёшь!

Белый конь летел следом, развевался плащ. Свистнула стрела – слабо вспыхнул щит.

Николас нахлёстывал мерина всё сильнее. Тот распластывал себя над землёй в широких скачках, но двигаться быстрее уже не мог.

Впереди показался перелесок, за которым начиналась свободная от единоверцев Норикия.

Самая малость, друг!

– Комри-и-и-и!

Дорога заворачивала под густые кроны. Стрелы бились о щит всё яростней.

И вдруг...

Щит потух, связь с даром оборвалась, оглушив звенящей пустотой. Последняя стрела чиркнула по плечу, наконечник вспорол плащ, рубаху и кожу, прежде чем воткнуться в ствол справа.

– Передавай моё почтение Аруину! – донёс ветер злорадную фразу.

Николас перевёл взмыленного коня на рысь.

Граница. Дальше Лучезарные не поедут, иначе нарушат перемирие. Главное, не попадаться никому на глаза.

Плечо горело, хотя рана была не глубокая. Охотник пошевелил затёкшими пальцами. Ветроплав заискрился на кончике ногтя. Дар вернулся!

Почему он отказал, когда хозяину грозила опасность? И что это за липкое сумасшествие, которое прячется на глубине души и всаживает жало тогда, когда больше всего? Как удержать себя, как выстоять в страшной буре, что захлестнула весь мир?

Николас натянул поводья и спрыгнул. Мерин с трудом перебирал ногами, с шеи и из-под хвоста сочилась пена. Надо бы пошагать.

Конь дремал, спотыкаясь на ровном месте. Охотник двигался всё более скованно. Глаза закрывались сами по себе, а ноги становились тряпичными. Разогретое тело начинало знобить от пронизывающего ночного ветра. Плечо тянуло, рана болезненно пульсировала.

Хоть бы не яд, хоть бы, хоть бы...

===== Глава 28. Бескрылый ворон =====

1567 г. от заселения Мунгарда, Норикийская граница

Едва отшагав коня, Николас расседлал его на первой встречной поляне. Рядом бил ключ. Охотник промыл рану, нанёс заживляющую мазь и перевязал чистым лоскутом. Поддерживала его одна сила воли, но стоило расслабиться, как ноги подкосились, и Охотник распластался на земле без чувств.

Проснулся он от того, что кто-то разматывал на запястье повязку, которая скрывала «тайное имя». Николас отдёргнулся и перекатился в сторону. Тело налилось тяжестью, голова кружилась, раненое плечо онемело. Всё-таки стрела оказалось отравленной.

– Смотрите, он очухался! – донёсся звонкий детский голос.

Охотник протёр глаза. Очертания мира проступали неясными контурами и тенями, но ауры различались хорошо. Рядом маленький огнежар, далеко – средней силы звероуст, между ними – неодарённый. Его выдавали звуки.

– Целых два меча! Зачем ему два меча? – позвал он ломающимся голосом подростка.

Поднявшись на локтях, Николас встряхнул головой, чтобы прогнать остатки сна. Неодарённый копался в сваленных посреди поляны вещах. Если возьмёт в руки проклятый

КЛИНОК...

– Нет, остановись! – преодолевая слабость, Николас бросился к нему.

Мальчишка вынул из ножен меч и замахнулся. Рукоять выскользнула из ладони, лезвие разрезало штанину и рассекло бедро. Ветросгусток едва успел сшибить незадачливого воришку, чтобы тот не остался без ноги.

– Ау-уа-уа-уа! – завопил он.

Аура огнежара рядом разбухала. Вот-вот рванёт. Охотник повалил неударённого на землю и накрыл собой. Струя пламени прошла в локте от затылка, обдав таким жаром, что кончики волос оплавилась.

– Что происходит?! – вскричал звероуст. Видно, старший из них.

Послышались его торопливые шаги, аура приближалась.

К животу подкатила волна дурноты. Николас отполз в сторону, и его тут же вывернуло.

Неударённый продолжал лежать на земле и тихо скулить.

– Успокойся, вдох-выдох! – звероуст решил, что огнежару помощь нужнее.

В голове немного просветлело. Охотник вернулся к неударённому и осмотрел его рану. Неглубокая, правда, крови много. Заживляющая мазь ещё осталась на самом доньшке туска. Николас обработал порез и перевязал. Эх, как сейчас не хватало Эглаборга даже с его нитьём и переполошенным оханьём.

– Всё не так страшно. В следующий раз будешь знать, как зариться на чужое добро, – попенял подростку Охотник.

– Я не вор, – слабо пробормотал тот, пропуская пальцы через свои сбившиеся в сосульки пепельные волосы.

– Патрик! – позвал огнежар, придя в себя.

Неударённому было лет двенадцать. Высокий и крупный, он выглядел болезненно бледным. Серые глаза казались выцветшими. Потёртые штаны и рубаха висели бесформенными мешками.

Огнежар подбежал к Патрику и сел рядом на колени. Невысокий и худой, лет десять на вид, волосы чуть светлее, чем у старшего товарища, менее патлатые, глаза цвета топлёного молока, тонкий нос в россыпи веснушек. Тем не менее, в чертах обоих мальчишек сквозило родственное сходство.

– Ты как? – спросил огнежар.

– Всё хорошо, Жан. Тебе нельзя волноваться, – успокоил его неударённый.

Николас помог ему сесть. В лопатки упёрлось остриё меча. За спиной стоял звероуст: повернув голову, Николас боковым зрением увидел взбешённое лицо.

– Моё имя Аллен, я дозорный из Компании «Норн», а это мой ученик Жан и его брат Патрик. А кто ты? Мы нашли у тебя грамоту на имя кундского рыцаря Мортимера Стигса, – начал допрос звероуст. – Неужели единоверцы принимают на службу ветроплавов?

Охотник запустил ладонь за пазуху. Амулет Кишно пропал. Сняли, мерзавцы, прямо со спящего!

– Хотя, скорее всего, грамота поддельная. Твой конь поведал, как вы удирали от «страшного белого всадника», – испытывал его терпение Аллен.

Щуплый, невысокий, он выглядел едва ли не младше Охотника. За спиной длинный лук и стрелы, рыжие волосы в пучке на затылке на манер Сумеречников.

– У него два меча... – прерывисто сообщил Патрик. – И книга, которая не открывается.

Он указал на лежавшую рядом «Книгу тайн». Жан подхватил её и попытался

распахнуть, сопя от усилий.

– Оставьте мои вещи в покое! Я беженец и никому не желаю зла. Мне просто нужно добраться до Лапии.

Николас подскочил и принялся всё собирать. Не хватало, чтобы они снова взялись за звёздный клинок или порвали рубашку из перьев.

Аллен не отводил от него оружия и выпячивал грудь, чтобы казаться внушительней.

– Придётся обождать, – он поцокал языком безо всякого сожаления. – Я передал весть о тебе на ближайшую заставу и срочной соколиной почтой в Дюарль. Пока они не ответят, ты останешься здесь под нашим наблюдением. Не переживай, в Компании ветроплавам живётся куда раздольнее. Редкий дар, в большом почёте, если ты, конечно, не предатель.

– Нет, так нельзя, – замотал головой Охотник. – Ночью здесь прокатится Неистовый гон и сметёт всех, кто не укроется в священном месте. А мальчику необходим целитель.

– Он неударённый – обождёт. А до разгула демонов-ши в неделю Мардуна ещё два месяца, – возразил звероуст.

– Лучезарные разорили кладбище возле Эскендерии, чтобы открыть для них проход. Хотят устроить диверсию на ваших землях, – заспорил Николас.

– Не велика беда. Неистовый гон страшен только для тех, кто отмечен печатью мар. Мальчики, вы ведь постоите друг за друга? – спросил Аллен. Дети кивнули. – Да и у меня проблем с родителями нет. А у тебя?

Охотник поморщился и стиснул зубы.

Какой же этот дозорный неопытный. Когда говорил, то брызгал слюной так, будто боялся потерять лицо.

Но даже чтобы сражаться с таким жалким противником, Николас слишком ослаб, чтобы бежать – тоже. Он развалился на своих вещах, как чахнувший над золотом дракон, и смежил веки. Яркое солнце резало глаза, и голову сдавливало ещё больше.

Послышался звон скользнувшего в ножны меча, неуклюжие шаги и хруст сучьев. Маленький огнежар склонился над Охотником и положил ему на лоб ладонь.

– Он горит!

– Оставь его, Жан. А если он заразный? – крикнул Аллен. – Я перенесу наши вещи и раздобуду что-нибудь на обед, а ты присматривай за чужаком и тренируйся.

– А как же... Патрик? – неуверенно спросил Жан, но шаги Аллена уже стихли, а его аура отдалилась за грань видимости.

Николас приоткрыл глаза. На пожухлой осенней траве паслись две невысокие лошадки и мохнатый пони с круглым санным пузом. Патрик поднялся и, вооружившись топором, поковылял в лес, пока Жан выкладывал кострище камнями и собирал хворост.

Плохо, что к неударённому отнесли, как к пустому месту. Рана ведь серьёзная, Патрик мог истечь кровью или заработать заражение. Теперь понятно, почему отец не жаждал переселяться в Норикию. О Николасе здесь бы, наверное, позаботились, а вот его семью восприняли бы как обузу.

Неударённый вернулся с охапкой дров. Кровью не пахло, да и повязка промокла не так сильно.

– Попробуй, у тебя получится, – подбодрил Патрик брата, составив поленья домиком внутри кострища.

Жан съёжился и с ужасом посмотрел на дрова.

– Только отойди подальше. Воды принеси, – огнежар указал на пустой котелок, рядом с

которым лежал Николас. – Не могу, когда ты смотришь.

Патрик опасливо приблизился к Охотнику.

– Не тяжело тебе быть «пропущенным» среди одарённых? – озвучил тот свои мысли.

Подросток ссутулился и опустил голову.

– Тяжело было, когда наши родители умерли от холеры. Мы бродили от деревни к деревне, летом ели ягоды и грибы, а зимой воровали. Наверняка умерли бы от голода и холода, если бы Компания «Норн» не обнаружила у Жана дар. Теперь с братом нянчатся, как с господским сыночком. А я как был ничтожеством, так и остался... – он подобрался и зло скрипнул зубами. – Но когда я вижу, как Жан мучается, мне хочется, чтобы он тоже был «пропущенным». А у тебя есть брат?

Николас выпал взглядом далеко-далеко, где осталось пепелище родного дома.

– Был когда-то. Мы не ладили, а потом... потом он умер, – ответил Охотник глухо. – Ступай, там ключ неподалёку. Я пригляжу, только осторожней с ногой.

– Да знаю я! Умру, как бродячий пёс, никому не нужный, – прошептал неодарённый и, подобрав котелок, побрёл прочь.

Стоило ему скрыться за деревьями, как раздались сдавленные всхлипывания. Жан баюкал правую руку и глотал слёзы. Видно, перед товарищами слабость показывать боялся.

Теперь вещи вряд ли тронут. Николас поднялся и направился к мальчику.

– Не три, а то хуже будет.

Жан промокнул рукавом катящиеся по лицу слёзы.

– Шрам останется навсегда?

Николас опустился рядом на корточки и осмотрел его правую руку. На запястье вздулся большой красный волдырь, мелкие белые пузыри покрывали все ладони. Последняя порция мази Эглаборга ушла на них.

– Зарастёт новой кожей через пару недель, а потом ты загорись на солнце, и станет совсем незаметно.

Обречённо вздохнув, Жан придвинулся к кострищу и вытянул ладони вперёд. Шепча, он тряс пальцами и дул, но даже дым не появлялся. Повезло, что дар у мальчонки только второго уровня. Был бы он чуть сильнее, всё бы тут спалил.

– Почему не получается? Зачем мне эти способности, если я даже использовать их не в состоянии? – выкрикнул Жан и едва не пнул дрова сапогом. – Аллен говорит, что я безнадежен и всех подвожу.

– В детстве отец заставлял меня заниматься фехтованием. Мой учитель тоже говорил, что я безнадежен, – усмехнулся Николас. – Я был мелким, с трудом управлялся с тяжёлым мечом. Мне всё время приходилось думать о том, как его удержать и не поранить себя вместо того, чтобы отбивать атаки противника. Но потом у меня появился другой, более терпеливый и опытный учитель. Он показал, как примериться к собственному оружию и перестать бояться. Так и тебе нужно побороть свой страх перед пламенем. Попробуй!

Охотник вручил ему огниво.

– Мастер Аллен не велел, – смутился Жан.

– Ему и знать не обязательно, – подмигнул Николас.

Мальчик несмело принял помощь. Кремень высек искры об кресало, зашипела сухая трава и иголки. Жан помахал тряпкой, и, наконец, от хвороста повалил дымок. Лёгким касанием ветроплава Николас раздул пламя настолько, что оно с хрустом накинuloсь на смолистые дрова.

– Здорово! – восхитился Жан.

– Способности как лошади, их нельзя бояться, иначе они не станут повиноваться, – Охотник занёс свои пальцы над его и подул струйками холодного воздуха. Лицо Жана едва заметно смягчилось. – Не думай о том, что обожжёшься или обожжёшь кого-то. Найди островок спокойствия внутри себя, поверь, что сможешь, и всё получится.

Закрыв глаза, Жан растопырил ладони. Аура мерцала мерно. Николас коснулся кончиков его пальцев своими. Огнежар затаил дыхание. Охотник медленно начал отводить руку, и между ними побежали искры.

– Открой глаза.

Жан уставился на свои ладони: с них сыпались сверкающие янтарём огоньки и тонули в пламени костра.

– Не страшно? – с вызовом спросил Охотник.

Бросив взгляд на танцующие языки пламени, Жан опустил подбородок на грудь. Кажется, в сумках завалялся огарок свечи ещё из Элама. Охотник зажёг его от костра и передал одарённому.

– Начни с малого. Усмири огонь – потуши свечу.

Огнежар повертел огарок на ладони, изучая его. Горячие капли воска стекали вниз и застывали, не попадая на кожу.

– Огонёк похож на лепесток красивого цветка, какие растут за оградами особняков богачей в городе. Мне всегда хотелось сорвать хоть один, чтобы рассмотреть поближе.

– Дерзай!

Жан накрыл фитиль двумя пальцами. Пламя погасло. На ладони остались только крошки чёрной копоти.

– Вот видишь, ты усмирил огонь. Теперь попробуй зажечь её так же, как погасил.

Мальчик снова дотронулся двумя пальцами до фитиля, но ничего не произошло.

– Ты неправильно дышишь, – подсказал Охотник. – Знаешь, откуда берётся сила огнежаров?

Он покачал головой.

– От дыхания и эмоций. Чтобы зажечь пламя, выровняй дыхание.

Сопя, как маленький ёж, Жан сделал несколько глубоких вдохов.

– Теперь закрой глаза, дотронься до свечи и подуй на неё огнём, – продолжал советовать Николас. – Не теряй ритм, иначе пламя не удержат.

Распахнув глаза, Жан с удивлением уставился на свечу. От фитиля поднялась тоненькая струйка дыма. На чумазом лице заиграла улыбка.

– Попробуй снова, – предложил Охотник.

Выровняв дыхание, огнежар закрыл глаза и дотронулся до свечки. Из-под его пальцев вырос маленький огонёк. Зацепившись за фитиль, он расцвёл красным бутонем. Жан открыл глаза и просиял. Для уверенности он ещё несколько раз потушил и зажёг свечу.

– Мастер Стигс, а как черпать силу из эмоций? – спросил огнежар, когда фитиль измочалился настолько, что утонул в плавленом воске.

– Из эмоций получается гораздо более мощный огонь, но для этого надо уметь ими управлять, а иначе не избежать ожогов, – Николас указал на волдыри на руках Жана. – Учись сохранять спокойствие, что бы ни происходило вокруг.

– Это так сложно, – понурился он.

– Ничего в жизни не даётся легко, иначе люди этого не ценят. Но если ты справишься со

своим страхом, всё остальное покажется детской забавой.

Николас не успел закончить мысль, как на поляну выбрался Аллен. Через плечо у него висели только что подстреленные зайцы, судя по свежей крови на серых шкурах.

– Ты усмирил огонь? – удивился звероуст. Жан смущённо отвернулся. Аллен не сводил с Охотника внимательного взгляда. – Где этот бездельник?

Из-за деревьев показался Патрик.

– Простите, теперь быстрее у меня не получается, – он умастил котёл на рогатках над костром и насыпал в воду овса.

Аллен принялся свежевать зайцев, пока Патрик кормил лошадей и готовил ужин.

После короткого раздумья, Николас всё же приблизился к звероусту.

– Почему тебя заставляют обучать огнежара? Ваши способности не стыкуются. У него нет ни твоих инстинктов, ни обострённых чувств, ни звериной ловкости. Только страх и ярость, которые в наивысшей точке перерастают в пожар. Это как если бы я обучал мыслечтеца, который не в состоянии даже мои поверхностные эмоции ощутить.

– Думаешь, нас кто-нибудь спрашивает, богатенький аристократишка? Это же тебе, поди, лучшие няньки в детстве сопли вытирали. Куда нам, убогим, до такого? Мне назначили «сложного» мальчика, от которого остальные отказались, а у меня такой возможности не было. Чай не ценнейший ветроплав и нужен только для числа. Мальчишки так же: справятся – хорошо, нет – жаль, но Компания переживёт.

Николас покривил рот. Кажется, в «мирной гавани для колдунов» дела обстоят ещё хуже, чем предполагалось.

– Я месяц бился над тем, чтобы Жан перестал хотя бы обжигать себя, а тебе за час удалось показать ему, как управлять огнём, – заговорил Аллен куда менее спесиво. – Что я делал не так?

– Он всего лишь зажжёт свечу, – возразил Николас. – Если хочешь его научить, тебе самому надо научиться наблюдать, слушать и понимать. Не показывай своих эмоций, особенно животный страх перед огнём – от этого Жан пугается ещё больше и обжигается. Если вы оба будете держать себя в руках и действовать слаженно, то он овладеет своим даром.

Аллен вскинулся, разглядывая Охотника с волчьим прищуром. Видимо, не любил, когда ему указывали. Что ж, убеждать бесполезно – если захочет, сам поймёт.

Снова развалившись на своих вещах, Николас поплотнее закутался в плащ. Знобило, да и слабость навалилась такая, что ноги не держали, язык еле ворочался, а мысли ни на чём не задерживались.

Стучали миски, слышались разговоры, шаги, конское фырканье. Тронули за плечо, в нос ударил тёплый запах каши. Охотник открыл глаза.

Над ним стоял Жан и протягивал миску:

– Поешь, мы обедаем.

Николас бросил взгляд на сидевших у костра Патрика с Алленом. Они остервенело стучали ложками и делали вид, что ничего не замечают.

– Спасибо, не хочется, – Николас улыбнулся в извинение.

Желудок пищу не принимал, мутило от одного запаха. Приложив к губам флягу, Охотник смочил пересохшее горло.

Аллен подошёл к ним:

– Я отправил голубя с просьбой прислать целителя. К утру он будет тут. Для... для вас

обоих.

Звероуст глянул краем глаза на Патрика. Тот смущённо натянул рубашку на голову.

– Спасибо, – пробормотал Николас.

Жан с Алленом ещё немного постояли над ним, а потом ушли по своим делам. Патрик собрал миски и принялся их мыть, натирая песком. Лошади поели запаренного с утра овса. Когда хозяйственные хлопоты закончились, в руках неударённого сверкнул ножик. Патрик подобрал с земли кусок коры и начал строгать.

– Смотри, это имперская галера для нашего флота, – показал он брату кораблик из коры с листьями сирени вместо парусов и черенками-вёслами по бокам.

Жан рассмеялся, и они принялись возиться с фигурками у костра, рассказывая друг другу о выдуманных сражениях.

В детстве Николас мечтал играть вот так со старшим братом или хотя бы с другом, но в округе других мальчишек не водилось. Видимо, равновесие главенствует во всём: в чём-то тебе везёт, а в чём-то ты обделён.

Аллен обошёл окрестности, проверяя, всё ли спокойно, и вернулся с темнотой. Они отужинали и улеглись спать у костра. Звероуст остался дежурить, хотя выглядел настолько усталым, что вряд ли продержался бы до утра.

Родинка на затылке зачесалась так, что забылась даже слабость от отравления. Неистовый гон уже близко. Николас натянул на себя рубашку из перьев и прижал к груди дедовский меч, как будто тот служил бронёй. Нужно отвлечься! Вон на небе полная луна, пятна такие чёткие, что можно дорисовать крылья, глаза и клюв Белой Птицы. Звёзды сияют так ярко, словно поют.

Зачем ему понадобился этот Безликий и его проклятые артефакты? Пользоваться ими всё равно будет кто-то другой. Так ведь они ещё могут навредить случайным людям. Уже навредили!

За Рифейскими горами проклятье нежеланного ребёнка забылось, но стоило вернуться на запад, как беды навалились с десятикратной силой. Он ведь сдохнет от яда, а если не сдохнет, то к полуночи Неистовый гон утянет под холмы и будет мучить до окончания времён. Знатно Палач, однако, пособил двуликому владыке ши. Аруин точно будет приплясывать от счастья.

Уж лучше бы Охотник сразился с лордом Веломри на кладбище, воспользовался звёздным клинком... Хотя бы попытался! Ан нет, предпочёл бегство, которое его не спасло.

Аллен поник, из положения сидя сполз на землю, подтянул колени к груди и засопел.

Темнота сгущалась, становилась почти осязаемой. Поволок туман. Воздух отяжелел, будто напитался раскалённым свинцом. По спине крались мурашки, волосы на голове шевелились. Вдалеке гроыхало, завывал ветер. За лесом полыхали зарницы, протяжно ухали совы, вторя сотрясающей землю копытной дроби. Лаяли собаки, свистел вспарываемый стрелами воздух, звенела сталь. Доносились шальные крики, свист, гам.

Стеная тоскливо, баньши оплакивали судьбу древнего рода, последнего представителя которого вот-вот утянут под землю. Никто за него не заступится, ведь близких у него не осталось. Таков ли был твой гнусный план, а, Белый Палач? Не просто убить, а растоптать, показать, насколько Николас слаб и жалок.

Ладонь до боли вцепилась в эфес меча.

«Простишь ли ты, великий дед, своего никчёмного внука? Смогу ли я взглянуть тебе в

глаза без стыда, когда мы встретимся на Тихом берегу мёртвых?»

Тьфу, трижды тьфу на все эти мысли. Нужно бороться, пускай даже трясина затягивает всё глубже. Эглаборг и Харысай ждут в Урсалии. Николас обещал выжить отцу. Отцу, который пожертвовал собой и всей семьёй ради этого. Учителя с Авалора, настоятель Кадзума – они вложили столько усилий, чтобы Охотник не погиб бесславно. Нельзя их подводить!

Грохот приближался. Скрипели сухие сосны, раскачиваясь из стороны в сторону. Мары, цепляясь крючковатыми руками, лезли из всех оврагов и тёмных дупел. Листва путалась в их сбившихся в колтуны волосах. Горели колдовской зеленью глаза.

Если пошевелиться, точно заметят, и тогда – конец.

Вот бы переместиться в круг камней Госкенхеджа. Спина прижмётся к колонне с изображением ворона, губы зашепчут беззвучные молитвы:

«Брат мой, Ветер, тот, что дует с севера и летает на вороновых крыльях, молю, защити. Пускай даже на дворе ночь и до рассвета далеко, но больше мне просить не у кого. Я слаб и проклят, но узы крови сильнее всех условностей мира. Приди, я верю, ты услышишь мой зов и не убоишься Мрака. А до тех пор я не загляну в его глаза и буду ждать...»

Ворон на воображаемой колонне вдруг ожил и глянул красными глазами:

«Лечу, лечу, братишка! Ты только дождись!»

Мара склонилась над Жаном, искривила толстогубый рот и со свистом втянула воздух. Громыкнуло совсем рядом – дуллахан швырнул в костёр своей головой, чтобы затушить пламя.

Раздался крик, болезненно набухла аура огнежара.

«Нет, нельзя бросать их на произвол судьбы. Прости, братец-ворон, я не дождался...»

– Вставайте! – закричал Николас.

Жан в ужасе смотрел на тянущуюся к нему мару. Губы мальчика дрожали, глаза вылезали из орбит. Руки были разведены, трясущиеся пальцы искрились и вспыхивали. Если он сведёт ладони, то взрыв погубит всех, кто рядом.

Николас метнулся к нему и отогнал тварь. Она заверещала, призывая сородичей. Признала печать, чтоб её!

Охотник обхватил Жана со спины, не позволяя сомкнуть руки. Носок ночи подцепил Аллена.

– Вставай! Вставай! – кричал Николас, пока тот хлопал глазами и бестолково вертел головой.

Из-за деревьев уже скалились демоны, зеленью горели их следы.

Жан орал оглушительно. Звероуст толкнул в плечо Патрика. Тот ошалело затрясся.

Нужно завести руки огнежара за голову. Если дотронуться до двух чувствительных точек на ключице, то мальчик затихнет. Кадзума показывал их. Вот, получилось! Жан безвольно обвис на руках у Охотника.

На небе полыхало багровое зарево. В нём прорисовывался силуэт бледно-зелёного кельпи с плавниками на ногах и боках, грива и хвост – из водорослей. Управляли им сам Аруин. На чёрных волосах золотой венец с огромными изумрудами, со лба свисала седая прядь, ровно по линии шрама, что делил его лицо надвое. За спиной виднелась огромная свита: конных, пеших, собак и прочих причудливых созданий.

– Бегите! – крикнул Николас, подталкивая Жана к Аллену.

Все заворожённо уставились на расчерченную всполохами линию горизонта. В

приближающемся шуме различался топот сотен копыт. На полуразложившихся, поточенных червями тушах лошадей неслись закутанные в ветхие плащи мертвецы. Кости громыхали, раскачиваясь в лохмотьях некогда пышных седел. Вслед за ними бежала свора пышущих огнём белых гончих с красными ушами. Пустые глазницы горели трухлявой зеленью. Отовсюду доносилось гулкое эхо, казалось, демоны заполонили весь мир.

Патрик прижал к себе брата. Аллен выхватил меч, не зная, от кого обороняться. Глаза владыки ши, золотой на прекрасной светлой половине лица, чёрный на обожжённой багровой, смотрели только на Николаса.

«Небесный щенок! Без защиты! Какой роскошный подарок!» – злорадно ухмылялся владыка.

Охотник вскинул меч рукояткой на уровне лица – теперь не побежит, не станет прятаться, пускай даже смертный бой выйдет не с тем врагом, от мысли о котором кровь закипала в жилах.

Кельпи ступил на землю, Аруин замахнулся громадным клинком. Полыхнул голубым ветропит, Николас отбил первый удар.

Аллен звал на подмогу зверей: зайцев, белок, куниц, барсуков и лисов. Они бросались на демонов, отвлекая внимание на себя. Но пробить путь к отступлению у них вряд ли бы получилось. Впрочем, Неистовый гон не возьмёт невинных, разве что вещи попортит.

Лязгнули мечи – Николас отразил новую атаку. Колени дрожали, а мышцы каменели до боли, сердце заходило в груди. Удар, ещё удар. Нападать не получалось, только защищаться. Долго Охотнику не продержаться.

На подмогу подоспел Аллен: саданул по Аруину с другого бока. Клинок отскочил от выставленной для защиты серебряной руки. Кельпи оскалился и едва не укусил звероуста – тот увернулся в последний миг.

Николас закрутил лезвие финтом, пробираясь под защиту. Ветроплав сгущал воздух всё сильнее, позволяя рискнуть хотя бы раз. А вот и брешь: открывшееся бедро владыки. Окутанное дымкой дара лезвие мчало к нему, испарывая ткань. Но Аруин выкрутил клинок, задел меч Охотника и с силой отпихнул назад. Серебряная рука сжалась в кулак, на ней зазмеились колдовские узоры.

Острая боль пронзила родинку. Меч выскользнул из ладони, Охотник припал на колени, глядя в золотой глаз с оторопью.

Не шелохнуться. Колдовские узоры ползли по коже, вызывая зудящую сыпь, по всему телу вздувались багровые узлы и словно рвали плоть на части.

– Печать мар! – закричал Аллен.

Кельпи не подпускал его к Николасу. Патрик потянул брата к наставнику.

– Что делать? – слабым голосом бормотал пришедший в себя Жан.

– Ничего. Защитить его смог бы только близкий.

– Я защищаю! – выкрикнул неодарённый.

– Я защищаю! – крепясь, повторил за ним брат.

– И я защищаю, – сказал Аллен. – Но...

Лишившись последних сил, Николас рухнул на землю.

– Забудьте. Спасайтесь сами...

Грудь сдавило, даже вздохнуть не получалось. В глазах темнело.

Аруин спрыгнул с кельпи, захрипел в голове глухой голос:

«Ты мой, небесный щенок. Ответишь теперь за всё!»

Он коснулся серебряными пальцами обожжённой половины лица и наклонился так близко, что заслонила ядовитой краснотой весь мир.

Суматошно хлопали огромные крылья. Чёрный пух кружился в воздухе и падал на лицо, щекоча нос. Губы растянулись в улыбку. Братец-ворон спешил из последних сил. Надёжный, как скала. Николас счастливо протянул руку.

1569 г. от заселения Мунгарда, Норикия, Дюарль, штаб Компании «Норн»

В деревянной коробке лежала плешивая птица. Звероуст-дрессировщик держал её на вытянутых руках.

– Ваш ворон перестал есть и начал ощипывать перья. Такое порой случается, когда птицам подрезают крылья.

Ноэль забрал коробку и погладил ворона по голове. Раньше она была пушистая и мягкая, а теперь перья стали сырыми и царапали пальцы, словно доказывали, что мёртвым не место среди живых.

– Если хотите, выберите себе новую птицу. Попробуем счастье ещё раз, – дрессировщик указал на жердь, на которой галдели молодые вороны, с недоверием поглядывая на людей.

– Не стоит губить птиц понапрасну. Видимо, не судьба, – ответил Ноэль улыбкой, хотя душу глодала тоска.

Он сделал несколько шагов к двери. За окном почтовой башни раздался пронзительный соколиный клич. Срочное донесение? Ноэль взобрался наверх по крутой винтовой лестнице. На крыше, куда садились птицы, главный смотритель уже отвязывал от ноги дрессированного сокола кожаный футляр с посланием.

– Что-то важное? – поинтересовался Ноэль.

– С границы. Ох, мои бедные косточки! Теперь придётся спускаться и искать вождя по всему штабу! – посетовал старик.

– Я передам. В конце концов, я его главный помощник и внук, – понял намёк Ноэль и подмигнул ему. – Если вождь кому и доверяет, то только мне.

Смотритель с облегчением вложил футляр в его ладонь и вернулся к птицам. Уже на лестнице Ноэль вынул послание и прочёл. Он злоупотреблял своим положением, только чтобы узнавать о происходящем за пределами штаба. Дед строго оберегал внука от любых огорчений, но Ноэль уже давно не нуждался в опеке. Наоборот, он жаждал работать на благо всех Сумеречников, испробовать ту могущественную силу, которую ему напорочили вещи Норны.

Новость с границы распалила любопытство. Ради этого стоило рискнуть. Лишь бы дед позволил. Ноэль составил точный маршрут, разложил по порядку листы с описанием остановок и даже набросал доводы, почему нужно спешить. Только на каждый из них он мгновенно придумывал возражения, которые не преминет высказать дед.

Однако терять время даром – слишком большая роскошь. Уже через полчаса Ноэль постучал в кабинет вождя. Стражники пропустили его без лишних вопросов. С детства никто, кроме деда, ни в чём ему не отказывал. Люди даже лишнее слово боялись сказать. Но со временем они поняли, что Ноэль не будет жаловаться, а постарается выгородить и защитить тех смельчаков, которые подбирались к нему ближе, чем на расстояние пяти шагов.

Хоть бы дверь не закрипела. Дед не любил шума, особенно когда работал с бумагами. Вот и сегодня он корпел над заваленным отчётами и прошениями столом. Вождь редко

отдыхал, даже будучи в преклонном возрасте, и отказывался переложить хотя бы часть забот на молодые плечи.

– С границы доставили срочное донесение, – сообщил Ноэль, когда дед поднял на него свои тёплые ореховые глаза.

– Вижу, ты уже изучил его в деталях. Не поведаешь суть? – он устало потёр переносицу. Может, повезёт.

– Дозорный нашёл в лесу молодого ветроплава. Он спасался от Белого Палача в Эскендерии. По всем приметам ветроплав похож на лорда Комри.

– Что ж, прикажи нашим людям доставить его сюда для разбирательства, – без особого интереса ответил вождь.

– Он ранен, возможно, отравлен. В плохом состоянии. Они не успеют.

– Тогда пускай им займётся целитель, – дед всем видом показывал, что не понимает волнения.

– Целители в глубинке слабы, они не справятся. Позволь мне принести его! – выпалил Ноэль.

– Нет! А вдруг это ловушка? Вряд ли бы настоящий лорд Комри сунулся в Эскендерию к Лучезарным. Может, они узнали твою слабость и хотят тебя выманить. Не стоит поддаваться...

– Но моё чутьё подсказывает, что это он. Он нуждается в моей помощи. Ты всю жизнь кормил меня обещаниями, что вместе мы станем всемогущими. Если он погибнет, мы лишимся единственного шанса на победу. Ну же! Сколько раз ты уговаривал меня поверить в свои силы. Теперь я верю, нет, точно знаю, что смогу. Тебе меня не остановить!

– Ноэль! – дед подскочил из-за стола. Внук упрямо попятился. – Нет, Ноэль, не смей! Это опасно, слышишь?!

– Посмотрим, – ответил он и обнял себя руками.

В распахнутые окна ворвался вихрь и открыл тёмную материю для прыжка. Прежде, чем его успели остановить, Ноэль ступил внутрь. Сгущённый воздух запахнулся за ним плотной стеной. Скрученное пространство закладывало вверх-вниз крутые виражи.

Первые три прыжка дались легко, Ноэль натренировался делать их идеально, как велел дед. Внук, конечно, понимал его и жалел, но сейчас ревностная опека тяготила. Подчинённые посмеивались, что Ноэль не может покинуть пределы Дюарля, хотя вождь твердил о его избранности и великой силе.

После третьего прыжка, в Эльбани, Ноэль остановился, перечитывая описание. Так далеко от штаба он ещё не забирался. Дед и на расстояние третьего прыжка его не отпускал, но, повзрослев, внук начал нарушать границы дозволенного. Четвёртый прыжок – в провинцию Ланжу – был шагом в неизвестность.

Чего бояться? Его отец, предпоследний Архимагистр Сумеречников, Ойсин Фейн, выволок на себе своего компаньона из пустыни Балез Рухез на юге Священной Империи. Тогда он был лет на пять младше Ноэля и не осенён пророчеством Норн.

Что ему имперская граница? Резерв не истратился почти, а описания всех остановок он выучил наизусть, мечтая однажды пуститься в странствия.

Глотнув побольше воздуха, Ноэль распахнул очередную воронку. В лицо ударил холодный ветер, от скоростного полёта защекотало живот, глаза заволокла пелена слёз. Нужно представить остановку в подробностях: темно уже, близко полночь, луна цепляется за макушки вековых сосен, душно, пахнет иссушенной зноем травой, близится буря.

Ноги врезались в выбитую полосу дороги. Из-под сапог полетели камни. Ноэль расставил руки в стороны, чтобы удержать равновесие.

Невысокие горы Ланжу стелились щетинистыми волнами за спиной. Сбоку, чуть поодаль журчала речушка, прорезая тёмный лес насквозь. Места похожи. А что не так плавно получилось, так не идеал сейчас – главное.

Беда в другом: как отыскать стоянку дозорного. На заставе не выпытать – не стоило выходить к людям.

«Где же ты, лорд Комри? Николас, тебя ведь так зовут? С детства каждый день, когда я спрашивал деда, нельзя ли мне завести друга, он отвечал, что друг у меня уже есть. Единственный и самый верный – это ты. Вместе мы будем неуязвимы и сможем то, что не получалось порознь. С тобой мы будем делиться мыслями, идеями, радостями и горестями без подобострастия и страха. Отзовись же!»

Ноэль считывал ауры настолько далеко, насколько позволяли способности, но до стоянки дозорного дотянуться не удавалось.

Стиснув зубы, он зажмурился. Холодный осенний ветер шёпотом иголок донёс едва различимый зов:

«Помоги мне, братец, помоги!»

Сердце загрохотало об рёбра, отдаваясь в ушах дробным ритмом. Он там, он погибает!

Перед глазами возник огненный кот. Он с воплем кидался на раскалённые прутья клетки, которые сдавливали его всё туже. Кот драл их когтями, грыз зубами, но выбраться не мог и падал без сил. Шевелились усы на белой морде, напоминавшей маску. С мольбой смотрели глаза глубокого синего цвета, каким бывает небо во время шторма. В них читалась мольба, сопротивляться которой не получалось. В жерло вулкана или на дно океана – Ноэль совершил прыжок веры.

Перед ним предстало уродливое лицо демона: расчерченное глубоким шрамом на две половины, красную и белую. Чутьё взбесилось – твари окружали со всех сторон. Неужто, ловушка? Неужто, Ноэль повторит судьбу своего самонадеянного отца и погибнет бесславно?

Он выхватил меч из ножен и замахнулся. Демон отбил лезвие серебряной рукой и атаковал собственным клинком, что был под стать двуручнику Ноэля. Золотой глаз на белой половине лица буравил его с негодованием.

«Отойди! Я заберу проклятого, остальные мне не нужны», – прохрипел в голове голос демона.

Рядом на земле распластался молодой мужчина. По обсыпанной красными пятнами коже тёк пот, тёмные волосы сбились и свисали паклей, на шее и щеках вспухали багровые узлы и расползались паутиной под одежду. Глаза были плотно закрыты, грудь тяжело вздымалась, дрожали тонкие посиневшие губы, словно он испытывал непереносимую боль.

Тощий – только душа под кожей осталась. Хрупкий, как маленькое чудо, трогательно уязвимый, хотелось прижать его к себе и обогреть. Спасти, спасти во что бы то ни стало! Именно таким Ноэль и представлял своего побратима в детстве.

Не открывая глаз, мужчина вскинул руку и протянул её Ноэлю. Тот склонился и сжал его ледяную ладонь, шёпот обжёг ухо:

– Братец, помоги, братец, не отдавай меня ему, братец.

Ноэль снова поднял взгляд на демона, вскидывая оружие куда решительней. Пускай он участвовал только в тренировочных поединках и турнирах, но сейчас готов биться до конца.

Это единственный шанс на свободу и дружбу, которых ему так не доставало.

– Не отдам! Он мой! – не узнал свой звеневший от ярости голос Ноэль. – Я защищаю его, как брата, до последней капли крови!

Он замахнулся так, что свистнул воздух. Клинок звякнул о меч противника и смёл его, словно сухую палку. Лезвие ударило по демону, но не рассекло. Двуликий пошёл рябью, как тающий морок. Вспыхивали и исчезали демоны вокруг.

«Я отомщу! Отомщу вам обоим! Будьте прокляты, дети узурпатора!» – прошипел двуликий демон напоследок.

От орды осталась лишь сгнившая трава. Пахло плесенью, на омертвевших ветках висели клубки омелы.

– Кто вы? Кто? – подбежали к Ноэлю дети.

За их спинами высился молодой дозорный.

– Ветроход! – бормотал он заворожённо. – Вы внук вождя, мессия, и правда... Вы победили предводителя Неистового гона!

Так это и был тот самый владыка Аруин, чья армия погубила отца? Впрочем, сейчас не важно.

Ноэль склонился над поверженным мужчиной. Тот обмяк и лишился чувств. По крайней мере, боль перестала его мучить, пропали узлы и сыпь, кожа налилась желтизной.

– Что вы собираетесь с ним делать? – сипло спросил младший из мальчишек. Огнежар, судя по ауре.

– Доставлю в штаб. Ему нужна помощь. Спасибо, что обнаружили и сообщили о нём вовремя, – Ноэль кивнул дозорному.

Тот подался вперёд, хмурясь в непонимании:

– Нет, это же вы, вы совершили чудо! Как вы прогнали Аруина? Это мог сделать только его кровный родственник, – он кивнул на бездыханного мужчину. – На каком языке вы разговаривали?

– Что?

– Мастер Стигс говорил что-то в бреду на непонятном свистящем наречии, а вы отвечали ему так же, – подтвердил старший мальчик. Неодарённый, похоже.

– Вы меня разыгрываете. Кто-то из штаба подговорил? Сейчас не время, – отмахнулся Ноэль и поднял мужчину на руки. – Я пришлю к вам помощь с заставы: целителя, провиант. А теперь простите...

– Стойте! – выкрикнул младший. – Возьмите его вещи. Он очень ими дорожит.

– Милый мальчик, – снисходительно ответил Ноэль. – Никакие вещи не могут быть важнее самого мастера Стигса. Посыльные соберут их и доставят в штаб позже. Обещаю.

Он раскрыл новую воронку и шагнул внутрь. Каждое мгновение на счету.

===== Глава 29. Из огня да в полымя =====

1567 г. от заселения Мунгарда, Норикия, Дюарль, штаб Компании «Норн»

Он утопал в пуховых перинах и тёплых одеялах. Сквозь высокое стрельчатое окно сочился золотистый свет, пахло персиками. Он потянулся, разминая затёкшее тело, и приоткрыл веки.

– Ну, и напугал же ты нас! – воскликнул сидевший на стуле долговязый мальчишка. – Никто места себе не находил, пока ты болел.

Он зевнул, прикрывая ладонью рот.

– Вы действительно переживали?

– Конечно! Ты ведь нам не чужой, какие бы глупости не выдумывал.

Мальчишка взял его за плечи и развернул к себе, вглядываясь тёмными глазами.

– Что, даже Гил волновался?

Едва слышно скрипнула дверь. В щели мелькнули огненно-рыжие вихры и по-птичьи жёлтые глаза.

– Сидел тут безвылазно, а как понял, что ты выздоравливаешь, сбежал, – зашептал мальчишка едва слышно. – Только не говори ему, что знаешь. Он не переживёт, если потеряет хоть каплю своей заносчивости в твоих глазах.

Они оба захохотали.

– Ты как? – донёсся издали всё тот же голос. Он изменился, обрёл низкие взрослые нотки и едва заметную хрипотцу.

Николас помотал головой, с трудом разлепляя глаза. Их резало от непривычно яркого света. Лишь сморгнув пелену слёз, Охотник различил очертания склонившегося над ним мужчины.

Высокий, широкоплечий, крепости его телосложения позавидовали бы и великие воины древности, но когда он улыбался, на гладко выбритых щеках проклёвывались шаловливые ямочки и делали его похожим на ребёнка. Наивный блеск ютился в тёмных, почти чёрных глазах.

– Где я? – глухо спросил Николас.

– В штабе Компании «Норн» в Дюарле. Тебя отравили сонным ядом. Моему деду пришлось употребить все силы и знания, чтобы помочь.

Точно! Его же ранил Белый Палач и настиг Неистовый гон. Почему Аруин не исполнил свою месть?

Но всё хорошо, что хорошо заканчивается. Даже раненое плечо не напоминало о себе.

– Спасибо! Что с Алленом и его учениками?

– Их сменили дозорные с заставы. Теперь они восстанавливаются у целителей. Передавали тебе привет.

Следующая мысль заставила его встрепенуться.

– Где мои вещи?

Мужчина указал на большой сундук:

– Меня предупредили, что они тебе очень дороги. Не переживай, наши люди доставили их в целостности и сохранности.

– Сколько же я проспал? – Николас пощупал ещё тяжёлую голову.

– Две недели. Ты побывал у Сумеречной реки, но теперь всё будет хорошо. Ты среди своих, – подбодрил его мужчина, пятернёй лохматя густые тёмно-каштановые волосы, стянутые в пучок на затылке.

Видимо, Компания во всём подражала ордену, хотя представляла собой ещё более жалкое зрелище, чем община в Каледонских горах. Те хотя бы ничего из себя не корчили.

– Ты и есть последний лорд Комри? Я по донесению догадался, никто другой не наделал бы столько шума. Тебя зовут Николас, я знаю.

Как же непривычно слышать своё имя из чужих уст! Тем более от незнакомца. Хотя чувство было такое, будто они встречались раньше.

– Я Ноэль Паред, помощник вождя Компании и его внук, – он протянул Николасу свою крепкую ладонь.

Ничего не оставалось, кроме как пожать её.

– Много о тебе наслышан и долго мечтал познакомиться. Нам столько предстоит сделать вместе! Тебе здесь понравится, я всё покажу...

Он говорил без умолку, смущаясь и стремясь завоевать расположение. Это выглядело настолько вымучено, что Николас не выдержал.

– Спасибо ещё раз за всё, но я тут не задержусь. Меня ждут в другом месте.

Ноэль изменился в лице и отступил на шаг.

– Почему? Там опасно, ты едва не погиб!

– Я готов к риску, – пожал плечами Николас.

– Ты никуда не поедешь, – ответил Ноэль холодно и отчуждённо. – Я распорядюсь, чтобы тебе принесли еду и воду для умывания.

Он ушёл, тяжело топая по паркету.

«Зачем ты его обидел, дубина? – напустился Безликий. – Он же тебе жизнь спас».

«Чтобы самому держать в плену, пускай и решётки у клетки золочёные. Я не буду ничьей игрушкой!»

Охотник откинул с себя одеяло и встал босыми ногами на холодный пол. Тело укрывала лишь льняная рубашка до середины икр. Надо бы протопить камин. Интересно, как тут с дровами? Впрочем, спать в холоде под открытым небом Охотник привык, а в четырёх стенах, да в тёплой постели размяк и закапризничал. Бежать надо при первой возможности!

Он отыскал в сундуке меч и книгу.

«Как ты собираешься бороться с Мраком этими ничёнными вещами?» – потребовал он ответа у Безликого.

«Просто. Найди того, кто сможет этим добром воспользоваться. Меня».

Конечно! Николас так и предполагал.

«Как ты предлагаешь это сделать, если меня отсюда не выпускают?»

«Всё получится, если ты немного поработаешь головой, а не кулаками».

Как же бесят эти его загадки!

Раздался стук. Слуги принесли тёплую воду и тазик, поднос с горячим бульоном, сухариками и отварными овощами. Умывшись и сделав гимнастику, Николас поел, и настроение заметно улучшилось.

«Тюремная камера» оказалась просторной и светлой, с огромным окном на всю стену. Рядом с широкой кроватью стоял платяной шкаф из красного дерева, ближе к окну располагался секретер, обитые бархатом стулья и скамейка для гостей. Своей старой одежды, кроме рубашки из перьев, Николас не нашёл, но в шкафу обнаружилось несколько строгих костюмов, похожих на тот, что носил Ноэль. Сам выбирал?

Не ходить же по дому в ночной рубашке, как впавший в маразм старик. Николас натянул на себя штаны из коричневого сукна, рубашку с высоким воротником и распашной камзол без украшений. Великоват, конечно, но это из-за того, что Охотник исхудал за время болезни, даже в детстве рёбра так не выпирали. Долго восстанавливать форму придётся.

Николас подобрался к окну и отодвинул полупрозрачную занавеску. По-осеннему мрачное небо плакало проливным дождём. На пустынных улицах в окружении многочисленных корпусов если кто и показывался, то по самые глаза кутался в плащ и передвигался бегом от крыши к крыше. «Камера» находилась на верхнем этаже самого высокого здания, потому что за остальными строениями вдалеке виднелась серая полоска океана. Если это Дюарль, то до родного острова можно доплыть всего за пару дней. Но нет, на самом деле дом остался больше, чем в шести годах от Николаса.

В дверь снова постучали, на пороге появился посыльный:

– Если вы готовы, вождь ждёт у себя в кабинете.

Тот самый дед Ноэля. Вряд ли от такого приглашения можно отказаться. Охотник проследовал за посыльным.

Обставлен особняк был шикарно, но без излишеств. Каждый предмет мебели служил определённой цели: книги на полках, устрашающие трофеи в виде клыкастых морд на стенах, рядом портреты знаменитых Сумеречников и гобелены с их ратными подвигами. В пролётах стояли приземистые тумбочки, на которых можно было оставить посуду или ненужные вещи. Широкую лестницу обрамляли выкрашенные в чёрный цвет резные перила.

Кабинет вождя располагался этажом ниже в том же западном крыле. Посыльный открыл дверь и пропустил Николаса вперёд.

В высоком кожаном кресле за письменным столом, на котором ровными стопками высились бумаги, сидел старик. Жидкие седые волосы вождя были собраны в пучок на затылке, как и у Ноэля. Сухое, гладковыбритое лицо бороздили морщины, выдавая многие тревоги. Сам длинный и худой, как жердь. На тонком носу красовалось пенсне. Скрипело перо в цепких пальцах с выделяющимися костяшками. Аура спокойная и плотная, до тяжёлого янтарного цвета напитанная целительской силой.

Охотник заложил руки за спину и принялся раскачиваться с пятки на носок, дожидаясь, пока на него обратят внимание. Видимо, это состязание, кто не выдержит первым. Терпения ему было не занимать, да и торопиться некуда, раз уж он в плену.

Николас уже почти перешёл в состояние созерцательной медитации, когда старик всё же соизволил на него посмотреть. Глаза орехового цвета обманывали теплотой, но выражение лица оставалось морозным.

– Моё имя Жерард Пареда, вождь Компании «Норн». Рад видеть тебя в добром здравии, – заговорил он хорошо поставленным голосом, звонким, несмотря на почтенный возраст. – Ты действительно лорд Комри, как утверждает мой внук?

– Могу ли я отправить весточку в общину Каледонских гор? – ответил он уклончиво.

– Да ты, и впрямь, внук Утреннего Всадника, – усмехнулся Жерард.

– Вы его знали?

– Кто не знал легендарного Гэвина Комри в наше время? Мы вместе входили в Большой совет ордена и часто выступали оппонентами на диспутах. Он был достойным соперником, одним из немногих. Поэтому меня удивило, что его внук так опрометчиво подставился под удар. Тебе повезло уйти из Эскендерии живым. Право, ты бы ещё на Авалор сунулся после того, как Лучезарные свергли там законную власть.

Николас неуютно сглотнул под его тяжёлым взглядом.

– Я не мой дед и сам решаю, что мне делать, даже если мой выбор ошибочен.

– Но если бы мой внук не рискнул головой и даром, ты бы уже отправился на Тихий берег.

Было бы так хуже, чем сейчас, или всё-таки нет?

– Можешь отправить послание своему наставнику. Он будет счастлив узнать, что ты жив, – продолжил Жерард, решив надавить на совесть. – Через пару дней представим тебя перед норикийским двором.

– Вот уж, и впрямь, опрометчиво, учитывая, что Лучезарные обещают награду за мою голову, – отозвался Николас.

– Заверяю тебя, под моей крышей ты в полной безопасности.

Охотник посмотрел поверх его головы в окно, по которому стекали струи дождя. Правильно, из-под этой крыши он теперь не ступит и шагу.

– Знаешь, какие цели преследует наша Компания?

– Вы защищаете Сумеречников, – пожал плечами Охотник.

– Не совсем. Мы защищаем всех одарённых, даже самых слабых. Мы разыскиваем их по всему Мунгарду, обучаем, предоставляем помощь, подыскиваем работу.

– Собираете армию.

– Армию собирает мой внук. Вступление в неё – дело добровольное и не предусматривает никаких привилегий.

Николас скептически хмыкнул.

– Что бы ты ни думал, наша истинная цель – восстановление общности одарённых, которая существовала до Войны за веру. Если всё удастся, мы станем силой, с которой будут считаться даже Лучезарные. И ты – внук легендарного Утреннего Всадника – ключевая фигура в нашем плане.

– Вы меня переоцениваете.

– Ты прошёл испытание, побывал в далёких краях и даже вырвался от Лучезарных живым. Это делает тебя пускай и глупым, но удивительно крепким и удачливым воином, почти легендой. Сейчас хорошо, если найдётся дюжина Сумеречников с таким же сильным даром.

– Ладно, – сдался Николас. – Чего вы хотите?

– Ничего особенного. Поживи среди нас, присмотришь, может, найдёшь занятие по душе. О тебе будут заботиться, как о принце. Станешь компаньоном Ноэля, ему как раз не хватает надёжного друга. Ты знаешь, что его отец вынес твоего дядю на своих плечах раненого, когда они вместе проходили испытание в Балез Рухез?

– Насколько я помню, мой дядя лишился ног и свёл счёты с жизнью вскоре после этого, – осадил его Охотник.

– Будем надеяться, что ты хоть капельку умнее. Сейчас тебе нужно соблюдать режим и не перетруждаться, пока лечащий тебя целитель не заключит, что ты здоров.

– И когда же это случится? – спросил Николас, поняв намёк.

Жерард дёрнул седыми бровями:

– Всё зависит от твоего выбора. У нас не так плохо. Скажи, чего желаешь, и мы всё достанем.

Что ж, если ситуацию переломить не удаётся, нужно использовать её с выгодой.

– Зеркало во весь рост.

– Ты что, как девица любишь себя разглядывать? – Жерард покривил морщинистый рот.

– А почему бы и нет? Мужчины тоже должны следить за собой, – Николас смахнул упавшую на лицо прядь и только тогда вспомнил, что не то, что не брился, даже не причёсывался после сна.

Жерард не отрывал от него насмешливого взгляда, словно говорил, ну-ну, голубчик, твоё кривляние не выведет меня из себя.

– Будет тебе зеркало. На этом всё?

– Нет. Ещё мне нужны бумага, тушь, беличьи кисточки, перья разной толщины, ножик для заточки, чернила высшего сорта. И угольные стержни не забудьте.

– Так ты ещё и художник!

– У всех свои недостатки.

– Только у тебя их целый кладезь.

Николас пожал плечами с деланно недоумённым видом.

– Ладно, ступай! Если что понадобится, обращай к моему внуку, он очень жаждет твоего общества.

Ничегошеньки он тут больше не добьётся!

Николас поблагодарил вождя и откланялся.

Как только за ним закрылась дверь, Ноэль выбрался из спрятанного в камине потайного хода.

– Я же предупреждал, ему здесь не нравится, – печально заключил он, сложив руки на груди. – Лучше бы мы его отпустили.

– Помнишь, что я говорил тебе о птицах? – дед подошёл к нему вплотную. – Свободный полёт опасен для них, из-за него они становятся дикими и недружелюбными. Могут врезаться во что-нибудь или влезть, куда не следует. Чтобы защитить их, нужно подрезать им лишние пёрышки.

Дед показал пальцами, как клацают ножницы.

– А этот птенчик едва не разбился в полёте уже сколько раз? Все шансы на свободу он исчерпал и доказал, что быть осторожным не умеет. Для него же лучше оставаться здесь. Ты же не хочешь потерять друга, ради которого пришлось так рисковать?

Ноэль опустил подбородок на грудь. Так-то оно так, но все его вороны с подрезанными крыльями жили очень недолго.

Крупные капли падали на голову, холодная вода ручейками стекала за шиворот. Штаб Компании «Норн», огромный роскошный особняк, окружённый похожими на казармы зданиями, находился за чертой города.

Первым делом Николас разыскал почтовую башню и составил записку, зашифрованную намёками, чтобы догадался только Гвидион. Писать в Урсалию Эглаборгу не стоило. Нельзя выдавать друга, как и место, где Николас намеревался скрываться, когда сбежит.

Смотрители рассказали о последних новостях. После захвата Эскендерии Лучезарные приостановили экспансию. Неистовый гон частично повредил лес на южной границе, но до полей и людских жилищ не добрался, так что норикийцам повезло.

Охотник бродил по дворцу, изучая обстановку, чтобы составить план побега. Людей здесь было много. Столько одарённых вместе наблюдать ещё не приходилось – целый город! Даже слуги и те обладали зачатками способностей. Отгороженный от несведущих людей мирок, где Сумеречники чувствовали себя хозяевами и ничего не боялись.

Никто его не задерживал и не донимал указаниями. Смотрели порой косо, особенно те, кто был одет побогаче, шептались об Утреннем Всаднике. Похоже, Жерард пустил о нём слух. Вот же пройдошливый старик! Небось и внука науськал, чтобы тот держал Николаса в штабе.

Если бы на нём был плащ, то глубокий капюшон спас бы от посторонних взглядов. Теперь, когда Охотника узнали в лицо, скрываться станет намного сложнее. Жаль, что менять внешность умели только морочи. Конечно, они могли наложить личину и на другого человека, но её требовалось поддерживать постоянно. Не найти ли себе компаньона-мороча? Только таких сумасшедших – один на тысячу.

Поднявшись на третий этаж, Николас замер возле приоткрытой двери у лестницы.

Внутри чувствовалась аура Ноэля, куда более живая и мощная, чем у вождя. Охотник постучался и вошёл.

Большой светлый зал был обставлен в оливковых тонах. Высокое окно обрамляли парчовые гардины. К стенам притулились обитые бархатом скамейки и стулья с резными спинками, на полу лежали волчьи шкуры, в угловом камине горел огонь.

Ноэль стоял у большого стола, застеленного картой, и двигал по ней резные фигурки Сумеречников и демонов, сверяясь с книгой. С кожаного шнура на шее у него свисала серебряная подвеска в виде ворона, к которой было прикреплено большое чёрное перо.

– Любишь ворон? – шурясь, обратился к нему Николас.

– Воронов, – поправил Ноэль, захлопнув книгу. – В детстве собирал их фигурки и перья. Мечтал завести живого, но не судьба.

Несколько мгновений они изучающе разглядывали друг друга. Охотник протянул ему ладонь, Ноэль приблизил свою. Их растопыренные пальцы то соприкасались, то отдалялись, пропуская между собой сгустки воздуха. Работать в паре доводилось только со старшими во время обучения в Каледонских горах, да и то немного. Ни с кем такой тесной связи ещё не возникало. Это оказалось приятно, будто Николас становился значительней и одиночество, разделённое с кем-то похожим и близким, не мучило тоской.

– Как тебе тут? Не так ужасно, как показалось на первый взгляд? – улыбаясь в ответ на улыбку Охотник, подхватил разговор Ноэль и опустил руку. Связь разорвалась.

В отличие от деда внук выглядел настолько открытым и искренним, что долго злиться на него не получалось даже несмотря на то, что он покушался на самое дорогое – свободу. Да и приближённый к вождю Компании, он явно знал больше остальных. Стоило расположить его к себе.

– Непривычно. Никогда не жил в людных местах. Тут вспомнил... – Николас замялся, когда Ноэль заглянул ему в глаза, словно ждал чего-то. – Я тоже о тебе слышал. Это ведь тебя называют мальчиком-мессией?

– О, ужас! – полушутливо воскликнул тот. – И ты туда же.

– Расскажи!

– Ладно. Мой дед ещё до роспуска ордена был выдающимся книжником Эскендерии. Он создал оракул трёх Норн, который предсказал поражение Сумеречников и гонения на одарённых. Благодаря этому дед договорился с норикийским королём и основал Компанию-убежище, где укрылись все желающие. Тогда же оракул открыл: сын предпоследнего Архимагистра Ойсина Фейна станет величайшим героем Мунгарда и приведёт Сумеречников к победе.

– Что за оракул? Как выглядит? Как работает? Он находится в Эскендерии? – сыпал вопросами Охотник.

– Об этом знает только мой дед и белоглазые вёльвы, которые приносят от него вести. Даже мне ничего не рассказывают.

– Но ты же не слишком в это веришь?

– Не только мне, но и многим кажется, что это уловка деда, чтобы возвеличить Компанию и поднять боевой дух. Хотя, на мой взгляд, дед слишком прислушивается к советам вёльв и пренебрегает здравомыслием. Нечеловеческие духи-Норны, почившие в древности боги, скрывающиеся под личинами людей демоны – это чересчур невероятно, чтобы быть правдой. А ты как думаешь?

– Не знаю, – сдавленно выдохнул Николас и отвернулся к окну. Тучи и не думали

расходиться, косые струи барабанили по стеклу. – Я много где побывал и много чего узнал. Порой мне кажется, что я теряю разум. Вижу и слышу то, чего нет, выдаю желаемое за действительное, выдумываю нереальные объяснения для простых совпадений. Если чего-то запредельного, что управляет порядком вещей за гранью того, что мы можем осознать, нет, значит, я и впрямь спятил.

– Ты про того жуткого демона на границе? Признаюсь, даже я поначалу решил, что спятил. Но дозорный и его ученики тоже всё видели.

– Это всего-навсего владыка ши Аруин. Он охотится на меня с детства, каждый год в неделю Мардуна. Но в этот раз Неистовый гон появился раньше срока, вышел из разорённого кладбища в Эскендерии. Я уже прощался с жизнью. Как ты меня вытащил?

– Не знаю. Я просто заступился за тебя, и он исчез вместе со своей свитой.

– Странно. На мне, как на нежеланном ребёнке, лежит печать мар. Спасти меня могло только заступничество близкого родственника.

Ноэль задумчиво почесал в затылке:

– Дед рассказывал, что мой отец был компаньоном твоего дяди и воспитанником твоего деда. Может, мы чего-то не знаем об их кровных узах?

– Даже если так, родство слишком далёкое. Прогнать Аруина получилось бы только у моих родителей или братьев.

– Тогда остаётся поверить в предсказания Норн, по которым мы должны стать... побратимами.

Николас кисло поморщился. Почему все навязывали им дружбу? Только из-за того, что их предки были побратимами? Не то, чтобы Ноэль вызывал неприязнь. Наоборот, с ним удавалось делиться важными вещами, говорить о волнующем и тревожном без страха натолкнуться на непонимание. Были бы обстоятельства их встречи иными, без шумихи и нарочитости, стать приятелями вышло бы куда проще. Но дружить по чужой указке претило.

Ощувив неловкое молчание, внук вождя виновато потупился.

Охотник сменил тему:

– У нас и способности схожи. Ты ведь тоже ветроплав?

Собеседник лукаво прищурился и качнул головой:

– Ветроход.

– Уникальная предельная способность? Да ты и впрямь... удивителен! – восхищённо присвистнул Николас.

– А как ты думал, я добрался до границы из штаба за полдня?

– Но с таким даром... Ты должен был обследовать весь мир, наведаться в такие места, что мне и не снились. Это... это просто мечта – вмиг оказаться там, где захочется. Даже... дома, на Авалоре. И не бояться, что тебя сцапают Лучезарные до того, как ты унесёшь ноги.

С ветроходом выбраться из Дюарля будет раз плюнуть, и даже морочь не понадобится. К демонам щепетильность! Нужно перетянуть его на свою сторону во что бы то ни стало.

– Переноситься через море слишком беспечно – можно не допрыгнуть до противоположного берега и утонуть, – Ноэль смущённо завёл руку за плечи. – Если честно, я и за пределы штаба выбирался нечасто. Когда спасал тебя, впервые оказался так далеко от дома. Там... там опасно.

– Но ты должен путешествовать, должен сражаться с демонами – это часть твоей сути. Разве ты не чувствуешь этой тяги?

Собеседник тоскливо отвёл взгляд:

– Есть вещи куда более важные. Я не могу рисковать ради жажды приключений, как ты.

– Это слова твоего деда? – насторожился Николас.

– Его родители погибли в Священной Империи от рук единоверцев ещё в начале Войны за веру, потеряв имение и все родовые земли. Собственными силами дед из нищего сироты превратился в амбициозного книжника и дослужился до должности Ректора в Университете Эскендерии. Жену он тоже рано потерял и растил мою мать один. Мой отец погиб ещё до того, как узнал о моём существовании, мать умерла во время родов. Дед мой единственный живой родственник, а я – его. Я не могу его подвести или выступить против. Он прав хотя бы том, что мы отвечаем за судьбы всех одарённых, собравшихся под этой крышей. Даже не так, за нами весь мир. Лучезарные спят и видят, как бы нас уничтожить. Если мы не приложим все усилия, то победы нам не видать.

Так вот оно что! Жерард вдолбил в его голову этот глупый страх, чтобы не выпускать из-под своей опеки. Бороться с влиянием вождя будет непросто. Но единственный верный способ завоевать дружбу – быть искренним.

– Не хочется тебя разочаровывать, но я был на последнем собрании Магистров Голубых Капюшонов. Они не считают вашу Компанию значимой угрозой. Пока у них есть другие заботы, они смотрят на вас сквозь пальцы. Но судя по тому, как они покорили Эскендерию и свергли законную власть на Авалоре, стоит им только пожелать, здесь камня на камне не останется. Сумеречники не смогли победить, когда находились в зените могущества, а единоверцы были слабы и малочисленны. А теперь у нас и вовсе нет шансов.

– Зачем эти упаднические настроения? Как ты живёшь, думая, что впереди не будет ничего хорошего? После падения ордена мы стали умнее и отринули устаревшие ценности сытого существования. Мы собираем уцелевших одарённых по всему Мунгарду, мы создали плодотворную систему обучения и воинской подготовки. Когда придёт время, мы покажем, что нас ещё рано отправлять на костёр.

– Но даже твой дед понимает, что спасёт нас лишь возрождение богов и чудесное возвращение к золотому времени, – осадил его Николас.

Внук вождя хмуро замолчал и вернулся к своим фигуркам на карте.

– Ваша армия? – попытался обратить всё в шутку Охотник.

– Твоего деда, – отозвался Ноэль. – Погода не позволяет проводить тренировки. Для кого-то это повод отдохнуть, а для меня – поработать головой.

Николас удивлённо вскинул брови.

– Я думал, моего деда здесь если не ненавидят, то презирают.

– Ты настроен слишком мрачно. Ни я, ни вождь не имеем ничего против твоего деда. Каким бы человеком он не был, его тактический гений вызывает восхищение. При кажущейся простоте его планы всегда содержали подвох. Утренний Всадник словно предугадывал действия противника и принуждал демонов поступать так, как было нужно ему. Благодаря этому он побеждал с наименьшими потерями. Я изучаю его военные кампании. Это, – он указала на расстановку фигурок на карте. – Боевой порядок во время одного из самых знаменитых его сражений при Кипящих скалах.

На подходе к месту битвы демоны скрытно напали на армию Сумеречников. Тварей собралось так много, что советники предлагали отступить, но вместо этого Утренний Всадник разделил войско. Отряды лазутчиков уничтожили всех дозорных демонов. С рассветом на оставшихся тварей напали морочи, создав иллюзию, будто атакует вся армия. Они загнали врага в узкий проход между скалами, где устроили засаду огнежары с

ветроплавами. Создав огромную огненную волну, они направили её на демонов. Выбраться из ловушки те не смогли, потому что с другой стороны проход перекрыли основные силы Сумеречников. Это лишь одна из побед твоего деда вопреки тому, что все сулили поражение.

Мой отец... он был сильным и доблестным воином, верным другом, но лидер из него получился никудышный. Он не разбирался в политике и не обладал настолько изощрённым умом, бездумно прислушивался к советникам и слишком уповал на свою неуязвимость – это его и сгубило. Если бы во главе ордена вместо него встал твой дед, возможно, Сумеречники не проиграли бы. По словам вождя, он, как и ты, прежде всего ценил свободу и не желал связывать себя узами власти. Если ты поступишь иначе и согласишься мне помочь, то вместе мы одолеем даже армию Лучезарных во главе с их ужасающим Белым Палачом.

И кто тут кого подбивает на безрассудные авантюры?

– Это, конечно, здорово, – ответил Николас, разглядывая положение фигурок более пристально. Впереди войска Сумеречников стоял вырезанный из слоновой кости Утренний Всадник. Николас опрокинул фигурку пальцем. – Но я не мой дед и никогда никем не командовал. Может, я куда глупее и слабее, чем был он, но уж лучше даже под чужим именем оставаться собой, чем изображать из себя кого-то, кем я не являюсь.

– Я этого и не прошу... – оборвал его речь Ноэль и взял за руку. – Приходи завтра на рассвете во двор, я всё покажу. А там... посмотрим.

Николас сделал несколько шагов к двери, но вдруг развернулся.

– Можно, я позаимствую на пару дней? – он указал на рукопись с описаниями военных походов Утреннего Всадника.

– Конечно, я знаю её наизусть, – улыбнулся Ноэль одними губами.

===== Глава 30. Компания “Норн” =====

1567 г. от заселения Мунгарда, Дюарль

В Храме Ветров вставали между пятью и шестью утра. Это считалось самым благоприятным временем, чтобы начинать день. В дороге за режимом следить не получалось: то непредвиденные обстоятельства, то тревога не давала сомкнуть глаз по ночам. Но теперь ничто не мешало: ни голоса, ни звуки шагов, ни даже шорохи за окном не заставляли просыпаться и вздрагивать. Постель стелили толстыми перинами, которые обнимали, как пушистые облака. Уже и забылось, какое это блаженство.

Проснувшись вовремя, Николас оделся в костюм для тренировок с добротными сапогами и плащом, прихватил дедовский меч и спустился во двор.

За ночь дождь прекратился, но улицы не высохли, и струи катилась по желобам водостоков. Кованые каблуки стучали по мостовой и разбрызгивали грязь из луж. На просторной площади возле казарм выстраивались в шеренги воины Компании, заспанные, тайком зевающие. На рыцарях побогаче была броня: кожаные доспехи и иногда даже лёгкие кольчуги. Внушительная фигура Ноэля возвышалась над строем.

Воины из задних рядов заметили гостя, и по шеренгам побежал шёпот. Головы оборачивались, любопытные взгляды устремлялись в лицо. Подхваченный общим волнением, внук вождя тоже отыскал Охотника глазами и кивнул.

– Сегодня нас почтил присутствием необычный гость. Именно нам, воинам Компании, наследникам Сумеречников, выпала честь познакомиться с ним первыми. Итак, это действительно авалорский лорд Комри, внук легендарного Утреннего Всадника.

Лица стали настороженными, у некоторых даже злыми. Какое дурацкое представление! Снова его будут судить по чужим подвигам и преступлениям. Чем ближе Охотник

подбирался к дому, тем острее ощущал своё проклятое наследие.

– Можно взять слово? – шепнул он на ухо Ноэлю.

Тот обозначил приглашающий жест рукой.

– Моё имя Николас. Я странствующий Охотник на демонов, какими были наши предки много веков назад ещё до образования ордена и исхода из Гундигарда. Я прошёл испытание в священной Долине Агарты за кольцом неприступных Снежных гор. Я объехал весь Мунгард от Туманных островов на западе до островов Алого Восхода на востоке и вернулся обратно. Я видел захваченную Лучезарными Эскендерию и, благодаря доблести вашего командира Ноэля Пареды, – Николас по-дружески сжал его плечо, – спасся от их преследования и стою перед вами.

Воины смягчились, более юные и доверчивые смотрели с восхищением на обоих. По крайней мере, внук вождя удостоился куда большего внимания, чем раньше.

– Вы останетесь с нами? Вы будете учить нас? Вы поведёте нас в бой? – сыпались отовсюду вопросы.

– Нас поведёт в бой ваш командир, – Николас указал на Ноэля с вызовом. – Я же буду сражаться с вами плечом к плечу.

– А ты молодец. Знаешь, как воодушевить, – шепнул ему на ухо внук вождя.

– Главное, чтобы они не решили, что я зазнаюсь, – усмехнулся Охотник и встал в переднюю шеренгу вместе со всеми.

Много разных способностей различалось в аурах: оборотни, мертвошётты, зверолорды, огнежары, морочи, ясновидцы. Сильных, истинных – единицы, гораздо больше средней руки – первый, второй уровень, самые многочисленные – слабые, едва дотягивающие до третьего уровня. Меньше всего Детей Ветра. Из значимых – только Николас с Ноэлем.

Ни намёка на мыслечтецов. Война разделила их братство и заставила воевать друг против друга. Одних – одурманили Предвестники, а другие, погрязшие в дрязгах, не смогли их спасти. Или не захотели, как Утренний Всадник.

После рассказов о былых подвигах и будущих свершениях Ноэль придирчиво проверил каждого, муштруя и ругаясь на неаккуратность. Воины долго бегали по двору, выстраиваясь то клиньями, то флангами, то в линию, а потом бросались в рассыпную. После настало время разделить на пары и отработать технику ближнего боя.

– Покажешь мастерство? Или пока не готов? – тихо спросил Ноэль у Николаса.

– Шутишь? Я только этого и жду! – подобрался Охотник.

Внук вождя хлопнул его по плечу:

– Не перетруждайся, а то мне перед дедом отвечать.

Николас выхватил из ножен меч.

– Кто из вас, желторотики, не побоится бросить мне вызов?

Все отмалчивались. Сквозь толпу пробился крупный детина в длинной кирасе. Пепельные волосы в пучке на затылке растрепались, азартом горели изжелта-зелёные глаза. Крепкий, кряжистый, да и деньги, судя по хорошо сработанному доспеху, у него водились. Коричневая с островками зелени аура выдавала в нём оборотня, а оскал красноречиво говорил о тотеме – волк.

Мидрир рассказывал о своих родичах по отцу из знаменитого норикийского клана Лугару. Они отличались свирепостью и бесстрашием. Похоже, один из них. Что ж, будет интересно. Смог бы учитель победить Охотника сейчас?

Оборотень достал из ножен меч-бастард и встал наизготовку. Николас по привычке

склонил перед противником голову, изучив его оружие и выправку. По толпе пронёсся лёгкий шепоток. Не дожидаясь сигнала, оборотень ринулся на Охотника.

Николас приготовился к защите. Простой финт обернул силу противника против него самого, оборотень замахнулся снова. Он явно рассчитывал на напор и грубую силу, а не на ловкость и хитрость. Это не Мидрир, тот учил думать головой, использовать слабости противника и свои преимущества.

Несколько раз увернувшись, Николас заставил оборотня потерять бдительность. Во время следующей атаки Охотник легко пробился под защиту, подцепил лезвие противника своим и опустил к земле. Оборотень попытался высвободить оружие, но Николас отдёргнулся настолько быстро, что тот потерял равновесие и пошатнулся. Следующим ударом Охотник выбил клинок из его ослабевшей хватки.

Оборотень ошалело смотрел то на него, то на свой лежавший в пыли меч. Николас поднял его и протянул вперёд рукояткой. Услышав хохот товарищей, противник забрал клинок и отдал честь победителю. Охотник отсалютовал в ответ и повернулся к замершим в замешательстве воинам.

– Кто-нибудь ещё? – он говорил тихо, но его голос звенел, отражаясь от каменных стен. Воины одновременно сделали шаг назад. Николас удивлённо вздёрнул брови.

Ноэль коснулся его плеча:

– Давай!

Рукой он держался за эфес фламберга, волнистый клинок которого упирался в землю.

– Ого! Размер имеет значение? – сострил Охотник.

Массивное оружие с детства вызывало неприязнь, а на востоке, и вовсе, ценилось изящество и гармония.

– Чем тяжелее меч, тем мощнее удар. Такой клинок особенно хорош в конных боях против противника в тяжёлой броне. А волнистое лезвие позволяет наносить раны, которые не все целители могут залечить. Демонов разить им куда легче, – Ноэль с нежностью погладил толстый слой стали. – Конечно, он не для слабаков. Но у ветроплавов же нет с этим проблем?

– К большинству тварей трудно подобраться на расстояние удара, поэтому скорость и манёвренность куда важнее. К тому же, раньше этот клеймор принадлежал Утреннему Всаднику, – Николас провернул рукоять меча в ладони, позволяя Ноэлю оценить ладный клинок.

В тёмных глазах сверкнуло любопытство.

– Мне куда больше понравился твой второй меч. Очень необычный. Хотелось бы увидеть его в действии, – ответил внук вождя.

– Это оружие не для боя, – качнул головой Николас и встал наизготовку.

Ноэль обхватил эфес двумя ладонями и вскинул меч. На шее вздулись жгуты мышц. Доспех скрывал мощное, натренированное тело. Засияла бирюзой аура, облегчая вес оружия и добавляя в руки силы. Дстойный противник. Учитывая, что он одолел Аруина, бой будет куда дольше и сложнее предыдущего.

Оттолкнувшись от земли ветроплавом, Ноэль ринулся на Николаса. Тот выставил блок и нарастил плотный щит. Клинок противника заскрежетал, наткнувшись на преграду, попробовал её на вкус. Посыпались искры. Меч Охотника скользнул по волнистой стали, но до перекрестья не достал. Вот ещё одно преимущество фламберга.

Высвободив свой меч, Николас отступил на шаг. Противник улыбнулся отыгранному

пространству. Отточенная техника сквозила в каждом движении, заметны были годы учёбы и недюжинный талант. Только какой у него опыт? Тренировочные бои и турниры на потеху публике?

Внук вождя атаковал, Николас использовал ветроплав, чтобы клинок не застревал между волн, и обманным финтом попытался подступить ближе. Ноэль отбил оружие в бок, Охотник спружинил коленями, гася силу удара. Чуть больше ловкости и хитрости, и пришлось бы туго.

Шутки закончились, поединок начался всерьёз. Мечи взлетали и сталкивались со звоном, вихри ветроплава хлестали по лицу и ногам, прорываясь сквозь щиты. Скорость нарастала. Ослабевшие за время болезни мышцы натягивались и гудели, холодный воздух обжигал грудь. Николас то подпускал Ноэля к себе, то отступал, спасаясь от напора.

Воины подались вперёд, затаили дыхание и ловили каждое движение.

Самое простое и действенное – вымотать противника. Увёртываясь от ударов, Охотник перемещался с места на место. Выпад, удар сверху, резкий уход в бок, ещё выпад. Даже пот прошиб, волосы выбились из пучка и закрывали глаза мокрыми паклями.

Какой захватывающий поединок! Давненько не чувствовалось подобного запала. Но Ноэль выдохся: движения замедлились, замах ослаб и сделался ленивым, хотя оставался таким же точным.

Последний рывок. В тёмных глазах мелькнуло отчаяние. Внук вождя сделал слишком рискованный выпад, открывшись для удара. Охотник приблизился вплотную. Лезвие почти коснулась горла противника, но в последний миг Николас перенаправил меч на окутанный ветроплавом фламберг. Поднявшийся вихрь отбросил поединщиков в стороны.

Обретя равновесие в несколько шагов, Николас опустил оружие. Ноэль тоже устоял, но дышал тяжело, уперев ладони в колени.

– Ничья! – поднял руку Охотник.

Распрямившись, внук вождя подозрительно прищурился. Николас поклонился ему, как достойному противнику, и спрятал меч в ножны, показывая, что возражений не потерпит.

– Спасибо, конечно, что не позволил мне ударить в грязь лицом, но не стоит так нарочито поддаваться, – отчитал его шёпотом Ноэль и после короткого раздумья добавил: – И подлизываться, чтобы я помог тебе сбежать, тоже не нужно. Я никуда тебя не отпущу.

Вот же, в первый раз ляпнул, не подумав, так он до конца дней припоминать будет!

«Я говорил!» – злорадствовал Безликий.

– Если хочешь знать, у тебя великолепная техника и хорошо поставленный удар, – решил исправить положение Николас. – Даже с такой неуклюжей дубиной ты продержался удивительно долго, я бы так не смог. Но тебе не хватает боевого опыта. Одно сражение с демонами стоит года тренировок. Хотя бы попытайся выйти из тени своего деда.

– Чтобы оказаться в твоей? – оборвал его внук вождя. – Я не ты. Но буду рад, если ты покажешь свои приёмы. Признаюсь, мне казалось, что я изучил все техники и могу предсказывать действия противника, но ты фехтуешь совершенно по-иному.

– Книги – ещё не всё... – Охотник замолчал, поняв, что ничего не добьётся. – Только если ты научишь меня ветроходству.

– Если и научу, сбежать не получится, – лишил его надежды Ноэль и повернулся к воинам.

– Даже на турнирах такого не бывало! – воодушевлённо кричали из толпы.

– Сегодня вы имели возможность лицезреть искусство древней династии мечников

Авалора, – перекрыл шум громким возгласом внук вождя. Молодец, быстро восстановил дыхание. – Он окажет нам честь и обучит своим приёмам. Вместе с ним мы победим Лучезарных и отвоюем наши земли у единоверцев!

Грянуло дружное ура.

Ноэль решил отыграться? Что ж, в этот раз победа за ним. Николас натянуто улыбнулся и помахал воинам рукой.

Немного понаблюдав за боями, он двинулся дальше. Левее от площадки для тренировок находилась полоса препятствий из брёвен и изгородей. Дальше тянулись длинные двухэтажные бараки, стрельбище с мишенями и соломенными чучелами. Вдалеке виднелась оборонная стена норикийской столицы Дюарля. Из помпезных ворот города выехал крытый экипаж.

Стуча тонкой тростью по мостовой, во дворе показался Жерард.

– Я, кажется, просил не перенапрягаться после болезни, – начал он отчитывать Охотника.

Нет, это решительно невозможно! Николас не его безропотный внук и с четырнадцати лет живёт самостоятельно.

– Я прекрасно себя чувствую, не стоит беспокойства. Прогулки на свежем воздухе помогают ветроплавам куда лучше, чем лежание в постели.

– Так если бы ты просто прогуливался... Неужели жизнь тебя ничему не учит? Ты слишком ценен для общества, чтобы рисковать собой понапрасну. Задумайся, скольких близких людей ты подведёшь, если погибнешь.

Лучше быть одиноким и никому не нужным. Хотя бы подводить некого. Никто от тебя ничего не требует и не ждёт.

– К нам едет портной. Пошьёт тебе парадный костюм для приёма при дворе. А ты за это время должен научиться вести себя в светском обществе. У твоего деда были безукоризненные манеры. Неужто твой отец не привил тебе хотя бы самые простые? Кланяться, танцевать и разговаривать прилично умеешь?

Нашёл-таки болевую точку! Нет, его пусть треплют, как хотят, но память об отце он замарать не позволит.

– Поверьте, я умею быть учтивым, когда это входит в мои планы.

– Ладно, не рычи. Ступай к себе, портной уже ждёт.

Небо стремительно заволакивали тучи, дул холодный ветер. Снова собирался дождь. Первые капли попали на разгорячённый от споров лоб прежде, чем Николас добрался до центрального корпуса.

В холле толпились люди. Одарённые стояли группками у стенки, сидели на лавках и стульях, сновали туда-сюда. Встречались они и на широких пролётах, о чём-то болтали, оборачивались вслед и шептались. Такой огромный дом, а спрятаться негде.

Портной ждал у «камеры». Он оказался почтенным господином с тоненькими тараканьими усами. Рядом с ним переминался с ноги на ногу нагруженный сумками, свёртками, тканями и лентами юный подмастерье.

Николас отпер дверь и пропустил их вперёд.

Для снятия мерок его вынудили раздеться и забраться на невысокую подставку. Портной неодобрительно цокал языком, оглядывая выступающие рёбра и давно нестриженную шевелюру. Пускай и остывшее после тренировки тело пахло потом, а освежиться Николас не успел. Ну... утром хотя бы побрился.

Подмастерье обматывал его лентами и обмерял, выслушивая нотации портного.

– Какой фасон предпочитаете? – обратился последний к Николасу и показал альбом с эскизами.

– Самый обычный... – ответил Охотник, признавая, что в моде ничего не смыслит. – То есть без бантов, оборочек, рюш... не знаю, как они называются, – он потыкал в несуразные украшения на эскизах. – Нет, и буфы не надо, и набивки лоскутами ради форм тоже.

Что у них за наряды такие: то ли дамские, то ли шутовские?

Портной поморщился:

– Остальное будет висеть на вас, как тряпка. Ладно, что-нибудь подберём.

Подмастерье закончил записывать замеры и подбежал к Николасу с охапкой тканей.

– Это лучшие образцы из мануфактур Норикии, – подобострастно заглянул он в глаза.

Охотник принялся перебирать лоскуты тёмного сукна. Одни тоньше, другие толще, светлее и темнее, разных цветов: синие, сероватые, коричневые, были даже с зелёным отливом. Николас прикладывал их к лицу и смотрел в доставленное, пока он отсутствовал, зеркало. В полный рост, в серебряной оправе, стояло оно, похоже, целое состояние. Такое прозрачное – не чета медным зеркалам из Храма Вулкана.

– Этот мне нравится.

Охотник протянул лоскут портному. Колючий и жёсткий, зато тёплый. Хотя думать надо было о том, как Николас будет выглядеть в одежде из этой ткани, но тут пасовало даже его воображение.

Портной забрал лоскут и покачал головой. Похоже, всё понял и решил пошить костюм на своё усмотрение. Послышался недовольный бубнёж: «Тоже мне, высокого лорда нашли».

Он подтолкнул подмастерье к двери, и они оба удалились.

Конечно, никакой Николас не лорд и быть им не собирался. Пока Белый Палач не убил его семью.

Едва он закончил умываться и одеваться, в дверь постучали. Ноэль! Оказывается, одарённых можно опознавать по ауре, ещё не видя их лица.

– Нас ждут к ужину, – казённо позвал тот, заглянув в комнату.

Охотник отвернулся к зеркалу, расправляя одежду и приглаживая волосы.

– Любишь красоваться, как девчонка? – не удержался внук вождя от остроты. Видимо, утреннее происшествие уже забылось.

– На островах Алого Восхода меня учили медитировать перед зеркалом, чтобы... чтобы смириться со своей сутью, принять свой дар и лучше понимать себя, – ответил Николас.

Его очертания в зеркале менялись в образ Безликого, за спиной оставалась выжженная пустошь. Плавно он превращался в Белого Палача, а после – в двуликого Аруина. Отражение ломалось, искажалось и показывало причудливых чудищ.

– Я вижу зло внутри. Это не даёт мне застыть в сытом удовлетворении, зазнаваться, считать себя лучше, чем остальные, одарённые или обычные. Напоминает, что один неверный шаг, одна сделка с совестью, и твердь обрушится под моими ногами, чтобы низвергнуть в зубастую пасть бездны.

– Но я вижу только нас, – встал за его плечом Ноэль. – Ты не большее зло, чем я или кто-либо другой. Жуткие видения, о которых ты твердишь, существуют только в твоей голове.

Вместо него зеркало показывало воина в костюме из вороньих перьев и маске с мощным чёрным клювом.

«Такой же нормальный, как и я», – усмехнулся Николас. Даже Безликий не нашёлся, что возразить.

Взгляд скользнул на запястье ворона. Перья костюма топорщились, открывая едва заметную красную полосу.

Николас развернулся и успел ухватить Ноэля за руку до того, как тот отстранился. Под рукавом рубашки у ладони остался след от удара тростью. Тростью, с которой расхаживал Жерард.

– Это из-за того, что я участвовал в поединках?! – возмутился Николас.

– Не переживай! Это не больнее, чем синяки и ссадины во время тренировок, – высвободился из его пальцев Ноэль и натянул рукав до самой ладони.

– Ты уже не ребёнок и мечтаешь стать полководцем. Так почему позволяешь злобному старику бить тебя и указывать, как несмышлёнышу?

Так противно, аж рехнуться можно! В детстве Николас ненавидел, когда Эдварда наказывали из-за него, а теперь... с чужими людьми это чувство оказалось ещё омерзительней.

– Не раздувай дракона из мухи. Оно того стоило, я ни о чём не жалею, – заверил его внук вождя. – Когда ты дерёшься или споришь с таким жаром, кажется, будто у тебя есть крылья.

– Они есть у каждого, – Николас вновь повернулся к зеркалу, но в нём отражались лишь люди со своими мелкими страстишками. – Если не состригать с них перья.

– Идём, нас уже ждут, – Ноэль потянул его за собой в коридор.

Всё больше вспоминалось детство в Озёрном крае – сгинувшие вместе с семьёй и домом светлые времена.

Обеденная зала находилась на нижнем этаже. Длинный стол был застелен кружевной скатертью и уставлен изысканными блюдами в расписных тарелках. Почти все стулья уже заполнили важные члены Компании, с которыми Николаса ещё не познакомили. Два пустых места оставались по правую руку Жерарда. Рядом с дедом сел Ноэль, Охотника – справа от него.

Взгляд упал на серебряные приборы, разложенные в ряд с двух сторон от тарелки. Ложки, щипцы, ножики странной формы, трезубые вилки. Как ими пользоваться? Дома и в общине что-то рассказывали, только Николас всё пропускал мимо ушей. Отставить панику! Первые всегда идут с дальнего края, и по очереди к самым ближним к тарелке. Нужно понаблюдать, как делают остальные, и повторить. В конце концов, это не сложнее, чем орудовать бамбуковыми палочками в Храме Ветров.

На первое, хотя нет, первое блюдо они проворонили, принесли протёртый суп с трюфелями. Николас выдохнул с облегчением – он оказался вкусным. После слуги в светлых ливреях предлагали блюда на выбор. В широкие двери внесли подносы с дарами моря: гребешками, мидиями, устрицами, крабами, кальмарами и каракатицами. Желудок болезненно сжался. Следом показались раки, улитки, лягушачьи лапки и склизкие телячьи мозги. Обычных домашних куриных крылышек или бараньих рёбрышек у них нет? А казалось, что хуже, чем на дальнем востоке, уже не будет!

– Неужели бесстрашный Охотник на демонов трусит попробовать нашу кухню? – подначил сидевший напротив оборотень, с которым Охотник сражался утром. – Жюльбер, будем знакомы.

Он ловко отрезал от розовой массы мозгов кусочек и закинул в рот.

Николас попросил копчёного осётра и крабов с гарниром из морской капусты. Её-то он успел у старого Эльмы распробовать. С щипцами для раскалывания клешней пришлось попотеть, чтобы не забрызгать одежду и не попасть никому в глаз осколком. Но всё обошлось. По крайней мере, было вкусно. А десерт из воздушного теста и крема оказался изумителен.

Жюльбер задорно подмигнул и поднял вверх большой палец.

– У тебя получается даже лучше, чем у меня, – сказал Ноэль, доедая свою порцию дичи под острым соусом.

Члены Компании пересказывали друг другу новости, произносили тосты и острили, обсуждали злободневные проблемы. После полдюжины кубков вина соседи Николаса захмелели и потеплели к нему. Зазывали на ночные гуляния по Дюарлю с посещением

знаменитого «Дома запретных удовольствий» и заговорщически ухмылялись, будто считали, что он о шлюхах никогда не слышал.

– Рад бы, но мне запретили перенапрягаться, – пожал плечами Охотник и перевёл взгляд на вождя.

– Разве же это тяжело по сравнению с тем, как ты утром махал мечом? – удивился Жюльбер.

– Вот именно! За это мне уже влетело.

Ноэль отложил приборы и салфетку, принимая суровый вид:

– Вам я тоже посоветовал бы не куролесить по ночам. Уже без того набрались до белых демонов. Горожане жалуются на ваши бесчинства.

– Ну, пощипал я ту подавальщицу в трактире, какая беда? – огрызнулся Жюльбер.

– И расколотил всю мебель, когда её муж попытался призвать тебя к ответу, – припомнил Ноэль. – Сколько раз повторять, мы здесь на правах гостей. Будем зарываться, и королю придётся прислушаться к своим подданным и прогнать нас.

– Его величество Орлен XIII нас не прогонит, – веско возразил Жерард. – В отличие от простолудинов он понимает, насколько одарённые важны. Тем не менее, вынужден просить вас поубавить свой пыл. Сумеречники не должны потерять репутацию героев в глазах народа. Если вы не прислушаетесь, я велю часовым после наступления темноты никого из штаба не выпускать.

– Что мы, дети какие? – пробормотал себе под нос Жюльбер и метнул в Ноэля испепеляющий взгляд. – Это тебя только игрушечные бои интересуют, а у нас запросы, как у настоящих мужчин.

– По крайней мере, смысл моей жизни не сводится к кутежам, попойкам и посещению всех значных заведений города, – холодно процедил внук вождя, шаркнул стулом по полу и встал: – Прошу меня извинить.

Николас рванулся следом, но Жерард остановил его взмахом руки и покачал головой. Нельзя, так нельзя.

– Ишь ты, великий герой, – кривлялся Жюльбер. – Такой высокомерный зануда, что и поговорить не о чем. Даже в детстве ни на шаг от того, что старик говорит, не отступал. Так теперь ещё и нам навязывает. Какой из него лидер? Как отец его, послушная марионетка в чужих руках. Но ты же не такой?

Оборотень налил Николасу полный кубок. Выслушивать, как насмехались над Ноэлем, было неприятно, словно речь шла о нём самом.

Охотник отставил вино и порычал:

– Мне уже хватит. И вам, думаю, тоже.

Жерард покосился на него с едва заметным торжеством. Специально к Ноэлю подталкивает?

«Посмотрим, что ты запоёшь, когда я докажу твоему внуку, что он должен перестать тебя слушать и жить своим умом».

Утром Охотник взялся за медитации. Без злого духа внутри отражение не вызывало навязчивой тревоги. Видения никуда не делись, но Николас принял их. Теперь получалось долго вглядываться в складки балахона Безликого или в хмурое, словно выбитое в камне лицо Белого Палача.

Больше всего хотелось увидеть нового гостя – незнакомца в костюме ворона. От него

веяло теплом и щемящей тоской.

Желание исполнилось почти мгновенно – в дверь постучал Ноэль. Видно, тренировка и общий завтрак уже закончились.

– Ты и впрямь медитируешь, – удивился внук вождя, войдя в комнату.

– Здорово голову прочищает. Перестаёшь беспокоиться, созерцаешь мир в тишине и спокойствии. А ещё помогает убить время, – ответил Николас, поднимаясь с колен. – Долго меня будут держать под колпаком?

– До приёма во дворец. Важно представить тебя королю в лучшем виде. Он обожает волшебные диковинки.

– Я похож на ярморочного медведя? – фыркнул Николас.

– Это дань учтивости. Король поддерживает нас и позволяет жить на своей земле, а мы посвящаем его в свои тайны. Будь орден ближе к обычным людям, они бы не стали бунтовать.

– Они бы использовали нашу силу против нас. Собственно, так Лучезарные и поступили. Меня учили, что знания в недостойных руках, как и дар, приносят куда больше вреда, чем пользы.

– Нужно отступать от правил, когда они изживают себя и загоняют в ловушку. Посему...

– Ноэль глухо закашлялся. – Если я тебя раздражаю, то Жюльбер может занять моё место. Он к тебе более чем расположен. Я понимаю, насильно дружбу не заслужить...

– Ты чего? С ним и поговорить-то не о чем, не то, что поспорить или даже помолчать.

Глаза с едва различимыми зрачками блестели так же наивно, как на глаза телёнка.

– Тогда одевайся. Дед велел подыскать тебе занятие, – Ноэль кивнул в сторону двери.

Николас накинул тёплый камзол поверх рубахи, и они проследовали в широкий корпус в глубине штаба. Судя по мрачности архитектуры и маленьким зарешёченным окнам, он был нежилой. Барельеф на треугольном фронтоном напоминал чашу весов: из концов и середины дуги выходили три прямые линии и пересекались наверху. Впечатляли окованные железом двери с огромным замком, как и стоявшие у входа вооружённые до зубов часовые. Они придирчиво осмотрели посетителей и только после этого пропустили внутрь.

– Цех книжников – секретное место. Дед забрал сюда всех своих сторонников из Эскендерии, чтобы они продолжили изыскания, – пояснил Ноэль, когда они вошли в длинный коридор с дверями через каждые пять-десять шагов.

В помещениях что-то гремело, кипело, булькало, стучало. Запахи тухлых яиц, едкого дыма, дубилена, древесных смол, спиртов, эфирных масел смешивались в воздухе.

Ноэль открыл одну из дверей. Внутри просторной комнаты располагался стол с мензурками и змеевиками. Масляные горелки нагревали цветные жидкости до кипения. Юные книжники под присмотром старого наставника толкли в ступах и смешивали остро пахнущие порошки.

– Здесь делают горючие смеси, – объявил Ноэль. – С их помощью мы удесятим наши силы.

– Я уже видел подобное и в Поднебесной, и у Лучезарных в Эскендерии, – тихо хмыкнул Николас.

– Значит, мы сделаем лучше, действенной.

В следующих помещениях книжники готовили яды и лекарства, сооружали хитроумные военные машины и механизмы, производили исчезающие чернила и ещё много полезных для войны вещей, которые склонили бы преимущество на сторону Компании.

Когда через пару часов они покинули здание, Николас не сдержался:

– Вы тратите безумные деньги на наше содержание, вооружение и исследования книжников. Что будет, когда вы развяжете войну?

– Это ради престижа, – возразил Ноэль, явно повторяя слова деда. – Чтобы люди не считали нас шарлатанами, а ценили и уважали, как образованных и воспитанных членов общества, цвет человечества.

– Нет. Из-за этого ваш король постоянно повышает налоги, население нищает и бедствует, особенно в провинциях. Если бы дед выпускал тебя за пределы Дюарля, ты бы понял. Останавливается развитие и производство, распространяются грязь и болезни. Простые люди страдают и презирают нас за это гораздо больше, чем из-за редких кутежей сорвиголов вроде Жюльбера.

– Что ты предлагаешь? – ожесточился Ноэль. – Отправиться на костёр к Лучезарным? Мы хотя бы пытаемся бороться! Каково простым людям будет, когда никто не защитит их от демонов?

– Вы не боретесь с демонами, а боитесь высунуть нос за пределы этих стен. Ордена нет уже больше двадцати лет, и люди в единоверческих странах не жалуются. Сумеречники им больше не нужны. Наше эпоха закончилась. Нужно искать иные пути, иначе не Лучезарные, а само время сметёт нас, как отжившую своё листву.

– Что ж, я покажу тебе и наши новые пути.

Ноэль повёл его в куда более светлое здание. Его украшала тонкая лепнина.

– Что за занятие вы мне придумали? Уж не изыскания ли проводить? На роль книжника я не подхожу, – недоумевал Николас.

Внук вождя загадочно улыбнулся.

– Это учебный корпус. Здесь дети до двенадцати лет посещают грамматическую школу, лучшие поступают в колледж. Университет, как в Эскендерии, мы организуем в будущем. А пока книжники придумывают новые техники для использования способностей Сумеречников. Но в основном Компания обучает одарённых, чтобы они не вредили ни себе, ни окружающим. После они могут развивать дар сами или не развивать, но жить без страха и неудобств. Для этого не нужны ни опасные испытания с участием духов, ни восемь лет напряжённой учёбы, ни даже сильный дар.

Старый Гвидион не одобрил бы такого кощунства.

Они вошли в просторный светлый холл. Здесь носились дети, громко болтали и смеялись стайки подростков, деловито сновали книжники в мантиях.

– Наставником становится каждый, кто искушён во владении даром. Это плата за привилегии, которые даёт членство в Компании. Обычно наставники берут по два ученика на полгода. Можно и больше, можно обучать быстрее. За хорошую работу наставник получает награду и даже увеличение жалованья. Если ученик оказывается сложным, позволят обойтись одним и уделить ему больше времени. Главное, чтобы после обучения он не испытывал трудностей со своим даром.

– Это невозможно! – оборвал друга Николас. – Я обучался всю жизнь у лучших наставников, но всё равно испытываю огромные трудности. Однажды мой дар убьёт меня, и вряд ли найдётся мудрец, который мне поможет.

– Ты чем-то болен? – нахмурился Ноэль. – Я скажу деду, он привлечёт лучших целителей.

Ну, уж нет, если с ним продолжат обращаться, как с хрустальной вазой, он сойдёт с ума.

– Всё в порядке. Просто подобные идеи кажутся мне несостоятельными, – ответил Николас расплывчато.

– Но они работают кроме совсем тяжёлых случаев, которые встречаются раз на тысячу. Ноэль отвёл его в кабинет, где от пола до потолка громоздились кипы бумаг.

– Здесь записаны имена всех членов Компании вместе с их способностями и результатами обучения. Здесь же можно получить список учеников, ожидающих наставника.

Полная женщина-писарь оторвала взгляд от очередного листа и вручила Ноэлю стопку бумаг.

– Как новичку, тебе полагается послабление. Можешь выбрать только одного ученика

– Но наставник должен знать особые техники, обладать терпением, мудростью, опытом и ещё прорвой разных качеств, которых у меня отродясь не было, – замотал головой Охотник. – Я просто воин.

– Дозорный с границы, Аллен, докладывал, что ты легко помог юному огнежару, от которого отказались куда более опытные наставники, – парировал его выпад внук вождя.

– А эти куда более опытные наставники всегда перепоручают сложных учеников тем, кто такой возможности не имеет?

– Всякие накладки случаются. Мы лишь люди. Но ты можешь это исправить, – он вложил бумаги в руки Николаса. – Идём, я покажу тебе тех, кто только записывается.

Перед следующим кабинетом толпились люди, сидели на стоявших вдоль стен лавках или тряслись на проходе. Большинство выглядело бледными, измождёнными и перепуганными. Их ауры сочились болезнью, набухали переизбытком энергии, отверстия каналов силы лихорадочно мерцали. Одарённым, и правда, требовалась помощь, пускай даже не мудрого старца.

Ноэль приоткрыл дверь. На стуле перед ещё одной женщиной-писарем сидел мужчина и дрожащими губами отвечал на вопросы.

– От желающих отбоя нет. Я бы тоже не отказался поучиться у самого лорда Комри.

– С тебя ветроходство, – сдался Николас.

Первая ученица подвернулась случайно на прогулке в парке. Эта зрелая женщина носила тёплое платье из пёстрых лоскутов и такую же шаль, сапоги на ногах прохудились и просили есть. У поросшего камышами пруда к ней слетались голуби и утки. Каждую птицу она называла по имени и говорила, как с людьми.

Николас разузнал о ней в Компании. Клаудия Ламбер, необычный звероуст – шепчущая птицам. Она жила на улице. Люди сторонились её, считали чокнутой. Ну да, каждый одарённый немного со странностями. И выглядела она неопрятно, с всклокоченными бурыми волосами и обветренным лицом, но её прозрачно-зелёные глаза лучились добротой.

Сумеречники несколько раз пытались забрать её с улицы, одеть и обогреть, но Клаудия отказывалась. Теперь к ней отправляли провинившихся новобранцев в качестве наказания. Выслушав всё это от писаря, Николас со смехом заверил, что уговорит её.

– Холодает. Как зиму на улице коротать станете? – заговорил с ней Охотник при следующей встрече.

– Ты из Компании, да? – спросила она снисходительно. Единственная здесь не знала ни его имени, ни имени его деда. Николасу это очень даже нравилось. – А ты молоденький совсем – кукушонок. Выговор получишь, если меня не приведёшь, так?

Голуби облепили её плечи и голову. Охотник развёл руками, не отвечая ни да, ни нет.

– Вы бы смогли ухаживать за птицами в почтовой башне.

– Боюсь, ваши люди не примут мои пути.

– Ради меня они сделают исключение. А вы сделайте его ради птиц. Нашим дрессировщикам далеко до вашего искусства, они только и умеют, что подчинять силой.

– А ты понимаешь, – развеселилась она. – Птица должна быть свободна, как душа, иначе век её будет короток, а дружба – вероломной.

Клаудия взяла его за руки и закружила по осеннему парку, разбрасывая палую листву из-под ног и разбрызгивая серую воду из луж.

– Ты же знаешь, что такое полёт, а, кукушонок?

– Вы даже не представляете! Но птицы улетают на зиму в тёплые края, а мы нет. Поэтому... соглашайтесь! Вам нужна крыша над головой.

Она сдалась, когда Николас пообещал часто её навещать и защищать от нападок других членов Компании.

Николас завтракал в общей трапезной, уставленной длинными рядами столов.

– Чего ты на плац больше не ходишь? – пихнул его в плечо Жюльбер, когда остальные уже разбрелись по своим делам. – Боишься, что я не проиграю тебе так быстро, как в прошлый раз?

– Но ты не сомневаешься, что проиграешь? – отшутился Николас.

– Мастер Жюльбер! – донёсся с порога ломающийся голос юного оруженосца. – Мастер Келвин просит помочь ему заездить кобылу.

– Ту истеричную, из маток? А сам не может? – снисходительно прищурился оборотень.

– Она его уже три раза сбрасывала. В последний раз так неудачно, что у мастера Келвина в спине что-то хрустнуло и теперь он еле ходит.

Оборотень повернулся к Николасу:

– Не хочешь попробовать? Или боишься, что на лошадях я тебя обскачу?

– Я, конечно, не зверолорд, но укрощать диких тварей умею. Беда в том, что вождь запретил мне «перенапрягаться» до приёма во дворце.

– Мы никому не скажем! – хлопнул его по плечу Жюльбер. – Да и верховая езда занятие куда менее опасное, чем поединки на мечях. Ну же, не будь таким правильным занудой, как наш «мальчик-мессия». Или боишься?

Охотник покривился.

– Только чтобы защитить честь Ноэля.

Они вышли на улицу. На засыпанном песком плацу воины упражнялись в верховой езде и конных боях. Рядом стояло продолговатое здание конюшни. Из окон на улицу выглядывали лошадиные морды.

Крепкий Сумеречник гонял на привязи по кругу поджарую кобылу. Яркой гнедой масти, её лоснящиеся бока отливали вишнёвым цветом на солнце, а шелковистая грива рыжела на концах. Высокая животинка, с длинной гибкой шеей и широкой грудью, правда, мышцы ещё не наработала.

– Это Вестфольда. Четырёхлетка, – пояснил неудачливый Келвин. – Великолепное животное. Вёрткая, сильная, устойчивая, бесстрашная. А какая чуткая, просто чудо! – нахвалил он кобылу. – Достанется тому, кто её заездит.

Келвин подвёл кобылу к скамейке для посадки в седло. Николас вставил ногу в стремя, похлопал лошадь по крутой шее и лёг на седло животом. Она терпеливо дождалась, пока

всадник не перекинет ногу через заднюю луку. Он сел и выпрямился, поймав второе стремя правой ногой. Келвин повёл кобылу по плацу.

Шаг у Вестфольды оказался высокий, тряский, но очень ритмичный. Охотник быстро приоровился и, не набирая повод, вытолкнул седло поясницей. Кобыла затрусилась неспешно. Келвин встал в центр и придерживал её за верёвку. Жюльбер одобрительно кивал и показывал поднятый вверх большой палец.

– Отвяжи, – попросил Николас, окрылённый успехом.

– Уверен? – опасливо спросил Келвин.

Охотник с оборотнем одновременно кивнули. Он снял верёвку с удил и отошёл в сторону.

Постепенно набирая повод, Николас поехал шире. Попробовал повернуть влево-вправо, замедлить, остановить и снова поехать широкой рысью. Аллюры Вестфольда держала сама, понукать лишней раз не требовалось.

Проблемы начались на галопе. Стоило Николасу расслабиться, как кобыла закусилась удилами и понесла. Он пытался её завернуть – она только трясла головой и рвала поводья из рук. Охотник передёрнул удилами и постарался осадить, но кобыла взвилась на дыбы.

Николас пихал её вперёд, но ничего не выходило. Вестфольда оттолкнулась от земли и взмыла в воздух, извиваясь по-змеиному. Вцепившись в её шею ногами и одной рукой, второй Охотник хлестнул по мохнатым ушам. Только тогда кобыла приземлилась на все четыре ноги. Николас съехал в седло, взмокнувший, с полыхающим от напряжения лицом.

Они проехали несколько кругов шагом, потом рысью. Кобыла заметно горячилась. Охотник снова попытался набрать повод, но, едва переведя дух, бешеная скотина поскакала козлами, подкидывая задние ноги выше головы. Он держался лишь чудом, даже в бокую закололо. Вот уж точно, верховая езда – не чета поединкам на мечех.

Кобыла выгнула спину горкой, пытаясь вышибить его из седла. Когда не вышло, она снова задёргалась, хрипя натужно. По шее и бокам сочилась белая пена.

Потеряв терпение, Николас передёрнул руками слишком резко. Кобыла подхватила и зашагала по плацу на задних ногах. Охотник рванул поводья у самых удил. Вестфольда только опустилась на землю, как вдруг снова взвилась на дыбы и, потеряв равновесие, начала заваливаться назад. Вот-вот раздавит незадачливого наездника!

Николас оттолкнулся ветроплавом и откатился по песку в сторону. От удара вышибло дух, кровь загрохотала в ушах.

Вестфольда подскочила, обсыпав песком, и понеслась вокруг конюшни. Жюльбер с Келвином надрывали животы от хохота.

Справившись с головокружением, Охотник поднялся и потёр ушибленную спину:

– Вы же говорили, что она устойчивая!

– Так она на галопе устойчивая, а не на этом безобразии, – потешался оборотень. – А ты крепыш! Мы делали ставки, сколько продержишься. Ты превзошёл все наши ожидания.

Николас сплюнул и поковылял ловить зловерное животное. Колени всё ещё подрагивали.

Повезло: далеко лошадь убежать не успела. Не повезло: за углом конюшни её подманил кусом яблока Ноэль и ухватил за поводья.

– Что именно из «не перенапрягаться» и «подождать до приёма» ты не понял? – строго спросил он в то время, как кобыла ласково облизывала его ладонь. – У тебя теперь синяк на всю спину будет. Хорошо ещё, что ничего не сломал. Тоже мне объездчик диких тварей.

– Это... мелочи, – пристыженно пожал плечами Николас и потянулся за поводьями. –

Ты ведь не скажешь деду?

– Я-то не скажу, но за остальных не поручусь, – не подпустил его к лошади внук вождя.

Охотник выглянул из-за угла. На плацу вокруг Жюльбера и Келвина уже столпилось с десяток воинов. Все покатывались со смеху, обсуждая происшествие.

«Хорошо! Пускай Жерард побьёт тростью меня, но Ноэль тут совершенно ни при чём».

– Отдай! Надо закончить на хорошем... – Николас погладил кобылу по мокрой от пота морде, но та недовольно прижала уши и сверкнула белками глаз.

– Нет! Ты говорил, что лидер должен проявлять твёрдость. Ты сядешь на эту кобылу только под моим присмотром и только после того, как разрешит вождь, – внук вождя неумолимо сложил руки на груди.

Охотник недовольно хмыкнул:

– Но не со мной же. Меня уже поздно воспитывать!

– Так не веди себя как ребёнок, – осадил его Ноэль и повёл кобылу вдоль конюшен.

===== Глава 31. Приём во дворце =====

1567-68 гг. от заселения Мунгарда, Дюарль

Им не влетело только потому, что вскоре явился портной для последней примерки костюма, а вечером Жерард объявил, что завтра они предстанут перед королём.

– Ты, мой внук и я проедем на белых лошадях во главе торжественной процессии по главным улицам Дюарля. Простые люди тоже должны познакомиться с тобой. Постарайся не опозориться, от тебя зависит наша репутация, – напутствовал Николаса вождь.

Ноэль переминался с ноги на ногу рядом:

– Если он не хочет ехать со мной, я уступлю ему руководство парадом.

– Да мне всё... – Охотник осёкся, перехватив его внимательный взгляд. – Я бы не отказался от твоей поддержки во время этой дороги.

– Ноэль? – Жерард вопросительно повернулся к нему.

– Если вы настаиваете... – упрямо ответил тот.

– Мальчики, что за капризы? Не доводите старика до сердечного приступа! Чтобы завтра оба были на высоте! – прикрикнул на них вождь.

Они хмуро переглядывались. Почему с Ноэлем так сложно? Зачем любое неосторожное слово принимать на свой счёт? Всё будет в порядке, хватит волноваться из-за пустяков. Даже если Николас наломает дров, то не велика беда. Вот уж народным героем никогда становиться не хотелось.

Следующий день с утра они собирались как на свадьбу. Парикмахеры брили Николаса и стригли, заплетали волосы в церемониальную причёску, пудрили и без того бледное лицо, мазали эфирными маслами. На тёмно-синем костюме, расшитом тонкой серебряной нитью, тщательно разглаживались складки. Выправлялись манжеты и воротник. На голову водрузили широкополую шляпу с большим пером. При движении головой его край то возникал, то исчезал из поля зрения.

К полудню во дворе собрались все важные члены Компании верхом на нарядных лошадях. Охотник запрыгнул на одного из трёх одинаковых белых жеребцов, Ноэль в роскошном чёрном с серебром костюме оседлал второго. Жерарду помогли забраться на третьего. Вождь в строгой коричневой одежде без украшений и даже вышивки стал почти незаметным. Верно, на то был расчёт.

Под звуки фанфар и бой барабанов они въехали в городские ворота. На улицы вывалили

празднично одетые люди, махали руками, кричали, бросали под копыта цветы и пригоршни зерна. Ноэль двигался впереди. Спина прямая, словно он проглотил кол, взгляд направлен строго вперёд, пальцы нервно перебирали повод.

Жерард держался в тени по правую руку от внука, Николас – по левую. На него были направлены все взгляды, на него указывала пальцами ребятня, о нём шептались все от мала до велика. Жерарду казалось, что в свете славы внука Утреннего Всадника его собственный засияет ярче, хотя Ноэль смотрелся бы куда внушительней без мишуры. Такой сдержанный, тихий, вдумчивый. Вот бы он сбросил оковы послушания, которыми его опутал дед, и стал собой настоящим, достойным восхищения и уважения.

Охотнику же хотелось надеть маску, спрятаться от суеты и хоть немного побыть одному.

Пышный, похожий на праздничный торт, дворец Дюарля находился в центре города. Его окружал неестественно аккуратный парк с лебединым прудом, где выводили трели бородавчатые квакушки.

Возле ворот процессию уже ждали разодетые придворные и вельможи. У проездов к парадной лестнице стояли богато украшенные экипажи. Лакеи принимали лошадей и учтиво кланялись гостям.

Они поднялась по широкой парадной лестнице и вошли в золочёные двухстворчатые двери. За ними последовал освещённый свечами в массивных канделябрах холл, который вёл в огромный бальный зал. Потолок был разрисован красочными фресками в золотых ободьях, кружились и звенели хрусталём люстры. Сверкали радужными бликами задрапированные золотистыми тканями стены. Пасторальные сцены на гобеленах задавали фривольный тон.

Гостей собралась уйма, играл оркестр, из многочисленных дверей входили и выходили люди. Шёпот гулом отражался от стен. Стоило показаться Сумеречникам, как все взоры обратились на возглавляющую процессию троицу. От такого внимания можно было рехнуться. Николас представлял перед глазами мутное стекло, за которым всё виделось размытыми тенями.

Гомон стих. Люди расступились, образовав проход от узорчатых дверей из белого дерева до золотого трона, обитого красным бархатом. Первыми в зал прошествовали вооружённые саблями охранники, и лишь после их сигнала из дверей показался монарх под руку со спутницей.

– Его величество, король Норикки, Орлен XIII.

Лет тридцать пять на вид, одет он был ещё элегантней, чем гости: кружевное жабо выглядывало из сверкающего парчой голубого камзола, золотые банты украшали узкие бриджи, блестели в свете свечей сапоги с филигранными пряжками. Здесь запрещалось в чём-либо превосходить его. Разве что Ноэлю он уступал в росте и крепости телосложения, впрочем, чёрный костюм первого хорошо это скрывал.

На голове у короля был парик с пышными белыми кудрями. Слой пудры на холёном лице маскировал следы возраста. А уж красота его спутницы, и вовсе, захватывала дух. Пышные волосы медового оттенка, украшенные незабудками, струились до колен. Горделивая осанка, стройные плечи. На тонком нежном лице с точёными чертами не было ни одного изъяна. Чистая алебастровая кожа сверкала не хуже алмазов в тугом ободке ожерелья на длинной шее. Аппетитными формами круглилась приподнятая корсетом грудь в квадратном вырезе платья из золотисто-оливковой парчи, широкая юбка подчёркивала взбитые бёдра. Но больше всего поражали яркие нефритовые глаза на пол-лица, такие

выразительные, будто в них жил иной мир, волшебная грёза.

Когда король устроился на троне, а его спутница – в более скромном кресле рядом, Жерард едва заметно подтолкнул своих подопечных в спины. Они приблизились к Орлену медленным церемониальным шагом.

– Польщён честью приветствовать вас на балу первым, Ваше величество, – Ноэль поклонился и поцеловал подставленную руку. – Позвольте представить вам вну... – он осёкся, поймав на себе настороженный взгляд Николаса. – Моего дорогого друга, лорда Комри.

Хоть до кого-то дошло!

Охотник не сдержал улыбки и тоже поклонился.

– Весьма рады лично познакомиться с вами. Вы внук Утреннего Всадника? Много наслышаны и о его, и о ваших подвигах, – заинтересовался король.

– Со всем уважением, но мои скромные достижения вряд ли сравнятся с великими деяниями моего знаменитого предка, – ответил Николас.

– Что же вы так себя не цените? Вы ещё столь юны, а уже объездили весь Мунгард и видели такие чудеса, которые многим даже не грезились. Поделитесь с нами!

Светская велеречивость давалась с трудом, а уж когда просили рассказать о том, что казалось сумасшедшим сном, слова застревали в горле и не желали лезть наружу.

– Не перечь королю! – шепнул на ухо Жерард, неожиданно оказавшийся рядом.

Охотник едва сдержал дрожь, но всё же обрёл голос. Он говорил долго, забыв о словах – важен только смысл. Все любят красивые сказки, уродливому и постыдному в них нет места. Маленькая Герда научила его этому. Только о ней, о проклятой крови Белого Палача он умолчал.

– Как же это величественно! – восхитился Орлен. – Мы так вам завидуем! Вот бы нашёлся смельчак, который доставил бы сюда птицу Гамаюн, и мы насладились бы её пением.

Николас слушал лишь вполуха, уловив на себе взгляд королевской спутницы. Она моргнула вторым веком. Демон? Но её аура не отличалась от обычных людей, чутьё молчало.

Может, колдовство? Тогда всем присутствующим грозила опасность. Во дворец с оружием не пускали, но дар остался. Только не понятно, откуда ждать нападения.

Жерард одёрнул за руку, напоминая, что король ждёт. Николас с трудом сообразил, о чём шла речь.

– Со всем уважением, но неволить духов – не самая удачная идея. Вреда от этого будет гораздо больше, чем пользы.

Орлен ответил ему хмурым взглядом.

– Не сердитесь, он слишком юн, к тому же, долго жил вдали от светского общества, чтобы понимать его законы. Но мы обязательно приручим этого волчонка, он будет служить вам верой и правдой, как мы, – отстранил Николаса Жерард и согнулся удивительно низко для своего возраста.

Охотник скопировал позу покорности Ноэля со слегка склонённой головой и упирившимся в пол взглядом.

– Вы правы. На первый раз мы его прощаем, – сдержанно ответил король и хлопнул в ладоши. – Пускай начнётся веселье!

Гости зашептались, появились слуги с кубками игристого вина и кремовыми

пирожными на серебряных подносах. Заиграл оркестр. Внук вождя подтолкнул Охотника в спину и повёл прочь.

Что он такого сказал? Для волнения есть повод куда серьёзней, чем ловля духов ради забавы. Или он действительно настолько одичал, что ничего не понимает?

– Будь осмотрительней, – шикнул на него Ноэль. – Мы в гостях. Пускай хозяева странные, но мы вынуждены принимать их правила и вести себя учтиво.

– Я понимаю, заткнуться и делать вид, что ты – мебель, – Николас вырвался из его хватки, как вырывался в детстве, когда старший брат куда-то его тащил, и направился к весёлой компании Жюльбера.

Оборотень хоть объяснял доходчиво, а не «слушай деда и помалкивай».

– О, к нам пожаловал сам лорд Комри! – воскликнул тот. – Милые дамы, я по глазам вижу, вы жаждете знакомства с нашим героем.

Жюльбер принялся представлять его столпившимся вокруг девушкам. Их всё прибывало и прибывало, на некоторых даже оборотень смотрел вопросительно, не припоминая имён. Откровенные наряды больше выставляли напоказ, чем скрывали. Неестественно узкие талии, вырезы воротников настолько глубоки, что можно заметить тёмные края сосков. Тяжёлая ткань пышных юбок отворачивалась складками, показывая тонкие щиколотки и даже икры в шёлковых чулках.

Дамы пахли сладко, улыбались кокетливо и томно называли его «юный лорд Комри». Мысли напрочь выветривались из головы.

– Что же ты так смущаешься? Девушек никогда не видел? – усмехнулся в ухо Жюльбер. – Заговори уже с ними, а то я решу, что ты невинен, как в день своего рождения. Даже зануда Ноэль был с женщинами. Уверен, старик приводил к нему дорогих куртизанок, чтобы те научили, для чего нужно мужское достоинство.

Обидная тирада быстро прочистила разум. Николас развернулся и отыскал глазами Ноэля. Тот стоял у стены и потягивал из кубка игристое вино, пока его дед беседовал с умудрёнными годами вельможами. Никто к Ноэлю не подходил, даже не смотрел в его сторону, словно боялись.

– Вождь так старательно отваживал охотниц за его сердцем и богатствами Компании, что теперь и женщины, и даже мужчины обходят его стороной, – сказала одна из бойких дам.

В её ауре просматривались голубые прожилки ветроплава, пускай и очень слабые. Из-под длинного расклешённого рукава выглядывал серебряный свадебный браслет. Замужняя, значит, не невинная, вряд ли её способности усилятся.

Платье на ней было пурпурного цвета, вышитое выющимися узорами из серебряной тесьмы. Тёмные волосы локонами уложены в высокую причёску, оголяя хрупкую шею. При повороте головы стройных плеч касалась одинокая прядка. Не такой откровенный наряд оставлял место для воображения.

– Моё имя Шанти де Годон. Нас представляли, вы, наверное, забыли, – снова ответила она ещё до того, как Николас успел спросить, и томно прищурила зелёные с карими ободками глаза.

Уголки пухлых губ приподнялись в обольстительной улыбке.

– Простите, столько внимания... В своём захолустье я не привык, а потом скитался, и было не до того, – ответил Николас сдавленно.

Жюльбер, его дружки и даже другие дамы внимательно следили за парой.

– Понимаю. Все когда-то выходили в свет впервые. Просто выберите, с кем вам хорошо. И не затягивайте, а то выберут вас, – она звонко рассмеялась.

Миловидное личико было напудрено не так сильно: на нём проступал румянец и подчёркивал изящные скулы.

– Это может быть опасно? – принял правила игры Охотник.

– Конечно. Женские чары куда страшнее чар демонов. И лекарства от них нет, – она указала на оркестр, который готовился играть танцевальную музыку и на гостей, которые освобождали середину зала.

– Боюсь, я плохо знаком со светскими танцами, как и с остальными вещами, – покачал головой он.

В красавице просыпался охотничий азарт.

– Если вы пожелаете, от учителей отбоя не будет, – она хлопнула пушистыми ресницами.

– Я запомню ваше предложение, – учтиво кивнул Николас и обернулся к трону.

Орлен поднялся и подал руку своей спутнице. Та грациозно встала, опираясь на его локоть лишь для вида. Они проследовали под свет люстр и закружились по натёртому до блеска паркету. Гости восхищённо вздыхали.

Не человек она, люди не заставляют воздух млеть и пахнуть ландышем и красавкой, не двигаются так, будто застывает само время, не приковывают к себе взгляды так настырно.

– Какая красивая королева! – обратился Николас к Жюльберу невзначай.

– Госпожа Иветта? Она не королева, а фаворитка. Эулалия, жена короля, внучка последнего императора Сальвани, болезненная и невзрачная женщина. Приёмы она не любит и радуется, что кто-то может её заменить и в бальном зале, и в постели, – шепнул оборотень. – Они поженились по сговору, никаких чувств друг к другу не испытывают.

– Так это любовница? – поперхнулся Николас.

– Это у вас в Каледонских горах, видно, были закосневшие порядки. Вступление в брак только по любви и доброй воле, верность во всех воплощениях и прочая чепуха? – рассмеялся Жюльбер.

Николас передёрнул плечами. Нет, он не относился к этому всерьёз и даже в детстве замечал, как взрослые нарушают правила благочестия, но чтобы показывать всем свою любовницу?

– И что, никто не осуждает ни её, ни его?

– Разве что выжившие из ума старые ханжи и чистоплюи. А так... мы наслаждаемся радостями жизни и не думаем об исчерпавшей себя морали. Тем более, у нашего короля таких фавориток с десятков наберётся. Каждый день с новой, – хохотнул оборотень.

Танец короля закончился, и в середину зала начали выходить остальные пары. Девушки призывно смотрели на Николаса, Шанти дожидалась в стороне, делая вид, что ей всё равно.

– И ты не плошай. Госпожа де Годон одна из самых желанных женщин королевства. Она не привыкла, чтобы ей отказывали. Но если тебе не надо, уступи мне.

Николас уже его не слушал, снова встретившись взглядом с Иветтой. Сверкнуло белью второе веко. Она словно звала его, и он не мог не пойти, ведь от этого зависели жизни людей.

Иветта скрылась за одной из боковых дверей. Выждав пару мгновений для приличия, Охотник проследовал за ней. Тёмный узкий коридор пустовал, ауры, как и прежде, не чувствовалось.

За гардиной раздался шорох. Николас отодвинул её. Спрятавшаяся там фаворитка ухватила его за запястье и потянула в кабинет. Он был обит мягкими тканями, чтобы изнутри не доносилось ни звука.

– Чего вы хотите? – потребовал объяснений Охотник. – Вы ведь из авалорских ши, я правильно догадался?

Она кивнула и кошачьим выпадом обхватила его за плечи.

«Помоги мне, Вечерний Всадник, освободи меня!» – позвал в голове утробный голос.

– От чего? – смутился Николас. – Я защищаю от вас людей, а не помогаю вам. Ты околдовала короля? Обманом втёрлась ему в доверие? Тогда пощады не жди!

«Какие же вы все... Я пленница, разве не видишь?» – она оттянула с шеи ожерелье.

От пальцев повалил дым, запахло горелой плотью. Николас взял её за обожжённую ладонь и заставил отпустить украшение. Магическая штучка вроде амулета Кишно, похоже, не только скрывала ауру, но и делала ши беспомощной. На одном из звеньев Николас нащупал клеймо и поднёс к глазам. На нём изображалась чаша весов – знак книжников Компании.

«Твои люди похищают красивейших из нас и заставляют прислуживать жестокому развратнику. Его отец хотя бы любил принцессу ши Вифанию. Сын же не любит никого, кроме себя и своих развлечений. Он коллекционирует нас, как игрушки, и заставляет дарить ему «волшебную любовь»».

Припомнился разговор с Орленом, его навязчивое желание изловить Гамаюн. Вот оно что! Жерард знал обо всём. Наверняка он и доставлял Орлену волшебных пленниц. Знал ли об этом Ноэль? Ноэль, который уговаривал Николаса закрыть глаза на странности и вести себя учтиво. А что, если бы они действительно изловили Гамаюн? Или Юки-Снежную ведьму вынудили заниматься с королём «волшебной любовью»? Или выставили на потеху слепую, убитую горем Умай...

Живот скрутило так, что едва не стошнило.

«Спаси меня! Спаси нас всех, заклинаю! Останови их!» – снова заговорила Иветта.

Что делать? Снять ожерелье? Но застёжка не открывалась, сколько Охотник ни пытался отогнуть её ногтями и даром. Похоже, она была заклята на крови или чём-то подобном. Видимо, освободить ши мог только тот, кто её пленил.

Нужно во всём разобраться, поспешность только навредит.

– А вдруг вы вознамеритесь мстить? Я защищаю людей прежде всего.

«Люди сейчас, как никогда, не достойны защиты. Ты пожалеешь! – зашипела Иветта и протянула к нему пальцы. На них отросли длинные чёрные когти. Ожерелье полыхнуло красным, фаворитка взвыла, снова запахло палёным мясом. – Вы вс-с-се пож-ж-жалееете! Мы поз-з-зовём Аруина. Мы отберём у вас-с-с с-с-самое дорогое».

– Не смей мне угрожать, – холодно ответил Николас и вернулся в бальный зал.

К Охотнику поспешил Жюльбер.

– Ты, конечно, тот ещё сорвиголова, но не переходи королю дорожку. Неужели здесь нет ни одной красавицы, которая понравилась бы тебе больше госпожи Иветты?

Николас сверкнул глазами настолько взбешённо, что тот предпочёл убраться с дороги. Жерард беседовал с Орленом, Ноэль скучал у стены. Лучше вначале выяснить у него, может, даже заручиться поддержкой.

Охотник встал перед ним и выжидающе сложил руки на груди:

– Всего один вопрос. Ты знал, что Компания похищает демониц и делает их

наложницами короля?

Ноэль тяжело вздохнул и отвёл взгляд.

– Это всего-навсего нечеловеческие твари. Король увлечён волшебством и щедро платит за услуги. Благодаря этому мы выжили, благодаря этому у нас есть возможность помогать одарённым, в том числе тебе.

– Это же не твои слова, а твоего деда. Неужели он не понимает, какие будут последствия? Зачем он потакает противоестественным извращениям?

Внук вождя понурил голову:

– Иногда мы вынуждены закрывать глаза на слабости своих друзей. Это – наименьшее зло. Если мы воспротивимся, нас отправят на костры Лучезарных. Повзрослей уже и пойми: не всё в мире происходит так, как нам хочется. Подумай о том, скольких людей ты подставишь своим обличением. За всё нужно платить. И я готов, пускай даже заслужу за это твоё презрение.

Ноэль тоже сложил руки на груди и отвернулся. Схватить бы его за шиворот и встряхнуть, чтобы выбить из головы всю насаженную дедом дурь. Не должно быть так, не должно! Тошнило и от Компании, и от несвободы золочёной клетки, и вообще... На шее словно висело такое же ожерелье, как у Иветты. Оно душило и жгло кожу, стоило выказать неповиновение. Такое же было на Ноэле, оно заставляло его говорить то, что он не думал на самом деле.

Неужели ничего нельзя сделать?

Николас перевёл взгляд на короля и Жерарда. Они смотрели в его сторону.

Не высовывайся, будь как все, молчи, даже когда гадко. И молчать нельзя. Чутьё подсказывало, что ши исполнит угрозу.

«Помоги!» – позвал Николас Безликого, цепляясь за последнюю надежду.

«Найди меня, тогда спасёшь всех», – отстранённо отозвался тот.

Но как? Как искать бога, когда Охотника никуда не выпускают?

Безнадёжность убивала. Надо забыться, плыть по течению и не думать. Никого не подставлять...

Николас забрал у проходившего мимо слуги кубок с игристым вином и выпил. В носу защипало, голову повело, напряжение немного отпустило. Он нашёл глазами красавицу Шанти. Она увлечённо танцевала с Жюльбером. Николас глотнул ещё и направился к ним.

– Ох, неужели лорд Комри соизволил отвлечься от изумительной Иветты, чтобы почтить вниманием сырых и убогих обывателей? – рассмеялась госпожа де Годон. – Или отказ вас уязвил?

– Вы же уверяли, что стоит мне пожелать, и никто отказать не сможет, – Николас дёрнул бровями, бросая ей вызов. – Ваше предложение ещё в силе?

Он протянул ей руку. Жюльбер уступил без лишних слов. Шанти подалась вперёд, Охотник подхватил её за талию и закружил по залу.

– Повторяйте за мной и слушайте ритм, – наставляла она, сменив гнев на милость. – Раскройте плечи, держите осанку, старайтесь не наступать мне на ноги и ведите уверенней.

Николас легко лавировал между другими парами, пытаясь не ошибаться в поклонах и поворотах.

– У вас сильные руки и тёмный взгляд с паволокой, – мурлыкала Шанти, разморившись в его объятиях. – Не думала, что вы можете быть столь настойчивым и властным.

– Но вы ведь меня научите? – прятал Николас печали за лукавой усмешкой.

– Всё, что пожелаете!

Переговорив с королём, Жерард вернулся к Ноэлю.

– А ты молодец, быстро его унял. Похоже, наш волчонок развеселился и перестал смотреть в лес. Даже у меня так не получилось.

– Не путай веселье с агонией, – хмуро возразил внук. – Лидер из него вышел бы куда лучший, чем из меня. Харизматичный, страстный, непримиримый. За пару недель он сумел завоевать уважение, а я так и остался правильным занудой.

– Не говори так, ты много умней его. Слушайся меня, и однажды он по своей воле наденет венец лидерства на твою голову. Ты мой наследник, ты – герой, а он всегда будет вторым, – вождь поморщился так, что все его лицо стянулось складками.

– Но мне это не нужно! Вначале я желал его дружбы, теперь же просто хочу, чтобы он жил, а не выщипывал из себя перья, как мои вороны, – с тоской выдохнул Ноэль.

Николас с Шанти скрылись за одной из незаметных боковых дверей.

Она привела его в гостевую спальню, на двери которой висела табличка с именем «Де Годон».

– Зачем мы здесь? – плюхнулся Николас на широкую кровать, разглядывая соблазнительные тылы Шанти, пока та запирает дверь.

– Ты же просил научить тебя, – она обернулась и шаловливо выгнула бровь.

– А как же твой муж? – Николас указал на браслет на её запястье. – Он не будет возражать?

– Он старик, – Шанти упала на перину рядом с ним. – Меня выдали замуж, чтобы поправить пришедшие из-за войны в упадок дела семьи. Во время свадьбы мы клянёмся в любви и свободной воле, но на самом деле у нас нет ни того, ни другого. Мы обязаны делать то, что велит долг, а не то, чего жаждет наше сердце.

– Это очень печально, – ответил Николас, заводя руки за голову.

– Но жить в печали нельзя, иначе можно озлобиться, а то и вовсе погибнуть. Поэтому мы подражаем нашему королю, – шелестя юбками, Шанти перекатилась и нависла над ним.

– Нельзя ни в чём его превосходить, – кивнул Николас, убирая локоны с её груди, чтобы получше рассмотреть притягательные формы.

– Поэтому нам не остаётся ничего, кроме как искать любви и утешения на стороне. Так делают все.

Ловкие пальцы принялись расстёгивать крючки на его камзоле. Тёплое дыхание скользнуло по лицу, мягкие губы коснулись уголка челюсти, подбородка, ярёмной ямки. Николас засмеялся от щекотки.

– Скажите, грозный лорд Комри, – Шанти провела пальцем по его рту. – Вы когда-нибудь были с женщиной? Или в бесконечных странствиях у вас не доставало времени срывать цветущие вокруг розы?

Николас улыбался. Здорово, когда для разнообразия «учат» его, соблазняют томными взглядами и дерзкими ласками. Шанти скинула с него камзол и сняла через голову рубашку.

– Ого, какой синяк! – воскликнула она, увидев его спину. – Вы сражались с демонами даже здесь?

– Я сражаюсь с ними каждый день моей жизни, – Охотник принялся расшнуровывать её корсет и стягивать лиф, помогая себе ветроплавом.

– Нравится? – спросила она, приставляя его ладони к своей полной груди.

– Очень, – облизнулся Николас, убирая платье на плоский живот.

Она стряхнула одежду на пол и поцеловала в губы. Горячее, жаждущее нежности тело соприкоснулось с его. Руки Николаса по-хозяйски обвели её спину и замерли ниже. Языки сцепились в страстном поединке, исследуя губы и нёба.

Николас с Шанти остановились только ради глотка воздуха. Её тонкие ладони скользнули по его животу, беря курчавую поросль. Охотник приподнялся на локтях, Шанти освободила его от штанов и отстранилась, разглядывая с таким же упоением.

– Вы чудо как хороши, лорд Комри!

Николас запрокинул голову в экстазе. Нетерпение одолело изголодавшуюся по ласкам плоть слишком быстро. По коже катился пот, дыхание вырывалось томными стонами.

Когда всё закончилось, они распластались на простынях, переводя дух.

– А ещё притворялся невинным, гадкий мальчишка! – хихикнула она, устраиваясь у него на плече.

– Но мне понравилось его изображать, – Охотник поцеловал её в разморённые губы.

Из зеркала напротив кровати с укоризной смотрела маска Безликого.

На следующее утро одарённым позволили поспать подольше. Когда Николас спустился в трапезную, завтрак был в самом разгаре, все столы – заняты. Жюльбер помахал рукой, зазывая к себе. Явно хотел узнать, как прошёл вечер с Шанти. Делиться победами на любовном фронте не хотелось, поэтому Охотник приветственно козырнул ему и отыскивал глазами долговязую фигуру Ноэля.

Тот сидел один в дальнем тёмном углу и без аппетита клевал яичницу с сыром и хрустящим беконом. Взяв телятину с кровью и овощи на гарнир, Николас направился к нему. Поднос с тарелкой нарочито громко ударил по столу. Ноэль вздрогнул. Охотник уселся на стул напротив.

– Ты так перебрал вчера, что я думал, будешь отсыпаться до вечера.

– Отчего же? После жарких ночек меня одолевает голод, – Николас принялся пилить свой кусок мяса ножом.

– Конечно, вряд ли кто-то не заметил, как ты развлекался с госпожой де Годон.

– Ревнуешь? К Жюльберу или к Шанти? – Николас проглотил первую порцию и слизнул потёкший по губам сок. – Ты же сказал, что иногда мы вынуждены закрывать глаза на слабости наших друзей. Или я тебе уже не друг?

– Я просил вести себя сдержанно, а не уподобляться придворным повесам! Или ты специально меня доводишь? Я не настаиваю, чтобы мы общались, но и не желаю, чтобы ты делал из меня врага. Просто не нарушай правила, и я не буду тебе надоедать.

– Не дождёшься! – Ничего, раз он застрял тут надолго, то обязательно вытащит этого птенчика из скорлупы, пускай даже тот будет упираться руками и ногами. – Хотел спросить, достаточно ли я теперь здоров, чтобы «перенапрягаться»?

– Я упросил деда не проводить повторный осмотр. Так что завтра утром можешь поучаствовать в тренировке.

– А как же твои обещания? Поможешь объездить кобылу? Или верность слову у вас тоже не в почёте?

– Похоже, в детстве ты был несносен!

– Мой старший брат всегда так говорил, – рассмеялся Николас.

– С тех пор ты ничуть не изменился, – Ноэль потрепал его по взъерошенной шевелюре.

– Ладно, седлай Вестфольду. Закончу дела и приду. Только не пугай её, ясно?

Охотник лукаво ухмыльнулся, откидываясь на спинку стула. Любой замок строится по камушку – не всё сразу.

Николас распахнул двери большой светлой конюшни и побрёл по широкому проходу от денника к деннику, внимательно изучая животных. Пахло душистым сеном и терпким потом. Высовывая морды навстречу, лошади приветственно ржали. Они были одинаково хороши. Высокие, с крутыми боками, длинными шеями и мощными грудями, шерсть лоснилась и блестела на мускулистых спинах. Но любимой серой масти здесь не встречалось.

Денник с табличкой Вестфольда ютился в дальнем углу. Николас поставил кобылу на развязки и принялся чистить. Она нервничала и увёртывалась от щётки со скребницей. Упрашивать поднять ноги, чтобы раскрючковать копыта, пришлось долго. Воспользоваться бы силой, но Ноэль запретил. И правда, бешеная скотина могла порвать верёвки, выломать из стены крюки и снова опрокинуться на спину.

Хитростью и угощениями удалось её уговорить. Но когда настало время надевать уздечку, Вестфольда задрала голову и отказалась расцеплять зубы. Николас с опаской нажал пальцем на край рта. Только тогда получилось вставить туда железо. А когда настало время затягивать подпруги, кобыла и вовсе плотоядно клацала зубами и жала уши.

Закончил Охотник ещё до прихода друга, потому, привязав к удилам верёвку, повёл Вестфольду на улицу.

Из конюшни кобыла выступала степенно, горделиво вскидывала голову и постоянно сбивалась на рысь. Фырчанье вырывалось из резных ноздрей, любой шорох вызывал трепетную дрожь, лупатые глаза таращились по сторонам. Застоялась, строптивница!

Как только Охотник пустил её на верёвке по плацу, кобыла понеслась галопом, задрав хвост трубой. Ух, змеюка, как извивается! Хоть пар сбросит. А то стоит ещё хоть раз из седла вылететь, и Ноэль больше не позволит на неё сесть. Как старший брат, только не высокомерный, а строгий, который всё запрещает и воспитывает. Даже немного смешно!

– Не передумал? – окликнул его друг, приближаясь со стороны дворца. – А кобыла уже себя отработала.

Николас вручил ему верёвку. Тот подвёл Вестфольду к скамейке и встал с правой стороны, придерживая седло за стремя. Охотник полез наверх.

– Тише, спокойней! – ругался на него Ноэль. – Не делай резких движений, она чуть не упала. Сейчас я покажу, что такое норикийская школа верховой езды.

Николас выпрямился, и внук вождя повёл кобылу по плацу.

– Отпусти поводья, позволь ей вытянуть шею, тогда она успокоится, – советовал он. – Расслабься сам. Ты – огонь, она – огонь. Вместе вы можете устроить пожар, а нам этого не нужно.

Николас закрыл глаза и выровнял дыхание, следя за тем, чтобы не напрягаться.

– Хорошо. Поехали рысью, – скомандовал Ноэль, становясь в центр плаца.

– Не отпустишь?

– Не надейся. При мне ты убиваться не будешь, – внук вождя оставался непреклонен. – Набери поводья и не долби её пятками, а вытолкни поясницей. Вот так, хорошо! Не нажигай, мягче садись в седло, лошадь должна бежать впереди тебя. Она очень чувствительная. За поводья не тяни, набери покороче и наталкивай на них. Не голову притягивай к корпусу, а пропихивай вперёд зад. Хорошо, погладь её по шее, пошепчи что-нибудь ласковое. С

женщинами же у тебя получается.

Николас не сдержал усмешки:

– Раньше она была твоей?

– Она и ещё несколько похожих. Но ездить на всех я не могу, и эту отправил в Заречье на случку к одному из лучших жеребцов. Говорят, он перепрыгивал через канавы в целых девять ярдов. Но приплод потерялся в дороге. Не вышло проследить самому, а люди попались бестолковые. До сих пор жалею. Только не надо говорить, что я не должен слушаться деда.

– Хорошо! – сдался Охотник. – Давай уже галопом!

– Подбирай её плавней, сядь плотнее в седло и вытолкни из-под себя. Не так резко – уронишь!

Кренясь к центру круга, Вестфольда поскакала галопом. Скорость в таком положении набрать было сложно, но в отместку кобыла трясла мордой и рвала поводья из рук.

– Мягче, когда она тебе уступает, но не теряй контакт. И не злись, слышишь? У тебя лицо закипает.

Николас фыркнул, откидываясь назад.

– Сопровождай движение поясницей и не качай плечами. Хорошо! У тебя получается.

Вестфольда, наконец, успокоилась, подобрала корпус и пошла ровнее.

– Останови её, коленями, а не руками. Молодец! Не забудь себя похлопать по шее, – отшутился Ноэль.

Он позволил Николасу отшагать кобылу верхом, а сам умчался по делам.

После долгих уговоров Клаудии позволили работать с птицами в почтовой башне. Наставничество свелось к тому, что Николас наблюдал за ней и не позволял никому вмешиваться в её отношения с питомцами. Часто он вёл с ней доверительные беседы, в которых чувствовал себя учеником, а не учителем.

Однажды Николас поделился своими тревогами о Ноэле.

– Птица, родившаяся в неволе и никогда не поднимавшаяся к небу, о свободе знает только из своих грёз, – задумчиво отвечала она. – Но может, это спасёт его там, где дикая птица, как ты, уже погибла бы.

– Нужно показать ему, что жизнь может быть иной. Да, вероятно, он не рискнёт летать один, но хоть снимет, наконец, восковую маску послушания и примет себя настоящего.

– Ой ли, кукушонок. Спроси себя, когда ты говоришь о нём, не имеешь ли в виду себя?

Вот уж нет, у него таких проблем никогда не было! Он всегда делал то, что считал правильным и никому не позволял выбирать за него.

Приближалась зима, на начало которой выпадал день рождения Ноэля. Жерард готовил помпезный праздник. Едва удалось отговорить его от приёма в королевском дворце. Виновник торжества старался походить на тень и избегал всех, даже Николаса. Охотник с радостью подсказал бы вождю, что отсутствие шумихи было бы лучшим подарком для его внука. Но разве стал бы Жерард слушать глупого мальчишку? Поэтому он придумал свой особый подарок.

Вечером накануне Николас отозвал Ноэля в сторонку и попросил:

– У меня первый выпуск. Нужна помощь более опытного наставника. Завтра утром в парке?

Внук вождя с его неуёмными запалом и энергией брал по четыре ученика раз в полгода

при том, что он ежедневно занимался строевой подготовкой, конными и пешими боями. И где только время находил? Часто он проводил выпускные испытания для подопечных менее опытных наставников. Впрочем, Охотнику пытались сделать послабление и позволить самому решать, готова ли его ученица обходиться с даром сама.

– Конечно, – кивнул тот.

На рассвете Николас встретился с Клаудией у пруда, подёрнутого тонкой ледяной коркой. Дни стояли промозглые, хотя и бесснежные. Серое небо сливалось с мёрзлой землёй в белёсой дымке. Чёрными шпильями из неё торчали голые ветки платанов и клёнов. Если поднимался ветер, холодный и солёный, с бушующего океана, то сырость пробирала до костей.

Сидевший на кожаной перчатке Клаудии ворон закаркал. Из тумана на дороге показалась тень. Ноэль широко шагал навстречу, не желая задерживать их дольше, чем следовало.

Встав рядом, он покосился на роскошного молодого ворона, чьи перья отливали густой синевой даже в седой мгле раннего утра. Николас отвалил за него ловчему своё месячное жалованье и не жалел, полагаясь на способности Клаудии.

– Наслышан о твоей необычной ученице, – начал Ноэль, сосредоточившись на людях. – Очень любопытно, чего вы добились вместе. Начинайте!

Он сложил руки на груди, приняв строгий вид.

Клаудия протянула ему ворона. Ноэль не удержался от соблазна и коснулся пальцем перьев. Ворон повернул к нему голову и каркнул, разинув кроваво-красную пасть.

– Его зовут Мунин. Хоть он и молод, но очень умён и знает многое, что уже стёрлось из людской памяти, – рассказывала Клаудия.

– Как он может знать то, чего не видел? – удивился Ноэль.

– В отличие от людей вороны не забывают своих предыдущих воплощений. Когда-то он служил вестником богов, ведал то, что было сокрыто даже от них. Хотя, может, просто хвастает, – Клаудия простодушно улыбнулась.

Ворон переступил лапами с её запястья на запястье Ноэля и заглянул ему в глаза. На перчатке из кожи более тонкой выделки когти оставляли царапины, но внук вождя ничего не замечал, замороженно наблюдая за птицей.

Ага, значит, догадка оказалась верной!

– Вы не используете никаких вспомогательных средств: привязи, клобуков. Даже перья не подрезаете, – Ноэль вынул из-за пазухи свёрток с куском хлеба и принялся закидывать крошки в раскрытый клюв птицы. – Вы так хорошо его адресировали?

– Я не дрессирую, а просто слушаю и дружу, как ваш товарищ не учит, а просто слушает и дружит, – усмехнулась Клаудия.

Друг посмотрел на Николаса с подозрительным прищуром. Похоже, понял, зачем его позвали.

– Очень необычные методы у вас обоих. Но что, если ворон улетит или разобьётся о преграду?

– Он дикий и не сможет жить в неволе, – качнула головой Клаудия. – Если однажды он не вернётся, то такова его воля, и нам придётся её принять. Как бы тяжело это ни было. А теперь отпустите его сами.

– Я его не держу, – возразил Ноэль.

– Держите. Вся ваша поза говорит о том, что вы не хотите, чтобы он улетал. Попробуйте

в него поверить.

– Это всего-навсего выпускное испытание, – напомнил Николас. – Не получится, значит, наша идея окажется провальной, и я признаю твою правоту.

Ворон перебрался ближе к ладони. Ноэль взмахнул рукой, птица раскинула крылья и вспорхнула в небо. Заложив крутой вираж, ворон перевернулся вокруг своей оси и штопором упал к земле. Аж сердце затрепетало от страха. Но нет. Птица оттолкнулась от воздуха крыльями и вновь взмыла ввысь, красуясь.

Ноэль застыл, его глаза блестели от восторга.

– Никогда бы не подумал, что ворон так умеет!

– Полёты – их язык, их поэзия. Не лишай птиц этого, – ответил Клаудия.

– Но я не растил его, и управлять птицами не умею. Без вас он ко мне не вернётся, – покачал головой Ноэль, вглядываясь в клубящийся туман.

– Мне кажется, вы подружитесь. В каждом человеке есть что-то от птицы. Вы сами очень похожи на ворона, и статью, и духом, – заметила Клаудия.

Подтверждая её слова, ворон сел на плечо Ноэля и приветственно каркнул.

– Примите его. Даже если вы кого-то потеряли, это не значит, что нужно закрывать своё сердце, боясь новой раны. Только оно и способно подарить человеку крылья.

Ворон снова каркнул и настырно заглянул ему в глаза.

– Стоит попробовать. А он... что он за птица? – друг указал на Николаса. – Стремительный ястреб?

– Кукушонок, – поправил тот. – Подкидыш, который выбрасывает родных детей из гнезда.

Ноэль недовольно скривился.

– Нет, – объявила Клаудия. – Я передумала. Ты огненный кот – гроза всех птиц.

– Точно! – рассмеялся друг впервые за долгое время. – Особенно когда вот так улыбается очередной своей выходке.

– Хорошо! Но только если у кошек тоже есть крылья, – Николас замахал руками и закружился на месте, повторяя танец Клаудии.

Она пустилась в пляс вместе с ним. Ворон поддразнил карканьем, и Ноэль тоже принялся изображать из себя птицу.

Позже он скажет, что это был самый весёлый день рождения в его жизни.

===== Глава 32. Маскарад =====

1570 г. от заселения Мунгарда, Норикия, Дюарль

Время летело незаметно, особенно для того, кто не желал оставлять себе ни мгновения покоя. Николас тщательно изучал списки и дела, прежде чем выбрать учеников. Хотелось взять тех, кому это нужнее. С другой стороны, опыта у него никакого, если взвалит на себя слишком много, то может не справиться.

В результате вышло намного лучше, чем он предполагал. За ним закрепилась слава находить подход к безнадёжным случаям. Чем сложнее ставилась задача, тем больше интереса вызывало её решение. Охотник собирал сведения о том, как работать с разными способностями, ломал голову в поисках возможных средств.

Ученики сами многое показывали: что ко всем нужно подходить с особой меркой и не застревать на изведанных путях, внимательно выслушивать, не отмахиваться от странностей и пробовать новое. В такие моменты чудилось, что он помогает одарённым по доброй воле, а не потому, что оказался пленником Компании.

В свободное время Николас изучал архивы ордена и собранные разведкой сведения в поисках зацепок, где находился Безликого, но никаких идей в голову не приходило, а бог помогать отказывался. Когда Ноэль выкраивал время, они вместе фехтовали, штудировали тактику или играли в шахматы. Только их дружба и делала существование сносным.

Шанти сладко спала на широкой кровати. Тёмные волосы разметались по сбившейся подушке. Глаза едва заметно двигались под сомкнутыми веками, алые губы припухли. Скомканная простыня напоминала об утехах прошлой ночи.

Николас всегда поднимался первым, а сегодня и вовсе не спалось. Дожидаясь рассвета, он сидел на свободном краю кровати и прижимал к груди колени. Взгляд бродил по искажённому в сумраке очертаниям предметов. Одолевала тоска: по тихой усадьбе в Озёрном крае, по странствиям и опасностям дороги, по суровому быту Храма Ветров. По семье, по мудрым наставникам, по чудаковатому Эглаборгу и больше всего по милой и тёплой Юки.

После её смерти он запретил себе думать о ней. Но стоило расслабиться, как милый сердцу образ возникал в воображении. Тайком даже от себя он искал её в других женщинах: хрупкую фигуру, уточнённое чистое лицо, нежный голос. С Шанти тех же воздушных чувств не возникало: ни душевных бесед, ни прогулок за руку. Даже подарки и маленькие сюрпризы казались неуместными. Но больше всего недоставало самого ощущения пылкой влюблённости.

У госпожи де Годон было красивое упругое тело, репутация богини любви и страсть дикой кошки. В моменты близости весёлость накрывала с головой, будто заливаешь печали вином, но похмелье наступало, как только плоть обретала удовлетворение.

Николас натянул штаны с рубахой и вышел за дверь. Штаб Компании ещё спал. Любимое время. Только в предрассветный час получалось ощутить свободу.

Выбравшись во двор, Охотник представил нужное место. С едва слышным хлопком распахнулась воронка для перехода. На другой стороне ждал высокий утёс посреди пустынного песчаного берега. Ноги врезались в скалу, но Охотник не обратил внимания.

Вспомнились первые уроки с Ноэлем. Ветроходство другу давалось куда легче, чем другие способности дара. Он уже родился с этим, вначале освоил, как открывать вихревые воронки, и только после научился сгущать воздух, перемещать им предметы и обволакивать их щитами. А Николас ни разу даже не пробовал – никто не показывал как.

Совместные тренировки проходили за городом, на убранных к концу осени полях. Для начала требовалось запоминать местность и описать её, завязав глаза шарфом.

– Точку выхода нужно обрисовать в мельчайших подробностях, иначе тебя сильно помнёт на выходе, – наставлял Ноэль. – Для начала будешь прыгать не дальше, чем видят твои глаза.

– Неужели нельзя оказаться там, где никогда не бывал? – огорчился Николас.

– Можно пользоваться и другими якорями: прыгать на яркие ауры одарённых, заучивать чужие описания или придумывать свои. Но для этого нужно гораздо больше сил и мастерства, к тому же, велик риск заблудиться или угодить в жерло вулкана.

После они принялись разучивать движения.

– Помогай себе руками, – советовал внук вождя, закручивая ладонями воздух. – Представляй, что выплетаешь вихрь пальцами, а потом раздвигай потоки в стороны, чтобы сделать проход. Плавно перемещай колени из стороны в сторону – так образуется дополнительная опора. Плавно! Что ж ты такой резкий?

Охотник закрыл глаза, отрешаясь от эмоций и суеты. Ветроплав сгущался в

растопыренных пальцах, обжигая холодом кожу. Соткав из воздуха кудрявые нити, Николас принялся заплетать их в косицы-вихри, всё толще и толще. Энергии уходило много, ещё часть терялась от неумения.

– Важно сделать воронку достаточно широкой, а её края гладкими, чтобы они не порезали кожу, – указывал наставник.

Первые разы вихрь распадался прежде, чем Николас успевал заскочить в проход. А когда получилось, в стремительном путешествии по ветряным горкам его сильно растрясло. Зев распахнулся за несколько шагов до выбранного места. Николас распластался на земле. Головокружение никак не унималось.

– Не у всех есть к этому талант, – Ноэль поспешил к нему и помог подняться. – Ну что, не отступишь?

Столько трудов, чтобы переместиться всего на сотню ярдов! Хотелось продолжить, но строгий учитель не позволил.

На следующих занятиях Ноэль открывал воронки сам и водил по ним Николаса за руку. Тот учился скользить так, чтобы не терять по дороге свой завтрак и не падать на выходе. После этого друг взялся помогать Охотнику создавать собственные вихри: перехватил его ладони и управлял каждым движением.

– По твоему вихрю вдвоём не проскользишь, так что я пойду пешком, – попрощался Ноэль.

Выбрался Николас всё ещё резко: воронка взрыла землю, и ноги увязли в земле едва ли не по колено.

– Здорово! У тебя получается, – не поскупился на похвалу друг, подбегая к нему.

Спустя несколько месяцев Николас стал сносно ветроходить и продолжил заниматься самостоятельно. За два года он научился перемещаться на двадцать миль. Каждый раз он добавлял к предыдущему расстоянию по сто ярдов, хотя хотелось добавлять по двести.

Николас вернулся мыслями к настоящему. С утёса открывался грандиозный вид на морской простор. В ясную погоду здесь можно было разглядеть берега родного острова, но сейчас от воды поднимался белёсый туман и прятал их.

Восходящее солнце окрашивало серый камень в красно-жёлтые оттенки. Начинался отлив. Вода медленно покидала прибрежные бухты, освобождая узкую полосу пляжа. Шелестели барашками маленькие волны, кружили низко чайки в поисках рыбы. Жаль, что не с кем разделить это прекрасное зрелище.

Натянув на себя рубашку из перьев, Николас оттолкнулся от утёса и взмыл в небо. За спиной раскрылись огромные крылья. Грудь наполнил солёный воздух. Охотник перевернулся и помчался в открытое море. Потоки сырого воздуха окутывали его, помогая падать и взмывать, кувыркаясь через голову. Тело от кончиков крыльев до носков радовалось движению, полнясь бодростью. Николас ускорялся и замирал, паря в облаках, похожих на неосязаемые перины.

Налетавшись вдоволь, он вернулся на берег, снял рубашку и нырнул в волны. Течение подхватывало и тянуло на глубину, холодная вода отрезвляла после пьянящего полёта, но времени на купание оставалось мало. Внимательно изучив точку выхода на завтрашнее утро, Охотник вернулся в Компанию.

Штаб потихоньку просыпался. На улице появились первые прохожие.

Николас поднялся к себе. Шанти нежилась в лучах весеннего солнца.

– Почему ты никогда не дожидаясь, пока я проснусь? – спросила она, доставая из

вазы гроздь винограда.

Он пожал плечами. Приподнявшись на локте, Шанти с видом куртизанки положила себе в рот зелёную ягоду. Тонкая простыня соскользнула с её плеч, обнажая молочно-белую грудь. Кокетливо улыбаясь, любовница перебралась на угол кровати поближе к Охотнику и обняла его за плечи.

– Меня ждут, – отстранился он, шнуруя сапоги.

Утренние игры не вызывали и тени желания.

Шанти заговорила воркующим голосом:

– Знаешь, что делают женщины из южных городов, чтобы удержать своих мужей? Они подливают в вино на завтрак отраву. Если те не вернутся к вечеру, чтобы принять противоядие, то будут умирать в муках.

– А что делают мужья с неверными жёнами?

Она поджала губы, лицо заострилось от злости, глаза потемнели. Прежде чем разразился бы скандал, Николас убрался из комнаты.

Не обнаружив друга в столовой, Ноэль отправился в холл. В тёмном углу, где стояло кресло, пряталась новая ученица Николаса – Бианка.

Мануши или древнейшие – так назывался её народ. Смуглые, с яркими голубыми глазами, их мужчины лысели в раннем возрасте. Женщины, наоборот, могли похвастаться густыми волнистыми волосами. Мануши кочевали, зарабатывая деньги уличными представлениями.

После того, как Священная Империя избавилась от Сумеречников, настал черёд этих несчастных бродяг. Их гнали из городов, как крыс, били камнями и даже вешали. Кочевники бежали в более дружественную Норикию через приграничную долину Ланжу. Две страны делили её поровну. Людей там обитало немного, в основном землепашцы и скотоводы, они ютились в маленьких деревушках на отрогах Волчьих гор.

Область со стороны королевства была истощена непомерными налогами, чиновничьим произволом и несколькими неурожайными годами. Голод и отчуждённость от остальной страны удобряли почву для народного недовольства.

Аристократы Ланжу приняли веру в Единого и стали привечать у себя проповедников из Империи, готовясь к восстанию. Но заговорщики совершили несколько серьёзных ошибок: начали притеснять простолюдинов и нападать на манушские таборы. О беспорядках стало известно в Компании. Ноэль уговорил деда отправить туда войско, король Орлен поддержал это решение.

Вождь наотрез отказался отпускать от себя Ноэля, и командиром в Ланжу назначили Николаса.

«Живут как свиньи в хлеву, а гонору на десять королей с лихвой хватит», – отзывался он о местной знати с презрением.

Произошло несколько кровавых сражений. Благодаря своему обаянию и славе Николас заручился поддержкой простолюдинов. Сила оказалась на стороне Компании. Заговорщиков разгромили и доставили в Дюарль на суд. Целители вызвались бескорыстно помочь пострадавшим.

Охотник же привёз из Ланжу полумёртвую манушскую девчонку. Заявил, что Компания обязана победой ей. Целителям пришлось приложить все усилия, чтобы спасти героиню.

Бианка вернулась к жизни, но на её лице осталось напоминание о случившемся в Ланжу

– глубокий шрам, пересекавший опустевшую правую глазницу. Для манушки изготовили стеклянный глаз, похожий на настоящий, но всё равно она прятала его за каскадом густых каштановых волос.

Ноэль наблюдал за ней исподтишка – изумительно хрупкой, как ускользящая красота поздней осени.

У Бианки обнаружился дар к ясновидению. Если бы удалось взять её в ученики, появился бы хороший повод общаться почаще. Все взгляды и прикосновения – лишь для дела. Но Николас его опередил.

Манушка никого, кроме него, не знала и шарахалась от любой тени. Про своё желание Ноэль так и не заикнулся, а заговорить невзначай не получалось.

– Дождаетесь лорда Комри? – спросил он негромко.

Бианка вздрогнула, удостоив его лишь мимолётным взглядом, и сжалась.

– Он... очень занят и иногда опаздывает. Но лучше него наставника нет.

– Да... – смутился Ноэль.

У них образовалось негласное правило: Николас молчит о деде, Ноэль закрывает глаза на рискованные выходки, загулы и кутежи в компании Жюльбера. Что ж, хотя бы тема для разговоров с Бианкой нашлась: их обоих заботил один и тот же человек.

– Уверен, у него серьёзные причины для опоздания. Не беспокойтесь, я отвлеку его ненадолго. Как... как ваши успехи?

Разговаривать мешал ставший в горле ком.

– Замечательно! – Бианка заикалась почти так же, как Ноэль. – Я не очень сообразительна и талантлива, но с таким наставником научится даже самый глупый.

– Что вы! По ауре видно, что способности у вас незаурядные. Тем более вы так помогли Николасу в Ланжу.

– Самое смешное, что я ничего не помню, – манушка обняла себя руками и поникла, страшась воспоминаний. – А когда спрашиваю у Николаса, он молча улыбается.

Угу, как обычно.

Бианка смотрела на Охотника по-особенному, а его имя произносила со щемящим томлением. Он всегда оказывался в центре внимания. Вряд ли дело было в его титуле или даже славе Утреннего Всадника. Пламя шло у него изнутри – дикая страсть, харизма. Николас невольно вызывал восхищение и симпатию, пускай даже дед настаивал, что Ноэль тут главный герой.

– Уверен, многие пожелали бы стать вашим наставником, даже... я.

Он всё-таки сказал это вслух! Лицо будто кипятком обварили. А что, если она поняла?

Незабудковый глаз оглядывал его недоверчиво, пухлые губы дрожали.

– Вы, верно, смеётесь. Право, не стоит. Я... я знаю своё место.

Бианка отвернулась. Он снова выругался про себя. Как разговаривать с девушками, чтобы они не обижались и не пугались?

От неловкости спасли звуки шагов. Они оба поспешили к лестнице. Вместо Николаса в коридоре показалась госпожа де Годон в роскошном платье из зелёной парчи. На голове красовалась элегантная шляпка с прозрачной шёлковой вуалью, которая подчёркивала точёные черты лица.

Бианка поспешила спрятаться, но не успела.

– Какая же ты страшная! – напустилась на неё Шанти. – И как тебе позволяют бывать в приличном обществе и пугать людей своим уродством?!

– Шанти! – Николас выбрался на лестничный пролёт и заговорил так строго, что все трое вздрогнули и затаили дыхание. – Она ничем не уродливей тебя и, как героиня миссии в Ланжу, имеет право здесь находиться даже больше, чем ты.

Госпожа де Годон поджала губы и зло сверкнула на него глазами.

– Так и оставайся с ней, а ко мне больше не подходи!

Пунцовая от ревности, она вылетела из холла.

– Госпожа де Годон не в духе? – поинтересовался Ноэль.

Бианка безуспешно боролась со слезами.

– Да... – Николас завёл руку за плечо и почесал лопатку. – Простите, такого больше не повторится. Ты что-то хотел?

Внук вождя встряхнул головой, вспоминая о деле:

– Нас пригласили на королевский маскарад в честь празднования начала лета, Эльдантайда. Скоро приедет портной, так что поторопись. Отказы не принимаются.

Николас скорчил недовольную мину.

Ноэль взял Бианку за руки и без тени страха или брезгливости заглянул ей в лицо:

– Не слушайте никого. Вы тоже приглашены на маскарад. Приходите, уверен, вам понравится.

– Но у меня даже наряда нет, – она потупилась. – К тому же, все будут пугаться моего лица и показывать пальцем.

– Нет! Портной сошьёт платье и для вас, а ваше лицо будет скрыто самой красивой маской. Никто не посмеет вас обидеть, – заверил её внук вождя.

Охотник переводил взгляд с него на свою ученицу и обратно:

– Моё мнение, как твоего учителя – тебе нужно выходить в свет. Маскарад подойдёт как нельзя лучше.

– Если ты... ты настаиваешь, – она посмотрела на Николаса, и её лицо просветлело.

Ноэль тоскливо вздохнул и отступил:

– Не буду вас задерживать. Портной, не забудь!

Охотник с удивлением наблюдал, как друг бежит от них, точнее от Бианки. Не знал бы он Ноэля лучше, решил бы, что тот влюбился без памяти.

– Зря ты так с госпожой де Годон, – тихо пробормотала манушка. – Она просто ревнует.

– Это глупо.

– Для тебя, может быть. Но я её понимаю. Ты не тот мужчина, с которым легко расстаться, – Бианка смущённо отвела взгляд.

Он долго уговаривал её обращаться к нему на «ты», но, волнуясь, она до сих пор сбивалась на «вы». А теперь ещё и эти двусмысленные намёки. Похоже, она привязалась к нему слишком сильно. Их связь нужно уничтожить до того, как она станет мучительной для обоих.

Николас взял Бианку за руку и убрал волосы с обезображенной части её лица:

– Я не тот мужчина, которого можно любить. Однажды я разбил зеркало Снежной ведьмы. Его осколки попали мне в глаз и в грудь. Теперь я вижу всё в дурном свете, а моё сердце обратилось в кусок льда.

– Не говори так!

Манушка прижала ладони к губам, словно её поразило видение, хотя в отличие от обычных ясновидцев её дар работал по-другому.

– Я не смогу ответить тебе взаимностью, понимаешь? Не из-за того, что с тобой что-то не так, а из-за моих внутренних демонов, – не сдавался Николас. – Но если ты посмотришь вокруг, то заметишь куда более достойного мужчину.

Он провёл пальцем по её щеке рядом со шрамом и отстранился.

– Но как же ты? Кто полюбит тебя? – пробормотала она себе под нос.

Иногда Николас жалел, что у него такой острый слух.

– Идём, у нас мало времени.

Охотник предпочитал заниматься на открытом воздухе, но гулять по улице Бианка отказывалась, поэтому они работали в одном из кабинетов Учебного корпуса.

У манушей дар к ясновидению встречался так же часто, как у лапийцев, но был очень своеобразным. О прошедших, настоящих и будущих событиях кочевникам говорили символы. Для работы с подобным даром требовалось составить их в систему. Такой системой стала колода карт, которую Николас прихватил из модного салона в Дюарле, где любила бывать Шанти.

Карты пришлись Бианке по душе. У её бабушки они тоже имелись, но другие – широкие, посеревшие от времени, с чудными картинками. Старая кочевница рассказывала, что эти карты служили манушам ещё до исхода из Гундигарда. «В них сосредоточена вся мудрость мира, они подскажут ответы на любые вопросы». Главное, правильно их истолковать, но с игральными картами у Бианки ничего не получалось.

Она села на стул перед столом Николаса.

Тот вынул из ящика подарок и протянул ей:

– Я постарался сделать всё так, как ты рассказывала.

Тщательно изучив работу Бианки и её воспоминания и дополнив эти знания скудными сведениями из книг, Николас смастерил гадальную колоду. Ученица приняла её трепещущими руками и прижала к груди.

– Они как бабушкины! Нет, даже лучше. Картинки... они завораживают!

– Ну-ну, не перехваливай, – усмехнулся Охотник. – Тебе ещё предстоит научиться с ними работать. Если что-то не понравится, не стесняйся сказать. Я переделаю. Очень важно, чтобы карты стали твоими друзьями.

Бианка принялась перебирать колоду тонкими пальцами.

– В Гундигарде эти символы изображались на стенах древних храмов и гробниц. Каждый олицетворял событие или этап в жизни всего сущего: растения, животного, человека и даже мира, – делился своими изысканиями Николас. – Складываясь в узор, карты подсказывают, как пойдёт жизнь дальше, но конкретное значение в каждом раскладе зависит от того, кому ты гадаешь. С последним мы разберёмся позже. А пока внимательно изучи рисунки. Запомни все мысли, которые приходят тебе в голову, когда ты смотришь на карту. Представь себя изображённым на ней персонажем и проживи один день так, как прожил бы он. Когда что-то делаешь, смотри на карту и спрашивай себя, как бы поступил персонаж на твоём месте. Когда ты проживёшь так каждую карту из колоды, то познаешь их суть, и они будут служить тебе верой и правдой. Поняла?

Бианка задумчиво повела плечами.

– С чего начать?

– С чего хочешь. Выбирай то, что тебе ближе и нужнее, а если не знаешь, делай это наугад. Ты должна ощущать связь с картами гораздо лучше меня. У меня нет ни твоего дара, ни твоего чутья. Не хватайся сразу за сложные и неприятные, вроде «Смерти» или «Демона»,

начни со светлых.

– Иногда мне кажется, что ты знаешь и умеешь всё на свете, – Бианка покраснела и потупилась.

– Люди называют это излишней самоуверенностью. Не обожествляй меня, я всего лишь человек и могу ошибаться. И кое-что я всё же не умею – любить.

– Умеешь, просто не хочешь, – возразила она, скользнув по его лицу испуганным взглядом.

Он сделал вид, что не услышал.

– Ладно, мне нужно к портному, а ты занимайся. Завтра расскажешь об успехах.

Николас помчался обратно в главный корпус.

Когда он влетел в гостиную на третьем этаже, Ноэль уже застёгивал крючки на камзоле. Подмастерье суетился с тканями, поднося лоскуты к его лицу.

– Почему чёрный? Мрачный цвет не подходит для праздника любви и начала лета, – возмущался портной, который не любил их с Николасом одинаково. – Надели бы для разнообразия что-нибудь яркое. Бирюзовый бархат тоже был бы вам к лицу.

– Нет, я хочу костюм цвета вороновых крыльев, – упрямылся Ноэль. – В остальном я буду казаться нелепым.

Портной всплеснул руками в досаде:

– Где же мне взять подходящую маску? Если вы будете выглядеть невзрачно, вождь Парада меня в порошок сотрёт!

– Не беспокойтесь, я сам сделаю ему маску, – Николас вышел вперёд, чтобы его заметили.

– А ты успеешь? Времени мало, – забеспокоился Ноэль.

– Не посплю пару ночей. Пустяки. Я люблю работать руками.

– Тогда... – друг задумчиво хмыкнул. – Может, ты соорудишь маску и для Бианки? Такую, чтобы она перестала бояться выходить на люди. Это бы очень ей помогло! Если... если ты разрешаешь подсказать тебе, что делать с твоей ученицей.

– Тебе – достаточно попросить.

– Хм... раз ты сегодня такой добрый, посоветуй, как завоевать расположение девушки. У тебя же так легко получается. Что для этого нужно? Говорить красиво? Засыпать подарками? Вести себя напористо?

Николас хохотнул в кулак. Никогда не видел друга таким: бабочки в животе, ветер в голове, глаза сверкают, как алмазы.

– Ничего особенного я не делаю! Да и нравлюсь не больше, чем ты, – замотал головой Охотник. – Просто будь собой. Собой настоящим, а не таким, каким хочет тебя видеть дед. Тогда та девушка, которой ты подходишь, обязательно тебя заметит.

Друг промолчал.

– Прошу, поторопитесь! У меня очень много работы, – напомнил о себе портной.

Николас поспешил раздеться и встал на примерочный стул.

– Вам тоже тёмное и мрачное?

– Нет. В этом сезоне в моде огненно-рыжий, – ответил Охотник. – И обязательно с хвостом.

Платье появилось комнате Бианки на кровати накануне праздника. Пышная юбка и тугой лиф с глубоким вырезом, высокий воротник-стойка. Всё из блестящего кремового

шёлка, обшитого золотистым кружевом. Рядом лежала переливающаяся маска-бабочка с вкраплениями маленьких жемчужин и перламутра. Сверху её украшали павлиньи перья.

На бал манушка идти не собиралась, но не удержалась от примерки и закружилась по комнате, представляя, что танцует с Николасом.

В таборе её считали красавицей. Любой, кто видел, как она пляшет, отбивая ритм в увешенный медяками бубен, оказывался очарованным ею. Но ни одному из соплеменников её сердце не отзывалось. За это мужчины звали её гордячкой, а родители попрекали, что нельзя витать в облаках и всю жизнь ждать принца.

Теперь она дождалась, но красоту потеряла. Да и не знала она этих чопорных придворных танцев. В таборе-то и движений не разучивали. Ты просто слушал ритм и двигался так, как подсказывало сердце.

Маска скрывала шрам, в её прорези даже стеклянный глаз не выглядел мёртвым. Может, попробовать? Николас же так старался. Последние дни ей приходилось заниматься в его комнате, потому что он безвылазно мастерил маски. Эту Охотник тоже делал при ней, хотя гораздо больше времени потратил на собственную маску-ворона.

Из деревяшки он выстрогал длинный, закруглённый клюв. Выкрасив его в чёрный цвет, Николас вырезал тонкие волнистые узоры и обрисовал их золотистой краской. По краям деревянный каркас был обклеен вороновыми перьями, которые переливались на свету.

– Ну как? – спросил Охотник, примерив её, когда они встретились в последний раз.

– Просто невероятно! Она очень живая, как и всё, что ты делаешь. Уверена, в ней тебя выберут королём маскарада! – Бианка опустила взгляд, стыдясь своего восторженного лепета.

– Осталось только найти подходящую королеву, – усмехнулся Николас, приподняв её подбородок указательным пальцем.

Это же был намёк!

Нет, нельзя разочаровывать наставника. Сходит один раз. В маске она не так уж дурна, точно не хуже, чем другие девушки из Компании. Никто не увидит шрама, никто её не узнает, кроме Николаса. Для него это – лишь часть обучения, а для неё – сокровенная мечта.

Чтобы укрепить решимость, Бианка перетасовала колоду. Та оказалась поразительно удобной: карты цепко ложились в руки, края шелестели, соприкасаясь друг с другом. Манушка вытянула одну из середины. На картинке были изображены мужчина и женщина, сверху на них смотрел златокудрый бог солнца, соединявший влюблённых.

Именно эту карту она проживёт сейчас, поступит так, как велит сердце. И будь, что будет!

Весь день перед маскарадом Бианка прихорашивалась. Служанка сделала ей высокую причёску, как было принято в Дюарле. Волосы, мягкие, насыщенного каштанового оттенка, блестящие и пышные – единственная красота, что у неё осталась. В них вплели несколько живых роз, которые подходили по цвету к платью.

Соседки в экипаже не узнавали её.

– Смотрите, какая у неё кожа смуглая. Какой вульгарный загар, совсем как у простолюдинки – фу! – доносились завистливые перешёптывания. – Зато цвет платья ей очень идёт. И рот выглядит таким чувственным. Интересно, чем она его подводила?

Прикрывая лицо веером, Бианка усмехнулась. Маски – удивительны. Они делают тебя тем, кем тебе хочется быть: более уверенным, загадочным, красивым. Как же здорово хоть на одну ночь почувствовать себя прежней властительницей взглядов и сердец!

Золотой город Бианка увидела впервые. Помпезное кружево лепнины на высоких зданиях поражало воображение, тёплое мерцание свечных фонариков очаровывало, пьянил аромат ландышей в клумбах. Сколько же она потеряла, сидя в четырёх стенах!

Показались ажурные ворота на дворцовой площади. Экипаж замер у обрамлённой самшитовой изгородью аллеи, что вела к парадному входу. Лакей подал Бианке руку, помогая спуститься с высокой приступки. Вертя головой по сторонам, манушка прошла по хрипящей щебёнкой дорожке к широкой мраморной лестнице.

Как же сладко пахла это весенняя ночь! Лакеи провожали гостей в огромный зал, где собравшиеся уже пили игристое белое вино. По блестящему паркету кружились пары в ярких костюмах и причудливых масках.

Нужно отыскать Николаса. А вдруг ничего не получится? Она сосредоточилась на аурах. Вон же он, яркий и сильный – морозный ветроплав ни с чем не спутаешь.

Костюм ворона из чёрного бархата очень выделялся на фоне пёстрых нарядов остальных придворных. Единственным его украшением служила серебряная вышивка и тонкая тесьма по краям манжет и воротника. Такой элегантный, роскошно строгий, внушительный, Николас невольно притягивал взгляды. Почему он стоит один у стены? Или он отказывал всем, потому что ждал её?

Бианка вынула из-за пазухи карту и взгляделась в рисунок. Надо поверить в чудо, и оно свершится. Вот он – путь «влюблённых».

Она приблизилась к нему. Моргнули в прорезях глаза, губ коснулась улыбка. Он отступил от стены и поднёс её ладонь к своему лицу.

– Вы пришли! – его голос казался чужим, более низким и вместе с тем восторженным.

Наверное, волшебство бала-маскарада. Да и шумно так, музыка, громкие разговоры, смех – любой шорох отражался эхом от высоких расписных сводов и звучал совсем иначе, чем в тишине учебного кабинета.

– Разве мы снова на «вы»? Ты ведь сам просил, чтобы мы общались, как друзья.

Маска позволила говорить без страха и смущения. Пускай всё свершится этой волшебной ночью.

– Ладно, – удивился он.

– Хотела поблагодарить за наряд. Он чудесный! Без этого я никогда не решилась бы выйти в люди!

– Нельзя закрываться от мира.

– И это говоришь ты?

Он неловко усмехнулся, почесав шею сзади:

– Знаю-знаю, мне и самому впору внять своим советам. Как... как учёба?

Непринуждённой их беседу назвать не получалось, но Бианка готова была бороться до последнего.

– Замечательно! Сегодня проживаю новую карту, – она показала ему рисунок. – Знаешь, что она велит? Танцевать!

Манушка сжала его ладонь, удивляясь своей смелости. В другой день, глядя в его красивое до невозможности лицо, она бы не смогла.

– Я никудышный танцор.

– Ты снова на себя наговариваешь. Пожалуйста! Сделай вид, что это часть учёбы. Быть может, так мне станет легче поверить в себя... и в людей.

Он приблизился к ней настолько, насколько не приближался никогда. Как пережить это мучительное ожидание? Взяв Бианку под локоть, он повёл её в центр зала. Все оборачивались на них, шептались. Наверное, удивлялись, что за таинственную незнакомку выбрал неприступный лорд Комри.

– В этом костюме ты выглядишь выше и крепче, – заметила Бианка.

– Правда?

Они закружились рядом с остальными парами. Манушка старательно повторяла движения за соседками, гибкое тело исполняло любой поворот, реверанс, поклон или самый сложный шаг. Увлёкшись собой, она не сразу заметила, что партнёр напряжённо смотрит вниз, боясь наступить ей на ноги. Почему он такой скованный?

– Расслабься, ты же самый лучший! – Бианка счастливо улыбнулась, и он взбодрился. –

Давай забудем обо всём. Пускай в мире останемся только ты и я. Так говорит моя карта.

– Пускай! – воскликнул он.

Музыка заиграла бодрее, партнёр подхватил манушку уверенней. Повинуясь внутренним порывам, она отплясывала соблазнительно и страстно, словно снова стала собой.

– Раньше я была лучшей танцовщицей в таборе. Беззаботное время, раздолье и красота юности, как жаль, что я оценила их, только когда потеряла.

– Ты и сейчас не менее хороша. А вот я никогда не знал ни раздолья, ни беззаботности. Впервые жалею об этом.

Неужели ей удалось растопить его ледяное сердце, или он так умело притворяется? Ах, нет, этой волшебной ночью сомневаться нельзя. Завтра! Бианка подумает обо всём этом завтра, когда будет одна.

Музыка снова позвала их к танцу, воздушному, будто они парили в пронизанных золотистым светом облаках. Все люди, все тревоги, весь мир растворился в чудесных звуках. Только они вдвоём летали в небесной выси на вороновых крыльях.

Вдруг всё стихло. Гости замерли, затаили дыхание. Взгляды устремились на поднявшегося с трона короля и его фаворитку.

– Мы рады видеть вас в нашем доме в светлый праздник Эльдантайд. Своими костюмами и танцами вы доставили нам огромное удовольствие. Мы знаем, с каким трепетом вы ждёте нашего решения, и не станем томить вас долее. Итак, властителями маскарада мы объявляем... господина Ворона и его прекрасную Бабочку. Подойдите же к нам, наденьте короны, снимите маски и поцелуйте друг друга!

Бианка сжалась от ужаса. Нет! Нет, она всего-навсего хотела провести вечер с Николасом. Никаких титулов ей не нужно. Если гости увидят её уродливое лицо, она сгорит со стыда!

– Не переживай! – он сжал её ладонь. – Я один сниму маску – этого будет достаточно.

– А если они не согласятся? – засомневалась Бианка.

– Я не дам тебя в обиду, клянусь! – он повёл её к трону.

Самый благородный и смелый из мужчин! Неужели это всё взаправду? Бианка млела от каждого прикосновения, тёплого влюблённого взгляда, движения губ. Голова кружилась как во хмелю.

Вместе они опустились перед королём на колени, и тот возложил на их головы серебряные венцы в виде ландышей. Толпа воодушевлённо захлопала. Схватившись за клюв, он приподнял с лица маску. Бианка зажмурилась и вскинула голову. Дыхание защекотало кожу, приоткрытого рта коснулись тёплые губы. Поцелуй такой сладкий! Хоть бы он продлился как можно дольше.

Рядом раздался шум, разбив волшебство вдребезги. Бианка распахнула глаза. В объятиях её держал вовсе не Николас!

На маскарад они с Ноэлем отправились в числе первых. Друг никак не мог налюбоваться на свою маску: щупал длинный загнутый клюв, гладил перья.

– Это чудо!

– Пускай она принесёт тебе удачу, – Николас надвинул на лицо собственную маску.

Ни времени, ни сил на новую не хватило, поэтому он взял старую – овальную белую с тремя красными царапинами. На голову натянул капюшон с острыми ушами. Костюм огненно-рыжего цвета был оторочен лисьим мехом. Лучшее всего вышел длинный хвост с

кисточкой на конце. Хотелось окунуться в детство и размахивать им по кругу с шаловливой улыбкой на устах.

Влившись в толпу придворных, они вошли в бальный зал.

Охотник устроился рядом с Ноэлем у стены. Светские беседы нагоняли тоску, танцы, карты и кутежи смертельно надоели.

– Пригласил бы кого-нибудь, – вяло заметил Николас. – Или деда боишься?

– Я не ты и на смехотворные вызовы не ведусь, – осадил его друг. – К тому же, я кое-кого жду.

– Что ж, будем надеяться, что она придёт, и ты не сплосуешь, – Николас похлопал его по плечу и повернул голову, поймав на себе враждебный взгляд.

Он принадлежал Гийому де Годону, мужу Шанти. Невысокий и сухощавый, лет сорока, вовсе не старый и немощный, но супруга отзывалась о нём не только без любви, но даже без уважения. Считала его досадной обузой, которая мешала ей развлекаться.

На самой Шанти было роскошное платье из тёмно-зелёной парчи с золотыми узорами и золотая маска-паутинка. Дюарлийская красавица отплясывала с едва достигшим совершеннолетия гвардейцем. На холёном лице с тонкими щегольскими усиками маски не было. Шанти заливисто смеялась над шутками партнёра.

Музыка прервалась. Дюарлийская красавица посмотрела на Николаса то ли с вызовом, то ли призывно. Ей что, одного ухажёра мало?

Она скрылась за неприметными дверями в коридор, который вёл в её комнату. Через некоторое время гвардеец последовал за ней. Отомстить решила? Ревность распалить? Какая глупость! Противно до тошноты.

Охотник взял кубок с игристым вином.

– Ты куда? – остановил его Ноэль.

– На волю! – Николас расстегнул тугой воротник и добавил более спокойно: – Душно здесь, голова кружится.

– Ты же не носишь корсет, – подозрительно вскинул брови друг. – Будь осторожен.

Не дослушав, Охотник опрометью бросился на балкон. Повезло – там никого не оказалось. Николас сдвинул с лица маску и глотнул вина. Холодный весенний ветер остужал разгорячённую голову.

Только звёзды и луна взирали на него молча и бесстрастно. Лучшие компаньоны, они не травили душу расспросами и не мешали предаваться мрачным мыслям, требуя, чтобы он улыбался и думал только об изумительном вкусе напитка и красоте маскарадных масок.

Зачем он так долго убеждал себя, что привязан к дюарлийской светской львице? Как же надоело притворяться и лгать! Нет, Шанти это касалось мало, гораздо больше – службы в Компании, помпезных приёмов, неискренней учтивости. На свободу хотелось нестерпимо, словно что-то дикое рвалось изнутри. Разломать бы прутья клетки, сорвать с себя ошейник, пускай даже это будет стоить страшных мук. Бежать, бежать прочь без оглядки, пока хватит сил.

Вино закончилось, холод начал пробираться до костей. Пора возвращаться: до выхода короля осталось всего ничего.

Когда глаза привыкли к яркому свету в бальном зале, Николас отыскал взглядом Ноэля. Тот увлечённо танцевал с Бианкой. Захваченные чувствами друг к другу, они настолько лучились радостью, что пары красивее в зале было не сыскать. Любовь преобразует: мужчин делает смелее и сильнее, девушек – желаннее и очаровательней. Но только

истинная, а всё ложное превращает в жалкое подобие себя. Что ж, хоть кому-то сегодня повезло.

Николас взял ещё один кубок с вином и занял место Ноэля у стенки. Вскоре Шанти вернулась в зал.

Юный любовник не смог занять её дольше?

Оставив кубок на тумбе, Охотник направился к госпоже де Годон. Нужно поставить последнюю точку.

– Не соблаговолите ли подарить мне танец? – учтиво спросил Николас, протягивая ей руку.

Красавица лукаво улыбнулась. Он подхватил её за талию и закружил в медленном танце.

– Лёд в твоих глазах и сердце растаял? Или ты испугался меня потерять? – она прижалась к нему настолько, что это выглядело вульгарным.

– Хотел поговорить именно об этом, – отвечал Охотник холодно, чтобы не оставлять никакой двусмысленности.

Шанти провела пальцем по его губам и подбородку.

– Зачем ты притворяешься бесчувственным? Скажи, что тебя терзает. Быть может, я утолю твою боль.

– Я притворялся раньше, а теперь стал самим собой, – он указал на сдвинутую набок маску.

– Но разве я для тебя ничего не значу? – поджала губы она, пуская слезу.

– Давай прекратим этот фарс. Ты с лёгкостью отыщешь новую игрушку, – Николас нашёл глазами появившегося в дверях гвардейца.

– Ты мне за это заплатишь! – зашипела она.

– С женщинами не воюю.

Охотник убрал от себя её руки. Танцы закончились, король объявил властителями маскарада Ноэля с Бианкой. Взволнованные, они торопились к трону. Нужно поздравить их в числе первых.

Гийом надвинулся на него грозовой тучей. Его глаза недобро горели, а ноздри раздувались, как у быка на бойцовской арене. По лицу Николаса хлестнула перчатка.

– Как вы смеете прилюдно развлекаться с моей супругой?! – взбесился рогоносец.

– Я просто пригласил госпожу де Годон на танец. Не знал, что это запрещено, – Охотник приложил ладонь к горевшей щеке. – Но если это порочит её и вашу честь, я готов принести свои глубочайшие извинения...

– Каков наглец! Он ещё смеет изображать из себя невинную овечку! Все видели, как вы удалились из зала друг за другом, чтобы уединиться в будуаре на втором этаже! Думаешь, под покровительством Его величества тебе всё позволено?! – Гийом схватил его за края камзола и дёрнул так, что от воротника оторвался кусок меха. – Потешались надо мной! Планы строили, как от меня избавиться и состоянием завладеть!

Николас отпихнул Гийома от себя и смерил презрительным взглядом:

– Если вы не можете уследить за собственной женой, то это не моя проблема. Ни она, ни уж тем более ваши деньги меня не интересуют.

– Ах ты негодяй! Я не потерплю такой дерзости. Я... я... – он начал захлёбываться словами и брызгать слюной. – Я вызываю тебя на дуэль!

Их крики привлекли внимание всего зала. Стоявшая позади Шанти злорадно

ухмылялась, лицо Ноэля вытянулось в тревоге, Жерард пробирался навстречу, расталкивая зевак с дороги. Даже король с фавориткой Иветтой обратили на них свой взор.

Надо взять себя в руки.

– Дуэли запрещены указом короля. К тому же, Кодекс Сумеречников предписывает одарённым использовать своё оружие только для защиты людей, а не для драки с ними, – ответил Охотник громко, чтобы все слышали.

Даже в Ланжу он старательно избегал кровопролития, предпочитая обезвреживать с помощью дара и брать заговорщиков в плен, как будто не мог преодолеть въевшийся в разум запрет.

– Так он не только прелюбодей, но ещё и трус! Все истории о битвах с демонами выдумки! – распалился Гийом ещё больше. – Ваше величество, я требую справедливого суда! Этот человек опозорил меня и мою жену!

На смехотворные оскорбления ему было наплевать, как и на чужое мнение о его заслугах. Хотелось поскорее выбраться на свежий воздух.

Жерард схватил Николаса за плечо и приблизил голову к его уху. Орлен с Иветтой степенно прошли сквозь толпу и остановились возле них.

– Это серьёзные обвинения. Но лорд Комри прав, дуэли недопустимы. Слишком много крови было пролито во время Войны за веру. Видимо, лорд Комри знает об этом гораздо лучше вас, лорд де Годон. Это ему зачтётся, когда мы вынесем решение. Что вы скажете, лорд Комри, у вас действительно была порочная связь с госпожой де Годон?

Король бросил взгляд на Шанти, та учтиво склонила голову.

Порочащая связь... Когда Орлен сам рука об руку идёт с нечеловеческой фавориткой, которую удерживает силой.

Нет, дерзить нельзя, солгать тоже не получится. Об их отношениях знали многие, как знали и обсуждали похождения большинства придворных и членов Компании. И в голову бы не пришло, что из-за этого учинят скандал. Но ведь это лишь повод, пустячный и надуманный.

– Я долгое время был увлечён госпожой де Годон и готов принести за это глубочайшие извинения ей и её супругу, – признался Николас. – Но никакого умысла завладеть имуществом лорда де Годона у меня не было.

– Раз вы сами сознались, то будете наказаны по всей строгости, чтобы никто не последовал вашему примеру. Вы являетесь кумиром для многих. Получается, что уводить чужих жён почётно, раз сам лорд Комри поступил так.

– Я требую, чтобы его казнили, как опасного преступника! – истекал желчью Гийом. – Кастрировать! Чтобы больше никогда...

Урод!

Хоть бы наказанием назначили изгнание. Из дворца, из Компании, из Норикии... Насовсем! Чтобы ноги его здесь никогда больше не было!

– Ваше величество, лорд Комри слишком ценен, – вкрадчиво заговорил Жерард, привлекая к себе всё внимание. – Нельзя рисковать его жизнью или даже здоровьем.

– Чем же этот прелюбодей ценен, кроме своей смазливой мордашки и родства с Утренним Всадником? – усомнился Гийом.

Вождь ответил, не дрогнув ни единым мускулом:

– Комри – древнейший род Сумеречников. Его основатель был сподвижником самого Безликого, лучшим другом, правой рукой.

Откуда Жерард это знает? Николас даже Ноэлю не рассказывал о своих встречах с Безликим и считал их хотя бы отчасти бредом. Но реальность снова и снова подтверждала слова призрачного бога.

– Норны предрекли... – громкий возглас вождя заглушил прошедший по толпе гомон. – Норны предрекли, что этот сподвижник возродится в своём последнем потомке. То есть в мастере Николасе.

Как громом оглушило. Неужели? Он был помощником Безликого, другом? Но сейчас-то бог никакой симпатии не вызывал, даже наоборот. И потом... Что же Николас натворил, чтобы так испортить себе будущее воплощение?

– Только он сможет указать на того, в ком возродился Безликий, – продолжал Жерард. – Только он сможет возвести праведного бога на Небесный престол и спасти наш мир от единоверческой саранчи и демонов в голубых плащах!

Нет. На Безликого мог указать только Белый Палач, но он вряд ли стал бы помогать Компании или Николасу.

– Почему он не сделал этого до сих пор? – подобрался король.

Вот пускай Жерард и отвечает. Впрочем, вождь наверняка специально выбрал момент, чтобы устроить шумиху.

– Смею вас заверить, он сделает это в ближайшее время. Правда, лорд Комри? – вождь взглянул на него.

Охотник ответил тем же. Что за интриги плетёт старый паук?

– И всё же я требую наказания! – взвизгнул Гийом. – Не мог же он прелюбодействовать по божественному умыслу? Безликий бы этого не допустил!

– Действительно, – отозвался Орлен. – Нельзя оставить преступление безнаказанным. Дорогая, как властительнице нашего сердца, именно вам мы доверяем вынести лорду Комри приговор.

Николас напряжённо посмотрел на Иветту. На ней не было маски. Её нечеловеческий облик: раскосые глаза, острый нос и уши, излишне длинный тонкий стан и шея, неестественная белизна кожи – на маскараде не выглядел странным. Лишь посвящённые замечали тонкую грань между реальностью и кривым зеркалом Эльдантайда.

Иветта злорадно ухмыльнулась. Николас похолодел. Ни визгливый рогоносец, ни его вероломная жёнушка, ни тщеславный король не вызывали столько опасений, сколько эта нечеловеческая бестия. В ушах набатом отдавалась: «Пожалеешь! Отомщу!»

– Вы едва не отняли у лорда де Годона самое дорогое – его жену. Разделять созданные провидением пары – серьёзный проступок. Он повлияет не только на настоящие их жизни, но и на карму будущих воплощений. Из-за вашей порочной страсти супругам придётся преодолеть не одно препятствие на пути друг к другу. Чтобы восстановить справедливость, вы должны публично покаяться и преподнести лорду де Годону самое дорогое, что у вас есть. Ваш клинок.

Тварь! Она знала, знала, куда бить.

Жерард больше не заступался, Ноэль побледнел, но остался нем.

Кто-нибудь! Скажите хоть слово! Так быть не должно! Это... это же не просто клинок Утреннего Всадника, это последний подарок отца. Единственное напоминание о нём.

– В знак вашего позора вам состригут волосы, – закончила Иветта, но это уже было неважно.

– Ждём вас завтра в полдень на главной площади. Мы лично проследим, чтобы

наказание было исполнено должным образом. Вы удовлетворены, лорд де Годон? – обратился король к Гийому.

– О, да! Мне достанется знатный трофей – клинок самого Утреннего Всадника, знак моей победы над его недостойным внуком, – последние слова тот прошептал Николасу в ухо, чтобы остальные не слышали.

===== Глава 33. Наказание =====

1570 г. от заселения Мунгарда, Норикия, Дюарль

Веселье возобновили. Охотник, не прощаясь, поспешил прочь из дворца. Его окружала пустота и отчуждение. Дорога назад толком не запомнилась: то ли верхом, то ли на своих двоих. Особняк пустовал, не горели свечи. И хорошо – лишь бы никого не видеть.

Оказавшись в своей комнате, Николас бросился к сундукам. Полная луна лила свет в окно. Первым порывом было сбежать, пока остальные веселились на балу. Но он уже пробовал – каждый раз его ловили и возвращали. Оказывается, Жерарду был позарез нужен сподвижник Безликого, чтобы указать на строптивного бога.

В последний раз в Ланжу, пока все были заняты битвой с заговорщиками, побег почти удался. Оставалось только пересечь границу, забыв о своей миссии. Тогда-то Николас и обнаружил полумёртвую Бианку посреди пепелища, в которое превратили её родной табор.

Так она и помогла – напомнила, что оставалось за спиной, показала, какова будет плата за свободу. Охотник не смог бросить ни манушку, ни людей из Компании, ни мирных норикийцев, оказавшихся ввязанными в чужую войну. Последний шанс в обмен на победу. Стоит ли сожалеть об этом теперь? Естественно, нет. Спасённые жизни – справедливая награда.

А может, не отдавать оружие? Заменить дедовский клеймор проклятым клинком из Храма Ветров. Пусть Гийом им потешается, пока тот не вспорет ему брюхо. И ему, и его жёнушке, и всем его гостям!

Но нет. Нельзя поддаваться злобе, насколько бы больно ни было. Иначе Мрак пожрёт душу, как пожрал уже почти весь мир. Звёздный клинок – ноша Николаса, его память о милой и доброй Юки. Как он мог так ошибиться? Таких женщин больше нет, сколько бы он ни искал её отражение в чужих лицах.

За всё надо платить. За свои ошибки – дважды.

Из ступора вывел скрип двери. На пороге стоял Ноэль.

«Предатель! Где ты был, когда меня унижали?»

– Ты так быстро ушёл. Я не смог за тобой угнаться, – тараторил друг в извинение. Извинение, в котором никто не нуждался.

Какой толк от сожалений? Ничего исправить уже нельзя!

– У тебя такое страшное лицо... Но это же не конец света! Никто не подумает о тебе хуже. Все понимают, что так вельможи пытаются притушить твою славу. Но от этой несправедливости она только укрепитя. Клинок мы закажем новый, у лучшего оружейника, а волосы отрастут за год-полтора. К тому времени ты и не вспомнишь...

Николас выхватил дедовский клеймор и приставил к горлу друга.

– Уведи меня отсюда по ветряным воронкам. До границы Лапии. Это пять прыжков. Столько же, сколько до Ланжу. Я поделюсь с тобой резервом, передам его весь, если понадобится. А потом можешь возвращаться под крылышко своего деда. Обо мне вы больше не услышите!

– Николас, нет! – в отчаянии выкрикнул друг. – Тебя будут искать, тебя убьют! Подумай

хотя бы о своих учениках. Бианка едва начала выходить на улицу, ты нужен ей.

– Ой ли, ты сам прекрасно справишься с ролью её наставника. Уведи меня, иначе я убью тебя и буду прорываться отсюда с боем. Плевать, какой крови это будет стоить!

– Нет, ты не сможешь. Я слишком хорошо тебя знаю, – Ноэль отвёл его клинок в сторону.

Между ними словно образовался щит, но никто ветроплав не использовал. Ударить не получалось, как бы сильно не полыхала в жилах злость. Как ударить себя. Нет, себя Охотник ударить мог, мог даже на проклятый клинок броситься, но причинить вред другу – никогда в жизни. Всё существо восставало против этого.

– Пошёл вон! – прорычал Николас.

– Давай поговорим спокойно, – не унимался внук вождя.

– Пошёл вон, я сказал!

Он швырнул в Ноэля вестрогустком. Друг отлетел в коридор. Охотник запер дверь на засов и слушал, как внук вождя снаружи молотит в неё кулаками и приказывает отворить.

Нет! Ни видеть, ни говорить ни с кем не хотелось.

Да, он – сам виноват, сам ошибся. Но, боги, как же нестерпимо душат и режут решётки золочёной клетки!

После скандала все знакомые спешно покинули дворец. Бианка с трудом уговорила отбывающего кучера взять её с собой на запятки. Уж очень не хотелось оставаться здесь одной. Из памяти никак не шло смертельно побледневшее лицо Николаса, его ошалелый взгляд, когда объявили до жути несправедливый приговор. Если бы её спросили, она бы перед всеми подтвердила, что Охотник ни в чём не виноват. Госпожа де Годон сама порочная насквозь, соблазнила его и обманула, а другие воспользовались этим, чтобы унижить.

Почему Бианка обозналась? Почему сердце не подсказало, что она танцует с другим? С его лучшим другом. Конечно! Николас так старался не ради себя. В этом весь он. Ах, если бы она догадалась раньше, если бы отыскала его настоящего и упросила потанцевать с собой, то ничего бы не случилось.

Полночи мучила тревога, сон сморил лишь по утрам. В результате одеваться и умываться пришлось на бегу – выпрашивать еду у поваров было боязно. В столовую Бианка успела только в последний миг, но стоило приняться за завтрак, как к ней подсел Ноэль.

Они разговаривали всего пару раз, да и то случайно. Единственное, что их объединяло, был Охотник. Как она умудрилась заставить внука вождя танцевать с собой, а потом ещё и поцеловать? Что он теперь о ней думает?

– Простите за вчерашнее, – начала Бианка. – Я видела, как Николас делал вашу маску, и дар у вас похожий. Вот и решила, что вы – это он. Простите!

– Это вы простите. Я должен был представиться, как только понял, что вы обознались, – улыбнулся он.

Хорошо, что Ноэль такой добрый. Злобу и язвительность она бы сейчас не вынесла.

– А почему вы не представились? – спросила манушка без задней мысли.

Он смутился и перевёл тему:

– Я хотел попросить об одной услуге. Отнесите Николасу завтрак. Ему нужно поесть. Меня он выставит, а вас точно нет.

Ноэль вручил ей поднос с кашей и куском запечённой телятины, а сам направился

прочь из столовой.

Почему это Николас послушает её, а не лучшего друга?

Дверь в комнату наставника оказалась заперта и выглядела сильно помятой, словно по ней молотили кулаками.

– Мастер Николас, это Бианка, откройте! – позвала она.

Изнутри донеслись шаги, дверь распахнулась. Охотник выглянул в коридор, видимо, опасаясь увидеть Ноэля. Здорово же они повздорили.

Комната выглядела убранной: никаких порванных тряпок или поломанных вещей. О том, что что-то не так, можно было догадаться только по синюшным кругам под глазами хозяина и заострившимся, как у покойника, скулам.

– Я... – Бианка закашлялась. – Принесла завтрак.

Устроившись за столом, Николас принялся клевать без аппетита, словно маленькая болезная птичка.

– Как учёба? – поинтересовался он бесцветно.

– Разве сегодня есть на это время? – слабо ответила Бианка.

– Конечно, хоть его у меня ещё не отняли. Видел, как ты веселилась на празднике. Всё оказалось совсем не так страшно?

– Всё оказалось ещё хуже! Тебя так унизили, и никто не заступился!

– Не нужно меня жалеть. Мужчины этого не любят, особенно когда они действительно жалкие, – перебил её Охотник. – Так что с учёбой? Какую карту ты выбрала вчера?

– «Влюблённые». Я думала, что это – самая счастливая карта в колоде, но всё вышло иначе. Наверное, она оказалась перевёрнутой.

– У карты, как и у каждой вещи, есть обратная сторона. Зачастую она означает не то, чем кажется на первый взгляд. В твоём случае «Влюблённые» предрекали важные перемены в жизни. Ты в первый раз не побоялась выйти в свет. Дальше будет легче.

– Иногда мне кажется, что это у тебя дар к гаданию, – Бианка протянула ему колоду, Николас по-дружески сжал её ладонь.

– Вовсе нет, просто я много читаю и размышляю, – он снял шляпку.

Манушка перевернула карту рубашкой вниз:

– Похоже, карты решили над нами подшутить. Сегодня мне придётся отработать «Справедливость», – на карте изображалась женщина с весами в левой руке и мечом в правой. – Может, это означает, что тебя помилуют? Ведь на балу справедливость попрали.

– Ты снова понимаешь всё буквально. Карта может означать восстановление гармонии, духовное очищение, открытие истины. Попробуй мыслить беспристрастно, забыв о личных желаниях и симпатиях. Именно на это намекает тебе карта, – Николас закончил есть и вытер рот салфеткой. – Подумай об этом на досуге, а мне уже пора собираться.

Бианка забрала поднос и спустилась в гостиную. Очень хотелось чуда, которое так и не случилось вчера.

В холле у лестницы её подждал Ноэль.

– Как он? Поел?

Бианка кивнула:

– Выглядел спокойным, смирившимся. Даже дал мне урок.

– Чем ему хуже, тем больше он делает вид, что всё в порядке. Замыкается в себе, – печально вздохнул Ноэль. – Ладно, сейчас ничего не исправить. Хоть бы наказание прошло спокойно.

– А можно... – манушка всё ещё робела перед ним. Но в конце концов, он сам попросил об услуге. – Можно мне с вами? Я ещё не была в Дюарле, и... мне страшно... одной.

– Конечно! Я буду защищать вас от всего, клянусь! – согласился Ноэль.

Она сбегала за неприметным серым плащом с глубоким капюшоном, которым можно было прикрыть лицо в случае неприятностей.

Главную площадь заполнили люди. Столько Бианка никогда не видела. Гвардейцы прижимали зевак к стенам домов, чтобы по мостовой прошла конная процессия Компании. Толпа гудела, как растревоженный улей. Все заглядывали в лица, искали Николаса, обсуждали происшествие. Виновен или нет, заслужил или пострадал от придворных интриг.

В центре площади процессия остановилась. Ноэль спрыгнул первым и помог спуститься манушке. На помосте для выступлений стоял лорд де Годон с супругой. Шанти сверкала улыбкой, словно не её честь была опорочена. На деревянных тронах восседали король с фавориткой.

Гул голосов усилился, толпа зашевелилась многоголовой гидрой. Бианка обернулась ко входу на площадь.

Николас чеканил шаг, как на параде, держал спину ровно, а голову высоко. Глаза его были прозрачны и глубоки, как небо весной, а лицо выражало сосредоточенность.

Толпа неистовствовала. Люди протягивали руки, кричали: «Взгляни на меня, ну, взгляни же! Прикоснись ко мне!»

Охотник одаривал их мягкой улыбкой, от которой они возбуждались ещё больше, и снова смотрел прямо, в лица обидчикам. Даже солнце светило лишь на него одного. Затянутый в бело-зелёный парадный костюм, он казался более величественным, чем король в золотой короне и парчовом платье.

Поднявшись на помост, Николас опустил на колени перед лордом де Годоном.

– Приношу свои глубочайшие извинения за недостойное поведение по отношению к вашей супруге. В знак моего искреннего раскаяния и почтения вверяю вам оружие, что служило мне верой и правдой долгие годы, – Охотник снял ножны с мечом и протянул Гийому. – Клянусь честью Сумеречника, что больше не позарюсь на чужое и молю меня простить.

Обвинитель злорадно усмехался, Шанти улыбалась торжествующе, но Николас оставался таким же бесстрастным.

– Лорд де Годон? – нетерпеливо потребовал ответа король.

– Да, Ваше величество, его наказанием я удовлетворён, – сказал Гийом настолько мелочно и презрительно, что толпа зашипела с ненавистью.

«Облапошили честного благородного мальчика! Позор! Фу!»

Пристыженный, лорд де Годон забрал меч и отступил, показав себя ещё более жалким.

– Чтобы вы помнили о своём бесчестии и своей клятве, лорд Комри, вам остригут волосы, – объявил Орлен сдержано.

С трона поднялась фаворитка. Николас вскинул голову. Иветта взирала на него с нескрываемой злостью, а он был холоден, как кусок льда. Она оттянула его собранные на затылке в хвост волосы.

По коже Бианки побежали мурашки, она прижала ладони ко рту. Вдруг дрожащий в руке Иветты золотой серп перережет Николасу горло?! Толпа замерла, затаив дыхание, видно, ожидала того же.

Только в мраморном лице Охотника не проскальзывало ни намёка на страх, а взгляд становился всё более далёким. Раскосые нефритовые глаза Иветты полыхали ненавистью. Остро наточенное лезвие в один удар отсекло волосы. Пряди чёрным шёлком рассыпались по плечам Николаса, коленям и помосту.

Фаворитка что-то зашептала в ухо Охотника. Бианка бы всё отдала, чтобы услышать её слова и поддержать его. Николас не дрогнул. С неровной стрижкой он выглядел очень трогательно, воодушевлял, как выживший в страшное ненастье котёнок.

Иветта вернулась к королю. Орлен вскинул руку, привлекая внимание толпы:

– Наказание окончено. Отныне ты свободен от своего проступка, но не от клятвы, которую дал перед лицом всего собравшегося здесь народа. Помни об этом.

Охотник поднялся и поклонился:

– Благодарю за ваше милосердие и справедливость, Ваше величество.

– Можете быть свободны.

– Моё почтение!

Николас спустился с помоста таким же чеканным шагом и направился к выходу с площади. Он не обернулся даже, когда Бианка с Ноэлем хором окликнули его.

Толпа бесновалась, простолюдины грозили смять гвардейцев и броситься к своему кумиру.

– Идёт! Идёт! Победитель!

– Смотри, как народ поддерживает его, всей душой. Вроде и опозорился, а стал героем-мучеником, почище нашего властолюбца, – едва слышно шептал вождь своему внуку.

– Думаешь, в зависти сильных мира есть что-то хорошее? В следующий раз его могут убить, – Ноэль поднялся на носки, чтобы разглядеть друга в отдалении. – Нельзя этого допустить!

– Поэтому не будем терять время даром, – согласился Жерард. – Идём, надо всё подготовить.

Наказание прошло, как в тумане. Тело двигалось отдельно от разума, с губ срывались чужие слова. Николас наблюдал за всем поверх своей головы, как за представлением, в котором сам не участвовал. Запомнилось только, как опустели руки без меча и заныло что-то внутри, будто ему отрубили руку или ногу. Над ушами свистнуло, голове стало легче. Светлее. Ноги куда-то понесли.

Очнулся Охотник, сидя на высоком утёсе. Погода была ясная, солнце едва миновало зенит. На горизонте отчётливо проступали берега родного острова. Внизу шумело море, волны мерно плескались о скалу, солёная влага оседала на лице, ноздри щекотал запах рыбы и водорослей. Жирные чайки кружились над водой и пронзительно стонали. Ветер шевелил неровно остриженные волосы будто в насмешку.

Почему бы не долететь до родного острова в рубашке матушки Умай? Или он рухнет в пучину на середине дороги? Почему он такой слабак?

Перед глазами вставала картина прощания с отцом. Тот протягивал Николасу свёрток с клеймором, но клинок выпадал из рук и разбивался вдребезги. Потому что Николас недостоин. Судьба, сама жизнь отбирала у него всё, что связывало его с семьёй: близких, дом, родину, даже дедовский меч. Чудовищный ураган отрывал его от корней и нёс по полыхающей молниями воронке в самое сердце бури.

– Вот ты где! – тронул его за плечо Жюльбер. – Мы уж решили, что ты дал дёру. Всю

Компанию на уши поставили.

– Если бы я хотел сбежать, то сделал бы это раньше. Где Ноэль? – вот уж кто всегда отыскивал его в два счёта и понимал... понимал слишком хорошо.

– Они с вождём готовятся к чему-то. Только тебя ждут.

Скорее, друг решил, что Николас снова учинит разборки, и прислал того, на кого он отреагировал бы спокойно. Видно, это проклятье дорогих людей, только они могут причинить столько боли.

– Что ж... – Охотник поднялся и отряхнулся. – Не будем их томить.

Они вернулись в штаб Компании. Возле ворот дождался Жерард, кутаясь в шерстяной плащ, хотя в месяце травнике было уже тепло, и земля успевала прогреться после зимней стужи.

– Остыл? – спросил вождь не слишком учтиво. – О важном надо говорить с холодной головой.

– Чего ещё от меня хотят? Обрядить в бубенчики и сделать шутом гороховым?

– Прекрати паясничать! Чтобы спасти твою шкуру, мне пришлось открыть королю одну из наших сокровенных тайн. Теперь он требует большего. Но, может, нам, и вправду, пора действовать.

– Вы о Безликом? Не имею понятия, как он выглядит, и о том, что в прошлой жизни я был его сподвижником, слышу впервые.

– Его внешность – не тайна для меня. Идём, настал час истины.

– Неужели вы покажете мне ваш всемогущий оракул? – Николас скрыл раздражение за усмешкой.

– Одну Норну ты точно увидишь. Надеюсь, это поможет тебе поверить в наше дело и осознать свою важность.

Опираясь на трость, Жерард направился к храму, что располагался у входа в штаб. Высокие остроконечные башни пронзали небо, всё здание оплетало кружево лепнины и украшений. В большие главные ворота посетители не вошли, а спустились по крутым стоптаным ступеням в крипту.

Здесь всегда собирались очереди, а на праздники случалась такая толчея, что требовалось поработать локтями, чтобы пройти мимо. Говорили, там похоронен герой-Сумеречник. В дни поминовения его тело проносили по городу, чтобы паломники не разобрали храм по камушку. Николас раньше не интересовался тем, как Жерард завоёвывает народную поддержку. Как видно, зря.

Сегодня ступени оказались пусты. У ворот дежурили дозорные, хмуро глядевшие в сторону дороги от города. Похоже, Жерард велел всех разогнать.

Вождь пропустил Николаса вперёд, чтобы тот сам отворил тяжёлую дверь и позволил старику пройти первому.

Стрельчатый потолок подпирали мощные резные колонны. У дальней стены горели медные светильники, выявляя фрески с символами Повелителей Стихий и их семей. Из тёмного угла донёсся шорох, Николас больше чувствовал ауру Ноэля, чем видел его самого.

– Я всё подготовил, вас не потревожат. Можно мне уйти? У меня ещё много дел... с учениками, – заговорил он очень тихо, но его голос отражался от каменных сводов эхом и многократно усиливался.

– Нет. Это касается тебя не меньше, чем его, – возразил Жерард. – Пожалей меня – перестань упрямяться. Боюсь, я уже не в том возрасте, чтобы уговаривать вас обоих.

Внук покорно вышел на свет: дед так легко им манипулировал.

Вся злость мигом улетучилась. Николас сжал ладонь друга – она оказалась ледяной. Хотелось уже высказаться, но Охотник сдержался. После всего... ему ведь указали на его место.

Ноэль кивнул на постамент с саркофагом у дальней от входа стены. На хрустальной поверхности играли радужные блики. Внутри на покрывале из красного бархата лежала хрупкая женщина в воздушном белом платье. Светлые волосы до плеч разметались по подушке, на бледной коже едва заметно проступал румянец, опущённые серебристыми ресницами веки были плотно сомкнуты. Гармоничностью черт она походила на статую, но выглядела живой, спящей. Только грудь её не вздымалась, даже след ауры истаял. Видно, умерла она давно, но осталась нетленна.

– Это и есть третья Норна, – подсказал Жерард. – Люди думают, что прикосновение к её саркофагу лечит и дарует удачу.

– Но ведь это всего лишь мёртвое тело, – покачал головой Николас.

– Нет, это символ нашей веры. Наша суть, – возразил вождь. – Когда орден доживал последние дни, боги избрали трёх пречистых дев в качестве пророчиц. Они должны были защитить Сумеречников. Двух мы спрятали в надёжном месте, о котором знают только вельвы. Они указывают нам путь божественной мудростью. Третья, Норна Ветра, была сильнейшей из них, но оказалась слишком вольнолюбива и не послушала меня. Её убил Белый Палач, оставив наш оракул незавершённым.

Николас полез за пазуху за серебряным медальоном и раскрыл его.

– Это же его жена! – воскликнул он. Ноэль заглянул ему через плечо. – Белый Палач до сих пор скорбит о ней и обвиняет Сумеречников в её гибели, моего деда!

– Насколько бы не был силён Утренний Всадник, находиться в двух местах одновременно не мог даже он, – спокойно ответил Жерард. – Твой дед в то время дожидался казни в застенках Ловонида. За много миль от места её гибели. Так что обвинения Палача беспочвенны.

«Так как же?» – мысленно потребовал Николас у Безликого.

«Мы, они – какая разница? Она мертва – этого ничто не изменит».

Из тени выплыла фигура бога, настолько зыбкая и призрачная, что видно было сквозь неё. Безликий подошёл к саркофагу и провёл рукой над лицом пророчицы.

Заметили ли его остальные? Похоже, нет, ничего в их поведении не изменилось.

– Неужели вы выкрали тело? – возмутился Николас. – Неудивительно, что Белый Палач так на вас зол. Вы не дали ему даже похоронить её достойно и выставляете, как трофей!

Ноэль хмурился ещё больше. Видимо, в эти тонкости дед его не посвящал.

Как гнусно завоёвывать народную поддержку таким способом! Несмотря на всю ненависть к Белому Палачу, такой участи Николас не пожелал бы даже ему. Потерять Юки было очень больно, но знать, что враг измывается над её останками – просто ужасно!

«Этот коварный книжник мучил её при жизни и даже после смерти не пожелал отпустить», – печально отозвался Безликий.

– Ты удивительно осведомлён о делах, которые тебя мало касаются, – подозрительно прищурился Жерард. – Несмотря на наши разногласия, Норна отказалась переходить на сторону Лучезарных, когда это сделал её муж. Что ещё ты о них знаешь?

Стоило ли рассказать о семье Белого Палача в Волынцах? Ведь Герда может оказаться новой Норной в таком же хрустальном саркофаге. Чутьё подсказывало, что каждое слово

будет использовано против Николаса. Нужно молчать. Молчание – золото.

«Не доверяй ему, – в кои-то веки согласился Безликий. – С такими друзьями враги не нужны».

Ноэль с дедом сверлили Охотника нетерпеливыми взглядами.

– Те из них, у кого глаза разного цвета, одержимы демонами, – после долгой паузы выдал он из себя.

– Ты прав, – кивнул Жерард. – Когда я был молодым, в Гундигард отправили отряд на поиски истоков веры в Единого. Совет ордена надеялся решить дело миром. Через несколько лет из похода вернулось всего трое мыслителей, остальных покосила лихорадка. У выживших глаза стали разноцветными, хотя до путешествия были одинаковыми. Эта троица стала убеждать высоких лордов отречься от Повелителей Стихий и принять новую веру. Мол, в заброшенном храме открылась истина: есть всего один бог – Единый. А остальные – такие же демоны как те, с которыми мы боремся. Естественно, мыслителей не послушали. Тогда они использовали внушение, и все поняли, что они одержимы. Их несколько лет держали в казематах Эскендерии, пока они не одурманили стражу и не сбежали. Потом они пришли к единоверцам и объявили себя посланниками их бога.

– Крылатые статуи в голубых капюшонах, – догадался Николас.

– Единоверцы соблазнились на обещания победить нас и поставили одержимых во главе своей армии. Те начали одурманивать других мыслителей и перетягивать их на свою сторону. Нас захлестнула волна предательств. Одержимые создали собственный орден Лучезарных для борьбы с нами. Наше руководство оказалось слишком слабым, чтобы разрешить кризис. И...

– Мой дед объявил капитуляцию, – нетерпеливо закончил Николас.

– Он хотел, чтобы Сумеречники выжили, и пожертвовал ради этого всем. Чего у него не отнять, так это самоотверженной доблести.

В голосе прожжённого интригана действительно прозвучали нотки восхищения?

– Теперь вы оба видите, куда приводит беспечное стремление к свободе? – Жерард указал на Норну.

Ноэль снова отстранился и обнял себя руками. Неужели Жерард не видит, насколько затравил его? Нет, седой паук не выпустит их обоих из своих теней даже после смерти.

Что ж, польза от этого разговора, как и от пребывания в Компании, всё же отыскалась. Теории о Предвестниках во главе Лучезарных находят всё больше подтверждений. Что хуже, сойти с ума в обыденном безопасном мире или сохранить рассудок на пороге конца света?

– Прошу больше меня не прерывать, – объявил Жерард. – Оракул, пускай и незавершённый, поведал нам о многом, в том числе о планах одержимых. Они служат Предвечному Мраку, древнейшему злу. Он упоминается лишь в самых старых легендах и близок Повелителям Стихий. Одержимые – его жрецы, как мы – жрецы своих стихий. У них есть свой «тёмный мессия» вроде нашего Безликого. Они хотят убедить единоверцев в том, что он и есть их бог. Если люди поверят в него, то он получит неограниченную власть и взойдёт на Небесный престол вместо Безликого.

– И тогда наступит эра Мрака? – подал голос Ноэль.

– Нет. Норны говорят, что мироздание этого не потерпит и обратится в первозданный хаос. Червоточина вывернется наружу, и наш мир погибнет. Бежать будет некуда, – ответил Жерард.

«У Предвестников есть «тёмный мессия?»» – обратился Николас к Безликому.

«Ты же сам говорил, что у каждой карты есть обратная сторона, – отозвался тот. – Тень».

– У нас в запасе всего пять лет, чтобы это предотвратить, – продолжал Жерард. – Нужно возвести на Небесный престол праведного бога – Безликого. – Вождь постучал пальцем по хрустальной крышке гроба. – Норна поведала, что последний из рода Комри – ключ к его восхождению.

Николас прикусил губу. Так вот что имел в виду Белый Палач! Ключ. Ключ ко всему. Да они с Жерардом даже говорят одинаково!

– Также она назвала того, в ком он возродится, – вождь обернулся к Ноэлю. Тот выпучил глаза, словно догадался, что за этим последует. – Знаешь, за что твоего отца выбрали Архимагистром, когда он был младше вас обоих? Утренний Всадник, в чьём роду хранились знания о наследии Безликого, объявил Ойсина Фейна потомком бога. А Норна подтвердила это, предсказав, что его сын станет величайшим героем. Он сплотит вокруг себя одарённых и поведёт на последнюю битву. Безликий возродится в собственной крови. Это ты, Ноэль.

Даже в полумраке было заметно, как побледнело и вытянулось его лицо, а губы задрожали.

Николас с удивлением переводил взгляд от друга к склонённой над саркофагом фигуре Безликого. Ноэль выглядел немного выше и крупнее, да и голос, повадки, сам характер у них отличались. К тому же, вряд ли бы этот гусь в костяной маске смирился с властью Жерарда.

«Как ты можешь присутствовать здесь призраком и быть живым человеком одновременно?» – не удержался Николас от мысленного вопроса.

«Я умею расщепляться, чтобы находиться во многих местах одновременно. С тобой, или с Гердой, или ещё с кем-нибудь. Но ни одна из моих масок не обладает той силой, которая есть у меня-живого. Без реального воплощения я могу лишь подсказывать, направлять по нужному пути», – расшедрился на объяснение Безликий.

«Так Ноэль – это ты или не ты? Скажи! Давай решим всё по-быстрому!» – потребовал Охотник.

«Решай сам», – отмахнулся Безликий.

– Ты, конечно, прости, но это бред. Никакой я не бог! – голос Ноэля необычайно взвился. Надо же, вышел из себя из-за такого пустяка. – Я человек, такой же, как он! – друг ткнул пальцем в Николаса. – Нет у меня никаких божественных сил.

– Это всего лишь означает, что вы оба весьма и весьма необычные люди, – усмехнулся Жерард. Охотник в кои-то веки был с ним согласен. – Я понимаю, что тебе трудно это принять. Но твоему рождению предшествовали необычайные события: грозы зимой, череда затмений, сияние Червоточкины здесь, в Дюарле, далеко от северной Лапии, гибель вороньих стай. Ты – первое одарённое дитя, которое появилось на свет после капитуляции ордена, новая надежда для нашего племени. Ты рос у меня на глазах, я прививал тебе ответственность и рассудительность. Так прими свою судьбу и предназначение, отринь страх перед непознанным. Только это поможет нам победить в войне с неравным противником и спасти мир от гибели!

– Нет! Я...

Ноэль обернулся на Николаса в поисках поддержки, но тот заложил руки за спину и ждал окончания свары. Может, хоть так он поймёт, как плохо оставаться послушным ребёнком.

– Я считаю, что нельзя слепо верить в предсказания оракула. Природные явления могут иметь естественные причины. Лучше полагаться на проверенные методы борьбы: вербовать больше людей, собирать народную поддержку, изобретать новое оружие. Это звучит не так красиво, но в результате получится куда более надёжно и действенно. Давайте забудем суеверия: боги не помогли нам, когда пал орден. Чтобы избежать новой бойни, следует рассчитывать только на собственные силы, совершенствовать себя, как людей. Только так мы победим!

– Ноэль, кто заразил тебя этим прекословием? Неужели он? – Жерард указал на Охотника. – Нам осталось всего пять лет. За этот срок мы не успеем скопить достаточно ресурсов. Если бы можно было спастись человеческими усилиями, мы бы сделали это давно! Николас?

– Да, Николас?! – эхом повторил друг.

Становиться на одну сторону с Жерардом не хотелось, но в чём-то он был прав. Уповать можно только на чудо.

– В Эскендерии мне довелось подслушать переговоры одержимых, – припомнил Охотник. – Они готовятся к Часу Возрождения, в ходе которого некто Тень должен обрести силу. Белый Палач, как и вы, утверждал, что я – ключ к этому. Хотя какая от меня польза, я так и не понял.

Внук вождя одарил его гневным взглядом. Вынув руки из-за спины, Николас сложил их на груди.

– Конечно! От тебя зависит, кто взойдёт на Небесный престол. Так пускай это будет Ноэль. Или ты не считаешь его достойным? – с вызовом спросил Жерард.

Друг бледнел, желваки ходили по скулам.

– Лучше он, чем этот... Тень, – после долгой паузы рассудил Николас.

– Это просто... просто...

Ноэль надвинулся на него и схватил за ворот рубахи. Глаза в глаза.

Поединок совсем не пугал. Взгляд бродил по заострившемуся, взбешённому лицу друга. Губы растягивались в лукавую ухмылку. Кто победит?

– Ладно, Ноэль, ты же говорил, что у тебя дела? – Жерард положил ладонь внуку на плечо. – Ступай. Всё, что надо, ты уже услышал. А я ещё переброшусь парой слов с нашим дорогим «ключом».

Яростно сверкнув глазами, друг отпустил Охотника и удалился.

Николас небрежным движением поправил рубашку.

– Что ты на самом деле думаешь? – спросил вождь.

– Что вы мучаете своего внука, лишая его естества и воли. Охота на демонов у него в крови. Сколько бы вы ни манипулировали его привязанностью к вам, зов дорог он слышать не перестанет. Однажды он уйдёт от вас.

– Нет! В отличие от тебя он знает, что такое ответственность, и умеет подавлять свои порывы. Но я спрашивал не об этом.

– Почему вы так уверены, что Безликий – это благо? Вдруг Норны направляют вас по ложному пути, и мир канет в бездну, если мы последуем их советам?

– Ты считаешь Ноэля недостойным быть нашим лидером? – сварливо оборвал его Жерард. – Разве не чувствуешь свою связь с ним? Симпатию? Желание быть ему другом, помогать? Это всё – из прошлого воплощения.

Николас в задумчивости потёр переносицу.

– Обычная благодарность за спасение жизни. Он хороший человек, но вы не даёте ему выйти из вашей тени и принимать решения самостоятельно. Люди, даже члены Компании, не знают его так близко, как мы с вами. Естественно, ему не доверяют.

– Сделай так, чтобы они поверили. И, что важнее, чтобы поверил он сам. Только тогда ты получишь свободу. А если мы не покажем королю Безликого в ближайшее время, то оба лишимся чего-то гораздо более ценного, чем оружие или волосы, – привёл последний довод вождь.

– Хорошо, – нехотя двигая челюстями, ответил Николас. – Я что-нибудь придумаю.

– Срок у тебя до завтрашнего утра. А сейчас сделай что-нибудь с этим безобразием у себя на голове, парикмахер уже ждёт, – Жерард помахал на него рукой, прогоняя.

«Ничего, милая, – отозвался Безликий, не отрывая взгляда от Норны. Избранная им пророчица, которую он же и убил. Или кто-то другой. Или они все... – Когда Белый Палач удовлетворит свою жажду мести, то обязательно заберёт тебя и устроит достойное погребение».

Николас направился к двери. Бог скользнул следом и растворился в его тени.

===== Глава 34. Книга тайн =====

1570 г. от заселения Мунгарда, Норикия, Дюарль

Парикмахер уже ждал в специально отведённой комнате. Ровнять обкорнанные Иветтой пряди пришлось долго. Как только он закончил, Николас пощупал колючий ёжик волос на голове, как после тифа или блох. Отражение в маленьком зеркале выглядело жалко, словно он похудел и стал младше на несколько лет. Остались только синие глаза, бездонные омуты, огромные, как блюдца, на пол-лица.

Парикмахер счистил щёткой волосы с его одежды, и Охотник вернулся к себе. Побывать одному не удалось: на стуле рядом с кроватью уже устроился Ноэль, заложив ногу за ногу.

– Не знал, что у тебя есть ключ от моей комнаты, – хмыкнул Николас.

– У меня есть ключ от всех комнат. Но жаль, что нет возможности войти, когда ты запираешься изнутри.

– Извини, вчера я был не в духе.

Сняв сапоги, Охотник забрался на кровать с ногами.

Друг повернулся к нему, оседлав стул задом-наперёд, и положил подбородок на спинку.

– Что говорил мой дед?

– Пообещал свободу, если я назову тебя Безликим. Так что, дорогой братец-ворон, либо ты уводишь меня отсюда по вихревым воронкам, либо я делаю так, чтобы все поверили в твою божественность.

– А как же совесть? Правила, которые нельзя нарушать? Разве ты сам не слышишь, какой это бред? Никто не поверит!

– Я что-нибудь придумаю, – Николас перевёл взгляд на сундук.

Можно убить двух зайцев сразу: убеждая людей в том, что Ноэль – Безликий, разыскать самого бога. Тогда от него все отстанут, и может быть, даже Белый Палач даст жить спокойно, раз уж не Николас – его главный враг.

Он слез с кровати и принялся копаться в вещах. Есть ведь артефакты, воспользоваться которыми выйдет только у Безликого. С помощью них получится самая точная проверка.

Николас достал замотанный в тряпки проклятый клинок. Он соблазнял небывалой мощью, сам просился в руки. Исполнит любое желание, сокрушит любого врага. Только всё это – смертоносный обман. Нет, с помощью меча проверять нельзя, брать на душу столько

смертей – зачем?

Положил оружие обратно, Охотник вынул из сундука «Книгу тайн». Ничего в ней не изменилось: изображение спящих тотемов на потёртой кожаной обложке, потемневшее серебро скоб на углах. Сама словно на стофунтовый замок заперта – не открывается, хоть ты тресни. Но! Никому вреда не причиняет – её неоспоримое преимущество перед мечом. Даже если никто её не откроет, все уйдут живыми. Нужно только выгодно её подать.

– Ты меня слушаешь? – крикнул Ноэль.

Николас и забыл, что друг до сих пор тут сидит и не сводит с него глаз.

– Когда ты так выпадаешь и ничего не замечаешь вокруг, это действительно страшно, – продолжил тот. – Как будто с пустой оболочкой разговариваешь. Так о чём я? Ах, да. Ничего у вас не выйдет, я прилюдно откажусь зваться Безликим.

– Пойдёшь против деда?

– Если понадобится. Это... это последняя капля. Почему бы тебе не назвать Безликим себя?

Николас скосил взгляд на зеркало, в котором отражалась белая маска бога.

– Нет, ну, нет! Я не могу быть им!

– Почему? Судя по легендам, он был тот ещё авантюрист и так же, как ты, превыше всего ценил свободу.

Николас невольно рассмеялся. Он на месте напыщенного, разговаривающего загадками божка, которому все кланялись в ножки? Никогда в жизни!

Хотелось взлохматить волосы пятерней, но щетина лишь колола пальцы.

– Как будет выглядеть, если я назову себя? В это уж точно никто не поверит. К тому же, политика мне претит. Видимо, будучи твоим сподвижником, власти я хлебнул с лихвой и теперь одна мысль о ней внушает мне отвращение.

– А я, будучи Безликим, не хлебнул, получается? – возмутился Ноэль.

– Ты же бог! Соберись с духом, братец-ворон, и прими свою судьбу. В конце концов, это тебя растили лидером, наследником вождя, а я всего лишь воин и слуга, – Николас поклонился деланно учтиво.

– Да таких слуг на конюшне порют до полусмерти! – не выдержал друг.

На щеках проклюнулись шаловливые ямочки, и он засмеялся в голос.

В дверь деликатно постучали. Внутри вошла Бианка с подносом в руках.

– Ужин уже начался, а ты так и не спустился, поэтому я решила... – она запнулась, заметив Ноэля, и покраснела. – Прости... те, не знала, что вы не одни.

– Ужин, совсем забыл! – подбодрил её Охотник и за локоть проводил к столу. – Не смущайся так, я же говорил, все члены Компании равны. Правда, Ноэль?

– Я тоже говорил, – он быстро сел, как подобает, выпрямив спину и расправив плечи.

Николас усмехнулся себе в кулак.

– Рада... кхм, рада, что вы помирились, – Бианка устроилась на услужливо подставленном стуле.

– Мы и не ссорились, так, поспорили немного. С кем не бывает, правда, Ноэль?

Тот покивал, внимательно наблюдая за девушкой. Сказать прямо, что она ему нравится, было не судьба?

– Я попрошу слуг принести ещё одну порцию, а вы начинайте без меня, – решил Николас.

– Но я не думала, я... – начала отнекиваться Бианка.

Уже за претворённой дверью Охотник расслышал, как она спросила:

– Он ведь успокоился?

– С ним нельзя знать точно, – ответил Ноэль.

Вскоре Николас вернулся с ещё одной порцией ужина, а заодно захватил три кубка с вином. Гости сидели на своих местах и переглядывались украдкой.

– Хорошо, что вы оба здесь. Как раз хотел сделать объявление, – Николас вручил каждому по кубку. – В ближайшее время хлопот у меня прибавится, и я не смогу уделять ученикам должного внимания. Поэтому хотел передать тебя в надёжные руки, – он перевёл взгляд с насторожившейся манушки на друга. – Ты ведь не откажешь?

– Что? – нахмурился тот и только потом сообразил: – Да, конечно, всё, что скажешь!

Бианка испуганно побледнела и обняла себя руками.

– Хорошо! Он один из лучших наставников Компании, куда опытней и терпеливей меня. А я проверю ваши успехи на выпускном испытании.

– Ты преувеличиваешь, – покачал головой Ноэль.

Николас пропустил его слова мимо ушей и принялся вводить в курс дела:

– У манушей очень своеобразный дар. Они читают будущее по символам, значение которых им нужно прочувствовать сердцем. Бианка, покажи свои карты.

Вздыхнув, как перед прыжком в воду, та протянула Ноэлю колоду. Он с любопытством взгляделся в изображения.

– Искусная работа. Твоя? Всегда хотел посмотреть, как ты рисуешь.

Николас подошёл к шкафу, где хранил альбом, вынул оттуда лист и вложил в ладони друга.

– Наш будущий вождь, – подмигнул Охотник манушке, чтобы она хоть немного расслабилась.

Ноэль присмотрелся к рисунку. Николас выводил его долго и тщательно, особенно в те дни, когда требовалось расслабиться, успокоиться и помедитировать. Хотелось сделать его как можно более выразительным, передать, каким выглядит этот человек со стороны: благородным, величественным, безупречным в каждой черте. Небожителем.

– Так красиво! Настоящий король! – восхитилась Бианка и случайно встретилась взглядом с Ноэлем. – Ой, это же вы! Ты! Ой, прости!

– Да-а-а, – он вернул Николасу портрет, глядя с усталостью. Ещё самую малость, и сдастся! – Только венец дорисовывать не стоило. Воображение у тебя, конечно, очень яркое.

Охотник убрал портрет, и они вернулись к делам насущным.

– Сейчас Бианка ближе знакомится с картами. Обычно она рассказывает мне, что с ней случилось за день, какие мысли пришли в голову. Вместе мы обсуждаем, что это могло бы значить, если бы изображение на карте было ключом. Бианка, выбери нам что-нибудь на завтра.

Она потянулась за Колесом удачи, но в руку лёг Шут, лицом вниз. Охотник едва заметно взмахнул пальцами, и карта перевернулась.

Манушка не заметила, но, озадаченно посмотрев на карту, просияла:

– Шут – это тоже к удаче. Повезёт тем, у кого весёлый настрой, причём так, как они сами не ожидают.

– Молодец! – похвалил её Николас. – Видишь, она быстро учится.

– Схватывает на лету, – ответил Ноэль настолько мрачно, будто предупреждал, что догадался об уловке.

– Всё будет хорошо! – заключил Охотник, несмотря на его неверие.

Идея с проверкой Жерарду не понравилась.

– Это займёт прорву времени. Сколько голодранцев придётся перевидать прежде, чем можно будет показать Ноэля, чтобы не заподозрили обман? А если кто-то другой откроет книгу?

– Неужели вы не верите, что ваш внук – Безликий? – спросил Николас с вызовом.

Это заставило вождя замолчать.

– Никто, кроме бога, её не откроет. А если у Ноэля не получится, я помогу. Это единственный шанс заставить его поверить в себя.

Скрепя сердце, Жерард согласился.

Дальше требовалось отправить прошение королю. Этим занялся сам вождь, опасаясь, что Николас снова ввяжется в свару. Орлен воспринял затею с гораздо большим воодушевлением и пообещал оказать любую помощь. К вечеру во всех поселениях, куда добрались гонцы, объявили, что Компания ищет Безликого. Лорд Комри подготовил испытание, которое пройдёт только бог. Приглашаются все желающие. Внешность, возраст, достаток, наличие дара, даже мужчина или женщина – не важно. Уделят внимание каждому.

Черновик вступительной речи Николас набросал заранее, но шлифовать её пришлось до самого выхода из штаба. Охотника хотели обрядить в парадный костюм и нахлобучить парик на почти лысую голову, но вместо этого Николас надел обычные штаны из серого сукна и тёмный тапперт с глубоким капюшоном. Даже одолженное Ноэлем оружие брать не захотелось. Неудивительно, что в толпе охранников, писарей и прочих зевак из Компании Николаса не замечали.

Сколько народу глазело на его наказание, припомнить не удалось. Теперь же будто всё королевство собралось на главной площади. Нет, весь мир! Столько зрителей даже в цирке Герадер видеть не приходилось! Хорошо, что среди них нет Лучезарных, чтобы уличить его в колдовстве.

Вдох-выдох, отрешиться. Вспомнить, для чего он тут. Если настоящий Безликий не отыщется, то Ноэль во главе Компании будет куда лучше своего деда: установит более справедливый порядок, займётся насущными проблемами. Пускай одарённые и не победят, но хотя бы принесут больше пользы и запомнятся героями, а не сосущими из страны кровь дармоедами.

Охрана обступила Охотника со всех сторон и проводила к деревянному помосту. Николас откинул с головы капюшон и обвёл собравшихся внимательным взглядом.

– Моё имя Николас Комри, – начал он зычным голосом. Нельзя показывать слабость. Никогда. – С разрешения короля я хочу обратиться ко всем вам, честной люд Норикии. Компания «Норн», последнее убежище для одарённых, возложила на меня важную миссию – отыскать спасителя Мунгарда. Мой далёкий предок был сподвижником Безликого в те времена, когда люди переселялись из гибнущего Гундигарда на север. С тех пор в моей семье сохранилось множество преданий. В них говорится, что в самый тёмный час Безликий вернётся к нам, чтобы повести на последнюю битву. Норны предсказывают, что это уже случилось. Бог среди нас!

Толпа взволнованно зашептала.

– Я чувствовал связь с ним с рождения, слышал отголоски его воспоминаний. Необъяснимая тяга звала меня в путь, на поиски бога. Во время своего первого пришествия

Безликий оставил в Мунгарде одну вещь, воспользоваться которой мог только он сам. Это – «Книга тайн». В ней заключены все знания, судьбы всего мироздания. Чтобы добыть её, мне пришлось объехать весь Мунгард с Туманных островов на западе до островов Алого Восхода на востоке. Лишь на обратном пути я наткнулся на смутные слухи, что книга хранится в Великой библиотеке Эскендерии.

Люди испуганно ахнули.

– Рискуя жизнью, я пробрался в захваченный Лучезарными город. Там я узнал, что Белый Палач приказал сжечь Библиотеку, чтобы уничтожить этот могущественный артефакт. Но мне удалось попасть туда, куда остальным путь закрыт – в подземное хранилище. Десять дней я блуждал по его лабиринтам без сна, пищи и воды, пока не отыскал вот эту книгу.

Николас показал потрёпанный фолиант, окованный по краям серебром.

– Только благодаря ей я выбрался наружу. Но стоило мне выглянуть из подземного хода, как Лучезарные бросились за мной в погоню. Они не желали, чтобы артефакт достался нам. Белый Палач ранил меня ядовитой стрелой и натравил орду демонов. Если бы не доблестный внук нашего достославного вождя, – Николас указал на стоявшего у помоста Ноэля, который косился на него недовольно. – То я бы погиб.

Теперь друг удостоился хотя бы части восхищённых взглядов.

– «Книга тайн» у нас, но заглянуть в неё не получается, – Охотник безуспешно попытался отделить обложку от страниц и вручил фолиант ближайшему охраннику, чтобы он показал то же самое. – Каждый желающий, будь то мужчина или женщина, старик или ребёнок, здоровый или больной, сможет поддержать этот артефакт в руках и попробовать его открыть. Кому это удастся, тот и есть Безликий. Мы встанем под его знамёна, чтобы он вёл нас своей мудрой волей против сил зла.

Толпа застыла, слишком ошеломлённая, чтобы реагировать.

– Смелее! Даже если не получится, мы никого не обидим. И спасибо за помощь заранее! – добавил он, стараясь улыбаться как можно более радушно.

Едва не смятая охранников, люди подались вперёд. Они тянули руки, толкались локтями, кричали:

– Взгляните на меня! На меня! Хоть один взгляд, лорд Комри!

Ого, сколько шума!

– Тише-тише! – призывал Николас. – Все успеют. Наш покровитель Безликий превыше золота ценил достоинство и благородство. Не будем забывать об этом.

Они отступили и начали смотреть друг на друга, вновь обретая человеческий облик. Охотник устроился на лавке. Охранники начали пропускать к нему людей по одному. Вся площадь стремилась поучаствовать, будто им не так интересен был Безликий и книга, как возможность пожать руку лорду Комри.

Николас не предполагал, что желающих будет столько. Приходилось испытывать их с раннего утра до позднего вечера. Ел он на ходу, отлучался только по нужде, спал всего по несколько часов. Охранники передавали караул, новые писари заступали на дежурство, и только Охотника сменить было некому.

В числе первых к нему заглянул Жюльбер:

– Все пробуют. Чем я хуже? А вдруг получится. Неужели я не похож на самого великого героя всех времён и народов?

Оборотень скинул рубаху и покрасовался накачанными мышцами рук и живота. Зрители воодушевленно захлопали. Николас вручил ему книгу.

– Хы-ы-ы!!! – попытался он разлепить страницы так, что на шее вспухли жилы, попробовал даже ногой. – Нет, это невозможно. Никто не сможет!

Николас забрал книгу и задорно подмигнул:

– Потому что ты – не Безликий. Тут не сила нужна, смекаешь?

Народ воодушевленно загудел. Попробовать хотелось даже самым слабым.

Вскоре явилась Шанти с мужем. То ли они пытались ещё раз позлить Николаса, то ли действительно жаждали приобщиться. Сказав им лишь то, что было необходимо, он вручил книгу вначале своей бывшей любовнице. Когда ничего не вышло, она окатила его презрительным взглядом и поджала губы. Не поведя бровью, Охотник передал фолиант её мужу, который тоже не справился.

– Это всё обман! – прошипел лорд де Годон сквозь зубы. – Как и ты сам – подделка!

– Если вы желаете меня в чём-то уличить, обратитесь к нашему вождю или королю. Пускай они решают, – пожал плечами Николас.

Охранники насторожились и выставили копья. Толпа недовольно заворчала, понося Гийома и его супругу на разные лады. Видя, что преимущество не на их стороне, чета де Годон убралась восвояси.

На следующий день попытать удачу решил юный любовник Шанти.

– Франсуа де Сатильон, сын и наследник капитана королевских гвардейцев, – бойко представился он.

Николас аж присвистнул. Маркиза де Сатильона весь город знал, как очень опасного и могущественного человека. Умеет же госпожа де Годон выбирать себе поклонников.

С надменным видом Франсуа попытался разорвать книгу, но это оказалось ему не под силу. А потом под руку с Иветтой явился и сам король.

Нет, не приведите боги, Безликим Орлен себя не считал и держался подальше от суеты, но уж очень любопытным выглядел волшебный фолиант. Увитые дорогими перстнями пальцы долго бродили по выпуклым рисункам тотемов. Невзначай король всё же попытался открыть обложку, но ощутив сопротивление, отстранился.

– Удивительная вещь! От неё прямо веет чудом! – глаза сверкали, как у мальчишки, будто Орлен забыл о своём величии и гневе. – Птицы и кот – символы Братьев-ветров? Как живые! Вот-вот проснутся и откроют глаза. Смотрите, душенька, – он вручил книгу Иветте.

Николас передёрнулся, как только длинные пальцы ши коснулись обложки.

– Когда они проснутся, наступит конец света. И он делает всё, чтобы приблизить этот миг, – фаворитка с брезгливостью всучила книгу Николасу.

– Ну-ну, душенька, зачем же так мрачно? Мы уверены, лорд Комри этого не допустит, – успокоил её король.

– Конечно, Ваше величество, не сомневайтесь! – Охотник заставил себя согнуть спину в учтивом поклоне.

«Можешь кривляться, сколько влезет, но скоро ты пожалеешь, что явился в этот мир», – прошипела Иветта мысленно.

С трудом удалось сохранить радушное выражение. Почему никто не чувствует исходящей от неё угрозы? Почему не хотят понять, как опасно надевать ошейник на хищника и играть, как с ручной зверушкой?

Случались и другие неприятности. В толпу затесался драчливый верзила. Николас

почувствовал его настроение, ещё когда тот поднимался на помост и выкрикивал своё имя – Понс Димо. Книгу он схватил бесцеремонно, а когда не смог открыть, попытался разорвать на части в бессильной злобе. Люди потешались над ним, дразнили.

Когда Охотник забирал книгу, лишь многолетняя выучка позволила увернуться от кулака. Охранники бросились заламывать Понсу руки за спину.

– Он обманщик! Шарлатан! – завопил верзила. – Эта книга склеена так, чтобы никто её не открыл. Когда дураки закончатся, подойдёт нужный человек, и они заменят её на обычную!

Нет, склеен фолиант не был. В Библиотеке от него точно исходила магия, а когда обложки касалась Иветта, он отзывался неприязнью.

Народ требовал, чтобы Понс не оскорблял их героя.

– Героя? – ярился тот. – Он внук предателя! Его дед сдал наш орден и своё королевство тварям в голубых плащах. Скольких наших собратьев он погубил? Неужели вы так быстро их забыли? Отец вашего героя был малахольным трусом. А сам ваш герой только и может, что легковых байками стращать. Кто-нибудь из вас видел хоть один из его подвигов? Без своего меча и дара он ни на что не годный слабак! Дуэли со стариком де Годоном испугался!

Охранники уже тащили его прочь, но Николас приказал:

– Оставьте! Хочет проверить мою силу – пускай!

Он снял с себя тапперт и стянул рубашку через голову.

Понса отпустили. Тот принял боевую стойку, согнув колени и вскинув кулаки.

– Может, не стоит? – испуганно спросил один из охранников.

– Стоит!

Николаса и даже деда пускай поносят, сколько хотят. Но не отца, только не того, кто отдал за Охотника жизнь. У него могут отобрать подарок, но память о родителе не отнимут никогда!

– Это не дуэль, я безоружен и никого убивать не собираюсь. Но если король и за это решит меня наказать... – Николас развёл руками и спустился с помоста.

На Авалоре Мидрир обучал его кулачным боям. Считал, что воин должен уметь сражаться безоружным. «Если у тебя нет рук, бей ногами. Если нет ног, рви зубами. Не сдавайся, пока дышишь. Вся жизнь – в борьбе». Привитые в детстве навыки часто пригождались в странствиях, но за неполных три года в Компании он размяк и соскучился по настоящим сражениям.

Николас тоже принял стойку. Противники закружили друг против друга. Понс первым попытался заехать кулаком в ухо Охотника. Тот ушёл в бок, изучая врага. Крепкий, мышцы тугие, натренированные, в кулачных боях явно не новичок. Второй удар, третий – Николас не напал, ждал удобного момента.

– Да не скачи ты, как заяц трусливый! – выкрикнул верзила, теряя самообладание.

Охотник отрядил левым кулаком снизу вверх в подбородок. Понс клацнул зубами, едва не откусив язык, но тут же собрался и попытался ответить. Николас пнул его под дых правым коленом. Верзила оступился и едва не упал. Теперь увёртывался он, закрываясь локтями от сыпавшихся градом ударов.

Терпения дожидаться передышки у Понса не хватило. Он резко развернулся, согнул руку в локте и ударил в челюсть. Николас отклонился – кулак едва мазнул по лицу, но на губах засохла кровь.

Открылённый маленькой победой, верзила поддался ярости чуть больше, чем следовало,

и стал неосторожен. Уйдя вниз от очередного удара, Николас подсёк ему ноги. Понс распластался на мостовой, врезавшись затылком в камень. Голова-то железная оказалась – он только потряс ею и, проморгавшись, попытался встать, но Охотник придавил его грудь сапогом.

– Убедился? Или жаждешь продолжения?

– Это уже слишком. Пускай проваливает! – раздался над ухом голос Ноэля.

Николас удивлённо обернулся. Друг, опустив капюшон неприметного серого плаща, стоял у него за спиной. Интересно, часто он следит исподтишка?

Охотник предложил Понсу помощь, но тот брезгливо отмахнулся и встал сам. Окотив обоих полным злобы взглядом, он зашагал прочь. Толпа улюлюкала ему вслед и называла мокрозадым хлюпиком.

Губа распухла – а хорошо ударил, сволочь!

– Почему ты так легко выходишь из себя? Наплюй, что они говорят, иначе больше сюда не пойдёшь, – Ноэль протянул Николасу платок. – Даже дед переживает, что ты себя в могилу сведёшь раньше срока.

Друг во весь голос обратился к толпе:

– Лорду Комри нужна передышка. Перерыв!

Люди недовольно загалдели.

– А пока испытывать вас будут эти господа, – внук вождя указал на охранников. – Не беспокойтесь, я скоро верну его в целости и сохранности.

Он схватил Николаса за локоть и поволок за собой, не слушая возражений. К нему толпа отнеслась куда менее враждебно, да и Охотнику не хотелось устраивать разборки прилюдно.

– Поинтересовался бы, как дела у твоей ученицы, – отпустил его Ноэль, когда они свернули на боковую улицу.

– И как у вас дела? Дошло до чего-нибудь серьёзного или вы продолжаете заикаться и отводить глаза?

Николас вернул ему платок. Кровь больше не шла, но зуд в кулаках не унялся. Мало он почесал их об наглую рожу Понса.

– Бианка делает большие успехи. Даже начала выходить в город. Осталось только преодолеть страх перед людьми, – принялся рассказывать Ноэль. – Спасибо, что спросил!

– Я был больше, чем уверен, что вы друг другу понравитесь, – усмехнулся Охотник, и друг, наконец, смягчился.

Они заглянули в оружейную лавку. К ним вышел немолодой кузнец и принялся показывать товар.

– Это лучший мастер в Норикии, – шепнул на ухо Ноэль. – Я всё оружие у него заказываю. Сделает меч не хуже, чем был.

Охотник вертел клинки в руках, изучал ковку, замахивался, проверяя баланс. Громоздкие двуручники, фламберги с волнистым лезвием, более короткие и лёгкие бастарды, широкие палаши и кошкодёры. Ни один не ложился в руку, как дедовский клеймор, ни один не отзывался на ветроплав так же гладко и естественно, не чувствовался продолжением души и тела.

В конце концов Николас взял листок и нарисовал нужную форму клинка.

Оружейник покачал головой:

– Я понимаю, что вас не устраивает. Но секрет изготовления таких мечей известен только мастерам из Каледонских гор. Я не смогу его сделать.

– Возьми пока другой. Этот бастард почти такой же, – предложил Ноэль один из отброшенных Охотником клинков. – Клеймор мы закажем на Авалоре. Придётся подождать, пока его привезут, но ты же не собираешься прямо сейчас на войну.

Нет, ничто дедовский меч не заменит!

Николас направился к выходу.

– Хочешь, я попробую добраться до Каледонских гор и достать для тебя этот клинок быстрее? – не выдержал Ноэль.

– Лучше доставь туда меня... или хотя бы на границу с Лапией, – ответил Охотник раздражённо. – Нет? Тогда не спрашивай больше!

– Ты просто... просто невозможен! – вспыхнул друг и ушёл, как только впереди показалась переполненная людьми главная площадь.

Ноэль встретил Бианку в холле штаба. Она сидела за столом и раскладывала карты причудливым узором.

Заслышав шаги, манушка повернула голову и улыбнулась:

– Как он?

– Сходила бы сама и узнала.

– Я не смогла угнаться за тобой, – ответила она с печалью.

Внук вождя ухватил её за подбородок и заставил поднять голову:

– Сходила бы одна. Там повсюду наша охрана, ничуть не менее безопасно, чем здесь.

Манушка молчала, прикрыв веки.

Внук вождя тяжело вздохнул:

– Идём, тебе надо почаще бывать на свежем воздухе.

Бианка хотя бы слушалась настолько, что её не требовалось тягать повсюду за руку и следить, чтобы не сбежала.

День был ясный, припекало солнце. Они выбрались за ворота штаба и направились к парку. Из-за испытаний он стоял безлюдный. Парочка молча бродила по тенистым аллеям, пока не нашла привязанные к толстой ветке качели. Проверив их на прочность, Ноэль устроил Бианку на сиденье и принялся раскачивать.

За время учёбы они сблизились. По крайней мере, она стала более доверчивой и перешла на «ты». Бианка болтала ногами и смотрела в небо, не замечая даже, что скрывавшие её увечье волосы сбились набок.

Рядом раздалась приветственное карканье, захлопали чёрные крылья. С ветки спустился Муни и сел на хозяйское плечо, сжав его когтями. Иногда ворон пропадал на несколько дней или даже неделю, но возвращался, стоило Ноэлю заскучать.

– Кар-р-р? – спросила птица, переводя взгляд с Бианки на хозяина.

Тот улыбнулся и погладил любимца по голове.

– Твой питомец? – удивилась манушка.

– Друг. Вороны очень умные. Могут вытворять немыслимые трюки как в полёте, так и на земле. Некоторые даже разговаривают. Правда, Муни?

– Крр-р-разяин! Кра-а-апасть! Кр-р-ра-кр-р-ра! – любезно продемонстрировал ворон.

– Я не поняла... – смутилась манушка.

– Говорит, чтобы я не отправлял тебя в полёт, ведь у тебя нет крыльев, чтобы остановить падение, – лукаво усмехнулся Ноэль.

На самом деле в последние дни ворон предупреждал об опасности, хотя причина

оставалась загадкой. Разве что из-за авантюры с Безликим.

– Какая пронизательная птица! – восхитилась Бианка.

Внук вождя улыбнулся и перестал раскачивать её так сильно.

– Хочешь погладить? – ворон спустился по руке хозяина на запястье.

– А он не клюнет? – опасливо покосилась на мощный клюв манушка.

– Нет, ты ему очень нравишься, – заверил её Ноэль.

Ворон утвердительно каркнул и осторожно перепрыгнул на её запястье. Бианка приблизила палец к его спинке. Муниин повернул голову, и манушка испуганно отдернулась.

Ноэль смотрел на неё пристально, не позволяя отказаться. Бианка снова несмело потянулась к Муниину. Внук вождя подтолкнул её своей ладонью, невзначай касаясь бархатистой кожи. По телу побежали мурашки. Как приятно!

Её пальцы зарылись в нежный пух. Манушка зарделась и отвела взгляд. Ворон с удовлетворённым видом вернулся к хозяину.

– Я жуткая трусиха, – сказала она. – Даже карты боюсь изучать слишком быстро. Вдруг колода закончится прежде, чем Николас освободится, и он не сможет принять выпускные испытания?

– Не переживай. Как только ты почувствуешь себя готовой, я приволоку его к тебе за шкуру.

– Не надо! – Бианка потупилась. – Не хочу, чтобы у него были из-за меня проблемы.

– Причём тут ты? Он сам себе их устраивает и не слушает тех, кто пытается его образумить.

Почему все их разговоры сводятся к Николасу? Как по замкнутому кругу ходят, а ведь хотелось совсем иного: взять за руку, взглянуть в глаза, поцеловать такие нежные пальцы.

– Он тебе нравится? – Ноэль и сам поразился своей бесцеремонности.

Бианка заставила качели остановиться и обняла себя за плечи:

– Он меня не любит. Точнее, не хочет любить никого, даже... даже эту... Улыбается всем, говорит вежливо и учтиво, а внутри нордхеймская стужа. Она обжигает до боли, стоит лишь приблизиться, коснуться. И всё же его сияние завораживает.

– Я понимаю, о чём ты, – печально улыбнулся Ноэль. – Но заставить его принять и полюбить не сможет никто. Остаётся лишь смиренно ждать...

– Нет, – оборвала его Бианка. – Тебя он любит. Тебя, пожалуй, единственного. Что-то чувствует, когда говорит или смотрит, будто приподнимает маску, допускает ближе остальных. И боится. Очень боится тебя потерять.

– Я тоже... боюсь... Очень боюсь, что то, чем он сейчас занят, погубит его. Даже себя мне не жалко настолько. Давай всё же не будем. Перебивать косточки другу не очень похвальное занятие. Лучше расскажи про себя. Что собираешься делать после учёбы?

– Я стараюсь об этом не думать, – Бианка прижала ладонь к груди. – Боюсь пустоты, что разверзается у моих ног. У меня нет друзей и близких. Всё, что я могу, гадать на картах. Искать новый табор? Но для моих соплеменников внешность важнее всего. Неспособных приносить пользу калек они бросают.

– Если ты захочешь, мы станем твоим табором, – предложил Ноэль. – Я подыщу для тебя подходящее занятие, какое пожелаешь. Можешь при этом использовать свои таланты или даже карты.

– Было бы здорово, хотя я плохо представляю, как буду без тебя и Николаса. К хорошему быстро привыкаешь.

– Умение жить самостоятельно – тоже важная часть учёбы. У тебя всё обязательно получится! Нужно перестать бояться не только своих способностей, но и людей вокруг, и даже одиночества. Хотя последнее самое трудное. У меня тоже не всегда получается.

– Особенно в том, что касается Николаса, – усмехнулась Бианка и тут же зарделась. – Извини, мне нужно перестать о нём думать днями напролёт.

– Ты с лёгкостью найдёшь того, кто тебя полюбит.

– Вот уж нет, не с таким лицом. В делах любовных внешность превыше всего, уж кому, как не манушке-танцовщице об этом знать.

– Но в глазах влюблённого любой изъян становится прекрасным, – Ноэль убрал волосы с левой стороны лица Бианки, разглядывая борозду шрама, причудливо изломавшую её черты.

– Кр-р-ра! – подтвердил Муни.

Стекланный глаз сверкал, как маленькая звёздочка, а настоящий стал тусклым из-за подступивших слёз.

– Я бы смог...

– Ш-ш-ш, не стоит, – Бианка забылась, зачарованная близостью, тёплым запахом, и коснулась пальцем его пересохших губ. – Ты же внук вождя, его наследник, принц маленького королевства одарённых. А кто я? Безродная нищенка с изуродованным лицом.

– В нашей Компании нет ни королей, ни принцев. Здесь все равны и получают согласно своим заслугам, – ожесточился Ноэль. Она ускользала от него, как неуловимый сон.

– Только на словах, – покачала манушка головой.

– Я это изменю, – возразил он. – Не веришь?

Они долго смотрели друг на друга, не замечая, как на разгорячённые лица падают первые капли летнего дождя.

===== Глава 35. Венец лидерства =====

1570 г. от заселения Мунгарда, Норикия, Дюарль

Шли месяцы, а желающих испытать удачу с книгой меньше не становилось. Особенно наглые прорывались по второму кругу, но писари их не пропускали. Всё больше приходило нищих, калек и разбойников. Охранники относились к ним настороженно, но Николас никому не отказывал. Жерард не уставал распекать его за это и заставлял пить омерзительные зелья, чтобы не подцепить никаких болячек. Даже книгу и ту раз в час приходилось смазывать жидкостью, пахнувшей как вишнёвая настойка.

Появлялись и странные личности: древняя старуха Корделия, которая утверждала, что управляет Норнами силами Безликого. Говорила, что переродилась женщиной, потому что хотела узнать, каково это – рожать детей. Николас с трудом сдерживался, чтобы не покатиться со смеху. Напыщенный божок на сносках, похожий на утку с огромным пузом! Вот умора!

Книгу старуха открыть не смогла, а потом её сыновья, извиняясь, увели Корделию домой.

Приходили и дети, пройдохи даже не гнушались притаскивать младенцев, потому что якобы видели знаки на их телах. Особенно запомнились близнецы лет десяти: мальчик и девочка со светлыми кудряшками, Брис и Бри. Совсем тощие, одеты они были в серые лохмотья, видно, жили на улице. Забавные, дети благодушно улыбались и заявляли:

– Дух Безликого поделится на две половины, чтобы воплотиться в нас обоих и не мучиться от одиночества.

Неплохая идея. Правда, Николас и одного-то себя плохо переносил, а уж двоих!
Близнецам книжка не поддалась. Охотник не сдержался и вручил им пару медек на еду.

Он внимательно осматривал каждого и ни в ком не узнавал фигуру в балахоне. Голоса и глаза, походка и манеры – всё было другим. Да и чутьё не отзывалось, сам Безликий больше не отвечал, словно обиделся. Но ведь это самый простой способ узнать его. Жаль, что бог оказался таким упрямым. Интересно, в каком пекле придётся его искать?

Закончилось знойное лето, началась тёплая в Норикии осень. В преддверии Фелесана, равноденствия, Жерард прислал посыльных с требованием закончить пораньше и явиться к нему с докладом. Входя в его кабинет, Николас предчувствовал бурю.

– Ты удовлетворился? – спросил вождь, оторвав взгляд от бумаг.

– Нет. Никто не открыл книгу, хотя я уже перевидал всех сумасшедших и плутов Норикии, – непринуждённо ответил Николас.

– Тем лучше. Значит, самое время сворачиваться. Король теряет терпение. Да и я тоже устал наблюдать за этим фарсом.

Жерард отпер стоявший рядом со столом сундук и достал оттуда книгу.

– Мастера из нашего цеха изготовили. Никто не заметит разницы.

Николас пощупал острые края, окованные серебром. Рисунки на обложке точь-в-точь повторяли тотемы на «Книге тайн». Охотник распахнул фолиант и прочитал первые строки, написанные витиеватой руницей. Копия обычной исторической хроники.

– Завтра в полдень я отправлю к тебе Ноэля. Ты должен незаметно подменить свою книгу этой. Сможешь? У тебя же руки, как у карманника. Когда Ноэль её откроет, объявишь его Безликим.

– Неужели вы сами не верите в своего внука? – нахмурился Николас.

– Нет. Я не верю в тебя и твою дурацкую затею. Так что помни наш уговор. Как только все поймут, что Ноэль – Безликий, ты будешь свободен. Но об этом, – Жерард указал на поддельную книгу, – никому ни слова.

Он-то не скажет, а вот книжники из цеха... Эх, почему вождь не понимает, как всех подставляет, и в первую очередь своего внука? Дело не в обмане и не в хитрости, а в том, что обходить некоторые законы – опасно для жизни. Хрупкая гармония нарушается, и это может привести к ужасным последствиям. А если испытывать судьбу так часто...

Ладно, не его заботы. Нужно думать о свободе. С развязанными руками он сможет куда больше.

Николас завернул книгу в мешковину и вернулся к себе. В большом зеркале отражался только он сам: Безликий исчез, как и все остальные пугающие маски. Может, сумасшествие отступило и больше не вернётся? Тогда до свободы, настоящей безграничной свободы, и правда, рукой подать. Даже не верится!

Распалив камин, Охотник занавесил окна плотными гардинами и запер дверь на засов. Поддельная книга полетела в огонь. Как только дрова прогорели, Николас пошевелил кочергой пепел. Нужно, чтобы от подделки не осталось и следа. Не хватало ещё, чтобы её обнаружили.

С рассвета Охотник снова испытывал желающих на главной площади. Охранниками назначили весельчака Жюльбера и несколько его товарищей, видимо, не без умысла. Всё-таки оборотень из клана Лугару считался одним из сильнейших воинов Компании.

Когда солнце скрылось за набежавшими облаками, в толпе показался низкорослый горбун. Кость правой скулы выпирала вперёд так, что искажались все черты, делая лицо несимметричным. Золотистые огоньки глаз едва просматривались сквозь узкие щёлки век.

Горбатый нос был свёрнут набок. Толстые губы не смыкались, показывая ряд неровных острых зубов. Звенели бубенцы на пёстром костюме из красных и зелёных лоскутов.

Даже нищие и калеки шарахались от него.

– Бойтесь Умбера? Не любите Умбера? Отвергаете Умбера? – бормотал он.

Горбун похромал к помосту, двигаясь боком на полусогнутых ногах, и не остановился, даже когда охранники направили на него копья.

Николас вскинул руку, приказывая пропустить. Замечательное, однако, будет завершение фарса.

– Ваше имя Умбер? Тоже хотите испытать себя книгой? – спросил Охотник, спускаясь с помоста, чтобы помочь.

– Я выброшенный принц! – хрипловато и едва разборчиво заявил горбун. – Я позор королевства. Я принц всех отверженных. У меня нет своего лица. Мои черты отражают страдания и пороки всех людей. Кто привечает меня, будет навеки проклят!

А речь у него удивительно правильная несмотря на глухой голос. Босяки так не разговаривают.

Охотник ведь и так проклят, печатью мар и своим прошлым воплощением. Угрожать бесполезно.

Он протянул горбуну руку, и тот долго всматривался в неё, аж вся площадь замерла в ожидании.

– Ты тоже чужак с той стороны, затаившийся в овечьей отаре, – наконец, вымолвил горбун. – Злокозненный шут в человеческой маске, зачем ты играешь с людьми, как с куклами? Зачем обманом заставляешь исполнять твою работу?

В чём его обвиняют на сей раз?

– Никого обманывать я не желаю и буду счастлив, если Безликий явится сюда и откроет книгу. Как и все, я жажду спасения и освобождения.

– Ты ищешь снаружи, а надо внутри, под масками из человеческой кожи – в отражениях кривых зеркал и бродящих в тумане тенях. Ты и сам это знаешь, но поступаешь, как проще, злокозненный шут. Недолго тебе осталось властвовать. Отец уже здесь. Он могуч, а ты слеп. Он покарает тебя за твои злодеяния, а всем обиженным воздастся.

– А кто ваш отец, мой принц? Неужели сам Небесный Повелитель? – С безумцами лучше не спорить. – Давайте же поскорее откроем книгу, и пускай Вечерний Всадник соберёт всё бремя долгов с наших душ. Я не боюсь справедливой кары, мой принц, а вы?

Николас взял горбуна под локоть и подтолкнул к помосту. Тот бешено вращал головой и едва заметно дрожал.

– Лишь тот не боится кары, кто сам истязает себя без меры, – заявил горбун, оказавшись наверху. – Сними свою маску, самозванец. Пускай все увидят, кто ты есть!

– На мне нет маски. Я лишь смиренный слуга своего господина – Безликого. Но быть может, это вы, мой принц? – Николас согнулся в поклоне. – Скорее откройте книгу и разрешите наши сомнения!

Он забрал фолиант у Жюльбера и пихнул в ладони горбуна. Стоило скобам коснуться его кожи, как от неё повалил пар и запахло горелой плотью. Умбер выронил книгу, визжа от боли, и едва не упал.

Да это же демон!

Николас потянулся за мечом на поясе, но вспомнил, что остался без него. Да и пугать людей не стоило. Они смотрели на него во все глаза, мол, зачем над убогим издеваешься.

– Пошёл вон, ублюдочный полукровка! – зарычал на горбуна Жюльбер, его черты преобразились в волчий оскал.

Подняв книгу, Охотник взял горбуна под руку и помог спуститься.

– Всем воздастся по заслугам. А теперь ступайте. Вы не тот, кого мы ищем.

– Мы отомстим, – шипел едва слышно Умбер. – Самое дорогое – потеряешь!

– Каждый получит то, что заслужил, – упрямо ответил Николас и направил его прочь с площади. – И ваш владыка – тоже.

Он поймал на себе тяжёлый взгляд Ноэля. Облака разошлись, и друг оказался в столбе ослепительного света. Король человеков. Полдень. Николас усмехнулся, потёр висок запястьем и вернулся на помост.

– Кто это был? Ты его узнал, я видел, – шепнул он Жюльберу.

– Ты тут недавно, поэтому не во всём разбираешься. Поверь, о некоторых вещах лучше молчать, – ответил оборотень.

Жерард со свитой уже направлялся к помосту, желая удостовериться, что всё пройдёт без сучка, без задоринки. Толпа снова загудела, предвкушая грандиозное представление.

Внук вождя приблизился к Николасу: лицо хмурое, губы сжаты в полоску, на лбу тревожная морщина.

– Я согласился, только чтобы это прекратилось. С каждым разом всё хуже. Да и Бианка уже давно готова к выпускным испытаниям, – произнёс он тихо.

– Вопрос в том, готов ли ты, – усмехнулся Охотник и протянул ему книгу.

Ноэль хотел было забрать её, но Николас увернулся.

– Э, нет! А вдруг горбун-полукровка её проклял? Пускай лучше зло перейдёт на меня, а то твой дед мне голову оторвёт!

– Остряк! – друг скривился и повернулся к писарю. – Ноэль Пареда, внук вождя Компании.

– Да знают тут все, чего уж... – отмахнулся бородатый дядька.

Николас прижал книгу к груди и обтёр обложку рукавами для вида. Только после этого фолиант переключался в руки испытуемого.

– Я не утверждаю, что я Безликий, бог или как там ещё... Я просто исполняю свой долг!

Ноэль глянул на обложку. Ладонь потянулась к тотему ворона, палец обвёл силуэт и замер на остром клюве. С крыш домов поднялась стая чёрных птиц и, грая, закружилась тучей. От них отделился большой ворон и сел на плечо Ноэля. Муниин, видно, тоже решил поучаствовать.

Взявшись за кованые края, друг поднатужился и попытался раскрыть фолиант. Ворон рванулся с его плеча и ударил клювом в похожий на него тотем.

Что-то потекло по пальцам, Николас скосил взгляд. Кровь, снова кровь! В груди кольнуло, перед глазами вспыхнуло алое зарево. Из него проступил силуэт: истерзанное тело в луже Мрака. Глаза, почти чёрные вороновы, закатились, смотрели в смерть. И в лицо Охотника – с укоризной. Что ты наделал, брат?!

– Николас! Николас! – сквозь расстояние в десятки веков и тысячи миль донёсся испуганный голос Ноэля. – Что с тобой? Да очнись же!

Охотник встряхнул головой. Зрение вновь обрело ясность. Только дышать стало трудно, кровь грохотала в ушах, сердце заходило. Ноэль держал его под руки, а Муниин с плеча хозяина удивлённо заглядывал в глаза.

– П-прости, переутомился, – Николас встал и заставил свой голос звучать ровно.

Друг приложил ладонь к его лбу:

– Ты весь горишь! Нужно срочно показать тебя целителям.

– Нет! Вон твой дед. Если что, поможет, – Охотник кивнул на наблюдавшего за ними с перекошенным лицом Жерарда. – Открой книгу, и закончим.

– Так я уже... ничего не вышло, – Ноэль поднял с помоста фолиант и протянул Николасу. – Извини.

Взгляд упал на обложку. Что-то в ней изменилось, как и во всём мире: чувствовалось иначе, словно стало тяжелее, реальнее. Только через пару мгновений дошло: тотем ворона распахнул алый агатовый глаз и внимательно наблюдал за происходящим.

– Смотри, смотрите все! – он вознёс книгу над головой. – Ворон проснулся, когда к книге прикоснулся этот человек.

Охотник схватил Ноэля за руку и поднял её. В подтверждение Мунин громко каркнул.

Тотемы Братьев-Ветров – это замки. Удалось сломать один – ворон отозвался на прикосновение Ноэля. Ноэля, который обожает этих птиц. Это неспроста. Если он не Безликий, то всё равно с ним связан.

Ледяное предчувствие сковывало мышцы, во рту пересыхало. Но сейчас уже не отступить – люди их разорвут.

– Ноэль Пареда и есть Безликий! – объявил Николас.

– Но он ведь не открыл книгу! – раздалось из толпы.

– Четыре тотема – это замки. Он должен пробудить всех птиц и кота, тогда книга откроется, – заверил людей Охотник. – Я знаю. Я чувствую это вот здесь, – он похлопал себя по груди.

Внук вождя удивлённо переводил взгляд от него к книге и обратно.

– Его слова подтверждают предсказания Норн! – Жерард поднялся на помост и встал рядом. – Они предрекли, что сын предпоследнего Архимагистра Сумеречников, Ойсина Фейна, будет величайшим героем. Ноэль – единственное его дитя, зачатое перед самой гибелью в Астальшир Мур. А кого, как не Безликого, нашего всемогущего спасителя и покровителя, можно назвать величайшим из героев? К тому же, если в лорде Комри возродился сподвижник Безликого, то сам бог не может быть никем иным, кроме как его лучшим другом. Ведь ваша дружба – пример для всей Норикии. Да что там Норикии, поганым единоверцам такая добродетель и не снилась! Верно я говорю? – обратился Жерард к людям, и те охотно закивали.

– Это совершенно неуместно, – зашептал ему на ухо Ноэль.

Надо срочно что-то делать. Николас снова поднял руку друга.

– Я буду помогать ему во всём. Вместе мы отыщем способ отпереть оставшиеся замки и открыть книгу.

Толпа гудела всё настойчивей, люди обсуждали, спорили на повышенных тонах. Не могли решить, верить или нет. «Но всё же ворон проснулся!» – повторяли они.

– Прошу нас простить, лорд Комри нуждается в отдыхе, – напомнил внук вождя. – Испытания закончились, можете расходиться.

Он перекинул руку Николаса себе через плечо и поволок прочь с главной площади. Охотник хотел вырваться, но со всех сторон на них были направлены внимательные взгляды.

Люди бормотали:

– Смотрите! Смотрите! И правда, какая крепкая дружба! Они же друг за друга горой! Всем нам пример!

Горой... Вот уж смешно так смешно.

– Что за фокус ты провернул? Зачем назвал меня Безликим? – спросил Ноэль, когда они оказались в комнате Николаса. – Ты же сам в это не веришь.

– Никаких фокусов. Ворон действительно проснулся, – пожал плечами Охотник. – Так что ты, и правда, связан с Безликим. Подумай сам, какие возможности это откроет. Ты станешь независимым, возглавишь Компанию. Ни дед, ни оракул с белоглазыми горевестницами, ни даже развратный король не смогут больше тебе указывать. Народ, не только члены Компании, но и простые люди поддержат тебя, а не их. Ты направишь все средства на усиление армии и увеличение вооружений, на подготовку. Всё будет в твоих и только твоих руках. Ты же этого хочешь?

– Не такой ценой, – упрямо мотнул головой друг. – Мне же придётся доказывать, что я не простой смертный и могу повелевать судьбами мира, сокрушать орды врагов. Быть живым богом среди людей – это невероятно тяжело. Как только люди раскусят обман, то уничтожат меня, а ты умчишься отсюда на четырёх ветрах!

– Нет, ты чего, а? – Николас схватил Ноэля за плечи. – Я никогда не оставлю тебя в беде. Даже если буду отсюда далеко, то примчусь по первому зову... Чего бы мне это ни стоило. Клянусь!

– Все клятвы разобьются о сталь и разольются реками крови, – пробормотал Ноэль и направился к двери. – Ложись отдыхать. С остальным разберёмся позже. Я распоряджусь, чтобы сюда принесли горячий бульон, и попрошу деда осмотреть тебя.

Охотник забрался в постель, хотя спать не хотелось. Через пару часов в комнату заглянул Жерард.

– Почему ты не сделал, как мы условились? Может, доверчивые простолюдины и не стали задавать вопросов, но более наблюдательные точно заметили, что ты выдумывал на ходу. Чудеса – достаточно тонкая материя...

– Я обернул всё так, чтобы обман стал правдой, – возразил Николас. – Ноэль действительно совершил чудо. Разве вы не рады?

– Я прекрасно знаю, на что он способен. А тебе придётся ещё раз перед всеми повторить, что он Безликий и поклясться ему в вечной дружбе и верности. Надеюсь, это хоть немного исправит то, что ты натворил сегодня, – попенял ему вождь.

Николас снова пожал плечами, поднимаясь с кровати и стаскивая с себя ночную рубаху.

– Как скажете. Он будет непревзойдённым вождём.

Хотелось добавить: гораздо лучшим, чем вы.

– Будет, если ты не подставишь его в очередной раз.

Жерард принялся водить вокруг Николаса руками, прощупывая ауру.

– По твоим каналам идёт слишком сильный поток энергии. От этого они забиваются и рвутся. Тело не выдерживает силы твоих способностей, – заключил то же, что и другие, вождь. – А сейчас твоя аура разбухла и мерцает до рези в глазах, словно в теле только что изверглась новая волна силы. Видимо, потому и случился обморок. Это симптомы болезни дара – болезни сильнейших Сумеречников. В твоём роду многие страдали от неё, в том числе твой дед.

Николас задумчиво хмыкнул:

– Но он дожил почти до пятидесяти лет и умер на костре.

– Он говорил, что нашёл волшебный цветок в Долине Агарты, который его излечил.

– Я был в Долине и никакого цветка не видел – покачал головой Николас. – Моя болезнь там только усилилась.

– Думаю, он просто отыскал способ заглушать приступы, хотя мучился от них всю жизнь и тратил прорву денег на целебные средства, – ответил Жерард после короткой паузы. – К сожалению, свои тайны он унёс в могилу, поэтому...

– Нет никакой надежды, – закончил за него Охотник.

– Отчего же? Если ты будешь следить за собой и не перенапрягаться, то протянешь ещё лет десять-пятнадцать. Но учитывая, что ты вытворяешь сейчас, то за пять лет выжжешь себя полностью.

– Пять лет? Кажется, такой срок вы дали нашему миру? Может, и хорошо, если мы уйдём вместе, вместе со своими близкими, – Николас отвернулся к зеркалу.

Нет, Безликий не вернулся. На поверхности отражалось лишь собственное измождённое лицо с заострившимися скулами и тёмными кругами под глазами.

– У тебя плохое чувство юмора. Мир хочет жить, мы хотим. И для этого нам нужен спаситель – Ноэль.

– Он у вас будет. За пять лет всё разрешится так или иначе. Тогда я уйду один и, быть может, наслажусь свободой. Только не говорите никому, особенно... Ноэлю.

– Как пожелаешь, – вздохнул Жерард.

Целителям нельзя разглашать тайны больных под страхом потери дара. Так что тут можно быть спокойным.

Жерард поколдовал над его аурой, а после прислал помощников с зельями и притирками. На ноги его хотели поставить как можно быстрее.

На следующее утро Николас пригласил Бианку в учебный корпус для испытания. Она уже давно была готова и наверняка истомилась в ожидании. Впрочем, вряд ли Ноэль давал ей скучать. То, что друг позволил себе маленькую слабость, говорило о многом. Скоро он станет во главе Компании, и всем будет легче, самому Ноэлю – в первую очередь.

В это время он оказался занят, поэтому Бианка отчитывалась за успехи одна.

– Ты же вчера упал. Я думала, отдохнёшь хотя бы несколько дней.

Она дрожала и смотрела только под ноги. Охотник усмехнулся про себя. Манушка провела в ученичестве намного дольше обычного, а всё равно боялась поверить в свои силы, сделать первые самостоятельные шаги.

– Нет времени отлёживать бока, – бодро ответил Николас и пригласил её сесть. – Как тебе учёба у Ноэля?

– Он замечательный! Совсем другой, чем ты, открытый и прямой, но всё же... – она зарделась. – Не хотелось бы его подвести.

– Не переживай, у тебя всё получится. Так чем вы занимались?

– Я прожила все карты, прочувствовала... Потом мы с Ноэлем придумывали расклады, обсуждали, что значат те или иные сочетания. Хотя он больше слушал и соглашался. Говорил про то, как справляться со страхами, про жизнь...

– Это не менее важно, – кивнул Николас. – Уверенность и внутренняя раскрепощённость – вот путь к постижению способностей. Нужно слушать своё чутьё и правильно понимать его знаки, не оглядываясь на правила и запреты. Слышала об испытаниях Сумеречников? После долгого самостоятельного путешествия они должны были взглянуть на себя со стороны, осознать свои ошибки, понять себя. Как только ты научишься

верить себе и слушать свой внутренний голос, обретёшь настоящую силу. Приступим?

– Хорошо. Я постараюсь рассказать, что тебя ждёт в будущем.

Бианка вынула карту с изображением мага и положила на стол.

– Это ты.

Она ловким движением разделила колоду на две половины и, шелестя уголками карт, перемешала их. Николас снял шляпку, и манушка принялась выкладывать вокруг мага узор в виде чаши.

– Первая – колесница. В прошлом ты много путешествовал и не имел своего дома, – принялась объяснять Бианка. – Вторая – перевёрнутая башня. Ты очень свободолюбив, но сейчас чувствуешь себя пленником и желаешь освободиться. Перевёрнутый шут – эта карта преследует тебя, – Бианка усмехнулась. – Ты пошёл на обман и скоро тебе придётся расхлёбывать неприятные последствия.

Идея с книгой была неудачной. Хоть бы за его ошибки поплатился только он сам, а не другие.

– Демон – это совсем не хорошо. Может означать не только битвы с тварями Червоточкины, – сосредоточенно вещала Бианка, от напряжения её лоб расчертила морщина. – Возможно, тебе придётся столкнуться со своими внутренними проблемами, страхами, болью.

– Это хороший повод их преодолеть, стать лучше, – заверил её Николас.

– Главное, чтобы дальше не выпала смерть, – слабо улыбаясь, согласилась Бианка.

Её пальцы дрожали, когда она открывала следующую карту.

– Перевёрнутая императрица – это отдалённые последствия твоих действий. Ты отказываешься от привязанностей, и судьба заставит тебя заплатить. Ты полюбишь девушку, которую любить не должен, и это принесёт тебе большие муки.

Николас нащупал медальон с портретом Норны у себя за пазухой. Однако! Ещё немного, у Бианки получится до ужаса точное предсказание.

– Сердце, пронзённое тремя мечами, – она печально вздохнула. – Тебя предаст близкий человек. Или, может быть, ты его подведёшь, разочаруешь, и тебе будет очень больно, – Бианка засомневалась и начала сбиваться, хотя это была последняя карта.

Николас сжал её ладонь:

– Может, всё сразу? Отношения между близкими – самая сложная в мире штука.

Бианка вымученно улыбнулась:

– На самом деле всё просто. Будь искренним хотя бы с самим собой. Не закрывайся от тех, кто тебя любит, позволь себе чувствовать... привязанность, дружбу, любовь. Об этом говорит весь расклад. Хочешь вытянуть ещё карту? Быть может, она снимет тяжесть.

– А как хочешь ты? Это ведь твоё испытание.

Бианка протянула ему колоду. Он выбрал карту и открыл её. Вздвогнув, манушка прижала ладонь ко рту. На карте был изображён костянокрылый жнец с косою наперевес. Смерть.

– Прости! Я не хотела. Плохую судьбу нельзя предсказывать. Никудышная из меня гадалка. Забудь обо всём.

Она смахнула карты со стола, пряча текущие по щеке слёзы. Только Николас продолжал держать смерть между пальцами.

– Ничего страшного! Я не обижаюсь на правду, тем более, когда она высказана от чистого сердца. Это сложная карта. Быть может, тебе не удалось прожить её как следует.

Мне приходилось умирать. Смерть может означать освобождение от довлеющих обстоятельств, обновление, переход к новому этапу. Зачастую это болезненно, даже трагично, но именно так люди развиваются. Всё в мире циклично, смерти на самом деле нет. Это – лишь новый виток бесконечной спирали совершенствования.

Он вложил карту в её ладонь.

– Я передам Ноэлю, что ты блестяще справилась с испытанием. И никаких возражений!

Бианка посмотрела на него воспалившимся глазом.

– Ты самый смелый человек из всех, кого я знала.

– Вполне вероятно, что я – самый трусливый. У всего есть обратная сторона, не забывай, – сказал Николас на прощание.

Она одарила его тоскливым взглядом и зашагала прочь по коридору. Что ж, Бианка хотя бы преодолела свои чувства к нему.

Смерть, надо же. В последнее время о ней говорили слишком часто.

Николас забарабанил пальцами по столешнице. На ум пришли слова случайно услышанной в таверне песни: «Мне обещали девять жизней, чтобы прожить их как одну...»
(*)

Надо быть осмотрительней.

Следующие дни были заняты подготовкой к церемонии. В этот раз она тянулась утомительно долго. Больше всего смущало то, что люди перешёптывались за его спиной и поглядывали тревожно. Что стряслось? Не мог же Жерард рассказать про болезнь дара. Или всё дело в провальном выступлении на испытаниях?

На руках всё ещё чувствовалась кровь, а перед глазами стояли жуткие картины: затухающие глаза ворона, его предсмертный хрип. Что же ты наделал, братец? Зачем втравил меня во всё это и бросил? Все клятвы разобьются о сталь и разольются реками крови.

Нет! Николас не мог убить Ноэля, ни в этой жизни, ни даже в прошлом воплощении. Только не его! Наоборот, сейчас он был готов забыть о своих мечтах, лишь бы защитить друга.

Значит, улизнуть не получится. Нельзя бросать Ноэля одного. Вряд ли Жерард даст ему хоть немного самостоятельности. История с богом понадобилась вождю только для того, чтобы заполучить народную поддержку.

На завтраке в столовой Ноэль не появлялся. Видно, вождь не отпускал его от себя.

На десятый день ближе к полудню торжественная процессия собралась во дворе Компании: вооружённые саблями охранники в парадной форме, празднично одетые женщины. Для Николаса с Ноэлем соорудили серебряную колесницу в виде облаков, увенчанных лебедиными крыльями, которые ослепительно сверкали в лучах осеннего солнца. Запрягли в неё пару белоснежных рысаков, их головы украсили красными перьями.

Николас в костюме из тёмно-синей парчи первым взошёл на колесницу и взял в руки вожжи. Ему выпала роль возничего. На ступенях главного корпуса показался Ноэль в чёрном бархате. Волосы заплетены в идеальную геллерку, лицо по-благородному бледное – не разобрать от пудры или от волнения. Прямая осанка, голова высоко, плечи расправлены, шаг широкий и чеканный. Собран и предельно серьёзен. Николас и сам готов был поверить, что его друг – небожитель, настолько совершенно он выглядел и вёл себя.

– Ты как? – спросили они одновременно, когда Ноэль поднялся на колесницу.

Муниин устроился у хозяина на плече, показывая, что собирается сопровождать его.

– Хорошо всё, – ответил первым Николас. – Ты же у нас звезда парада.

– Не напоминай. Вся эта шумиха – курам на смех, – вздохнул Ноэль. – Нас опозорят.

– Об этом пускай переживает твой дед, а мы лучше насладимся происходящим, м?

Представь себя триумфатором, одержавшим победу над ордой демонов. Нет, над воинством Лучезарных!

– Только если мы сделаем это вдвоём, – слабо улыбнулся друг.

– Конечно, перед нами склонится даже грозный Белый Палач.

Затрубили фанфары, подали знак к началу. Николас забрался на приступку и хлестнул лошадей вожжами, направляя колесницу вдоль толпы охранников к распахнутым воротам. Застучали подковы по брусчатке, кони побежали бодрой рысью, высоко задирая ноги. Ноэль встал за плечом у возницы, уперев руки в талию. Прохладный ветер трепал волосы и одежду, резвые рысаки рвались вперёд по устланной лепестками роз дороге.

Городские ворота остались позади. Дома украсили флагами и лентами. Звенели бубенцы на лошадиных подперсях. На улицу вывалили люди.

– Вот наш герой! – выкрикнул Николас, перекинув вожжи в одну руку, а второй указал на Ноэля. – Он освободит наши земли и приведёт нас к победе! – не отрывая взгляд от дороги, шепнул: – Ну же, это ведь твоя мечта.

– Кар-р-р! Кар-р-р! – подражал его тону Муниин.

– Да... – друг закрыл глаза и воскликнул, словно был наедине с Охотником, спорил и доказывал, что невозможное возможно: – Мы поднимемся с колен и сразим врага! Правда и справедливость на нашей стороне!

– Победим! Безликий с нами! – выкрикивали в ответ люди и бросали в них пригоршни чечевицы.

Чем дальше, тем больше воодушевлялся Ноэль и тем больше Николас верил, что у них всё получится.

Шествие остановили на главной площади. Охотник натянул вожжи и вручил их подоспевшему лакею, спустился первым и подал руку другу. Вместе они взошли на изученный до боли помост. Когда все устроились на своих местах: охранники по бокам, в середине Николас и Ноэль, плечо к плечу – снова затрубили фанфары. Толпа утихла, ожидая торжественную речь.

Прочистив горло, Охотник начал безо всякого волнения:

– Сегодня я счастлив представить вам моего дорогого друга, брата не по крови, но по духу. Ноэль Пареда не раз спасал мне жизнь и помогал во время передраг. Он единственный открыл замок на «Книге тайн», что приблизило нас к победе над единоверцами и подтвердило нашу праведность. Он совершил чудо, и многие из вас были тому свидетелями. Я сам ощутил божественную силу настолько остро, что едва не лишился чувств. Потому безо всякого сомнения заявляю: это и есть наш возродившийся вождь. Величайший герой из всех. Первое одарённое дитя, появившееся на свет после падения ордена. Мы искали его все эти годы и, наконец, нашли. Под его знамёнами мы отправимся на последнюю битву во имя жизни и процветания во всех людских землях!

Они повернулись боком к площади. Ноэль опустил на колени. Паж в тёмно-зелёной ливрее поднёс на бархатной подушке серебряный венец. Его украшали крупные сапфиры синего и фиолетового оттенков. Николас принял его и воздел над головой Ноэля.

– Как наследник древнейшего рода Сумеречников и потомок одного из основателей ордена, я признаю тебя вождём и с этим венцом вручаю власть над нашим племенем, –

Охотник возложил его на голову друга. – Я возвращаю тебе дар, который был дан моему роду полторы тысячи лет назад, – он коснулся кулаком своей груди, где билось сердце, а после дотронулся до Ноэля. – Поднимись и прими мою клятву.

Тот встал. В этот момент для них обоих не существовало ни погибающего в пожарах войны мира, ни затаившей дыхание толпы.

– Я, наречённый Николас Комри, Охотник на демонов, полноправный член Компании «Норн», клянусь служить тебе верой и правдой, исполнять твою волю и защищать до последней капли крови. Я провозглашаю твою власть над собой. Отныне ты вправе распоряжаться мной по своему усмотрению.

Николас поцеловал Ноэля в обе щеки и опустился на колени. Друг вынул из инкрустированных самоцветами ножен меч и приложил к правому плечу Охотника.

– Я принимаю твою клятву, Николас Комри, но не как слуги перед господином, а как младшего брата перед старшим. Обещаю употреблять данную тобой власть лишь для общего блага и для того, чтобы оберегать тебя, как обязан старший брат оберегать младших.

Внук вождя счастливо улыбался, видно, и впрямь желал этого. А вот Жерард будет недоволен, всё снова пошло не по его плану. Но торжествующую ухмылку Николас не сдержал.

Ноэль переложил меч на его левое плечо и снова заговорил:

– Клянусь перед всеми вами и перед тобой прежде всех, что буду служить людям до последней капли крови. Я проведу вас сквозь Мрак и добьюсь победы над узурпаторами, чего бы мне это ни стоило, даже своей бессмертной жизни.

Николас поднялся с колен и крепко обнял его:

– Я принимаю твою клятву, брат!

Народ одобрительно кричал и бросал цветы.

«Мы победим!» – раздавался по всему городу клич, отражался от стен и раскатывался по стране, чтобы достигнуть ушей предателей-Лучезарных. Пускай убоятся силы и гнева истинных Сумеречников, пускай знают, что недолго им осталась плясать на костях своих бывших собратьев.

После выступления их сопроводили во дворец на приём в честь Ноэля. Жерард присоединился к ним и не замедлил прочитать нотацию о том, как ребяческие выходки портят его планы.

– Это ты его науськал, да? Раньше он никогда так себя не вёл! – выговорил вождь Николасу, но тот лишь пожимал плечами.

– По крайней мере, мы были искренни и все это поняли.

После заувывной торжественной части, угощений, подарков и заверений в верности королю и новоявленному Безликому (Жерард уверил Орлена, что его власти ничего не грозит, и Компания, как и прежде, будет заниматься лишь одарёнными), начались танцы.

Шанти тоже была здесь. Она бросала на Николаса томные взгляды, будто не понимала, что всё кончено. Охотник отыскал среди гостей Бианку и пригласил её на танец. На ней было платье с маскарада и маска. Николас сам распорядился, чтобы её пропустили в таком виде и ни о чём не спрашивали. Сегодня Ноэль должен улыбаться, а не грустить у стены один под неусыпной охраной своего деда.

– Вы похожи на героев древних баллад, – говорила Бианка с восхищением, пока они кружили по залу. – Ах, как бы хотелось, чтобы вы вернули золотое время рассвета ордена. Чтобы всем было... хотя бы просто безопасно.

– Мы постараемся.

– Рада, что ты открылся перед Ноэлем. Может, всё уладится, и мой расклад не сбудется.

Мне бы хотелось... Жаль, что тогда я окажусь никчёмной гадалкой.

– Забудь уже об этом. Ты сдала! Говорила Ноэлю? Ему было бы приятно.

Тот как раз беседовал с королём и дедом.

– Сейчас ему не до меня, да и вообще вряд ли будет... С тобой у меня ничего не вышло бы, но он... он теперь недосыгаемая звезда, возродившийся бог.

Николас недовольно прищурился. Какие же они: не вмешайся, и ничего не случится.

Танец уже заканчивался. Охотник невзначай повёл Бианку в сторону Ноэля, чтобы остановиться рядом.

– Веселись, это же твой праздник! – сказал Николас другу и подтолкнул к нему оробевшую манушку. – Я думаю, Его величество и наш многоуважаемый вождь хотят сказать мне пару слов.

Охотник посмотрел на них с вызовом.

– Будете так любезны? – Ноэль поднёс ладонь Бианки к губам.

Манушка ответила едва заменой улыбкой. Начался новый танец, и они присоединились к кружащимся парам.

– Кто эта прелестная особа? – хмуро спросил Жерард.

– Героиня из Ланжу, Бианка, ученица Ноэля. Неужели вы забыли, как лечили её? – поддел его Николас.

– С тобой и не такое забудешь, – пробубнил себе под нос вождь.

Всё обозримое пространство занял собой король.

– Скажите, это правда?

– Ворон – тотем северного ветра. Если хотите, покажу в более уединённой обстановке. Думаю, все тотемы – замки. Как только они «проснутся», книга откроется. Если Ноэлю удалось пробудить один, то и с другими проблем не будет. Я прослежу, – ответил Николас на недовольный взгляд Жерарда.

– Это здорово! Мы как чувствовали, что изображения – живые. От них веяло волшебством. Иногда мы так завидуем одарённым! Вы видите весь этот удивительный мир, общаетесь с невообразимыми существами, посещаете места, о которых только в старых легендах можно услышать, – Орлен вскинул руку, отвечая на озабоченный взгляд вождя. – Мы понимаем, что это опасно, а порой и мучительно ужасно, но можно же помечать? – он перевёл взгляд на Ноэля. – Живой бог – это не менее удивительно. Но всё же он кажется таким обычным... одарённым.

– А вы ожидали увидеть звериные черты, устрашающий облик, нечеловеческую мораль? – ухмылялся Николас лукаво. – Порой чудеса прячутся под самыми заурядными оболочками, поверьте бывалому Охотнику. Он – мой господин и бог, я чувствую это в своём сердце.

К королю со спины подошла Иветта и одарила присутствующих обворожительной улыбкой.

«Ты гнусный обманщик и самозванец, – зазвучал в голове её утробный, рокочущий голос. – Ты и он, вы оба поплатитесь за это!»

Николас перевёл взгляд на Ноэля. Сердце ёкнуло в тревоге.

Бианка выглядела по-особенному свежо. Её запах – нежный аромат фиалок заставлял забыть обо всех тревогах.

– Ты теперь такой важный, даже совестно отвлекать... – заговорила она смущённо, но в объятиях уже не чувствовалось скованности.

– Рад, что ты пришла меня поддержать. Это... тяжело, – отвечал Ноэль вяло.

– Как я могла, когда ты меня пригласил от своего имени, – Бианка улыбнулась. – Это ведь был ты?

Он метнул в Николаса удивлённый взгляд. Охотник подмигнул и поднял вверх большой палец. Вот же пройдоха!

– Как прошли испытания? Чувствуешь себя помудревшей? Николас очень тебя хвалил, – перевёл тему внук вождя.

– Скорее, потерянной. А он говорил, что именно я ему нагадала? – её глаз блестел от волнения.

– Что-то плохое? Он всегда молчит о своих проблемах, словно боится, что они сделают его хуже... – Ноэль взгрустнул. – Мы снова свели разговор к нему. Лучше скажи, чем будешь заниматься дальше.

– Вот бы остаться в штабе, – отозвалась Бианка с теплотой. – Смогла бы я помогать тебе? Подсказывать, как твои решения отзовутся в будущем? Хотя нет, у тебя же есть оракул Норн. Он куда сильнее, чем мои путанные гадания. К тому же, ты и сам теперь... всемогущий бог. Даже поверить страшно! Я танцую с богом.

– Да прекрати! Я всё тот же, ничего не изменилось. Был бы рад...

Она придвинулась так близко, что тёплое дыхание обволакивало, волосы щекотали его щёку. Как признаться ей в своих чувствах? Как показать, насколько она ему дорога? Хотелось танцевать в такт музыки и не покидать пленительной близости. Вот бы разговоры и прикосновения не заканчивались! Пускай в будущем, которое предвидит Бианка, возникнет нечто большее. То, что имел почти каждый обычный человек, но в чём Ноэлю всегда отказывали.

Вскинув подбородок, манушка робко заглянула ему в глаза.

Мягкие губы призывно трепетали, нагоняя воспоминания о том, как сладко было целовать их, когда она не понимала, кто он. Будет ли сейчас так же? Не отпрянет ли она, не откажет ли ему? Почему так страшно? Страшнее всего на свете!

Ноэль набрал в грудь побольше воздуха и будто нырнул в океан с утёса. Нос скользнул по её шелковистой коже, губы коснулись припухшего рта. Как же хорошо! В крови клокочет страсть. Вот бы перестать сдерживаться и впитаться жарким, непрекращающимся поцелуем, забыться в томных вздохах. Плевать, что музыка молчит, и гости не сводят с них поражённых взглядов.

Краем глаза Ноэль заметил движение. За спиной мелькнула тень. Что-то свистнуло, рассекая воздух.

С детства его тренировали так много и тщательно, что он мгновенно распахнул вокруг себя ветрощит и заслонил Бианку. Что-то звякнуло о блеснувший голубым полог. Ближние люди отпрянули.

– Душегуб! Лжец! Ты заплатишь за всё! – раздался за спиной яростный крик.

Ноэль развернулся лицом к опасности. С оружием во дворец не пускали. Так как?

На полу рядом валялся кинжал. За ним потянулся зрелый мужчина в добротном суконном костюме. В тёмных волосах заметна проседь, усы обвисли, глаза потемнели и смотрели ошалело, с ненавистью.

Это же маркиз де Сатильон, капитан королевских гвардейцев. Именно он и должен

следить за порядком!

Нападавший распрямылся и замахнулся, целясь в шею.

В следующий миг Николас опрокинул его на пол и заломил руки за спину, выбив кинжал из ладони.

Услышав сдавленный стон, Ноэль обернулся к Бианке. Её колотила крупная дрожь.

– Они убьют нас, убьют...

Манушка начала оседать на пол. Ноэль подхватил её, но маска уже слетела с лица, стеклянный глаз выпал и разбился. Гости ахнули. Внук вождя прижал Бианку к себе, закрывая ото всех, встряхнул, хлопнул по щекам – её голова безвольно болталась. Может, к лучшему, что она не видела суматохи. Такое трогательно хрупкое, раненое существо.

Ноэль поспешил унести её на воздух.

Охотник... он всё объяснит потом.

(*) Строчка из песни группы Би-2 «Смертельный номер», автор слов Е. М. Бортник.

===== Глава 36. Врата демонов =====

1570 г. от заселения Мунгарда, Норикия, Дюарль

– Вы оба прокляты! Вы прогневали богов! – кричал де Сатильон. – Вы! Вы убили моего мальчика! Вы...

Николас связал его руки ремнём и поднял на ноги:

– Мастер Франсуа мёртв?

Гвардейцы расталкивали гостей, чтобы подобраться к месту происшествия. Жюльбер оказался куда проворнее их. Следом подтянулись вождь с королём.

– Ты ещё спрашиваешь, тварь! – взбешённо взревел капитан.

Охранники схватили его под руки и потащили прочь, но он рвался, как обезумевший зверь. Любопытные гости наседали со всех сторон.

– Это вы его убили, вы! Ты, твой коварный вождь и твой гнусный божок!

Оттолкнув охрану, Николас схватил де Сатильона за воротник:

– О чём вы, в конце концов?!

– Ты натравил оборотня на моего мальчика! – продолжал обвинять всех подряд безумец.

– Я-то тут причём? – вскинулся Жюльбер.

– Простите! – подоспел к ним крепкий одарённый из почётного караула, который Компания предоставляла королю для поддержания порядка. – Мы не думали, что он так взбесится после смерти сына. Когда вы, Ваше величество, отправляли его на отдых, он выглядел... вменяемым.

– Мастера Франсуа убили? Было дознание? – нахмурился Николас. – Почему мне не доложили?!

Охотник посмотрел на Жерарда исподлобья. Король вряд ли бы приказал хранить всё в тайне, а вот вождь...

– Не стоит обсуждать это прилюдно и сеять ещё больший страх, – ответил тот и обернулся к Орлену: – Ваше величество, прошу нас простить, но дела не терпят отлагательств. – Он обратился к одарённому: – Пришлите ко мне человека с подробным докладом, раз уж лорд Комри жаждет взять дело в свои руки.

Николас уловил на себе злорадный взгляд Иветты. Она тут же отвернулась с самым невинным видом. Её угроза... Ши как будто всё знала. Жаль, что доказательств нет, а без них устроить допрос не позволят.

Сумеречники поторопились к выходу. Разговор начался уже в кабинете вождя, когда

Жерард устроился за столом с чашкой успокаивающего отвара.

– Чтоб этого недоумка де Сатильона демоны побрали! Такую церемонию испортить! – ворчал вождь.

– Зачем вы всё скрыли? – оборвал его Николас.

– Не хотел поднимать переполох из-за пустяков.

– Убили королевского гвардейца. Его отца отстранили от службы. Это не пустяки!

– Капитан де Сатильон перестал справлялся с обязанностями и должен был отправиться в отставку. Смерть сына просто стала последней каплей. А так... точно известно о гибели троих, – безразлично бросил Жерард.

Охотник недовольно сложил руки на груди.

– Тела жертв находили на развалинах замка за городом через некоторое время после того, как родственники заявляли о пропаже. У всех перегрызено горло и содрана кожа с лица. Говорят, волк, оборотень. Свидетели уверяют, что слышали вой и рык. Сам замок принадлежал клану Лугару до того, как они обеднели во время Войны за веру.

– Никогда не поверю, что Жюльбер напал на кого-то нарочно. В пьяной драке силу не рассчитать – может быть, но не в волчьем обличье.

– Это так, – согласился Жерард. – Зверолорды реже других одарённых теряют рассудок. Слишком зависимы от гармонии и природы. К тому же, мы предполагаем, что на людей нападали в городе, а на пустырь выбрасывали уже мёртвыми. Ходят слухи, что это Безликий карает тех, кто назывался его именем, и ворует их лица.

Нет! Книга же безвредна! И Безликий не настолько жесток. Хитрый и коварный, но на душегуба он не походил ни капли. Может, дух-сторож? Появился до того, как Ноэль отпер первый замок, и продолжил убивать после. Хм...

– За эти месяцы у меня побывал практически весь город. Как же вычислить жертв? Мы не можем приставить охрану к каждому, – озадаченно выпалил Николас.

– В этом нет необходимости. Я больше чем уверен, что нас пытаются подставить. Наверняка это Лучезарные.

– Нет, – Охотник замотал головой. – Они не стали бы так себя утруждать. Им хватает тех преступлений, что мы действительно совершали.

Жерард недовольно глянул на него. Хлопнула дверь, в комнату ворвался Ноэль.

– Как Бианка? – спросил Николас.

– У неё шок. Целители обещали помочь, – ответил он коротко и пространно. – Так что стряслось?

– Кто-то убивает претендентов на звание Безликого, – хмыкнул Николас. – Но вождь не считает это достаточно важной новостью, чтобы сообщать о ней.

Ноэль недовольно уставился на деда:

– И что же? Капитан де Сатильон решил, что мы устраняем соперников?

– Соперников... – горько усмехнулся Николас. – Его сын, Франсуа, был новым любовником госпожи де Годон. Теперь пустят слух, что я убил его из ревности.

Он прикрыл лицо ладонью.

– Вряд ли на твою ревность удастся списать остальные преступления. Это козни Лучезарных их приспешников. Почитай отчёты дозорных – сам поймёшь, – настаивал Жерард.

– С таким же успехом это могут быть призраки бывших владельцев замка – Лугару, – покачал головой Охотник. – Ладно, займусь сам. Остальное отменяется, пока убийца не

будет найден.

– Я с тобой! – заявил Ноэль.

– Нет, – возразил вождь. – На тебя и так сегодня покушались. Ни шагу без охраны. Николас, ступай. Я пришлю к тебе человека с докладом.

Внук нахмурился и метнул в деда грозный взгляд. Охотник поспешил убраться до того, как разразится буря.

– Садись, в ногах правды нет, – Жерард указал на стул перед собой, и когда внук сел, продолжил: – Что за девицу ты подцепил приёме?

– Подцепил?! – Ноэль поморщился. Грубости он терпеть не мог, а в отношении Бианки – и подавно. – Она – героиня Ланжу, многообещающая ясновидица, моя ученица.

– Дорогой мой внук, разве ты не знаешь, что учениц надо учить, а не лазать к ним под юбки? Что за подростковые выходки? Я думал, ты уже перерос эти глупости!

– Вот именно! Я сам решаю, с кем и как мне общаться. Все смеются, потому что ты до сих пор обращаешься со мной, как с ребёнком. Ты же сам объявил меня Безликим. Тогда сколько мне лет? Полтора десятка веков или в два раза больше? Перестань меня опекать!

– Тогда перестань вести себя неразумно. Это тебя прохвост с замашками помойного кота подучил, да? Сам норовит погибнуть по собственной глупости, так ещё и тебя за собой тащит!

– Ты же хотел, чтобы мы подружились. Спасибо тебе за это. Он лучший друг, что у меня когда-либо был!

– Я растил тебя с тех самых пор, как ты появился на свет. Я заботился о тебе и потакал всем твоим капризам. Я твой единственный близкий родственник и друг. Только я пекусь о твоих интересах и никогда не предаю. Я, а не этот мальчишка перекасти-поле, сегодня здесь, а завтра на другом краю Мунгарда. Имей хоть каплю совести! Ты – Безликий, обещанный герой. От тебя зависит всё наше племя.

– Хорошо же! – оборвал патетичную речь Ноэль. – Если я Безликий, то передай мне власть над Компанией. Я не хочу, чтобы мы тратили деньги на роскошь, слушали бредни белоглазых старух, поощряли неравноправие и предрассудки. Мы направим все усилия на военную подготовку, а золото – на покупку оружия. Мы установим более плотные связи с простыми людьми за пределами Норикии. После провала в Заречье будет сложно, но мы пообещаем не повторять подобных ошибок. Мы...

– Ты хоть понимаешь, насколько наивны твои идеи? Ты не готов управлять всем самостоятельно. Слушай меня, и я приведу тебя к победе.

– А ты будешь слушать меня, когда начнёшь стряпать свои дела от моего имени? Не желаю в этом участвовать. Не хочу зваться богом и не мочь распоряжаться даже своей жизнью. Я отказываюсь! И буду расследовать это дело вместе с Николасом. Ты меня не остановишь!

Жерард с оттягом ударил его по щеке. Внук отступил на шаг, приложив ладонь к ушибленному месту.

– Я старший. Я вождь. Я твой дед. Ты обязан подчиняться!

Свободная рука сжалась в кулак. Под ложечкой болезненно сосала собственная слабость. Слабость перед стариком. Он мог кричать, поучать, запрещать, оскорблять и даже ударить, а у Ноэля получалось лишь молча глотать обиду.

В детстве он с завистью наблюдал за мальчишками во дворе, с которыми ему не

позволяли даже разговаривать. Когда товарищи отправлялись на опасные и интересные задания, его не пускали. Когда он придумывал новые стратегии развития, дед отклонял их, даже не вникнув.

– Нет! – выкрикнул внук в сердцах и отступил к двери.

Разговаривать бесполезно. Ударить в ответ – невозможно. Как ударить собственного, пускай и сварливого деда?

– Ноэль, стой! Послушай же! Стой, я тебе говорю!

Нет, всё бесполезно. Все мечты – наивное и пустое. Надо что-то менять.

Спать Николас не ложился и успел за ночь выжать из дозорных всё, что им было известно. К утру он уже в общих чертах представлял, что творилось у него за спиной.

Судя по жалобам, люди стали пропадать сразу после начала испытаний. Молодой повеса Ожен Дюпре в тот же день, когда не смог открыть книгу, не вернулся домой. Видели его в последний раз в сумерках – он спешил в квартал домов терпимости. Тело так и не нашли, свидетелей похищения – тоже.

Второй жертвой стала девица из купеческой семьи – Эрика Нивье. Ради смеха с подружками отправилась на испытание. Пропала спустя три дня. Отлучилась из дома на тайное свидание с юношей из небогатой семьи ремесленников, с которым ей встречаться запрещали родители. Ухажёр не дождался её тем вечером. Родители Эрики обвиняли его в пропаже. Юношу даже задерживали для дознания, но отпустили, когда охотники на уток обнаружили посреди руин уже мёртвую девицу. С момента исчезновения прошло двадцать дней, тело начало разлагаться из-за сырости и было настолько обезображено, что его опознали лишь по украшениям и родимым пятнам.

Третьей пропала уважаемая мать семейства, госпожа де Болонже. Зачем ей понадобилось проходить испытания, выяснить не удалось. Спустя почти три недели она не вернулась от ростовщика, которому заложила золотую брошь, чтобы отдать карточный долг мужа. Сразу после её ухода ростовщик услышал лай собаки и выбежал на улицу проверить, не случилось ли чего, но госпожа де Болонже как сквозь землю провалилась. Её тоже не нашли.

Четвёртым исчез Оскар Кираден, видный чиновник. Язвительный старик пытался доказать, что испытание – обман. Его сослуживцы затрубили тревогу и обвинили Компанию, что она устраняет неугодных. Капитан де Сатильон потребовал остановить испытания, но Жерард убедил Орлена в его несостоятельности, и король передал дело Сумеречникам. Те быстро заткнули рты недовольным и взялись за расследование основательно.

Выяснилось, что Кираден привечал у себя и платил немалые деньги Понсу Димо, который нарвался на драку с Николасом во время испытаний. Будучи матросом на судах контрабандистов, Понс оказался связным группки норикийских заговорщиков с единоверцами из Империи. Вместе с несколькими недовольными властью неударёнными они вели в Дюарле подрывную деятельность и настраивали простолюдинов против Компании. Кираден был их главарём.

Без его руководства заговорщики стали неосторожны и попались ищейкам Жерарда. Скрыться удалось лишь одному приткному ланжуйскому аристократу Августу де Лорту. Лазутчики докладывали, что он бежал в Империю и там был схвачен Лучезарными.

Из остальных под пытками выбили признание во всех убийствах и тайно казнили, а тела сбросили в общие могилы для бродяг и бандитов. После Жерард отдал приказ хватать всех,

кто подозревался в связях с повстанцами из Ланжу или с единоверцами.

Что ж, версию с заговорщиками уже отработали, а зная мнительность Жерарда, можно не сомневаться, что его люди будут рыть носом землю, пока не вычистят весь город и окрестности от смутьянов. Вряд ли здесь пригодится помощь Охотника.

Королевские гвардейцы меж тем обнаружили тело Кирадена на том же месте, что и тело Эрики. Де Сатильон возмутился, что никаких доказательств вины заговорщиков, кроме сомнительного признания, Сумеречники не предоставили. Король его слушать не пожелал и намекнул на скорую отставку. К тому же, довольно долго новых сообщений о пропажах не поступало, и все уверились в правоте Жерарда.

Десять дней назад будто в насмешку исчез Франсуа. Зачем он отлучился из дома среди ночи, никто не знал, но до этого он жаловался, что его преследовал бродячий пёс и пугал своим лаем.

После пропажи сына капитан в сердцах угрожал поддержать единоверцев и припоминал давний скандал, в котором были замешаны Орлен с Жерардом. Видимо, чтобы утихомирить де Сатильона, вождь велел испытать Ноэля и покончить со всем.

Франсуа это не спасло. Патруль обнаружил его тело на рассвете в день церемонии, ещё свежим. Дозорным показалось, что де Сатильон воспринял эту новость спокойно.

Смешно. Капитан просто усыпил их бдительность, чтобы отомстить виновнику – лишить чего-то равноценного. Поэтому и напал не на Николаса, который подвергал людей опасности, а на Ноэля, любимого внука Жерарда. Оружие злоумышленник пронёс благодаря связям с дворцовой стражей, да только противника недооценил. Впрочем, с королём и его людьми пускай разбирается вождь, раз уж имеет такое влияние на Орлена и наверняка жаждет покарать причастных к покушению.

Думал бы де Сатильон холоднее, не стал бы вести себя так опрометчиво. Единственное, чего он добился – сорвал церемонию. Но хотя бы правда выплыла наружу до того, как по-настоящему опасный преступник не приставил лезвие к шее Ноэля.

Из-за испытаний Николас настолько погрузился в себя, что ничего не замечал. Друг прав, нельзя относиться к происходящему легкомысленно. Найти убийцу нужно во что бы то ни стало.

В таблицу с датами и обстоятельствами исчезновений добавились даты, когда обнаруживали тела. Какие между ними сходства? Может, получится вычислить закономерность, если свериться с лунным календарём? Но никакой системы не наблюдалось. Возможно, случаи, когда тел не нашли, не были связаны с остальными. Хотя во время происшествия с госпожой де Болонже тоже слышали лай.

На этом отчёты исчерпали себя. Дальше сведения придётся добывать самостоятельно.

Охотник пришёл на конюшню затемно и принялся седлать Вестфольду. Гулко шаркая ногами, к нему приблизился Жюльбер.

– Я с тобой! Не хочу, чтобы на мой клан напраслину возводили.

Помощь знатока звериных повадок и обладателя острого нюха была весьма кстати.

– На руины? – спросил оборотень, когда они выехали из штаба Компании. – Я знаю короткий путь.

– Вначале осмотрим тело Франсуа, – Николас направил кобылу к городу.

Резвым шагом они успели к открытию ворот и попали в штаб дозорных к началу службы. Внутри их пропустил немолодой целитель, одолженный Компанией для нужд

короны.

– Рад, что за это дело взялись всерьёз. От неударённых проку никакого, – сетовал он, провожая их в помещение, где хранились мертвецы до того, как родственники забирали их для погребения. – А вождю везде мерещатся заговоры, как в Ланжу.

– Его можно понять. Его родители погибли от рук единоверцев, – заступился за него Жюльбер.

– Белый Палач казнил мою семью и сжёг мой дом, однако я не ищу Лучезарных там, где их быть не может, – возразил Николас и поспешил сменить тему: – Как капитан де Сатильон после вчерашнего?

– Мастер Пареда приставил к нему целителя разума. Даст Вулкан, поправится через некоторое время. Весть о гибели сына его сильно подкосила.

– Неужели вождь так расстарался? – удивился Николас.

– Вождь? Нет, я про молодого мастера, про Ноэля.

Угу, на него напали, и он же потом извинился, что де Сатильону пришлось так себя утрудить.

– Знайте, я не верю, что это вы убираете претендентов на звание Безликого, – продолжил болтать целитель, не скрывая любопытства. – Как вы думаете... Это может быть Безликий?

– Нет! – отрезал Николас. – Безликий – это Ноэль. Да и не стал бы бог заниматься такими глупостями. Откуда вообще взялись эти нелепые слухи?

– Так бедняки твердят, что видели Безликого в тумане. Слышали, как он клялся покарать погрязший во лжи и пороках город.

Ага, бедняков-то никто допросить не удосужился. Возможно, похищения случались у них, только они не обращались к дозору, которому не доверяли. Да и пропадали люди в тёмных безлюдных местах неподалёку от трущоб. Нужно установить там слежку и расспросить обитателей о необычных происшествиях.

К тому же, речи «Безликого» звучали знакомо. Неужели это горбун Умбер? С его увечьями вряд ли, но он наверняка что-то знает. Хорошо бы разыскать его.

– А что бы сделал ты на месте Безликого? – прервал размышления Жюльбер.

Николас задумался:

– Я бы отошёл в сторону и позволил людям самим расхлёбывать эту кашу.

– Очень в твоём духе, – усмехнулся оборотень.

Собственно, Безликий так и поступил. Значит, вот каково его истинное наказание.

Отперев дверь, целитель пропустил их внутрь. Укрытое простынёй тело лежало на столе для бальзамирования. Целитель отбросил её.

Пах мертвец болотистой гнилью, тело распухло и посинело. От горла осталось кровавое месиво, а кожа с некогда красивого лица была срезана по линии лба, ушей и подбородка.

– Это не волк, а большая собака, – заключил Жюльбер, поворачивая голову покойного из стороны в сторону, чтобы осмотреть рану на горле. – Его явно загрызли, а волки режут жертв и рвут на части. У них челюсти по-другому устроены. На лице край раны очень ровный, кожу явно срезали ножом. Человек... или пёс-оборотень в человеческом обличье.

В отчётах тоже упоминался собачий лай, а не волчий вой. К тому же, волк в городе выглядел бы куда подозрительней, чем бродячий пёс, коих в трущобах шатались своры.

– Да, умению этого мясника позавидовал бы любой целитель, – усмехнулся дозорный, заложив руки за спину. – Смотрите, кровь здесь запеклась. Значит, лезвие было очень

горячим. На запястьях остались ссадины от верёвки. Его держали связанным, прежде чем умертвить. Судя по состоянию тела, к моменту гибели бедолага был сильно истощён и не ел дней десять.

– Вдруг старик де Годон на него волкодава натравил? – ухмыльнулся Жюльбер. – Двух зайцев одним выстрелом уложил: и от очередного любовника своей не такой уж благоверной избавился, и тебя подставил.

– Он же трус. Только доносить и заступничества требовать умеет. К тому же, зачем ему убивать остальных? – брезгливо сплюнул Николас. – Десять дней – срок перехода в Горный мир демонов. Именно столько они держат людей в плену на пороге своего дома и предлагают только свою пищу. Вкусив её, человек уже не найдёт дороги назад и станет их вечным рабом. А тех, кто отказывается, демоны убивают и выбрасывают... на пустырях.

– Вы думаете, это демон? Готовится нашествие? – всполошился целитель.

– Ага-ага, старику везде мерещатся происки единоверцев, а тебе – демонов, – поддел оборотень.

– Это больше похоже на их почерк, – пожал плечами Николас. – Они достаточно ожесточены, чтобы мучить и убивать людей без сожалений. Они не признают границ и перемирий. Уж если кто и ненавидит меня, Компанию, всех Сумеречников и Безликого заодно больше Белого Палача, так это демоны. Века бесконечной борьбы за земли и выживание – у них самый веский мотив для мести.

– Так что, надо мчать на заставу, звонить в колокола? – целитель уже готовился к забегу, что, учитывая выдающийся живот, смотрелось очень потешно.

– Пока это только предположения, – успокоил его Охотник. – Если вам больше нечего показать, мы пойдём.

Жаль, остальные тела уже закопали, и вряд ли бы вид полуистлевших останков подсказал большее.

Бывшие владения Лугару находились в нескольких часах пути от города. От дворца Компании дорога заняла бы меньше, но тело хотелось осмотреть без лишних свидетелей спозаранок.

Пустырь располагался на острове-холме, где сохранилась кладка мрачного родового замка Лугару. С запада к ней примыкали заболоченные плавни судоходной реки, которая в честь них называлась Плавной. Заросшая тростником, осокой и багульником трясина хлюпала коричневой жижей. Вдалеке росли чахлые берёзы и осины, кое-где виднелись островки с соснами.

– Зачем ваш клан занесло в такую глушь? – поинтересовался Николас, когда они выбрались на узкую песчаную насыпь, ведущую к развалинам.

– Ты ещё не видел, как здесь всё затапливает во время весеннего паводка. До замка только на лодках добраться получается, и то можно в трясине завязнуть, – ухмыльнулся Жюльбер. – Зато неударённые не надоедают по полгода. Они же выдумывали, что мы больны чем-то вроде бешенства – ликантропией. Она якобы передаётся через укус. В полнолуние укушенный тоже становится волком. Некоторые неударённые так жаждали обернуться, что молили, чтобы мы их покусали. Представляешь, какая гадость?

– Угу, люди выстраивались в очереди и осаждали замок. А твои предки запирались внутри и с тоски выли на луну по ночам, – дополнил его рассказ Николас.

Жюльбер фыркнул:

– Вот-вот, ты понимаешь!

Затрепетали плакучие ветви ракиты, выпь взвыла пронзительно. Посреди трясины полыхнул огонёк белёсой с красными прожилками ауры, будто призрак.

Вестфольда захрапела и попятилась, едва не налетев на мерина Жюльбера. Бросив поводья, Николас ударил её пятками по бокам. Кобыла сорвалась так резко, что Охотник едва не выпал ей на шею. Натянул поводья – без толку. Кобыла закусил удила и помчала во весь опор, не обращая внимания, что копыта вязли и оскальзывались.

Ветер свистел в ушах, пролетающие мимо деревья слились в бешеный хоровод красок. Не свернуть – повсюду трясины. Николас откинулся назад и попытал счастья ещё раз, но Вестфольда только набирала темп. Копыта мелькали высоко над головой. Впереди сверкнула лужа, грязь плеснулась тучей брызг, залепила лицо и глаза.

Кобыла начала валиться на бок. Охотник сжался, кутая себя в кокон сгущённого воздуха, и рухнул в трясины. Она чавкала, засасывая в бездну. Там уже ждали, протягивали руки, чтобы пленить, загрызть, срезать с лица кожу и отобрать обличье.

«Иди ко мне, милое дитя! Я так долго тебя ждал! Месть будет сладка», – напевал голос искущённого барда.

– Николас! – вывел из транса оклик Жюльбера.

Охотник распахнул глаза. Вода набиралась в нос и рот так, что он едва не захлёбывался. Надо успокоиться, не шевелиться, иначе утонет.

– Держись! – оборотень протянул ему мощную ветку.

Николас сгустил вокруг рук ветроплав – благо, на это не требовалось подпитки от материнской стихии. Высвободив ладони, он вцепился в ветку. Жюльбер потянул со звериным усилием. Воздух выталкивал Охотника на поверхность, освобождая от торфяного плена, пузырьки булькали всё сильнее. Через пару мгновений Николас растянул на насыпи, харкая грязью.

Жюльбер вынул флягу. Охотник закашлялся и вытянул сложенные лодочкой руки. Плеснулась холодная вода. Едва хватило, чтобы вымыть ладони и лицо, да прополоскать рот.

Перепахканная до сходства с болотным кельпи, Вестфольда паслась на холме впереди. Седло на её спине перекошилось, а кожа на нём продралась.

– Скотина безмозглая! Зачем ты с ней возишься? – обругал кобылу оборотень.

Николас повёл плечами. Подарок Ноэля всё-таки, большую часть времени она служила верой и правдой.

– Тут был демон, он её испугнул, – ответил Охотник.

– Не оправдывайся. Я бы почуял, – отмахнулся Жюльбер и снял с себя плащ. – Возьми, а то продрогнешь.

Укутавшись, Николас поднялся на холм и расседлал кобылу. Насобирав дров и сухого торфа, Жюльбер распалил костёр, чтобы посушить вещи. Охотник начал осматриваться. Холод на открытой ветрам вершине подирал до костей. Впрочем, за каменной кладкой удалось найти укрытие.

– Тут следы! – позвал Николас.

Жюльбер поспешил к нему.

– Как я и говорил – собачьи. У волков пальцы дальше от лапы отстоят и след глубже. А вон смотри – каблуки сапог.

– Могли дозорные оставить, – пожал плечами Николас. – Убийца явно хотел, чтобы тела наши.

– Издеваются. Играют. Вождь не желал принимать их правила, вот они и обозлились.

– Осталось только выиграть, – вздохнул Николас, окидывая взглядом пространство вокруг.

Шелестели камыши, пел тростник. Вода переливалась оттенками зелёного, тёмно-синего, коричневого и сизого. Деревья только-только приоделись в червонное золото. Одинокий лист оторвался от ближней осины и отчаянно помчался к крошечному островку суши, но утонул, не дотянув до спасения самую малость. Захлопала в злорадстве прожорливая топь.

Насколько доставало чутьё, никаких аур не ощущалось. словно по унылым пустошам бродили призраки, сверкая огоньками-гнилушками из трясины. То ли ветер выл и стenal, то ли цепи звенели тоскливо.

– Жаль, нас не позвали, как только нашли тело, – заключил Охотник. – Уже и след остыл.

– Остыл, – подтвердил Жюльбер, дёргая носом. – По такой вони его и свежий почуять было бы сложно.

– Интересно, где прятали жертв и как умыкали из городских стен. Наверняка здесь есть подземный ход.

– Есть, – согласился оборотень. – Дед рассказывал, как они тайком в квартал развлечений бегали. По топям через редкие кочки-островки до самой сухой земли, где начинался ход.

– Понятно, в кого ты такой испорченный, – подначил его Николас. – Дорогу покажешь?

– Я знаю только со слов, но попробую поискать в архивах. Поехали обратно. К ночи холодать начнёт, а ты весь мокрый.

Чистить кобылу и вещи пришлось ещё час. Верхом Охотник не садился, предпочитая вести строптивицу в поводу. Потом надо будет выбрать кого-то сговорчивее. Удаль, конечно, хорошо, но сильно мешает делу.

Когда они добрались до места падения, на грани зрения сверкнула аура и пропала бесследно. На островке сбоку в мутной воде купали плети-ветви ракиты, стучали друг о друга колосья рогоза, квакали надсадно лягушки. Травы стелились низко и оплетали конские копыта, чавканье становилось всё плотоядней.

– У меня на родине трясину называют вратами демонов, – вспомнилось Охотнику. – Через неё мары уносят нежеланных детей к владыке ши Аруину. Трижды залает собака, запляшут вокруг огоньки, и разверзнется у ног земля. Там, на дне чёрной бездны ждёт двуликий ши. Он сдерёт с тебя кожу и сошьёт из неё новое обличье.

– Жуткие у вас сказки! – присвистнул Жюльбер.

– Это не сказки, – возразил Николас. – Думаю, наш убийца принадлежит к племени ши. Места и почерк очень похожи. Холмовые гончие пугают лаем, мары похищают, всадники-дуллаханы убивают. Правда, они отрубают головы и складывают в мешки. Нет, дуллаханы так кожу не срезали бы, да и затейливо слишком. Это явно кто-то из высших златоглазых ши, приближённых к Аруину. Возможно даже, действуют по его указке. Справиться с ними будет сложно.

Николас передёрнул плечами, вспоминая последнюю встречу с владыкой. Печать мар полностью лишила Охотника сил, и Неистовый гон едва не утянул его под холмы. Но Ноэль прогнал Аруина. Если смог один раз, сможет и ещё. Главное, чтобы Жерард позволил вступить в схватку. С другой стороны, если друг одолеет подложного Безликого, то весь

Дюарль уверится в его избранности. Осталось только отыскать убийцу и обеспечить внуку вождя победу. Вдвоём они свернут горы.

Сбоку снова что-то зашевелилось. Николас пощупал носком ближайшую кочку.

– Смотри, вот она – тропа. К островку ведёт, где сосны. Там твёрдая земля.

– Только не надо проверять. Стемнеет скоро. Хватит уже купаний на сегодня, – отсоветовал Жюльбер.

Пришлось согласиться. К тому же, Охотник нацеплял на себя пиявок. В следующий раз обязательно проверит.

За ракетами в тумане проглядывал силуэт белого пса, его красные глаза внимательно следили за путниками.

Ноэль занимал себя ежедневными хлопотами, взялся даже за то неважное, что откладывал на потом, лишь бы не думать о произошедшем. Дед приставил к нему пару плечистых охранников, пока он находился в штабе Компании, и ещё четверо сопровождали за пределами. К слежке Ноэль привык с детства, но сейчас невозможность побыть одному раздражала, как никогда.

На утреннем построении, пока муштровал своих людей, он то и дело оглядывался на ворота. Во время завтрака не мог оторвать взгляд от окна. Даже когда отправился в целительский корпус проведать Бианку, Ноэль витал мыслями там, где Охотник занимался расследованием.

Манушка лежала на кровати, закутанная в одеяла. Выглядела она очень бледной, веки были прикрыты, но целители сказали, что она не спит. Стоило Ноэлю приблизиться, как Бианка открыла глаз, уголки губ поползли кверху в слабой улыбке.

– Прости. Я вчера всё испортила. Когда тот человек начал кричать, мне показалось, что я снова в Ланжу... и весь этот кошмар, – она всхлипнула и отвернулась. – Родные, их смерть... я стараюсь не вспоминать, но...

– Эй, не надо извиняться! – Ноэль присел возле неё и заставил посмотреть ему в лицо. – Это я слишком давил на тебя и не смог защитить. Впредь буду осторожнее. Даже не думал, что кто-то проберётся во дворец с оружием.

– Война – она повсюду. Даже в этой тихой гавани, – Бианка снова прикрыла веки.

– Это не война, а один обезумевший от горя человек. Всё будет хорошо. Когда-нибудь на нашей многострадальной земле наступит мир, – он погладил её по волосам. – Я сделаю всё ради этого. Так что ни о чём не переживай.

Ноэль поцеловал Бианку в лоб и отправился по делам. Нужно быть решительным и принять бразды правления в собственные руки.

После раздумий он набросал парочку предложений вождю, каждое из которых начинал, как «Я, Безликий бог, желаю...»

Он хотел создать военный корпус, где проходили бы первичную подготовку все, даже целители. Последних бы, конечно, не заставляли сражаться, а просто учили действовать в чрезвычайных обстоятельствах. Хорошо было бы укрепить союз с Лапией. Тогда Кундия окажется в тисках – власть единоверцев там ещё не так сильна, как в других странах.

Постепенно Компания наберётся сил и станет достойным противником с приличной регулярной армией. Первые цели для атаки – самые ближние и плохо охраняемые места в западных провинциях Веломовии. Это уже не будут наивные мечты идеалистичного мальчика, как утверждает Николас.

Если ему так нравится критиковать чужие планы, пускай предлагает свои. Обещал же остаться и помочь. Он возьмёт на себя роль первого советника, правой руки. Будут отбиваться от проблем и возражений вместе.

Ноэль снова выглянул в окно на дорогу. Николас не возвращался. Наверное, очень занят, ведь поиски убийцы куда важнее, чем «игры в солдатиков» и выполнение мелких поручений деда.

К вечеру Ноэль сложил все наработки в аккуратную стопку и отправил их к вождю с посыльным. Завтра он планировал заняться казной. Требовалось выяснить, на чём можно сэкономить. Если одарённые начнут оказывать услуги за вознаграждение, у Компании появится стабильный доход. К примеру, можно охранять купеческие обозы и суда, помогать в поиске металлов и драгоценных камней, обеспечивать безопасность на рудниках, лечить, оберегать от мора, чистить воду. Да много чего ещё!

Тогда они станут более независимы от норикийской короны. Орлен – так себе союзник, ведь ему даже власть удерживать сложно. Если Лучезарные выдвинут ультиматум, то норикийцы отрекутся от одарённых. При нынешнем положении дел это будет равносильно смерти. Нужно иметь хоть что-то про запас.

Ужинал Ноэль у себя. Когда слуги унесли пустые тарелки, посыльный доставил ответ от деда. «Нет, нет, нет и ещё раз нет! Сейчас же перестань дурить и подумай о своей ответственности!»

Смяв записку, Ноэль швырнул её в растопленный камин и для верности пошуровал кочергой. Ничего, вода камень точит. Он напишет ещё и ещё, а при случае напомнит. Пока его не услышат, пока не согласятся хоть на что-то!

===== Глава 37. Гнев Безликого =====

1570 г. от заселения Мунгарда, Норикия, Дюарль

После поездки на болота Николас опрашивал родственников жертв и свидетелей. Ничего существенного узнать не удалось. Никто из похищенных себя всерьёз Безликим не считал, на испытания приходили ради потехи. Их будто наказывали за такое кощунство.

А что, если его собственные видения о Безликом были вызваны печатью мар, магией ши? Или фигура в холщовом балахоне – другой демон, который играл на тщеславии Охотника и манипулировал им?

Да, то, что говорил Безликий, находило подтверждение в словах Жерарда и Белого Палача, но бог мог использовать свои знания, чтобы обмануть. Или Николас сам обманулся, решив, что книга безобидна? Почему Безликий не предупредил и теперь отказывается помочь? Ведь гибнут люди, и его собственная честь находится под ударом.

Что толку сокрушаться? Нужно не допустить новых смертей.

Николас решил организовать ночные патрули из добровольцев. Жерарду эта идея не понравилась. Он повздорил с внуком и пребывал в скверном расположении духа, а посему слушать ничего не желал.

Если действовать за его спиной, последствия будут скверными, но ничего другого в голову не приходило.

Охотник обратился к королю. Поздним вечером они тайно встретились в кабинете Орлена. На стене справа висел парадный портрет предыдущего короля во весь рост: высокий импозантный мужчина, куда более солидный и серьёзный по виду, чем сын. Костюм из пурпурного бархата, строгая причёска, смольные резные брови изгибались уголками к хищной орлиной переносице, яркие янтарные глаза смотрели с укоризной. Звали его тоже

Орленом, Орленом XII. Был у норикийцев несуразный обычай нарекать детей в честь родителей, а потом не разберёшь, кто из них в чём преуспел. Только по порядковому номеру если.

Орлен XIII, сидя за столом из красного дерева, улыбался вполне радушно в отличие от своего отца. Когда Охотник показал книгу с проснувшимся вороном на обложке, глаза короля вспыхнули воодушевлением.

– Я хочу собрать добровольцев для патрулирования Дюарля. Вероятно, убийца не человек. Неодарённые с ним не справятся.

– Вы полагаете, что Сумеречники могут потягаться с... богом? – снисходительно поинтересовался Орлен.

– Вряд ли это гм... настоящий Безликий. Боги редко показываются людям, тем более, настолько одиозно.

– Что же нам тогда думать о внуке вашего вождя?

– Разве он любит одиозные выходы? Вы же, поди, знаете его гораздо дольше меня.

– Конечно! Мы присутствовали на его наречении, держали на руках. Даже младенцем Ноэль был удивительно тихим и спокойным. Никогда бы не подумали, что такой скромный малый скрывает в себе столь огромную силу.

– Вот вам и вся разница. Богам нет смысла мстить или что-то доказывать. Они и без того знают себе цену. А демоны любят представляться теми, кем не являются.

– Что же это за демон? Нам стоит опасаться нашествия? – на лбу короля залегла тревожная морщинка.

– Вот это и выяснят одарённые. Всё-таки охота на демонов была нашим ремеслом на протяжении тысячелетий.

– Тогда у вас есть наше разрешение.

– Хотел ещё спросить, – осторожно начал Николас. – В последний день испытаний ко мне приходил горбун Умбер. Чувствовалось в нём нечто... демоническое. Дело не во внешности. Металл на книге обжёг ему руки, а сам Умбер будто обличал нас в чём-то. Называл себя выброшенным принцем и грозил, что его отец покарает весь город.

Передёрнув плечами, король поднял взгляд на портрет своего предшественника.

– Этого не может быть. Его отец не демон и давно мёртв. Не ворошите прошлое, там нет ответов, которые вы ищите. Сейчас не время каяться в застарелых прегрешениях.

– Постыдные тайны всегда выходят боком, Ваше величество. Чем дольше мы храним их, тем злее шутку они с нами сыграют.

– Право, не стоит портить наши отношения. Если вы не хотите понять, мы обратимся к вождю...

– Не нужно! – оборвал его Николас. – Мой рот будет на замке. Обличать или упрекать вас мне не досуг. Я просто хотел предупредить по-дружески.

Король кивнул. На этом они распрощались.

Утром Николас отыскал Ноэля во дворе штаба на построении.

Увидев его, друг просиял:

– Неужели ты почтишь нас своим присутствием?

Не дожидаясь ответа, он отошёл в сторонку для разговора.

– Как расследование? Я тут... в неведении томлюсь.

– Ничего путного не нашли кроме того, что напал не волк, а большая собака. Мне

нужны добровольцы для патрулирования города. Твой дед отказал, поэтому...

Прежде, чем Николас успел закончить, Ноэль развернулся к шеренгам воинов и зычным голосом объявил:

– Лорд Комри спрашивает, хотите ли вы послужить под его началом и защитить людей от сил зла?

– Хотим! – заорали воины, а потом их хор распался на гудящее бормотание: – Всяко лучше, чем здесь штаны протирать.

– Я думал сделать это по-тихому, – шепнул Николас другу. – Чтобы вождь ни о чём не узнал.

– Ну, уж нет! Нашим свободным временем он распорядиться не может, как и навязывать свою волю, – отрезал Ноэль раздражённо.

Похоже, его терпение лопнуло. Жаль только, не в самый подходящий момент.

– Хорошо. Как вы, должно быть, знаете, в Дюарле по ночам пропадают люди. Мы должны защитить их и отыскать злодея. Король разрешил нам патрулировать улицы, – Николас показал грамоту с красной сургучной печатью. – Все, кто согласен, подходите ко мне. Я распределю обязанности между вами.

Он обернулся к Ноэлю и снова зашептал:

– Твоя помощь пришлась бы кстати. Есть предположение, что это – ши. В прошлый раз ты одолел их владыку...

– Но мы не выяснили, что тогда произошло. Не знаю, удастся ли повторить, – замылся тот.

– Боишься? – с вызовом спросил Николас, хотя прекрасно помнил, как друг не любит подобное ребячество. – Сам же говорил, что вдвоём мы свернём горы. Лучшего способа победить ши всё равно нет.

– Хорошо, позже я постараюсь улизнуть незаметно, – Ноэль покосился на плечистых охранников в двух шагах от него и вынул меч из ножен: – Возьми! Тебе же надо чем-то сражаться.

Николас покачал головой и отступил на шаг:

– Мне достаточно ножей и ветроплава. Лучше принеси его сам.

На этом они распрощались.

Охотник распределил отрезки улиц между добровольцами и назначил время дежурств. Каждый из патрульных надевал синюю повязку на руку и получал секретный пароль. Желающих оказалось много, и дежурства не длились дольше четырёх часов. Можно было не опасаться, что люди устанут и потеряют бдительность.

– Перед нападением слышится собачий лай. Крупный пёс, предположительно белого цвета. Сам злодей... – Николас крепко задумался: – Высокий мужчина в плаще или холщовом балахоне. Возможно, златоглазый демон-ши. Лицо он скрывает под капюшоном, платком либо маской. Увидите кого-то похожего – пускайте голубя. И никаких бесчинств! Это наш город и наши люди.

Добровольцы понимающе кивали.

– Вот ещё что: если встретите горбуна, приведите его ко мне. Только тихо, – Охотник приложил к губам указательный палец.

Сам он взялся опрашивать бедняков. Их неблагополучный район разительно отличался от помпезных дворцов знати. Повсюду ютились кособокие лачуги из серого камня и старых

прогнивших досок. Ветхие крыши были сложены из дёрна или камыша. Узкие тёмные улочки изгибались так, словно нарочно стремились запутать забредшего сюда чужака. По каналам, избороздившим разбитую мостовую, бежала бурая вода и источала гнилостный запах. Ветер растаскивал повсюду мелкий мусор.

Обитатели трущоб относились к Николасу с опаской: прятали глаза, отвечали нехотя и односложно. Хорошо, что он отказался от меча Ноэля, иначе они и вовсе попрятались бы.

Только после продолжительного вынужденного общения бедняки начали оттаивать, первые – дети в перелатанных одеждах. Следуя за Охотником шумными стайками, они показывали пальцами и смеялись.

Он подманил самых смелых кульком с печеньем, но прежде, чем успел раскрыть рот, дети атаковали его вопросами:

– Вы его видели? Вы его победите? Или, наоборот, служите ему? Новых жертв подыскиваете в обмен на силу?

– Что? – засмеялся Николас. – Магия так не работает. Откуда вы набрались этих глупостей?

– Корделия-сказочница рассказывала! – хором ответили они. – Айда с нами! Сам послушаешь!

Ага, та чудаковатая старуха с испытаний. Не слишком надёжный источник, но лучше, чем ничего.

Детвора привела его во двор покосившейся хижины. На веранде в ветхом кресле, укутанная в серую шерстяную шаль, сидела сумасшедшая Корделия. Она ничуть не изменилась с испытаний. Николас вручил ей букет купленных у маленькой торговли осенних сухоцветов.

– Ах, это ты, молодой воин! – обрадовалась она, признав его.

– Не бойтесь? Вы же говорили, что я подыскиваю жертв, чтобы заполучить силу, – уличил её Николас.

– Не ты! Ты светел ликом и душой. Ты жертвуешь собой, чтобы спасти других. Оттуда и силу черпаешь, – ответила Корделия добродушно.

Николас снисходительно улыбнулся. Воспринимать её слова всерьёз не получалось.

– А всё-таки что вы слышали о пропажах?

– Я много чего слышу, – её старческий голос скрипел тепло и уютно. – Люди не боятся говорить при мне, будто я глухая. Пропадали тут постоянно с травника месяца, из плохих семей, неприкаянные бродяжки. Когда их наберётся достаточно, Золотой город провалится под землю за свои грехи. Как по улицам стелется сизый туман и наступают вечерние сумерки, выходит на охоту душегуб. Его верный пёс выискивает жертв. Один раз залает – ты предупреждён. Два – беги со всех ног, иначе он настигнет и утянет к своему хозяину. Три – нежилец ты. Я уже два слышала.

Либо она знала авалорские сказки, либо здесь действительно орудовали ши. Интересно, что это за ритуал – приносить жертвы, чтобы разрушить город? Правда это или выдумка сумасшедшей старухи?

– Тогда я останусь и буду охранять вас, – заявил Охотник и сбегал за пирожками на ужин.

Детишки, особенно те, кто был постарше, тоже не желали их покидать.

– А кто-нибудь их видел? Собаку и её хозяина из тумана? – спрашивал Николас.

– Тома! Тома с улицы Дежюс видел! – отвечали они наперебой.

– Где же он?

– Так забрали его. Раз видел, значит, забрали. Смешной вы, дяденька, такой взрослый, а простых вещей не понимаете!

– В самом деле. А кто-нибудь из вас что-нибудь видел или, может быть, слышал?

– Мой двоюродный дядька силуэт собаки видел. Далеко! Тень мелькнула и пропала, – ответила девочка-сорванец.

– Да ну! Вот мой троюродный брат Дидье слышал, как с собакой говорил хозяин. Сипел и хрипел, как горны в кузнице. Страшно! Но когда хозяин пришёл за Дидье, то ему чудилась прекрасная песня. Он побежал за ней в туман и пропал... навсегда!

Это так похоже на... нет, о плохом лучше не думать.

Николас внимательно изучал ватагу. Нужно разузнать про Дидье. Если злоумышленники действительно принадлежали к племени ши, которое использовало правило десяти дней для перехода в свой мир, то за четыре месяца от начала испытания пропасть должно было около дюжины человек. Нашли меньше половины.

Интересно, что произошло с остальными? Может, останки растащили дикие звери? Или убийца выбросил их в другом месте? Или некоторых жертв не убивали, а забирали себе в услужение? Демоны так поступали с теми, кто соглашался на их посулы.

Разогнав детей по домам, Николас вернулся к Корделии.

Осенью темнело стремительно. Становилось не настолько холодно, насколько сыро и промозгло. Охотник сидел на скрипучем пороге дома и кутался в плащ. Корделия вынесла ему чашку с горячей водой, чтобы погреться. Ноэль так и не явился – плохой знак. Страх бы его не остановил, а вот вождь мог перехватить.

Нехорошее предчувствие холодком кралось по коже. Облака закрыли небо настолько, что сквозь них не проглядывали ни луна, ни звёзды. Николас дремал вполглаза, прислушиваясь к ночным шорохам. В подворотне голосили коты. Вдалеке скрипела дверь, звенела посуда.

Стылый туман вытащил первые ростки из вонючих каналов, за клубился под ногами, поднимаясь выше, до пояса. Отрывисто и гулко загавкала вдалеке собака. Николас встрепенулся и подскочил на ноги.

«Один раз залаял – ты предупреждён», – прозвучали в голове слова старухи.

Похоже, Корделия ошиблась. Демон пришёл за кем-то другим!

Охотник помчался в сторону звука, но лай оборвался. В отблесках аур на смежённых веках ничего подозрительного. Но вот мигнули красные глаза, зашевелились тени, зацокали когти по мостовой. Николас снова ринулся на звук.

Стук-стук-стук. Нет, это не когти. Неровный ритм, словно кто-то ковыляет, подволакивая ногу. Мелькнул впереди коренастый силуэт, причудливо несимметричный. Не уйдёт!

Охотник вытянул руку, и злодей замер, связанный ветропутами.

– Пусти меня, пусти! – хрипло заскулил Умбер.

Приблизившись вплотную, Николас выхватил из-за пазухи кинжал.

– Отвечай, полукровка, это ты убиваешь людей?

– Их убивает твоя ложь, подкидыш в человеческом обличье! – выплюнул ему в лицо горбун.

– В чём я солгал? Книга и правда волшебная, открыть её может только Безликий. Ворон на обложке проснулся, когда мой друг коснулся её.

– Ты лжёшь всё время, играешь словами. Лжёшь даже себе: затыкаешь уши, зажимаешь глаза. Ты очень боишься правды, потому что только она способна тебя убить!

– Так скажи мне её. Убей своим словом – и тогда спасёшься, – рассмеялся Охотник. – Ну же!

– От твоего безумия не спасёт ничто! – Умбер испуганно сжался.

– Тогда говори, кто убийца. Кто твой отец?!

– Это месть! Город полон грехов и порока. Как и ты, он обречён. Его гибель – вопрос времени.

– Ну же, скажи что-нибудь, чего я не знаю! – настаивал Николас.

– Вы все виновны в жестокосердии и безразличии. Ты потеряешь... Самое дорогое потеряешь! Идите ко мне, проклятые выброшенные дети! Я ваш король. Я приведу вас в волшебный сад теней, где нет боли и страданий!

Горбун разорвал путы и, раскинув руки, закружился по улице.

В голову острой болью ударил рикошет, Николас оступился и угодил ногой в грязную воду канала.

– Летите, мотыльки, в трясины за мной, там вход в мир иной! – вопил горбун.

Охотник ухватил Умбера за локоть и приставил остриё кинжала к его горлу. Выступила кровь, напитав сырой воздух своим запахом.

– Отвечай, кто твой отец. Кто убийца?! – выкрикнул Николас.

– Орлен! Мой отец король! Король – убийца! – заскулил он.

Странно. Нападавший ведь почти наверняка демон.

В отдалении раздался истошный крик. Забряцало оружие, взвились отрывистые команды.

Корделия!

Помогая себе ветроплавом, Николас поволок горбуна на звук. С трудом удавалось обходить каналы – те будто нарочно бросались под ноги.

Снова мигнули красные глаза. Лохматый белый пёс с вислыми багровыми ушами врезался в Николаса. Тот выпустил Умбера, защищаясь.

Острые зубы тянулись к горлу, пробивая ветрощит. Слюна капала на одежду и кожу.

Охотник ударил по сбившейся в колтуны шерсти ногой и кинжалом одновременно. Пёс отскочил и умчался в туман. По оружию текла тёмная кровь и мазала рукав белой рубашки.

Горбуна уже и след простыл. Николас поднялся рывком и поспешил к дому старухи.

Корделия встретила его на веранде с зажжённой лучиной в руке.

– Это не вы кричали? – спросил он.

– Сегодня пёс приходил за молодой кровью, – печально ответила она.

Охотник кинулся туда, где тускло мерцали ауры патрульных.

Стоявшие кругом возле бородатого бродяги одарённые обернулись:

– Что стряслось? Вы ранены?

– Это не моя кровь. А у вас что? – потребовал отчёта Николас.

– Детей похитили! Детей! – ответил за них бродяга.

– Ваших?

– Беспризорных, – доложил старший патрульный. – Слонялись тут, еду воровали, спали в незапертых сараях и подвалах.

– Брис и Бри. Такие добрые, всегда вместе... – сокрушался бродяга.

– Близнецы. Я их помню, – кивнул Охотник.

– Он забрал их, Безликий! Я видел! – ошалело бормотал свидетель. – Он забрал их, забрал в грёзу! Они провалились сквозь землю!

– Тут наверняка должен быть спуск в катакомбы. Разделимся! Третий – посмотрите, куда ведут сточные каналы. Третий – обследуйте катакомбы по известным входам. Остальные поедут со мной на болота. Попробуем перехватить их там, – отрывисто отдавал приказания Охотник. – Пускайте голубей – предупредите остальных. Жду их у ворот!

Он забрал лошадь с коновязи, вскочил в седло и помчался к городской стене. Там пришлось задержаться, пока собиралась вся кавалькада.

Что же делать со словами горбуна? Обвинять короля прилюдно – глупость. Поделиться? Не с Жерардом же. Остальные могли распустить язык. Единственный, кому Николас доверял, как себе, был Ноэль. Только куда он запропастился?

Стражники нехотя распахивали ворота, повинувшись королевской грамоте. Сбившись плотным строем, патруль выехал на широкую дорогу. Зацокали впереди копыта, со стороны штаба Компании подъехал небольшой отряд.

Ноэль привёл подмогу? Но здесь нет его ауры.

– Возвращайтесь в штаб! – объявил предводитель-мертвошэпт.

– Как? – Николас поравнялся с ними. – Мы преследуем опасного преступника. Он похитил детей, каждое мгновение на счету!

– Это приказ вождя, – ответил предводитель. – Вас велено доставить к нему под охраной.

Пришлось повиноваться. Драться со своими людьми точно не стоило.

Как только Охотник спешился во дворе, его взяли под конвой и сопроводили в кабинет Жерарда.

Ноэль стоял спиной к двери: осанка неестественно прямая, ладони сцеплены сзади на поясице.

– А вот и второй деятель явился, – увидев гостя, осклабился сидевший за столом вождь. – Что это ты творишь? Сговариваешься за моей спиной с королём, командуешь моими людьми, подбиваешь моего внука на опасную авантюру. Власти захотелось, да? А ты, – он перевёл взгляд на Ноэля. – Последний разум потерял со своей манушской потаскушкой? Переспи уже с ней и успокойся! О чём ты только думал, когда покрывал его?

– Он искал убийцу и пытался очистить наше имя! – огрызнулся внук вождя до того, как это успел сделать Охотник.

– Не смей меня! Я уже отдал приказ вымести из города всю единовещерческую ересь и разыскать лазутчика Лучезарных. Этим надо было заниматься, а не носиться по бедняцким кварталам ночью. Он же поднимал против нас бунт!

– В отличие от тебя он никогда меня не обманывал и не предавал, – процедил Ноэль

сквозь зубы. – Он мой друг, и я ему верю!

– Вот видишь! Он уже настроил тебя против меня! – Жерард обличительно ткнул в Николаса пальцем.

– Не было даже в мыслях! – возмутился тот. – Выслушайте меня! Убивает не одержимый, а демон. Сегодня перед нападением я видел кун ши, холмовую гончую. И горбун Умбер... он назвал короля своим отцом. Он...

– Вздор! – гаркнул вождь. – Сколько раз говорено было не лезть в чужие дела? Стража! Дверь распахнулась, и на пороге показались охранники.

– В темницу обоих! В разные кельи, подальше друг от друга, чтобы ни видеть, ни переговариваться не могли, – приказал Жерард. – Пускай немного успокоятся, горячие головы.

– Но дети пропали... нет времени, – в отчаянии выкрикнул Охотник.

Вождь безразлично взмахнул рукой.

– Прости, я не заметил его шпиона с амулетом Кишно, – прошептал Ноэль, когда их повели вниз, в казематы.

– И ты прости... Боги, убийца был почти у меня на крючке! – досадовал Николас.

– Отставить разговоры. Вождь не велел! – пригрозил охранник.

Их устроили в самых отдалённых друг от друга кельях: Ноэля возле выхода, Николаса в глубине, как особо опасного. Охранники следили, чтобы они не разговаривали. Жаль, что только мыслечтецы умели общаться без слов.

Николас устроился на деревянной лавке, застеленной соломой и вперил взгляд в бугристый каменный потолок. Снова неудача, снова не удалось никого спасти, словно весь мир восставал против этого. Говорил, что люди должны страдать и гибнуть. Ты бессилён предотвратить злой рок и можешь только причинять ещё больше вреда, даже если всей душой не желаешь этого. Но он не сложит руки, не перестанет пытаться. Долой упаднические мысли!

Утром Ноэля выпустили. Видно, Жерард остыл. В глубине души он любил внука, но любовь эта была очень деспотичной.

Стоило отпереть келью, как друг рванулся к Николасу, но охранники не позволили им даже взглянуть друг на друга.

– Я что-нибудь придумаю. Обязательно! – выкрикнул Ноэль прежде, чем его успели заткнуть.

– Лучше себя побереги! – ответил Охотник и перевернулся на соломенном тюфяке к серой стене.

Еду приносили исправно, как и тёплые одеяла. Никто не жаждал его уморить.

В стене шуршали мыши, в голове точно так же копошились мысли. Да и что тут делать, кроме как перебирать их в поисках золотых песчинок озарения?

На полу нашёлся острый камень. Николас нацарапал им на стенах лица замешанных. Стрелки размечали связи, над ними – мотивы. Так думалось гораздо лучше.

Слова горбуна прокручивались туда-сюда до бесконечности. Не стыковались они с реальностью. Орлен XIII его лет на десять, самое больше двенадцать старше, не может король быть его отцом, даже если учесть пагубную страсть к «волшебной любви».

Скорее всего, горбун имел в виду Орлена XII, чей портрет висел в кабинете нынешнего короля. Нужно вспомнить все обмолвки и смутные слухи. Орлен XIII заявил, что отец

горбуна давно мёртв. Иветта говорила о том, что предыдущий король любил некую ши Вифанию. Наверное, она и есть мать Умбера. Интересно, отчего он родился калекой? Риана с Мидриром тоже были полукровками, однако выглядели лучше и были сильнее и ловчее многих чистокровных людей.

Почему вокруг Умбера возвели столько тайн? Он ведь бастард, человек лишь наполовину, да и младше нынешнего короля. Престол мог достаться ему, только если кто-то ушлый, вроде Жерарда, стал бы плести за него интриги. Но вождь поддерживал Орлена XIII.

Впрочем, важнее, что Умбер имел в виду, называя убийцей своего отца. За предыдущим королём водились грешки, но сейчас-то он мёртв. Даже если практикующий некромантию мертвошэпт оживлял покойника и заставлял служить себе, то вина за его преступления возлагалась на одарённого, а не на его безвольного раба.

Это тупик. Нужно зайти с другой стороны.

Людей воровал кун ши. Он же защищал горбуна, значит, они связаны. Кто-то из ши решил отомстить за все беды и лишения Умбера. И не только за него, ведь Иветта тоже угрожала возмездием. Николасу, королю и Компании, которая ловила волшебных дев и принуждала их развлекать Орлена. А история с Безликим показалась удобным предлогом, чтобы опорочить обидчиков.

«Самое дорогое потеряешь», – твердила Иветта.

Самое дорогое, единственное, что осталось – это честь. Именно по ней ударили твари.

Нужно увидеться с фавориткой наедине. Она же способна изъясняться куда более вменяемо, чем Умбер. Осталось только придумать, как договориться с королём, желательно без Жерарда. Один Орлен может прислушаться к доводам разума, особенно если сказать что-то веское.

Как только Ноэль выпустили из темницы, он поспешил в корпус целителей к Бианке. От охраны удалось оторваться с помощью виртуозного ветропрыжка за пределы штаба. Ауру скрыл амулет Кишно. Но оказалось, что манушка уже вернулась в женское крыло.

С почти бесшумным хлопком Ноэль переместился в её спальню. Не в пример меньше его покоев, комната была обставлена очень скромно, только самыми необходимыми вещами. Но порядок тут царил идеальный. На столе и тумбах лежали вязанные салфетки, а на кровати – полдюжины маленьких подушек с пёстрой вышивкой. Всё сделано тёплой рукой хозяйки.

Бианка сидела на стуле спиной к гостю и расчёсывала густые волосы.

За дверью возникла тяжёлая целительская аура. Дед! Что ему здесь понадобилось?

Ноэль спрятался за портьеру до того, как раздался стук. Бианка поднялась и открыла.

– Вождь Пареда, не ожидала вас здесь увидеть, – она исполнила реверанс со всей старательностью, но дед даже не взглянул и деловито вошёл внутрь.

– Ты встречаешься с моим внуком? – спросил он так резко, что она опешила.

– Ноэль – мой наставник. Был им. А теперь просто друг. Он очень благороден и заботлив, как и положено ... будущему вождю, – ответила манушка после долгой паузы.

– Не отпирайся, деточка, – дед схватил её за подбородок и заставил смотреть в глаза. – Все в Компании знают, что он за тобой ухлёстывает, даже потребовал у лорда Комри передать ему тебя в качестве ученицы.

Ничего подобного! Он даже не заикался Николасу о своём желании!

– Я... я впервые об этом слышу. Наши отношения невинны. Ваш внук очень сдержан и

хорошо воспитан, не стоит беспокоиться, – оправдывалась Бианка, отступая к окну.

– Это я знаю, как знаю и то, что он слишком чист и наивен, чтобы понять, когда вертихвостка, вроде тебя, пытается его окрутить, – дед надвигался на неё угрожающей тенью. – Но я этого не допущу. Слишком много сил я в него вложил, слишком много он значит для нашей борьбы, для всего мироздания.

Манушка дрожала, её голос сипел и затухал.

– Я ничего такого не хотела. Если он неправильно меня понял...

– Я пришёл сюда не для того, чтобы слушать ложь очередной охочей до власти и богатств интриганки, – перебил её дед. – Я готов заплатить золотом, чтобы ты уехала отсюда и оставила его в покое. А если нет, то пеняй на себя. Водить его за нос я не позволю!

– Мне ничего не нужно. Я... я... – потерянно бормотала она.

– Срок у тебя две недели. Отказа я не приму, – оборвав разговор так же резко, дед ушёл. Ноэль выглянул из-за портьеры. Бианка обернулась и судорожно всхлипнула.

– Прости! – он приобнял её за талию.

– Это... это правда? – выдохнула она.

– То, что ты нравишься мне... да, – сознался он. Как гора с плеч упала! – Николас, похоже, догадался, ну и... Я ни о чём его не просил!

– Я понимаю... это из-за меня. Я досаждала ему непрошенными чувствами, – манушка сглотнула и понурилась. – Похоже, я всем мешаю.

– Нет! Дед набросился на тебя из-за нашей ссоры.

– Надеюсь, вы не из-за меня... повздорили?

– Из-за того, что он постоянно лезет в мою жизнь.

– Он тебя очень любит.

– Нет. Когда любишь, даёшь человеку свободу, выслушиваешь и позволяешь быть собой. Ценишь его таким, какой он есть, а не пытаешься превратить в того, кем он не является. Теперь я это понимаю.

Ноэль взял Бианку за руки и проложил её ладони к губам.

– Не слушай его. Если я хоть немного тебе нравлюсь, то я готов сражаться за нас обоих.

– Но он прав! Я тебе не ровня и буду только мешать.

– В чём? В том, чтобы быть безропотным подкаблучником у собственного деда? Вся эта мишура из родства и должностей ничего не значит. Единственное, что важно, это хочешь ли ты быть со мной.

Он приблизил своё лицо к её. Его губы с трепетом коснулись её горячего рта. В комнате, в их маленьком мирке, они наконец остались одни. Никто не мешал интригами и ложными обвинениями. Очищенное от всякой шелухи чувство поражало красотой и искренностью.

Ноэль целовал манушку так глубоко и долго, как даже не грезил. Грубые, знавшие лишь тренировки с оружием ладони ласкали изящную спину, душа наполнилась незнакомым прежде трепетом и негой. Сопротивление таяло, и Бианка становится мягкой глиной в его руках.

Через неделю в келье не осталось места, свободного от схем и рисунков. Охранники тревожно перешёптывались, обсуждая умственное здоровье пленника.

Утром на десятый день после пропажи близнецов в темницу влетел Жюльбер и крикнул:

– Выпустите его! Приказ вождя!

Охранники просмотрели грамоту с печатью Жерарда и передали обратно ключи. Николас поднялся и отряхнул с себя солому.

– Мёртвого ребёнка нашли в том же месте, – с порога начал оборотень. – Мы оставили на пустыре пару дозорных, но под утро, как пополз зловонный туман, их сморило. Когда очухались, тело лежало посреди лагеря. Будто в издевательство. Я распорядился, чтобы ничего не трогали. Подождать, пока ты поешь и умоешься?

– Нет времени, – Николас запахнулся в плащ и широким шагом двинулся к выходу.

Жюльбер едва поспевал следом.

У конюшни они вскочили на уже посёдланных лошадей и помчались к болотному замку. С вершины холма поднимался дым, виднелись фигуры дозорных. Они помахали руками.

Тело лежало неподалёку от едва тлеющего костра. Оно выглядело так же, как прошлое: разодранное горло, срезанная с лица кожа. Исхудавшее мальчишеское тело явно принадлежало Брису. Вокруг – собачьи следы. Замызганная одежда порвана зубами. Видно, за неё и волокни.

– Взял след? – спросил Николас у Жюльбера.

– Первым делом, даже обличье сменил. Только вонь весь запах перебила, как будто тварь прямо в трясины нырнула. А могла?

Николас задумчиво повёл плечами.

– Он один? Тут ещё девочка должна быть, сестра. Их вместе похитили.

Жюльбер покачал головой, дозорные – тоже.

– Покажи, где обрывается след, – попросил Николас.

Оборотень привёл его в то место, где в прошлый раз взбесилась Вестфольда. Знакомо булькала трясина вокруг поросшего соснами островка вдалеке.

– Вон туда, по тем кочкам ведёт. Я шёл, пока не стало совсем топко, – Жюльбер махнул рукой в сторону острова.

Николас взял длинную жердь и принялся проверять кочки. Оборотень остался наблюдать с тропы. Перепрыгивая с одного мшистого островка на другой, Охотник преодолел половину расстояния от острова. Кочки становились всё более мелкими, а потом начали погружаться в воду, стоило дотронуться до них жердью.

– Возвращайся! – крикнул Жюльбер.

Нет, нужно найти Бри. Вдруг её ещё можно спасти.

Обернув ступни ветроплавом, Николас заскользил по воде как на лыжах. Воздушная подушка держала его над трясиной и не позволяла засосать, даже когда болото надувало пузыри и булькало. Смрад гнили и торфа усиливался настолько, что к горлу подступала дурнота. Охотник не успевал осматриваться и прислушиваться к чутью. Перелететь было бы проще, но не стоило раскрывать свой секрет.

Добравшись до острова, Николас обошёл чахлые сосны по кругу, присел на сухом месте и зажмурился. Внизу пульсировала слабая аура. Если бы не так близко, он и не заметил бы.

Охотник принялся прощупывать всё вокруг жердью и даром одновременно. След ауры притаился под корнями, заброшенными дёрном, мхом и сухими ветками.

Схватив одну, Николас запалил её от огнива. Пламя осветило щель в облепившей корни сухой земле. Внутри образовался воздушный карман, под которым притаилась трясина. В ней лицом вверх дрейфовала Бри, живая, но без чувств. На поверхности оставалась только голова.

Как достать девочку?

Отойдя на твёрдую землю, Николас вытянул ладони тыльной стороной вверх. Пальцы принялись пряхть из воздуха тонкие нити. Ювелирная работа, требующая терпения и мастерства – куда проще лупить со всей силы, чем по маленькому кусочку убирать землю, ветки, мох и прочий мусор. Одно неверное движение – и трясина поглотит Бри.

Над головой захлопали крылья, пронзительно каркнул ворон. Что-то громко загудело. Пришлось до крови закусить губу, чтобы не потерять концентрацию. За спиной послышались шаги и тяжёлое сопение.

– Николас! – позвал знакомый низкий голос.

Охотник обернулся, только когда убедился, что края ямы не обвалятся.

– Ты с ума сошёл прыгать прямо в трясину?! – выругался он, едва не взрезавшись в Ноэля. – Как же безопасность?

Его тёмные глаза блестели от возбуждения.

– К демонам её! Надо поговорить подальше от посторонних ушей. Срочно!

Видимо, друг направлял прыжок по следу ауры. Жаль, Николас не умел делать так же.

– Нет времени. Там ребёнок тонет.

Он отвернулся к яме и снова простёр руки, сосредотачивая сгустки воздуха на кончиках пальцев.

– Я помогу! – друг встал рядом и повторил его жест.

– А получится? Это очень кропотливая работа, – предупредил Николас.

– Шутишь? Я только тем и занимался всю жизнь, что оттачивал владение даром до идеала, – уверенно заявил он. – Повторяй за мной!

Оставляя руки неподвижными, Ноэль перебирал пальцами очень медленно и плавно, словно касался хрупкой паутины. Трясина недовольно зачавкала. Охотник повторял его движения, но получалось совсем не так уверенно: друг будто знал, куда и сколько воздуха направить. Бри по дюйму поднималась на поверхность, пузыри выталкивали её, высвобождая из топкого плена.

Прошло не меньше получаса, прежде чем девочка оказалась на твёрдой земле. У Николаса под рубашкой тёк пот, от него же блестел лоб Ноэля, дышать им приходилось в унисон – одинаково натужно. Мутные глаза смотрели осоловело.

– Фух, похоже, я один не справился бы, – признал Охотник, опускаясь на землю рядом с Бри.

– Вместе мы покорим весь мир, – усмехнулся друг, но как-то невесело. – Теперь поговорим?

– Надо доставить девочку в лазарет, – ответил Николас, проверяя её дыхание и прислушиваясь к стуку сердца. – Она очень слаба.

– Я прыгну вместе с ней, – предложил Ноэль. – Ну же, это очень важно! Я всю неделю ждал, когда тебя выпустят.

– Хорошо, только быстро, – сдался Охотник.

– Ты был прав. Дед использовал меня, чтобы получить больше власти и народной поддержки. Он не прислушался ни к одной из моих идей. Наивно было полагать, что я изменю хоть что-то. Что он действительно верит в меня. Знаешь, что он мне сказал? То же, что и ты. Что своими силами мы не победим, как бы я ни ухищрялся в подготовке к войне. Что только если я буду выполнять его указания, мы спасёмся. Чувствую себя своим отцом, такой же безвольной марионеткой в руках деда. Всю жизнь презирал Архимагистра Фейна

за бесхребетность и глупость, а оказался таким же слабаком. Я... я не хочу следовать по его стопам.

– Ты не такой, поверь! – покачал головой Николас. – Если ты знаешь о его ошибках, то сможешь их избежать.

– Если не буду один, если ты мне поможешь, – Ноэль заглянул ему в глаза. – Дед угрожал Бианке гневом Безликого, пытался подкупить её, чтобы она уехала. Это последняя капля. Я не могу ответить, когда он меня бьёт, не могу интриговать против него, он ведь родная кровь, да к тому же старик. Это непереносимо! Давай сбежим втроём: ты, я и она. Пошлём к демонам этот город и наших зарвавшихся соплеменников. Насладимся жизнью, пока не наступит конец. Как думаешь, получится?

– Несомненно! – Николас сжал его плечо. – Только дай мне пару дней найти убийцу. Он уже у меня на крючке. Как только закончу, пришлю тебе записку. Будь готов и предупреди Бианку. А пока доставь девочку в лазарет, но не рассказывай, где мы её нашли. Попроси целителей, как только она очнётся, оповестить меня. Убийца может явиться за ней снова.

Тёмные глаза вспыхнули воодушевлением, Ноэль улыбнулся и подхватил Бри на руки. С хлопком раскрыла зев воронка. В последний раз оглянувшись на Охотника, друг ступил внутрь, и стена сгущённого воздуха сомкнулась за его спиной.

Николас вернулся к изнывавшему от беспокойства Жюльберу.

– Долго ты! Нашёл что?

Охотник покачал головой.

– Надо бы обследовать всё болото, но для начала лучше поговорить с капитаном де Сатильоном, если он уже пришёл в себя. Возможно, он подскажет, где смотреть.

– Ничего не выйдет. Он скончался в тюрьме от сердечного приступа сразу после того, как вождь тебя запер, – развёл руками оборотень.

Сердечный приступ, конечно! Как это удобно. Для Жерарда. Маленькая порция яда в тюремной еде, и нет возводившего на Компанию хулу капитана.

Николас с Жюльбером оседлали лошадей и помчались обратно в штаб.

===== Глава 38. Разгадка =====

1570 г. от заселения Мунгарда, Норикия, Дюарль

Перекусив на ходу, Николас привёл себя в приличный вид и поспешил в Дюарль. Уже перевалило за полдень, а исправить дела нужно было до заката, когда закрывались городские ворота. В любое мгновение Жерард мог снова арестовать его.

Кутаясь в неприметный серый плащ, Николас пробрался на городскую площадь и, показав лицо стражникам, попросил аудиенции у короля. Пришлось подождать, пока за ним не явился гвардеец и проводил в кабинет Орлена в строгой секретности.

– Хотим сразу предупредить, что насколько бы мы ни ценили нашу дружбу, помогать мы больше не сможем. Вождь Пареда много для нас сделал, когда мы только ступили на трон, и наше положение было очень шатким. Мы не станем переходить ему дорожку.

Демонов Жерард и здесь свою лапу запустил. Как он везде успевает?

– Я не собирался просить вас об этом. Мне нужно переговорить с госпожой Иветтой, – ответил Николас.

– Мы понимаем, что вы ещё не растеряли юношеский запал, но всё же на чужих женщин зариться не стоит, – устыдил его Орлен.

К ушам прилила кровь. Долго ему интрижку с Шанти припоминать будут? Вот уж вяпался так вяпался. Никогда больше!

– И в мыслях не было, Ваше величество. Хочу задать ей несколько вопросов о пропавших людях. Такие, как она, знакомы с Горним миром даже лучше Сумеречников.

– Вы её подозреваете? – король сверкнул глазами гораздо более гневно, чем прежде. – Мы понимаем, что ваша охотничья натура требует демонской крови, но всё это – предрассудки. Мы готовы поручиться, что она ни в чём не виновата.

– Я её не обвиняю. Просто она – важный свидетель. Любое её слово может натолкнуть на след преступника. Вы же должны заботиться о своих подданных. Если мы не остановим убийства, народ почувствует нашу слабость и взбунтуется. Надо что-то делать!

– Нет! – резко ответил Орлен. – Не смейте указывать нам, как управлять нашей, а не вашей страной. Теперь мы понимаем, почему вождь Пареда был так возмущён вашим поведением. Уходите! Уходите, пока мы не велели вас схватить и передать в Компанию для разбирательства.

– Что ж, воля ваша, – Николас покорно склонил голову. – Я никогда не собирался покушаться на вашу власть или сводить счёты, а лишь хотел защитить людей.

Охотник покинул кабинет короля. Гвардеец проводил его на улицу.

Может, и правда, к демонам этот город. Надо написать записку Ноэлю. Они втроём с Бианкой уберутся как можно дальше отсюда. Самое правильное решение в сложившихся обстоятельствах. Проклятье последует за ним, и убийца перестанет терзать людей.

Прикупив гостинцев, Николас отправился в трущобы.

На углу тёмной улицы в корыте сидел грязный калека-попрошайка и манил к себе указательным пальцем.

– Найдётся, что сообщить? – плутовато сощурился Охотник, подбрасывая в воздух серебряник.

Пройдоха раскрыл огрубевшую распухшую ладонь, и монетка упала прямо в неё.

– Если заинтересуешь, заплачу больше, – добавил Николас.

– О, да-с, юный лорд Комри, – заговорил он нарочито куртуазно, кривя щербатый рот. – У меня имеется то, что вам нужно. Королевская тайна. У других есть, что терять, а мне холода пережить – уже за счастье. Но прежде я был, как вы, молодым и идеалистичным, стремился узнать правду и восстановить справедливость. Вот, куда это меня привело. Не хочу, чтобы с вами произошло то же. Заставьте виновных заплатить за свои грехи, расправьтесь с врагами. Моя история вам поможет!

Он, и правда, рассказал кое-что любопытное, впрочем, о большей части Охотник догадался сам. Конечно, воспользоваться сведениями вряд ли бы получилось. Попрошайка мог приврать, да и затевать смуту в такое беспокойное время не стоило. Да и зачем ворошить заплесневелых скелетов в чужих шкафах? Зато стало понятно, почему вокруг Умбера возвели столько тайн.

Распрощавшись с попрошайкой, Охотник проведаль Корделию. Детвора следовала за ним вприпрыжку, пересказывая сплетни. Тут было относительно тихо. Только любители баек клялись, что видели в тумане огромных лохматых псов и их хозяев «без лиц». Но подробности этих историй не вязались с тем, с чем столкнулся он сам.

Отужинав у радушной старухи, Николас отправился в Компанию. Всё-таки задержался до темноты. Прохожие встречались редко, люди прятались по домам от неведомого душегуба. Выбраться за ворота будет сложно, впрочем, это – меньшая из бед.

Кривые улочки бедного квартала снова заволок стылый туман. Зачастили они этой осенью. Послышались шаги, плеснулась вода в каналах, размытым силуэтом впереди

показался человек.

Или нет. Аура дымчатая, не такая прозрачная, как у неодарённых, но и не яркие огоньки родового дара. Полукровка!

Заметив преследователя, Умбер припустил быстрее, неуклюже ковыляя на полусогнутых ногах.

– погоди! Я не причиню тебе вреда! Поговорим! – закричал Николас.

Вспыхнула желтоватым росчерком аура ясновидца. Щёлкнул спусковым рычагом арбалет, свистнул болт – опытное ухо узнавало звуки. Аура одарённого погасла, словно под действием амулета Кишно. Тяжесть рухнула на мостовую, воздух напитался запахом крови, раздался натужный кашель.

Охотник подбежал к лежавшему на спине Умберу. Арбалетный болт торчал из его горла, кровь пенилась, хлестала ручьём и стекала в бурю воду канала. Вспоминая искусство Ноэля, Охотник принялся вынимать болт, направляя в горло потоки воздуха, чтобы горбун не задохнулся.

Умбер пучил глаза и дёргался. Жаль, что рядом нет целителя, он бы помог. А Николас, сколько ни пытался остановить кровотечение воздушными покровами, был бессилен. Через пару мгновений горбун обмяк, глаза закатились.

Работать приходилось исключительно ветроплавом, а потому кровь на одежду не попала.

Что теперь делать? Преследовать убийцу поздно, его уже и след простыл. Звать дозорных – так Охотника же обвинят во всём.

За спиной залаяла собака, в голове снова зазвучал голос старой Корделии:

«Два – беги со всех ног, иначе зверь настигнет и утянет к своему хозяину».

Николас помчался за едва наметившимся в тумане огромным псом.

Кун ши двигался мягко, почти неслышно. Только аура и помогала ориентироваться. Путь пролегал вдоль одного из каналов, по течению воды и вёл к сточной канаве. Демон плюхнулся в неё и побежал по колёно в нечистотах, пока не свернул в едва заметный тоннель под насыпью.

Здесь хотя бы было сухо. На стене обнаружился факел. Николас запалил его, осматриваясь. Своды оказались известняковыми, со следами от кирки – заброшенные каменоломни.

Тоннель разветвлялся и петлял, потолок становился всё ниже. Если бы не аура пса, Охотник давно бы потерялся. Проход сузился настолько, что он едва протискивался вперёд ползком. А если застрянет?

В лицо дохнул свежий воздух. Выход близко! Факел осветил большой зал впереди. Охотник выдохнул весь воздух из груди и оттолкнулся ветроплавом. Из узкого лаза он вылетел, как пробка из бутылки, и едва успел обернуть себя воздушной подушкой, чтобы не удариться об пол. Факел выпал из руки и потух. Пришлось снова его поджигать. Того и гляди прогорит, а новый вряд ли отыщется.

Стены от пола до потолка были уставлены пожелтевшими от времени черепами. Сколько их! Целое городское кладбище – заброшенная костница. Пахло затхло, но из противоположного прохода веяло ночной свежестью. Руницей над ним было выцарапано: «Остановись! Здесь владения смерти».

Николас направился туда. Узкая галерея тоже была устлана старыми костями. Они стучали и скрипели. В глазницах вспыхивали зелёные огоньки, смрадное дыхание щекотало

затылок.

Призрачные голоса нашёптывали:

«За смертью своей бежишь, глупец, а надо бежать от неё».

Хорошо, что он не мертвошёпт, иначе бродящие здесь призраки свели бы его с ума. Костей стало меньше, проход расширился, факел почти догорел. Впереди плескался лунный свет, стихия ветра звала резкими порывами, ночной воздух проникал под кожу, наполняя тело лёгкостью.

Охотник выбрался наружу среди камней возле русла Плавны, недалеко от болот. Полыхал костёр дозорных на замковом холме. А вон и пёс – скачет по кочкам, словно знает дорогу. Николас обернул ступни ветроплавом и поспешил вдогонку.

Кун ши оттолкнулся от последней кочки и нырнул в трясины, подняв тучу брызг. Охотник замер в недоумении. Аура пса ощущалась ещё несколько мгновений, а затем потухла – то ли демон погиб, то ли удалился за грань видимости. Как сквозь землю провалился – точно.

Может, нырнуть следом? Нет, только сложит голову напрасно. Оружия, кроме кинжала и ножа, с собой никакого. Сам выдохся. К тому же не спал в своей постели много дней. Нужно будет утром здесь всё осмотреть.

На кочке остался крест и обгоревший факел, чтобы быстро найти место в следующий раз. А сейчас нужно возвращаться в штаб.

Пришёл Николас поздно – караульные у ворот ругались и не желали пропускать, но в конце концов сдались.

В центральном корпусе окна горели только в кабинете вождя. На лестнице тускло чадили свечи. Хотелось прокрасться к себе незамеченным, но на втором этаже заскрипела дверь. От Жерарда вышел человек в глухом тёмном плаще. Аура блёкая, неприметная. Неодарённый в такое время? Вождь же ими брезговал.

Николас врезался в гостя плечом и нащупал амулет у него под рубашкой. Ах, вот оно что!

– Из-з-звините! – пьяно икнул Охотник, заглядывая в стальные глаза убийцы.

Уловив запах нечистот, незнакомец поморщился и приложил ладонь ко рту. Николас поковылял к себе на третий этаж, напевая под нос похабную песенку.

Что ж, хотя бы с Умбером всё ясно – ещё одна жертва интриг Жерарда, который заметал следы за королём. Как же ловко вождь убирает всех, кто представляет хоть малейшую опасность.

Как бы и самому не получить порцию яда на завтрак или кинжалом по горлу во время сна. Впрочем, Охотник же служил ключом к силе Безликого. Видимо, лишь это его и спасало в последние дни.

От грязи отмываться пришлось долго. Спать Николас лёг ближе к рассвету и очухался только через день, за что себя очень корил. Песчинки в часах его жизни осыпались на голову самумом, погребая под собой всё больше.

За следующие дни они с Жюльбером обследовали всё болото, но кроме полустёртых собачьих следов ничего не нашли. Николас показал обратную выходы из катакомб.

– Конечно! – тот хлопнул себя по лбу. – Известняк и гипс из этих каменоломен использовали для строительства Дюарля ещё во время его основания. Но потом и город, и шахты разрослись настолько, что тонкий слой грунта, подмываемый водами Плавны, грозил

провалиться. Тоннели укрепили, но камни добывать перестали. Использовали катакомбы как склады и винные погреба, а потом здесь прошло несколько моровых поветрий. Захоронения перенесли под землю, чтобы избавиться от заразы. А потом про катакомбы забыли. Бродили по ним только любители приключений вроде моих родственников.

Вскоре от Ноэля прибыло известие, что Бри очнулась. Бросив все дела, Николас поспешил в корпус целителей.

Лежавшая в отдельной келье девочка выглядела бледной и измождённой. От солнечного света её глаза щурились, а лицо морщилось.

– Не утомляйте больную, она всё ещё слаба, – предупредил целитель, оставляя их наедине.

– Как себя чувствуешь, красавица? – спросил Николас как можно более мягко.

Она с кряхтеньем заворочалась.

– Я не смогла... его спасти, – сипло пробормотала Бри.

– Хочешь рассказать, что произошло? Если ты не готова, я подожду. Просто в любой миг похитят кого-нибудь ещё ... – давить нельзя, но нужно объяснить важность её слов.

– Пёс-призрак... он решил покарать нас с братом за обман. Трижды в тумане мы слышали его лай, но братик не верил. А потом... пёс схватил нас... зубами за шиворот. Нас околдовали, мы не могли сопротивляться. Даже дороги не помню... Очнулась только на болоте. Пёс принёс нас к своему хозяину. Безликому. Он злой, ужасный.

Девочка крупно задрожала, по лицу потекли слёзы.

Николас взял с тумбы успокаивающий отвар и принялся поить её. Безликий, конечно, коварный интриган, но представить его в роли детоубийцы не получалось.

– Отдохни, я приду позже, – предложил Охотник.

Бри замотала головой.

– Я хочу... освободиться. Пёс, он забрал моего брата под землю.

– Нырнул вместе с ним в трясину?

Девочка кивнула.

– Безликий сказал... у него такой страшный голос, сиплый, глухой. И он не раскрывает рта...

Но рот Безликого спрятан под маской.

– Слова будто звучали у меня в голове. Картинки проплывали перед глазами. Он сказал, что я спасу брата, если отыщу его в грёзе. Сказал, что всё получится, если я по-настоящему люблю брата. Я нырнула в трясину и оказалась в лабиринте из зеркал. В них отражались наши родители, ещё какие-то люди, наверное, родственники. Они шептались, куда-то указывали. Я думала, отражения помогут, но они сбили меня с пути. Когда отведённый срок прошёл, я увидела в зеркале, как собака перегрызает брату горло, а Безликий срезает кожу с его лица. От ужаса я лишилась чувств, а очнулась уже здесь. Наверное, я любила брата недостаточно сильно.

Она отвернулась и разрыдалась в подушку. Николас гладил её по волосам. Это так походило на страшные сказки, что он слышал в детстве.

– Ты любила его всем сердцем. Злодей просто обманул тебя. Я найду его и покараю, обещаю тебе! Больше никто не погибнет.

Николас показал ей альбом, который взял с собой, чтобы девочка опознала убийцу. Она пролистала страницы с изображениями разных подхолмовых демонов от лапийских туатов до авалорских высших ши. При виде босоногого мужчины в балахоне и маске с тремя

царапинами, каким Безликий представлялся Охотнику, Бри и вовсе скривилась.

– Это же обычный бродяга. Разве вы сами не видели Безликого? У него жуткое лицо, как будто разрезанное на две половины: одна – живая белая, другая – мёртвая красная. А правая рука серебряная, пальцы как ножи. Ими он и срезает лица.

Николас судорожно выдохнул и открыл последний лист в альбоме.

– Да! Вы всё-таки знаете! Почему сразу не показали? Не поверили моим словам?

Николас потрепал её по волосам.

– Прости. Зато теперь я знаю точно. Ему несдобровать.

– Но он ведь бог. Как можно победить бога?

– Это мои заботы. А теперь спи, набирайся сил. Завтра проснёшься, а его уже не будет.

Бри послушно закрыла глаза, и Охотник вышел за дверь.

Самые худшие догадки подтвердились. Подлый двуликий Аруин – тот, кому подчиняются и у кого просят о заступничестве ши. Вот уж у кого был повод ненавидеть их всех: Ноэля за то, что спас Николаса, Жерарда за то, что воровал дев из подземного царства, короля за то, что неволил их и не признавал брата-полукровку. Лучше способа нет, чем убивать от имени Безликого и уличать их в обмане.

Как же жутко! Всё детство Николас провёл в страхе перед Аруином. Риана и Мидрир внушали, что владыка непобедим, особенно для того, кто отмечен печатью мар. На границе с Эскендерией даже сопротивляться не получилось. Теперь и верного соратника – дедовского меча – нет, а новым оружием Охотник так и не обзавёлся.

Может, объявить тревогу? Или Жерард вновь обвинит Николаса в том, что он узурпирует власть? Нет, нужно действовать, как решил раньше.

Охотник написал записку Ноэлю. Вот и проверят, насколько правдивы пророчества Норн. Ещё хорошо бы заручиться поддержкой надёжных людей вроде Жюльбера. Если что, подсобят.

Николас вернулся к себе. Стоило переступить порог, как взгляд упёрся в собственное отражение в зеркале. Нет, Аруина одолеет только Безликий. Охотник вынул из сундука маску, которую сделал точь-в-точь похожей на его.

«Ноэль один не справится, а я в этой битве бесполезен. Ты не поможешь? Ведь Аруин и тебя оклеветал, убивая людей от твоего имени. Или продолжишь наказывать меня за это дурацкое испытание? Но остальные ни в чём не виноваты. Докажи, что хочешь защитить нас, тогда я стану самым преданным твоим слугой. Клянусь!»

Но бог оставался нем. В солнечных лучах сверкнуло отполированное лезвие проклятого клинка. Вынув его из сундука, Николас убрал оружие в ножны у себя на поясе и спрятал за пазуху маску.

В коридоре раздались гулкие шаги. Дверь распахнулась, в проёме показались королевские гвардейцы.

– Лорд Комри, вы арестованы по обвинению в многочисленных убийствах, – объявил капитан. – Их величество, король Орлен XIII, желает видеть вас немедленно. Следуйте за нами, прошу отдать своё оружие.

– Это клинок Безликого, такой же проклятый, как и книга, – предупредил их Николас. – Убивает всякого, кто возьмёт его в руки. Так что не советую.

Тянувшиеся к мечу гвардейцы отпрянули.

– Ведите меня к королю. Я готов выслушать, что значат эти смехотворные обвинения, – решительно объявил Охотник.

Ноэль заканчивал тренировку с мечом во дворе штаба, когда к нему подбежал мальчик-посыльный и вручил записку.

– Просили никому не говорить.

Вложив в его ладонь пару медек, Ноэль развернул клочок бумаги. На нём торопливым почерком было выведено: «Сегодня в парке на закате. Будь готов». Без подписи. Видно, Николас боялся, что перехватят.

Отправив мальчишку предупредить Бианку, внук вождя вернулся к себе, умылся и принялся собираться. До заката оставалось всего пару часов. Чем быстрее они уберутся отсюда, тем лучше.

Ничего лишнего брать не стоило. Только оружие, деньги, неприметные драгоценности, которые можно будет быстро продать, тёплый плащ. Должно хватить на первое время, пока они не обретут новый дом.

Ноэль успел многое разузнать про Лапию – суровый северный край, границу владений человека. Города там управлялись независимо друг от друга, бургомистров выбирали на народном собрании за заслуги, а не по родству. Ремесленники и фермеры трудились свободно и подати платили лишь на нужды города, в котором жили и работали. Там привечали всех, даже беженцев из единоверческих стран, если те желали честно трудиться. Но если их троицу не примут, они поселятся на отрогах Полночьгорья, рядом с Червоточиной, куда даже одарённые не забредают. Вместе они всё смогут!

Воодушевлённый, Ноэль скрылся от охраны при помощи небольшого ветропрыжка. Нельзя тратить силы понапрасну, ведь чтобы перенести с собой двоих, понадобится весь резерв. Пронзительно каркнув, Муниин спустился с небес.

– Тоже хочешь со мной? – спросил хозяин.

Ворон сел ему на плечо и снова каркнул. Погладив птицу по мягким перьям, Ноэль поспешил в парк. Бианка уже ждала его на лавке под раскидистым платаном. Тоже взяла с собой только тёплую одежду и немного еды.

Её лицо скрывала маска – манушка до сих пор боялась показывать свой шрам. Ничего, подальше о Компании и шумного Дюарля она быстрее излечится, хотя бы от душевных ран.

– Если это из-за меня, то всё же не стоит, – робко начала Бианка.

Вдалеке залаяла собака. Выходит, они здесь не одни. Хоть бы их не заметили.

– Кра-а-апасть! – встревожился Муниин.

Ноэль взял хрупкие ладони манушки в свои.

– Тут никому из нас жизни не будет. Я долго терпел, со многим мирился, но больше не могу. Не хочу быть таким, как мой отец: слепо вести доверившихся мне людей на бойню, потому что не могу послушаться тех, кто дал мне власть. Лучше мы отправимся на поиски собственного пути и способа спасти одарённых. Вместе мы ... хотя бы просто выживем.

Бианка погладила его щёку и приникла к губам, осмелев. Иногда Ноэль не верил, что добился её любви, что она перестала вздыхать по его лучшему другу. Но нет, Николас же говорил, не унывай и оставайся собой – всё приложится. Если даже это обман, то пускай всё будет так.

Снова раздался залиvistый лай, уже совсем рядом.

– Кра-а-апасть! Кра-кра! – повторил предостережение Муниин.

Ноэль вздрогнул и отстранился.

– Похоже, нас уже ищут с собаками. Где же Николас? Неужели ему не удалось

выбраться из штаба?

– Вроде всё тихо, – пожалала плечами Бианка. – Погоди, солнце ещё не закатилось. Ты же знаешь, у Николаса вечно тысячи дел. Всегда удивлялась, как он везде успевает.

От тёмшей через парк речки повалил туман. Плотный, беспроглядный, пока он укутывал только ноги, но поднимался выше и выше, затапливая всё вокруг.

– Не бережёт себя, я ему говорил. Будто на Тихий берег торопится.

– Я... я кое-что видела, когда гадала ему, – созналась манушка.

Собака залаяла совсем близко. В тумане вырисовался силуэт мохнатого зверя ростом с телёнка. Мигнули красные глаза.

Ворон закаркал, захлопали переполошено крылья.

Демон!

– Бианка, берегись! – Ноэль оттолкнул её и выхватил меч.

Собака нападать не спешила. В тумане показался ещё один силуэт, на этот раз человеческий.

– Николас? – позвал Ноэль.

– Иди ко мне, милое дитя, я отведу тебя в волшебную страну, – полилась в уши завораживающая песня. Голос такой чистый и звонкий, какому позавидовали бы даже лучшие барды королевства. – Иди ко мне, милое дитя, настало время игр в моих тенистых садах.

Демон, ещё один демон!

Сгущая вокруг себя щит, Ноэль замахнулся и рассёк воздух мечом.

– Следуй за мной, милое дитя, я укажу тебе путь сквозь боль и печаль. Не кручинься, милое дитя, так уж повелось, что жизнь полна предательств и обмана.

Незнакомец вскинул руку, блеснули серебром пальцы.

Словно молнией пронзило, вздулись жилы на руках и шее, аж стало трудно дышать. Меч выпал из ослабшей ладони. Последним усилием Ноэль развернул запястье внутренней стороной – кожу покрывала красная сыпь. Он уже видел такую на границе с Эскендерией. Николас говорил... Печать мар! Но как? Почему?

Враг двигался незаметно: мгновение – и он уже рядом. Одна половина лица – прекрасная белая, вторая – уродливый красный ожёг. Со злорадством смотрел единственный живой золотистый глаз, крапинки в нём водили хоровод и утягивали в колдовскую песню. Серебряные пальцы коснулись щеки Ноэля, кусая морозом.

– Спи, милое дитя, завтра вы с братом поплывёте в утлом челноке к Тихому берегу (*).

Муин с воинственным граем рухнул на демона, но тот отбросил его взмахом серебряной кисти. Ворон едва успел перевернуться у самой земли, чтобы не разбиться.

Вмиг ослабев, Ноэль распластался на земле не в силах пошевелиться. Незнакомец, не двигая ногами, приблизился к застывшей в ужасе Бианке.

«Передай ему, – сипло, совершенно не так, как пел, заговорил владыка Аруин. – Если он хочет увидеть брата живым, пускай спустится в мою грёзу. Если любит его достаточно сильно, то отыщет путь сквозь отражения зеркального лабиринта. Если нет, то к утру его не будет среди живых».

Пронзительно каркнул в вышине ворон. Тоскливо, словно прощался навсегда.

(*) Вольный перевод нескольких куплетов песни «Garden of Shadows».

===== Глава 39. Сквозь отражения зеркального лабиринта =====

1570 г. от заселения Мунгарда, Норикия, Дюарль

Николаса повели не в темницу, а в кабинет к королю. Видимо, хотели припугнуть, а не всерьёз покарать по смехотворным обвинениям. Даже меч не отобрали.

Орлен стоял у стола осунувшийся и бледный. В пышной каштаново-рыжей шевелюре проклюнулась ранняя седина, на лбу залегла вертикальная морщина.

– Скажите одно: за что? Ведь мы верили в вас и старались помогать везде, где только могли! – выкрикнул он, завидев Николаса.

– Если речь об Умбере, то вы прекрасно знаете, что я не виновен, – холодно ответил Охотник. – Но я вычислил, кто и зачем это сделал. И не собираюсь уносить эту тайну в могилу.

– Оставьте нас! – велел король.

– Но, Ваше величество, он опасен! – возразил капитан.

Орлен качнул головой, и гвардейцы подчинились.

– Что вам известно?

– Вы можете заткнуть рты своим приближённым, но есть и те, кто молчать не станет. Я поспрашивал в бедняцких кварталах. Туда попадают даже придворные, впавшие в немилость. Вот они-то и есть самый ценный источник сведений, – отвечал Николас. – Умбер ведь был вашим сводным братом. Ваш отец так же, как и вы, имел пагубную страсть к «волшебной любви». Только фаворитка у него была всего одна, прекрасная ши Вифания. Он потерял от неё голову. Когда она забеременела, он пожелал сделать её королевой, а их будущего ребёнка – наследником в обход вас.

– Он никогда нас не любил, и мать тоже. Свёл её в могилу раньше срока, – угрюмо ответил Орлен.

– Вам подсобил вождь Пареда. Он ведь ещё во времена вашего отца доставлял ко двору волшебных дев. Только вот Вифанию, которая его ненавидела, на троне он терпеть не собирался. Жерард опоил её абортирующим зельем, но на ши оно подействовало не так, как на человека. Вифания страшно мучилась. Целители из Компании не спасли её, а ребёнок родился калекой. Ваш отец обвинил его в смерти своей возлюбленной и выкинул в сточную канаву. Там его подобрали ши. В отличие от людей, они не бросают своих сородичей, даже когда те этому не рады. Они выходили Умбера и пообещали отомстить. Ваш отец так и не оправился от потери Вифании и вскоре умер от тоски. О его намерении передать трон полукровке все забыли. Жерард помог вам удержать власть, когда вы были ещё юнцом. За это вы содержали Компанию и подчас слепо следовали его воле. Когда Умбер появился вновь и начал баламутить народ, вы снова обратились к вождю. Он избавился от горбуна, подставив меня заодно.

– Вы слишком любопытны на свою голову, – ледяным тоном ответил Орлен.

– Я Охотник на демонов. Это – часть моего ремесла.

– Кто ещё знает?

Николас усмехнулся:

– У меня нет и не было желания свергать вашу власть или порочить вас. Я хочу защитить людей от демонов. А то, что творите вы и чему потакает наш вождь, вливая в ваши уши сладкий яд, может привести нас к гибели. Уже привело!

– И поэтому вы отравили наших фавориток? – спросил король устало.

– Что? – Вот это новость! Николас думал, Аруин ищет способ их освободить, даже тех, кто не принадлежал к его племени. – Яд – оружие женщин и книжников. Да и не стал бы я убивать без веской причины.

– Тогда куда же подевалась Иветта, с которой вы так жаждали поговорить?

– Покажите мне место преступления, и может, я что-нибудь пойму. Я уже догадался, кто убивал людей на болотах. Возможно, эти преступления связаны.

– Хорошо, – после недолгого раздумья согласился Орлен.

Он велел гвардейцам сопроводить их в гарем, который находился на нижнем этаже женской половины дворца.

Посреди большого круглого зала был разбит фонтан. Стены украшала пёстро расписанная аркада, на мраморном полу лежали толстые ковры, в клетках на ажурных подставках томились канарейки и соловьи.

Убитых женщин оставили на приземистых диванах вдоль стен рядом с резными столиками. Тела не выглядели повреждёнными, напротив, казалось, обитательницы гарема просто уснули. Их причудливые лица с нечеловеческими чертами застыли, выражая безмятежную радость.

– Мы приказали не трогать их до вашего прихода, – сообщил король. – Что скажете?

В чашке на ближнем столе оставалось ещё немного отравленного напитка. Николас внимательно его изучил и отошёл к двери, чтобы взглянуть на общую картину. Тела располагались по кругу замысловатым узором, позы и положения зависели от племени, к которому принадлежали демоницы. Как для ритуала. А у фонтана из сухих трав были выложены волны и вихри.

– В их чашках не отравы, по крайней мере, не для человека, – ответил Николас. – Чеснок, рябина, вербена, чертополох, полынь, зверобой – это только то, что я определил по запаху и виду. Опытный травник скажет больше. Каждая принимала то, что вредно именно для неё. Судя по тому, что ингредиенты лежат на столах, девушки знали, что травят себя. Либо они делали это под гипнозом, и демон, наславший его на стольких жертв одновременно, невероятно силен. Либо это самоубийство.

– Но зачем? – недоумевал король. – Разве с ними плохо обращались?

– Не хочу вас огорчать, но демонам, как и птицам, свобода дороже роскоши и даже жизни. Иветта ненавидела свою участь и злилась на меня за то, что я отказался пойти против вас.

Очень хотелось добавить, что сейчас он сожалел о своём решении. Возможно, всех этих смертей удалось бы избежать.

Орлен недовольно заскрипел зубами, его глаза налились чернотой.

– Это она – убийца?

– Нет. Из-за ожерелья она не могла никому причинить вреда. Но это она призвала убийцу, чтобы он сделал то, от чего отказался я, – Николас обвёл рукой погибших девушек. – Освободил и отомстил за них. За них, и за Умбера.

Орлен сглотнул и передёрнул плечами.

– Тогда где же она? Из гарема Иветта не выходила – стражники не видели. А колдовать, как вы сами заметили, в ожерелье не могла.

Внимательно изучив каждый дюйм в помещении, Николас замер возле камина. Золу тщательно выгребли и давно не топили, хотя погода этой осенью стояла промозглая. На полу остались царапины. Охотник зажмурился и положил ладони на изразцы.

Ожерелье скрывало ауру, из-за чего выследить ши было почти невозможно. Но Иветта завала его, словно желала, чтобы её нашли, тянулась прозрачными руками, указывая путь.

Открыв глаза, Николас принялся ощупывать все изразцы на камине. Один с

изображением веточки вереска вдавился внутрь. Камни заскребли по полу, открыв сбоку проход. Орлен распахнул рот от удивления.

Охотник запалил факел и обернулся к королю:

– Оставайтесь здесь. Я найду её и приведу к вам. Вы ведь меня отпустите?

Орлен раздумывал, разглядывая мёртвых девиц, но потом всё же кивнул.

Николас поспешил по коридору. Кажется, это лабиринт каменоломен. Искать Иветту нужно в костнице. Если демоницы действительно совершали ритуал, то для завершения выбрали бы пропитанное смертью место.

Впереди забрезжил свет. Охотник протолкнул себя в узкий лаз и спрыгнул в большой зал.

Иветта сидела на составленном из черепов троне. На её лице белой глиной были выведены тонкие переплетающиеся узоры – вихри и волны. Ставшие фиолетовыми губы растягивались в сумасшедшей ухмылке, щурились в отсветах факела нефритовые глаза. Распущенные волосы украшал венец из терновника.

– Долго же ты, – злорадствовала она. – А времени у тебя – лишь до рассвета.

Николас непонимающе моргнул:

– К чему эти самоубийства? Город и так достаточно запуган. Вы могли бы договориться с Орленом, и он отпустил бы вас в обмен на безопасность своих подданных.

Иветта рассмеялась.

– Глупец! Мы не стали бы жить осквернёнными близостью с этим... – она произнесла что-то злое на нечеловеческом наречии. – Но зато мы помогли владыке отомстить. Сегодня полнолуние. Наши жертвы дадут Аруину силу уничтожить весь этот нечестивый город. Как только небесная кровь прольётся на землю, та обратится в трясину и пожрёт всех. А меня за помощь владыка сделал властительницей грёзы.

– Нет, я ему не позволю. У меня есть меч из звёздного металла, а Аруин потерял свой несокрушимый клинок давным-давно, – процедил сквозь зубы Охотник.

– Но воспользоваться им в состоянии только Безликий, не так ли? – ухмыльнулась фаворитка. – Беда в том, что отыскать его ты сможешь, лишь когда вспомнишь, кем был в прошлом воплощении. А это случится, только когда ты умрёшь.

– Я справлюсь и без этого. А тебя отведу обратно к королю. Пускай сам разбирается, что с тобой делать.

– Не трать время даром, а то потеряешь. Самое дорогое потеряешь.

– Я уже потерял и дедовский меч, и свою честь. Что ещё можно у меня отнять?

– Ох, тщеславный мальчишка, что значит честь, когда на кону жизнь близкого? Он уже у моего владыки. Торопись!

Иветта громко свистнула. Из ведущего на болота прохода выскочил белый пёс. Николас выхватил из-за пазухи кинжал, но прежде, чем успел ударить, кун ши бросился в объятия Иветты и вцепился ей в горло. Обернув лезвие ветроплавом, Охотник пронзил незащищённое пёсье брюхо. Иветта судорожно дёрнулась и обмякла. Так же тихо испустила дух холмовая гончая.

Николас вынул лезвие и отступил на шаг. Безумие! Но если Аруин снова кого-то похитил, нужно торопиться.

Охотник побежал к топям. Когда он выскочил на воздух, по всему болоту блуждали огоньки. Закаркал в вышине ворон и камнем рухнул на голову.

– Кра-а-апасть! Кра-а-апасть! Кра-кра-кра! – вопил он суматошно, хлопал крыльями и

смотрел в глаза так, словно требовал, чтобы Николас что-то сделал.

Живот стягивало ледяным ужасом.

– Вон он! – закричал Жюльбер и побежал к Охотнику.

Следом спешили остальные одарённые. Их ряды расступились, чтобы пропустить Жерарда. Он ковылял стремительно, опираясь на свою трость. Даже в свете луны было заметно, что его лицо перекосилось и побагровело.

– Ты... ты... – рычал он. – Это ты виноват! Это ты сбил моего мальчика с правильного пути и заразил жаждой свободы. Это из-за тебя он стал неосторожным и решил, будто в большом мире ему ничего не грозит.

– Ноэль? Что с ним?! – обомлел Николас.

– Кра-а-а-а! – закричал Муни, видимо, обзывая его дурнем тупоголовым.

– Ты ещё спрашиваешь! – ярился Жерард – Из-за твоей записки он отправился вечером в парк, и его похитила та тварь, которую ты прогневал!

– Но я просил Ноэля прийти ко мне в комнату!

– Николас! – донёсся из толпы тонкий голос Бианки. Пробиваясь сквозь строй дозорных, она не замечала даже, что волосы не скрывали шрам. – Я видела его. Безликого! Я думала, что я уродлива, но он просто ужасен. Он похитил Ноэля!

Охотник обхватил её за плечи и легонько встряхнул, приводя в чувство.

– Это не Безликий, а владыка ши Аруин. Почему Ноэль не сопротивлялся?

– Он говорил, что лает собака, но я не слышала ничего. А потом... потом Аруин вышел из тумана и заколдовал Ноэля. По всему телу появились красные пятна, он упал и не смог двинуться...

– Печать мар? – Николас с подозрением глянул на Жерарда. – Как на Ноэле может быть проклятье нежеланного ребёнка? Я чего-то не знаю, мастер Пареда?

Тот выгаращился и сглотнул.

– Аруин сказал, что если мы хотим увидеть Ноэля живым, то его брат должен спуститься в грёзу и отыскать его там до рассвета, – закончила Бианка, едва сдерживая всхлипывания.

– Правильно. От печати мар спасти может только близкий родственник, – озвучил Николас свои мысли.

– Я... я пойду! Я отыщу моего мальчика. Я убью эту тварь, даже если мне придётся разорвать его глотку собственными руками! – кричал Жерард. Остальные пытались его успокоить, но он отталкивал их, надвигаясь на Охотника грозовой тучей. – Это ты! Ты виноват! Его кровь на твоих руках! Его смерть на твоей совести! – старческие руки вцепились Николасу в горло. – Всё из-за твоей глупости и упрямства. Из-за твоих дурацких идей, что на свободе можно выжить. Из-за твоей безответственности!

– Мастер Пареда, остановитесь... Мастер Пареда! – оттащивали вождя за плечи дозорные.

Николас стоял оглушённый. Руки снова оказались покрыты кровью, пальцы скрючились и провели по похолодевшему лицу, измазав щёки, глаза, рот.

«Самое дорогое потеряешь. Твои близкие гибнут из-за тебя, из-за твоего проклятья, из-за твоих ошибок».

Родители, брат с сестрой, Юки. И вот теперь... друг, что стал дороже брата. Друг, которого он клялся защищать, друг, которому обещал всегда быть рядом. И не сдержал слово, потому что ни один смертный не может находиться везде одновременно.

Надсадно каркал Мунин. Голову сдавливал спазм, зрение мутилось. Ноэль лежал в ворохе чёрных перьев. Из раны на боку текла отравленная кровь. Грудь вздымалась всё медленней, глаза тускнели и закатывались.

Взметнулась волна огненно-рыжих волос, сверкнули жёлтые глаза:

«Ты виноват! Тебя не было рядом, – ударил по ушам яростный клич, совсем непохожий на старческий голос Жерарда. – Ты никогда и никого не мог спасти!»

Знакомая дрожь охватывала всё тело, вот-вот дар начнёт подводить, а с ним и рассудок. Нет, только не сейчас. Надо продержаться!

Николас со всех ног кинулся к трясине. Чутьё указывало, где находился незаметный в тусклом свете луны проход. Отпустив подушку ветроплава, Охотник оттолкнулся от последней твёрдой кочки и нырнул в трясину.

Вдогонку неслись крики:

– Остановите его! Остановите! Да нет, за ним, живее! Он покажет дорогу!

Вязкая пустота сомкнулась над головой, свет померк, на грудь навалилась каменная глыба. Николас досчитал до трёх, гоня прочь сомнения и панику. Ноги ударились о твёрдую почву. Затхлый, пещерный воздух заполнил грудь. Охотник распахнул глаза.

Повсюду мерцали зелёные огоньки, похожие на светлячков. Их свет отражался от множества зеркал, кривых, ломанных и обычных. И правда, лабиринт. Ноэль где-то там. Как сказала малютка Бри? Если любишь достаточно сильно, то найдёшь дорогу. Так он любит больше себя и ненавидит настолько жгуче, что кровь кипит в жилах.

На поверхности зеркал возникали зыбкие фигуры. Лизи, Эдвард, мама – такие, какими они запомнились. Близкие звали к себе, дурманили тоской сердце. Глова кружилась, взор завлакивало туманной пеленой, в уши лился их шёпот, забытые, но такие родные голоса. Как не последовать за ними? Ведь Николас мечтал об этом с тех пор, как потерял семью.

Вон милая Юки с младенцем на руках. Ни одна женщина не вызывала в нём столь искренних чувств, не бередила душу томлением. Вот бы обнять, почувствовать её в своих руках, дышащую, живую, а не мучиться от воспоминаний, тягостных и сладких одновременно.

Нет. Нет!

Охотник прокусил губу до крови. Её вкус отрезвил. Что говорила Бри? Она послушала отражения и не справилась. Потому что... потому что думать надо о живых, а не о мёртвых. Один из первых законов Сумеречников, Гвидион же так долго вдавливал его в голову нерадивому ученику.

Ноэль ещё жив, нужно думать о нём, нужно спасти его во что бы то ни стало. Только это смое с рук кровь.

Призраки становились ярче, будто обретали плоть, их песни притягивали всё сильнее.

«Ступай в грёзу, милое дитя, с первым лучом солнца ты останешься с нами навсегда!»

Что говорил Аруин? Нужно пройти сквозь лабиринт отражений. Сквозь зеркала. Значит, их нужно разбить!

Сорвав с себя плащ, Николас располосовал его ножом на лоскуты и обмотал кулаки. Прорвётся! Обязательно прорвётся!

Окружив себя ветрощитом, Охотник подошёл к зеркалу, где отражался Эдвард.

«Прости, братец, но так надо».

Кулаки врезались в хрупкую поверхность, она пошла трещинами и разлетелась на осколки. Следующей оказалась Лизи – её было нестерпимо жалко, почти так же больно, как

в тот день, когда Лучезарные перерезали ей горло. Но Николас ударил, разбил.

Мама... боги и демоны, как же это мучительно! Видеть их лица и убивать собственными руками!

Он зажмурился, представляя на месте родных видения из собственных кошмаров: Безликий, Белый Палач, гнусный двуликий Аруин. Как же Николас хотел расколотить зеркало в своей комнате во время медитаций. Теперь можно насладиться этим от всей души! Ярость выплёскивалась наружу, и Охотник бил, не замечая отражений, словно вырывал с корнем воспоминания.

Высокий мальчишка со светлой улыбкой – дядя Кевин. А этот суровый, хмурающий брови воин – дед Гэвин, Утренний Всадник, в чьей тени Николасу приходилось жить с самого детства. Рядом – нежная и хрупкая, его жена, бабушка Пенни, которая так и не дождалась деда из очередного похода.

Удар за ударом, оглушительный звон и град осколков. Лоскуты на кулаках быстро рвались, Николас наматывал новые, ветрощит укрывал от острых сколов, направленных в лицо и грудь.

Дальше пошли незнакомцы – Охотник плохо помнил своё семейной древо. Стремление, движение вперёд, особый ритм отгораживал от происходящего, мысли становились холодными и свободными от эмоций. Хорошо, ведь нужно решить, что делать после встречи с Аруином.

Николас ведь отказался купить новый меч взамен дедовского. Остался проклятый клинок, воспользоваться которым может только Безликий. Безликий, который, как и клинок, решил погубить в решающий момент. Николаса одного – ну и пусть! Но как же Ноэль?

Иветта сказала, чтобы найти Безликого, нужно принять смерть и вспомнить свою предыдущую жизнь. Он ведь уже столько раз одной ногой стоял на Тихом берегу, но видел лишь воспоминания Безликого и никого похожего на себя. Неужели этого было недостаточно и надо умереть по-настоящему? Уйти навсегда, переплыть Сумеречную реку, ступить на Тихий берег обеими ногами? Но это же бессмыслица! Мёртвым он ничего не изменит. Зачем ему знания, которые нельзя использовать?

Перешагивая сквозь рамы в зубьях осколков, Охотник продвигался глубже в лабиринт. Зеркала заглатывали его, как хищные рыбы. Николас погружался в такие пучины, что и представить было сложно. Отражения стали совсем древними, далёкими, другими, чем люди, которых он знал.

Очередное зеркало озарила ослепительная вспышка. На поверхности показалась Герда – повзрослевшая красавица, изящная, женственная, в воздушном платье из белого шёлка. Она кружилась и пела, не открывая рта. Звук доносился из самой её души, в тёплом взгляде сквозили тоска и любовь. Прощение за то, что Николас бросил, что забыл, что полюбил другую и до сих пор скорбит по ней. А возвращаться к Герде, исполнить обещание он не просто не хотел – боялся. Боялся, что придётся рассказать правду о её семье. Боялся разочаровать и снова испытать боль потери. А больше всего – что она тоже нашла другого и счастлива с ним, с его детьми, в его доме. А Николасу в её жизни места нет. И ещё страшнее – что это правильно, ведь он губит всё, к чему прикасается.

Нет, всё же, это не она. Волосы седые, будто в них запуталась лунная дорога. Движения танца слишком плавные и грациозные для человека, голос слишком высокий и тонкий, чистый, чарующий. В кристальных глазах отражался весь мир в своей неохватности. Вилия. Повзрослевшая вилия из видения.

Николас погладил её по щеке. Тонкие губы затрепетали. Может, он придумал, а может и почудилось: «Я прощаю! Прости себя и ты».

Охотник сжал зубы, зажмурился и ударил. Зеркало осыпалось со звоном. Сколько ещё впереди? Казалось, прошла уже целая вечность, бесконечность отражений, а выхода нет. Не понятно, на правильном он пути или ошибся в самом начале.

В следующем зеркале – не человек даже. Мужчина в маске совы. Он напоминал кого-то. Это тревожило настолько, что не получалось ухватиться за мысль. Пальцы с белыми когтями со скрежетом водили по стеклу, разноцветные глаза смотрели с безумной жадой. Наверное, Николас и сам выглядел так же: встрёпанный, измождённый и отчаявшийся настолько, что готов был принять смерть, но не сдаться. Его кривое отражение. Обратная сторона. Тень. Разве нет?

«Я всегда тебя любил и принимал таким, какой ты есть. Жаль, что всё вышло так...» – попрощался Николас, по щеке скатилась одинокая слеза.

Он ударил. Один из осколков проскочил за щит и поцарапал висок. Хорошо, что не в глаз. Похоже, силы иссякают. Надо собраться. Последний рывок!

Дальше, размахивая кулаками, отражался некто в маске сокола. Стойка как во время потешных боёв каледонцев. Николас скопировал её и нацелился в лицо.

«Глупый! Себе же хуже делаешь! Когда ж ты услышишь?»

«Я всегда тебя слышал, но поступал по-своему».

Охотник ударил, Сокол ударил в ответ. Осколок чиркнул по запястью.

Следующее зеркало оказалось предательским. В нём был Ноэль в маске ворона, той самой, что Охотник смастерил для Эльдантайда. Почему? Здесь же отражаются только мертвецы. Но рассвет не наступил, Ноэль жив! Или Николас потерял счёт времени? Опоздал несмотря на все свои усилия?

Нет! Нельзя даже думать об этом!

Губы ворона растянулись в усмешке.

«Ты сможешь, братец. Я жду!»

Николас ударил. Предчувствие сковало сердце – впереди последнее зеркало. Последнее испытание. Так боязно заглянуть внутрь. Так боязно увидеть лицо.

Поверхность оставалась тёмной, только в глубине различалось движение. Силуэт приближался мучительно медленно. Николас узнавал каждую черту ... или ему так хотелось...

Тот, о ком он тосковал больше всех и кто так и не явился к нему в этой череде болезненных воспоминаний. Отец!

Только одежда странная – из цветного шёлка, монаршего пурпура и сумеречного серебра. На голове корона с яркими сапфирами. В ножнах на поясе меч. Почему он так похож на проклятый клинок?

Охотник взялся за эфес и вытянул лезвие из ножен на треть. Отец сделал то же. Мечи-то одинаковые. Вон фиолетовый камень в навершии и руна перт на клинке у крестовины.

На запястье отца проступала кровь. Он обмазал ею сталь и кивнул Николасу, призывая повторить за ним.

Хотел что-то подсказать? Чтобы Охотник не ждал помощи от Безликого, а воспользовался клинком сам? Хоть и безумный, но единственный шанс. Николас провёл запястьем по лезвию, окропляя его кровью. Сталь пульсировала, меч мерцал тусклым фиолетовым светом. Оружие словно просыпалось, отзываясь тонким звоном.

«Пожалуйста, помоги! Позволь воспользоваться тобой, чтобы сразиться с Аруином. Не убивай меня до того, как Ноэль будет спасён. Я готов обменять те пять лет, что мне остались, на его долгую и счастливую жизнь».

«Я подш-ш-шиняюсь только Небесному Повелителю. Только ему я по руке, – заскрежетал меч голосом стали. – Но твоя кровь очень вкусна: чистая и густая, как небеса весной».

Николас бросил взгляд на отца. Тот улыбнулся, выхватил оружие и со свистом рассёк воздух. Клинок даже не думал сопротивляться. Напротив, они двигались так гармонично и слаженно, будто были единым целым, какими и должны быть Сумеречник и его меч.

«Ты справишься, – раздались именно те слова, которые Охотник мечтал услышать в четырнадцать лет, когда покидал дом. – Ты справишься, я верю в тебя».

«Справлюсь, отец, справлюсь, не подведу ни тебя, ни Ноэля!»

Последняя преграда разлетелась на осколки. Они хрустели под сапогами, как снег, пока Николас пробирался в центр окутанного зеленоватым свечением зала.

Повеяло холодом. В свете огоньков вырисовался тёмный силуэт Аруина. Владыка ждал, сложив руки на груди. У его ног на спине скрючился человек.

Ноэль! Он ослаб, был измучен и парализован, но ещё дышал. В тёмных глазах читались ужас и мольба, губы дрожали, словно друг хотел что-то сказать. Попросить уйти, не лезть на рожон – Николас умел понимать его без слов. Но когда это он слушался?

– Долго же ты, – глухо заскрежетал голос Аруина. – Люди – удивительные создания, не правда ли? Считают, что правила придуманы, чтобы навязывать границы и сдерживать свободу, но на самом деле они лишь предупреждают о последствиях ошибок и неправильного выбора.

Владыка ши взмахнул серебряной рукой. Ноэль выгнулся и забился в судорогах. Волдыри на коже вздувались всё сильнее, грозя вот-вот лопнуть.

Аруин рассмеялся:

– Вождь Пареда так хотел, чтобы обещанный Норнами герой был его внуком, что заставил свою дочь соблазнить вашего Архимагистра. Простодушный Ойсин Фейн не знал ни истиной причины её интереса, ни даже её настоящего имени. Он потерял голову от любви и погиб бесславно. Я присутствовал там и видел всё своими глазами. Не сразу узнал его дитя, но присмотревшись, вспомнил.

Похоже, Жерард всегда был гнусным интриганом и даже собственную дочь использовал для политических игр.

– Ойсин Фейн не проклинал Ноэля! – настаивал Охотник.

– Конечно, ведь он о не знал о сыне. Но это не отменяет того, что зачат Ноэль был обманом. Не думаю, что Фейн обрадовался бы, услышь он правду. Лазейка крохотная, но для меня – и этого достаточно.

Аруин принялся перебирать пальцами, как искусный кукловод. Ноэль затрясся ещё сильнее. Если бы мог, кричал бы от нестерпимой боли.

– Хватит! – рявкнул Николас. – Ты же обещал отпустить его, если приду я. Я готов занять его место. Все эти годы... ты ведь охотился за мной, мне мстил непонятно за что. За то, что я сделал в прошлой жизни?

– Ты не представляешь, каким негодяем был, – Аруин коснулся обожжённой части своего лица серебряными пальцами. – Хотя может, и представляешь, раз так отчаянно не желаешь вспоминать.

Ноэль обмяк и затих, глядя с усталой обречённостью. Волосы сбились, грудь вздымалась тяжело.

– Так уж и быть, вначале я расправлюсь с тобой, а потом примусь за него. Когда небесная кровь оросит землю, этот проклятый город, причинивший столько страданий моим соплеменникам, будет стёрт с лица земли.

– Я не допущу этого! – Охотник потянул меч из ножен.

Нельзя бояться, нельзя оставлять место сомнениям.

«Позволь мне воспользоваться тобой лишь на короткий миг схватки!»

«Всё зависит только от тебя», – отозвался меч.

Владыка потянулся за собственным клинком за спиной. Длинный и ребристый, он состоял из костяных пластин, соединённых нитями гибкого металла. При замахе меч свистел, как хлыст.

Николас высвободил собственный клинок полностью. Зазвенела сталь в предвкушении крови, рукоять впиалась в ладонь, ветроплав охватил лезвие голубоватой дымкой.

Охотник принял верхнюю стойку, Аруин замахнулся, на этот раз для атаки. Лезвие его меча удлинилось и почти достало до лица Николаса. Он отшатнулся и закрутил собственный клинок петлями, готовясь к нападению. Оружие слушалось, по крайней мере, не пыталось вырваться из рук и ранить его самого. Как самый обычный меч – не более.

Двигаясь с невероятной скоростью, Аруин наносил сильные удары сверху, снизу и сбоку – так, что даже предугадать не получалось. Хлёткий клинок-кнут не позволял подойти к врагу на расстояние удара. Лезвие плясало вокруг Николаса, словно пламя. Как вырваться из его плена?

Мышцы загудели от напряжения. Самые изощрённые приёмы, хитроумные финты – Охотник сражался на пределе возможностей, но не мог пробиться сквозь защиту противника. Оставалось лишь отчаянно обороняться.

Клинок-кнут обмоталась вокруг звёздного меча. Николас рванул его на себя, пытаясь высвободить, и одно из звеньев оцарапало плечо, пробив ветрощит.

Охотник отшатнулся. К горлу подступила дурнота. Перед глазами всё поплыло.

– Тебе не победить. Ты лишь слабый человечиска, проклятый собственным отцом. Защитников у тебя больше не осталось, даже братец-ворон обессилел. Один взмах руки, и ты упадёшь к моим ногам, скованный правилами, которые сам же и придумал, – издевался владыка.

– Значит, я изменюсь и оставлю за спиной детские страхи. Не буду прятаться за спинами старших и искать защиты у близких. Никто больше не погибнет из-за меня, – Николас выровнялся, вынул из-за пазухи маску и надел её на лицо. – Раз ты, Безликий, так безразличен и жесток, я займу твоё место и буду драться сам. Отныне я сын Белой Птицы, рождённый в любви и согласии. Я законный наследник Небесного Повелителя и хозяин меча «перт». У тебя, Аруин, нет власти над нами. Никаких печатей ни на мне, ни на моём брате-вороне никогда не было!

Пропала с шеи зудящая родинка, затянулась рана на плече. Маска впиалась в лицо, рукоять клинка завибрировала и обожгла руку. Кровь вскипела, растекаясь по жилам раскалённой лавой. Вот-вот облезет кожа и оплавится плоть. Сокрушительные судороги пробежали от макушки до пят и выворачивали наизнанку, мышцы натягивались, кости становились гибче и крепче. Каждый дюйм плоти перестраивался, превращая Охотника в нечто иное, покрытое непробиваемой бронёй из льдистых шипов.

В висках стучали барабаны, выли боевые горны, кричали верные люди, потрясая оружием. Он, и впрямь, становился Западным Ветром – неукротимым духом битвы. Крылатый вороной тулпар нёс его по полю, из-под копыт вылетали комья сырой почвы Астальшир Мур. Голубое лезвие клинка «исаз» приятно холодило пальцы. В душе – ни сомнения. Что ему, грозному сыну исступлённого неба, жалкий владыка ши?

Аруин судорожно выдохнул, в золотом глазу промелькнуло удивление и даже страх.

В отдалении слышался топот множества ног, голоса. Прежде чем Охотника захватило раскалённое марево боевого транса, из тьмы разрушенного лабиринта выбежали люди. Они подхватили Ноэля под руки и потянули прочь.

Хорошо. Он будет жить!

«Ты сможешь! Я верю», – зашелестело в сводах эхо давно угасшего отцовского голоса.

«Я не подведу!»

Воспользовавшись замешательством, владыка атаковал. Меч-кнут приближался к голове настолько медленно, что Николас с лёгкостью отклонился, и клинок просвистел в ладони над его лицом. Пропали боль, усталость и страх. Открылось второе дыхание. Охотник выпрямился и замахнулся сам – владыка с трудом успел отбить.

Противники закружились друг против друга в неистовом ритме. Сшибались и разлетались клинки, с лезвий сыпались искры. Захваченное чужой волей, тело сделалось невероятно ловким, казавшиеся невозможными манёвры получались виртуозно. Стали подвластны приёмы, о которых Николас раньше и не слышал.

Резерв разросся до того, что грозил смести всё. Щит – непробиваем, пластины меч-кнута бессильно отлетали от него. Охотник уходил от атак, поднимался в воздух и обрушивал клинок на голову противника, припадал к земле и бил снизу. Отскакивая на шаг, он раскручивал клинок петлями, чтобы нанести сокрушительный удар, от которого оружие Аруина жалостно визжало и дрожала отлитая из серебра рука.

Такая мощь! Она вырывалась из тела лихорадочной пульсацией сине-зелёного света и закручивалась в смертоносный вихрь.

Николас забывался, обращаясь в безликую стихию. Не человек уже. А был ли им в самом деле?

Брэнная плоть – лишь призрачная клетка. Вместе с ней спадали оковы Дольнего мира. Маска обнажила суть. Он становился собой, по-настоящему свободным. Ледяной штормовой ветер нёс на своих крыльях бурю тысячелетий. Безумие – ответ на все загадки. Истина на дне ослеплённого сумерками рассудка.

Призывно каркая, впереди летел ворон. Жерард гнал своих людей по осколкам через рамы разбитых зеркал. Если кто и мог отыскать в этой тьме Ноэля, то только Николас, раз уж они действительно были связаны с рождения.

Впереди забрезжил свет. Ворон ринулся на него. Аура внука находилась там, хоть и тусклая, сочившаяся болью. Ноэль жив!

Люди подались к центру огромного зала, освещённого роем зелёных огоньков.

Звенела сталь, свистел воздух, летели искры, яростно кричали противники, сшибаясь снова и снова. Стремительный танец, движения не разобрать, оба клинка раскручивались вихрями, оба врага увёртывались и атаковали со скоростью мелькающих молний.

Ворон спустился к Ноэлю и отчаянно закаркал, будто спрашивая:

«Ну, как ты? Ну, как?»

Разбуженный его криком, хозяин пополз в сторону.

– Унесите его! – приказал Жерард.

Люди подхватили Ноэля под руки и потянули прочь. Он тряс головой, пытаясь прийти в себя, но как только очухался, стал сопротивляться:

– Николас! Надо его спасти!

– Ему не поможешь, – покачал головой Жерард. – Смотри, какая схватка. Если кто близко подойдёт, разорвут и не заметят.

– Его же самого вот-вот разорвёт! – упрямылся Ноэль.

– Дадут боги, он выживет. Не нужно... – попытался увещевать его дед.

– Нет! Один он не справится. Только вместе мы – сила.

Внук оттолкнул тянувших его людей и рванул обратно. Ворон кидался на них, прикрывая хозяина. Потрёпанный и измученный, Ноэль оказался неуловим, словно отчаяние придавало ему сил.

– Остановись! – кричал Жерард. – Только зря погибнешь!

– Нет! Без него... не будет и меня!

Ноэль заговорил на свистящем наречии, похожем на язык птиц. По сводам эхом загремел голос Николаса, словно он отвечал на понятном лишь им двоим языке.

Ворон каркнул и бросился хозяину в лицо. Ноэль рухнул на пол в шаге от сражения. Руки и ноги судорожно дёргались, из кожи прорезались чёрные вороновы перья, лицо закрывала маска с мощным клювом.

Заметались в ужасе зелёные огоньки. Свет померк, потухли все факелы.

Хлопали крылья, каркал ворон, скрежетали сталкивающиеся клинки, с шипением летели искры. То и дело раздавались яростные кличи. Лихорадочно пульсировали голубые сгустки воздуха. Порывы ветра грозили содрать кожу с костей. От пещерных сводов откалывались камни и норовили пришибить. Но даже это отмечалось слабо перед лицом небывалой мощи, какой обладали лишь самые невообразимые из всех существ – боги.

Неужели страх за Николаса пробудил в Ноэле силу Безликого? Как теперь спастись и, что важнее, как вернуть внука из этого безумия?

Ауры озарились сине-зелёными огнями Червоточины. На их фоне распахнулся тёмный силуэт человеческого тела, плоть вспыхнула в ярком зареве. Наружу вырывался смерч потусторонней силы, с оглушительным гулом промчался по залу и впечатал людей в стены.

Они едва не окоченели от налетевшего мороза, пока буря не стихла.

Жерард нашарил на полу факел, поджёг и первым поспешил проверить Ноэля. Он должен выжить! Иначе и быть не может.

Хоронили Николаса в закрытом гробу, потому что ураган превратил его тело в кровавое месиво. На панихидное шествие от парадных ворот Дюарля до дворцовой площади, где был сложен погребальный костёр, собрался весь город и соседние селения. Всё-таки Охотник уничтожил Аруина и спас людей от проклятья.

Много похвал было вознесено, много прощальных песен исполнено, много слёз пролито. Орлен явился проститься с героем в числе первых и даже приказал лорду де Годон положить меч Утреннего Всадника на могилу на королевском кладбище.

Похороны длились невыносимо долго. Нужно было держать себя в руках и отвечать вежливо на неискренние соболезнования высокопоставленных особ. Только верный Мунин немного облегчал тоску. К концу Ноэль ощущал такое опустошение и усталость, что сам

готов был взойти на погребальный костёр вслед за названным братом. Особенно, когда вспоминал, что самое сложное ещё впереди.

С кладбища внук вождя вернулся последним. Бианка дожидалась его в холле центрального корпуса.

Чем быстрее он покончит со всем, тем лучше.

– Ты как? – спросила она, поднявшись из кресла.

– Буду жить, – угрюмо ответил он.

– Знаешь, я... я видела смерть в раскладе Николаса, но не думала, что она наступит так скоро. Ещё вчера он был среди нас, шутил и смеялся... А теперь его нет. Он уже никогда не войдёт в эти двери, – Бианка осеклась, заметив квёлый вид собеседника.

– Да я и сам... с трудом верю, – выдавил из себя Ноэль. – Послушай... – он вынул из-за пазухи грамоту и вручил ей. – Я договорился, чтобы тебя направили в Лиль на границе с Лапией. Будешь помогать нашим дозорным нести службу, обучать одарённых, составлять донесения и отчёты. Там куда тише и безопаснее, чем здесь или в южных провинциях.

– Но ведь я даже писать не умею, – смутилась Бианка.

– В Лиле научат, это не сложно. И вот ещё, – Ноэль вложил в её ладонь увесистый кошелёк с золотыми монетами. – Подъёмные, чтобы первое время продержаться. Завтра утром собирается обоз – отправишься вместе с ним.

– А как же ты? – она непонимающе заглянула в его глаза. – Ты не поедешь со мной?

– Прости. – Даже не думал, что станет таким подлецом. Столько добивался её благосклонности, а оказалось, просто голову дурил... – Моё место здесь, рядом с дедом. Теперь я это понял.

– Это из-за Николаса? – не поверила Бианка.

– Отчасти. Моё похищение и его смерть показали, насколько глупо я себя вёл. Он погиб, защищая этот город. Я обязан продолжить его дело. Даже если это означает всегда быть одиноким и мириться с тиранией вождя.

Бианка опустила подбородок на грудь и вытерла кулаком слезившийся глаз.

– Что ж... будь счастлив.

Она собиралась уйти, но Ноэль поймал её за руку. Не хотелось, чтобы всё заканчивалось вот так.

– Если что-то понадобится... что угодно... пиши! Я... я всё достану.

Бианка поняла без слов: обняла и поцеловала в губы. Нежно и мимолётно. Сама.

Под ложечкой тоскливо засосало. Манушка выскользнула из ладоней Ноэля и поспешила прочь. Они ещё встретятся. В следующей жизни, при других обстоятельствах. Всё сложится иначе. Обязательно.

Зашевелилась гардина, слышались шаги. Только тогда внук вождя осознал, что смотрит в пустоту перед собой.

Он обернулся и спросил:

– Теперь ты доволен?

– Вполне, – ответил дед. – Он очнулся и зовёт тебя.

– Ты отпустишь его? Я сделал всё, как ты велел.

– Пускай проваливает на всех четырёх ветрах, – сварливо объявил Жерард и проводил его в комнату больного.

Самочувствие не улучшилось, но лежать в постели было не вмоготу, и он выбрался на

лужайку. Под раскидистым ясенем с багряной кроной сидел старший брат и наблюдал, как солнце закатывается за край горизонта. Кроваво-красными становились не только кружащиеся на ветру листья, но и сам воздух.

– Иди сюда!

Брат похлопал ладонью по траве возле себя, заметив, как он прячется в тени деревьев. Он улыбнулся и послушно устроился рядом.

– Чего грустишь? Тебе уже разрешили вставать?

– Нет... я хотел... поговорить с отцом. Объяснить. Попросить прощения... Но он как всегда занят.

– Не сердись, у него много дел. Но он всё понимает и не держит на тебя зла.

– Да ну, – он обнял свои острые колени и надул губы. – Я для него сплошное разочарование, у которого никогда и ничего не получается. Даже сейчас... Если узнает, что я здесь, запрёт на несколько недель.

– Я уговорю его этого не делать, – брат потрепал его за щёку.

– Спасибо! Он всегда тебя слушает. Ты же старший, наследник, гордость.

– На тебя он внимания обращает куда больше, чем на нас всех вместе взятых. Да и сомневаюсь, что он выберет преемника по старшинству, а не того, кто покажет себя более достойным.

– Разве есть кто-то более достойный? – он прильнул к боку брата и положил голову ему на плечо. – Ты же самый умный и рассудительный. И на мечях сражаешься лучше всех!

– Подлиза! – засмеялся брат. В почти чёрных глазах отражался щуплый мальчонка, похожий на выкупавшегося в луже воробушка. – А ещё мне постоянно достаётся за ваши проделки. «Ты же старший! Ты должен за ними присматривать и держать их в узде!»

– Одно жаль, когда ты займёшь место отца, у тебя тоже не будет времени... на нас, – он понурился, хватаясь за руку брата ещё крепче.

– Что ты! – брат стиснул его ладонь. – Что бы не происходило, какие бы обстоятельства нас не разделяли, в душе и в сердце я всегда буду рядом с вами, помогать и защищать, делиться всем, что у меня есть. Ведь мы – одна кровь, а она гуще водицы.

– Я тоже! Тоже буду! Твоим верным защитником, – горячо заверил он и обнял.

В комнате за зашторенными окнами было темно. Призрачная кровь с рук исчезла, но осталось неприятное чувство, что всё не может завершиться благополучно. Его просто успокаивают.

Заскрипела дверь, в глаза ударил яркий свет, послышались знакомые размеренные шаги.

Сморгнув пелену слёз, Николас облегчённо выдохнул:

– Живой!

– Вообще-то это не я провалялся в постели неделю, – усмехнулся Ноэль, устраиваясь на краю его постели.

– Что случилось? Окончание схватки как в темноте...

– Я помню немногим больше твоего. Дед говорит, что на некоторое время свет померк, а когда запалили факелы, то мы с тобой уже лежали без чувств, а от Аруина осталась лишь перемолотая груда костей. Спасибо, что спас. Я этого не забуду.

Ноэль протянул к нему ладонь, и Николас сжал её, чтобы удостовериться, что он – не плод воображения.

Получилось! Неужели в этот раз действительно получилось?!

– Не стоит благодарности. Мы же почти братья. Мой меч?

– На месте, не переживай. Есть хорошая новость: после схватки все решили, что ты погиб. Мы справили твои похороны. Николас Комри официально мёртв. Вся Норикия так считает, скоро слух долетит и до Лучезарных. Тебя больше не будут преследовать, и ты сможешь уехать в Урсалию.

– А... а как же ты? – спохватился Николас.

Ноэль отвёл взгляд:

– Я остаюсь. Кто-то должен здесь за всем приглядывать.

– Но ты так хотел построить что-нибудь своё, освободиться от деда. Неужели ты станешь таким же покорным, как прежде?

– Нет. Ты показал мне, что можно жить иначе, мыслить независимо и не бояться высказывать своё мнение. Нужно бороться за то, во что веришь и не сдаваться перед трудностями. Возможно, не так быстро, но я заставлю деда слушать меня, приберу здесь всё в свои руки и наведу порядок. Благодаря твоей самоотверженности я понял, что это и мои люди, моя ответственность. Я не могу их бросить.

Они неловко молчали каждый о своём. Николас чувствовал, что Ноэль недоговаривает, что мечты ещё не умерли в нём, а бьются в агонии и истекают кровью. Но раз уж друг решил...

А почему его запястье перемотано повязкой?

– Что это?

– Дед провёл один ритуал. Дал мне новое имя в знак того, что я признал себя Безликим.

Ноэль показал выцарапанную на коже руно. «Альгиз» – защита. Николас схватился за собственное запястье. Такое совпадение не могло быть случайным, но что оно означало?

Несмотря на близящуюся разлуку всё внутри ликовало: жив-жив-жив! Значит, чудеса возможны. Хотя бы в этот раз.

– Выздоровливай и ни о чём не волнуйся, – сказал Ноэль и ушёл.

Охотник откинулся на подушки. Из зеркала сбоку выбралась фигура в балахоне.

Безликий! Явился-таки!

– Я победил и без твоей помощи!

– Ты в этом уверен? – усмехнулся бог.

– Только не говори, что ты воспользовался моим телом, и только поэтому звёздный клинок подчинился мне, – подозрительно прищурился Николас. – Ты делал это и раньше?!

– Думай, что хочешь.

– Ответь хоть, кем я был в прошлом воплощении? Кровь на моих руках – это кровь Ноэля? Я ведь не убивал его, но он погиб по моей вине. Я не могу себя простить за то, что не спас его? Как семью, как Юки.

– Все, кто тебе дорог, будут погибать, пока ты не отыщешь меня, – после томительной паузы произнёс Безликий и указал на «Книгу тайн» в сундуке: – Отыщешь по-настоящему, а не с твоими уловками.

– Что ж, тогда я буду один, – Охотник обнял себя руками и отвернулся.

– Упрямый дурень, как же ты вырвешься из порочного круга собственных ошибок? – пробормотал Безликий и исчез.

===== Глава 40. Возвращение к жизни =====

1570 г. от заселения Мунгарда, Эскендерия, Священная империя

Микаш выбрал себе кабинет в маршальском корпусе, а не в Большом дворце, как предлагали его люди. Строгий двухэтажный особняк в стороне от других построек нравился ему гораздо больше. А сколько воспоминаний было с ним связано!

Сорок пять лет назад эти покои принадлежали Утреннему Всаднику. Когда распаивалась тяжёлая дубовая дверь, обитая войлоком, чтобы изнутри не доносилось ни звука, перед глазами вставали картины из прошлого.

Одержимые заинтересовались Микашем и его женой, когда те были ещё детьми. Пришлось отбиваться. Он даже взял в плен одного. Как же удивился его удали подоспевший к окончанию схватки маршал Сумеречников – легендарный Гэвин Комри!

Все одарённые мальчишки мечтали попасть в его армию, Микаш в их числе. Но из-за низкого происхождения ему даже меч был не положен. За его ношение могли выпороть, а то и вовсе казнить.

«Мы не казним наивных мальчиков ни за воровство чужого мусора, ни даже за глупое упрямство. За кого ты нас держишь?» – звучал в ушах насмешливый голос Утреннего Всадника.

Микаша под охраной доставили сюда, во дворец Сумеречников, в маршальские корпуса, в этот самый кабинет. Под пронзительным взглядом глубоких синих глаза он трясся, как осиновый лист, и не мог выдавить из себя ни слова. До сих пор не решил, чего тогда боялся больше: разочаровать своего кумира или испытать на себе его гнев.

Гэвин же сделал то, что другие менее знатные, могущественные и одарённые считали невозможным: посвятил «безродного дворнягу» в Сумеречники и принял в свою армию.

Мудрый, по-настоящему благородный и всемогущий Утренний Всадник!

Микаш ликовал: он ведь мечтал бороться с демонами плечом к плечу с другими рыцарями. Знал бы тогда, что вовсе не это было нужно Гэвину, плюнул бы ему в лицо? Или простодушно поверил бы в слова о долге и жертве во имя человечества? Ведь Утренний Всадник так часто проговаривал их, если боевой дух армии угасал.

Те десять лет, что он служил под началом Гэвина, Микаш был слеп от счастья. Лобызал измазанные в крови руки своего благодетеля, кидался исполнять его волю по первому зову, совершал все мыслимые и немыслимые подвиги лишь для того, чтобы заслужить его удовлетворённый взгляд.

Прощались они в этом же кабинете тридцать пять лет назад. Гэвин назвал юнца Ойсина Фейна потомком Безликого и назначил своим преемником, а сам подал в отставку. Тогда в душе поселились первые сомнения, но горечь от предстоящей разлуки затмила всё. Разве можно было уличить своего кумира во лжи, когда его взгляд стал таким печальным и усталым?

Микаш помнил, как прикоснулся губами к горячему лбу Гэвина, как в последний раз заглянул в глаза, и как сковало предчувствием, что конец близок. Конец их маленького светлого мирка.

Восемь следующих лет, что он мирно жил в Белоземье с женой и сыном, Микаш тосковал по Утреннему Всаднику, как по отцу. А когда услышал про капитуляцию и пленение Гэвина, мучился, что не может спасти.

Через пару месяцев в замке кундского некроманта Микаш всё же увидел суть того, в кого верил, как в бога. Но отворотить ничего уже было нельзя. Его сердце, его душа принадлежали Утреннему Всаднику. Он вырвал из Микаша всё человеческое и всадил в грудь осколок Мрака, уготовив ему роль злодейской марионетки.

Предвестники были уверены, что Утренний Всадник предал самого верного своего ученика, чтобы спасти Сумеречников и юного короля Авалора – Лесли. Но все они были лишь шахматными фигурами, которые Гэвин расставлял на доске, чтобы его бог сыграл ими победоносную партию.

Несколько месяцев бешеной скачки на Авалор – Микаш опоздал всего на час, чтобы остановить казнь лорда Комри и потребовать ответа. Утренний Всадник ушёл непобеждённым и унёс свои тайны в могилу. А его ученикам осталось расхлёбывать кашу, которую он заварил.

Последние двадцать пять лет Микаш изо всех сил старался стать достойным своего учителя. Навёл порядок в ордене Лучезарных, расширил сферу их влияния. Даже неприступная Эскендерия пала к его ногам.

Но подлинное удовлетворение появилось лишь тогда, когда наглый мальчишка, наследник Гэвина, очутился на острие его клинка. Месть казалось такой близкой, воздаяние – почти осязаемым. А нет, ушёл, значит, время ещё не наступило. Что ж, Микаш ждал более двадцати лет, подождёт и ещё немного.

Стол завалили бумагами с донесениями и отчётами. Даже в этом Микаш брал пример с Гэвина и вникал во всё сам. Важные дела никому кроме себя не доверить. Осколок Мрака позволял долгое время проводить без отдыха и сна, а Гэвин как-то обходился человеческими силами. Пил бодрящие зелья и порой выглядел болезненно измождённым, но никогда не жаловался и помощи не просил.

Как же умело они притворяются: люди, играющие в богов, и боги в человеческих масках.

Нужно следить, чтобы деньги ордена не утекали ни в чьи кошельки, а работали на укрепление порядка, чтобы восстановление Эскендерии завершилось как можно быстрее. Отвечать на бесконечные требования Главного проповедника. Проверять жалобы: не злоупотребляет ли кто из подчинённых властью или, наоборот, попустительствует Сумеречникам. Планы-планы-планы, что делать дальше, куда направлять основные силы. Готовиться... к неизбежному концу.

Было уже за полночь, когда в дверь постучали. Микаш узнал ауру старого Магистра Авалора. Трюдо руководил Лучезарными до Белого Палача, но уступил место более сильному Предвестнику, хотя и не переставал указывать, что делать.

Первым на пороге показался посыльный и доложил:

– Срочные вести из Дюарля. Лорд Комри погиб в битве с владыкой ши Аруином. Ему даже отвели место на королевском кладбище. Компания «Норн» утверждает, что он спас город от нашествия демонов.

Микаш вскинул голову и удивлённо сдвинул брови:

– Какая нелепая байка. И что, все её проглотили?

Посыльный пожал плечами и положил на стол донесение шпионов.

– Люди постоянно говорят о нём, даже у нас. Колдуны нашли отличного героя. Что немаловажно – мёртвого, который уже не испортит свою репутацию, – цинично заметил Трюдо, отстраняя посыльного и занимая его место.

Да уж, внушать восхищение Комри умели мастерски. Уж кому, как не Микашу, испытавшему их искусство на себе, об этом знать.

– Ступай! – отослал он посыльного.

Трюдо плотно захлопнул дверь, чтобы их не подслушали.

– Это правда? – спросил Белый Палач, откидываясь на спинку стула. – Что слышно от демонов?

– У них смута, пока не найдут нового владыку. Или пока не раздробятся на маленькие кланы и не порвут связи друг с другом. Аруин же развеян в кровавую пыль, – ответил Трюдо.

– Слабак, – дёрнул краем рта Микаш. – Предупреждал же не идти напролом, а работать сообща. Не велика беда. Ши всегда были тщеславными тварями.

– Но своего он добился. Вечерний Всадник мёртв. Его хоронил весь город, – возразил Трюдо, складывая руки на груди.

– В закрытом гробу? Тело изуродовано до неузнаваемости? – снисходительно рассмеялся Белый Палач. – Старина, хоть ты не будь легковёрным. Аруин не убил бы эту тварь даже при всём желании.

– Тебе просто обидно, что палачом последнего Комри оказался не ты, – покачал головой Трюдо. – Смирись. Мстить больше некому. Теперь ты можешь посвятить себя служению Мраку. Пора уже готовить Тень к восхождению на Небесный престол.

– Вот именно! Тень бы почувствовал первым, если бы с Вечерним Всадником что-то случилось. А он спокоен, как и прежде. Я уже говорил, надо дожидаться Часа Возрождения. Иначе Тень не войдёт в силу, даже если мы всадим в него самый большой осколок в ближайшее лунное затмение, – устало объяснял Белый Палач.

– Сколько ты ещё намерен ждать?

– Лет пять – самое большое. Больше никто из Братьев-Ветров не протянет. Наберитесь терпения. А пока хм... хочешь, я докажу, что лорд Комри жив?

Микаш вынул из потайного ящика в полу кувшин, изрисованный древними символами.

Сгусток Мрака призывно пел внутри, шептал призрачными голосами. Добыт не так давно из залежей у южных врат Червотчины в Зюдхейме. Там состоялась последняя битва Войны богов полторы тысячи лет назад. Её место расчертил чёрный шрам, где расчленённое тело Тени сочилось Мраком ещё много дней после его гибели. В этом месте, месте начала и конца, наступит Час Возрождения. Но пока...

– У нас в казематах остался ещё кто-нибудь интересный? – деловито спросил Микаш.

– Аристократ-заговорщик из Ланжу, Аугуст де Лорт. Бежал от преследования в Дюарле. Клянётся в верности Единому и готов на всё, лишь бы послужить борьбе с колдунами, – доложил Трюдо.

– Отлично! Отведите его в пыточную, только не пугайте, – приказал Микаш.

Вскоре Белый Палач спустился в казематы, которые раньше принадлежали Сумеречникам. Ничего переделывать не пришлось: бывшие хозяева знали толк в истязаниях. Сорок пять лет назад одарённые поместили сюда бедолагу Трюдо с двумя товарищами и изучали их одержимость Мраком, пока Предвестникам не удалось бежать. Трюдо до сих пор вздрагивал, когда спускался под эти пропитанные кровью и страданиями своды.

В пыточной Микаша уже ждали доверенные люди, охранявшие де Лорта. Среднего роста, измождённый после скитаний и проведённого в неволе времени, его водянисто-голубые глаза горели воодушевлением. То, что надо для ритуала.

– Мы тщательно рассмотрели ваше дело и нашли, что ваши слова достойны доверия. Ваше желание бороться с колдунами похвально. Сейчас мы, как никогда, нуждаемся в помощи, – заговорил Микаш ровным, гипнотическим голосом.

Даже не используя дар, нехитрыми уловками Белый Палач умел располагать людей к себе. Достаточно было воззвать к их тайным желаниям и страстям.

– Скажите, что от меня требуется, и я сделаю это немедленно! – отозвался де Лорт.

Сын вельможи, Аугуст вдохновился словами проповедников из Империи. Он ненавидел Компанию «Норн», которой благоволил их король. Желал освободить родину от гнёта одарённых и вместе с другими единоверцами войти в благословенную эпоху, где каждому воздастся по его вере.

Микаш вскинул руку и растопырил пальцы, вплетая в податливый разум фанатика мысленити. Голубые – обычное внушение, чтобы подтолкнуть в нужном направлении. Чёрные – нити Мрака, нащёптывающие о любви, принятии и благоденствии. О необходимости жертвы ради всеобщего счастья.

– Наши силы на исходе, а колдуны коварны и злы. Самый гнусный и страшный из них – лорд Комри – задумал уничтожить единоверцев. Но твоя вера, огонь в твоём сердце защитят их.

– Я видел его в Ланжу! Это из-за него мы проиграли. Простолюдины встали на его сторону, словно околдованные! А потом, в Дюарле, он утверждал, будто похитил у вас книгу, благодаря которой заручился поддержкой староверческих богов и объявил внука вождя, Ноэля Пареду, Безликим.

Микаш аж поперхнулся. Лучезарные вопросительно уставились на него.

– Ну, наглец! Мало того, что сам честных людей обманывает, так ещё и на нас клеветает.

Велев остальным отступить, Микаш вложил в ладонь де Лорта ритуальный кинжал с волнистым лезвием.

– Поделись своей кровью. Она пробудет гнев Единого. Он сметёт наших врагов, лживого лорда Комри первого из них. Только праведники выживут.

– Но это... это... тоже какое-то колдовство... – вяло сопротивлялся Аугуст.

Натянув мысленити сильнее, Белый Палач прибавил громкости и убедительности шёпоту Мрака.

– Колдуют только староверы. Мы – лишь смиренные слуги своего господина и несём людям его волю. Открываем другим сердца и уши, чтобы они тоже слышали голос бога в своём сердце. Прислушайся и поверь! Ты нужен Единому, он зовёт тебя.

Фанатик приоткрыл рот. Шёпот Мрака становился более въедливым, сводил с ума. Белый Палач испытывал его действие на себе, когда осколок только попал в сердце. Владелец железной воли, Микаш скорее бы принял смерть, чем прельстился посулами Мрака, но приказа маршала Комри послушаться не смог.

Белый Палач откупорил кувшин и протянул де Лорту.

– Не трать время на раздумья. С каждым мгновением колдуны становятся сильнее и отравляют новые души. Спаси их, и тебе воздастся за твой подвиг!

Рука с кинжалом дрожала. Зрачки расширились от страха приближающейся смерти, но сопротивляться уже не получалось. Ладонь взвилась и ударила по горлу, будто по воле кукловода. Тёмная кровь вспенилась и потекла в кувшин. Мрак хищно заглатывал падающие капли, не пропуская ни одной, и причмокивал плотоядно. Тысячи глаз смотрели из кувшина в поисках новой жертвы.

Фанатик рухнул на пол и забился в конвульсиях. Микаш присел на корточки, помогая Мраку вытягивать из тела остатки крови. Теперь сгусток питали страдания, муки и смерти, которых вдосталь насмотрелась эта пыточная за полтора десятка веков существования ордена Сумеречников. Ужас и боль, ненависть и отчаяние – вот истинная суть пятой, невоплощённой стихии – Мрака.

– Спи спокойно, твоя жертва не будет напрасной, – Белый Палач отставил кувшин и закрыл остекленевшие глаза де Лорта.

Из разросшегося облака Микаш принялся выплетать полотно. Оно раскручивалось и приобретало знакомые очертания: заснеженное Полночьгорье, Заледенелое море с нагромождением торосов, плоская тундра, воронка уходящего в недра земли лабиринта. Место, где всё началось, где ещё можно было отвернуть неумолимый рок, но Микаш предпочёл последовать за ослепительной голубкой-Норной.

В глубине зала твердь пронзали насквозь колонны голубого льда. В них спали Братья-Ветры. Вместе с ними томился и Легион Мрака. Полторы тысячи лет назад его замуровал там Безликий.

Став Предвестником, Белый Палач вспомнил, как коварный бог воспользовался его телом, чтобы восстановить истлевшие печати на темнице Мрака. Безликому тогда понадобилась вся сила и вера его пророчицы, женщины, которую они с Микашем делили на двоих с тех пор и всю оставшуюся жизнь. Бог был с ней лишь раз, в теле Микаша, взял её невинность и привязал к себе. До одури болезненные воспоминания, но всё же именно они давали необходимые знания.

В остальное время Лайсве принадлежала Микашу, была его земной женой, матерью его сына, но призрак Безликого всегда стоял между ними. Микаш ощущал его присутствие, даже когда от счастья затмевало дух.

«Скоро ты за всё заплатишь. Кровью близких и своей. Я не остановлюсь, пока не вытрясу из тебя все твои девять кошачьих жизней и не вырву из груди сердце, чтобы ты узнал, каково было мне по твоей милости».

По тоннелям, открытым лишь богам, разум Белого Палача пробрался в Пещеру духов Тэйкуоли. Обитатели в страхе разбежались с дороги, прятались в щелях, а то и вовсе неслись наружу, в Дольний мир людей.

Темницу закрывали глифы-печати. Микаш воздел руки, и они полыхнули огнём. Изнутри полилась кипящая лава, выплавляя для Мрака новое русло.

– Иди ко мне! Ты, наконец, свободен, – позвал Белый Палач.

Из шепчущей голосами мёртвых Сумеречной реки поднялась чёрная волна. Выше головы. Она попыталась поглотить, хлеща отростками, но, скованная стальной волей, остановилась на уровне глаз и покорно склонилась, как перед хозяином.

Утренний Всадник знал, кого поставить на место главаря Предвестников.

– Я наместник Тени. Пока он не вошёл в силу, ты подчиняешься мне. Ступай на поверхность, уничтожай всё живое на своём пути. Чем больше шума наделаешь, тем быстрее явится Вечерний Всадник. Передай ему, что я ничего не забыл, и час расплаты уже близок.

Мрак с гулом прошёл сквозь Микаша и помчался наверх, радуясь свободе.

Белый Палач хищно облизнулся, возвращаясь разумом в казематы Эскендерии. Сгусток Мрака обрёл форму тонкой ленты и обвился вокруг его запястья, пряча змеиный хвост под одеждой.

– Похороните тело и уберите здесь, – велел Микаш и направился восвояси.

Трюдо следовал за ним по пятам.

– Может, не стоило нарушать и без того хлипкое равновесие?

– Переживать об этом должны Первостихии, – отмахнулся Белый Палач. – Вот пускай мальчишка Комри и беспокоится. Не всё же ему мелкую шушеру в кровавую пыль развеивать. Наши союзники-демоны оценят, что мы не оставляем их смерть без возмездия.

– При условии, что он жив и справится, – продолжал сомневаться Трюдо.

– Слабаки здесь не нужны. Слышал, что этот подлец выдумал про якобы похищенную у нас книгу? Назвать внука Жерарда Безликим... Вот же мошенник! За всю свою ложь он заплатит сполна.

Белый Палач скрылся в кабинете, заперев дверь на засов. Не хотелось, чтобы его беспокоили этой тревожной ночью.

1570-71 г. от заселения Мунгарда, дорога на Лапию

Через пару недель Николас поправился и собрался в дорогу. Жалко стало знакомых: Жюльбера, Бианку, даже короля Орлена. О том, что Николас жив, знали только Ноэль и его дед. Впрочем, если такова цена за свободу, то он готов её заплатить.

Вестфольду пришлось оставить и взять с собой менее приметную лошадь. Фигуру обтягивал серый шерстяной плащ с глубоким капюшоном. Лицо скрывала овальная белая маска с тремя царапинами как от когтей. Новая – от той, в которой Николас сражался, ничего не осталось. С амулетом Кишно на шее никто его не узнавал.

Ноэль единственный провожал его по северному тракту. У леса в двух часах пути от штаба на безлюдной дороге они остановили лошадей. Друг вручил Охотнику свёрток с мечом.

– Клеймор?

– Разыскал среди беженцев в бедных кварталах одного кузнеца. Теперь он с семьёй будет жить и работать при штабе. Умелыми людьми разбрасываться нельзя, – улыбаясь, ответил внук вождя. – Конечно, это не клинок Утреннего Всадника, но лучше, чем ничего.

Возьми! Хотя бы в знак нашей дружбы.

Николас приторочил свёрток к седлу. Безоружным путешествовать глупо.

Ноэль вынул из-за пазухи свиток с печатью Компании «Норн».

– Грамота на имя Мортимера Стигса, Охотника на демонов, направленного на службу в Урсалию. С этой бумагой ни в Норикии, ни в Лапии никто не станет чинить тебе препятствий.

– Спасибо! Будет весьма кстати, – Николас потянулся за грамотой, но Ноэль убрал её за спину.

– погоди благодарить. Ты остаёшься членом Компании: должен будешь регулярно писать отчёты и брать себе учеников. Старшие товарищи будут тебя навещать и проверять, как ты справляешься.

– Если имеешь в виду себя, то жду в любое время. Только позволит ли твой дед? Опасно-опасно! – передразнил он Жерарда.

– Кра-а-а-апасть! – повторил сидевший на плече Ноэля ворон.

Друг не выдержал и рассмеялся:

– Пускай только попробует! Знаешь, эта маска пугает. Слышу твой голос, но всё равно кажется, будто передо мной кто-то незнакомый и жуткий.

– В маске или без, это всё равно я, – покачал головой Николас. – И буду безумно скучать! Зови, если что. Я же твой доверенный сподвижник и защитник.

– Какие бы расстояния нас не разлучали, в наших сердцах мы всегда будем вместе, – ответил Ноэль уже предельно серьёзно.

Они обнялись.

– Останавливайся на голубиных станциях и не забывай писать! – бросил на прощание друг.

Они разъехались в противоположные стороны, но то и дело оборачивались и ловили на себе тоскливые взгляды друг друга. Дорога вильнула и разделила их. Хоть бы не навсегда.

До приграничной заставы близ Лиля путешествие проходило без приключений. Только бесконечная череда загадок не давало покоя. Как ему удалось выжить после грандиозной битвы? Действительно ли Безликий воспользовался его телом?

Хотя Николас принял подарок Ноэля, но для тренировок в уединённых, сокрытых от посторонних глаз местах предпочитал проклятый клинок. Фехтовал и в маске, и даже без неё. Память больше не пропадала, ничего противоестественного не чувствовалось: меч повиновался, как обычный, разве что непривычно манёвренный. Ни угрожать, ни сопротивляться клинок не пытался, как будто притуплял бдительность, чтобы ударить в спину в самый неожиданный момент.

Однажды Николас решился подкормить меч своей кровью. Вспыхнула фиолетовыми огнями руна перт на рукояти, и тот отозвался звенящим сталью голосом:

– А, небесный мальчишка, снова ты!

– Хотел спросить... Почему ты помог мне?

– Я помогал не тебе, а своему хозяину. Да и повторить судьбу брата Исаза, оказавшись в руках Предвестников, мне не хочется.

– Так ты служишь Безликому?

– Я служу Небесному Повелителю и никаких Безликих не знаю.

– Старого Небесного Повелителя уже нет, а Безликий – его сын. Он должен занять

место отца, чтобы мир не был уничтожен.

Видимо, разговаривать с мечом нужно, как с маленьким ребёнком, раз уж тот не желает отвечать прямо.

– Я знаю сыновей моего хозяина, и среди них нет ни одного Безликого.

Похоже, вытянуть из него хоть что-то будет сложнее, чем из коварного божка. Нужно сменить тактику.

– Тогда как их звали? Сыновей Небесного Повелителя?

– Их имена – тайна. Только они сами способны её открыть.

– Мог ли один из них назваться Безликим, чтобы не выдать её?

– Мог. Но я не стану служить ему, пока он не получит силу и власть своего отца.

Тупик! Ладно, зайдём с другой стороны.

– Тогда почему ты не убил меня после победы над Аруином?

– Твоя воля совпадала с волей хозяина. Я слышу его голос в твоей крови. Он говорит, что за обладание мной ты заплатил достаточно своими страданиями. Чтобы слышать его дальше, нужно, чтобы ты меня подкармливал. Но если твои намерения разойдутся с желаниями Небесного Повелителя, я всё же убью тебя.

Значит, клинок нельзя использовать для неугодных Небесному Повелителю целей. Или вообще нельзя нарушать его волю? Понять бы, в чём она заключалась. С Безликим было бы проще, впрочем, с младшим богом пути Николаса расходились не раз. Видимо, Небесный Повелитель смотрит на вещи иначе, чем его сын. Смотрел... Когда был жив.

Николас затряс головой, окончательно запутавшись.

– Как ты можешь слышать голос Небесного Повелителя в моей крови? Почему я его не слышу?

– Ты слышишь его всегда, но слушаешь лишь в мгновения отчаяния. Когда ты примешь его, всё тайное станет явным и все беды решатся сами собой.

– К чему эти намёки? Почему бы не сказать прямо? Я бы сделал всё, я бы положил на это всю жизнь!

– Мы говорим лишь то, что ты сам нам позволяешь.

Руна «перт» на клинке погасла, меч замолчал. Охотник убрал его в ножны, зажмурился и закрыл лицо руками. Недомолвки вызывали головную боль вместе с липким страхом, подобный которому доводилось испытывать разве что в детских кошмарах, когда Николас не знал о своей сумеречной сути и казался себе демоном-подкидышем.

Очнувшись, он понял, что сидит на коленях и раскачивается взад-вперёд, словно в припадке. Может, именно в такие моменты Безликий вселялся в его тело?

Нет, нельзя сходить с ума. Всего пять лет осталось, а после битвы с Аруином, может, и меньше. Нужно перестать думать о тревожных вещах и смело шагать вперёд. Жить и наслаждаться свободой, которой он так долго добивался и которую подарил названный брат.

Молчал клинок недолго. Ему тоже прискучило убивать хозяев и беседовать только со своими ножнами. Теперь он рассказывал о своём богатом на события прошлом, боевых стратегиях и приёмах, качестве современнойковки и воинской чести. Видимо, это Охотник ему не запрещал. Но, несмотря на россыпь стоящих идей, большую часть времени болтливый собеседник мешал или попросту ныл, что изголодался по хорошей драке.

В глазах других людей Николас, должно быть, выглядел безумцем не хуже, чем горбун Умбер.

Стоило пересечь границу с Лапией, как Охотника накрыла шальная радость. Даже дышать стало легче, будто только в другой стране он почувствовал себя по-настоящему свободным.

Непривычно было в неделю Мардуна не прятаться с наступлением темноты. Зудящая родинка на затылке исчезла, вместе с ней пала печать мар. Охотник чувствовал всей душой, словно стал взрослым лишь сейчас, в двадцать три года. Ушли детские горести и страхи, за спиной осталось проклятое наследие деда и отца.

Аруин действительно сгинул, а Неистовый гон, лишившись предводителя, больше не показывался. Скорее всего, демоны вернутся, когда выберут нового лидера, но пока можно спать спокойно. Главное, друзей – Рианы, Мидрира и Ноэля – гнев владыки ши больше не настигнет.

Долго оставаться одному Николасу не позволили. В крупном городе Эльмарене на голубиной станции ему поручили двоих учеников.

Первый – немолодой купец Эббе. К нему являлись мёртвые родственники с мелкими просьбами: не продавать дом, покормить любимого кота или раскопать спрятанный ими горшок с золотом. Поняв, что дело – дрянь, он обратился на голубиную станцию с просьбой избавить его от призраков. Но проблема купца заключалась вовсе не в живых мертвецах, а в его даре мертвошёпта.

Для своих способностей Эббе был на удивление уравновешен и рассудителен. Вместо того чтобы пугаться, он монотонно сообщал о том, что видит и спрашивал, нормально ли это. Порой так и подмывало ответить, что сумеречный дар никакого отношения к нормальности не имеет. Но лучше так, чем если бы он кричал и бился в припадках. А стоило напоить Эббе элем, как он расслаблялся и слова сыпались из него, как из решета. Николас с лёгкостью выбирал из этого потока всё, что требовалось нужно для работы.

Второй ученицей стала шестнадцатилетняя Фритта, дочь богатого вельможи. Воспитанная в строгости и целомудрии, она умела исчезать в самый неподходящий момент. Поначалу никто не понимал, что происходит. Считали, что это проклятье троллей. На заре существования ордена Сумеречников в этих краях гремели кровопролитные Тролли войны. Участвовали в них и другие демоны, но тролли были зачинщиками и предводителями. Лапийцы до сих пор боялись их пуще огня и винили во всех несчастьях.

Сколотивший изрядное состояние отец Фритты суевериям не поддавался и пригласил к себе людей из Компании. Через некоторое время те определили, что девица обладает редкой разновидностью дара мороча.

Сложность была в том, что очень робкая и стеснительная Фритта предпочитала отмалчиваться и прятаться. Её способности очень в этом помогали. Спасало лишь то, что Николасу уже доводилось работать с чувствительными особами. Он даже вспомнил Бианку с лёгкой грустью. Пускай у них с Ноэлем всё сложится и Жерард не станет чинить им препятствия. Или друг найдёт способ их преодолеть.

Подход к Фритте отыскался самый простой: её очень заинтересовали королевские балы в Дюарле. Светские танцы, парчовые наряды с горностаевыми воротниками, невысказанные высокие причёски, придворные сплетни и манеры – про всё это ученица могла слушать часами. За рассказами у костра забывались и робость, и даже тяготы долгого пути по заснеженной Лапии.

Охотник снова стал для всех добрым малым со смешным именем Морти, без груза родовой памяти, славы деда и собственных «подвигов» за спиной. Всё-таки приятно

начинать жизнь с чистого листа, будто и не было трёх лет неволи.

===== Глава 41. Новый дом =====

1571 г. от заселения Мунгарда, Урсалия, Лапия

Единственная сложность с учениками состояла в том, что к долгим странствиям они не привыкли. Да и снег в этом году выпал на месяц раньше обычного. Или в Лапии он всегда появлялся в это время? Сугробы намело по колено, и лошади шагали очень тряско, особенно конь Николаса, который прокладывал остальным дорогу.

Перевалив через Спасительный хребет, они, наконец, оказались в Урсалии. Ждал ли ещё Эглаборг? Ведь столько времени прошло. Вспомнилось холодное прощание в Мараканде. Наверняка целитель решил, что друг сгинул в осаждённой Эскендерии или угодил в лапы Лучезарных.

Тревожить Эглаборга письмами во время дороги не хотелось – на голубиных станциях послания просматривали и докладывали в штаб. Ноэль бы прикрыл, но лишний раз рисковать не стоило. Когда Николас увидит всё своими глазами, то решит, как себя вести.

Ханскую награду назад лучше не требовать. Лапийская земля богата на демонов – работа для Охотника всегда найдётся. Да и Компания назначила неплохое жалованье. Поживёт первое время на постоялом дворе, а там и на маленький домик скопит. Обременять себя большим хозяйством ни к чему.

День на севере был короткий, как огарок свечи. Часа три-четыре пронзительно-холодный солнечный свет резал глаза до слёз, и наступала ночь. В темноте лишь скрипучий снег выделялся разводами серого цвета.

Ничего удивительного, что поднялись путники затемно, а в городе оказались, уже когда на небе зажглись звёзды.

В загоне у первого дома носился молодой жеребец с кудрявой гривой. Копыта словно не касались сугробов, вороная шкура отливала лунным серебром. Дугой изгибалась мускулистая шея, пышный хвост возбуждённо задрался кверху. Из широких ноздрей клубами валил пар.

Конь пронзительно ржал и подпрыгивал на задних ногах, размахивая тонкой резной мордой. Сверкали бельмами выразительные сорочьи глаза, словно он звал поздороваться.

– Какой красивый! – восхитилась Фритта, замерев возле Николаса.

– Явно не местный. Какие деньги можно выручить за такую диковинку! – присвистнул Эббе, оглядывая жеребца намётанным глазом.

– Он из Элама. Небесный аргамак, – ответил Николас и пошёл в город.

Отчаянное ржание перешло в обиженное фырчанье, но он не оборачивался. Со всем надо разбираться по порядку: вначале ученики, а потом личные дела.

– Ох, неужели вы и там побывали! – поспешила за ним Фритта.

– Побывал! Это удивительный знойный край. Там живут мудрые птицы. Принцесс перед свадьбой жестоко испытывают, чтобы узнать, достойны ли они стать жёнами могущественного хана и помогать ему управлять страной. Эламские скакуны могут обогнать ветер, а у некоторых из них есть крылья, но видны они только хозяевам.

– Ваши истории всё больше напоминают небылицы барона Гаузена. Слышали о таком? – подначила его осмелевшая девица. Что ж, значит, её учёба подошла к концу.

– Конечно! Их пересказывают во всех модных салонах Дюарля. И каждое слово в них – чистая правда. Клянусь своей треуголкой! – Николас коснулся края своего капюшона.

Эббе и Фритта от души рассмеялись.

Урсалия не спала, повсюду горели огни, дома были украшены еловыми венками,

клубками омелы, сухими цветами и лентами. На центральной площади у ратуши проходило большое празднество. Странно, Донайтайд ведь уже закончился.

На столах вдоль домов стояли угощения, всем наливали эль, сидр и подогретое вино с пряностями. Музыканты играли на лютнях, волынках, флейтах, цитрах и барабанах. Молодёжь в пёстрых нарядах лихо отплясывала, стуча каблуками по расчищенной от снега мостовой. Старики пьяными голосами пели застольные песни. Серьёзные зрелые люди собирались небольшими группами и обсуждали свои дела, кто громко, перекрикивая гул праздника, кто, наоборот, тихо, чтобы посторонние не услышали. Ребяшня носилась вдоль столов, крича и швыряя друг в друга снежками.

Среди танцующей молодёжи выделялась девушка в пышном наряде, отороченном куньим мехом и украшенном алой обережной вышивкой. Похоже, свадьба. Странное время они выбрали, обычно свадьбы играли в осенние месяцы до Мардунтайда. Впрочем, соединять сердца в браке старожилы могли, когда хотели. Главное, чтобы веселье устроили богатое, непременно на три дня, чтобы все соседи завидовали. Судя по размаху праздника, молодым это удалось. Или их родителям.

Задерживаться они не стали – Фритта и Эббе утомились в дороге так, что засыпали на ходу. Хоть они и не ныли, но Николас подмечал это по их квёлому виду.

Они направились в порт. Там находилось несколько приличных постоялых дворов со свободными комнатами в отличие от дорогих гостиниц на центральной площади.

Перепоручив лошадей мальчику-слуге, они забрали вещи. Хозяин встретил их во дворе и проводил к себе, подальше от трактирной суеты. Николас показал ему грамоту с печатью Компании.

– Что ж вы лицо прячете, как тать какой. Невежливо это, – хозяин потянулся рукой к маске Николаса, но тот отстранился.

– Не стоит. Там всё шрамами и волдырями от стычек с демонами покрыто – не самое приятное зрелище, – объяснил он. – Нам бы комнату на пару дней, пока я не посажу учеников на корабль.

– Не вовремя вы. Бургомистр дочку замуж выдаёт, уйма гостей собралась, все комнаты заняли. Да и корабли забиты пассажирами под завязку несмотря на шторма.

– О, так это красавица Анка замуж выходит? За кузнеца Рудольфа, я так понимаю? – Николас припомнил старых знакомых.

Ученики насторожились и прислушались.

– Да за кого же ещё? Гарольд столько лет его морочил, мол, пока надёжный дом не построит и денег не скопит, чтоб его кровиночка достойно жила, свадьбы не будет, – хозяин жаждал посплетничать. – Рудольф из кузни лет шесть не выходил. А как на свет показался, страшный как демон стал, заросший, чёрный от копоти. Сама Анка его испугалась. Пришлось ей ещё полгода его в порядок приводить, чтобы не стыдно было замуж идти. А Гарольд снова заартачился, мол, закончился сезон свадеб. Какой скандал тогда был! Крики из дома бургомистра аж до порта доносились. Пришлось Гарольду для дочки в самую тёмную пору веселье устраивать. Кто знает, что с молодыми после такого станется?

Ничегошеньки не изменилось. Эх, Гарольд-Гарольд, как доводил близких до несчастья своей скупостью, так и продолжал по сей день. Ничему не научила его история с подкидышем.

– Как видите, я лично знаком с бургомистром и приехал сюда по его просьбе. Он будет очень признателен, если вы найдёте для нас ночлег, – Николас достал из кошелька на поясе

пару серебряников. – А я щедро вам заплачу.

Глаза хозяина полыхнули алчным огнём.

– Идём! Переночуете у меня.

Он одолжил им большую комнату в собственном жилище на первом этаже постоянного двора. Слуги принесли тёплой еды и одеяла. Поужинав, ученики отправились спать, чтобы поменьше переживать перед назначенными на утро испытаниями. Николас же за вечер успел разыскать ещё достаточно трезвого портового распорядителя, который подсказал, какие корабли отчаливают в ближайшее время на юг. Море здесь, как и у берегов Авалора, не замерзало из-за тёплого течения, оставаясь судоходным круглый год.

Утром бледные от волнения Эббе и Фритта ели очень медленно и безо всякого аппетита. После завтрака Николас пригласил их на испытания. Купец согласился быть первым и сбивающимся голосом принялся рассказывать, чему научился за это время. Потом он извлёк призрака-защитника из кулона-ловушки. Зелёный огонёк мерцал агрессивно, ощущая неуверенность Эббе.

– Помнишь, что я тебе говорил? Страх – это маленький убийца. Позволишь ему завладеть тобой, и он выпустит ядовитое жало в твоё сердце, – предупредил Охотник.

Зелёный огонёк вытянулся в маленький кинжал и нацелил остриё в грудь Эббе.

– Кто из нас мертвошэпт? – усмехнулся купец, и призрак дрогнул, обратившись в безобидно светлячка.

Эббе заставил его облететь комнату и нарисовать защитный контур в виде пятиконечной звезды, заключённой в круг.

Николас захлопал в ладоши.

– Поздравляю и присуждаю тебе заслуженный третий уровень владения даром. А будешь тренироваться, доберёшься и до первого, – он пожал купцу руку и ободряюще улыбнулся.

Тот загнал призрака обратно в кулон и ошалело спросил:

– Неужели всё?

– А ты хочешь что-то ещё показать? Оспорить результаты? Если чувствуешь себя готовым к испытаниям второго уровня...

– Нет! – оборвал его Эббе. – Просто неправильно это. Не чувствую я себя... просветлённым.

– А какого просветления ты жаждешь? – удивился Николас. – Обходиться с даром ты умеешь, а уж как его использовать, решай сам. Хочешь, помогай заблудшим душам, служи в штабе Компании. Они не откажутся от человека с мирным ремеслом, тем более с такой хваткой, как у тебя. А хочешь, прогони призраков полынным дымом и возвращайся к обычной жизни. Выбор только за тобой, – Охотник взгляделся ему в лицо и добавил: – Но времени у тебя до отхода корабля.

Николас повернулся к Фритте и кивнул.

– Приступай!

Она обняла себя за плечи. Такой жест помогал ей наводить морок. Фритта опустила взгляд, ссутулилась и сжалась. Никто не замечал, как она исчезала. Просто начинало казаться, что её тут не было. Идеальный шпион.

Николас подошёл к месту, где видел Фритту в последний раз. Комната небольшая, в такой спрятаться вряд ли получится. Он закрыл глаза, прислушиваясь к едва слышным шорохам, дыханию – она научилась вести себя бесшумно. Даже бирюзовые, переливающиеся

золотыми песчинками прожилки в ауре не полыхали так ярко. Охотник вытянул руки, щупая воздух перед собой. Если он приближался, Фритта плавно уходила в сторону.

Резким выпадом Николас ухватил невидимое запястье и потянул ученицу на себя. Она не вскрикнула, а только шумно выдохнула, но сосредоточенье всё равно потеряла и предстала перед ним во плоти.

– Я очень старалась! – заверила Фритта бойко. – Могу так хоть полдня скрываться или всю ночь. Ночью проще, на полную луну. И ещё кое-что попробовала. Посмотрите!

– Конечно.

Николас отпустил её.

Когда робость прошла, ученица оказалась на удивление амбициозна и старательна. На столе покоилась шкатулка с её украшениями. Фритта провела над ней ладонями, вытягивая воду для иллюзий из фляги на поясе. Шкатулка исчезла. Теперь её можно было разве что нащупать.

– Попробуйте! Она даже стала чуть мягче, – попросила Фритта.

Пальцы вдавливались в поверхность, как в глину.

– Как думаете, со временем у меня получится делать вещи неосязаемыми?

– Если ты очень постараться, – подбодрил её Николас. – За выдающиеся успехи в овладении даром присуждаю тебе первый уровень. Поздравляю!

Он пожал ей руку, и она просияла.

– Я думала, что сразу дают не выше второго. А можно... можно мне отправиться в Дюарль, а не возвращаться к отцу? Я бы хотела... жить в штабе вместе с другими одарёнными.

– Увидеть короля? Танцевать на балу? – проницательно спросил Охотник.

Фритта зарделась и опустила взгляд. Вот-вот снова исчезнет. Эх, видно, мало он с ней поработал.

– Поезжай, если таково твоё желание. Твой отец доверил Компании распоряжаться твоей судьбой.

Вряд ли среди неодарённых найдутся охотники взять её в жёны даже с большим приданным. Обычные люди боятся магии, как огня.

Так закончились испытания. Ученики отдохнули ещё один день, пока Николас составлял выпускные грамоты. При помощи печати Компании, золота и внушительного оружия в ножнах на поясе он нашёл пару мест на корабле, и на следующее утро Фритта с Эббе отправились в Дюарль.

Николас собрал свои скудные пожитки, навьючил ими лошадь и пошёл на поиски нового дома. Нужно заглянуть к Эглаборгу, поздороваться и объяснить. Всё-таки Охотник многим был обязан целителю, и оставлять в их отношениях недосказанность не хотелось.

Уже на подходе к усадьбе холодком по спине прокралась тревога. На снегу валялась сорванная с петель калитка. С полдюжины верзил толпились за оградой. Они кричали и толкали встретившего их на тропинке к дому Эглаборга. Его аура осталась всё такой же тёплой, напитанной огненными нитями дара.

Верзилы ударили целителя в живот, и тот упал, прикрывая голову руками.

– Эй! Оставьте его! – гаркнул Охотник.

– Кто ты такой, чтобы нам указывать? Проваливай! – ответили ему.

– Это вы проваливайте, пока я не позвал стражу, – привязав лошадь к забору, он встал

между верзилами и лежавшим в снегу целителем.

– Стража будет на нашей стороне! Этот пройдоха должен нам денег. Земля, дом и дорогая эламская лошадь ему не принадлежат, он сам так говорит. Он устроил тут лечебницу и берёт с людей плату, а подати и аренду платить отказывается. А ещё за ним огромный долг за брата уже лет восемь тянется, – оправдывался главарь.

– Предъявлять ему обвинения может только городская власть, а избивать его вы права не имеете, – настаивал Николас.

– У него есть золото! Много золота. Помоги нам, и мы поделимся с тобой. Там на всех хватит! – подхватил второй верзила.

– Так вы грабители! – разозлился Охотник. – Проваливайте, иначе я вышвырну вас отсюда пинками под зад!

– Да что ты можешь! Нас много, ты один! А ну-ка дружно, парни, навались! – скомандовал главарь.

Верзилы бросились на него скопом. Николас ударил первого в челюсть, второго пнул ногой в живот, сбросил с плеч ещё двоих, врезал локтем по носу главарю, развернулся и сбил с ног последнего нападавшего.

Четверо снова атаковали. Сильные, конечно, но техники – никакой. Смекалки – тоже. Охотник легко увёртывался от их кулаков и бил так, чтобы они надолго потеряли охоту приставать к честным людям.

Через пару мгновений верзилы на четвереньках поползли к калитке, отплёвываясь от крови.

За оградой главарь поднялся и выкрикнул, вытирая разбитый нос:

– Мы пожалуемся бургомистру! Правда на нашей стороне!

– Да, пожалуйста! Только чтобы я больше вас здесь не видел! – пригрозил им Николас и опустился на колени рядом с Эглаборгом. – Ты как, старина?

Охотник помог ему сесть и отряхнул от снега.

Целитель ошалело мотал головой:

– Нет у меня ничего! Все уже отдал этим супостатам. А золото, хозяйство и конь – не мои. Убивайте-режьте, не отдам!

– Эглаборг, ты меня не узнаёшь? Это же я, Морти, – Николас сдвинул маску с лица набок.

Глаза друга округлились и заблестели от слёз, припухшие губы задрожали.

– М-м-мастер Стигс!

Целитель вцепился в него и сдавил грудь с такой силой, что казалось, треснут рёбра.

– Мне говорили, что вы сгнули, но я не верил! Не верил! Я так вас ждал!

Его плечи затряслись от рыданий.

Николас отвёл Эглаборга под крышу, усадил на лавку и напоил водой. Он отдышался и выглядел уже вполне сносно. Охотник решил оставить его, чтобы устроить лошадь в конюшне.

За дверью просторного денника сверкал глазами вороной жеребец. Николас отодвинул щеколду и протянул руку, чтобы погладить точёную морду. Голубые глаза внимательно следили, ноздри широко раздувались.

– Харысай, ты ли это? – произнёс Николас, и в следующий миг конь цапнул его за плечо. – Ай, за что?!

Жеребец прижал уши и скорчил крысу.

– Где тебя демоны носили?! Ты ведь сказал, что будешь здесь раньше нас, а сам пропадал три года! – возмутился жеребец уже вполне взрослым хриплым голосом.

– У меня возникли... неожиданные затруднения, – ответил Николас, потирая укушенное плечо.

Надо же, рубашку порвал, синяк огромный поставил. Грабители и десятую долю такого вреда не причинили.

– Какие ещё затруднения? Ты изменял мне с другой лошастью?! – Харысай злобно покосился на коня, которого привёл Николас. Тот от ужаса выпучил глаза и полез на стенку.

– Не строй из себя невинность. Это я тут жертва! Ты хоть представляешь, как я тосковал? Меня, между прочим, давно заезжать пора!

Харысай резко развернулся, обсыпав Охотника соломой, и махнул задними ногами. Нет, не ударил, но всем видом показал, насколько обижен. Не хватало Николасу ревнивых женщин, так Безликий ещё и ревнивым конём наградил.

Взяв висевший на двери недоуздок, Охотник зашёл к Харысаю сбоку.

– Да ладно тебе. Теперь я здесь. Заезжу, если ты не съешь меня раньше. Будешь моим героическим скакуном. Между прочим, я самого владыку ши Аруина одолел!

Харысай недовольно фыркнул, едва язык не показал. Николас надел на него недоуздок и повёл на улицу. Высоко задрав голову, конь не разговаривал и даже не смотрел в его сторону, но хотя бы верёвку из рук не рвал и не пытался ударить. Стоило выпустил его в загон, как жеребец помчался вдоль ограды, задирая задние ноги выше головы.

Похоже, заездить его будет даже сложнее, чем Вестфольду. Молодой да горячий.

Николас обошёл все огороженные забором владения. Просторная двухэтажная усадьба стояла на высоком каменном фундаменте и была сложена из цельных сосновых брёвен. Небольшую веранду обрамляли дубовые сваи, на которых держалась крыша, уложенная красной черепицей. Скаты здесь делали очень крутыми, чтобы тяжёлый снег падал на землю. Из высокой трубы приветливо вился дымок. Коньки были сделаны в виде распахнувших крылья соколов. Рунные узоры оплетали ставни, наличники и двери для защиты от демонских чар.

С одной стороны от усадьбы находилась баня, с другой – конюшня, сарай и небольшой погреб. Не дом, а мечта!

Николас собрал вещи и вошёл внутрь. Эглаборг перевязал голову белым полотном и суетился у печи, разогревая еду в горшках.

– Ты бы отдохнул, тебя же сильно ударили, – забеспокоился Николас.

– Пустяки! Пройдёт! – отмахнулся целитель и, приглядываясь к нему внимательней, удивился: – Вы постригли волосы?

– Не спрашивай! Надеюсь, скоро отрастёт, чтобы хоть какое-то подобие пучка можно было заплести, – погрустнел Николас.

– Что ж вы не предупредили, что приедете? Про это хоть можно спрашивать? – перевёл тему Эглаборг. – Я бы всё прибрал и такой пир устроил, что даже свадьба Анки скромным домашним праздником показалась.

– Вот поэтому и не предупредил, – рассмеялся Охотник. – Как у тебя дела? Снова лечебницу открыл?

– Чтобы не тосковать. Нет тут хороших лекарей, людям и обратиться не к кому. Но если больные будут вам мешать, то я от всего откажусь.

– Что ты! Это же твой дом.

– Ваш! – возразил целитель. – У меня таких денег отродясь не было. Землю я на ваше имя покупал, и дом тоже строил так, чтобы вам понравилось. Мне и маминой развалюхи хватило бы. А остальное золото я сберёг. И коня вашего.

Эглаборг указал на окно, в котором было видно, как Харысай барахтается в снегу кверху копытами.

– Как хорошо, что вы приехали! Такой демон шепутной вырос, я уже с ним не справляюсь.

– И не только с ним, – хмыкнул Охотник. – Ладно, останусь. Кто-то же должен за тобой приглядывать.

– Вот и здорово! Как снег растает, расширяться будем: птичник и кузницу построим. Если заплатим пошлину Компании «Норн», сможем голубиную станцию открыть. Очень доходное дело. По нашим снегам по полгода ни один скороход пройти не в состоянии. Осталось только почтовыми птицами разжиться.

– Такими? – Николас показал клетку с голубями, которую прикупил в Эльмарене.

– Какая прелесть! – захлопал в ладоши целитель. – Пока устроим их в сарае. Так где вы пропадали столько времени? Неужто в плену у Лучезарных?

– Если бы, – Николас развернул грамоту из Компании. – Три года в Дюарле без права переписки. Норикийцы оказались куда коварнее Голубых Капюшонов.

Эглаборг присвистнул, отыскав глазами строчку, где была указана его должность.

– Другой человек был бы на девярых небесах от счастья, а вы... Так вы, и правда, жили в Золотом городе? Видели его?

– Короля?

– Нет! Внука Утреннего Всадника, Николаса Комри. О нём же только и говорят в последние годы. Величайший герой, гроза всех демонов. Как жаль, что он погиб, спасая город от нашествия.

Николас неуютно сглотнул, избегая взгляда целителя.

– Разве что краем глаза...

– Не верю! Наверняка вы сражались с ним плечом к плечу и помогали доблестному Ноэлю Пареде унести его изувеченное тело с поля битвы. Вы ведь ничуть не хуже их!

Казалось, из ушей вот-вот повалит пар.

– Ты как всегда преувеличиваешь. Я самый обычный Сумеречник. И он тоже! Если... Ноэль будет писать... или нагрянет с визитом, отправляй его ко мне... – неловко предупредил Охотник.

– Мастер Стигс! – Эглаборг ошалело распахнул рот и всплеснул руками.

Чтобы избежать продолжения разговора, Николас принялся разбирать вещи. Ему досталась просторная спальня на втором этаже и небольшой кабинет с удобным столом и полками для бумаг и книг.

Целитель продолжал наблюдать с подозрением. Догадался или нет? Он всё же слишком хорошо узнал Охотника за десять лет.

Едва они пообедали тушеным кроликом с капустой и сладким луком, как в усадьбу заглянул помощник бургомистра Фритьоф.

– Мастер Эглаборг, – обратился он к целителю, заглядывая Охотнику через плечо с тревогой. – Мастер Торстен жалуется, что вы натравили на его людей пришлого разбойника. Требуется, чтобы вы отдали землю и дом, которые вам не принадлежат. Надо, чтобы вы показали бумаги и объяснились, особенно про разбойника. Мастер Гарольд обещает всё

уладить, если вы уступите ему коня за разумную цену.

– Мастер Гарольд хочет закончить жизнь в муках? – удивлённо хмыкнул Николас. – Ладно, схожу. Всё равно нужно представиться.

Он оделся потеплее, пока Эглаборг отыскивал купчую на землю и прочие документы.

Фритьоф проводил Николаса на луг, где летом пасся табун. Гарольд наблюдал, как несколько крепких мужиков выезжают молодняк по глубокому снегу. Бургомистр мало изменился за прошедшие годы, разве что стал шире в талии и заработал несколько седых прядей на голове, которые были мало заметны на фоне густой соломенной шевелюры.

В стороне мялись давешние верзилы под предводительством сухого человека в шубе из чернобурки. Его вытянутое лицо с мешками под глазами выглядело очень злым. Видимо, тот самый Торстен.

– Мастер Эглаборг прислал вместо себя «разбойника», – объявил Фритьоф.

Верзилы испуганно покосились на Николаса, Торстен сжал кулаки и заскрежетал зубами.

– Что ж вы, молодой человек, в чужие дела вмешиваетесь? – принялся отчитывать Гарольд, даже не потрудившись поднять взгляд на пришельца. – Понимаю, в вашем возрасте многие не терпят, когда трое на одного нападают. Но вначале попробуйте решить дело миром и, лишь если не получится, махайте кулаками. Вы ведь только хуже Эглаборгу сделали.

– Их было шестеро, – поправил Николас.

– Чужеземец наших бьёт! На нашей земле! Гоните его! – кричали верзилы.

– Но это моя земля, мой дом. На моё золото они позарились. Моего работника избивали. Сломали мою калитку, – Николас вручил бургомистру свои бумаги. – Разве я не имею права защищать своё имущество и людей? Тем более, на поселение сюда я отправлен официально. Компания «Норн» желает, чтобы я представлял её интересы в вашем городе. В ответ на вашу же просьбу прислать сюда искушённого в охоте на демонов человека.

Гарольд вскинул голову и округлил глаза.

– Морти, демоны меня подери! Как же ты вырос! И не узнать! – он обнял Охотника и встряхнул за плечи. – Почему же ты не представился?

– Не успел...

– Мастер Гарольд, смею напомнить, что личные привязанности... – перебил его Торстен.

– Ах ты, вымогатель несчастный! – разозлился бургомистр. – Чтоб калитку на место поставил!

– Да я сам справлюсь. Пускай лучше держатся подальше от Эглаборга, иначе я за себя не ручаюсь, – Николас сложил руки на груди, смиряя верзил грозным взглядом.

– Слышали?! – рявкнул Гарольд. – В следующий раз за нападение на служащих магистрата двойной штраф схлопочете. И ты, Торстен, уже их не выгородишь.

Презрительно сплюнув, тот убрался восвояси вместе со своими верзилами. Надо будет за ними присмотреть – грабители так просто не сдаются и обиду помнят долго.

– Потеше, ты ж ему ноги оторвёшь! – прикрикнул бургомистр на краснолицего парня.

Тот лупцевал тонкошеего жеребчика, заставляя бежать настильным галопом по сугробам.

– Не молчи же, Морти! Жаль, раньше не приехал. Я ж дочку замуж выдал. Мог бы на свадьбе погулять, чай, не чужой.

– Из Дюарля не отпускали, – сказал полуправду Николас. – Ваши прошения я получал

регулярно, но наши крючокотворы ни в какую не хотели отправлять сюда человека. Мол, край света, ничего интересного для Компании там нет. Сами-то из штаба выходить боятся и ничего о большом мире не знают. Каких трудов стоило их уговорить!

– Ох, Уна обрадуется, – бургомистр хитро ухмыльнулся. – Работы у нас всегда много. То табун ненниров, демонических лошадей, к городу слишком близко подбирается, то туалы с холмов безобразничают, то дрянь с океана приливом приносит.

– Кстати о неннирах, что это, мастер Гарольд? – Охотник указал на лохматого серого жеребца, которого с трудом удерживал самый крупный из всадников.

– Где? – залился краской бургомистр. – Ах, это! Кобыла из моего табуна полудемона нагуляла. Такой хорошенький, ладненький получился. Жалко его на бойню.

Жеребец высадил надоевшего ему всадника, победоносно гикнул и подбежал к Гарольду. Тот любовно провёл ладонью по косматой шерсти.

– Разве он не прелесть?

Николас отодвинулся от клацающей зубами морды. Тогда конь начал теревить губами кафтан бургомистра.

– Ничего, мы найдём тебе другого, лучшего наездника, – проворковал он, хлопая любимца по шее. – Твой эламский жеребец, чай, ещё строже будет? Что делать с ним собираешься? Мои парни в один голос кричат, что лучше неннир, чем он. Не уступишь мне, как производителя, а я тебе первого жеребёнка отдам.

– Нет, я справлюсь, как вы с этим... полукровкой.

Неннир снова оскалил зубы в его сторону, но чувствуя на плече руку хозяина, успокоился.

– Дяденька-дяденька! – дёрнул Николаса за штанину невысокий мальчик с взъерошенными тёмными волосами. – Вас мама зовёт!

– Эйс, не перебивай взрослых! – осадил его бургомистр. – Лейва моего дружок. Вместе по городу таскаются и бедокурят. Такие озорники, не знаю, что и делать. Хм... только его родителей я ни разу не видел.

Мальчишка по-лисьи щурил фиалковые глаза, а из-под смольных кудряшек на голове выглядывали острые уши.

– Поверьте, родители у него есть. Его мать моя давняя знакомая.

– Тогда я спокоен. Заходи в ратушу вечером. А то за три дня праздника у меня все кони застоялись. Видишь, что творят? Не оставить их никак. Фритьоф всё запишет, обговорим жалованье, условия... Чего там Компания хочет?

– С ними я всё улажу, – Николас помахал ему на прощание. – Передавайте привет жене и детям. Если что, вы знаете, где меня искать.

Один из наездников так резко развернул плечом молодого жеребчика, что тот едва не рухнул в снег.

– Эй, вы что там совсем спятили?! – гаркнул Гарольд.

Николас повернулся к маленькому туалу.

– Дяденька, вы туда сами идите, – Эйс махнул рукой в сторону заснеженных холмов позади дома бургомистра. – А я в порт побегу. Ух, и надерём мы с Лейвом задницы этим задиристым детям рыбаков! От моих снежков ещё никто не уходил!

Мальчишка помчался прочь так, что только пятки сверкали. И правда, пострелята-демонята. Как бы чего не натворили.

Ковыляя по сугробам, Николас поднялся на самый высокий холм. Среди сизых теней его

уже ждала Эйтайни. Она куталась в плащ, подбитый песцовым мехом. Такой роскоши позавидовал бы даже король Орлен. Её бледное лицо ничуть не постарело, а фиалковые глаза сияли необычайно ярко на зимнем солнце.

– Ваше величество, звали? – Николас склонил голову.

– Хотела поприветствовать, – ответила она мелодичным голосом и улыбнулась с очарованием фэйри. Тонкие пальцы коснулись его подбородка и приподняли голову. – Ты уезжал мальчишкой с горящим взором и гладкими щеками, а вернулся закалённым в боях воином с мертвецким холодом в глазах. Нижний мир гудит о том, что ты победил Аруина.

Слава всегда скакала впереди него.

– Владыка похитил моего друга. Надеюсь, вы не станете мстить ни мне, ни другим людям, – сказал Охотник веско, чтобы она поняла, что с ним шутки плохи.

– Мы с Аруином не были ни приятелями, ни союзниками. К тому же, после его кончины у меня прибавилось подданных, – Эйтайни указала рукой на подросткую гряду холмов вокруг. Николас заметил это впервые. Видно, они были покрыты туманным мороком. – Хотя в этом есть и недостатки. Переселенцы не похожи на нас и часто оспаривают мои решения. Но с твоей помощью мне удастся их обуздать. Тебя теперь все боятся.

Может, это и хорошо: демоны поостерегутся и перестанут угрожать людям. Вспоминая мучения Ноэля, Николас желал воскресить Аруина и снова разорвать его на ошмётки, на этот раз медленней, чтобы насладиться криками злобной твари.

– Хорошо, если вы не будете докучать людям и занимать их земли. Расширяйтесь лучше в Полночьгорье, – Охотник указал на северное плато.

Границы подхолмового царства уже подобралась слишком близко к городу.

– Нас становится так много, что скоро мы не сможем скрываться. Нам нужно жить в мире с вами, и с людьми тоже, – невозмутимо ответила Эйтайни. – Видел моего Эйсмунда?

– Да, пострелёнок знатный. Чую, много дел натворит, если уже не натворил, – не сдержал серьёзного настроения Николас.

– Весь в отца, – усмехнулась ворожея. – Ты сам-то в детстве меньше бедокурил, думаешь?

– Больше. Рад, что родители не догадывались и о половине моих выходок, иначе бы поседели раньше срока. Теперь им это уже не грозит.

Охотник с тоской обернулся в сторону океана. До родного острова отсюда рукой подать, но оказаться ближе к Каледонским горам вряд ли получится.

– Не тоскуй. Близкие всегда остаются с нами в наших сердцах. Я тоже осиротела рано и знаю, о чём говорю.

– Люди убили? – выгнул бровь Николас в подозрении.

– Нет, просто жизнь. А люди... Взгляни на моего Эйсмунда. Он так сдружился с человеческим мальчишкой, на которого его подменили. Они теперь неразлучны как братья-близнецы. И не скажешь, что один человек, а другой демон. Дети не обращают внимания на такие различия. Может, они правы. Надо жить в согласии и работать сообща. Но для этого я должна убедить своих сородичей, что не все люди – дикари с топорами и вилами. Ты сможешь?

– Предложение, конечно, заманчивое – прекратить войну, которая длится не одну тысячу лет. Но боюсь, я не силён ни в политике, ни в переговорах.

Вспомнилось, как Жерард и король Орлен обвиняли его в том, что он пытается узурпировать власть. Смешно, он никогда к ней не стремился.

– У тебя всё получится, если ты пожелаешь, – Эйтэини погладила его по щеке. – Ступай к людям. Я позову, когда понадобится помощь. И ты зови. Наши народы только выиграют от этого союза.

Подул ветер, в воздухе завихрилась снежная пелена и скрыла ворожею.

Охотник поспешил в город. Темнело стремительно.

===== Глава 42. Горести инистых великанов =====

1571 г. от заселения Мунгарда, Урсалия, Лапия

Следующие дни пролетели в хлопотах. Николас улаживал дела с бургомистром, составлял отчёты в Компанию о своём путешествии, планах и делах во вверенном ему городе.

Работа шла бы быстрее, если бы его не прерывали непрошенные гости. Навестили его все домочадцы бургомистра. Николас вручил им купленные в дороге подарки и поздравил розовощёкую Анку с замужеством.

Следом подтянулись соседи с угощениями. Они жаждали познакомиться и жаловались на мелкие беды, которые к демонам отношения не имели. А через пару дней люди начали приходить со всего города.

Николас попросил бургомистра устроить официальное представление у ратуши, где поведал о себе и Компании. С помощью сказки о пастухе, который ради шутки пугал односельчан криками «Волк!» и в результате остался без помощи, когда зверь действительно напал, Охотник уговорил бюргеров не беспокоить его по пустякам.

Когда высвободилось немного времени, Николас пригласил плотников осмотреть усадьбу. К лету хотелось построить флигель, где Эглаборг принимал бы больных, чтобы те не мешались в гостиной.

Вторая неделя в Урсалии подходила к концу. Охотник завтракал в столовой вместе с Эглаборгом, когда в дверь забарабанили так, словно случился пожар. В прихожую ворвались трое лесорубов. Длинные бороды обрамляли суровые лица, заиндевелые лисьи шапки были надвинуты на самые глаза, ладони в толстых рукавицах сжимали мощные топоры.

– За вами что, демоны гонятся? – спросил Николас.

Гости неловко переглянулись и одновременно стянули с себя шапки.

– Тролли! Жуткие тролли! Не пустили нас на мост Биворн, когда мы на вырубку шли. Съесть грозилась, вот-вот на город нападут! Спасайте, миленький!

Эглаборг поводит вокруг лесорубов руками, проверяя, нет ли на них проклятий, но ничего не обнаружил.

Тролли и никаких «подарочков» не оставили? Странно. Да и не питали они к человечине особой любви в отличие от своих более простоватых сородичей огров. Искусные колдуны, тролли если и попадались на глаза людей, то те мигом об этом забывали.

– Как они выглядели? – поинтересовался Николас.

– Как обычно... – ответил один лесоруб. – Огромные, как горы! Седые все и лохматые.

– В оленьих шкурах. На них были оленьи шкуры, – добавил второй.

– А запах? От них чем-нибудь пахло?

Лесорубы нахмурились и принялись обнюхивать себя.

– Не-не, ничем не пахло, – заключил третий.

– Понятно, что ничего не понятно, – хмыкнул Охотник.

– Но вы поможете? Во что нам это станет? – хором затараторили лесорубы. – У нас семьи большие, дети малые. Всех кормить надо. Не пустите по миру, а?

– Об оплате договаривайтесь с бургомистром. Он устанавливает пошлины. А к мосту не ходите, пока я не разрешу, иначе погубите весь город.

Оставив лесорубов на попечение Эглаборга, Николас поспешил наверх за оружием и тёплой одеждой.

Может, взять подарок Ноэля? Нет, проклятый клинок будет полезнее: бьёт мощнее и жаждет помочь советом.

Завернувшись в меховой плащ и нахлобучив на голову шапку, Охотник отправился в путь.

Сработанный в глубокой древности каменный мост Биворн был перекинут через глубокое ущелье всего в трёх милях от города. Здесь заканчивались людские владения и начиналось дикое Полночьгорье. Лишь охотники и лесорубы отваживались переходить на другую сторону. Но север вовсе не был необитаем: на труднодоступных склонах, в скрытых от людских глаз долинах жило множество демонических племён.

На подъезде к мосту запахло еловым дымом. В чистое морозное небо поднималась струйка дыма. У костра возле дороги сидело четверо свирепых великанов. Бледно-серая кожа не имела обычного для троллей зелёного оттенка. Не было у них и острых, торчащих из-под верхних губ клыков, как у огров.

Великаны грели руки на огне и сипло переговаривались. На снегу валялись сосновые палки, в то время как огры предпочитали шипастые дубовые палицы. Тролли же орудовали тонкими чёрными посохами с набалдашниками в виде козлиной головы, выкрашенной в красный цвет.

Демоны казались поглощёнными беседой, но услышав скрип снега под сапогами Охотника, схватились за палки.

– Пр-р-р-роваливай отсюда, – зарычал самый большой и волосатый из них, по всей видимости, старейшина. – А не то попадёшь к нам в котелок!

– Какой котелок? – Николас завертел головой в поисках означенной вещицы.

– Э, ну так это... он у наших товарищей, – стал оправдываться старейшина. – Они там, за горой. Скоро придут, так что уноси ноги подобру-поздорову!

– Мы злые тролли! Мы любим человечину! – поддакнул товарищ.

– Но тролли не едят людей, – поправил его самый молодой. – Это делают огры.

– Да тихо ты, – зашипел четвёртый подложный тролль. – Думаешь, он разбирается?

– Представьте себе! – оборвал их Охотник. Все четверо оторопело уставились на него. – Господа гримтурсы, давайте оставим ваше представление для пугливых лесорубов. Скажите лучше, что вы здесь делаете?

– Вы не видите? Это же он! Вечерний Всадник! – ахнул младший.

– Нет! Не может быть! – зашипели на него старшие.

– Если не верите, спросите у ворожеи Эйтайни, – подтвердил Николас. – Мы недавно заключили союз. Если желаете, можете присоединиться.

Великаны зашептались, косясь на Охотника с тревогой.

– Нет! – выкрикнул молодой гримтурс. – Он поможет! Я сам ему скажу!

– Кевельгар... – упрёкнул его старейшина, но молодой уже обернулся к Николасу.

– Чёрный дым накрыл наши пещеры и убил всех, кто не успел сбежать. Наше поселение пришлось перенести на южные отроги, близко к людским жилищам. Тут мы выставили сторожевой пост, чтобы не подпускать никого к нашему убежищу.

– Что за дым? – сдвинул брови Николас.

– Мы не знаем. Никогда с таким не сталкивались, – отозвался старейшина.

Остальные переглядывались так, что стало понятно – он врёт.

– Далеко до ваших пещер? – после короткого раздумья спросил Охотник.

– Часа три ходу, если напрямик, – ответил младший. – Я проведу!

– Кевельгар... – снова неодобрительно покачали головами остальные.

– Если мы будем сидеть сложа руки, дым доберётся сюда и всех уничтожит! Пускай хоть посмотрит. Я не стану показывать ничего тайного.

– Если что-то угрожает моим людям и... туалам, я должен увидеть это своими глазами, – поддержал его Николас.

Прежде, чем он успел опомниться, Кевельгар подхватил его и посадил себе на плечо. Остальные гримтурсы недовольно столпились у моста. Младший торопливым шагом направился по плато.

Удивительная скорость, аж дух захватывало! То расстояние, которое человек преодолевал бы несколько дней, они покрывали за час. Сидеть на плече у великана было немного тревожно, хотя Николас хорошо держал равновесие и не боялся высоты, да и привык передвигаться на самых неожиданных созданиях.

Мороз пробирал до костей. Величественные пики сверкали ледяными шапками. Из-под них проплешинами выглядывал серый камень, перерастая в вертикальные зубцы-скалы. Внизу полосами шумели хвойники: стройные корабельные сосны, опустившие лапки под тяжестью снежной шубы ели и сиротливо-голые лиственницы с заиндевелыми ветвями. Каскад сосул падая со скал в реку, чьё течение отчаянно сражалось против оков стужи.

Чем выше они поднимались, тем тяжелее становилось дышать: воздух делался вязким, а на грудь словно давил камень. Уши закладывало, голову стискивало клещами, из глаз лились слёзы и обжигали щёки.

В сумерках они прибыли к подножью Хольгорма в сердце Полночьгорья, где находился пещерный город гримтурсов. Огромная гора походила на замок со множеством высоких башен. Вытянутый вверх стрелой вход окаймляла отшлифованная полоса камня с выбитыми на ней угловатыми символами.

– Что вы утаили, Кевельгар? – спросил Николас, когда великан вошёл под каменные своды.

– Горы не желают открывать свои тайны чужакам. Но ты не чужак, ты – спаситель. Я расскажу тебе, что знаю, – вымолвил он задумчиво. – Я хронист, хранитель каменных летописей. В них записано всё, что было. Давным-давно этот дым едва не уничтожил мир. Но Небесный Повелитель сразил его и запечатал в ледяном лабиринте Нордхейма. Мы надеялись, что навсегда. Однако теперь он выбрался наружу и снова убивает.

– Предвечный Мрак? – догадался Николас.

От главного тоннеля, словно дыры в норикийском сыре, расходились галереи, соединяя сотни пещерных залов. Мощные, изрезанные причудливыми фигурками колонны поддерживали высокие своды.

Они остановились у северной галереи. Потолок удерживали на своих плечах две статуи бородатых исполинов в остроконечных шлемах-бацинетах, образуя арочный проход.

– Дальше... я боюсь, – гримтурс поставил Николаса на пол у своих ног.

Тот вопросительно выгнул бровь.

– Страх – не порок, особенно когда ты видел, как умирают твои собратья, – потупился

Кевельгар.

Николас зажжёт факел и, опасливо ступая по заледеневшему камню, двинулся в темноту переходов один. В стенах то и дело попадались ниши с настолько искусными скульптурами, что они казались живыми. Впереди слышался гул, как будто жужжал рой пчёл. Огромное распластанное на полу тело пришлось обходить, прижимаясь к стене. Гнилая плоть обнажила кости. Хорошо сохранились лишь седые волосы на обтянутом иссушенной кожей черепе. Интересно, отчего наступила смерть?

Шум превратился в гомон тысяч голосов, эхом отдававшийся в висках. Речь звучала все отчётливей.

«Чего желаешь?» – спрашивали одни.

«Свободу?» – предлагали вторые.

«Богатство?», – вмешивались третьи.

«Могущество?» – перебивали четвёртые.

«Покорись нам!» – призывали пятые.

«Отдай душу, стань частью нас», – хором пели шестые.

Повеяло злой аурой. Вспомнился шёпот Мрака в Волянцах, как чернильный спрут тянул щупальца к сердцу, сверкая кроваво-алыми глазами. И ещё темень, что поглотила икути. Его ярость и жажда мести были почти осязаемыми и испускали молнии на много миль вокруг. Сейчас же к ощущениям примешивался смрад мертвечины.

Николас положил руку на эфес меча.

«Это то, что я думаю?»

«Это Легион Мрака, – отозвался клинок. – Души тех, кто позарился на посулы Предвестников. Они подчиняются своим повелителям и питаются жизненными силами других созданий. Выедают их до последнего кусочка, как саранча. Остановить их можно, только уничтожив того, кто ими управляет».

И где искать этого Предвестника? В ледяном лабиринте Нордхейма?

«В Эскендерии, – напугал Безликий, показавшись у Николаса из-за спины. – Это Белый Палач. Похоже, он не поверил в твою смерть и решил проверить, бросив тебе вызов».

Тёмное облако выглянуло из прохода и превратилось в лицо Микаша Веломри. Глаза – алые провалы – уставились на Охотника. Воронкой распахнулся огромный рот.

«Комри-и-и-и! – хором зашептали голоса. – Убью! Разорву! Уничтожу!»

Облако помчалось на Николаса. Он высвободил клинок и выставил перед собой. Лезвие вспыхнуло фиолетовыми огнями и озарило нутро пещеры. Легион врезался в свет, как в преграду, заурчал зло, закричал от боли. Охотник замахнулся, гоня Мрак прочь от себя.

«Ух, трусливые создания! Помнят, как Небесный Повелитель бил их нещадно!» – разразился злорадным скрежетом клинок.

«Что же делать? – всполошился Николас. – Я не доберусь до Эскендерии до того, как Мрак нападёт на Урсалию. И вряд ли одолею Белого Палача так же легко, как Аруина. Но если я сдамся Мраку сейчас, разве он пощадит людей и демонов?»

«Отыщи меня! – Безликий тенью скопировал его стойку. – Отыщи скорее, и ты получишь ответы на все свои вопросы».

«Это ещё более невозможно!»

Николас атаковал Мрак резкими выпадами. Стоило острию коснуться черноты, как она вспыхнула искрами и опала. Мрак заверещал и отпрянул, будто обжёгшись. Боится! Может, удастся его прогнать?

Лезвие мерцало фиолетовыми огнями, сталь звенела в ушах, заглушая шёпот голосов. Чёрная дымка огрызалась смрадом и плевалась чёрными каплями, которые обращались в острые осколки. Охотник от плеча закручивал меч петлями, создавая непробиваемый вихрь из стали и воздуха.

Легион бежал по галереям вглубь горы. Тела grimтурсов попадались всё чаще. Николас добрался до развилки и задумался.

Он пойдёт на север – Мрак потечёт по западной галерее, на восток – повернёт к выходу. Враг слишком могуч, да и двигается намного быстрее. Хотя в этот раз надо прислушаться к словам Гвидиона: «От твоей смерти ничего не изменится. Отступи и попробуй с новыми силами и опытом».

Бросив последний взгляд на замершие в проходе щупальца, Николас повернул обратно. Один в поле не воин. Надо искать союзников.

Когда Николас выбрался из пещерного города, Кевельгар снова усадил его себе на плечо и понёс обратно в Урсалию. Холод пробирал до костей, зловеще завывал в расщелинах ветер. Охотник делился своими мыслями с grimтурсом.

– Надо просить помощи: у людей, у туатов. У всех, кто согласится. Мрак никого не пощадит. Мы спасёмся, только если возьмёмся за дело вместе. Твои собратья ведь хотят вернуть свой дом?

– Даже не знаю, что для них дороже: традиции и привычный уклад или выживание, – с печалью поделился Кевельгар. – Но если ворожея туатов замолвит за тебя словечко, то я попробую их уговорить.

У моста они расстались. Николас направился к вересковым холмам и, взойдя на самый высокий, позвал Эйтайни. Ждать пришлось с четверть часа, когда её силуэт показался в лунном свете.

– Эйсмунд разыскивал тебя весь день, а ты сам явился к ночи, – усмехнулась она, но, разглядев выражение его лица, посерьёзнела: – Совет старейшин и воинов назначен на завтра после заката. В Полночьгорье неспокойно.

– Как раз оттуда, – ответил Николас. – Вы что-нибудь слышали о Предвечном Мраке? Эйтайни кивнула.

– Он уже добрался до жилища grimтурсов в Хольгорме. Великаны бежали на юг.

– И ты не смог его прогнать? – встревожилась ворожея.

– Я не бог, а всего лишь человек. Одному мне не выстоять. Нужно собрать как можно больше воинов.

– Что ж, надеюсь, ты не ошибёшься.

Она подняла взгляд к сверкающим ярче алмазов звёздам, вознося молитву.

Николас оставил её и поспешил к бургомистру. Повезло, что Гарольд жил по соседству с туатами. В окнах не горели огни, на стук долго не отвечали – дом ещё спал. Когда Охотник уже отчаялся, послышались шаги и на пороге появился заспанный бургомистр с зажжённой свечкой в руке.

– Где пожар? До утра подождать не мог? Пару часов же всего осталось, – заспанно ворчал он.

Николас почал головой:

– Проход через мост временно закрыт. Пускай рубят лес на Спасительном хребте или севернее на отрогах Тролльих гор. Там безопаснее.

Бургомистр тут же взбодрился и заговорил куда более веско:

– И породы куда менее ценные. Лучшие корабельные сосны растут только в Полночьгорье. Там же добывают железную руду и уголь. Город будет терпеть убытки. Лесорубы говорят, что ты за Охотник, раз не можешь прогнать троллей.

– Если бы тролли...

– Что-то серьёзное? – нахмурился Гарольд.

– Надо собирать ополчение и ковать оружие. На кону не только деньги, но и жизнь.

Оставив бургомистра досыпать последние часы, Николас отправился домой. Эглаборг силой впихнул в него то ли поздний ужин, то ли ранний завтрак. Заглотив его на ходу, Охотник заперся у себя в кабинете, чтобы обдумать речь и план.

Стоит ли просить о подмоге в Компании? Вождь не то, что не поможет, а отзовет обратно. Можно обратиться к Ноэлю. Он примчится через день, притащит с собой за несколько ходок пару смельчаков вроде Жюльбера. Но толку от них?

Безликий отказался помогать ещё в Хольгорме. Значит, рассчитывать нужно только на себя и проклятый клинок.

Николас перебирал в голове все знания о тактике, которые получил в Дюарле. Перечитав скудные записи путешественников о Полночьгорье и Нордхейме, он измерил расстояние по картам. Сведений демонических племенах севера в книгах оказалось до скудного мало, о Легионе – и вовсе ни слова.

Что бы сделал великий Утренний Всадник на его месте? Разметал бы Мрак одной левой, не то, что его внук-слабак!

Дед умел составлять планы с подвохом и побеждал даже тогда, когда никто в него не верил. Вот бы унаследовать хоть каплю его хитрости!

Вспомнилось, как они с Ноэлем разыгрывали сражения Утреннего Всадника фигурками на карте. В первый день своего знакомства побратимы обсуждали легендарную битву при Кипящих скалах. Войско Сумеречников сильно уступало в количестве демонской рати. Дед приказал морочам создать множество иллюзий Утреннего Всадника и с помощью них загнал тварей в ловушку между скалами.

Демонов ослепил страх перед его грозной славой. Быть может, этот трюк сработает и сейчас? Ведь Мрак явно испугался звёздного клинка.

Уснул Николас прямо за столом и проснулся сильной помятый. А до заката оставался всего час. Собираться снова пришлось второпях. Для солидности Охотник накинул на плечи меховой плащ, а на пояс приладил проклятый клинок в украшенных самоцветами ножнах. Эглаборг после долгих мытарств всё-таки заплёл его короткие волосы в куцый пучок на затылке. Оставалось только натянуть начищенные до блеска сапоги.

– Ну, как? – спросил Николас.

– Ни дать ни взять маленький принц! – целитель поднял большой палец.

– Да ну тебя. Мне нужно произвести впечатление на толпу враждебных демонов.

– Вам хватит одного взгляда исподлобья, чтобы сразить всех наповал, – продолжал шутить Эглаборг.

Николас махнул на него рукой.

На улице Охотник надел на лицо маску и поспешил к холмам. Там его ждал Эйсмунд. Гладко причёсанный, в длинной шубе он выглядел уже не как городской босяк, а как всамделишный маленький принц. Величаво прошествовав к подножию самого большого

холма, Эйсмунд выставил вперёд руку и распахнул невесть откуда появившуюся дверь.

От входа глубоко под землю вела крутая винтовая лестница. Путь освещали россыпи зелёных кристаллов в пещерных стенах. После спуска тоннель разветвился муравьиными норами. По бокам находились двери, но Эйс двигался по центральному парадному ходу на северо-запад. Впереди показалась полукруглая каменная арка. За ней ощущалось множество аур туалетов и густой запах вереска.

Охотник первым вошёл в огромный зал. Зелёные кристаллы собирались в круглые светильники на потолке и тускло мерцали, отбрасывая тени на лица туалетов. Они заполнили дюжину ярусов трибун вдоль стен.

Невысокие и гибкие, как плакучие ивы, остроухие демоны выглядели ненамного крупнее своей миниатюрной королевы. Сквозь белую кожу едва не просвечивала сеточка вен. Большинство туалетов – темноволосые, с раскосыми глазами фиолетового и сиреневого оттенков, но встречались огненно-рыжие и зеленоглазые. Присутствовали даже беловолосые с золотыми глазами, как у Аруина – беженцы с Авалора. В их взглядах читалась настороженность и даже враждебность.

Фэйри не испытывали любви к людям. Более плодовитое племя вытесняло их отовсюду и загоняло на север, к Червоточине Нордхейма. Туаты слыли непревзойдёнными охотниками и колдунами, а в воинской удали с ними сравнились бы разве что Сумеречники древности. Но дети у фэйри рождались редко и зрелости достигали лишь к пятидесяти годам. Поэтому они пополняли свои ряды человеческими детьми.

Гвидион рассказывал, что Сумеречники порой договаривались с демонами мирным путём, служили связующим звеном между Дольним миром людей и Горним миром иных созданий, но Николас не предполагал, что ему самому доведётся заключить такой союз. Оставалось только уповать на поддержку Эйтайни. Интересно, насколько сильна её власть?

Ворожея стояла в середине окружённой трибунами сцены. Просторное, летящее платье из тонкого синего шёлка украшал серебристо-зелёный растительный орнамент. Волосы были заплетены во множество мелких косичек. На них сиял изумрудами золотой венец.

Охранял Эйтайни стройный мужчина, тонкий, как и все туаты, но мужественный. Более светлые, чем у ворожеи глаза, щурились и цепко оглядывали беженцев. Крепкая ладонь лежала на эфесе меча. Поза говорила о том, что туалет ждал нападения. Должно быть, это муж Эйтайни Асгрим, похититель детей. Почему на нём нет короны?

Эйсмунд подбежал к отцу и принялся что-то рассказывать, подпрыгивая на месте от возбуждения. Скривив угол рта в лукавой усмешке, Асгрим похлопал сына по макушке и указал на место в первом ряду. Тот замотал головой и вцепился в отцовскую ладонь. Эйтайни повернулась к ним и приказала что-то очень тихо. Эйсмунд отпустил отца и виновато подошёл к матери. Она погладила его по волосам и отправила на трибуны. На этот раз он пошёл без возражений.

Как только семейная сцена закончилась, Николас приблизился к Эйтайни.

– Насколько бы суров мой муж ни был со своими охотниками, сын вьёт из него верёвки.

Внутри защемило от воспоминаний о собственном отце. Жаль, что они проводили вместе так мало времени.

– Пожалуй, начнём, – объявила ворожея. – Я, королева туалетов Лапии, Эйтайни Ульмигриэль, дочь Ниама Мудрого, рада приветствовать сородичей из-за моря на нашем совете. Изначально я желала обсудить возможность союза с людьми. Их поселения расширяются, нас тоже становится больше. Долее мы не сможем скрываться и жить

особняком.

– Давно пора проучить зарвавшихся бородачей! – раздался нестройный хор голосов темноволосых туатов.

– Отберём у них земли! Выгоним обратно в Гундигард! – поддержали их светловолосые беженцы.

Асгрим крикнул так, что дрогнули стены:

– Тишина в зале! С вами изволит говорить ворожея!

Темноволосые застыли на своих местах, а вот беженцы продолжили роптать.

– Люди не так плохи, как вы думаете. Если бы мы узнали их поближе... – заговорила Эйтайни.

– Как узнал их владыка Аруин?! – злились беженцы. – Они полторы тысячи лет угнетали нас, убивали и загоняли под землю! И сделают нас рабами, если мы покажем слабинку. Вечерний Всадник никого не пощадит!

Николас сжал кулаки. Мало ему Лучезарных во главе с Белым Палачом, так ещё и фэйри из него безжалостное чудовище делают. Не убил бы он Аруина, если бы тот не похитил Ноэля и не угрожал уничтожить Дюарль!

– Но мы можем многое им предложить, поделиться своими знаниями. Они бы покупали у нас скот, дичь, пушнину, целебные травы, украшения и поделки. А мы у них – зерно, мёд, овощи и фрукты, железо и уголь.

– Фоморы продают нам достаточно рыбы, чтобы прокормиться. Железо и уголь можно выменять у цвергов. А тролли и так скупают у нас все травы. Нам не нужны подачки от длиннорылых! – завопили уже все туаты.

– Наши дети хотят играть под солнцем вместе с детьми людей, – привела последний довод Эйтайни.

– Это только ваш подменьш хочет! – выкрикнул златоглазый фэйри.

Асгрим вспыхнул, на высоких скулах заходили желваки. Одним прыжком он оказался у трибун и схватил беженца за шиворот.

– А ну ка, Иодвейд, повтори! Мой сын – не подменьш!

Трое темноволосых повисли на нём, пытаясь отодрать от златоглазого.

– Подменьш! – орал Иодвейд. – На что только надеялась ваша королева, выходя замуж за безродного оборванца? Что он станет ей опорой и подарит сильного наследника? Какая глупость! У неё нет мудрости её отца, она не сможет управлять нашим племенем!

То ли Асгрим вырвался, то ли его отпустили, но он снова накинулся на златоглазого и принялся его душить. Со всех сторон к ним спешили беженцы и темноволосые. Видно, каждый хотел поучаствовать за свою сторону.

Ну и союзнички!

Эйтайни метнула в Николааса умоляющий взгляд. Сдвинув маску набок, Охотник скинул капюшон и громко закашлялся.

Туаты воззрились на него с ужасом.

– Вечерний Всадник! Он пришёл нас убить! – завопили беженцы, темноволосые вели себя более спокойно. – Нас загнали в ловушку! Предатели!

– Успокойтесь! – тихий голос Эйтайни отразился от стен и многократно усилился. На этот раз её послушали и начали рассаживаться по местам, хотя Иодвейд всё ещё сверкал глазами на Асгрима. – Я действительно пригласила сюда Николааса Комри, более известного как Вечерний Всадник. Он станет посредником между нами и людьми.

– Я убиваю, только когда посягают на то, что мне дорого, как и всякий муж, чей долг – защита, – поддержал её Николас. – Аруин впустил в сердце Мрак и заслужил свою участь. Но если вы поведёте себя умнее, то я заключу с вами мир. Компанией «Норн» я уполномочен решать споры между людьми и прочими разумными существами. Сегодня я пришёл обсудить совместное будущее наших народов. Уверяю, ваши интересы не будут ущемлены.

– Чего стоят его слова?! – проворчал златоглазый.

– Многого. В его жилах течёт священная кровь. Если он нарушит клятву, то небо упадёт на головы его людей, – заявила Эйтайни.

Николас неуютно передёрнул плечами.

– Прошу называть меня Мортимером Стигсом и молчать о моём родстве с Утренним Всадником.

Ворожея кивнула:

– Мои чары свяжут уста моих подданных, – и снова обратилась к туатам: – В свете последних событий будничные заботы вроде торговли и родословных отходят на второй план. Гримтурсы принесли из Полночьгорья тревожные известия. В Нордхейме пробудился Предвечный Мрак. Он уже добрался до Хольгорма, убивая всё живое. Чтобы спасти наши земли, нужно объединиться с людьми и сражаться плечом к плечу.

Помятый Иодвейд поднялся и заговорил уже официально:

– Единственный, кто на нас нападает – это люди. Мрак нас не тронет, если мы заключим союз с его Предвестниками, как это сделал Аруин.

– Так где же они были, когда я его убил? – вызовом спросил Охотник. – Предвестники не знают, что такое честь, помогают, только пока им это выгодно и в любой момент могут от вас отвернуться. Люди гораздо ближе к вам, чем Мрак. Мы живём на одной земле, используем одни и те же её дары. Мы одинаково чувствуем холод и голод, горе и боль. И беды у нас тоже общие. То, с чем не справились мы сегодня, нападёт на вас завтра. Чтобы выстоять, мы должны объединиться.

– Я не готова полагаться на таких ненадёжных союзников, как Предвестники. Но если такова ваша воля, выберите другого правителя, – объявила Эйтайни.

Тут поднялся темноволосый туат. Он выглядел совсем юным, однако его лицо уже расчертила пара глубоких шрамов.

– Если Мрак заполонит Полночьгорье, мы потеряем охотничьи угодья, пастбища, пасеки, места сбора редких трав и станем полностью зависимы от фоморских торговцев рыбой и тюленьими шкурами. Мрак не обеспечит нас ни пропитанием, ни тёплой одеждой. Он точно так же отбирает наши земли и угнетает нас. Нет, хуже, потому что ничего живого за собой он не оставляет.

– Вы просто трусите! Аруин договорился с Предвестниками. Выдадим им Вечернего Всадника. Наверняка Мрак явился за ним.

Николас положил ладонь на рукоять меча и сжал её. Златоглазый ведь недалёк от истины. Быть может, и правда...

«А как же я? Не хочу к Предвестникам, нет!» – устыдил его меч.

– Кто из нас трус? Нельзя причинять вред гостю, который пришёл к нам с миром по нашей же просьбе! – выкрикнул Асгрим, спускаясь с трибун к жене. – Бельгейн хоть и молод, но уже стал лучшим из моих охотников, – он почтительно кивнул туалу. – Никто из наших соплеменников не приносил столько добычи, как он, никто не укротил столько ненниров. Ты, Иодвейд, гордящийся родством с Аруином, можешь похвастаться тем же? Что

полезного ты сделал если не для нашего народа, то хоть для своего в Астальшир Мур?

Златоглазый молчал.

– И это после того, как мы ответили на вашу мольбу и приняли вас, как братьев, – разочарованно махнул на него рукой Асгрим. – Прояви если не благодарность, то хоть благоразумие!

Иодвейд сел и потупился, его сородичи тоже присмирели. Темноволосые, и вовсе, не пытались оспаривать власть ворожей.

– В этом году мы так и не добрались до Заледенелого моря. Страх погнал нас прочь, бесплотные голоса сводили с ума, чёрные щупальца иссушали плоть и отбирали души у тех, кто не успевал укрыться, – продолжил Бельгейн, когда ему дали слово. – Наши запасы уже на исходе из-за неожиданного пополнения в наших рядах. Мы не знаем, как доживём до лета.

– Люди помогут вам с припасами, если вы выступите против Мрака вместе с нами. Ведь ваши охотники знают Полночьгорье даже лучше гримтурсов, – ответил Николас.

Гарольду это не понравится...

– Вы предлагаете отправить наших воинов на верную гибель и оставить дворец без защиты? Да и как вы хотите бороться с Мраком, если оружия против него нет? – снова вскинулся Иодвейд, но на этот раз гораздо менее спесиво.

– Оружие есть. Ваше излюбленное – хитрость и страх, – ответил Николас.

Эйтайни удивлённо глянула на него. Охотник развернул перед ними свой рисунок: войско с пламенеющими мечами гнало чёрную тучу к Заледенелому морю.

– Мой звёздный клинок – единственное, чего боится Мрак, – Николас выхватил меч из ножен, и тот вспыхнул фиолетовыми огнями. Туаты ахнули. – Но я один победить не в силах. Однако если создать иллюзию, что таких, как я, с такими же звёздными клинками – целая армия, то он устрашится и уберётся обратно в Нордхейм. Госпожа Эйтайни, способны ли ваши чары заставить сталь других мечей светиться так же? Сможете ли вы сделать других воинов похожими на меня?

Эйтайни долго водила ладонями вокруг лезвия. От оружия исходила волна враждебности. Закончив, ворожея повернулась к мужу и сделала вокруг него несколько пасов руками. Николас моргнул, и на месте Асгрима оказался человек, чьё лицо закрывала овальная маска, а на голову был накинута глубокий капюшон тёплого плаща. От меча в ножнах исходил фиолетовый свет.

– Самое сложное – поддерживать иллюзию на расстоянии. Но думаю, у меня получится зачаровать несколько кристаллов, – ворожея указала на светильник.

– Нам понадобится не меньше сотни. Желательно – больше, много больше, – ответил Николас.

– Сотня?! Ваше величество, Светлейшая пэри! – взмолился Иодвейд. – А если длиннородые нападут, пока наши воины будут в Полночьгорье, а вы истратите всю ворожбу на иллюзии?

– Длиннородые пойдут вместе с нами. И им тоже понадобятся кристаллы, – успокоил его Николас.

Повисло тяжёлое молчание. Туаты долго решали, что хуже: оставить свои дома незащищёнными или отправиться в поход вместе с лютыми врагами.

– Успех зависит от нашего числа, – пояснил Охотник. – Гримтурсы помогут нам быстро добраться до места. Если удастся найти других союзников, я буду только рад.

– Всё равно слабо верится в успех, – продолжил сомневаться Иодвейд. – Подобная тактика хороша только в коротких стычках. Рано или поздно Мрак вас раскроет и погубит.

– Если есть лучшие предложения, я готов их выслушать, – с вызовом заявил Николас.

Иодвейд потупился.

– Что ж, голосуем. Кто за? – заключила Эйтайни.

Все темноволосые и большинство беженцев подняли руки. Только несколько златоглазых ши во главе с Иодвейдом воздержались.

– А кто против, пойдёт к себе домой за Западное море. Пешком, – злорадно ухмыльнулся Асгрим.

Остальные фэйри тоже подняли руки.

– Единогласно, – объявил муж Эйтайни. – Выступаем, как только будут готовы кристаллы. Я возглавлю отряд, – шепнул он на ухо Николасу. – За сотню лет научился их в чувство приводить. Если будут вопросы, обращайся.

Николас вымученно улыбнулся и тихо попросил у ворожеи:

– Замолви за меня словечко перед гримтурсами. И если удастся договориться с фоморами, то у нас точно получится...

– Вряд ли. Они одиночки, слишком скрытные. Ещё упрямей нас, – покачала головой Эйтайни.

Придётся справляться с тем, что есть. Он и так получил больше, чем рассчитывал.

Асгрим проводил его к выходу, обсуждая будущий поход. Николас постепенно проникался к нему доверием.

Едва встало солнце, Охотник встретился с Бельгейном у холмов. Вместе они направились на заснеженное пастбище, где бургомистр наблюдал, как готовят к работе его коней.

– Так что с Полночьгорьем? Народ не очень-то хочет невесть за чем топать, – начал Гарольд по-деловому.

– Хорошо, скажу. Но вначале... этот смельчак согласился объездить вашего неннира.

Бургомистр с сомнением посмотрел на невысокого и хрупкого Бельгейна.

– Пусть пробует.

Туат взял узду и подошёл к серому коню, от которого другие наездники шарахались. Оскалив клыкастую морду, жеребец клацнул зубами по куртке Бельгейна. Тот увернулся и ударил кулаком по необъятному пузу. Конь испуганно выпучил глаза и махнул на туата задним копытом. Уйдя в бок, Бельгейн снова стукнул неннира по пузу.

Конь злобно надул ноздри. Туат поднёс к его голове узду, но тот задрал морду так высоко, что до неё было не достать. Отвязав повод, Бельгейн перекинул его через шею коня и притянул морду книзу. Одна ладонь легла на храп, вторая – нажала на край рта, где не было зубов. Неннир открыл пасть. Туда тут же просунулись удила, и мохнатые уши оказались в плену уздечки. Туат шепнул одно слово и запрыгнул на спину неннира без седла.

Жеребец тарачил глаза, ронял на грудь слюну, топотал, но сбрасывать всадника не смел, как будто его заколдовали. Бельгейн проехал пару кругов галопом, а потом перешёл на шаг, очень аккуратный и ровный, словно конь уже десять лет ходил под седлом.

– Ловкий малый, – присвистнул Гарольд. – Так много в горах этих... как его? Троллей!

– Это не они, а кое-что похуже. Предвечный Мрак. Большое чёрное облако. Оно уже добралось до середины нагорья, уничтожая всё на своём пути. Если мы ничего не предпримем, то до весны не доживём.

– Предвечный... чего?! Надо же, и такое бывает? – вытаращился бургомистр. – И что нам делать? Просить Компанию? Боюсь, на этот раз они точно не успеют, тем более...

– Я же говорил, вместе мы справимся. Нужны крепкие мужчины и провиант для похода в Полночьгорье. Я прослежу, чтобы все вернулись целыми и невредимыми.

– Ты хочешь оставить город без защиты? – повторил бургомистр слова Иодвейда. – А вдруг эти... из холмов нападут?

– Не беспокойтесь, они пойдут вместе с нами. Я уже обо всём условился.

– Нет! Они же демоны, жуткие, сумасшедшие, злокозненные. Им нельзя доверять!

Николас указал на неннира, который послушно поворачивал на рыси и даже пытался согнуться в шее:

– Он тоже демон.

– Всего-навсего конь. Вполне себе милый, – упрямо замотал головой Гарольд.

– Я не про него.

Бельгейн снял с головы бобровую шапку и помахал ею, лукаво улыбаясь. Из-под кудрявых чёрных волос выглядывали острые кончики ушей.

– Да ты что! – бургомистр несколько мгновений глотал ртом морозный воздух. – Я думал, они зелёные, вонючие и клыкастые.

– Так то – мерзкие тролли, а это – благородные подхолмовые туаты. Огромная разница! А ведь с ними пойдут ещё и гримтурсы, а может, и кто похлеще.

– По-другому никак? – безнадежно спросил Гарольд.

– По-другому нас поглотит Мрак.

– Что ж, ты взял меня за жабры, мой мальчик. Снова. Но людей уговаривать будешь сам.

===== Глава 43. Поход в Полночьгорье =====

1571 г. от заселения Мунгарда, Полночьгорье, Лапия

Сборы заняли неделю. Дольше всего пришлось убеждать людей. Впрочем, маявшиеся от безделья лесорубы и рудокопы согласны были хоть в Червоточину прыгнуть, лишь бы им

позволили вернуться на работу и семьи не голодали. К ним присоединились охотники, давно мечтавшие изведать Полночьгорье в поисках ценных мехов. Подтянулись скотоводы и строители, которым тоже захотелось урвать краюху пускай и дикой земли. Да и среди рыбаков отыскалось достаточно авантюристов.

С оружием вышло сложнее. Рудольф отдал все свои запасы. Кому не хватило мечей и копий, взяли косы и топоры. А вот за провиант Николас платил из своего кармана в складчину с бургомистром. Всё, что было в городе, они забрали себе. Чтобы остающиеся не голодали, нужно будет закупать муку и овощи у соседей втридорога. Но дело того стоило.

Гримтурсы доставят их до места, но дальше гнать Мрак удобнее на лошадях. Тут подсобили туаты. У них был целый табун одомашненных ненниров.

– Мы отлавливаем жеребят, когда им исполняется по полгода. Тогда их ещё можно приручить. Они гораздо лучше приспособлены к путешествиям по горам зимой. Смотри, какая шерсть густая, – рассказывал Бельгейн, глядя присмирившего жеребца бургомистра по шее. – И копыта назад развёрнуты, чтобы в снег не проваливаться. По отвесным кручам ненниры не хуже коз карабкаются и едят практически всё. Не нужно за собой овёс таскать.

Обоз с провиантом и лошадьми отправился в Полночьгорье загодя, пока в городе ещё собиралось ополчение.

Когда Эйтайни зарядила мешок кристаллов, настал день похода.

– Чар хватит на месяц-полтора. Всё, что я смогла сделать, – предупредила она, провожая их к мосту Биворн вместе с другими женщинами и детьми.

Люди и туаты смотрели друг на друга с подозрением, но когда к ним присоединились гримтурсы, оба племени поняли, что разница между ними не так уж велика. Особенно если учитывать размер.

Гиганты взяли по четверо воинов на каждое плечо, по двое в руки и отправились в путь.

Шёпот слышался, когда до Хольгорма оставалось с дюжину миль. Похоже, Мрак уже очухался и выбрался из пещерного города. Перед столкновением нужно сделать привал.

Гримтурсы поставили своих «наездников» на снег.

– Погонщики доберутся сюда завтра, – сообщил Асгрим.

– Тогда и выступим. Гримтурсы будут двигаться в тылу и помогут, если что. – Николас обратился ко всему отряду: – Сейчас главное, чтобы все научились сопротивляться голосам. Беруши бесполезны, потому что Мрак проникает в разум и сердце. Единственный щит от него – твёрдая воля. Вспомните, кто остался у вас за спиной: семьи, друзья, ваш светлый и гостеприимный город. Думайте о том, как хотите защитить их и вернуться, чтобы жить счастливо дальше. Никакие посулы Мрака не приведут вас домой, а лишь собьют с пути. Всё, что он предложит, обернётся горем. Слушайте мой голос, повторяйте мои слова. Пускай они заглушат шёпот Мрака в ваших сердцах. Возносите молитвы высокому небу, и пускай у нас всё получится.

– Всё получится! – хором воскликнули воины.

Охотник прижал палец к губам, напоминая, что надо вести себя тихо.

После ужина Бельгейн раздал всем зачарованные кристаллы, а Николас отозвал в сторонку Асгрима.

– Присматривай за отрядом. У меня нехорошее предчувствие, – он кивком указал на сторону людей на биваке. – Пойду в разведку. Припугну, чтобы завтра Мрак бежал от нас. Ждите моего сигнала.

Надев маску, Николас вытащил меч из ножен и отправился за скалу.

Клинок светил, как факел, поскрипывал снег под снегоступами, звенели в вышине звёзды, мороз колот щёки. Шёпот Мрака усиливался, подсказывая направление. Ауры на веках светились тонкими нитями. Час прошёл, прежде чем за очередным поворотом козьей тропы показались щупальца. Они были сотканы из тёмного тумана, более густого и плотного, чем ночь.

Мрак пировал над чахлыми соснами и тушей козерога. Чернильные кончики разделились на тонкие нити и метнулись в сторону незваного гостя. Шёпот набатом ударил по ушам, заставляя мысли путаться. Николас встряхнулся, будто скидывал с себя снег, и замахнулся. Протянутые к нему нити вспыхнули и оплавилась.

Мрак недовольно зашипел:

«Уничтожу! Не уйдёшь!»

– Я и не собирался, – криво усмехнулся Николас и атаковал.

Так же, как хозяин, меч жаждал битвы и не желал доставаться врагу. Чтобы не провалиться, не скользить и не оступаться на сыпучих камнях Охотник парил. Через рукоять в ладонь текла ярость, придавала сил и скорости. Рассекая щупальца с плеча, Николас перехватывал клинок за рикассо и колот остриём в самую гущу.

В горах ветроплав действовал особенно сильно, резерв восполнялся почти мгновенно. Когда чернильные нити хлестали в его сторону, Охотник улетал и нападал сверху.

Мрак дрогнул. Воя тревожно, жирная туша волнами потянулась обратно. Отогнав её подальше, Николас вернулся в лагерь. Нужно было поспать хотя бы несколько часов.

Когда немного просветлело, а солнце в зимние месяцы здесь почти не показывалось, из-за гряды на юге выехал табун ненниров. В первый бой решили брать туатов, более опытных и стойких, а людям дать время привыкнуть. Последние высказывали недовольство. Впрочем, когда они уселись на демонических коней, то заметно присмирели, боясь, что те скинут их в пропасть.

Николас повёл отряд туда, где ощущал присутствие Мрака. Воины надели кристаллы и обнажили оружие. Туаты прикрывали людей. Все стали похожи на Охотника, со звёздными клинками наголо, будто он расщепился на множество осколков и был сейчас в каждом из отряда.

Стряхнув наваждение, Николас подтолкнул своего неннира. Скакун нехотя потрусил по заваленной снегом тропе: хрипел натужно, в теле ощущались напряжение и страх. Но с обычными лошадьми было бы и того хуже. Жаль, Харысай пока не готов. Интересно, выросли ли у него крылья?

Посреди жидких сумерек вскинулся сгусток черноты, накрывшей склон. Распахнулись тысячи алых глаз, на всё небо разверзлась пасть и взревела.

Лошади попятнулись. Люди в задних рядах заметались в панике.

Николас засадил пятки в конские бока. Неннир сорвался в тяжёлый галоп. Выхватив меч, Охотник с гиканьем помчался на врага. Мрак нацелил щупальца в неннира. Чёрные нити врезались в ветроцит. Задрожал, зазвенел морозный воздух. Словно поджигаемый мечом, ветроцит тоже вспыхнул фиолетовыми огнями. Николас рассёк клинком ближнее щупальце. Запахло гарью, из Мрака посыпались искры и пепел. Ожёгшись ещё несколько раз, Легион завизжал и волнами помчался прочь.

Приложив к губам сигнальный рожок, Охотник издал гудок к атаке. Воодушевлённые его победой, воины погнали ненниров вперёд, а кто ещё боялся, не мог удержать демонических лошадей от общего порыва. Фиолетовые огни мерцали вокруг отряда. Мрак

верещал всё испуганней и спешил на север, оставляя за собой только снег и мёртвые камни.

К вечеру отряд добрался до пещерного города и встал лагерем, дожидаясь, пока по их следам подтянутся остальные верхом на гримтурсах. Выставив часовых из не ездивших в атаку воинов, они улеглись спать, а с рассветом вступили в город.

Ещё в Урсалии гримтурсы обеспечили Николаса подробной картой Полночьгорья и его пещер, а туалы – тундры, которая примыкала к Заледенелому морю. Жаль, заручиться поддержкой фоморов не вышло.

Охотник отправил туалы парами перекрыть все выходы из пещер кроме того, что вёл на север. Снаружи Мрак гнала оставшаяся часть отряда. Когда Легион уберётся из Хольгорма, воины соединятся у северного выхода и перекроют его.

Николас снова первым наступал на сгустки Мрака, затаившиеся в глубине тоннелей. Враг не должен сомневаться, что остальные в масках и с полыхающими мечами – так же опасны.

Легион огрызнулся когтистыми щупальцами, но снова обжётся о ветрощит и звёздную сталь. Николай сёк его всё яростней, мстя за погибших гримтурсов. Мучаясь от боли, Мрак обратился в бегство. Он уже не нападал, хоть и шипел на разные голоса так, что голову стягивало тисками.

В этот день им удача сопутствовала – всё прошло по плану. К вечеру гримтурсы праздновали освобождение города. Они топили в котелках на кострах снег и напивались талой водой. Оказалось, что от неё можно захмелеть.

Лёгкий успех настораживал. Слабо верилось, что злокозненный Мрак сдастся, не устроив подлость.

Утром воины хотели продолжить веселье. Гримтурсы предостерегали, что выпало много снега и возможны сходы лавин.

Но Николай оставался непреклонен:

– Нельзя расслабляться, пока враг рядом. Если разгадает нашу хитрость, нам конец. Вы ведь хотите вернуться домой?

Только после этого они согласились выступить в атаку. Отряд разделился на маленькие группы, чтобы не позволить Мраку просочиться сквозь заслон. Переговаривались воины звуками горнов. Гримтурсы караулили на случай опасности.

Крошился колкий наст, скрипел снег под копытами. Сосульки покрывали шарфы и края капюшонов. Николай нёсся в сердце чёрной тучи, ветроплав молниями сверкал вокруг него, будто весенняя гроза начиналась посреди зимы.

Бои шли уже вторую неделю, все порядочно устали. Многие брали передышки, меняясь по жребью. Охотник же не позволял себе такой роскоши ипил приготовленный Эглаборгом «бодробой».

– Не злоупотребляйте, – говорил на прощание целитель. – Только на крайний случай. Ни отдых, ни сон это зелье не заменит.

Так-то оно так, но с каждым днём опасность становилась всё ощутимее, а победа казалась недостижимой несмотря на то, что Мрак отступал. Однажды со стороны правого фланга раздалось три коротких гудка – сигнал тревоги. Николай поспешил на подмогу.

Мрак шептал настолько навязчиво-монотонно, что кружилась голова. Мерцающей пёстрыми цветами лестницей в небе вырисовалась Червоточина. Ближние воины с остекленевшими взглядами помчались в распахнутую бездонную пасть.

Асгрим, Бельгейн и Рудольф гнали отряд наперерез зачарованным. В воздухе свистели арканы. Они стягивались вокруг плеч обезумевших, и те падали в снег. Николас заградил путь ветрощитом.

Басовитым эхом пророкотало предупреждение grimтурсов. Лавина!

– В укрытие! – Охотник затрубил к отступлению.

Воины бросились под скальные выступы, в выемки, в пещеры, закрывая лица шарфами. Николас снова заслонял их ветрощитом, растягивая его, насколько было возможно. Отчаяние придавало сил.

Рева обезумевшей волчицей, с вершин летели снежные клубы. Они разрастались вперёд и в небо – снежная пыль подлетала во все стороны.

Лавина волокла за собой камни и опрокидывала иссушенные Мраком деревья. К вжимавшимся в скалы воинам будто протягивались белые руки, опаляла холодом. Комки снега барабанили по щиту. Вздываясь вверх, сквозь воздушную преграду просачивалась ледяная крошка. Она набивалась в рот и нос, залепляла глаза, сыпалась за пазуху.

Чуть-чуть бы продержаться. Воины смотрели на предводителя испуганно. Из носа текло, колени дрожали, мышцы натягивались в струну, внутренний резерв истощался до предела.

Пару тягостных мгновений, и лавина прошла, оставив за собой горы взрыхлённого снега.

Николас рухнул на колени. В глазах темнело, глухота сдавливала уши.

Воины несмело выглядывали из укрытий и собирались на ночлег. Охотника подняли под руки и повели к месту отдыха.

– Скольких потеряли? – спросил Николас у Асгрима, когда пришёл в себя у костра, закутанный в тёплые одеяла.

– Четверых утянул Мрак, трое не успели укрыться от лавины. Их тела уже откопали, но... – туалет отвёл взгляд. – Парни роют могилы.

Николас прикрыл лицо руками. Асгрим подсел ближе и вручил ему миску с горячей похлёбкой.

– В первый раз воинов теряешь?

– Нет. Но каждый раз надеюсь, что обойдётся без этого, – нехотя ответил Охотник.

– А лет-то тебе сколько?

– Двадцать три.

– У нас в этом возрасте только-только к охоте допускают под присмотром старших.

– Тем, кто родился после войны, взрослеть пришлось быстро, чтобы занять место павших воинов. Я справлюсь. Должен справиться, пока не появится мой преемник.

– А если его не будет? В легендах говорится, что Вечерний Всадник – предвестник конца.

– Значит, появится кто-то другой. Застывшее время двинется вперёд, река вновь наполнит русло и потечёт к океану. А я, наконец, отдохну, – усмехнулся Николас невесело. – Ветер дует с запада. Завтра будет пурга. Придётся снова искать укрытие.

– Раз ты сам так говоришь. Но боюсь, тебе понадобится более продолжительный отдых, – примирительно ответил Асгрим. – Пойду передам приказ остальным.

Охотник оказался прав. Не успели они укрыться в ущелье, как начался буран. Густые хлопья кружили в воздухе, стонал ветер, заглушая даже шёпот Мрака и навевая тревожные сны. На следующий день снова слышались отголоски лавин. В лагере разговаривали мало:

первые потери поубавили боевого настроения, хотя Охотник старался поднять дух рассказами о подвигах Сумеречников.

На второй день непогода немного унялась. Асгрим выбрался в разведку вместе с небольшим отрядом туатов. К вечеру он вернулся, докладывая, что Мрак остановил бегство.

– Завтра надо атаковать, иначе нас накроет. Позволь мне повести наступление, ты ещё слишком слаб.

– Но Мрак уже убил четверых. Вполне возможно, он догадался о нашей хитрости и не будет уже таким трусливым. Если нападёт, вы не отобьётесь, – покачал головой Николас.

– Придётся рискнуть.

Охотник не стал перечить. Он старался восстановить резерв как можно быстрее, но чтобы биться хотя бы вполсилы, требовалось ещё пару дней.

Тусклым сумеречным утром с Асгримом пошли туаты и добровольцы из людей, которые показали себя самыми смелыми и стойкими. Дождаясь их, Николас перепробовал все техники. В следующий раз он воинов не отпустит. Как в глаза их близким смотреть, если что-то случится?

Вернулся отряд в кромешной тьме. Оставшиеся ждать на биваке уже проглядели в ночь глаза.

– Отогнали подальше от лагеря, – бодро сообщил Асгрим, хотя вид у воинов был изнурённый. – Двое ушли. Боюсь, они намеревались это сделать ещё с прошлого раза.

Николас отрешённо уставился в огонь. Надо торопиться, иначе действие кристаллов ослабнет.

– Сколько переходов до заледенелого моря?

– Полторы недели, если без задержек, – ответил Асгрим.

На следующий день они снова двинулись в путь. Напоровшись на звёздный клинок, Мрак бежал. Воины двигались куда более решительно. Либо он, либо они.

На северных отрогах всё чаще попадались следы огромных лап. В предгорьях повстречался табун диких ненниров. Мелкие похожие на песцов мердабады выскакивали из-под копыт, вдалеке мелькали силуэты косматых йети. Жизнь возвращалась в Полночьгорье вместе с отступлением Мрака. Впрочем, восстанавливаться природе придётся долго.

В тундре воинство растянулось цепочкой, чтобы покрыть как можно большее расстояние и не дать Мраку просочиться обратно.

Были ещё потери: от лавин, от обморожений и падений. Поддавались на предательский шёпот утомлённые до смерти люди и туаты. Хоронить их приходилось тут же, в снегу и льдах. Чем ближе отряд подбирался к Заледенелому морю, тем яростнее огрызался Мрак.

К началу весны показалась кромка расходящегося лучами льда с застывшими волнами-торосами. Наконец, выглянуло солнце, день стал настоящим, а не едва просветлевшими сумерками. Отчётливее слышался грохот. Измождённые ненниры неуклюже ступали по скользкой поверхности. Верхом отряд преодолел не больше двух-трёх миль, когда лёд затрещал. Пару миль воины пешком уводили Мрак в Нордхейм.

– Поворачиваем! – крикнул Асгрим. – Тёплое течение истончило лёд настолько, что дальше мы утонем.

– Ступайте! – отдал приказ Николас. – Я припугну его, чтобы надолго запомнил.

– погоди! Ты же рассчитывал на это с самого начала! – предводитель туатов хлопнул себя по лбу.

– Я благодарен вам за помощь, но дальше должен действовать сам. Смотри, как Мрак

скалится. Без боя он не сдастся.

– Но ты погибнешь!

– Не говори так, пока я жив. Уводи всех. Вели не оглядываться, иначе Мрак превратит их в соляные столбы. Подождёте меня на берегу. Если через три дня я не вернусь, уходите. Если увидите, что Мрак приближается, уносите ноги.

– Знаешь, что жена сказала мне перед уходом? Что ты безумен, но в этом твоя сила. Надеюсь, она права, потому что с большим безумием, чем сейчас, я не сталкивался.

– Не прощайся со мной, воин из-под холмов. Мы обязательно ещё встретимся.

Войско нехотя разворачивалось. Никто не смел смотреть назад. Видно, Асгрим хорошо их припугнул.

Николас сбросил с себя плащ и кафтан, оставшись в рубашке матушки Умай. Под белые перья холод не проникал.

«Я знаю, почему ты не уничтожил отряд, хотя давно догадался о нашей хитрости. Заманивал в ловушку? Так нападай, я готов к последней битве!»

Словно услышав его мысли, Мрак протянул к нему острые щупальца. Голоса наседали всё неистовей.

Фиолетовый клинок со свистом рассёк воздух, обрубая ближние пики. Враг атаковал снова и снова, каждый раз всё более остервенело. Тени окружали. По телу пробежала дрожь, как во время битвы с Аруином. Кожа горела, рвались мышцы, ломались кости.

Николас двигался так быстро, словно стал ветром, бушующим и безудержным. Мрак свернулся клубком и чёрным туманом пополз к берегу Нордхейма.

Расставив руки в стороны, Охотник подпрыгнул. За спиной распахнулись крылья. Отталкиваясь от воздуха мощными взмахами, Николас взмыл в сумеречное небо. Мороз щипал кожу, но в жилах словно текла раскалённая лава и обогревала его. Самая первая встреча вела его к этому. Надо ударить сверху в самое сердце и оставить во Мраке такую рану, чтобы тот зализывал её ещё полторы тысячи лет и носу не казал из своей темницы.

Стремительно набирая высоту, Николас двигался к северу. Оказаться бы посередине чёрного пятна, а потом рухнуть на него коршуном.

Очертания тучи внизу складывались в знакомое лицо. Лицо Белого Палача. Алые глаза полыхали ненавистью. Рот распахивался бездонным провалом. Вверх устремился язык. Шепчущие голоса замолкали, звучал лишь один, хриплый, зловещий:

«Убью! Не уйдёшь!»

Николас выставил перед собой клинок и упал с такой скоростью, что заложило уши и из глаз хлынули слёзы. Мрак мчал навстречу, словно вознамерился уничтожить, чего бы это ни стоило, как если бы им управлял не знающий ни страха, ни сомнений, ни угрызений совести Белый Палач.

Язык Мрака замахнулся, чтобы смести. Охотник пронзил его мечом. Вспыхнул и осыпался купол искр. За ним ещё и ещё: языки, нити, ленты, пики. Кружа вокруг своей оси, Николас отражал атаки со всех сторон. Меч слился в шар фиолетового огня, куда бился Мрак.

В вихревом полёте, в неистовой пляске меча Охотник не заметил, как чернота накрыла его. Сверху, снизу, со всех сторон, хоть и Мрак и не мог пробраться в огненный шар. Пробить бы ветроплавом брешь, но на месте ожогов появлялись новые тени.

Как же много этой безжалостной тёмной стихии! Сколько ни круши, вред едва заметен. Никак не выбраться. Неужели гостеприимную Урсалию не спасти?

– Ты никогда этого не мог, – злорадствовал Белый Палач.

За огненным шаром багровый ореол обрисовал посреди неплотного Мрака мощную фигуру Микаша.

Мышцы гудели, пот застилал глаза, дыхание сбивалось. Руки двигались медленней, крылья взмахивали из последних сил. Сколько Николас так барахтался: час, день или два?

Последние потуги, и ослабевшая рука опустила меч. Крылья истлели и разлетелись снежными хлопьями. Ноги не держали. Подогнув колени, Охотник парил в мрачной невесомости.

– Уже выдохся? – издевался Белый Палач. – Больно ты прыткий для мертвеца.

– Я всё слышал. Про ключ. Я нужен тебе живым, – натужно выдыхал Николас каждое слово.

Мрак набивался в ноздри пеплом и душил.

– Ты нужен богам, которые навязывают нам своим правила. А я лишь хочу увидеть твои страдания. Чтобы ты мучился, как мучился я. Чтобы ты познал всю глубину той боли, что причинил мне.

– В прошлой жизни? Но я не помню её!

– Всё ты помнишь. Тебе нравится притворяться, прятаться за этой дурацкой маской.

Белый Палач сорвал её с лица Николаса и разломал на мелкие осколки. Тот отшатнулся, ощущая себя тошнотворно уязвимым. Обычным неударённым человеком!

– Ты слаб. Пока ты отрицаешь себя, тебе не победить. Как жаль, что мой единственный враг оказался настолько ничтожен, – с горечью заметил Палач. – Но у меня есть кое-что твоё, кое-что, что тебе очень дорого. Как думаешь, сможет оно поднять тебя с колен и распалить былой огонь?

Герда? Неужели Лучезарные добрались и до неё? Добрались, потому что он ничего не сделал, чтобы уберечь её от ядовитых осколков!

Неужели маленькая девчушка, которая верила в него так самозабвенно и трогательно, стала бездушным чудовищем с мёртвыми разноцветными глазами? Чистоту и тепло сменила жажда мести и ненависть ко всему живому. Веточка вереска в её пальцах осыпалась трухой, как прежде маска в руках Палача.

Это Герда произносила приговор и подводила Николаса к эшафоту, она подносила факел к его костру, улыбаясь злорадно.

«Предатель! Клятвопреступник! Сколько обещаний ты давал и не выполнял».

«Нет! Я постараюсь. Выполнить хотя бы часть».

Охотник достал из-за пазухи медальон с горлицей. Единственная действенная защита. Мягкие прикосновения вилии на плечах возвратили надежду.

Шептал, перекрывая Мрак, нежный голос:

«Я никогда на тебя не обижалась. Прости же сам! Перестань мучиться! Нельзя отрицать себя вечно».

Николас без страха заглянул в лицо Палачу:

– У меня тоже есть кое-что твоё. Может, обменяемся и будем квиты?

Он протянул врагу распахнутый медальон. Фиолетовый луч сорвался с проклятого клинка и обрисовал хрустальный гроб, в котором Норну выставляли, как трофей. Обманутые Жерардом люди подходили к ней и целовали мощи, надеясь получить награду.

Судорожно выдохнув, Палач рванулся к жене.

– Не такие уж мы и разные, – хмыкнул Охотник.

– Тва-а-арь! – зарывчав, Микаш выхватил меч и бросился на Николаса.

Собравшись силами, он выставил клинок для защиты. Удар, ещё удар. Скрежет. Посыпались искры.

Получалось только отбивать выпады и увёртываться – на атаки не хватало скорости. Усталость брала своё. Долго этот бой не продлится. Мрак цеплялся за Николаса, утягивал, как в трясину, топил, заставляя захлёбываться гарью.

Палач и вправду хорош, в других обстоятельствах этот поединок стал бы лучшим. Но теперь впереди лишь смерть. Стылый туман Тихого берега щекотал затылок, скрипели уключины утлой лодчонки паромщика.

Или нет? Так, кажется, стонут киты, когда зовут родственника.

– Мы будем жить! Слышишь? Мы ещё поборемся! – отозвался голос из детских воспоминаний. У берегов Авалора фомор так же сражался с косатками и тонул в безнадежности. – Мы всем покажем, кто тут хозяин!

Затрещал лёд, всплеснулась вода. Холодные солёные брызги окатили с ног до головы. Пронзая Мрак, из Заледенелого моря выпрыгнул огромный белый кашалот. Тени визжали и вспыхивали, соприкасаясь со светящимся телом.

Охотник протянул к нему руки. Стоило коснуться гладкой китовой шкуры, как в стороны разошлись мощные волны. Дети воды и ветра, они сметали Мрак, очищая мир от Полночьгорья до самого Нордхейма.

Над головой показалось тёмное небо с необычайно яркими звёздами, полная луна подмигнула ласково. Внизу бушевало ледоходом море. Впереди пульсировала разноцветными огнями Червоточина. Морозный воздух будто пел ей в такт, ликуя.

Эйфория прошла, и Николас осознал, что падает. Падает прямоком в пасть кашалота. Мощная челюсть сомкнулась над ним, окунув в кромешную тьму.

1573 г. от заселения Мунгарда, Эскендерия, Священная империя

Микаш резко наклонился и выдохнул, просыпаясь от транса в своём кабинете. Вспыхнув, полотно Мрака опало пеплом.

Трюдо проворчал:

– Наши запасы Мрака уничтожены! И чего ты добился?!

– Мы узнали, что лорд Комри жив и нашёл сильного союзника, – невозмутимо ответил Палач, поднимаясь с пола. – Всё идёт по плану. Эту взбучку он запомнит надолго.

Собеседник недовольно сложил руки на груди:

– Что дальше? Направим войска в Лапию? Пока мы доберёмся до него, весь срок выйдет.

– Велика честь. Пускай сам за нами бегаёт, – отмахнулся Микаш. – Выманить его не так уж сложно, достаточно показать нечто, что привлечёт его внимание.

– Хочешь, чтобы мы разыскали твоего сына в Белоземье? – недоумённо нахмурился Трюдо.

– Нет, милостивый Мрак, когда же вы уясните, что он бесполезен и оставите его в покое? – потерял самообладание Палач. – Не надо никуда ехать. У нас уже есть всё, что потребуется.

Позвав дежурившего в коридоре посыльного, Микаш отдал короткий приказ.

Через четверть часа на пороге кабинета появился заспанный светловолосый парень.

– Вы хотели меня видеть, Ваше превосходительство? – спросил он смиренно.

– Да, Олаф, мой мальчик. Слышал, тебе нездоровилось последние дни, – участливо заговорил Палач.

Трюдо наблюдал за ними из тёмного угла.

– Вас, правда, интересуют мои тревожные сны? Иногда я скучаю по младшему брату, только и всего. Он был неударенный, и нас разлучили в детстве. Порой мне снится, будто он зовёт меня на помощь, а я никак не могу до него добраться. Не думаю, что это что-то серьёзное.

– Ты, конечно, прав, – Микаш отвернул голову, скрывая торжествующую ухмылку. – А как учёба? Слышал, ты блестяще сдал испытания на звание судьи.

– Вы же знаете, как я хотел помогать людям. Все жаждут справедливости. Я подал прошение, чтобы меня назначили разбирать дела в Тегарпони. Там как раз освобождается место. Из-за этого вы меня вызвали?

– Ты удивительно проницателен, мой мальчик. Но почему ты решил, что твои таланты не достойны более высокой должности?

Вздыхнув, Олаф отвёл взгляд. Видимо, готовился к этому разговору.

– Не всё же мне быть вашим помощником. Хочу добиться успеха сам, понимаете?

– Угу, считаешь, что уже достаточно созрел, – кивнул Микаш. – Что ж, все родители через это проходят. Я должен отпустить тебя в большой мир.

Олаф улыбнулся, не веря своему счастью:

– Я вас не посрамлю! Как только наберусь опыта, переведусь в более значимое место...

– Нет, – оборвал его Микаш. – Для тебя есть работа важнее, чем разбирать кляузы горожан в захолустье. Магистр Трюдо уже достиг почтенного возраста. Ему трудно справляться со своими делами в одиночку, тем более, в таком беспокойном месте, как старовечерский Авалор. Совет ордена решил назначить ему преемника, молодого, энергичного, талантливое и старательного. Того, кому мы бы полностью доверяли. Лучше тебя никого нет.

– Преемника? – вскинул брови Олаф. – Но ведь это не то же, что помощник, который разбирает бумаги и исполняет поручения. Такая ответственность! У меня нет опыта в управлении людьми, нет влияния в ордене и... Я не проходил ритуал просветления.

– Всё приложится. Ты же не завтра плащ Магистра примешь. Трюдо введёт тебя в курс дела, будет следить и подсказывать, если возникнут трудности. Я верю, что всё получится, – легкомысленно отвечал Микаш. – А ритуал мы проведём по всем правилам чуть позже, когда ты будешь готов. Подумай, судьёй ты улучшишь жизнь одного города, а если станешь Магистром, то будешь влиять на политику не только на Авалоре, но и по всему Мунгарду. И ещё... ты сможешь разыскать брата.

– Но ведь... – Олаф ошарашенно шевелил губами. – Не в правилах ордена поддерживать родственные связи, особенно с неударенными.

– Когда же ты поймёшь? У кого в руках власть, тот правила и устанавливает. Только от нас зависит, насколько они будут справедливыми. Не обязательно отвечать сейчас. Ты же умный мальчик, чем больше будешь размышлять о нашем предложении, тем больше преимуществ увидишь. Ступай! И не забывай, я в тебя верю.

Слабо улыбнувшись, Олаф откланялся.

– Я, конечно, всё понимаю, – недовольно заговорил Трюдо. – Даже то, что это не попытка меня сместить, а подготовка к Часу Возрождения. Но... зачем ты поддерживаешь в нём привязанность к брату?

– Друг мой, похоже ты невнимательно читал его дело, – улыбка Микаша вышла похожей на оскал. – Его забрали из родительского дома, когда ему и года не исполнилось. Никаких братьев у него не было, по крайней мере, в этом воплощении.

– Ты думаешь?.. – поражённо ахнул Трюдо.

– Лучшей приманки для Вечернего Всадника не сыскать. Он сам отдастся нам в руки, вот увидишь, мой друг, вот увидишь...

1573 г. от заселения Мунгарда, Урсалия, Лапия

Среди ночи кто-то громко постучал в дверь. Эглаборг запалил свечу и пошёл открывать лишь потому, что ждал известий о мастере Стигсе.

Если в такое время, значит, что-то срочное. Сердце тревожно ёкало. Хоть бы не погиб! А остальное решится.

За дверью ощущались нечеловеческие ауры. Впрочем, Охотник предупреждал, какие у него союзники.

– Отпирайте! Ему нужно в тепло! – донёсся с улицы звонкий женский голос.

Отодвинув засов, Эглаборг толкнул дверь. Туаты на носилках внесли мастера Стигса внутрь. Он выглядел неподвижным, как мертвец.

– Что случилось? – спросил целитель у возглавлявшей отряд женщины. – Снова летаргия?

Она кивком велела остальным уйти.

– Битва с Мраком отняла много сил. Ему пришлось зачерпнуть лишнего.

– Но ведь... он придёт в себя?

– Через некоторое время. Но если продолжит в том же духе... – туата покачала головой.

– Но это же не болезнь дара, – высказал свою тревогу Эглаборг. Может, хоть эта нечеловеческая женщина его поймёт. – Я изучал её везде, где появлялась возможность, спрашивал других целителей, читал книги, даже наблюдал несколько случаев. Больные становятся вялыми, их глаза тускнеют, тело ослабеваает, мышцы дрябнут, и контроль над даром пропадает постепенно. У мастера Стигса таких симптомов нет!

– Вы правы. Это болезнь души. Вылечить её сможет только он сам, когда перестанет бояться и ступит за грань, по которой блуждает в летаргии.

– Неужели ему никак нельзя помочь?

– Можно. Ему нужен стимул, который сделает его сильнее и заставит бороться.

Туата подошла к альбому, который Охотник перед отъездом оставил на столе в гостиной, а Эглаборг не решился убрать.

Среди рисунков демонов она отыскала портрет дочки лесника из Волынцов. Мастер Стигс рисовал Герду так часто, что это казалось наваждением, но он сам всё отрицал и даже злился, когда спрашивали.

– Ему нужно то же, что и раньше, – туата ткнула пальцем в портрет. – Она растопит лёд в его глазах и сердце. Она излечит его душу и вернёт утраченную целостность. Ради неё, единственной, он пойдёт до конца и взглянет в глаза собственным демонам.

– Осталось только её отыскать, – печально вздохнул Эглаборг.

Туата повела плечами. За окном занимался рассвет. Как зыбкий сон, туманный морок, она спешила в страну грёз под волшебными холмами.

Целитель перенёс Охотника в спальню и уложил в постель. Нужно было приготовить снадобья, которые бы вернули друга в чувство.

Не успел Эглаборг закончить, как в дверь снова забарабанили. На этот раз одарённый.

Целитель поспешил открыть. На пороге стоял высокий темноволосый мужчина в бело-зелёной форме. Причёска встрёпанная, под глазами круги, в лице ни кровинки.

– Мортимер Стигс! Мне сказали, он тут живёт, – выпалил незнакомец на одном дыхании.

– А вы?..

– О, простите! Ноэль Пареда, помощник вождя Компании «Норн», – он протянул руку для приветствия. – У меня тут, ну... Небольшая проверка, да.

– Ах, это вы, – хлопнул себя по лбу Эглаборг. – Заходите. Правда, он сейчас не в лучшем состоянии.

Ноэль вошёл, внимательно оглядывая обстановку. Целитель вручил ему часть снадобий и повёл наверх.

Увидев Охотника в постели без чувств, Ноэль закатил глаза:

– Ну, вот опять! Обещал же вести себя разумно! Во что он вляпался?

– В Нордхейме проснулся Предвечный Мрак. Мастер Стигс решил загнать его обратно вместе с отрядом людей и туалетов.

– А помощи попросить у него рука отсохнет, – заворчал Ноэль и принялся поить больного водой, пока Эглаборг растирал его согревающими мазями.

– Скажите... это он или не он? Внук Утреннего Всадника, лорд Комри, – не сдержал любопытства целитель. – Он изредка проговаривался и про знаменитого деда, и про проклятый род. Да ещё и вы... Я подумал...

Ладонь мастера Стигса взметнулась и обхватила запястье Ноэля.

Охотник медленно открыл глаза и просипел:

– Лорд Комри умер.

– Ты не находишь, что это стало дурной традицией? – Ноэль щёлкнул его по носу. – Ещё хоть раз такое вытворишь, и я заберу тебя обратно в Дюарль.

Улыбнувшись, мастер Стигс хрипло закашлялся. Мастер Пареда не удержал на лице серьёзную мину и обнял его.

– Глупый ты, глупый, когда уже перестанешь себя переоценивать и поймёшь, что просить о помощи не зазорно?

Эглаборг влез между ними и всучил Охотнику чашку с лечебным отваром.

– Мрак? – выдавил из себя мастер Стигс.

– Туаты, которые доставили вас сюда, сказали, что вы победили, – ответил целитель.

Охотник расслабился и перевёл взгляд на Ноэля.

– Как чувствовал, что ты в беду угодил. Места себе не находил, – ответил тот на незаданный вопрос. – Совсем как в прошлый раз. Хорошо, что твой поход закончился удачно. Ты же напишешь мне обо всём, когда поправишься?

Мастер Стигс дёрнул уголком рта.

– Красивые здесь места, хоть я и мало увидел. Мне уже пора. Впредь веди себя осмотрительно, иначе я исполню свою угрозу, – назидательно выговаривал ему Ноэль на прощание, совсем как старший брат.

– Я присмотрю за ним, – пообещал Эглаборг.

Как только его друг ушёл, мастер Стигс снова уснул, но на этот раз обычным усталым сном без сновидений.

Последнее сражение запомнилось смутно, даже пробуждение дома под уютное ворчание друзей сохранилось в голове лишь зыбким сном.

Отлѣживался Николас ещё несколько дней, а после принялся возвращать себе форму. Эйтайни отказалась говорить, кто спас его в Заледенелом море. Наверняка фоморы. Они всё-таки согласились поддержать общее дело. Ничего, со временем он выведет их на чистую воду.

Харысай сделался совершенно невыносим: выпрыгивал из загона, носился козлами по двору, раскидывал пуки заготовленного для него же сена, ломал забор, лупцуя его ногами.

Он попался на верёвку, когда обглаживал во дворе молодую ёлку. Натянув на длинные уши узду, Охотник укрыл конскую спину толстым одеялом, наверх кинул войлочную подушку и приладил седло. Подпруга пришлась Харысаю не по вкусу. Он недовольно прижимал уши и пихался мордой, пока Николас затягивал её потуже.

Сразу садиться в седло не хотелось. Жеребец, закусив удила, пытался таскать хозяина за собой по всему двору. Нужно дождаться Бельгейна. Пару советов от укротителя зловредных демонов явно не помешают.

Через пару дней тулпар немного успокоился и стал слушать хотя бы то, что говорил Николас. Команды, подаваемые от повода и от давления на бока, доходили туго, хотя в Дюарле встречались и более тяжёлые случаи, справлялся с которыми разве что Ноэль.

К началу второго месяца весны, цветовика, когда стало припекать солнце и растаял снег, из Полночьгорья вернулся отряд. Их перенесли назад гримтурсы. Тягости пути сильно сплотили враждовавшие народы. Вечером в городе устроили большой праздник в честь освободителей. Крепкий эль с охотой наливали как длиннобородым лапийцам, так и остроухим туатам.

Все были очень удивлены и обрадованы, увидев Николаса живым. Даже семьи погибших воинов не держали на него зла и кивали с пониманием.

Погонщики ещё вели табун ненниров по Полночьгорью. У Заледенелого моря оставили нескольких караульщиков на случай, если Мрак снова выползет из Нордхейма. Но пока всё затихло. Пускай мир продлится подольше, хотя бы до конца его жизни, а там разбираться будут другие.

На следующий день Охотник показал тулпара Бельгейну.

– Э, нет, – задумчиво протянул тот. – Я на него не сяду.

– Неужели он хуже ненниров? Шебутной, конечно, но бывают и горячее.

– Не в этом дело. Мои предки ловили и дрессировали ненниров многие века. Я знаю их повадки, любую пакость могу предсказать. Но этот... не конь даже. Он как твой меч. Тебе – верный друг, а другим и за рукоятку взять страшно.

Похоже, его наездником тоже должен быть Безликий. Сейчас скажет: «Отыщи меня, и я решу все проблемы!» Ладно, Николас же справился и с мечом, и даже с книгой. Харысай, к тому же, к нему благоволит и называет хозяином.

– Сесть поможешь? – спросил Охотник.

Бельгейн придержал коня, пока Николас переносил вес на спину Харысаю. Тулпар послушно зашагал вокруг державшего его за верёвку туата.

– Я попробую рысь, – решил Охотник.

Неспешно перебирая ногами, конь перешёл на более быстрый аллюр. Движения лёгкие и гибкие – не трясло даже на скорости. Харысай набирал темп, пока не поскакал галопом. Бельгейн мелодично посвистывал, пытаясь успокоить, но вдруг упал. Верёвка обожгла ему

руки.

– Держись! – запоздало предупредил туат, глядя на тулпара огромными от ужаса глазами.

Тряхнуло вперёд, Николас вывалился коню на шею. Харысай оттолкнулся от земли задними ногами и взмыл в небо, помогая себе невесть откуда взявшимися крыльями.

– Что ты творишь?! – закричал Николас.

– Тебя проверяю, – ехидно ответил жеребец, закладывая крутой вираж.

Едва не сорвавшись, Охотник сполз на конскую спину и обнял ногами его бока. Эх, казалось ведь, хуже Вестфольды уже не будет.

– Прежде, чем покориться, я должен проверить, достоин ли хозяин того, чтобы я носил его на своей спине, – сообщил Харысай.

Лучше бы он проверял Безликого!

– Ты что, прошёл пол Мунгарда, чтобы меня убить?

– Почему сразу убить? Ты же герой! Я это знаю, и ты это знаешь. Поэтому провала быть не может, – воодушевил его тулпар. – Держись крепче, я спускаюсь.

Харысай рухнул к земле так резко, что вышибло дух, в висках застучала кровь. Хорошо, что Николас не забыл надеть рубашку из перьев. Сейчас только она бы спасла его от падения.

Тулпар то поднимался так высоко, что от холода становилось больно дышать, то опускался так низко, что казалось, они разобьются, то поворачивал так круто, что Охотник едва не опрокидывался под лошадиное брюхо.

Прошёл час. Налетавшись вдоволь по безоблачному небу, Харысай опустился на пустынный берег и сложил крылья. Они словно приросли к его вороной шерсти, и теперь никто бы и не поверил в их существование. Николас спрыгнул на землю. Ноги гудели от напряжения.

Харысай широко раздувал тонкие ноздри. Охотник отвязал от узды верёвку и ослабил подпругу.

Прогулявшись по усеянному сосновыми иголками песку вдоль кромки прибоя, они взобрались на высокий утёс. Николас устроился на краю обрыва. Погода стояла тихая и безветренная. Заходящее солнце оставляло на воде жёлто-красную дорожку. Зыбким миражом на горизонте вырисовывался родной остров. Так близко и так недостижимо далеко.

Харысай сел по собачьи на задние ноги и уставился в пустоту.

– Скучаешь по дому? – поинтересовался Охотник.

– Иногда, – тихо ответил тулпар. – Но там не осталось никого, кто был мне дорог. Отец умер, хан Саргал тоже. Теперь ты мой хозяин, а значит мой дом рядом с тобой, хоть он и не похож на тот, где я родился и вырос. Но знаешь, снег – это тот же песок, только мягкий и холодный.

– А ты философ! – Николас усмехнулся и похлопал коня по шее.

===== Глава 44. Око бури =====

1572 г. от заселения Мунгарда, Урсалия, Лапия

Зима пришла в Лапию поздно. Приближался Донайтайд, а снежные сугробы за Урсалией едва доходили до колена. Дни стояли тёплые, ясные и лишь ночью мороз крепчал. Табун ненниров переместился на восточное плато Полночьгорья, совсем рядом с городом. Рыба в поисках лучшей доли ушла далеко от берега на юг. В остальном всё было спокойно.

Даже слишком. Как будто наступило затишье перед бурей.

Дни сделались совсем короткими, а темнело так быстро, что человеческий глаз едва успевал заметить, как закатывалось за горизонт холодное зимнее солнце. Тогда люди укладывали детей спать и рассказывали им чудесные в своей жуткой красоте сказки севера. Огоньки в окнах потухали один за другим, пока тьма не опускалась на город.

Было уже глубоко за полночь. Лишь в одном доме на отшибе горел свет. Дрова тихонько трещали в камине. Возле поленницы валялось несколько скомканных листов бумаги. Николас сидел за столом и сосредоточенно выводил пером один и тот же рисунок. Оценивая работу как неудачную, Охотник кидал её в сторону камина, не заботясь, попадёт ли в огонь. С помощью ветроплава получалась одна дрянь, даже пальцы не отказывались повиноваться и отображать на бумаге то, что хотелось увидеть.

Ладонь уже комкала очередной лист, как вдруг раздался громкий стук. На подоконнике сидел белый почтовый голубь и долбил клювом раму. Николас распахнул ставни, впуская морозный воздух с улицы. К ноге птицы крепился футляр. Охотник снял его и отпустил посланца.

В гостиной показался заспанный целитель. Приоткрыв один глаз, он недовольно покосился на Николаса.

– Снова бессонница? Может, настой красавки или маковое молоко?

Сорвав с футляра сургучную печать Компании «Норн», Охотник вынул и развернул бумагу. Глаза заскользили по строчкам, написанным настолько коряво, будто автор послания научился грамоте только вчера.

– Что с вами? – стоял над душой Эглаборг.

– Хандра. Может, нанять корабль до Леннокса, тайком пробраться домой и хоть одним глазком взглянуть на могилы родных?

– Вас же схватят! Мастер Пареда не одобрит!

После случая с Мраком Эглаборг стал шпионить за хозяином и докладывать обо всём Ноэлю. В ответ друг присылал письма со строгими внушениями. Мол, даже не вздумай рисковать, забудь, занимайся учениками, устраивай личную жизнь. Никаких опасных предприятий! Иногда целитель тоже опускался до угроз. Как будто Охотника связали по рукам и ногам. И кто? Лучшие друзья!

Эглаборг поднял со стола «неудачный» портрет. Казалось, изображённая на нём девочка вот-вот сойдёт с бумаги и устроится возле камина. Целитель перевёл взгляд на раскиданные на полу листы.

– Правда, съездите куда-нибудь, смените обстановку. Не на Авалор, конечно, а, например, в Белоземье.

Охотник успел изучить все его уловки, как свои пять пальцев. Он отложил письмо, забрал у Эглаборга рисунок и оставил его сохнуть на окне.

– Хоть обещание своё исполните. У вас же теперь и свой дом есть, и даже положение в обществе. Отговорок больше не осталось.

– Что я ей предложу? Стать моей вдовой через пару лет и похоронить себя под белыми одеждами? А знаешь, что страшнее? Я приеду и увижу, что она счастлива замужем и не вспоминает обо мне. И для неё это самое правильное.

Николас отвернулся, пряча лихорадочно блестящие глаза.

Эглаборг по-отечески положил руку ему на плечо:

– Гораздо хуже, если она будет вас ждать, а вы так и не приедете.

Или что её забрали Лучезарные, а он не сделал ничего, чтобы это предотвратить.

Охотник вернулся к столу, на котором лежало письмо из Компании.

– Сейчас не получится. Через пару дней прибывает наставник с учениками из Веломовии. Звероуст Финист. Надо будет оценить успехи его подопечных.

– Опять будете злобствовать? – вздохнул целитель.

Этим летом Николаса повысили в звании. Теперь он испытывал чужих учеников. Тягостная обязанность. Что бы ни делали наставники, казалось, что можно устроить всё лучше, что новобранцы не полностью используют свои таланты, а учителя не до конца их понимают.

Он часто задерживал учеников на неделю-другую у себя, чтобы хоть что-то изменить. Потому многие считали его заносчивым щенком, стремившимся доказать свою исключительность.

Охотник тяжело вздохнул:

– Я бы и рад обойтись без этого, но Финист заработал себе настолько дурную репутацию, что мне придётся долго объяснять, почему я так высоко его оценил. К тому же, судя по его собственным отчётам, он то ли недалёкий простак, то ли врёт без зазрения совести.

– Вы с ним обязательно подружитесь, – засмеялся Эглаборг.

– В любом случае, путешествовать лучше ближе к лету. Тогда и демоны меньше лютуют. Разберусь с учениками и возьму отпуск в Компании. Вот прямо сейчас Ноэлю и напишу.

– Завтра. А сейчас вы выпьете настой красавки и пойдёте в кроватку.

– Эглаборг!

Целитель взял с камина накрытую тканью деревянную чашку и всучил её Николасу. Терпкий запах дурманил голову не хуже, чем само зелье. Пришлось выпить, чтобы не слушать всю ночь нотации и нытье.

Горевшие от усталости глаза начали слипаться. Охотник едва добрался до постели и, рухнув на неё животом, заснул в одежде.

Пробуждение вышло не из приятных: смердело тухлятиной, желудок болезненно скручивало. Подавив рвотные позывы, Николас встал, расправил помятую одежду и спустился в гостиную. Там пахло ещё хуже.

– Что стряслось? – всполошился он, открывая дверь на кухню.

В нос ударила такая вонь, что заслезились глаза. Охотник натянул на лицо платок.

– Ты перемудрил с очередным ядом и теперь крысы не просто сдыхают, а разлагаются мгновенно?

– Очень смешно! – прорычал Эглаборг. – Перекупщик из порта, скотина, продал нам тухлую рыбу.

– А зачем ты к нему обращался? Все знают, что он несвежим приторговывает.

Николас принялся открывать настежь все двери и окна, чтобы поскорее выветрить вонь. Хорошо, что зима. В летний зной они бы точно ноги протянули.

– А что вы предлагаете? Рыбаки уже три недели без улова сидят. Только у перекупщика товар остался.

– Чем с такой, лучше вообще без рыбы, – покачал головой Охотник и принялся скидывать разложенную на столе тухлятину в ведро.

– Конечно, учитывая, с каким предубеждением вы к ней относитесь. Между прочим,

рыба очень полезна и входит в состав многих зелий.

– Терпимо я к рыбе отношусь, если не сырой, – отмахнулся Николас. – А вот морских гадов и прочих моллюсков ненавижу. До сих пор с содроганием вспоминаю блюда с Островов Алого Восхода.

– Нежный какой! Не принц даже – бог! Всё бы вам ладу матушки Умай лопать да небесной амброзией запивать.

– По крайней мере, они не воняют. Ладно, схожу на рынок и куплю тебе сушёной трески, раз свежей нет. А заодно потолкую с перекупщиком.

– Идите! А я тут всё вымою, – ворчал Эглаборг, суетясь с мокрой тряпкой.

Надев тёплый кафтан, Николас запахнулся в меховой плащ и выглянул во двор. Уже вовсю светило солнце. Чистое небо сливалось с безмятежным будто выютюженным прачкой морем. Морозный воздух приятно щекотал грудь. Выбросив тухлую рыбу в помойную яму, Охотник направился в город.

Первым делом он завернул в булочную на главной улице. Там уже собралась толпа. Похоже, отсутствие съедобной рыбы плохо сказалось не только на хозяйстве Николаса. Отстояв в длинной очереди, он всё же выцепил себе две свежие буханки ржаного хлеба и сметанную ватрушку на завтрак.

У выхода бургомистр выслушивал доклад помощника Фритьофа.

– Фермеры и охотники уже задирают цены на мясо. Если рыбный промысел не возобновится в ближайшее время, то люди примутся резать скот. А это большие убытки как для каждой семьи, так и для всего города.

– Придётся занимать денег в Гартленде, – хмуро заключил Гарольд.

– Их ростовщики сдерут с нас три шкуры, и голода мы всё равно не избежим, – возразил помощник.

Бургомистр тяжело вздохнул и повернулся к Охотнику. Тот жевал у него за спиной ватрушку.

– Морти, ты-то мне и нужен! – Гарольд хлопнул его по плечу.

Николас поперхнулся, и ватрушка выпала изо рта. Ветроплав подхватил её в фуге от земли и вернул на место – то есть в рот.

– В Урсалийской бухте исчезла рыба. Рыбаки возвращаются с пустыми сетями, на удочку тоже не клюёт. Даже на мелководье мальков не осталось. Не по твоей ли части это происшествие?

– Может, рыба ушла на нерест? – ответил Охотник, дожевывая скудный завтрак. – Там... время года перепутали?

– И холод не почувствовали? – усомнился бургомистр. – Рыба нерестится каждый год, но никогда вся не пропадала. Наверняка это козни демонов!

– Хорошо, я проверю, – уклончиво ответил Николас.

Давненько хотелось потолковать с морскими колдунами-фоморами, но повода не находилось. Сомнительно, что они причастны к исчезновению рыбы, но почему бы не сделать вид, что он настолько же суеверен, как неодарённые?

Мимо шумной стайкой пробегали мальчишки.

– Лейв! – выловил бургомистр младшего сына. – Отнеси матери хлеб, а то дома есть нечего.

Он обернулся к своему темноволосому товарищу и что-то кротко шепнул.

– Эйс! – подозвал туата Николас. Тот разочаровано развёл руками перед другом. –

Держи, один занесёшь ко мне, второй отдашь матери.

Охотник вручил сыну Эйтайни обе буханки хлеба. Мальчишки покривились, водрузили снедь на салазки и потащили их к вересковым холмам.

Гарольд вместе с помощником вернулись в ратушу, а Николас направился на рыночную площадь. Перекупщик быстро отыскался по запаху. Другие лавочники держались от него подальше, чтобы их товар не вонял тухлятиной. Но отчаявшиеся горожане не брезговали даже этой разложенной на снегу мойвой.

– У кого вы закупаете свой негодный товар? – без обиняков спросил Охотник, когда подошла его очередь.

– Не нравится – не берите! Но не смейте наговаривать на мою рыбу! – взвился перекупщик.

– Я здесь по поручению бургомистра. Так что хотите или нет, вам придётся ответить, – осадил его Николас.

– Известно у кого, у капитана «Мейдоголды», – сообщила женщина из очереди. – Он со своими моряками последний видел рыбу в водах Урсалии.

– Проваливайте, если не собираетесь ничего брать! – забранился перекупщик.

С боков у мойвы уже начали отходить чешуйки, местами проглядывала бледно-зелёная плесень. Желудок жалобно заурчал.

Порт обезлюдел. Рыбаки не выходили в море, отчаявшись добыть хоть какой-то улов. Даже торговые суда без дела стояли у причала.

«Мейдоголда» оказалась солидным барком с тремя мачтами. Белые паруса были свёрнуты. На носу красовалась выкрашенная в белый цвет фигура дельфина. Не успел Охотник преодолеть последнюю сотню шагов до судна, как его окликнул мелодичный женский голос.

– Ваше величество, – Николас почтительно склонил голову. – Где это видано, чтобы королева сама ходила в порт за рыбой?

– Для снадобий мне срочно понадобилась северная мерваля. Достать и правильно выбрать ингредиенты, к сожалению, может только ворожея, то есть я.

Эйтайни показала ему садок, в котором извивалась парочка мелких рыбёшек. Их спины переливались красно-голубой чешуёй, а глаза были ясными.

– А говорили, рыба в водах Урсалии перевелась. Не подскажите, у кого её можно купить? Моему целителю тоже позарез нужны ингредиенты для снадобий.

– Боюсь, там ничего не осталось. Рыбы гораздо более чувствительны к капризам природы, чем мы, жители земли, потому и уплыли, – задумчиво ответила туата. – Придётся подождать, пока ненастье не минует нашу бухту.

– Это открыли вам фоморы?

– Морти, не начинай! Фоморы не жаждут общения ни с кем, даже с тобой. Я храню их секрет так же, как твой. Не заставляй меня идти на предательство.

– Я просто хочу поговорить. Беда грозит всем, даже вам!

– Но разбираться с ней тебе придётся самому. Я не желаю становиться между морем и небом, – отрезала Эйтайни и бодро зашагала прочь.

Пожав плечами, Николас направился к «Мейдоголде». Возле неё на табурете сидел высокий мужчина лет двадцати пяти. Он латал рыболовную сеть настолько сосредоточенно, что не замечал даже холода. В зубах был зажат росток водоросли. Когда моряк завязывал на

верёвке узел, то перекачывал тёмно-зелёную нить из одного уголка рта в другой. Такой знакомый, будто они виделись раньше.

– Я бы хотел поговорить с капитаном этого судна, – наконец, заговорил Охотник.

Мужчина медленно поднял голову. В его глазах плескалась морская бирюза, переходящая в тёмно-синий оттенок глубины, будто внутри отражалось сердце океана.

– Ну, я капитан, – его голос походил на грохот прибоя об утёсы. – Моё имя Сайлус. Чем могу служить?

– Люди говорят, вы последним видели рыбу у наших берегов.

– Они, поди, ещё и не такое скажут. В последний раз мой корабль приходил с уловом три недели назад, как остальные суда в этом порту.

Пахло от него даже не рыбой, а солёной, цветущей морской водой, несмотря на то, что повсюду лежал снег.

Николас прошёлся вдоль деревянного борта корабля. Какой гладкий! Даже просмолённых швов между досками не видно, как будто его целиком вырезали из гигантской сосны. Капитан недобро прищурился. Охотник передвинулся ближе к носу, чтобы изучить манившего к себе дельфина.

– Хватит! – рявкнул Сайлус, отталкивая гостя от своей посуды. – Ты же ходячий ураган! Всё разрушаешь, к чему прикасаешься. Если меня в чём-то обвиняют, то пусть ведут к бургомистру. А мою детку оставь в покое!

Ишь, мнительный какой! Кому нужна эта его «детка»?

– Я пытаюсь разобраться, отчего пропала рыба, и был бы признателен за любые сведения, – Николас спрятал руки за спину и заговорил более вежливо.

Сайлус снисходительно ухмыльнулся:

– Тут и дураку ясно. Чуешь, откуда ветер дует?

Облизнув палец, Охотник поднял его в воздух.

– С запада, – уверенно ответил Николас. Западный ветер сеет бури и ураганы, это даже детям известно. – Хотите сказать, что будет шторм?

– Знаешь, как у нас говорят, Небесный Повелитель и Повелитель Вод поссорились. Вот-вот начнётся драка. Потому рыба рванула на юг, подальше от Ока бури. А оно, по моим расчётам, очень близко отсюда, в Поле айсбергов.

– А вам приходилось там бывать? – губы против воли растянулись в ухмылку.

Поле айсбергов соседствовало с Заледенелым морем. Никто кроме фоморов так далеко на север не забирался. Даже говорили об этих водах суеверным шёпотом.

– Может, и приходилось.

– А к северо-западным берегам Авалора вы не подходили? Лет эдак семнадцать назад?

– Ты дурак? Я ж тогда даже двумя руками штурвал удержать не мог, – скривился Сайлус и покрутил пальцем у виска.

Улыбка Николаса становилась шире.

– Не свозите меня в Поле айсбергов? Я хорошо заплачу!

Капитан аж поперхнулся:

– Совсем рехнулся? Нас смоем первой штормовой волной, если до этого не протаранит айсберг. Ищи другого дурака себе в пару.

Сайлус проглотил свисавшую изо рта водоросль и поднялся на борт, захватив с собой табурет.

А не разнести ли эту посудину и проучить наглого демона? Нет, его помощь нужнее.

Заносчивый, конечно, грубиян, но ведь людям вреда пока не причинил.

Николас направился в ратушу.

– Что насчёт рыбы? – спросил Гарольд, как только Охотник показался на пороге его кабинета.

– Напал на след. Что вы знаете про капитана «Мейдоголды»?

– Сайлуса? – бургомистр удивлённо вскинул брови. – Добрый малый. Людей в Норикию иногда возит. Рыбаков часто у нас набирает. Все с удовольствием к нему нанимаются. Говорят, удачлив, как фомор, смел, как саблезубый мелькарис. В порту на своём барке может с закрытыми глазами пришвартоваться. Знает, где рыба косяками ходит, ветер и течение угадать умеет, рифы и скалы сквозь воду видит. Зачем он тебе?

– Сайлус последний приходил с уловом три недели назад. К тому же, эти истории ... Не бывает, чтобы человеку так везло.

– Странно слышать такие речи в Урсалии, да ещё из твоих уст. Что ты предлагаешь? Спалить его на главной площади за ворожбу? Чем мы тогда лучше единоверцев будем?

– Зачем палить? Да и дело тут не в человеческой ворожбе, а даже если и в ней, такие меры рыбу не вернут. Я хочу с ним в море выйти и посмотреть, насколько правдивы слухи.

– А если он к пропаже рыбы не причастен? Мы, главный порт свободной Лапии, беспочвенно обвиним человека в колдовстве? Да соседи нас на смех поднимут. Моряки перестанут заходить в нашу бухту из-за такой славы.

– Доверьтесь моему чутью, – остановил бургомистра Николас до того, как тот успел дойти в своих рассуждениях до начала новой Войны за веру.

– Хотелось бы иметь за душой нечто более весомое, чем твоё чутье, если мне придётся злоупотреблять положением, – мрачно заметил Гарольд. – Ладно, показывай своего капитана.

Николас привёл бургомистра к причалу, где была пришвартована «Мейдоголда». Сайлус сидел на табурете, надвинув на глаза шляпу с широкими полями, и курил трубку. Изо рта кольцами вырывался дым, пахнувший водорослями.

– Мастер Сайлус, из-за сложившейся в городе чрезвычайной ситуации я, властью данной мне жителями славной матушки Урсалии, прошу вас оказать содействие мастеру Мортимеру Стигсу в поисках пропавшей рыбы.

– Мортимер Стигс? Как река мёртвых, что ли? Да ты остряк! – расхохотался капитан из-под шляпы. – Никуда я не повезу этого безумца. Хотите семейное предание потомственных моряков?

Гарольд с Николасом недоумённо переглянулись.

– Так вот, у моего отц... нет, дальнего, ну очень дальнего предка был лучший друг. Даже не друг, а брат. Шebutной, с шилом в причинном месте, больше всех ему надо было. Вот прямо как наш мастер Мёртвый. Пришёл он однажды к моему предку и говорит: «А давай переплывём большую воду, новый мир откроем. Сами его обустроим и хозяевами станем». Бред, да? Безумие! Но вот беда, мой от... тьфу! Предок не мог ответить другу «нет». Потому они поплыли. И приплыли, можно сказать. И что теперь?

– Что? – потерял нить его рассуждений Николас.

– Я застрял в этом захолустье с тобой! – Сайлус обвинительно ткнул в него пальцем. – Но я не мой... предок. И вполне в состоянии ответить тебе своё решительное «нет».

– Так я не понял, открыли они новый мир или нет? – перебил его Гарольд.

– Лучше бы они сидели дома, – развёл руками капитан.

– И медленно там загнивали без возможности расширить свои горизонты и создать нечто новое, – заспорил Николас.

– Я не знаю, о чём вы толкуете, но вынужден настаивать на своей просьбе. Это для общего блага... – пытался Гарольд уговорить строптивного морского волка по-хорошему.

– Если он жаждет утопиться в ледяной воде для общего блага, я не против. Но, пожалуйста, без меня и уж точно без моей детки! – Сайлус сдвинул с глаз шляпу и с нежностью посмотрел на свой корабль. – Он же в Поле айсбергов, в самое Око бури собрался.

– Вы, наверное, не так поняли, правда, мастер Мёртвый? Тьфу! Морти, – со слабой надеждой спросил бургомистр.

– В Поле айсбергов находятся все ответы на интересующие нас вопросы, – ответил Николас невозмутимо.

Гарольд обречённо велел:

– Отвезёте, куда он хочет. Это приказ бургомистра.

Закатив глаза, Сайлус выругался невнятно. Из трубки на снег посыпался пепел.

– Только не на моей детке. К тому же, мы вдвоём с ней не управимся, понадобятся матросы. Я в отличие от некоторых никого на корм кракену или Йормунганду не поташу.

Одoleвало раздражение, но устраивать разборки в порту Николас не решился. Они спустили на воду узкую, как сельдь, плоскодонку. Сайлус забрал со своего корабля длинный шест и кинул его в лодку вместо вёсел. Охотник составил пальцы рамочкой и навёл её на строптивного моряка. Именно такую картину он запомнил с детства.

– Так вы точно разобьётесь! – встревожено воскликнул бургомистр.

– С этой лодчонкой я совладаю, если мы, конечно, в шторм не угодим. Не смотрите, что она неказистая. Просмолена недавно и не течёт, устойчивая просто чудо, – похвалил капитан маленькое судно.

– Уж поверьте, ему не в первой. Главное, с косатками не встречаться, правда, мастер Сайлус? – вызовом подмигнул ему Николас.

Моряк передёрнул плечами и оттянул ворот кафтана. Что, не по нраву тебе киты-убийцы, а, морской колдун?

– С оружием не повезу, таков закон. Оставь меч на «Мейдоголде». Там его никто не тронет. Ни против косаток, ни против шторма он не поможет, – ответил капитан уже куда менее строптиво.

«Зря его слушаешь. А то сшиблись бы! С Повелителем Вод никогда скучно не бывает», – посетовал проклятый клинок.

«Я хочу уладить дело миром», – ответил Охотник, покорно спрятав меч в каюте барка.

Захватив с собой сушёную треску и баклажки с водой, они отчалили. Был уже почти полдень. Подхваченное сильным течением судёнышко понеслось на север, огибая побережье Полночьгорья. Море едва заметно колыхалось, вспениваясь и закручиваясь барашками у самого берега. Ветер совсем стих.

– Такой штиль бывает только перед бурей, – мрачно сообщил Сайлус. – Показал удаль? Может, хватит? Нет тут никакой рыбы. Поехали домой, пока не поздно.

Николас покачал головой, натянул капюшон и туже обвязался шарфом. Капитан медленно погружал шест в воду, но не грёб, а скорее направлял.

Ехать пришлось несколько дней. Для отдыха они останавливались в уединённых гротах,

которые не затапливало во время прилива. На третий сумеречный день впереди показались первые айсберги. Крохотные белые звёзды на тёмной морской глади – они уходили под воду на многие мили, показывая лишь свою ничтожную часть.

Стемнело окончательно. Николас поднялся в полный рост, разглядывая звёздное небо. Вдалеке над Полем айсбергов рваной занавесью, зубастой короной сияла Червоточина. Яркая красная полоса, рядом с ней зелёная. Краски перемешивались, сливаясь в невообразимые оттенки то одного, то другого цвета. И ветер, и море гудели в такт её мерцанию.

– Красотища! – Николас не уставал восхищаться этим зрелищем ещё в Полночьгорье.

– Что тут красивого? В Нордхейме появляется новый демон, – глухо бормотал Сайлус.

Огни погасли, и на море опустилась звенящая тишина.

– Теперь точно будет шторм, – забеспокоился капитан. – И мы в самом его сердце.

– Тебе-то что? – оборвал его Охотник. – Обернёшься кашалотом и заляжешь на дно.

– Достал уже со своими намёками! – оскалился Сайлус.

– А сам-то! – Николас смерил его тяжёлым взглядом. – Ты фомор? Приплыл невесть откуда, родственников нет, дома тоже. На редкость удачлив и ловок. Знаешь, куда уходит рыба и умеешь предсказывать погоду.

– Так может каждый опытный моряк, – капитан сложил руки на груди.

– Но ты выглядишь едва ли старше меня. Хотя... ведь это тебя я спас от косаток, когда был ребёнком? Ты ничуть не изменился с тех пор.

– Ты обозначился. Я такой же человек, как и ты!

– И потом в Заледенелом море это же ты меня спас. Решил отдать долг? Что значили твои слова?

Сайлус плотно стискивал губы, в глазах наливался темнотой шторм.

– Не отпирайся. Никто из людей не заплыл бы в этой лодке так далеко, да ещё и с шестом вместо вёсел. Так куда ты дел рыбу?

– Я же сказал, рыба ушла южнее, чтобы не погибнуть.

– Раз не хочешь отвечать, то верни её.

– Не могу, хоть бей меня, хоть режь, – развёл руками капитан. – У тебя, кстати, оружия нет.

Он качнул лодку в бок и нырнул в воду. Николас едва успел скинуть с себя плащ и взлететь, прежде чем судёнышко перевернулось.

– И он ещё меня упрекает?! – возмутился Сайлус, выныривая и ступая по морю, будто по суше.

– Не всё же тебе одному фокусы показывать, – крикнул Николас, делая круг у него над головой.

– Думаешь, в небе тебя не достать? – капитан широко расставил ноги и взмахнул руками.

Вода, вторя его движениям, всколыхнулась. Поднялась гигантская волна. Её гребень едва не захлестнул Охотника – тот увернулся в последний момент. За первой последовала вторая, ещё более мощная, но Николас сбил её ветроплавом. Брызги проливным дождём накрыли Сайлуса, но тот развёл руками, и вода разлетелась в стороны, не задевая его. Охотник метнул в его грудь ветросгусток. Фомор пошатнулся, но устоял, посылая за Николасом очередную волну.

Стихия разыгралась не на шутку. Такого шторма урсалийцы не наблюдали уже давно.

Как будто сам Повелитель Вод схлестнулся с Небесным Повелителем.

Звёзды испуганно укрылись за чёрными тучами. Поднялся шквал, завыл в кронах заснеженных сосен на берегу, застучал в окна домов. Дворовые собаки забились поглубже в будки. Люди плотнее запахивали ставни, чтобы не слышать жуткого стенания ветра. Метель мела с неистовством чистоплотной хозяйки. Снег валил непроглядной пеленой. Море грозно бурлило и бушевало. Громадные волны бились о берег, желая погрести под собой лодки и жилища.

Николас с Сайлусом кружили друг против друга, забываясь в пылу схватки. Существовал только противник, которого нужно победить во что бы то ни стало. Повод и предлог стёрлись из памяти. Осталась только кипучая, неудержимая ярость, пожаром бушевавшая в сердцах. Снежные вихри сталкивались со штормовыми волнами. Сгущённый воздух бичом хлестал по ним, разнося брызги и грохот на многие мили. Израненное море стонало, и ветер, нёсший равные потери, вторил ему.

Из бездны вынырнул призрачный фрегат. Губчатый капитан Эльма устало поглядел на беснующихся мальчишек, перевернувших море вверх дном. Ручной кракен схватил обоих за шиворот щупальцами, швырнул на палубу и скрылся под водой.

– Полюбуйтесь, голубчики, что вы натворили! – пристыдил их Эльма.

Николас с Сайлусом обескуражено уставились на бушующий шторм.

– Так это и есть Око бури? – поразился Охотник. – Это всё из-за меня? Из-за меня пропала рыба?

– Из-за вас обоих, – Эльма указал на задравшего подбородок Сайлуса. – Всё, что вы делаете, отражается на мире так или иначе. В следующий раз советую быть осмотрительней. Из-за чего хоть драка? Надеюсь, не из-за бабы?

Николас с Сайлусом одновременно поморщились и замотали головами.

– Вот и хорошо. Остальное можно поделить. Пойдём обмоем ваше примирение.

Они с отвращением протянули друг другу руки и нехотя поплелись в каюту. Спорить с Эльмой было бесполезно. Хозяин раскупорил бочонок рома.

– Лучше решать споры за карточным столом, чем устраивать бурю в кружке с ромом, правда, Сальермус? – старик хлопнул по плечу присмирившего моряка.

– А! Так это и есть маленький белый кашалотик! – Николас показал пальцами малька, вспоминая первую встречу с Губчатым капитаном.

Фомор гневно сверкнул глазами:

– Тебя в два счёта проглотить могу! Уже проглатывал. Кстати, на вкус ты ещё более гадкий. Фу!

– Да хватит вам! Расслабься, Сай. Хочешь, расскажу, как он мне палубу драил? – смеясь, предложил Эльма.

Лицо «кашалотика» просветлело.

– Серьёзно? Этот гусь? И как, корона не свалилась? Он же ничего, поди, кроме меча в руках не держал.

– Я, между прочим, неплохо рисую, – возразил Охотник.

– А какой из него картёжник, м-м-м! – подмигнул ему Эльма и, разлив ром по кружкам, полез за игровой колодой. – Партию-две?

– Только не это! – застонали Николас с Сайлусом.

– На добрую память. Сколько мы не виделись: год, два? – настаивал старик, яростно тасуя карты.

– Десять, – подсказал Охотник.

– Как летит время! Тем более, вы обязаны меня уважить!

Гости обречённо переглянулись. Карты бойко застучали по столу. Через несколько часов перед «кашалотиком» и Николасом выросли горы золотых монет. Эльма уронил голову на стол и захрапел. Гости перенесли его в постель.

– Извини мою настырность... – начал Охотник, снимая с камина свою рубашку.

– Пустяки. Я сам подставлялся столько раз... – ответил фомор, закладывая руки за голову. – И спасибо... за тех косаток. У меня с мачехой давняя вражда. Она всё надеется отцовское наследство к рукам прибрать. А мне оно даром не надо. Но она всё равно травит меня своими косатками. Ненавижу! Родственники – это всегда тяжело. Сам знаешь.

Николас припомнил тёмные шрамы на шкуре белого кашалота.

– Поэтому ты обосновался в Урсалии?

– Город тихий, море рядом, гонений нет. Раньше я часто заходил в порт Леннокса на Авалоре, но в последние годы там не безопасно, – печально ответил Сайлус. – Предвестники Мрака запросто могут на медленном огне зажарить.

– А по дому не скучаешь?

– Иногда, – взгляд фомора стал далёким. – Редко. Мне принадлежат все воды мира. Что значит клочок дна по сравнению с этим?

Николас подошёл к окну.

– Светает. Пора возвращаться, а то все решат, что мы утонули.

Сайлус пихнул храпящего Эльму в бок.

– Свистать всех наверх! – затрубил Губчатый капитан спросонья.

– Нам пора, – сказал Николас, выходя на палубу.

– Так быстро? – расстроился старик.

Как жаль расставаться с гостями. За последние пару сотен лет единственным собеседником Эльмы был кракен, а какого веселья можно ждать от осьминога, пусть и исполинских размеров?

– Не скучай, старина. Ещё встретимся, – махнул ему на прощание Сайлус.

– Обязательно! – подтвердил Охотник.

– Не устраивайте больше драк, – снова пристыдил их Эльма.

За бортом кипела рыба. Суетливо толкался планктон, крупные осётры выпрыгивала из воды и резвились в лучах восходящего солнца. Сайлус оттолкнулся от края фальшборта и нырнул в воду. Так глубоко, что не видно.

– Он может дышать под водой? – встревожился Николас после продолжительного ожидания.

– Он может опускаться на дно самых глубоких впадин и ловить там гигантских кальмаров, – усмехнулся старик.

В подтверждение из воды выпрыгнул белый кашалот. С грохотом поднялась туча брызг. Он плюхнулся обратно брюхом кверху, размахивая плавниками. Ещё раз и ещё, вертикально, чтобы зрители оценили его размер и грацию. Аж дух перехватило. Николас захлопал в ладоши.

– Спорим, я успею в Урсалию первым! – крикнул он.

Кашалот погрузился в воду и выпустил в рассветное небо фонтан в знак, что вызов принят. Охотник взмыл в небо, распахнув за спиной крылья. Эльма махал ему и кричал что-то, становясь точкой в бескрайнем просторе. На месте фрегата возник водоворот, захватил

его и потянул обратно в пучину.

– Первый! – крикнул Николас, приземлившись на причал рядом с «Мейдоголкой».

Туманным утром порт ещё пустовал.

– Не надейся! – послышался голос Сайлуса.

Капитан выпрыгнул из моря на палубу. После превращения он остался в одежде, только вода стекала ручьями.

– Тебе не холодно? – глядя на него, Николаса охватывала дрожь.

Хоть рубашка из перьев хорошо согревала, без плаща всё равно становилось зябко.

– Закалённый, – отмахнулся Сайлус и вручил Охотнику меч. – Ты это... выспись сегодня хорошенько. Следующий год будет бурным. Если не отдохнёшь сейчас, больше шанса не выпадет.

Его морские глаза затянуло белой мглой, как у ясновидцев, но она тут же исчезла.

Николас заторопился домой. Не хватало ещё, чтобы Эглаборг затрубил тревогу, что он пропал.

Рыбаки с сетями уже спешили к лодкам, чтобы побыстрее выйти в море и вернуться с богатым уловом.

– Ну и буря вчера была! Такие волны поднимались, чуть берег не затопили. Мастер Гарольд переживал, что вы утонули. У меня самого чуть сердце не стало, – запричитал Эглаборг, как только Охотник показался на пороге.

– У нас есть что-нибудь от похмелья? – хриплым голосом спросил он. – Напомни, когда проснусь, что я ненавижу ром.

Целитель нахмурился и упёр руки в бока. Николас глотнул рассола, добрался до постели и тут же уснул.

Не просыпался он до глубокой ночи. Спал бы и дольше, если бы на карнизе не появился рыжий кот. На белой морде вспыхнули синие глаза. Пройдя сквозь стекло, он забрался на кровать, понюхал выбившуюся из-под одеяла руку и улёгся в месте, где билось сердце. Лизнув небритый подбородок, кот просочился под кожу святящимся шаром.

Всё менялось. Мельница неумоимо вращала колесо истории, поднимая и опрокидывая в реку времени воды жизни и смерти.

Охотник пробуждался – маленькая вилия вновь звала на помощь. Он не знал, сон это или явь, как не знал, что приготовил ему щедрый на сюрпризы год.